

Рәсәй фәндәр академияһы
Өфө ғилми үзәге
Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты

Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы

Башкортостан Республикаһы хөкүмәте
Башкортостан Республикаһы
Фәндәр академияһы

Правительство Республики Башкортостан
Академия наук
Республики Башкортостан

РӘСӘЙ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ
ӨФӨ ҒИЛМИ ҮЗӘГЕ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘЗӘБИӘТ
ИНСТИТУТЫ

БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ
ХӨКҮМӘТЕ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ
ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ

БАШКОРТ ХАЛКЫНЫҢ ТАРИХЫ

ЕТЕ ТОМДА

II ТОМ

ӨФӨ ҒИЛЕМ 2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ II

УФА ГИЛЕМ 2012

УДК 94(470.57)
ББК 63.3(2 Рос. Баш)
И90

Работа подготовлена и издана в рамках Гос(контракта) №1 –
ИБН «Подготовка и издание многотомной “Истории башкирского народа”»

Редакционная коллегия:

Сагитов С.Т., заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан
Акманов И.Г., профессор Башкирского государственного университета, д. и. н.
Алексеев В.В., директор Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, академик РАН
Ананьич Б.В., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, академик РАН
Асфандияров А.З., профессор Башкирского государственного университета, к. и. н.
Аюпов М.А., вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ
Бахтизин Р.Н., президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ
Илишев И.Г., д. пол. н., профессор Башкирского государственного университета
Кульшарипов М.М., заведующий кафедрой Башкирского государственного университета, главный редактор (научный руководитель) издания, д. и. н.
Литвинский Б.А., главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, д. и. н.
Мажитов Н.А., академик АН РБ
Мустафин А.Г., академик АН РБ
Овсянников В.В., заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Петров Ю.А., директор Института российской истории Российской академии наук, д. и. н.
Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей Российской академии наук, д. ф. н.
Псянчин А.В., заместитель директора по научной работе Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, д. г. н.
Пшеничнюк А.Х., старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Рахматулина З.Я., д. филос. н., профессор Башкирского государственного университета
Гумерова Л.С., заместитель премьер-министра правительства Республики Башкортостан, председатель редакционной коллегии
Сахаров А.Н., член-корреспондент РАН
Сулейманова Р.Н., заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, д. и. н.
Тишков В.А., директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, заместитель академика-секретаря ОИФН, академик РАН
Хисамитдинова Ф.Г., директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, заместитель главного редактора (научного руководителя) издания, д. ф. н.
Хисматуллин А.А., начальник Управления по делам архивов Республики Башкортостан
Чубарьян А.О., директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН
Шаммазов А.М., ректор Уфимского государственного нефтяного технического университета, академик АН РБ
Юсупов Р.М., заведующий отделом этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Яблонский Л.Т., заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, д. и. н.

Редакционная коллегия :

С.Г. Кляшторный, В.В. Овсянников, А.В. Псянчин, Ф.Г. Хисамитдинова

Рецензенты:

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, зав. центром политической антропологии
Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН
В.В. Трепавлов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН*

ISBN 978-5-02-037008-1
ISBN 978-5-91608-100-8 (т. 2) (в пер.)

© Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2012
© Издательство «Гилем», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том «Истории башкирского народа» охватывает V— первую половину XVI вв. Здесь рассматриваются политическая, социально-экономическая и культурно-духовная история башкирского этноса (IX — первая половина XVI вв.) и племен края (V—VIII вв.), которые впоследствии участвовали в этногенезе или вошли в состав башкирского народа.

Следует отметить, что хронологическим рубежом между первым и вторым томами «Истории башкирского народа» являются IV—V вв., отражающие эпоху Великого переселения народов на Евразийском пространстве. Эта эпоха оставила большой след в этническом составе и культуре населения всего южно-уральского региона. В результате происходивших в степи сложных миграционных процессов в лесостепные районы Южного Урала вторгаются новые группы тюркских кочевых племен, которые взаимодействуя с местной этнической средой, способствовали существенному обновлению не только этнического состава населения, но и всей этнокультурной и социально-политической ситуации в крае.

В первом разделе тома представлены материалы по истории изучения памятников тюркских кочевников Южного Урала, данные византийских источников о регионе и населении, сведения средневековых авторов о башкирах, а также по письменной культуре тюрков Центральной Азии и Сибири.

В эпоху средневековья особенно ярко просматривается роль Южного Урала как активной контактной зоны. В связи с этим в том был включен специальный раздел «Этнополитическая ситуация в Евразии в период формирования башкирского народа». Здесь представлены материалы по степной империи тюрков, Хазарскому каганату, населению Верхнего и Среднего Прикамья, взаимоотношениям Волжской Булгарии и башкир.

В разделе «Исторический Башкортостан и формирование башкирского народа» представлена этнополитическая, социально-экономическая ситуация в регионе в IV—XVI вв.

Одним из самых драматичных моментов в истории башкирского народа явилась эпоха татаро-монгольского нашествия и последующего вхождения Башкортостана в состав Золотой Орды. Башкирам, войдя в состав крупнейшей кочевой империи, удалось сохранить часть полномочий по управлению собственной территорией. После распада Золотой Орды территория расселения башкир оказалась в пределах различных государственных образований — Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств.

Следует отметить, что важным консолидирующим фактором для башкир явилось принятие в середине XII в. мусульманской религии. Это способствовало знакомству башкир с культурой арабского Востока и широкому распространению письменности на основе арабской графики.

Отдельный раздел посвящен родоплеменной организации башкир, социальной структуре башкирского общества, его внутренней организации. Отметим, что при всей кажущейся консервативности родоплеменная организация сыграла огромную роль в формировании башкирского народа, способствовала сохранению его материальной и духовной культуры, норм этики и морали.

Завершающий раздел тома посвящен духовной культуре, где нашли отражение устное народное творчество, народная музыкальная культура, язык и литература башкирского народа.

Редколлегией тома сохранен стиль изложения авторов всех глав и параграфов. Отдельные оценки и выводы авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Таким образом, второй том подводит итог долгому процессу сложения и ранних этапов истории башкирского народа. Несмотря на насыщенную драматичными поворотами историю Южного Урала, существование в составе крупных кочевых империй, постоянного столкновения с инокультурной средой, именно в эту эпоху шел процесс консолидации башкирского этноса. Произошли заметные сдвиги в социально-экономическом и политическом развитии башкирского общества..

ВВЕДЕНИЕ

Центральной проблемой тома является этногенез, происхождение и ранние этапы истории башкирского народа. Данная проблема является комплексной, поэтому в ее разработке участвовали историки, этнографы, языковеды, антропологи и археологи.

Первоначально в литературе долгое время параллельно существовали две гипотезы происхождения и этногенеза башкир: угро-мадьярская и тюркская. Создателями и первыми последователями угро-мадьярской гипотезы происхождения башкир можно считать И. Страленберга, И. Фишера, А.Л. Шлецера, С. Клапрота, П.И. Шафарика, В.В. Гумбольта и М. Кастрена. Особенно настойчиво о родстве древних венгров и башкир говорили И. Фишер и А.Л. Шлецер. Но в виде законченной концепции эту идею изложил Д.А. Хвольсон. Он пришел к выводу о том, что единство происхождения этнонимов «башкорт» и «мадьяр» свидетельствует о единой древней угорской основе венгерской и башкирской народностей. Концепцию Д.А. Хвольсона поддержали многие историки и антропологи конца XIX в. Эту концепцию поддержали и некоторые венгерские исследователи.

Еще в XVIII в. началось оформление концепции тюркского происхождения башкир, освещенная в трудах В.Н. Татищева и П.И. Рычкова. Эта же концепция была поддержана Н.М. Малиевым, В.М. Флоринским, В.В. Вельяминовым-Зерновым, Д. Европеусом, В.А. Новиковым, А.П. Богдановым и В.Н. Витевским. В конечном итоге утвердилась гипотеза тюркского происхождения башкир, которая в то же время допускает участие в этногенезе башкир финно-угорского компонента. Значительный вклад в развитие тюркской концепции этногенеза башкир внесли работы Н.А. Аристова и Д.Н. Соколова. Последний изучил башкирские

тамги и тем самым обосновал связь башкирского этноса с древними тюрками, проникшими на Южный Урал еще до новой эры. Представители национальной башкирской историографии конца XIX — начала XX в. М. Хади, Р. Фахретдинов, Ж. Валидов, Х. Атласов, Г. Шараф, З. Надиев, С. Мирасов защищали концепцию исключительно тюркского происхождения башкир.

Глубокий след в изучении башкирского народа оставил С.И. Руденко. Сергей Иванович был одним из основоположников палеоантропологической школы в отечественной науке. Это направление рассматривало палеоэтнологию как составную часть синтетической науки о Человеке, неразрывно связанную с этнографией и физической антропологией [Платонова, 2010. С. 178]. Традиционным для этого направления являлось также повышенное внимание к географической среде обитания человека [там же]. С именем С.И. Руденко связана целая эпоха в деятельности отечественной антропологии, археологии, этнографии и музееведения. В 20-е годы XX в. С.И. Руденко занимал ряд руководящих постов в научных учреждениях Ленинграда, что позволило ему организовать вокруг себя группу талантливых учеников и последователей [Платонова, 2010. С. 182].

С.И. Руденко выступил энтузиастом идеи создания «региональных монографий». Он ввел в практику заключение договоров с республиканскими правительствами на комплексное изучение регионов. В частности, заключая подобное соглашение с Башкирской республикой, С.И. Руденко предполагал провести не только антропологические, но и археологические, этнографические и лингвистические исследования. Его привлекала конечная задача комплексного исследования Башкортостана и его естественно-исторического районирования [там же].

Интерес С.И. Руденко к Башкирии был неслучаен. С детства Сергей Иванович был связан с Уралом. Его интерес к истории и культуре башкир возник еще в юности. Будучи студентом С.И. Руденко в 1906–1907 гг. по заданию Этнографического отдела Русского музея успешно осуществил сбор этнографических материалов, составивших основу башкирской коллекции музея. В 1912–1913 гг. по заданию этого же музея и Русского географического общества С.И. Руденко, теперь уже магистр Петербургского университета, совершил поездки в Башкортостан с целью антропологического изучения его коренного населения. Результаты этих исследований и составили основу его монографии о физическом типе башкир [Руденко, 1916].

Это исследование С.И. Руденко отличалось фундаментальностью, массовостью антропологического материала, собранного равномерно по всей территории расселения башкир. В своей работе автор критически осмыслил выводы своих предшественников, отметил наличие среди башкир локальных антропологических вариантов и показал недостаточность отнесения их лишь к двум типам: лесному и степному. Им была дана общая характеристика башкирского населения, а затем были выделены районы, существенно различающиеся по типу населяющих их башкир [Руденко, 1916. С. 267–276].

В конце 20-х годов по мере развертывания работ Башкирской экспедиции под руководством С.И. Руденко начинает раскручиваться так называемое «академическое» дело. В ходе работы экспедиции было зафиксировано ухудшение жизни населения в годы советской власти. В своих рекомендациях правительству Башреспублики С.И. Руденко обращал внимание властей на внутренние процессы, возникающие на почве экономических факторов и взаимоотношений, отмечал перспективность развития крупного хуторского хозяйства. Эти данные шли в разрез с политикой сталинского режима. 5 августа 1930 г. в Уфе С.И. Руденко был арестован [Платонова, 2010. С. 183]. Так были прерваны первые в регионе комплексные палеоэтнологические исследования.

Только в 1955 г. была опубликована книга С.И. Руденко «Башкиры» — одна из немногих работ в России, которая по праву считается классическим образцом описания истории её народов. К главным результатам изысканий С.И. Руденко Н.В. Бикбулатов относит «обоснование решающей роли в башкирском этногенезе кочевнических тюркских племен». С.И. Руденко указывал на незначительную роль в формировании физического типа башкир

окужающих в основном тюркских народов: казахов и татар; им практически исключался угорский компонент из расогенеза башкир. Он рассматривал исходным в происхождении физического типа башкир древнее население Южного Урала. Так, С.И. Руденко связывал древних башкир с фиссагетами и иирками — полуполегендарными народами, упоминавшимися в «Истории» Геродота [Руденко, 1955. С. 351]. Разнообразие антропологического типа башкир достигнуто, по его мнению, более поздними контактами с окружающими народами.

В отличие от С.И. Руденко Р.Г. Кузеев не разделял точку зрения об автохтонном происхождении башкир. Решающее значение в этнических процессах эпохи древности и средневековья он придавал миграционному фактору. Р.Г. Кузеев отмечал, что часть иранских, финно-угорских и тюркских этнических групп, обитавших на территории Башкирии с древнейших времен до конца I тыс. н. э., «вошла в состав племен, положивших начало башкирскому этносу» [Кузеев, 1974. С. 24–25].

В ряде работ он выделил шесть этапов в историческом процессе формирования башкирской народности. На первом этапе (с середины I тыс. н. э. до рубежа VIII–IX вв.), по его мнению, складывается союз древнебашкирских племен на территории Приаралья в печенежской этнической среде. Это были племена усерган, бурзян, байлар, сураш, тангаур, ягалбай, тамьян, ун, бишул, кудей. Первый этап этнической истории башкир, таким образом, протекал вне территории современной Башкирии.

Второй этап (IX–X вв.) был узловым периодом в становлении башкирского этноса. В этот период происходит миграция древнебашкирских племен в Приуралье и их взаимодействие с булгаро-магьярскими и испытавшими сармато-аланское воздействие финно-угорскими племенами.

В результате их взаимодействия с местным населением сформировалась новая этническая общность — «древнебашкирский этнос» по терминологии Р.Г. Кузеева. Это было многоплеменное образование под общим названием, «внутри которого шел процесс этнической интеграции в направлении тюркизации всего объединения и формирования некоторых этнических признаков, характерных для современной башкирской народности» [Кузеев, 1974. С. 90].

Третий этап (XI — начало XIII вв.) характеризуется дальнейшей консолидацией компонентов древнебашкирского этноса при сохранении ведущей культурно-языковой роли пришлых тюркоязычных кочевников.

На четвертом этапе (XIII–XIV вв.) происходит миграция в Башкирию кыпчакских и кыпчакизированных племен, которая окончательно предопределяет культурное и языковое развитие древнебашкирского этноса в направлении к формам, характерным для современного этнического облика башкирского народа.

«Кыпчакская миграция» — это условное понятие, которое не исчерпывается собственно кыпчаками. Имеется в виду, что мигранты пришли в край из Дешт-и Кыпчака [Кузеев, 1974. С. 464].

Р.Г. Кузеев показывает масштабность «кыпчакской» миграции на территорию Башкортостана: «Кыпчакский компонент (собственно кыпчакский, табынский, катыйский, минский) охватил всю территорию расселения башкир, а кыпчакские родоплеменные названия стали составлять около 35% в общей родоплеменной этнонимии башкирского этноса» [Кузеев, 1994. С. 57]. В настоящее время только одни башкиры-кыпсаки расселены в 242 населенных пунктах Урала и Юго-Западного Приуралья [Камалов, 1994. С. 217]. Кыпчаки оставили многочисленные следы в топонимии Башкирии [Усманова, 1992. С. 89–90; *Следы этнонима кыпсак...*, 2005. С. 123], что свидетельствует об их непосредственном пребывании здесь. Сведения о переселении кыпчаков из оренбургских степей в Башкирию сохранились и в башкирских преданиях [Ахметшин, 2008. С. 110].

На пятом этапе (XV–XVI вв.) сложились все предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир. Добровольное присоединение башкирских племен к России и их объединение в составе единого государства знаменовали собой завершение этнической консолидации башкирского народа.

На этом этапе происходит также ногайское движение в Башкирию. Его Р.Г. Кузеев рассматривал как продолжение миграции кыпчакских племен предшествующего периода [Кузеев, 1974. С. 486]. Ногайские группы явились одним из компонентов башкирской народности [Кузеев, 1974. С. 487]. В.В. Трепавлов ногайский период в истории Башкирии рассматривает как вторую волну кыпчакской миграции (после первого притока XIII–XIV вв., вызванного монгольским нашествием) [Трепавлов, 1997. С. 5].

Шестой этап XVII–XIX вв. в указанных работах специально не рассматривается и заслуживает специального изучения [Кузеев, 1973. С. 58–60; Он же, 1974. С. 507–510; Он же, 1978. С. 178–182].

Развивая концепцию тюркского происхождения башкир, Р.Г. Кузеев одновременно отмечал значи-

тельную роль угорского компонента. По его работам можно выделить три основных этапа башкиро-угорского взаимодействия. Первый этап был связан с историей древнебашкирских племен до их прихода в Волго-Уральский регион, которая «протекала в тесном контакте и при этническом смешении с тюркскими, сако-массагетскими, сармато-аланскими и угорскими племенами Приаралья и присырдарьинских степей» [Кузеев, 1978. С. 178]. Здесь «во второй половине I тыс. н. э. произошло смешение части угров в тюркской среде, в частности в составе предков башкир» [Кузеев, 1974. С. 204].

Второй этап был связан с взаимодействием башкир и мадьяр на Южном Урале. При его оценке Р.Г. Кузеев исходил из положения, что к моменту миграции древнебашкирских племен в Волго-Уральский регион «основной части мадьярского союза здесь уже не было» [Кузеев, 1974. С. 438]. Такое положение в какой-то мере опиралось на мнение Б.А. Серебренникова, который, констатируя факт отсутствия сколько-нибудь ощутимых следов влияния венгерского языка на башкирский [Серебренников, 1963. С. 10], видел в нем свидетельство того, «что контакты предков венгров с башкирами не были никогда сколько-нибудь длительными и устойчивыми» [там же. С. 12]. Отсюда вывод о том, что «непосредственное соседство предков венгров и башкир весьма сомнительно. Основные массы венгров ушли из Приуралья раньше появления в этих местах башкир» [там же. С. 22].

Башкиры, по-видимому, все-таки сталкивались на Южном Урале с мадьярами. Наиболее вероятно, что именно башкиры вытеснили мадьяр за Волгу. «Среди башкир юго-восточной и северо-восточной Башкирии широко распространены предания, согласно которым на заре истории башкир произошла их борьба с остяками (мадьярами), в результате которой последние покинули Южный Урал» [Очерки по истории..., 1956. С. 33]. Однако такое столкновение, конечно, не способствовало этнокультурным контактам башкир с мадьярами. М.И. Артамонов констатирует, что «никаких сведений о мадьярах-венграх в Причерноморье ранее IX в. нет» [Артамонов, 2001. С. 458]. Из этих же данных исходил Р.Г. Кузеев, который отвергал гипотезу о проживании венгров в V–VIII вв. на Северном Кавказе. Гипотеза «кубанской прародины» венгров подверглась критике и в зарубежной историографии [Кузеев, 1974. С. 403–404]. Значит, башкиры еще могли застать мадьяр на Южном Урале.

Р.Г. Кузеев выделил булгаро-мадьярский компонент древнебашкирского этноса, сформировавшийся в этнической среде булгарских и угорских

племен, к которому восходят «следующие родоплеменные образования: племена юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, буляр, танып; роды в составе западных табынцев — кесе, кальсер, юмран (юрман); род мишар в составе племени юрматы; родовые подразделения в составе разных племен — нагман, юламан, имес» [Кузеев, 1974. С. 416]. Область расселения булгаро-мадьярских племен Р.Г. Кузеев помещает на западе современной Башкирии, в непосредственном соседстве с булгарами [Кузеев, 1974. С. 525–526]. Башкирские родоплеменные образования с названиями угорского происхождения «расселены в основном в западной Башкирии, но отдельные группы встречаются и в восточной», хотя там они оказались позднее [Кузеев, 1974. С. 424].

Ряд авторов (Р.З. Янгузин, Д.Ж. Валеев, Н.А. Мажитов) не согласились с предложенной Р.Г. Кузеевым периодизацией этногенетической истории башкир. По их мнению, время окончательного сложения башкирской народности относится к домонгольскому периоду (XII–XIII вв.). Они же отстаивали автохтонность происхождения башкир, считая Южный Урал их исторической родиной [Валеев, 1995. С. 16]. Также необходимо подчеркнуть, что Р.Г. Кузеев не в достаточной мере использовал башкирский фольклор, в частности эпическое произведение «Урал-батыр» и другие выдающиеся памятники устного народного творчества, которые географически своим происхождением тесно связаны именно с Южным Уралом. К тому же им слишком преувеличена роль кипчаков в формировании башкирского этноса. Скорее следует говорить о «башкиризации» кипчаков, нежели «кипчакизации» башкир. В противном случае не сохранился бы на Южном Урале этноним «башкорт». Следует учесть и то, что кипчаки не потеряли свою этническую идентичность, растворившись среди башкир (родоплеменные подразделения кара-кипчак, карагай-кипчак, сенкем-кипчак и т.д.).

Таким образом, в XX в. в этнографической литературе преобладала точка зрения, согласно которой в происхождении башкир, формировании их этнокультурного облика решающую роль сыграли тюркские племена при участии в определенной мере финно-угорского и сармато-аланского (древнеиранского) компонентов. Эта концепция нашла отражение в трудах С.И. Руденко, Р.Г. Кузеева, Н.К. Дмитриева, Дж. Киекбаева и других исследователей. Она подтверждается и антропологическими материалами. Большой вклад в процесс изучения этногенеза башкирского народа внесла М.С. Акимов. Исследовательница в своих работах впервые выделила в составе башкир четыре антро-

пологических типа: понтийский, южносибирский, светлый европеоидный и субуральский.

Темный европеоидный, или понтийский, тип, встречающийся у юго-восточных и юго-западных башкир, по мнению М.С. Акимовой, своим происхождением связан с древнейшим населением региона. Этот тип фиксируется уже на материалах неолита (погребение из Давлеканово), а через эпоху бронзы (андроновская культура) и раннего железа (сарматские памятники) может быть связан с эпохой средневековья.

Происхождение светлого европеоидного и субуральского типов, характерных для северо-западных башкир, М.С. Акимова связывала с древним населением Приуралья, оставившим памятники пьяноборской культуры.

По мнению М.С. Акимовой, с носителями этих типов в эпоху средневековья вступили в контакт древние башкиры, и с этого момента расогенетический процесс начал развиваться в направлении образования южносибирского типа, характерного для тюркоязычных кочевников [Акимова, 1974. С. 92–95]. В то же время автор отмечала о значительных отличиях башкир от окружающих тюркоязычных народов (татар и казахов), что говорит о минимальной роли этих народов в этногенезе башкир.

В 70-е годы XX в. Р.М. Юсуповым было организовано систематическое изучение башкирских кладбищ. В результате, был получен уникальный и значительный (около 400 черепов) краниологический материал XVIII – начала XX вв., этническая принадлежность которого не вызывала сомнений. По своей локализации краниологические серии относились почти ко всем этнографическим группам башкир. Эти коллекции дали возможность связать антропологические данные, полученные в ходе измерения живых людей, с краниологическими материалами из археологических раскопок. Это позволило не только дать краниологическую характеристику народа в целом, но и получить четкую картину взаимосвязей физического типа башкир и соседних финно-угорских и тюркских народов [Юсупов, 2011. С. 88].

В материальной культуре, языке современных башкир, топонимии края этнографы и языковеды фиксируют как финно-угорские, так и индоиранские элементы, наряду с общетюркскими. Следует отметить, что ареалы распространения финно-угорских топонимов совпадают с ареалом уральской расы, а индоиранских — с понтийским типом. Это еще раз указывает на многокомпонентность антропологического состава, древность и сложность

этнической истории башкир [Руденко, 1955; Кузеев, 1974, 1992; Бикбулатов и др., 2002].

В письменных источниках, в частности, в записках путешественников и миссионеров IX–XIII вв. Саляма-ат-Тарджумана, Масуди, Истахри, Ибн-Русте, Ибн-Фадлана, Рубрука, Идриси и др., башкиры упоминаются на Южном Урале как древний тюркоязычный народ, очень воинственный, имеющий свое войско и предводителей. Это позволяет предположить, что еще в середине IX в. существовало военно-политическое объединение тюркоязычных племен под предводительством вождя Башкирда или Башкирта. По имени вождя его соплеменники, по мнению Н.В. Бикбулатова, стали называться *башгурдами* или *башкиртами* [Илиметов, 1969, 1971; Бикбулатов, 1987, 1995]. Видимо, впоследствии сформировалась этническая общность *башкорт*, которая в период Золотой Орды и даже ранее, судя по географической карте, составленной в 1153 г. арабским географом ал-Идриси, фигурирует как тюркоязычный народ, живущий на Южном Урале и имеющий несколько укрепленных городов (Масра, Басра и др.) [Рыбаков, 1952; Мажитов, Султанова, 1994]. Антропоним *Башкорт/Башкурт* состоит из двух частей: «баш» — «главный» и «курд», «гурд» — «волк» из тюрко-огузских языков, является отголоском древнейшего в кочевом мире культа волка. В русских летописях XII в. упоминается один из половецких ханов по имени Башкорт [Филоненко, 1913]. Возможно, он имел какое-то отношение к башкирам.

Учитывая высокоразвитый культ животных и птиц древнейших ираноязычных кочевых племен Южного Урала и Средней Азии, этноним «*башкурд*» — «главный волк» (тюрк.) можно вывести из ираноязычной основы «*бачагург*» — «потомок, родственник волков», где «*бача*» — «потомок», «*гург*» — «волк» (иран.). В этом случае можно говорить, что в сако-массагетском мире, кроме племен псов (саг — собака, пес; иран.), были племена волков (*гуог* — волк; иран), дальними потомками которых, возможно, являются современные башкиры. Следует подчеркнуть, что башкиры сохранили не только древний этноним *бачагург* в тюркизированной форме *башкурт*, но и антропологический тип своих предков эпохи раннего железа — понтийский антропологический тип, широко распространенный среди горно-лесных и юго-восточных башкир.

Другое название башкир — «*иштек*» («истэк»), по предположению венгерского ученого А. Рона-Таша, также было антропонимом, именем одного из родоплеменных вождей башкир [Рона-Таш, 1987, с. 45–58]. Возможно, «*иштек*» является отголоском

древнейших связей башкир с родоплеменными объединениями огузов, предков современных туркмен относящихся еще к IX–XI вв. Название «*иштек*», закрепившееся за частью башкир, может указывать на то, что их предки имели брачные связи с древними родами огузов — текинцами.

Не исключено также, что «*иштек*» может быть тюркизированной формой еще более древнего этнонима «*хешдек*», который переводится с иранского как «родственник» или «потомок» дахов или даев (хеш — родственник; иран.). В этом случае башкирские иштеки могут определяться как родственники дахов — одного из племен сако-массагетского мира, занимавших в эпоху раннего железа бассейн р. Яик (название реки переводится с иранского как «река дахов / даев или «река великих»; *day, dah* — великий).

Таким образом, в работах этнографов, антропологов и языковедов к концу XX в. преобладающей стала концепция, согласно которой тюркоязычные предки башкир, пришедшие на Южный Урал, частью вытеснили, частью ассимилировали древнее финно-угорское и иранское население, вступили в контакт с камско-волжскими болгарами, оседлыми племенами Урало-Поволжья и Западной Сибири, образовав этническое ядро башкирского народа.

На основе археологических материалов наиболее последовательная концепция этногенеза башкир в ряде работ была сформулирована Н.А. Мажитовым [Мажитов, 1971; Мажитов, 1977. С. 160–187; Мажитов, Султанова, 1994; Мажитов, Султанова, 2009]. Наиболее ранний или древнейший этап этногенеза башкир Н.А. Мажитов, вслед за С.И. Руденко, относит к эпохе до нашей эры, связывая его с легендарными иирками, исседонами и фиссагетами, упоминаемыми Геродотом [Мажитов, 1971. С. 12–13; Мажитов, Султанова, 2009. С. 107–125].

Далее носителей археологических культур V–VIII вв., по мнению Н.А. Мажитова, следует считать ближайшими предками башкир или «прабашкирами» [Мажитов, Султанова, 2009. С. 226]. В первую очередь это касается носителей турбаслинской культуры. Н.А. Мажитов считает их тюркоязычными выходцами из раннекочевнической среды саков-усуней [Мажитов, 1977. С. 178]. В поздних работах Н.А. Мажитов связывает происхождение носителей турбаслинской культуры с джеты-асарскими древностями и территорией государства Кангюй [Мажитов, Султанова, 2009. С. 148]. Они же, по мнению авторов, являются основателями городища Уфа II (на территории г. Уфы). Этот памятник Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова называют городом «Баш-

корт», который известен по географическим картам эпохи позднего средневековья.

Население, оставившее бахмутинскую культуру, является продолжателем традиций местного финно-угорского населения, ассимилированного впоследствии тюркоязычными башкирами.

Этот же период связан с появлением населения западносибирского происхождения, связываемого с памятниками кушнаренковского и караякуповского типов [Мажитов, Султанова, 2009. С. 152].

Период IX–X вв. Н.А. Мажитов связывает непосредственно с историческими башкирами. В этот период наряду с эволюционным развитием предшествующих культур автор отмечает появление нового населения из Средней Азии и Южной Сибири, что связано с экспансией арабов и кипчако-кимакских племен [Мажитов, Султанова. С. 227]. При этом потомки турбаслинского и кушнаренковского населения вошли в состав формирующегося башкирского народа [Мажитов, Султанова, 2009. С. 224–225].

В рамках последующего периода X–XV вв. в своих ранних исследованиях Н.А. Мажитов выделяет памятники мрясимовского типа, которые продолжают традиции кушнаренковско-караякуповских памятников [Мажитов, 1977. С. 183] и памятники башкир-беркутовского типа, представленные курганами XIII–XIV вв. степной зоны Башкортостана [Мажитов, 1977. С. 112]. В более поздних работах автор рассматривает все археологические памятники X–XV вв. как относящиеся к башкирам [Мажитов, Султанова, 2009].

В целом периодизация этнокультурного развития региона, предложенная Н.А. Мажитовым, была поддержана большинством исследователей. В основном это касается выделения типов памятников и их хронологии. Тогда как этническая характеристика археологических культур раннего средневековья Южного Урала, высказанная Н.А. Мажитовым, вызвала ряд возражений.

В первую очередь это касается времени появления тюрков на Южном Урале в период до нашей эры. Как отметил А.П. Смирнов, «это не подтверждается ни историческими, ни археологическими фактами» [Смирнов, 1971]. А.Х. Халиков, присоединяясь к мнению А.П. Смирнова, связывает появление тюрков в Волго-Уральском регионе только с миграцией гуннов, когда здесь происходят крупные изменения в этнокультурной среде [Халиков, 1971].

Определение носителей турбаслинской культуры, как тюркоязычного населения, сделанного Н.А. Мажитовым, также не нашло поддержки среди коллег (А.П. Смирнов, Г.И. Матвеева, С.М. Васюткин). В монографическом исследовании Ф.А. Сун-

гатова подробно, на основе статистическо-комбинаторной методики рассмотрено происхождение погребальных памятников турбаслинской культуры. Наибольшую близость эти комплексы показали с одной стороны с памятниками гуннского времени Волго-Донского междуречья, с другой стороны с позднесарматскими памятниками Приуралья. На этом основании автор делает вывод о принадлежности погребальных памятников турбаслинского типа сарматскому населению, побывавшему в составе гуннского союза племен [Сунгатов, 1998. С. 99–112].

В рамках данного хронологического этапа в последнее время в литературе горячо обсуждается проблема, связанная с отождествлением городища Уфа II с известным по позднесредневековым картам городом «Башкорт». В связи с большим общественным резонансом данная проблема обросла большим количеством публикаций околонуточного и публицистического характера. Поэтому для объективности мы обратимся непосредственно к материалам самого памятника, оперативно опубликованных авторами раскопок [Городище Уфа-II, 2007; Городище Уфа-II, 2009; Городище Уфа-II, 2009а; Городище Уфа-II, 2011]. За четыре полевых сезона на памятнике исследовано 1544 кв.м. На сегодняшний момент городище является наиболее исследованным поселенческим памятником Башкортостана. На остальных синхронных объектах проводились, как правило, лишь разведочные исследования. Поэтому ряд ярких открытий на городище Уфа II обусловлен самим фактом масштабных исследований на памятнике. Мощные культурные отложения (более 3 м), хотя и являются редким явлением для поселенческих памятников Южного Урала, но не представляют уникального явления. При исследовании Биктимировского городища выявлен культурный слой мощностью 2,4 м, при раскопках Охлебининского II городища – 1,6 м, на городище Кара-Абыз – 2,1 м.

В публикациях раскопок городища Уфа II хорошо показано, что большую часть находок составляют материалы V–VII вв., относящиеся к бахмутинской и турбаслинской культурам. К этому же периоду относятся все жилищные комплексы и деревянные мостовые, что нашло отражение в публикациях авторов [Городище Уфа-II, 2007. С. 46; Городище Уфа-II, 2009. С. 60; Городище Уфа-II, 2009а. с. 128; Городище Уфа-II, 2011. С. 57]. На порядок ниже встречаемость в слое памятника материалов кушнаренковско-караякуповского типа, относимых к VII–IX вв. Это неудивительно, так как для данного типа памятников характерны поселения

с небольшим и слабонасыщенным находками культурным слоем (Кара-якуповское, Таптыковское, Старо-Калмашевское городища). Более поздний период (XII–XIV вв.) представлен лишь единичными находками. Материалы XV–XVI вв. отсутствуют вовсе. Таким образом, наиболее активная жизнедеятельность проходила в период V–VII вв. В остальные периоды площадка городища использовалась эпизодически. Поэтому вести дискуссию об отождествлении городища Уфа II и города «Башкорт», строго говоря, бессмысленно за отсутствием факта существования равнозначных данных.

Интересным, с точки зрения происхождения башкирского народа, выглядит высказывание В.А. Могильникова о вовлеченности части кочевых угорских племен в процесс формирования ранних тюркских государств. В качестве примера автор приводит Бобровский могильник, расположенный в Павлодарском Прииртышье, на стыке лесостепной и степной зон. В погребальном обряде этого некрополя прослеживаются как угорские черты (керамика, близкая по типу кушнаренковской), так и тюркские (захоронение коней, сочетание ингумации и кремации). По мнению В.А. Могильникова, этот памятник отражает процесс тюркизации части угорских племен, начавшийся еще в VI–VII вв. [Могильников, 1971. С. 155–156]. Исходя из этого автор предполагает, что к моменту прихода на Южный Урал кушнаренковская и караякуповская группы могли быть смешанными по составу тюрко-угорскими либо угорским населением, до определенной степени тюркизированным.

Вопросу об этническом определении кушнаренковско-караякуповских памятников сопутствует также башкиро-мадьярская проблема. Е.А. Халикова в ряде работ сформулировала концепцию о существовании общего субстрата в формировании раннеболгарской культуры на Волге и раннесредневекового населения Южного Урала. На основе анализа погребального обряда, автор высказала мнение об угорской (мадьярской) принадлежности ряда памятников Волжской Болгарии и Башкирского Приуралья. Таким образом, памятники кушнаренковского-караякуповского типа в Приуралье, датируемые VII–IX вв., трактуются ею как оставленные венграми и родственным им населением, а памятники в Среднем Поволжье типа Больше-Тиганского могильника – как принадлежавшие венграм, оставшимся после ухода основной мадьярской орды. Соответственно легендарная *Hungaria Magna* по Е.А. Халиковой располагалась в Башкирском Приуралье в VIII–IX вв. [Халикова, 1971; Халикова, 1975; Халикова 1976].

Определение памятников мрясимовского типа, выделенных Н.А. Мажитовым как имеющих непосредственное отношение к тюркам и конкретно к башкирам, не вызвало возражений большинства исследователей. Однако, как показали исследования 70–80-х годов XX в. мрясимовский тип памятников является лишь частью более крупной культуры, занимавшей всю лесостепную зону Башкортостана по обе стороны Урала и часть восточных районов Татарстана. На основе этих материалов Е.П. Казаковым были выделены постпетрогромская и чияликская культуры [Казаков, 2007]. Г.Н. Гарустович объединяет эти две родственные группы памятников в одну единую культуру, относящуюся к предкам современных башкир.

По поводу этих памятников В.А. Могильниковым было сделано замечание, что эти курганы, несмотря на наличие тюркского элемента, демонстрируют значительную связь с лесным финно-угорским населением Западной Сибири [Могильников, 1971].

В отличие от лесостепных, степные памятники башкир практически не систематизированы. В монографическом исследовании Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова [2001] выделена заволжско-приуральская группа печенежских курганных могильников, в составе которых в X–XI вв. находилась часть древних башкирских племен. Однако как отметили авторы, археологическую культуру степных башкир, в силу их тесного этнокультурного родства с печенегами, выделить пока трудно [Гарустович, Иванов, 2001. С. 124].

Несколько ранее В.А. Иванов отметил ряд памятников (Житамакские (Зетимбек), Сынтыштамакские курганы, Охлебининский и Шах-тау могильники, курганы у пос. Комсомол) на границе степной и лесостепной зон Башкирского Приуралья как сохранивших отдельные элементы печенежского погребального обряда, несмотря на то, что хронологически их можно отнести к кипчакскому периоду [Кузеев, Иванов, 1986. С. 14–15].

Выделение Н.А. Мажитовым на материалах степной зоны Приуралья башкиро-беркутовского типа памятников, вызвало возражения со стороны В.А. Иванова и В.А. Кригера [1988]. Основная часть этих памятников была включена в более обширную группу курганов Южного Приуралья XII–XIV вв. Этническая принадлежность этих памятников определена, как кипчакская [Иванов, Кригер, 1988. С. 55–69]. К этой же группе близки и памятники XII–XIV вв., расположенные в Южном Зауралье [Древняя история... 2000. С. 366–430].

Г.Н. Гарустович обратил внимание на сложившийся дисбаланс в изучении памятников Башкортостана эпохи Золотой Орды [Гарустович, 2012]. По представлениям Р.Г. Кузеева, в домонгольский период происходит массовая кипчакизация лесостепной зоны Приуралья [Кузеев, 1974. С. 453–457, 463–464]. В.А. Иванов говорит о «местных финно-угорских, болгаро-мадьярских и ираноязычных группах», которые растворились в башкирской этнической среде в эпоху Золотой Орды [Гарустович, 2012. С. 12]. При этом эти рассуждения никак не учитывают и более того идут вразрез с имеющимся археологическим материалом.

Кипчакские курганы, что собственно показано в работе В.А. Иванова и В.А. Кригера [1988], распространены только в степной зоне Южного Башкортостана, в лесостепной зоне они не известны. Кем же был занят Центральный Башкортостан в золотоордынский период? Г.Н. Гарустович называет лишь

два памятника, введенных в научный оборот: Сынтыш-Тамакские курганы и погребение у д. Удрякбаш. Остальная масса материала исследована довольно давно, но до сих пор полностью не опубликована: Чертово (Уфимское I) городище (раскопки В.В. Гольмстен 1911–1912 гг.), Кушулевский могильник и Торналинское городище (раскопки Н.А. Мажитова), городище Кара-Абыз (раскопки А.В. Шмидта, А.П. Шокурова, В.А. Иванова) и др. По мнению Г.Н. Гарустовича, именно эти памятники оставлены древними башкирами – современниками Золотой Орды и потомками предыдущих переселенческих волн.

Таким образом, этногенез башкир тесно связан с Южным Уралом и с теми племенами, которые жили здесь, сменяя друг друга с глубокой древности до XVI в. Древние и средневековые племена, прежде всего тюркские, принимали самое активное участие в формировании башкирского народа.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ БАШКИР

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

С древнейших времен, в том числе, и средние века Южный Урал, расположенный на стыке Азии и Европы, был местом столкновения, взаимовлияния различных по происхождению племен и народов (тюрки, финно-угры, индоиранцы). Поэтому Южный Урал отличается разнообразием археологических культур, уникальностью многих памятников, начало изучению которых было положено только в XVIII в.

Важной особенностью южноуральского региона можно считать то, что на протяжении последних столетий здесь проходили границы Российского государства. Эти рубежи пролегали в южных, степных просторах державы, по участкам рек Урал и Илек. Границы сложились исторически, разделяя территории расселения кочевых казахских племен и полукочевых — башкирских. Казахстанские степи и полупустыни, в которых жили скотоводы Малого жуза вошли в состав Российской империи довольно поздно (XVIII в.), а оседлые поселения создавались здесь еще в более близкое к нам время. Подобная картина наложила свой отпечаток на региональную специфику и темпы изучения памятников на этой огромной территории.

Раскопки или осквернение могил "почиталось за крайнее-беззаконие" и не было в традициях башкир и казахов [Кастанье, 1910. С. 82], поскольку запрещалось шариатом и нормами обычного права коренных народов региона. С другой стороны, многочисленные глобальные этнические подвижки в постзолотоордынский период во времена существования Улуса мангытов [Султанов, 1982], в процессе нашествия калмыков и т.д., не могли не нанести ущерба "народной памяти" о принадлежности и о времени сооружения древностей западноказахстанских степей. Отсутствие знаний заменялось достаточно аморфными поздними легендами, курганы просто относились ко времени монгольского наше-

ствия или калмыцкой экспансии XVII–XVIII вв. Теперь уже можно со всей определенностью говорить, что, если башкиры в Оренбуржье или южной Башкирии связывают близлежащие древние захоронения с казахами или "калмаками" (калмыками) [Рычков, 1949. С. 79], то это значит, что данные памятники не принадлежат к числу святынь их ближайших родственников [Шукиинцев, 1900. С. 128–138], но вполне могут быть оставлены более далекими предками.

Ситуация начала резко меняться в XVIII в., с образованием Оренбургской губернии. На Урале, Илеке, Ори стали строиться крепости, города, казачьи станицы и поселки переселенцев из Центральной России. А на территории расселения уральских казаков — еще раньше. Казаки и русские крестьяне не испытывали ни страха, ни благоговения перед курганными захоронениями. Но зато обладали значительным любопытством и страстью к легкой наживе. Начался процесс разграбления курганов, по мере увеличения числа переселенцев процесс этот нарастал. В конце XVIII–XIX вв. в него включились даже некоторые представители коренного населения [Кастанье, 1910. С. 66; ТОУАК. Вып. XIV. С. 196]. Помимо грабительских раскопок памятники уничтожались в массовом количестве при распашке земель и строительстве. Страницы описаний Оренбургской губернии пестрят сообщениями о выборке камня из насыпей курганов для фундаментов домов. На строительные нужды разбирались не только кирпичные мазары, но даже целые мусульманские мавзолеи [Рычков, 1949. С. 154, 167–168; ТОУАК. Вып. XIV. С. 198]. Во многих станицах фундаменты и печи в домах были сделаны из древнего кирпича квадратной формы. Не стоит особо говорить о том, что раскопки производились варварскими методами. В XIX — начале XX вв. возникали даже своеобразные промыслы по

поставкам курганного камня на строительство железных дорог, древесного угля из сарматских курганов для самоваров обывателей, не говоря уже о поисках кладов [Кастанье, 1910. С. 66]. Работали целыми артелями. В XVIII–XIX вв. подобную деятельность крестьян и казаков некому было остановить. Не было законов об охране памятников и не было сил для контроля в пограничных, редко заселенных районах. Представители так называемого "образованного общества" не составляли исключения. Помещики и чиновники сами копали курганы и часто побуждали к этому крестьян. Уже во второй половине XVIII в. членам академических экспедиций казаки достаточно подробно описывали что попадает в курганах и чем курганы отличаются друг от друга. Археологи давно отмечают, что меньше всего разграблению подвергались маленькие средневековые курганы, поскольку они содержали большей частью безинвентарные мусульманские захоронения или вещи, не представляющие ценности для грабителей. Зато весьма сложно сейчас найти не ограбленный большой сарматский курган. Раскопщики знали, что именно в них можно встретить золото. Промысла раскопщиков – "бугровщиков" казаки не чурались, многие даже гордились им.

Но, как известно, из любого правила имеются исключения. Вовсе не все переселенцы считали работу бугровщиков достойным делом, да и сами бугровщики занимались больше созидательным трудом, чем "тревожили тени предков". Достаточно широкое распространение в народе получили различные суеверия грозящие карами осквернителям могил. Например, в Челябинской области в разных местах записаны предания о "чудской царице Анне", которая являлась во сне раскопщикам и их близким и под страхом порчи или смерти требовала прекратить грабежи курганов [АИИМК. 1864. № 21]. Подобные страхи, в определенной степени, служили препятствием для доморожденных "любителей древностей".

Вообще-то, раскопки курганов очень старый промысел. И в погребениях, и на поселенческих памятниках эпохи средневековья археологи находят вещи более ранних эпох. Например, находки огузского времени на территории золотоордынских столичных центров Федоров-Давыдов Г.А. 1994. Рис. 40,3; 44,5. Можно указать также факт нахождения в жилище XVI–XVII вв. на Берековском поселении в Мелеузовском районе Башкортостана бронзовой поясной накладки конца I тыс. н.э. (раскопки Н.А.Мажитова, 1965 г.). Значит и в древности подобные грабежи происходили. Достаточно сказать, что знаменитые сарматские "царские" кур-

ганы у с. Филипповка первоначально подвергались ограблению вскоре после их сооружения. Видимо стоит признать, что раскопки местного населения из любопытства (к сожалению, для археологов) были одним из методов познания окружающего мира, способом адаптации к окружающей среде, к земле, ставшей для них новой родиной.

Местные жители прекрасно знали что курганы — это не что иное, как древние погребальные памятники. Башкиры называют их "оба", а казаки, большей частью, "марамы". Местные жители, не зная точно к какому народу следует отнести погребальный памятник, пытались объяснить это по своему в легендах и преданиях (часто очень красивых и поучительных). О представлениях башкир по поводу памятников древних племен мы уже говорили. Русские крестьяне и казаки, большей частью, считали, что здесь ранее жили "чудаки" или народ "чудь". Особенно это характерно для зауральских районов [Игнатьев, 1903. С. 96].

Взгляды историков тогдашнего времени (пер. пол. XIX в.) недалеко ушли от этих представлений. Например, И. Жуковский отмечает, что "историки Карпеин и Асцелин, путешествовавшие по Волге и Уралу, повествуют, что древнейшие обитатели Оренбургской губернии были казары или болгары, угры или венгры и различные народы славянского поколения" [Жуковский, 1832. С. 1]. Если эпизодическое присутствие в регионе хазар еще можно допустить (и то, с большой долей сомнения), то расселение здесь в древности славян выглядит совсем уж надуманно.

Народные представления о памятниках древности могут отличаться не только образностью, но и определенной (часто упрощенной) конкретностью. О легендах и суевериях (например, об огнях на курганах) можно подробнее ознакомиться в работах Р.Г. Игнатьева и И.С. Шукшинцева [Шукшинцев, 1900. С. 128–138], поэтому мы не будем их разбирать подробно.

Можно отметить, что отдельные курганы на вершинах гор краеведы дореволюционного времени считали караульными вышками башкир или древних народов, ожидавших нападений из глубин степи. И еще, курганы (особенно крупные) были хорошо заметны в степи и часто служили ориентирами, а также использовались как межевые знаки территорий. Кроме того, башкиры наделяли древние курганы сакральными функциями. Они пристраивали к ним свои кладбища и даже совершали впускные захоронения своих сородичей [Кастанье, 1910. С. 58, 62]. Погребения в легендарных курганах считалось престижным. Очень часто древний кур-

ган становился объектом религиозного поклонения ("аулия", см. [Савельев, 2012]) [Словарь топонимов... 1980. С. 179; Башкирские предания... 1985. С. 18, 20, 22]. Тем самым древние памятники становились частью практической деятельности людей, необходимым и важным элементом жизненной среды. Что касается вещей, обнаруживаемых при раскопках, пахоте, строительстве, то они большей частью пропадали для науки бесследно: уничтожались, терялись, продавались, переплавлялись. Коллекционирование — явление для нашего региона позднее (конец XIX в.), музеи начинают возникать также в это время. Муллы заставляли мусульман перезахоранивать случайно найденные вещи и кости из древних погребений на современных кладбищах или в укромных местах [АКБ. 1976. С. 154. № 1333].

Особо необходимо упомянуть печальную судьбу каменных изваяний. Судя по описаниям П.С. Палласа [Паллас, 1773. С. 333, 335], И.И. Лепехина и других, в регионе было множество каменных баб. Об этом же говорит широкое распространение топонимов "сынташ" (тюрк. — каменное изваяние). Каменные "болваны" при распашке снимались с курганов и переносились на межи, иногда просто выбрасывались или использовались при строительстве. Помещики и крупные чиновники считали своим неперенным долгом украсить аллеи в своих усадьбах каменными бабами. Но особый вред этому виду памятников нанесли поверья крестьян о том, что в засуху нужно разбить каменную бабу и утопить в реке. В малые засухи изваяния просто поливали водой, а в большие — обносили каменную бабу вокруг деревни, а затем топили. Если учесть, что в степных районах засухи случаются часто, то можно себе представить, сколько древних скульптур было уничтожено. Причем, схожие поверья отмечены на Южном Урале не только у русских крестьян, но и у башкир и других народов.

XVIII век можно смело считать крупной вехой в деле изучения древностей Волго-Уральского региона. Во второй половине XVIII столетия участники экспедиций, организованных Академией наук, довольно много сделали в плане первичного накопления материалов, выработки методик научной обработки этих материалов, а также их этнической оценки. Но этап "накопления первичной информации" о памятниках археологии Волго-Уральского региона охватывает промежуток с 20-х годов XVIII века, и до 60-х годов XIX в., и включает в себя не только данные собранные "академическими" экспедициями, но массовые (хотя и малоинформативные) сообщения мемуарного характера путешественников, администраторов и просто случайных

людей. Активное хозяйственное освоение Урала и Сибири, а затем — степных пространств Оренбуржья и Казахстана, тоже способствовало зарождение региональной археологической науки.

Правительство Российской империи придавало большое значение освоению малонаселенного, но изобилующего природными богатствами края. Это и стало причиной посылки на восточную периферию государства образованных людей — талантливых ученых и умелых организаторов. Как и большинство крупнейших свершений XVIII века в России, эти события непосредственно связаны с деятельностью Петра I и Екатерины II.

Одним из первых о башкирах писал Страленберг Филипп-Юхан (1676–1747), офицер шведской армии, взятый в плен во время Полтавской битвы и сосланный в Сибирь. В своем труде "Das nord und ostliche Teil von Europa und Asia", изданном в 1730 г. в Стокгольме, Страленберг считал башкир остяками, так как они рыжеволосы, и соседи называли их сары-иштяками. Страленберг по существу одним из первых выдвинул теорию об угорском происхождении башкирского народа [Янгузин, 2002. С. 17–18].

Еще от начала XVIII века сохранилось краткое сообщение голландца Дорта о том, что "... он мог изучить на большом протяжении дикую страну башкирских татар, а также случайно нашел древние могилы и в них разного рода драгоценности, как например, золотые части конской сбруи и т.п." [Толстой, Кондаков, 1889. Вып. II. С. 35]. Из этой небольшой цитаты трудно понять, идет ли речь о степных или лесостепных курганах. Где они были раскопаны — в Приуралье или Зауралье? Одно лишь ясно: здесь говорится о могильных сооружениях эпохи средневековья Башкортостана.

Начало активной деятельности по собиранию уральских древностей связано с именем В.Н. Татищева — личности сложной и противоречивой. Судьба его в должности начальника уральских и сибирских заводов, на которую его поставил еще Петр I, была сложной, насыщенной всевозможными интригами и склоками, в которых он сам сыграл не последнюю роль. Между тем он был талантливым ученым-историком и администратором. Главным занятием В.Н. Татищева на Урале и в Сибири была организация горно-заводского производства, изучение геологии и географии края. Собираением и изучением древностей региона он занимался попутно.

В.Н.Татищев за годы работы на Урале изъездил всю территорию региона. Он руководил составлением ландкарт, в том числе — "реки Яика от Верхнеяицкой пристани до казачьего городка

Яицка" (т.е. от Верхнеуральска до Уральска), "Оренбургской линии до реки Волги и от Каспийского моря по рекам Самаре, Яику, Ую и Тоболу" [Архипова, Ястребов, 1982. С. 77]. Мы также знаем о его интересе к местам расположения "чудских рудных копей" и о том, что Татищев собирал древние вещи из курганов.

В своих работах В.Н. Татищев использовал различные виды исторических источников — легенды и предания местных жителей, материалы археологических памятников (Сарай, Сарай ал-Джедид, Маджары и т.д.), а также письменные средневековые хроники (Абулгази-хана и др.). Татищев владел несколькими восточными языками — тюркскими, монгольским и персидским [Андреев, 1951. С. 274].

До сих пор архивные материалы В.Н. Татищева еще плохо изучены. Значительная масса бумаг его личного архива сгорела в дер. Грибанове после смерти Татищева. Многие из "курьезных вещей", присланных им с Урала и из Сибири, вошли в фонд Петровской кунсткамеры — первого в России музея, но большая их часть погибла при пожаре 1747 г. [Архипова, Ястребов, 1982. С. 81].

Исследователи по-разному оценивают труды В.Н. Татищева. Высокую оценку получили географические сочинения Василия Никитича. Его считают выдающимся знатоком горного дела и, вообще, одним из самых образованных людей эпохи. В то же время, В.О. Ключевский называл его "типическим образчиком петровского дельца, воспитанного реформой, проникшегося ее духом, усвоившего ее лучшие стремления и хорошо послужившего отечеству, а между тем не получившего от природы никаких необычайных дарований человека, невысоко поднимавшегося над уровнем обыкновенных средних людей" [Ключевский, 1983. С. 126–129]. С такой категоричной оценкой вряд ли можно согласиться. В данном случае В.О. Ключевский скорее всего имел в виду деятельность В.Н. Татищева в качестве руководителя Оренбургской комиссии (1737–1739). С целью основания г. Оренбурга и одноименной пограничной линии в 1734 г. была организована Оренбургская экспедиция, начальником которой был И. Кирилов. На этом посту его сменил в 1737 г. В.Н. Татищев.

Необходимо помнить, что недостатки работ В.Н. Татищева объективно были неизбежны. Он был одним из первых, начинать всегда тяжело. Но, говоря словами историка С.М. Соловьева, "он начал дело, как следовало начать".

Освоение малоизвестного региона приводило к выявлению здесь не только природных богатств, но и памятников истории. Накопление знаний

о них и коллекционирование вещей из древних курганов, в свою очередь, усиливали познавательный интерес. Собираение редкостей в XVIII веке было в моде. В 1715 г. заводчик А.Н. Демидов поднес Екатерине коллекцию сибирского курганного золота [Формозов, 1986. С. 17].

В Оренбургской линии какие-то коллекции древних вещей собирали в 1734–1737 гг. И.К. Кирилов и И.Г. Гейцельман. Исторические описания они отправляли академику Г.Ф. Миллеру.

В 1723–1734 гг. управляющим металлургическими заводами Урала и Сибири был Георг Вильгельм де Геннин — голландец, поступивший на русскую службу в 1697 г., выдающийся инженер и артиллерист. С его именем связано начало строительства на башкирских землях крепости Екатеринбург на р. Исеть.

Главный научный труд его жизни — объемная книга "Описание Уральских и Сибирских заводов", в отдельных разделах которой встречаются упоминания и описания древностей Уральского края. Впервые в полном объеме этот труд был издан в России только в 1937 г. [Геннин де, 1937].

Описывая Каменский завод на притоке р. Исети, Геннин замечает: "при тех же есть бугры чующие, в которых кладены мертвые тела, называемого чуюцкого народа" [Геннин де, 1937. С. 480]. Значительно чаще он обращает внимание на древние рудники: "... в 1702 году по Полевой речке на Гумешках, вверх Чюсовой реки, в старых чютских копищах найдена медная руда... От Уктуса в 43 верстах, по другую сторону Чюсовой реки в 11 верстах имеюцца старый медных руд копи или шурфы..." [Там же. С. 507–508].

Судя по рисункам археологических древностей, внимание де Геннина, в основном, привлекали произведения искусства и изделия из благородных металлов [Формозов, 1986. С. 24–25]. Среди изображенных вещей есть предметы раннего железного века, раннего и позднего средневековья. Большинство зарисованных предметов явно происходят из курганов, разграбленных бугровщиками.

По мере освоения Оренбургских степей поиск курганных кладов начался и здесь. В этой связи можно вспомнить о деятельности англичанина Джона Кэстля (Касселя).

В 1734 г. начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов пригласил Дж. Кэстля в качестве живописца. Англичанин принимал участие в переговорах с ханом Малого жуза Абулхаиром о принятии Российского подданства. Кэстль побывал в ханской ставке, вел дневник, в котором описывал и рисовал увиденное.

Джон Кэстль был человеком наблюдательным и любопытным. Он расспрашивал башкир о древних памятниках степной полосы Южного Урала. В 1736 г., возвращаясь из ставки хана Малой Орды, Кэстль в районе рек Каргалы и Илека видел много могил "язычников", одну из которых он раскопал. В кургане найдены кости человека и лошади. На шее у человека обнаружена печать из "белого индийского агата", на которой вырезаны пеликан и два птенца. Вблизи г. Сакмарска Кэстль снова видел много могильных "монгольских" памятников. У могил стояли камни в виде пирамид, а внутри их были погребены в полном убранстве люди с лошадьми [Матвиевский, 1958. С. 144].

Как видим, Джона Кэстля с полным основанием можно считать одним из первых авторов раскопок в нашем регионе. Конечно же, курганы здесь копали до него. Но Дж. Кэстль оставил нам краткое описание своих раскопок. Эти описания и рисунки английский художник передал начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову, а дневник в 1741 г. обработал для печати. Текст написан на немецком языке и издан в 1784 г. в г. Риге [Materialien... 1784]. В 1737 году Дж. Кэстль добился увольнения из состава Оренбургской комиссии и в наш регион больше не возвращался, дальнейшая его судьба нам не известна.

Подводя итог "археологической" деятельности первой половины XVIII века следует заметить, что впервые интерес к древностям Волго-Уральского региона стали проявлять приезжие на Урал администраторы и иные чиновники. Они коротко описывали археологические объекты и собирали ценные вещи из курганов. Естественно, никаких этнических и хронологических определений они не давали. Для этого не хватало знаний. Археологическая наука в России лишь зарождалась, ни о каких целенаправленных исследованиях не могло быть и речи. В регионе своих специалистов не было, да и вообще, грамотных людей было немного. Курганные материалы практически все утеряны, описания (весьма некачественные) сохранились в малом числе или до сих пор не выявлены в архивах. Люди смотрели на памятники археологии, как на возможные объекты практической деятельности — старинные копи указывали на месторождения руд, в курганах можно было отыскать ценные вещи, а строение вполне допустимо было разобрать на кирпич.

Вершиной деятельности приезжих специалистов первой половины XVIII в. в области древней истории можно уверенно считать труды П.И. Рычкова. Петр Иванович Рычков (1712–1777 гг.) с 1734 г. жил и работал в Оренбургском крае вначале

в должности бухгалтера Оренбургской экспедиции, а затем — личного секретаря ее начальника. В 1762 г. он издает главный свой труд — "Топография Оренбургской губернии" — и по сей день, остающийся классическим источником по исторической географии Южного Урала.

П.И. Рычков в "Топографии Оренбургской" сообщает, что на р. Исети... на разных местах видны старинные чудские насыпные могилы; а знатнейшие из них три: две от Шадринска в 8 или в 10 верстах (8,6–10,7 км) на север на степи позади бору; а третья — против Шадринска, от города в 3 только верстах (3,2 км) за рекой Исетью, и она за наибольшую почитается, но какие тут люди погребены, того никто не знает... В северную же сторону от этого острога (городище на р. Юрюме, в 7 верстах (7,5 км) к западу от Исетска) находятся многие курганы, или насыпные бугры, которые у тамошних обывателей за кладбище старинных сибирских жителей почитаются; но какие народы тут жительствовавали, того из нынешних обывателей никто достоверно показать не может... [Рычков, 1949. С. 175, 172].

Следует отметить, что все вышесказанное относится к зауральским районам — лесостепи современной Курганской области, входящую в ареал расселения башкир. На территории степного Оренбуржья П.И. Рычков кратко описывает лишь кирпичные мавзолеи и мазары, курганы упоминает очень редко [Там же. С. 167–168].

Труды П.И. Рычкова явились основой, отправной точкой процесса зарождения краеведческой науки в регионе. Если В.Н. Татищева по праву считают "основоположником русской исторической науки" в масштабах России [Алматов, 1976. С. 368], то П.И. Рычков стоял у истоков региональной науки истории и естествознания. Уже современники отмечали достоверность и практическую пользу работ Рычкова: "...во всем сочинении виден беспристрастный человек, усердный желатель раскрытия истины и споспешествователь общественному благу" [Лекарский, 1867. С.69].

Любовь к знаниям, трудолюбие и наблюдательность Н.И. Рычков сумел привить своим детям. Его сыновья были военными, организаторами промышленных производств России и учеными — естествоиспытателями. Наиболее известен своими работами Николай Петрович Рычков (1746–1784).

Имея по отцу дворянское звание, Н.П. Рычков с детства был зачислен в полк солдатом. В 22 года, после увольнения из армии, он был зачислен в состав академической ("Оренбургской") экспедиции, возглавляемой академиком П.С. Палласом.

С осени 1768 года и до 1772 года Н.П. Рычков числится в составе отряда Палласа, но в основном совершает самостоятельные поездки по особым маршрутам. Большей частью эти маршруты пролегли по лесостепной зоне Урала и Приуралья (современные Татарстан, Башкортостан, Челябинская и Свердловская области), но ему довелось путешествовать и по степным регионам (Оренбургская, Уральская, Кустанайская, Челябинская области) [Матвиевский, Ефремов, 1991. С. 106, 162–209].

Свои впечатления и открытия в ходе работы "экспедиционных посылок" Н.П. Рычков изложил в дневниках иллюстрированных чертежами и рисунками. Эти дневники были изданы Академией наук в четырех объемных томах [Рычков, 1772-а; 1770; 1772; 1772-б], изданных на протяжении 1770–1772 годов. В этих работах капитан Рычков достаточно много внимания уделяет памятникам археологии, относящимся к древним башкирам (городища: Кара-Абыз, "Чертово" близ г. Уфы и т.д.; мавзолей Тура-хана, Хусейнбека; курганы, пещеры и проч.) и находкам на них. В работах Н.П. Рычкова явно чувствуется стиль и влияние его знаменитого отца.

Для Николая Рычкова работа в академической экспедиции была хоть и ярким, но эпизодом. Он был лишь одним из сотрудников экспедиционных отрядов посланных Академией наук для изучения восточных (точнее — юго-восточных) окраин Российской империи. Всего в регионе работало три "Оренбургских" отряда, возглавляемые академиком П.С. Палласом, докторами И.И. Лепёхиным и И.П. Фальком [Сидоров, 1997]. Сами экспедиции были сформированы по распоряжению императрицы Екатерины II, и в их состав приглашались ученые из-за рубежа (П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Г. Георги) или прошедшие обучение за границей (И.И. Лепехин). При подготовке "ученых посылок" для ее сотрудников были подготовлены особые "Инструкции..." Академии наук. Проект инструкций для Оренбургских отрядов готовил П.С. Паллас, на которого было возложено общее руководство экспедицией в Оренбургский край и Сибирь.

В этих инструкциях участникам путешествий предписывалось "примечать встречающиеся древности, обстоятельно описать, а живописцам, находящимся при них, приказывать снять с оных нужные рисунки" [Фрадкин, 1950. С. 46–47].

Сотрудники экспедиций по мере сил и возможностей следовали этим инструкциям. Довольно много упоминаний о курганах степной полосы Волго-Уральского региона можно обнаружить в трудах Петра-Симона Палласа (1741–1811), берлинского профессора ботаники, в 1767 г. пригла-

шенного Российской Академией наук возглавить один из отрядов Оренбургской экспедиции [Сидоров В.В. 1997. С. 86–153.]. Маршруты своей, начавшейся в 1768 году, экспедиции П.С. Паллас проложил так, чтобы исследовать большую территорию на Волге, Урале и в Сибири: в 1769 г. — Симбирск-Самара-Сызрань-Оренбург-Илецк-Орск-Яицкий городок (Уральск)-Гурьев-Оренбург-Уфа; в 1770 г. — Уфа-Челябинск-Екатеринбург-Троицк-Ишимск-Тюмень-Тобольск [см.: Архипова, Ястребов, 1982. Глава 10].

В ходе изучения огромных территорий П.С. Паллас неоднократно упоминает и описывает курганы степной полосы, каменные изваяния средневековых кочевников и рассказывает о грабительских раскопках местных жителей. Вся эта информация содержится на страницах огромного труда П.С. Палласа "Путешествие по разным провинциям Российской империи" [Паллас, 1773 и др.], которая первоначально издана в 1771 году на немецком языке, а затем была переведена на русский В.Ф. Зуевым — сотрудником и учеником Палласа, будущим академиком [Сидоров, 1997. С. 96–153].

Значительно больше описаний курганов можно обнаружить в трудах академика Ивана Ивановича Лепехина (1740–1802), кавалера орденов Святой Анны второго класса и Святого Владимира четвертой степени, в будущем — бессменного секретаря Академии наук. В 1768 г. он, тогда — адъюнкт Российской Академии наук, возглавил отряд Оренбургской экспедиции. Маршруты путешествий И.И. Лепехина пролегли по степной и лесостепной зонам Южного Урала и Поволжья: в 1769 г. — Симбирск-Самара-Сызрань-Саратов-Царицын-Астрахань-Гурьев-Яицкий городок (Уральск)-Оренбург-Табынск; в 1770 г. — Табынск-Уфа— реки Белая-Уфа-Ай-Сылва-Кунгур-города Екатеринбург-Тюмень.

При описании маршрута 1770 года, доктор Лепехин описал курганные могильники вблизи г. Уфы. И.И. Лепехин обратил внимание на земляные курганы лесостепной зоны. Из его сообщения становится ясно, что жители города Уфы и ее окрестностей раскапывали курганы в поисках кладов. До наших дней эти курганы не сохранились, а сами территории вошли в черту города. Лепехин упоминает не только погребальные памятники Башкортостана, но и городища (Чертово в г. Уфе, Кара-Абыз, Бирское).

Основную массу курганов, в которых находили железное оружие и предметы конского снаряжения,

И.И. Лепехин приписывал, как тогда было принято, татарам, т.е. тюркам: "из гражданской истории известно, что древняя татара имели обычай отменных своих людей предавать земле со всем тем прибором, который в жизни их был главным упражнением" [Там же. С. 425].

Подводя итоги исследований XVIII века в Южноуральском регионе, следует отметить, что характерными чертами этого периода следует считать то, что участники хозяйственного освоения края и сотрудники академических экспедиций не были представителями местной науки. Это были специалисты, посланные правительством Российской империи и Академией наук для реорганизации или научного изучения восточных провинций государства.

Несмотря на эпизодический характер работ чиновников и сотрудников экспедиций исторические данные, полученные ими трудно переоценить. Достаточно сказать, что большая часть памятников, описанных авторами XVIII века, до наших дней не сохранились. Много было сделано впервые: 1) наличие древностей в регионе стало научным фактом; 2) документально отмечен факт многообразия видов памятников региона (курганы, мавзолеи, мазары, городища и т.д.); 3) неоднократно подчеркнуто активное разрушение древних объектов пришлым населением; 4) сообщалось, что многие памятники сопровождаются легендами и преданиями; 5) впервые историческая научная информация по региону была оперативно опубликована как на русском, так и на немецком языках; 6) впервые были составлены и частично опубликованы рисунки и чертежи археологических объектов (например, чертежи городищ в лесостепном Приуралье Н.П. Рычкова [Рычков, 1770] или мавзолеев — у П.С. Палласа [Паллас, 1786. Табл. VIII; 7) начиная с XVIII века берет начало традиция топографических обмеров памятников (в качестве примера можно привести план городища Кара-Абыз в Башкортостане, снятый Н.П. Рычковым, или план мавзолея Абат-Байтак в Актюбинской области, снятый в 1750 г. инженером — поручиком А.И. Ригельманом и опубликованный В.В. Вельяминовым-Зерновым [Вельяминов-Зернов, 1853]).

Академические экспедиции задуманные как временное явление завершились в екатерининские годы и в последствии не возобновлялись (во всяком случае, в регионе Южного Урала). По мере завершения «ученых путешествий», фактически завершается первый этап изучения края к 60-м годам XIX в.

Начиная с конца XVIII века и до 60-х годов XIX века, наступает период застоя в деле изучения памятников древности Южного Урала. По нашему мнению, этот период можно включить в хронологические рамки первого этапа истории изучения археологии в крае, или же выделить в особый этап. Так или иначе, первая половина XIX столетия характеризуется практически полным отсутствием научного (или хотя бы наукообразного) изучения древностей, а также тем, что в это время продолжается активное разрушение всех видов памятников археологии.

Небольшую информацию о древностях Оренбургской губернии можно почерпнуть в статьях А.К. Кочуева, публиковавшего свои работы на страницах "Временника императорского общества истории и древностей Российских", издававшегося в Москве [Кочуев, 1849. Кн. 3. С. 9–10. Он же. 1853. Кн. 16. С. 28–37].

Ситуация резко изменилась в пореформенный период. Эти события связаны с приездом на Южный Урал специалистов столичных центров Российской империи. В 1884 г. в Оренбуржье, на р. Урал раскопки проводит Ф.Д. Нефедов (1838–1902) — сотрудник Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ).

В это время сотрудники ОЛЕАЭ активно готовились к проведению в Москве в 1879 г. большой антропологической выставки. Подготовительный комитет возглавлял А. П. Богданов — один из родоначальников антропологии в России, выдающийся организатор науки. Под его руководством решались не только финансовые вопросы, но и была сформулирована стратегия научной подготовки к выставке. В первую очередь, для формирования экспозиции нужны были черепа и вещи древних народов России. На антропологической выставке готовился доисторический отдел, где должны были быть выставлены археологические находки. По этой причине для исследований планировались курганы и грунтовые могильники древних племен, в основном на юге и востоке России.

Ф.Д. Нефедов копал мусульманские захоронения касимовских татар, [Нефедов, 1878. С. 56–61], а позднее был командирован на Южный Урал. Здесь он провел небольшие раскопки на башкирских городищах Кара-Абыз и Чортовом (Уфимском) под Уфой. В 1894 г. он вновь посетил эти памятники, а также исследовал городище Бельский Шихан в устье р. Белой. Материалы этих раскопок хранятся сейчас в фондах НМ РБ (г. Уфа) и ГИМ (Москва).

В 1887 г. Ф.Д.Нефедов избирается членом-корреспондентом, а в 1894 г. — действительным членом Московского археологического общества. Во время проведения экспедиционных работ Нефедов занимается сбором легенд и преданий народов Приуралья. В последующие годы многие фольклорные материалы послужили основой для написания им рассказов, повестей и навеяны впечатлениями от поездок по Оренбургским степям и Казахстану.

В 1893 и 1894 годах Ф.Д.Нефедов исследует памятники по берегам рек Агидель (Белой) и Камы. Это были его последние экспедиционные поездки на территории Башкортостана. В это время он акцентирует внимание на литературной деятельности и готовит отчеты о своих многолетних раскопках в Приуралье. Позднее Ф.Д. Нефедов переехал из Москвы в дер. Перебор Владимирского уезда, где и умер в 1902 году. Похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Материалы раскопок Нефедова до сих пор полностью не изучены. Не найдены его чертежи и планы курганов и погребений. Коллекции находок хранятся в Санкт-Петербурге (Эрмитаж), Москве (ГИМ), Уфе (Национальный музей РБ), но до сих пор не известно, где находятся вещи из курганов раскопанных в 1884 году.

Ф.Д. Нефедов произвел в 80-е годы XIX в. широкомасштабные раскопки в Приуралье. Эти стационарные работы явились не только самыми массовыми исследованиями курганов в XIX веке, но и за всю историю региональной археологии. За три года работ (1884, 1887, 1888) он вскрыл 108 курганов эпохи средневековья в 14 могильниках (в 17 группах курганов). Эта цифра увеличится на 7, если учитывать жертвенники (или не докопанные курганы) могильника Пчельник (1884 г.). Речь идет только о средневековых памятниках, но он исследовал так же курганы эпохи бронзы и раннего железного века. Например, в 1884 г. Ф.Д. Нефедов вместе с К.А. Фишером. Фотограф экспедиции Ф.Д. Нефедова и его ближайший помощник. насчитали 60 курганов в могильнике Пчельник, из которых они раскопали 32. Девятнадцать курганов датируются эпохой средневековья, 7 — не были докопаны (жертвенники?) и еще 6 — возведены в эпоху бронзы или являются памятниками раннего железного века. Самым плодотворным оказался 1887 год, когда были исследованы 64 кургана в девяти могильниках (в 11 курганных группах).

Ф.Д. Нефедов выбирал для раскопок курганы с небольшими насыпями, поэтому больше всего было исследовано средневековых кочевнических захоронений. Раскопкам подвергались земляные и каменные насыпи. В средневековых, курганах встречались как безинвентарные мусульманские захоронения, так и погребения с вещами : а) IX — XI вв. (огузско-печенежский период) — 9; б) XI — начало XIII в. (дозолотоордынский период) — нет; в) XIII — середина XIV вв. (золотоордынский языческий период) — 45; г) вторая половина XIV—XV века (золотоордынский мусульманский период) — 53; жертвенники — 7; средневековые неопределимые захоронения — 1.

В ходе раскопок Ф.Д. Нефедов собирал и записывал также фольклорные источники. Он писал: "в Приуральском крае до сих пор живут предания, что в старину по обоим сторонам Урала обитала чужд" [Там же. С. 47]. Курганы степной полосы, местные башкиры называли ногайскими или киргизскими [Там же. С. 11, 29]. Речь идет о могильниках золотоордынского и более ранних периодов, о которых у местных жителей не было достоверной информации. Как уже отмечалось выше, вследствие этого башкиры не считали таковые кладбищами своих предков.

Ф.Д. Нефедов не пытался выдвигать скоропалительных выводов по поводу культурной принадлежности раскопанных им памятников, прекрасно осознавая отсутствие для этого оснований. Но он ясно понимал большую научную значимость выявленных древностей. Часть археологических и краниологических коллекций, полученных Ф.Д. Нефедовым, была использована при оформлении Антропологической выставки в Москве в 1879 г.

Особое место в истории археологического изучения Южного Урала занимает деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), созданной в 1887 г. Первым председателем ОУАК на долгие годы стал земский врач Александр Владимирович Попов. Одним из первых мероприятий ОУАК было решение о создании в г. Оренбурге собственного музея и о завершении составления археологической карты Оренбургской губернии, начатой Р.Г. Игнатьевым. В плане последнего мероприятия подчеркивалась «необходимость приступить при первой возможности к раскопкам в Оренбургской губернии курганов и тем предохранить от самовольного расхищения кладоискателями памятников отечественной старины». Во исполне-

¹ Руководил раскопками А.В. Попов.

ние сказанного летом 1887 г. были проведены первые стационарные раскопки курганного могильника на Бердинской горе вблизи Оренбурга. При раскопках в кургане № 2 указанного могильника было вскрыто впускное мусульманское захоронение эпохи средневековья¹. Раскопки на Бердинской горе продолжались и в последующие годы. Кроме того, сотрудниками ОУАК за период с 1895 по 1903 гг. были исследованы и другие курганные могильники: «Шихан», «Маяк» и др. [ТОУАК. Вып.5. С. 6; 16. С. 15; 29. С. 59].

Непоколебимый интерес к памятникам археологии, проявляемый А.В. Поповым, нашел поддержку и понимание у других сотрудников ОУАК. Так, одним из самых активных членов общества был титулярный советник Иван Степанович Шукшинцев, действительный член с 1895 года. Он практически не проводил самостоятельных раскопок, но, тем не менее, внес большой вклад в дело развития археологического краеведения. Прежде всего, он постоянно занимал различные должности в организационных структурах Комиссии — был многолетним управляющим делами, казначеем, заместителем правителя дел, входил в состав редакционной комиссии. Памятники археологии им фиксировались во время служебных поездок. На заседаниях ОУАК он читал свои рефераты по истории и археологии, сообщал информацию о памятниках, поступающую с мест. Им подготовлен в 1902 г., «Краткий отчет деятельности Ф.Д. Нефедова в Оренбургском крае» [ТОУАК. Вып. 14. С. 118–119].

Еще в начале 1899 г. Шукшинцев внес предложение о рассылке анкет с целью сбора сведений о курганах, для составления археологической карты Оренбургской губернии. В этом же году он подготовил и разослал эту анкету по районам Оренбургской губернии в адрес чиновников, священнослужителей, учителей и т.д. По мере поступления ответов на анкету были систематизированы полученные данные, и, по возможности, снабжены комментариями. Всего было получено 57 ответов с информацией о 459 курганах, 63 из которых были разграблены местными жителями. В итоге И.С. Шукшинцев уже в 1900 году подготовил две большие статьи «Сведения о курганах Оренбургской губернии» и «Предания о курганах Оренбургской губернии» [ТОУАК. Вып.6. С. 75–127; 128–138; 149; 174–175, и др.]. Члены-сотрудники ОУАК постановили «о всех случаях разрытия курганов доводить до сведения оренбургского губернатора».

Интерес любителей древности к курганам в XIX веке не всегда был связан с ожиданием каких-то ценных и редких находок. Например, краеведы вели нешуточные дискуссии о назначении насыпных памятников степи. Можно привести в пример народную легенду, записанную в Кувандыкском районе Оренбургской области, в которой сообщается о том, что недалеко от пос. Подгорного, в урочище «Страшный овраг» испокон веков стоит, глазом не окинешь, изрытый одинокий курган. Кто и когда его воздвиг, никто не знает...» После того как ураган вырвал с корнем деревья на его вершине, она стоит голая и сильно разворочена. «Старый лесоруб из Зианчурина Хабибулла Измайлов рассказывал, что курган соорудили когда-то степные «барантчи», участники набегов с целью грабежа [БНТ. 1987. С. 430]. В кургане они прятали награбленное золото. Объяснение, конечно, наивное: трудно ожидать от барымтчи проведение столь утомительных работ. Тем не менее, подобные взгляды высказывали даже сами краеведы XIX века.

В 1907 г. члены ОУАК обсуждали этот вопрос на своих заседаниях. Д.Н. Соколов отмечал в своей заметке о «скирдообразных» курганах, которые служили наблюдательной башней. Кроме того они могли использоваться для сигнальных целей и на них разжигались сигнальные костры [ТОУАК. Вып.23. С. 49–50]. А.В. Попов говорил о каменных и земляных «ложных курганах», в которых нет погребений, он причислял одни из них к разряду сторожевых, а другие считал памятными знаками. Попов отмечал традицию казахов возводить гору камня в честь различных событий — народных собраний, праздников. «Подобные земляные курганы возведены в Тургайской области, в местностях где останавливался Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в 1870 году» [Там же. С. 54–55]. В ответном слове на доклад А.В. Попова «О ложных курганах» И.А. Кастанье предполагал возможность разделения пустых курганов на два типа земляные и каменные. Они могли служить для различных целей — были удобными пограничными и дорожными знаками, а также прекрасными наблюдательными и сигнальными пунктами [Там же. С. 56–57]. Еще в одной своей работе И.А. Кастанье сопоставил «пустые» каменные насыпи степей Южного Урала с монгольскими «обо» [Кастанье, 1905. С. 195–196]. Что, кстати сказать, имеет под собой вполне реальную основу. Удивляться таким взглядам не приходится. Эти же самые проблемы обсуждались на Археологических съездах и заседаниях краеведче-

ских обществ в других городах России [см. например: *Минх*, 1871. С. 163–165].

Свои взгляды и мнения о курганах степного края высказал даже И.П. Самойлов — один из самых самозабвенных грабителей курганов на рубеже XIX и XX веков. За многие годы своих “работ” он обратил внимание на то, что все курганы Приуралья можно разделить на три разряда: 1) могильные земляные насыпи под которыми содержатся могильные ямы ориентированные по линии С-Ю; 2) “Жертвенные курганы всегда большие и окружены небольшими курганами и могилами, в них скелетов не бывает, но находятся жертвенные кости. В таких курганах не бывает ни вещей, ни золы, ни пепла; в одном попал разбросанный костяк человека, из этого можно заключить, что это были жертвенные кости” [ТОУАК. Вып.14. С. 153–154]. 3) курганы больших размеров с углем и золой в насыпи; в могилах встречаются горшки и другие вещи.

Вопросы этнической принадлежности постоянно привлекали внимание сотрудников Комиссии. В мае 1904 г. председатель ОУАК А.В. Попов прочитал доклад “Несколько слов по археологии Тургайской и Уральской областей”, в котором он утверждал, что “со II в. р.х. в наших степях мы видим царство гуннов”, которых в VII в. сменили (и ассимилировали) уйгуры “К этой старой смеси всевозможных номадов затем прибавились печенеги, торки, половцы. Тогда же, вероятно, на Южном Урале осели тюрки-башкиры... Из всего разнообразия этих племен и их остатков к IX в. по р.х. стали усиливаться и выделяться некоторые тюркские племена, получившая впоследствии название киргиз-казаков или кайсаков” [ТОУАК. Вып.16. Протокол № 8. С. 17–18]. Попов считал, что в начале XVIII века башкир к северу, за р.Урал, оттеснили казахи. “Степные памятники древности — это преимущественно курганы и разного рода могилы, содержащее коих, по видимому, можно отнести к чуди, скифам, сарматам и кочевникам-тюркам эпохи переселения народов” [Там же. С. 20]. И.А. Кастанье считал, что курганы “киргизской” степи частью насыпаны “чужью”, или же монголами [Кастанье, 1905. С. 178].

Первые исследования памятников эпохи средневековья на территории современного Башкортостана были проведены еще до революции. Во второй половине XIX в. Р.Г. Игнатьев приступил к сбору сведений и осмотру археологических объектов Уфимской губернии. В 1868 г. им была подготовлена статья по итогам осмотра двух городищ близ дёр. Улькунды (ныне — Дуванский район РБ), на

одном из которых были найдены золотоордынские монеты.

Следующие достаточно крупные стационарные исследования и сборы материалов в башкирском крае проходили в начале XX века. В.В. Гольмстен в 1910 и 1912 гг. заложила несколько траншей, а также разрежала вал на Чертовом городище (г. Уфа), верхние слои которого, относятся к древнебашкирской (чияликской) культуре. В процессе раскопок на площадке городища выявлены жилища-полуземлянки эпохи средневековья, печи-каменки, коллекция шнуровой керамики, пряслица, наконечники стрел. Часть вещей поступила на хранение в Эрмитаж, часть находится в фондах НМ РБ. Помимо этих работ, В.В. Гольмстен совместно с Д.Н. Эдингом в 1911 г. проводила стационарные исследования на площадке городища Ак-Таш (Охлебенинское II). Здесь было обнаружено несколько погребений эпохи средневековья. Данные раскопки можно считать первым исследованием грунтового могильника XII–XIV вв. в Приуралье. В последующие годы интересующие нас памятники изредка раскапывались, но в малых масштабах и не специалистами. Так, в 1913 г. речной инженер А.Е.Марков с командой теплохода “Николай” в устье р. Белой заложил раскоп на городище Бельский Шихан и вскрыл несколько башкирских раннемусульманских захоронений. Описание человеческих костей, выявленных А.Е. Марковым опубликовались в 1914 г. врачом Ф.З. Стрельцовым. Можно еще упомянуть о находках в 1892 г. кладов вещей и монет в Бирском и Белебеевском уездах.

За пределами Башкортостана в дореволюционный период необходимо еще выделить исследования древнебашкирского (чияликской культуры) могильника Селянино озеро в Кунгурской лесостепи (Пермская обл.). В 1898 г. А. Белянин при строительстве обнаружил могилу, в следующем — 1899 г. Н.Н. Новокрещеных и А.А. Спицын обследовали место находки и нашли на пашне серебряный сосуд, кости и керамику. Раскопки проводились в 1901 г. (А.А. Спицын), в результате чего было расчищено около двадцати погребений с вещами.

Целенаправленные научные археологические работы на Южном Урале в советское время возобновились лишь в 1927 г. Для этого даже была сформирована Башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством Алексея Викторовича Шмидта. В 1928 г. А.В. Шмидт (при участии М.И. Касьянова) обследовал городище Чандар на р. Уфе и произвел раскопки на городище

Кара-абыз под г. Благовещенском. Также были получены интересные материалы эпохи средневековья на Бахмутинском могильнике (25 погр.) и выявлено средневековое захоронение на Кара-абызском городище. Однако, эпоха средневековья А.В. Шмидта не интересовала, да и сама эта небольшая экспедиция не могла охватить исследованиями огромную территорию Прикамья, Приуралья и Зауралья. Поэтому работы на территории Башкирии затухают, а сам А.В. Шмидт полностью переключается на исследования в Прикамье.

В 1934 г. от г. Уфы до ст. Ишимбаево (ныне — г. Ишимбай) была намечена трасса железнодорожной ветки и по этой трассе Павлом Алексеевичем Дмитриевым (1902–1943) и Константином Владимировичем Сальниковым (1900–1966) были проведены археологические изыскания на средства и по указанию Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и Государственным историческим музеем (ГИМ). В ходе этих работ были обнаружены несколько селищ XII–XIV вв. (Красный Яр II–V), а также доисследовано средневековое погребение на р. Дема.

После перенесения работ Археологической экспедиции ГАИМК и ГИМа южнее, в Оренбургские степи, небольшие исследования на территории Башкирского Приуралья продолжали проводить сотрудники Башкирского краеведческого музея М.И. Касьянов и П.Ф. Ищеригов. В 1935–1939 гг. они проводили охранные исследования средневекового металлургического центра Ярук (Стерлитамакский район), систематически осматривали строительные котлованы в г. Уфе, где доисследовали разрушающиеся погребения башкир, относящиеся к турбаслинской культуре [Ахмеров, 1970].

В 1935 г. И. А. Зарецкий раскапывает курганы в Оренбургском (Благословенка) и Акбулакском (Акбулак) районах Оренбургской области. Здесь были расчищены погребения эпохи средневековья. Его исследования уже привлекают внимание специалистов-археологов. Неслучайно, итоги полевых работ Зарецкого 1935 г. были опубликованы в Москве, в академическом издании «Археологические исследования РСФСР в 1934–1936 гг.» [Зарецкий, 1941]. К сожалению, этот полевой сезон был последним для 74-летнего человека, в августе 1936 г. И. А. Зарецкий умер во время своей очередной экспедиции.

В конце 20-х первой половине 30-х годов работы экспедиции ГАИМК проводились в Оренбуржье и Западном Казахстане. Борис Николаевич Граков (1899–1971) копал в 1928 г. у пос. Нежинского

и в Западном Казахстане. Полевые исследования 1930 г. также проходили на территории Казахстана. Появление Б.Н. Гракова на Южном Урале нельзя назвать случайным. Он состоял в Комиссии по археологии Московской секции ГАИМК (возникла в апреле 1924 г.), для которой «первоочередной задачей представлялось... собирание и реконструкция первоисточников» [Генинг, 1982. С. 27]. Источниковая база археологической науки планомерно пополнялась новыми массовыми источниками. Кроме того, исследователи изучали музейные коллекции, сформированные их предшественниками — краеведами XIX — начала XX веков.

Государственная Академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в 1932 г. формирует экспедицию, в состав участников которой входили, помимо Б.Н. Гракова, Павел Алексеевич Дмитриев (1902–1943) и Алексей Иванович Тереножкин (1907–1981). Полевые работы проводились с середины июля до конца сентября месяца. Всего было обследовано и учтено 838 погребальных сооружений в 168 курганных группах и могильниках, а также пять стоянок и две пещеры. Разведочные маршруты проложены по предполагаемым зонам затоплений и подтоплений на четырех участках: 1) в районе водохранилища на р. Орь; 2) в окрестностях г. Орска; 3) в зоне Ириклинского водохранилища, по р. Урал и ее притокам (Ирикле, Асы-Бутаку, Верхней и Нижней Орловке, Суундуку, Таналыку, Сухой Ташле и т. д.).

Таким образом, в результате полевых исследований Южноуральской экспедиции были основательно обследованы участки в верхнем течении р. Урал и низовья ее притоков, в восточной части Оренбургской и запада Челябинской областей. Автор отчета не только подробно указывал в тексте точную географическую локализацию памятников, но и отмечал степень сохранности объектов и причины их разрушений. Судя по его описаниям, основной ущерб памятникам наносили грабительские раскопки местных жителей и извлечение камня на строительные нужды. Б.Н. Граков разделил все погребальные памятники на три вида, основанные на визуальных различиях: а) каменные кольца; б) земляные низкие курганы, диаметром 10–30 м; в) небольшие насыпи из камня, иногда образующие выкладки [Там же. С. 96]. Первый вид был оставлен племенами эпохи бронзы, второй датируется скифо-сарматским временем, а третий — оставлен кочевниками-тюрьками эпохи средневековья [Там же].

Могильники, выявленные в 1932–33 гг., в отчете получили сплошную нумерацию, вне зависимости от близлежащего населенного пункта или реки.

В своем «Отчете» Б.Н. Граков характеризует исследованные памятники в культурно-хронологическом порядке: стоянки эпохи неолита (это «первые неолитические памятники в крае»), поселения андроновской культуры, погребения скифо-сарматской стадии в земляных курганах («изученные лучше всего»), каменные площадки эпохи средневековья (XIII–XIV вв. и мусульманские захоронения). Очень важно подчеркнуть отношение Б.Н. Гракова к выбору объектов для раскопок. Он отказался от исследования земляных курганов скифо-сарматского периода (хотя именно они интересовали его в научном плане), сделав упор на малоизученные памятники — стоянки эпохи неолита, пещеры, каменные площадки средневековых кочевников [Там же. С. 95–96].

Продолжение строительных работ повлекло за собой организацию новых экспедиционных исследований в зоне затопления водохранилищ. В 1936 г. Б.Н. Граков вновь был командирован на Южный Урал. Была организована Орская археологическая экспедиция ГАИМК, в полевых исследованиях которых принимал участие К. В. Сальников, как представитель Оренбургского краеведческого музея. Экспедиция возглавлялась Г. В. Подгаецким, и в ней работали С. С. Черников, М. З. Рабинович и другие [Подгаецкий, 1940. С. 69]. Экспедиция работала двумя отрядами: на р. Урал близ пос. Ново-Александровка и у аула Джанатан.

Ситуация с изучением памятников древностей в Южноуральском регионе к этому времени обстояла так, что сотрудники Орской АЭ могли посвятить все свое время раскопкам, причем выбирая объекты для них, согласно личным научным пристрастиям. По этой причине были исследованы погребения эпохи бронзы и железа, но не вскрывались курганы средневековой поры (они просто никого не интересовали). К.В. Сальников в 1936 г. возглавлял отряд, работавший у аула Джанатан, и раскапывал курганы у с. Федоровка недалеко от Челябинска (по контракту с Челябинским музеем) [Сальников, 1940].

Раскопки на территории Оренбургской и Челябинской областей продолжались и в последующие годы (К.В. Сальников), но средневековых захоронений в эти годы выявлено не было. Отметим лишь, что материалы раскопок второй половины 30-х годов легли в основу обобщающих работ по эпохе бронзы, подготовленных Г.В. Подгаецким, а позднее — К.В. Сальниковым.

Завершая наш обзор археологических исследований довоенного времени, необходимо сказать, что отдельные авторы считают, что в «20–30-х годах (археологические исследования — *авт.*) велись в весьма ограниченном масштабе и выполнялись в основном археологами Москвы, Ленинграда [Генинг, 1982. С. 45]. Мы же называем их масштабными в сравнении с объемом раскопок предыдущих лет. Значение этих работ для развития региональной археологии трудно переоценить, «сплошное обследование отдельных районов и массовое выявление памятников было совершенно новой в археологической практике задачей и сыграло несомненно, положительную роль в развитии советской археологии» [Там же. С. 84]. С этим трудно не согласиться.

События Великой Отечественной войны затормозили поступательный процесс развития археологической науки на Южном Урале. Некоторые археологи (Г.В. Подгаецкий) погибли на фронте. Крупнобюджетные проекты были приостановлены.

В 1948–53 годах в ходе археологического обследования территории Челябинской и Курганской областей К.В. Сальников вскрыл 14 средневековых погребений близ г. Магнитогорска, а также в Агаповском и Буринском районах.

Инициатива по возобновлению археологического изучения территории Оренбургской области, по словам К. Ф. Смирнова, исходила от областного краеведческого музея и была поддержана К.В. Сальниковым. В 1953 г. разведочный маршрут сотрудницы Челябинского музея Н.П. Кипарисовой и оренбургского краеведа С.А. Попова пролегал по Бузулуку. С этого времени начинается целый период в истории археологической работы Оренбургского музея, связанный с именем Сергея Александровича Попова (1905–1986), активного участника академических экспедиций, возглавляемых К.Ф. Смирновым, но проводившего и самостоятельные раскопки.

С 1956 г. начала свою деятельность постоянная Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР, Оренбургского музея краеведения и Государственного исторического музея. Основными задачами экспедиции было изучение истории и культуры племен бронзового века и кочевников-сарматов раннего железного века [Там же. С. 4–5]. Общее руководство экспедицией возлагалось на К.Ф. Смирнова, а раскопки отдельных памятников и целые отряды по мере необходимости, возглавлялись Э.А. Федоровой-Давыдовой, М.Г. Мошковой и С.А. Поповым. Погребения эпохи средневековья не вызывали особого интереса исследователей, хотя

они постоянно попадались в ходе раскопок. На протяжении 1956–62 годов было выявлено свыше 15 позднекочевнических захоронений в могильниках Увак, Близнецы, Новый Кумак.

Встречались как впускные захоронения в курганах бронзы и РЖВ, так и основные. Особенно массовый материал эпохи средневековья был получен в ходе раскопок Ново-Кумакского курганного могильника под г. Орском (раскопки М.Г. Мошковой) [Кригер, 1983]. Отдельные погребения тюркоязычных кочевников были опубликованы авторами раскопок [Федорова-Давыдова, 1969]. Ну, а если говорить в целом, Оренбургская экспедиция обследовала целую серию погребальных памятников в Соль-Илецком, Халиловском, Сорочинском, Тоцком, Кваркенском, Ново-Орском и других районах Оренбуржья. Впервые обследовались рудники, выявлены памятники древнеямной культурно-исторической общности, курганы савроматско-сарматской знати. Значительно увеличилось количество раскопанных памятников срубной и андроновской культур эпохи бронзы. Выявлены погребения, которые сейчас специалисты относят к петровскому типу бронзовой эпохи. В большом числе исследованы курганы прохоровской культуры, и т.д. К.Ф. Смирнов отмечает: «Экспедиция лишь попутно исследовала погребальные памятники тюркского населения Южного Приуралья, связанного с крупным огузо-печенежским племенным союзом (IX–XI века н. э.). Для него характерны погребения воинов с чучелами или шкурой коня (Увакский могильник, большой могильник в урочище Черный Яр ... на Илеке» [Смирнов, 19??, С. 8]. В 1971–73 гг. К. Ф. Смирнов продолжил раскопки Ново-Кумакского могильника, в результате чего было обнаружено еще 7 средневековых захоронений.

Таким образом, можно сказать, что археологические исследования охватывают значительную часть территории Оренбургской области, и они становятся подлинно массовыми и плановыми. Но такая ситуация не могла долго продолжаться, поскольку названные специалисты не были жителями региона и копали с целью сбора научных материалов для своих работ. Один С. А. Попов, не мог восполнить своими работами отсутствие местной научной школы. После отъезда из Оренбурга и смерти С.А. Попова, археологическая работа в музее вновь затухает. Оренбургская экспедиция АН СССР также прекращает свою работу.

Подобное положение сохраняется в Оренбурге до сих пор. За три последних десятилетия XX века здесь так и не появился свой специалист по эпохе

средневековья. Раскопки памятников тюркоязычных кочевников эпизодически производились заезжими специалистами Уральска (В. А. Кригер) и Уфы (Н. А. Мажитов), но это были разовые мероприятия.

В 1974–75 гг. на территории Октябрьского (Имангулово, Октябрьский, Колычевский), Беляевского (Карагач, Жанаталап, Алабайтал), Оренбургского (Каменноозерный) и Илекского (Россыпинский) районов Оренбургской области целенаправленный поиск и раскопки курганов эпохи средневековья предпринял Н.А. Мажитов. Полученный материал IX–XI и XIII–XIV веков, к сожалению до сих пор не опубликован.

В 1979 г. В.А. Кригер и С.Н. Заседателева продолжили раскопки курганов Ново-Кумакского могильника близ г. Орска. По итогам этих работ В.А. Кригер подготовил статью, в которой обобщил материалы своих раскопок и материалов средневековых комплексов, выявленные К.Ф. Смирновым и М.Г. Мошковой на этом могильнике [Смирнов, 1980]. В научный оборот были введены материалы одного из крупнейших курганных могильников тюркоязычных кочевников эпохи средневековья в Восточной Европе.

Определенный вклад в дело выявления и изучения памятников позднесредневековых кочевников явились работы экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне ИИЯЛ Уфимского научного центра Российской АН) под руководством В.А. Иванова (г. Уфа), на территории Оренбургской, Самарской областей РСФСР и Актыбинской области (совместно с С. Ю. Гуцаловым, В. А. Кригером) Казахстана. На протяжении с 1980 по 1990 годы происходил целенаправленный поиск и раскопки курганов IX–XIV вв. Маршруты разведок пролегали по рекам Таналык, Урал, Илек, Урта-Бурта (Оренбуржье), Ор, Эмба, Уил (Актыбинская обл.), Большой Иргиз, Большая Грушица, Чапаевка, Волга (Самарская обл.) и в других местах. Было обнаружено большое число новых памятников, в том числе крупные средневековые могильники (Линевский, Родники, Покровский и т. д.) Всего за эти годы было вскрыто 123 погребения эпохи средневековья и источниковая база значительно пополнилась.

В 1992 г. начались широкомасштабные стационарные исследования курганных могильников на юге Оренбуржья. Предистория данных работ уходит в 1990–91 гг., когда в пределах Соль-Илецкого и Акбулакского районов были проведены разведочные работы экспедицией Оренбургского пединсти-

тута (начальник отряда — к. и. н. Н. Л. Моргунова) и отрядом Института археологии РАН (начальник отряда, к. и. н. Т. Н. Трунаева). Помимо выявления новых памятников археологии, в этот год были проведены рекогносцировочные раскопки в пределах Соль-Илецкого района. Погребений эпохи средневековья в первый год раскопок не выявлено.

В 1992 г. совместная российско-американская экспедиция получила название «Илекской», в ее составе работали отряды Института археологии РАН (Москва), Оренбургского пединститута и других организаций [Яблонский, 1993. С. 4–6].

Несколько лет экспедиция работала вблизи с. Покровка, в ходе ее уже на протяжении 1992–1995 годов было вскрыто свыше 250 погребений. Основная масса погребений датируется ранним железным веком. Материалы раскопок оперативно публикуются на страницах серийного издания, получившего название «Курганы левобережного Илека». К середине 1996 г. было издано четыре выпуска, содержащих описания раскопок и разведок 1990–1995 годов [Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993; Вып. 2. М., 1994; Вып. 3. М., 1995; Вып. 4. М., 1996].

В ходе археологических исследований курганов эпохи бронзы и железа было выявлено несколько захоронений эпохи средневековья, оставленные огузами и печенегами (Покровка I, к. 17/2; Покровка II, к. 1; Покровка VIII, к. 4), в золотоордынский языческий период (Покровка I, к. 1/1, к. 2/8, к. 3/4) и в золотоордынский мусульманский периоды (Покровка VIII, к. 1/7). Все эти средневековые захоронения были впускными.

Накопление источниковой базы по средневековой археологии лесостепного и лесного Приуралья (современный Башкортостан) во второй половине XX столетия происходило несколько по иной схеме. Планомерные и целенаправленные археологические исследования на территории республики начались в начале 50-х годов и были связаны с созданием в Институте истории, языка и литературы археологической группы. Научным руководителем группы и начальником постоянной Башкирской археологической экспедиции была назначена старший научный сотрудник ИА АН СССР Анна Васильевна Збруева (1894–1965). В составе группы работали Г. В. Юсупов, Т. Н. Троицкая, П. Ф. Ищериков [Пшеничнюк, 1982. С. 63]. В первые годы деятельности археологической группы полевые изыскания, в соответствии с научными интересами ее руководителя, проводились в основном на памятниках эпохи бронзового века. После приезда в Уфу в 1956 г.

выпускника Пермского университета Нияза Абдулхаковича Мажитова в башкирской археологии начинает развиваться новое направление — археология эпохи средневековья. В 1957–1960 гг. Н. А. Мажитов проводит целенаправленные исследования памятников турбаслинской и бахмутинской культур в центральных и северо-западных районах БАССР. Им были изучены Ново-Турбаслинские поселение и курганный могильник, Юмакаевское, Кансиярское городища и Каратамасский могильник бахмутинской культуры. Начиная с 1959 г. и по сей день периодически ведутся раскопки Бирского могильника.

Одновременно памятники эпохи средневековья выявляются и в более южных районах современного Башкортостана. В 1957 г. Махмуда Хисаевна Садыкова в поисках сарматских курганов открывает и исследует курганный могильник X–XI вв. у дер. Старо-Мусино [Садыкова, 1959].

В 1961 г. Анатолий Харитонович Пшеничнюк проводит раскопки Уфимских (Дежневских) курганов турбаслинской культуры [Пшеничнюк, 1968].

Практически одновременно, в 1959 г., объединенная экспедиция Казанского университета и Института антропологии Московского университета (МГУ) под руководством антрополога Марии Степановны Акимовой и археолога Владимира Федоровича Генинга проводит раскопки могильника и селища второй половины I тыс. н.э. на окраине с. Кушнаренково [Генинг, 1977].

Вообще, 60-е — 70-е гг. XX столетия были временем «источникового взрыва» по средневековой археологии лесного и лесостепного Приуралья. Правда, «взрыв» этот касался преимущественно памятников и культур I тыс. н.э. Так, Галина Ивановна Матвеева — руководитель археологической экспедиции Башкирского университета — в 1966–1969 гг. активно исследует памятники турбаслинской, бахмутинской и караякуповской культур (Шареевский могильник, Тибельское селище, Юмакаевское, Кара-Якуповское, Старо-Калмашское городища). Коллега Г. И. Матвеевой по археологической экспедиции БГУ Сергей Михайлович Васюткин примерно в это же время начинает активное изучение могильников мазунинской культуры в низовьях р. Белой (Ангасякский, Старо-Кабановский).

В 1963 г. два женских захоронения эпохи Золотой Орды были раскопаны М. Х. Садыковой у д. Юлдыбаево в Башкирском Зауралье, а в 1966 г. сразу 14 погребений XII–XIV вв. исследовал

С.М. Васюткин в Сынтыштамакском курганном могильнике на р. Чермасан.

70-е годы были временем начала систематических поисков и изучения средневековых памятников в степном Приуралье и на северо-востоке современного Башкортостана. И наиболее масштабные изыскания в этом направлении были проведены Н.А. Мажитовым, открывшим и исследовавшим серию памятников VII–IX и XII–XIV вв. в бассейне р. Уфы (Лагереvские, Каранаевские, Мрясимовские курганы), в среднем течении р. Урал (Алабайтал, Жанаталап, Карагач, Россыпино и др.), в низовьях Белой (Манякский, Житимакский могильники).

Одновременно в процессе поисков савромато-сарматских курганов на Южном Урале серию средневековых курганных могильников обнаружил и раскопал в верховьях р. Сакмары А.Х. Пшеничнюк (Бекешевские I и II, Ивановский IV, у пос. Комсомол).

В результате проведенных полевых исследований к середине 90-х годов прошлого столетия на Южном Урале сложилась вполне репрезентативная сеть археологических памятников, позволяющая проследить ход этнокультурных процессов в регионе на протяжении целого тысячелетия, с IV по XIV века.

ТЮРКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ И ЮЖНЫЙ УРАЛ В ОСВЕЩЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ VI–XV ВВ.

Стало уже устойчивой традицией в анализе раннесредневековой истории Южного Урала от сообщений античных авторов сразу же переходить к персидо-арабским источникам X–XIII вв. Создается не совсем верное представление, что после Аристия и Геродота, Помпония Мелы и Клавдия Птолемея [Боднарский, 1953. С. 199; Хённиг, 1961. С. 100 сл.; Кузеев, 1974. С. 136; Дитмар, 1973. С. 125; Магидовичи, 1982. С. 118] историко-географическая мысль о центре Евразии из поля зрения европейской науки выпадает надолго, сохраняясь разве что в «Книге драгоценных камней» арабоязычного перса X в. Ибн-Русте (Ибн-Даст) и его современника из багдадского посольства Ибн-Фадлана, а также веком спустя — в «Своде тюркской лексики» 1072–1074 гг. Махмуда Кашгари [Крачковский, 1957. С. 16 сл.; Коновалова, 1999. С. 191 сл.; Псянчин, 2001. С. 13 сл.; Гараева, 2006. С. 25–27].

Европейская же наука «возвращается» на Южный Урал, согласно этому подходу, лишь в XIII веке, когда по указу папы Григория IX в 1235–38 гг. дважды проезжал по территории Башкортостана венгерский доминиканец Юлиан, оставивший после себя воспоминания о поисках на Урале прародины венгров «Магна Хунгария». Восемь лет спустя по тем же местам, но дальше, до Монголии, проезжал через Яик (Урал) направленный Иннокентием IV итальянский монах-францисканец Плано Карпини, написавший «Историю монголов». Еще семь лет спустя францисканец из Голландии Виллем Рубрук вновь пересекал просторы Южного Урала волею французского короля Людовика IX по пути в Каракорум. Факты эти хорошо известны в истории взаимоотношений Европы и Востока, как и труды, оставленные папскими миссионерами-католиками XIII века.

Между тем, Европа «вернулась» на Восток не в XIII веке, а гораздо раньше, т.к. в лице Византии

всегда оставался мост между Западом и Востоком не только географический, но и этнокультурный [Еремеев, 1971; Дьяконов, 1982. С. 48 сл.; Сапианиди, 1993. С. 137 сл.; Гундин, Цымбурский, 1996; Helwing, Greuaves, 2001; Андреев, 2002; Иванов, 2003].

Будучи Восточным крылом Римской державы, Византия с 1-ой пол. I тыс. н.э. активно торговала с широким кругом партнеров, вплоть до Индии и Китая на Великом шелковом пути, но главным образом, естественно, с соседями. Несмотря на госрегулирование внешней торговли в виде октавы (пошлинный сбор в 12,5% со всех видов товара), торговля имела несомненный резон и давала обеим сторонам солидный доход. Это отчетливо видно по Кодексу Юстиниана сер. VI века (IV, 32, 5; 33, 3; 63,1). Но еще нагляднее это демонстрировал более ранний источник, где четко фиксировались регионы и народы — активные экономические партнеры Византии. Мы имеем ввиду анонимно вышедшее еще в сер. IV века «Полное описание мира и народов» (Expositio), торговавших тогда с Византией. В 68 параграфах этого труда «львиная доля» (15) приходится на Сирию и Египет [Пигулевская, 1951. С. 33–35; Успенский, 2001. С. 509–510]. По 1–2 параграфа отведено на Паннонию и европейскую Галлию, Рим с форумом Траяна и земли древних тусков, Мисию и Дакию, Афины и Коринф, Нумидию и Мавританию (параграфы 52–60). По одному разделу труда византийско-сирийского географа отведено на Аравию и анатолийскую Галатию. Что касается ближайших восточных соседей, то достойны упоминания Каппадокия, где «из-за холодного климата жители носят меховую одежду» (параграф 40), и Месопотамия с Осроеной, которые торговали с персами всем, кроме меди и железа (параграф 22). Судя по «Описанию», ничего более конкретного о населении, жившем северо-восточнее Двуречья, византийцам в IV в. еще не

было ведомо, хотя на их ярмарки поступали товары из Индии и Китая (Amm. Marc. XIV, 3, 3) [Lopez, 1945. P. 1 ff.; Miller, 1969. P. 119].

Спустя два века картина стала постепенно меняться, чему невольно способствовал Сасанидский Иран времен Кавада I (502–506 гг.) и его преемников. Усиление этого государства поставило в кризисное положение знаменитый Шелковый путь, обоюдовыгодно питавший и Китай, и Византию. Решая возникшую проблему, китайские караваны апробируют «новую дорогу севера» через земли бывшей Согдианы, которая до сер. VI в. была под контролем эфталитов-хионитов (т.е. «белых гуннов» или саков по античной традиции), а затем, с их разгромом около 555 г. [Гумилев, 1990. С. 191], оказалась в руках тюркских каганов, настроенных к Ирану враждебно. Это обстоятельство в Византии было оценено весьма оперативно: спасая Шелковый путь (доходы от торговли с Востоком) и имея Иран общим недругом, Византия и Степь идут на сближение, заключив в 568 г. антисасанидский союз.

Возникает естественный вопрос: что знал в VI веке мир ромеев-византийцев о тюрках вообще и их лидере Дизабул-Истэми, идя с ним на переговоры, а затем и на антииранский союз?

В византиеведении давно уже стало общим местом (топосом) правильное, по сути, утверждение, что мир Ромейско-Византийской державы, активно торгуя с соседями — «варварами», хоть и не проявлял к ним пресловутого римского снобизма в духе Аммиана Марцеллина [Немировский, 1986. С. 256 сл.; Удальцова, 1988. С. 49], но продолжал веками (!) именовать это окружение в архаических терминах собственного античного прошлого. Очевидно, в основе этого лежало подсознательное желание не замечать шедших в I-ой пол. I тыс. н.э. довольно бурных этнополитических изменений, как в Европе, так и на степных просторах Евразии. Осмысление этих новых реалий требовало времени, по крайней мере, одного-двух поколений, но VI век торопил. И современники этого века из Византии хоть и знали о войнах III–V вв. гуннов в Европе и «белых гуннов» (эфталитах) в Средней Азии, но представляли себе этот мир достаточно смутно и туманно.

Между тем, уже современник Юстиниана армянский ученый — энциклопедист рубежа V–VI вв. Мовсес Хорэнаци создал свою обширную «Географию» с опорой в том числе на труды византийцев IV–V вв. Помимо родной Армении, он дает описание ряда соседних с ней земель и народов, пришедших откуда-то с Востока. Так на страницах этого труда он описал и Скифию под названием

Турхия («страна тюрков») от р. Итиль на Западе (Волга) до хребтов Имаус на востоке (Рифей или Алтай), населенную сорока четырьмя (!) народами, среди которых конкретно названы — согды, тохары и эфталиты — самые южные из обитателей этого региона и, соответственно, наиболее знакомые ромеям в их политико-дипломатических контактах со Степью.

Впрочем, труд Хорэнаци был ориентирован прежде всего на соплеменников, а потому едва ли мог существенно повлиять на географический кругозор собственно византийцев, для которых и в VI–VII вв. действенными авторитетами продолжали оставаться Клавдий Птолемей, Страбон и Диодор.

Неудивительно потому, что автор первой всемирной хроники сириец Иоанн Малала, один из ведущих византийских авторов VI века, создал свою «Хронографию» полностью в духе Диодора Сицилийского [Удальцова, 1971. С. 3. сл.], т.е. синхронизируя события мировой истории территориально (от Востока до Рима) и хронологически — с Потопа и до эпохи Юстиниана, «по царствам» [Любарский, 1992. С. 207]. При этом на правление Октавиана Августа и «западную» дипломатию Юстиниана Малала сделал столь явственный политический акцент, что на «восточную» дипломатию знаменитого византийского императора сил у автора, похоже, больше не хватило. Зато этот пробел Малалы успешно компенсировал другой сирийский грек VI века — Прокопий Кесарийский (500–565 гг. ?). Советник и доверенное лицо Велизария, талантливейшего армянского стратега при дворе Юстиниана, Прокопий в «Тайной истории» создал едва не панегирик Велизарии и его «восточной политике». Но если стратег, соответственно должности, вел с недружественными соседями Востока действия по преимуществу военного характера, то дипломатия Византии — в силу своих задач — была занята поисками врагов своих врагов: так к северу от Ирана обозначались в поле зрения ромеев вначале потомки саков — эфталиты, а затем — тюрки Дизабул-Истэми, для переговоров с которым Константинополь отправил далеко на северо-восток иллирийца Зимарха (Н.А. VI, 2). Этот эпизод византийской дипломатии конца VI века достоин большего, чем до сих пор получал [Пигулевская, 1951. С. 158–159; Круглов, 2002. С. 142–149], внимания, т.к. содержит по-своему уникальную информацию по этногеографии Южного Урала и Северного Казахстана середины I тыс. н.э.

Толчком к союзу, как позднее сообщал в «Истории делегаций ромеев» Менандр Протиктор, послужил визит в Константинополь подданных

Истэми. Рассказав в Константинополе на приеме у Юстина II о своей стране из четырех владений (видимо, четырех племенных территорий), землях и городах, делегаты Дизабула убедили византийского василевса заключить с ними «мир и союз, так как они очень расположены воевать с неприятелями Римской (т.е. Ромейско-византийской) державы, живущими в их краях» (Мен. 108).

В августе того же 568 г. киликийский посол Ромеев илириец Зимарх отправляется далеко на Восток, в ставку Дизабула, и по проишествии продолжительного времени прибывает к хакану Турков. В отличие от более позднего визита Ибн-Фадлана, детально описавшего весь свой маршрут по дням пути между пунктами, Зимарх — в пересказе Менандра — таких деталей не сохранил; его повествование выхватывает из сумерек VI в. лишь отдельные, но яркие картины.

Среди них — прибытие делегатов в ставку к Золотой горе Эктаг и их прохождение через костер из ветвей ливанского кедра, дабы это ритуальное языческое окуривание с параллельно шедшим звоном колоколов очистило ромеев перед встречей с хаканом Дизабулом. О последнем ученик Менандра, Феофилакт Симокатта, напишет, что тот — «сильнейший хакан тюрков и владыка семи племен и их обитаемых территорий семи» (В. 282).

Итак, встреча на Эктаге состоялась, и после трехдневных пиршеств в шелковых шатрах, потрясших византийцев обилием золота и серебра, союз был заключен. Делегация была с почетом отправлена домой, а самого Зимарха — за личные услуги в ходе тяжелых переговоров с персами — хакан ещё и наградил пленницей из народа «херхис» (Мен. 152–153), в котором следует, видимо, усматривать зависимых от Дизабула киргизов, поскольку в их долине Талас и шли переговоры хакана и Зимарха с персами.

На обратном же пути к императору Зимарх в сопровождении двенадцати всадников — тюрков Дизабула, знатоков тех мест, с трудом переправился через Оих (Окс? — Амударья?), почти две недели шел вдоль берегов «широкого озера» (Арал или Каспий?), пока не достиг Даиха (Даих — Дьяик — Даитя — Урал?). Затем послы «через болота прибыли к Аттилу» (Ibid. 154). Несомненно, в данном случае речь идет о низовьях реки Волги, которая у гуннов называлась Итиль или Атиль. Подчиненный Дизабулу вождь кутригуров снабдил делегацию кожаными мехами с водой и помог добраться по безводной степи до волго-донских алан (Ibid. 154). Последующий маршрут делегации, через Крым — Кавказ — Трапезунд, Менандр вновь дает схематич-

но, но нам в данном случае это не столь важно. Ведь в предшествующем пассаже византийский историк VI в. недвусмысленно называет Оих (или Окс), Даих и Аттилу, каковые топонимы и гидронимы с несомненностью соотносятся с Яиком-Уралом и Итиль-Волгой возле Каспия. Важно при этом учитывать и то обстоятельство, что акватория Арала и Каспия тех времен была несравнимо шире их нынешних рубежей, в силу чего северные границы обоих водоемов, где кочевали подчиненные Дизабула — семь племен тюрков, т.е. башкир, вполне соответствовали границам номадов Южного Приуралья.

Примечательно упоминание на правом берегу Аттил (Волги) племени угуров. С.Г. Кляшторный показал несостоятельность отнесения *угуров/огуров* к угроязычным народам (см. с. 70 данного издания). Это тюркское племя уже в V в. н.э. известно в степях Причерноморья. Локализация этого народа на берегах Волги, позволяет говорить о несомненном присутствии тюрков в волго-уральских степях в V–VI вв. н.э.

В 576 г. преемник Юстина II Тиберий, ввиду серьезного ухудшения отношений с сасанидским Ираном, вновь отправляет из Византии посольство к тюркам Дизабула, назначив главой миссии Валентина — «царского меченосца» (важный ранг придворной иерархии тогдашнего Константинополя). Свиту сопровождали сто шесть турков, уже давно живших в столице державы ромеев и «от имени своего народа посланные», как говорит Менандр (Мен. 160 sq). При этом византиец фиксирует поразительный момент: «некоторые из этих скифов, из племен так называемых турков, уже прежде сопутствовали Валентину, ибо Валентин был дважды (!) отправлен к туркам в звании посланника; другие же сопровождали Иродиана и Павла Киликийца. Так что всех собралось до ста шести человек» (Ibid. 161). Путь вновь был долгим и утомительным. Менандр Протиктор не сообщает столь интересные современному краеведу детали маршрута и живописания быта автохтонов, а лишь отмечает, что по смерти Дизабула, разгромившего и подчинившего ещё до этого эфталитов и вархонитов, наследником и верховным владельцем всех его племен и земель на рубеже 575–576 гг. стал Арсила, чьи владения теперь делились на восемь частей и управлялись подчиненными ему тюркскими вождями, в том числе братьями Тардой и Турксанфом.

Подтверждая на приеме у Турксанфа союз со Степью против Ирана, Валентин и его делегация стали царапать ножами свои лица в знак верности памяти Дизабула и, как того требовал «похоронный тюркский обычай «дохия», Валентин участвовал

вместе с Турксанфом в поминальной тризне, в ходе которой в жертву вместе с конями были принесены четверо военнопленных уннов» (Мен. 162–163).

Сам успех миссии Валентина (в отличие от миссии Ибн-Фадлана три века спустя) донныне покрыт густой пеленой тумана, чему способствовали, в известной мере, как скрытность истории дипломатии, так и, в результате, наличествующее состояние источниковой базы.

Тем не менее, с учетом последующих этнополитических реалий, можно убедительно полагать, что миссия шедшего по пути Зимарха Валентина была результативной, т.к. в политике Византии произошло укрепление союза с каганатом, а в экономике — несомненная активизация через Согд взаимовыгодных связей на караванных маршрутах Великого шелкового пути, расцвет которого единодушно датируется рубежом VII–VIII вв., т.е. вскоре после вышеописанных политических акций Византии и Степи.

Кстати, именно к VI–VIII векам относится наибольшее количество находимого по берегам Волги, Камы и Агидели (Белой) византийского импорта серебряных изделий чеканщиков, пользовавшихся большим спросом у древнего населения Приуралья [Лещенко, 1977; Kruglov, 2000. P. 39 f.].

Однако в силу присущей дипломатии повышенной секретности для современников Зимарха и Валентина могли стать известны только общие обстоятельства визитов делегаций и их итоговые результаты, тогда как интересные этноисторические и этногеографические детали описания маршрутов не дошли до сограждан Константинополя, оставив их еще надолго в неведении реалий Великой Степи VI–VII вв.

Именно молчанием дипломатии, на наш взгляд, можно объяснить продолжение сохранения в массовом сознании ромеев и после визитов обеих делегаций стереотипов прошлого, оснащенных путаницей между скифским прошлым и новым, тюркским, обликом степи. Так или иначе, но младший современник Прокопия, Малалы и Менандра Евагрий в «Церковной истории» современных ему гуннов отождествлял с массагетами (III, 2), а живший чуть позднее Агафий Миринейский (536–582) в сфере этногеографии Степи сделал даже шаг назад, т.к. всех степняков возле Меотиды (Азовское море) называл «гуннами или скифами» (V, 11). Будь он простым обывателем Византии, никто бы не удивился сегодня, но Агафий имел блестящее образование после учебы в Константинополе и Александрии Египетской, хорошую адвокатскую практику, слыл продолжателем труда Прокопия Кесарийского

«История войн Юстиниана» [Левченко, 1950. С. 63 сл.] в духе идеализма Платона с его мечтами о «философе на троне»... Впрочем, отождествление Агафием гуннов со скифами может быть и объяснено, если учесть, что вышедшие из глубин Азии гунны (точнее, сюнну-хунну) одолели расстояние от Монголии до Причерноморья, где на просторах «геродотовой Скифии» византиец вполне мог их отождествить с былыми хозяевами степей. Равным образом еще один автор того же VI века, Феофан Византиец, в своей «Истории» за 568 г., когда Зимарх держал путь к Истэми, отмечал, что возглавляемые Дизабулом турки «в прошлом именовались массагеты» (Bibl. 64). Если учесть, что двигавшиеся из Центральной Азии на Запад хунну шли несколькими потоками, в том числе и через территории Окса и Согда, включая в свой состав элементы местного массагетского населения, то отождествление этноса Аттилы с тюркизированными массагетами [Пьянков, 1975. С. 66–69], ближайшими родичами саков [Акишев, Кушаев, 1963. С. 25; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 106–112, 341; Тур, 1995. С. 48–50; Круглов, 2005а. С. 54–60], оказывается по-своему знаменательным, т.к. саки, возможно, являлись одним из компонентов только еще формировавшегося тогда этноса — башкир.

К началу VII века относится деятельность ученика Менандра Протиктора Феофилакты Симокатты, на страницах «Истории» которого гораздо заметнее, чем у предшественников, влияние христианских идей. Современные ему правители державы ромеев руководствуются «благоразумием, скромностью и справедливостью» как по отношению к своим подданным, так и во взаимоотношениях с соседями, экс-варварами. А среди последних Симокатта фиксирует (V, 10, 10 сл.) нападавших на Византию Турков, которых именует «восточными скифами», т.к. те вели атаки из степей былой Скифии. Тожественность турок (и хазар) скифам отчетливо видна, вслед за Симокаттой, и в тенденциозной «Хронографии» Феофана Исповедника (Chron. I, 266,3; I, 409,3 сл.), видного хронографа IX века [Чичуров, 1980. С. 15 сл.], а также в целом ряде военных трактатов VI–X вв., значительная часть которых донныне не имеет точного византийского авторства.

Так, в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия (принадлежность перу императора 582–602 гг. весьма сомнительна [Кучма, 1979. С. 52–53] указаны два основных противника Византии во 2-ой пол. VI в.: на востоке — персы, а на северо-западе — славяне. Турки (тюрки), как противники, не указаны, что вполне естественно в свете недавних визитов в

Степь Зимарха и Валентина, но среди неприятелей нет в тексте «Стратегикона» и арабов, зато один раз уже упомянуты болгары (XII, 8, 1, 3), славяне за их весьма благожелательное (!) отношение к военнопленным (XI, 4, 3–4).

В начале X в. появляется откровенно оборонительный по духу трактат «Тактика Льва», который ассоциируется с императором-эрудитом Львом VI Мудрым (886–912). Если «Стратегикон» Псевдо-Маврикия был выдержан во многом в духе воинственного Юстиниана, то «Тактика Льва», хоть там и есть стилистическое влияние «Стратегикона», все-таки создавалась в иных исторических условиях, поэтому рефрен этого трактата – постоянный призыв к миру, дабы «не обогреть землю кровью ни соплеменников, ни варваров» (II, 49. Col. 692 D).

Среди варваров, врагов ромейской державы, в гл. XVIII этого трактата указаны прежде всего арабы (XVIII, 109–142). Старые противники, франки и лангобарды, с принятием христианства из числа недругов Византии исключены (XVIII, 78, 80–90. Col. 964–968). Зато среди новых недругов Лев VI Мудрый фиксирует авар и болгар, именуя и тех и других в духе Симокатты «скифами» (XVIII, 43. Col. 956 сл.), т. к. нападали они на Византию из степей Скифии и сходную с ними тактику имели «турки» (XVIII, 44–45. Col. 957). Относительно этничности последних мнения исследователей расходятся, т. к. одни видят в «турках» представителей тюркского мира Арало-Урало-Поволжья, сдвинутых гуннским передвижением на запад, в район Причерноморья и Подунавья. Другие исследователи [Кучма, С. 73; Гарустович, Иванов, 2001. С. 22–24] отождествляют их с ранними венграми – протомадьярами. Так или иначе, истоки обеих версий уходят в район Урало-Поволжья, откуда берут свое начало и появившиеся на страницах византийских авторов X–XI вв. падзиники – печенеги русской традиции.

Строго говоря, одно из самых ранних упоминаний печенегов в византийских документах относится, похоже, к 833 году, когда хазарские хакан и пех (второе лицо в Хазарии) обратились за помощью к дружественному им ромейскому царю Феофилу для строительства на Танаисе (Дон) крепости Саркел, т.е. «Белый Дом», от нападавших на них печенегов. Согласно тексту «Продолжателя Феофана» (III. Феофил, 28 сл.), просьба хазар была уважена и в 833–834 гг. исполнена посланником Феофила спарфорокандидатом Петроной, который в полном соответствии с традициями византийского военного зодчества возвел на «хазарском» берегу Дона крепость Саркел, дабы с противоположного берега не нападали на хазар, союзников Византии, «паздина-

ки» – печенеги, «дикие, не знающие цивилизации варвары».

С подобным миром соседей, «не знающих законов и государственности», по мнению Византии, единственный метод разговора – сила оружия, как свидетельствовали военные трактаты X–XI вв. [Lecher, 1955. s. 292; Каждан, 1975; Кучма, 1979. С. 46 сл., Бибииков, 1981. С. 49 сл.], отмечая в числе недругов, прежде всего печенегов.

Если самые ранние упоминания о них в Византии фиксируются в сер. IX века, то в арабо-персидской традиции фиксация печенегов, естественно, происходит чуть раньше и относится к VIII веку, когда они отмечены кочующими во владениях Кангюй между Каспием и Ферганой. Вскоре пришедшие с р. Орхон в Монголии огузы (гузы) проходят с боями насквозь территории печенегов, двигаясь вначале строго на запад и оседая между Яиком, Волгой и Причерноморьем [Гарустович, Иванов, 2001. С. 18–19]. Затем, в начале XI века, огузы стремительно уходят на юг и через Аму-Дарью, Хорасан и Кавказ выходят на рубежи Анатолии, вторгшись во владения Армении и восточной Анатолии. Приняв на востоке ислам и именуясь после этого не огузами, а сельджуками-туркменами, они именно так теперь именуются в «Огуз-наме» у Рашид-ад-Дина. У византийца XI века Михаила Пселла они названы «гетами». После взятия в 1071 г. Манцикерта сельджуки берут в плен и византийского императора Романа IV Диогена [Пселл, 1978. С. 180–182].

Печенеги же, сквозь пастбища которых, как сквозь масло, прошли и ушли на юго-запад огузы (туркмены), оказались после этого оттесненными на север и расколотыми на две группы.

Одна из них, условно говоря «западная», вначале располагалась возле Арала – «Джурджи» у аль-Масуди X века [Гарустович, Иванов, 2001. С. 11 сл.], а затем откочевала к Дунаю. Вторая же группа, «восточная», откочевала от родных мест на север, в Приуралье. По их поводу, а это несомненный компонент формировавшегося в Приуралье этноса ранних башкир, около 912 г. Ибн-Рустэ сообщал, что «земля печенегов» лежит к востоку в 10 днях пути от «земли хазар» [Хвольсон, 1868. С. 665 сл.].

А за 70 лет до ибн-Рустэ, как уже отмечалось выше, по просьбе хазар византийцы возводят на Дону от «падзинаков» крепость Саркел, т.к. откочевавшие из-за огузов к северу от Арало-Каспийских степей печенеги вошли в степях Заволжья в длительные и непростые взаимоотношения с хазарами, через них – с Русью, а через неё – с Византией.

В X в. печенеги попадают на страницы трактата «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного. Именно на страницах его сочинения мы встречаем извлечения, эксерпты, уже цитировавшегося ранее Менандра Протиктора, т.к. целиком труд этого автора VI в. до нас не дошёл. И на страницах опять же Константина VII, эрудированнейшего ромейского монарха I-ой пол. X в., впервые встречается объяснение второго, наряду с «падзинаки», этнонима (?) или обозначения печенежского этномассива — кенгерес.

По сообщению византийского императора, «раньше падзинаки назывались кангар или кенгерес, что означает «благородные и доблестные». Как-то однажды они пошли войной на хазар, но проиграли им, покинули свои земли и заняли землю Турков». Оставшиеся же на востоке (т.е. прямые этногенетические предки башкир) ещё долго ходили, как отмечал Константин [Об управл. Имп., 37–38.=Конст. Багрян., 1989, С. 155], в верхних одеждах с укороченными рукавами, «дабы видно было, что из-за узов (т.е. огузов. — Е.К.) они отрезаны от своих сородичей и соплеменников».

Название «кенгерес», видимо, так и не закрепилось по-настоящему за печенегами, т.к. византийские авторы IX–XI вв. продолжали их именовать по-гречески падзинаки, а у Махмуда Кашгари в XI в. они именуются постоянно как «баджинаги», регулярно нападавшие в X–XI вв. на Киев. Получив в 1034 г. мощный отпор со стороны Ярослава Мудрого, печенеги (падзинаки-баджинаки) перенесли угол своих атак заметно южнее — на Дунай, где их в XI в. достаточно подробно описывает один из самых выдающихся византийцев Михаил Пселл (1018–1097).

Для Византии это была эпоха так называемой Македонской династии, ряды которой во многом составляли бежавшие из Крыма и из Армении от турок представители армянской военной элиты [Каждан, 1975]. При них усилилась в византийской армии тяжелая конница катафрактов, возросла роль военных пограничных поселенцев — акритов. Поскольку тогда же заметно ослабел Багдадский халифат, Македонская династия отбила у арабов немалую часть земель Малой Азии и Ближнего Востока, пока в середине XI века не заявили о себе сельджуки.

Современник всех этих событий Михаил Пселл пережил подъем и начало упадка Византии, смену 6 (!) императоров и свою опалу при одном из них, уход в монастырь и возвращение к активной научной и общественной жизни в им же основанном Константинопольском университете. Возглав-

ля факультет философии, он, как неоплатоник, совмещал идеи божественного предопределения и свободы воли человека, синтез которых реализовал в своем сочинении «Хронография». В этом труде «гений XI века» [Любарский, 1978. С. 193 сл.; Удальцова, 1988. С. 138 сл.] подробно описал ровно сто лет, 976–1077 гг., истории Византии в ее непростых взаимоотношениях с соседями, в том числе и с печенегами.

При этом Пселл, наследуя старую традицию ромеев именовать новых номадов Степи прежними этнонимами времен Страбона и Клавдия Птолемея, именует напавших на Византию из-за Дуная в 1046–47 гг. печенегов *мисами*, т.к. Дунай был зоной римской провинции II–IV вв. Мёсии. Огузов же, вытеснивших когда-то с родины печенегов и расколовших их надвое, Пселл называл *гетами*, перенося на тюрков-туркменів этноним древнефракийского племени Северных Балкан в дельте Дуная. Далее следует в «Хронографии» (С. 160 сл.) подробное описание легкой конницы печенегов-«мисов», их вооружения и тактики верхового боя. С нескрываемым изумлением современник Македонской династии, которая старательно культивировала конницу закованных в броню катафрактов, отмечает отсутствие у печенегов-конников панцирей и поножей, шлемов, мечей и щитов, чье вооружение составляли только копья.

Подобное «своеобразие» печенеги, по словам Пселла, с лихвой компенсировали презрением к смерти, храбро бросаясь на противника и обрушиваясь «как башни» на отступающего врага, но и столь же быстро обращаясь в бегство в случае решительного отпора противника [Хронография, 1978. С. 161].

Через 40 лет после Михаила Пселла с помощью союзных половцев Алексей I Комнин наконец к 1091 году все же разбил «мисов»-печенегов, принудив их осесть в Валахии. Вероятно, от тех времен и пошло созвучное башкирскому Темясово / Тимашево название топонима западной Румынии, т.е. населенной венграми части Тимишоарэ.

Итак, поразительно точные этнографические и военные аспекты печенегов на страницах М. Пселла и многих его предшественников продолжали соседствовать с откровенными архаизмами в сфере этнонимии окружавших Византию торговых соседей.

Между тем, к концу XII века передовая мысль византийских ученых, антикваров и хорографов уже выработала для нужд широких слоев державы Ромеев, связанных в ходе торговых контактов необходимостью общения с миром постантичных «варваров», целый блок таблиц-метономасий для

перевода былых античных названий на их византийские соответствия современности. Первая из упомянутых таблиц с двадцатью девятью параллелями появилась еще на рубеже XII–XIII вв. как приложение к тексту трактата Константина Порфиrogenета «О фемах». Последняя же, пятая по счету [Diller, 1970. Р. 27–42; Круглов, 20056. С. 20–24; 2007. С. 157–161], вышла в свет примерно на рубеже XV–XVI вв. и включала в свои списки почти 80 новых географических соответствий в сравнении с первой метономасией. Упомянутые таблицы призваны были до какой-то степени все-таки рассеять путаницу в сознании массового ромея (особенно если он был связан с торговлей) по части правильной ориентации в окружающем Византию мире «варварских земель».

В этом мире экс-варваров таблицы-метономасии и византийские хронографы X–XV вв., помимо вышеупомянутых падзнаков-печенегов, фиксируют и их соседей — ряд «новых» этносов с заметной, говоря современным языком [Хуснутдинова, 1994. С. 1621–1625; 1999. С. 163 сл.], «финно-пермской составляющей». Оставив после себя памятники неволинской и ломоватовской культур Прикамья, они тесно взаимодействовали с «восточными» (приуральскими) печенегами и вошли затем в состав формировавшегося этноса башкир, а для византийцев были «открыты» еще в VI веке готским писателем Иорданом. Последний в своем труде «Гетика» сообщал о торговле меховыми шкурками с соседями двух этносов, цер-мас (черемисы-мари) и хуннугуров: «Hunnuguri autem ... ab ipsis pollum murinarium venit commercium» (Getica, 59), т.е. «хуннугуры же со своей стороны (= от себя) приносят для торговли меховые шкурки куниц и горностаев».

Позднее Константин VII Порфиrogenет в первой пол. X века при описании «падзнаков» попутно отметит и их ближайших соседей: «Отстоит Падзнакия от Алании на 9 дней, от Мордии — на 10 дней, от России — на 1 день» [Об управл. Имп., 45–47. = Конст. Багрян., 1989. С. 156–157].

Мордва (у Конст. Багрянородного — Мордия), войдя с генетически близкими ей мари в состав башкир [Хуснутдинова, 1999. С. 192, 196–201], еще не раз будет упоминаться в византийских текстах. В этом отношении весьма интересны этногеографические экскурсы масштабно-драматической фигуры Византии — Георгия Гемиста Плефона (Плифона). Прожив 92 года (1360–1452 гг.) и скончавшись за год до падения Константинополя под ударами османов, Плефон был в равной мере известен и в Европе, и на Ближнем Востоке. Но если в Италии поклонник неоплатонизма с помощью К. Медичи сумел

в 30 гг. XV в. организовать во Флоренции «Академию Платона», где преподавал, цитируя и исправляя в духе времени Птолемея, Помпония и пропагандируя «Географию» Страбона, то в Византии из-за поразительного сочетания идей неоплатонизма, мистики и неозороастризма (!) его основной труд, «Законы», по приказу патриарха был, как еретический, предан костру [Медведев, 1976; Удальцова, 1988. С. 239]. А между тем, в сохранившихся и до потомков дошедших фрагментах этого трактата, Плефон в духе Платона советовал ромеям-современникам «перед лицом подступавших османов» реформировать государство и поставить во главе его мудреца-философа. Этот правитель, по мысли византийца XV века, смог бы упорядочить и внутренний уклад державы, и гармонизировать ее взаимоотношения с постварварским окружением. А здесь, на внешнем «фронте», Г.Г. Плефон, как за 3–4 века до него К. Багря-нородный и М. Пселл, вновь демонстрирует неизбывную тягу ромеев к архаизирующим топонимам и этнонимам, поразительно перемежая их подчас исторически верными названиями. Так, к примеру, у него в 6 главе Россия XV века — бывшая Сарматия, что тянется от Венедского Залива на севере, далее на юг и восток. Охоту в Заливе на «земноводную рыбу с белыми клыками» (т.е. моржей) ведут пермии, живущие на реке Тивин (Двина), восточнее которых Плефон помещает ловящих озерную рыбу местора и еще далее к востоку — мордивы. Таким образом, если Россия для византийца страна, которая «в древности называлась Сарматия», то в живущих к юго-востоку от истоков реки Ра (Волги) месторах, мордивах и пермиях без труда читаются вполне адекватные исторической географии XIV–XV вв. финно-пермские этносы мстера (мещера), мордва и коми-пермяки, непосредственные соседи и этно-генетические контактеры ранних башкир.

Во многом более выраженную чересполосицу этногеографических архаизмов и реалий доносит до нас «История» ученика Г. Плефона Лаоника Халкокондила (1423–1500). Если учитель его не дожил года до падения Константинополя, то ученик наблюдал этот шторм и последствия издалека — из Афин. Выходец из старинного аристократического рода, воспитанный на отточенной стилистике Фукидида, которому следовал в своем труде, Лаоник главной темой собственной «Истории» сделал анализ причин возвышения османов и параллельно шедшего упадка стран и этносов Восточного Средиземноморья. [Веселаго, 1957. С. 198–202; Диттен, 1962. С. 62 сл, 88 сл; Бородин, Гукова, 2000. С. 137]. Отсюда большое количество этноэкскур-

сов и портретов современников мирового масштаба, в т.ч. Тамерлана. А архаизирующий, в духе Фукидида, стиль Халкокондила особенно отчетливо проявился в экскурсах по районам Евразийской России («скифском», «сарматском» и т.п. в терминологии современных византистов). Но если «отец истории» Геродот во второй половине V в. до. н.э. дал описание этносов Крыма и их соседей, двигаясь по «торговому пути через 7 переводчиков» строго с запада на восток, то Лаоник Халкокондил описал соседей Византии XV века не по принципу «от ближних к дальним», а с севера на юг, т.е. меридианально. В результате ближайшие соседи ромеев оказались в конце I книги его «Истории», а дальние, на севере, — в начале. Ближняя периферия это «гигантская страна по ту сторону Танаиса (т.е. Дона — ЕК) от Сарматии до Ассирии» (!). В этой Ассирии XV века Лаоник фиксирует города Tabridzen kai Nigetien (I, 157,1), Тавриз и Нахи-чевань, на границе Азербайджана и Армении (I, 157,1).

Что касается земель, лежащих к северу и востоку от «Ассирии», интересующих нас гораздо больше, то тут у Лаоника представлен обширнейший «скифский» экскурс (I, 118,9 — 130, 17) о Золотой (= «скифской») Орде, поработившей «сарматов». Внутри Орды достойны внимания автора татары улуса Джагатая (Sachataio) и крымский хан Хаджи-Герей (Adzikeries) с его постоянными набегами на дзержисов (черкесов? — ЕК) и «сарматов». Т.о. внут-

ри «скифского» экскурса, как в матрешке, оказывается «сарматский» пассаж (I, 120–126. 2-9). При этом если у Г. Плефона было оговорено, что Сарматия — это древнее название современной ему России, то для Лаоника хорографическое название Сарматия идет без (!) ссылок на древность и, соответственно, условность применения к XV веку. Иначе говоря, сарматы у него — жизнедеятельствующий этнос, к западу от которых располагаются жители Пруссии, к востоку — пермийцы, что кормятся за счет охоты (I, 120). Особый при этом интерес для современных исследователей представляют, наверное, два специальных замечания византийца: а) переселение части сарматов с просторов родной Степи за Дунай, в Мезию и Боснию, где они осели, сохранив родной «иллирийский язык» (I, 122,5) (хотя многие предыдущие авторы из Византии правильнее фиксировали этно-лингвистический ряд: босняки <— баджнаки < падзинаки < печенеги < тюрки); б) у сарматов Боснии — вера латинская, тогда как у их сородичей в России, поработивших «скифов», вера греческая. Последнее замечание, на наш взгляд скорее, относится к собственно славянам России после 988 г. Таким образом, этот тезис демонстрировал широко распространенное в византийском мире убеждение о глубинных связях и преемственности славян, через роксолан, с миром ирано-тюркских сарматов Нижнего Поволжья и Южного Урала.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В VI—VII вв. тюркоязычные племена Центральной и Средней Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западно-тюркские племена Нижнего Поволжья, Южного Урала, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, уже пользовались собственным письмом. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной и дипломатической практики, из нужды фиксации государственных актов и государственной традиции; определенную роль могли играть и религиозные мотивы.

Иноземные источники сообщают о деревянных дощечках, на которые у тюрков наносились резы (знаки?) при исчислении «количества требуемых людей, лошадей, податей и скота». Вместе с тем тюркские послы снабжались грамотами. Так, прибывший в 568 г. в Константинополь ко двору Юстина тюркский посол, согдиец Маниах, привез послание от кагана, написанное, как рассказывает византийский историк Менандр, «скифскими письменами».

О том, что это были за письмена, можно судить по древнейшему сохранившемуся памятнику Тюркского каганата — Бугутской надписи из Центральной Монголии. Стела с надписью была водружена на кургане с захоронением праха одного из первых тюркских каганов Таспара (правил в 572—581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке; на другой стороне стелы имелась также короткая надпись на санскрите письмом брахми, почти полностью уничтоженная эрозией. Основной согдийский текст, к сожалению, сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тридцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар-кагана. Из обращений к читателям видно, что согдийский текст был понятен в каганате достаточно широкому

кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов: они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями древних цивилизаций Средней и Передней Азии.

Есть все основания полагать, что наряду с использованием согдийского языка тюрки использовали согдийский алфавит для фиксации собственной речи. В те же годы, когда была воздвигнута Бугутская стела, в переводе на тюркский язык было впервые письменно зафиксировано буддийское сочинение («Нирвана-сутра») — с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского. Позднее этот алфавит, после некоторых модификаций, получил название уйгурского, так как уйгуры пользовались им особенно широко в IX—XV вв. Но для письма на камне (так называемого «монументального письма») курсивный согдийский алфавит использовали редко.

В начальный период истории Тюркского каганата, не позднее первой половины VII в., под влиянием согдийского письма, на основе фонда знаков идеографического характера, сходных с древнетюркскими тамгами (родовыми символами), в тюркской среде возникло новое письмо. Оно состояло из 38 не сливавшихся между собой на письме знаков геометризованных очертаний и, в отличие от согдийского, было хорошо приспособлено для фиксации на дереве или камне (проца-

рапыванием и резьбой). Новая письменность очень точно передавала фонетические особенности тюркского языка; так, большая часть согласных знаков имела два варианта написания: в зависимости от того, с каким гласным этот согласный употреблялся, мягким или твердым. В отличие от согдийского это письмо позволяло ясно различать между собой знаки (в согдийском многие знаки писались сходно) и было значительно проще в употреблении и заучивании.

Древнетюркское письмо было открыто в долине Енисея в 20-е годы XVIII в. немецким ученым Д. Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и И. Страленбергом, сопровождавшим его пленным шведским офицером. Они назвали письмо руническим — по его сходству со скандинавским руническим письмом. Название, хотя и не совсем точное, оказалось удобным и закрепилось в науке. В 1889 г. русский ученый Н.М. Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине р. Орхон, огромные каменные стелы с надписями руническим письмом. Дешифровали и прочли найденные тексты датский ученый В. Томсен, который первым нашел ключ к алфавиту, и русский тюрколог В.В. Радлов, давший первое чтение надписей. По месту находки основных памятников письмо стали называть «орхон-енисейским», а по другим признакам (язык и характер письма) его продолжают именовать древнетюркским руническим письмом.

Самыми крупными памятниками рунического письма из всех найденных остаются памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Все они были воздвигнуты в эпоху второго Тюркского каганата (689—744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745—840 гг.). Наиболее известны памятники в честь Бильге-кагана и его брата, полководца Кюль-тегина, воздвигнутые в 732—735 гг., и памятник советника первых каганов второго Тюркского каганата, Тоньюкука, созданный вскоре после 716 г., еще при жизни Тоньюкука (памятник написан от его имени). Все крупные памятники орхонской группы довольно однообразны по форме. Они содержат рассказ о жизни и подвигах их героев, излагаемый на фоне общей истории Тюркского государства и сопровождаемый различного рода политическими декларациями. Надписи содержат очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племен и народностей, их языка и литературных приемов.

Более ста пятидесяти памятников с руническими надписями обнаружено в долине Енисея, на тер-

ритории Тувы и Хакасии. Большую их часть составляют стелы при погребениях древнетюркской знати, воздвигнутые в VIII—XII вв. Енисейские тексты значительно короче орхонских и носят характер эпитафий, оплакивающих и восхваляющих погребенных кыргызских бегов; однако, в отличие от орхонских, здесь крайне мало историко-политических сведений и описаний. Написаны памятники тем же древнетюркским литературным языком.

Мелкие и плохо читаемые надписи найдены на скалах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены, где жило древнетюркское племя курыкан. Несколько десятков (до сотни) мелких надписей на скалах и отдельных камнях и надписей на сосудах обнаружено на Алтае. Достаточно крупные тексты на бумаге найдены в Восточном Туркестане, где рунический алфавит до X в. использовался в Уйгурском государстве (IX—XIII вв.), созданном бежавшими из Монголии, после военного поражения от кыргызов (840 г.), токуз-огузскими племенами (главным из них были уйгуры).

На территории Средней Азии и Казахстана следует выделить две группы рунических памятников — ферганскую (мелкие надписи на керамике, VIII в.) и семиреченскую (на территории Киргизии и Казахстана). Сюда относятся девять надписей на надмогильных камнях-валунах и наскальные надписи в ущелье Терек-сай (долина р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные близ г. Тараз, мелкие надписи или отдельные знаки на монетах и бытовых предметах, надпись на деревянной палочке (случайно обнаружена при горных работах в долине р. Талас), а также рунические надписи на двух бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана, мелкая надпись на глиняном пряслице с Талгарского городища (близ Алма-Аты). В 1998—2000 гг. в Кочкорской долине Центрального Тянь-Шаня было открыто десять рунических надписей [Klyashtorny, 2002].

Все эти памятники созданы в Западнотюркском каганате и Карлукском государстве (VII—IX вв.); надписи на бронзовых зеркалах принадлежат кимакам. Наиболее загадочна надпись на деревянной палочке. Тип письма на ней очень отличается от орхон-енисейского, но совпадает с письмом мелких надписей, обнаруженных в небольшом количестве на древней территории Хазарского государства — в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, а также с письмом так называемых «печенежских» надписей на золотых сосудах, открытых при раскопках в долине Дуная (надписи Надь-Сент-Миклоша). Этот западный вариант рунического письма, несмотря на все попытки, все еще остается не рас-

шифрованным из-за отсутствия сколько-нибудь крупных текстов. Быть может, таласская палочка указывает на древние связи между хазарами и Западнотюркским каганатом.

Вряд ли древнетюркское руническое письмо употреблялось где-либо после XI—XII вв. В Центральной и Средней Азии его потеснили сначала уйгурский курсив, а затем арабское письмо, распространившееся среди тех тюркских племен, которые приняли ислам.

Большие рунические тексты Монголии и Енисея являются не только важными историческими документами, но и выдающимися литературными произведениями. Особенно показательны в этом отношении два самых больших рунических текста — надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина. Они написаны от имени самого Бильге-кагана, хотя, как написано в конце текстов, их автором было другое лицо. Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившей традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатыря. Композиция обеих надписей совершенно аналогична; более того, значительные части надписей текстуально совпадают. Вводные строки памятников посвящены давним временам:

«Когда вверх возникло Голубое небо, а внизу — Бурая земля, между ними обоими возник род людской. Над сынами человеческими воссели мои пращуры... Четыре угла света все были им врагами. Выступая в поход с войском, народы четырех углов света они все покорили... Они правили... устанавливая порядок среди кёков и тюрков, не имевших до того господина. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их приказные были, надо думать, мудрыми, были, надо думать, мужественными, и их правители и народ были единоклюны. Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством... После них стали каганами их младшие братья, а потом стали каганами их сыновья. Так как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то если сели на царство, надо думать, неразумные каганы, и их приказные были также неразумны, были трусливы. Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегам, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство и навлек гибель на царствовавшего кагана».

Так повествует Бильге-каган о создании и упадке, подъеме и крушении первого Тюркского каганата, время возникновения которого (середина VI в.) казалось в 731 г., когда писался текст надписи, легендарно далеким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размеренном ритме повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали тюркам далекие предки царствующего кагана. В той же ритмике изложены далее события, связанные с созданием второго Тюркского каганата, рассказано о подвигах Бильге-кагана и Кюль-тегина.

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи. Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному:

«Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно!»

В этих строках ясно выражена сущность идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата; в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам. Вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие тюркского народа есть результат подчинения кагану, который вместе с бегам из своей ставки посылает войско в победоносные походы, награждая народ добычей и данью покоренных племен: «Их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, изготовленные из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их черных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!»

В памятниках подчеркивается, что все написанное — «сердечная речь» Бильге-кагана, его подлинные слова; высеченные по его приказу. Для того, чтобы тюркский народ помнил, как он, Бильге-каган, «неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы тюркский народ знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, речь кагана запечатлена на «вечном камне»: «О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы, беги и народ... созидали

свое государство, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал на вечном камне. Смотри на него, знайте вы, теперешние беги и народ!».

Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные обращения и призывы к «слушателям», разнообразная палитра художественных приемов, речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии. Автором же, «начертавшим на вечном камне» «слово и речь» своего сюзерена, был Йоллыг-тегин, родич Бильге-кагана, первый названный по имени автор в истории тюркоязычных литератур.

Язык рунических надписей был в VII—X вв. единым и стандартным литературным языком, которым пользовались различные тюркские племена, говорившие на своих языках и диалектах. Общий письменный литературный язык рунических надписей обладал стилистическим единообразием и устойчивостью образных средств, наиболее богато представленных в орхонских памятниках. Общность языка и литературного канона памятников указывает на тесные культурные связи древнетюркских племен и делает беспочвенными попытки рассмотрения памятников как языкового и литературного наследия какого-либо народа.

Древнеуйгурская письменность утвердилась, начиная с IX в., в городах Восточного Туркестана. Сами авторы называли язык, на котором они писали, «тюркским». И действительно, язык этих памятников явился прямым наследником языка рунических памятников, лишь незначительно отличаясь от него в грамматическом отношении. Однако, будучи широко использован в религиозных сочинениях, главным образом переводных, в юридической документации, отражающей новые формы быта тюркского населения Восточного Туркестана, этот язык получил дальнейшее развитие и представлен большим богатством лексики, грамматических и стилистических форм. На территории Средней Азии и Казахстана древнеуйгурская письменность имела меньшее распространение, чем в Восточном Туркестане. Во всяком случае, ее ранние памятники не сохранились, но известно об ее употреблении и на этой территории по упоминаниям в документах, происходящих из Турфанского оазиса. Так, в одном из них рассказывается о манихейских обителях в Таразе, где писались и переводились на тюркский

язык сочинения духовного содержания. Известно, что манихейская разновидность древнеуйгурского письма — самая древняя и наиболее близкая к согдийскому прототипу. Вероятно, скриптории манихейских монастырей в Таразе существовали в VIII—IX вв. Сохранилась переписка (два ярлыка) уйгурских и карлукских князей на древнеуйгурском языке, относящаяся к X в., о событиях в долине р. Или. Там упомянуто тюркское племя басмылов и пленники-согдийцы. Важно заметить, что в ярлыке, написанном от имени «правителя государства Бильге-бека», упоминается полученное им послание на согдийском языке, которое он «соизволил понять». Это свидетельствует о продолжающемся бытовании и согдийского языка, письма в тюркской среде.

Распространение согдийского письма в тюркской манихейской среде подтверждается двумя согдийскими надписями IX—X вв. на керамике, хранящимися в Джамбульском музее; в одной из них упомянут «архиерей Ширфарн», а в другой — «пресвитер Илтаг». Еще большее значение для истории тюрко-согдийских контактов в Семиречье имеют наскальные надписи в ущелье Терек-сай. Они относятся к X—XI вв., написаны на согдийском языке и содержат длинные перечни тюркских князей, посетивших долину. Надписи свидетельствуют, что даже в эпоху начавшейся исламизации знати в государстве Караханидов, она продолжала еще сохранять согдийскую образованность и «языческие» имена [Лившиц, 2008. С. 350—408].

Таким образом, в раннем средневековье на территории тюркских государств в Центральной и Средней Азии бытовало два вида древнетюркской письменности — руническая и курсивная (древнеуйгурская) и продолжала сохраняться появившаяся здесь ранее согдийская письменность. Несомненно, что письмом пользовались прежде всего верхние слои тюркского общества. Однако наличие непрофессиональных надписей, выполненных небрежно и без достаточных знаний орфографической традиции — как, например, надпись на бронзовом зеркале из женского погребения в Прииртышье или на пряслице с Талгарского городища, — показывает довольно широкое распространение рунического письма среди тюркоязычного населения Центральной и Средней Азии.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АВТОРЫ О БАШКИРАХ

Средневековые источники о башкирах по их происхождению можно разделить на семь групп: арабские, персидские, монгольские, тюркские, западноевропейские, русские, башкирские.

Первое оригинальное упоминание о башкирах в арабских источниках содержится в книге Джейхани, датированной 900 г. [Рыбаков, 1952. С. 27]. Первым автором, посетившим страну башкир и описавшим их по своим личным впечатлениям, был Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад – секретарь посольства багдадского халифа ал-Муктадира к правителю Волжской Булгарии Алмушу. Посольство покинуло Багдад 21 июня 921 г., провело зиму в хорезмийском городе Джурджании, откуда 4 марта 922 г. двинулось далее на север. Его путь шел через область враждебно настроенных башкир, от которых посольство старалось держаться подальше. 12 мая оно прибыло в ставку царя болгар. Весной 923 г. посольство возвратилось в Багдад. В своем сочинении Ибн Фадлан подробно описал все, «что он видел собственными глазами со времени своего выезда из Багдада и до того, как он возвратился в него» [Ковалевский, 1956. С.37]. Оно начинается следующими словами: «Это – Книга Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хаши-мида, посла ал-Муктадира к царю «славян». В расширенном понимании славянами называли основную массу народов севера – также финнов, болгар, германцев. Ибн Фадлан называет царя болгар «царь славян», желая представить его как могущественного властелина северных народов и тем придать большее значение отправленному к нему посольству., в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, русов, «славян», башкир и других [народов] по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положения во многих их

делах» [Ковалевский, 1956. С. 121]. Значительное место в рассказе Ибн Фадлана о башкирах занимает описание их религиозных верований, а также их примитивного, с точки зрения арабского путешественника, образа жизни [Ковалевский, 1956. С. 130–131].

Арабский географ Абу Зайд Ахмед ибн Сахл ал-Балхи (850-934) в своем сочинении «Ашкал ал-билад» («Виды стран»), созданном после 922 г., сообщает о двух племенах башкир [Хвольсон, 1868. С. 710]. Современником ал-Балхи был Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри, который в итоге многолетних путешествий в 930-933 гг. составил географический труд «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Он повторяет сообщение ал-Балхи о двух племенах башкир, хотя вместо башкир он пишет о буртасах, но это явная ошибка [Macartney, 1930. С. 221].

Одним из крупнейших арабских историков и географов был Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ал-Масуди. Он родился около 896 г. в Багдаде, умер в 956 г. Основным источником его знаний явились путешествия, захватившие все страны от Индии до Атлантического океана, от Красного моря до Каспийского, и живое общение с представителями самых разнообразных слоев. Ал-Масуди известен как автор исторического сочинения «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники самоцветов»), которое было написано в 947 г. и обработано в 956 г. (сохранилось в сокращенном виде), и географического сочинения «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга наставления и пересмотра»), законченного в год смерти автора (сохранилось полностью). В первом из этих сочинений ал-Масуди помещает башкир на Черном море [Гаркави, 1870. С. 127], а во втором – указывает на причину их переселения с востока, из района Аральского моря [Кумек, 1972. С. 58].

Абу-л-Касим ибн Хаукал (годы жизни неизвестны) много путешествовал по свету, начиная с 943 г. Толчком к написанию «Книги путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») послужила встреча Ибн Хаукала с ал-Истахри около 951–952 гг. и просьба последнего исправить его труд, поскольку, как оказалось при рассмотрении его сочинения Ибн Хаукалом, многое видевшим воочию, в труде ал-Истахри оказались ошибки. Первая редакция «Книги путей и стран» была посвящена хамданидскому эмиру Сайф ад-Даула (ум. в 967 г.), вторая возникла около 977 г. Большое количество сведений взято Ибн Хаукалом из труда ал-Истахри, но зачастую материалы сильно изменены на основе полученной новой информации; есть и совершенно оригинальные известия [Древняя Русь..., 2009. С. 86–87]. В труде Ибн Хаукала имеются сведения о местоположении башкир и их соседей [Каспийское море..., 1987. С. 123–124]. Башкиры также показаны на карте мира из его труда [Древняя Русь..., 2009. С. 91].

Выдающийся арабский ученый Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни родился в 973 г. в Кяте, пригороде столицы Хорезма, называемой часто просто Хорезмом, умер в 1048 г. в Газне. О башкирах он сообщает в своем сочинении «Китаб ат-тафхим ли аваили синаат ат-танджим» («Книга вразумления начаткам науки о звездах» или «Обучение началам искусства астрологии») [Там же. С. 122].

Махмуд ал-Кашгари упоминает башкир в своем сочинении «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркской лексики»), составленном в 1072–1074 гг. [Псянчин, 2001. С. 83].

Из всех арабских географов наибольший интерес для нас представляет Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси (1100–1165), который получил образование в Кордове — крупном культурном центре мусульманской Испании. По обычаям своего времени он много путешествовал. Около 1138 г. ал-Идриси обосновался в Палермо, при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), где и создал свой основной труд — географический трактат «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир»), который также известен под названием «Китаб Руджжар» или «ал-Китаб ар-Руджжари» («Книга Роже-ра»), по имени короля-мецената. Инициатива создания этого труда принадлежала Рожеру II, а главным исполнителем стал ал-Идриси с большим числом помощников. Работа над книгой продолжалась в течение пятнадцати лет и была закончена в 1154 г. В своем энциклопедическом произведении ал-Идриси попытался свести воедино все географиче-

ские знания, накопленные к середине XII в. Б.Е. Кумеков отмечает, что «приводимые им сведения относятся главным образом к IX–X вв.» [Кумеков, 1972. С. 21].

Сам Идриси среди башкир никогда не был, поэтому все его сведения о них являются компиляцией различных известных ему источников, в том числе и недошедших до нас. Определенную трудность создает и то обстоятельство, что сведения Идриси о башкирах не собраны воедино, а разбросаны по разным местам его сочинения. О башкирах он пишет в седьмой секции пятого климата, шестой и седьмой секциях шестого климата и в седьмой секции седьмого климата. Во введении к седьмой секции шестого климата, где речь идет о странах внутренних и внешних басджиртов (башкир), ал-Идриси пишет: «С помощью Аллаха мы изучили то, что говорилось о [простых] жителях и знатных лицах этих стран в книгах, написанных до нас». Но он не называет эти книги и их авторов [Коновалова, 2006. С. 122]. Сочинение ал-Идриси включает в себя не только текстуальную часть, но и подробнейшую карту мира, в том числе Восточной Европы.

Анализ сведений ал-Идриси о башкирах долгое время сдерживался отсутствием перевода соответствующих частей его сочинения на русский язык. История введения этих сведений в научный оборот вкратце такова. В 1909 г. Н.Н. Пантусов опубликовал включенный в состав сочинения ал-Идриси доклад арабского путешественника середины IX в. Саллама ат-Тарджумана, который посетил страну башкир [Пантусов, 1909. С. 96]. В 1952 г. Б.А. Рыбаков опубликовал фрагмент карты ал-Идриси с изображением Восточной Европы и дал его исчерпывающий анализ [Рыбаков, 1952]. В 1984 г. В.М. Бейлис опубликовал перевод описания юго-восточных земель Руси и южной части Восточной Европы в шестой секции шестого климата [Бейлис, 1982. С. 216–218]. Отрывок из сочинения ал-Идриси, посвященный описанию Каспийского моря и реки Итил, в 1988 г. опубликовали З.М. Бунятов и Н.М. Велиханова [Каспийское море..., 1987. С. 85–86]. В 1999 г. вышла в свет монография И.Г. Коноваловой, посвященная анализу сведений ал-Идриси о Восточной Европе, в которой были опубликованы интересующие нас отрывки из седьмой секции пятого климата и седьмой секции седьмого климата [Коновалова, 1999. С. 83–84]. Наконец, в 2006 г. И.Г. Коновалова опубликовала полный свод сведений ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы [Коновалова, 2006.]. Однако за пределами данного издания остался доклад Саллама ат-Тарджумана и другие сведения, отра-

жающие среднеазиатский период истории части башкир [Кузеев, 1974. С. 135].

Проанализировать сведения Идриси о башкирах мы попытались в отдельной статье [Антонов, 2008. С. 36–42]. Эти сведения противоречивы, и согласовать их друг с другом весьма непросто. Конечно, труд Идриси при всех его достоинствах — это компиляция, различные части которой могли быть написаны разными авторами. Для нас наибольший интерес представляют данные, содержащиеся в седьмой секции пятого климата, шестой секции шестого климата в той части, где речь идет о расположении внутренних башкир, и седьмой секции шестого климата. Наименьший интерес представляют данные, содержащиеся в седьмой секции седьмого климата и на карте, где расположение башкир на Каме указано заведомо неверно.

Вместе с тем анализ этих данных позволил ответить на вопрос: что же реально известно из сочинения Идриси о башкирах и Башкирии? Во-первых, Идриси знает башкир как народ, который он наряду с печенегами и булгарами относит к тюркам. Во-вторых, Идриси знает Башкирию как страну, которая сама состоит из двух стран: Внутренней и Внешней Башкирии. Их можно локализовать соответственно в Южном Приуралье и Южном Зауралье. Внутренние башкиры, которые часто заменяются общим понятием «башкиры», живут на р. Агидель (Белой), между гузами, булгарами и Уральскими горами. Они зависимы от булгар. В-третьих, Идриси указывает на воинственный образ жизни башкир, которые постоянно ведут внутренние и внешние войны. Башкиры — смелый и предприимчивый, т. е. пассионарный, народ. Башкирия — обширная, хотя и редконаселенная страна. Таким образом, башкиры и Башкирия в сочинении ал-Идриси предстают как внушительная сила в средневековой истории Евразии.

Абу-Абдаллах Якут ал-Хамави ар-Руми (т.е. «византиец») родился около 1179 г. в пределах Византии. Он посетил многие города и страны. Умер в 1229 г. Башкир Якут упоминает в своем «Географическом словаре», над которым он работал с 1215 г. до смерти [Путешествие Ибн Фадлана..., 1939. С. 9–10].

Сочинение ученого XIV-XV вв. Абд ар-Рашида ал-Бакуви «Китаб Талхис ал-асар вааджаиб ал-малик ал-каххар» («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего») представляет собой сокращенную редакцию географического труда Закарийа ал-Казвини «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники стран и сообщения о рабах [Аллаха]»), составленного в 1275–1276 гг.

Закарийа ал-Казвини (1203–1283) был выдающимся арабским космографом, сочинение которого является географической энциклопедией. В нем упоминаются башкиры [Абд ар-Рашид ал-Бакуви, 1971. С. 111].

Сочинение испано-арабского историка и географа Ибн Саида ал-Магриби (1214–1274 или 1286) — «Китаб баст ал-ард фи-т-тул ал-ард» («Книга распространения Земли в длину и ширину») — представляет собой систематическое описание ойкумены. Одним из главных источников этого труда было сочинение ал-Идриси. Сочинение Ибн Саида содержит сведения о башкирах и стране башкир [Коновалова, 2009. С. 34].

Сочинение Ибн Саида послужило основой для многих сообщений, содержащихся в сочинении сирийского историка и географа Абу-л-Фиды (1273–1331) «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран»), в котором дается описание Земли и всех известных к тому времени в арабском мире стран и народов. Информация Абу-л-Фиды о башкирах и стране башкир воспроизводит сведения Ибн Саида [Коновалова, 2009. С. 118].

Ал-Омари Шигабетдин Ахмед ибн Йахиа ибн Фазлаллах ад-Димашки (1301–1348) был секретарем при египетском султане. Его обширный историко-географический труд называется «Пути взоров по государствам разных стран». Свои сведения о Золотой Орде он получал путем личных расспросов тюрков-мамлюков, дипломатов разных стран и торговцев. Башкирию ал-Омари упоминает при описании границ золотоордынского государства. При этом он ссылается на Хасана Элирбили, который, в свою очередь, передает рассказ странствующего купца Бедредина Хасана Эрруми, ездившего по северным странам [Тизенгаузен, 1884. С. 236, 238–239].

Ибн Халдун родился около 1332 г. и умер в 1406 г. Его труд называется «Книга назидательных примеров и Сборник подлежащего и сказуемого по части истории арабов, иноземцев и берберов». Башкирию он также упоминает при описании границ золотоордынского государства [Тизенгаузен, 1884. С. 169].

В сфере персидских источников приоритет принадлежит Рашид ад-Дину ат-Тиб Фазлаллаху ибн Имад ад-доуле Абу-л-Хайр Яхья ал-Хамадани — крупнейшему средневековому историку и государственному деятелю на службе у монгольских правителей Ирана из династии Хулагуидов. Рашид ад-Дин родился в Хамадане (Западном Иране) около 1247/48 г. Он был очень образованным человеком, знал персидский, арабский, иврит, монголь-

ский и европейские языки. В 1298 г. Рашид ад-Дин был назначен везирем Газан-хана (1295–1304). Эту должность он сохранил и в период правления Улджайту-хана (1304–1316). В царствование Абу Саида (1316–1335) вследствие интриг врагов Рашид ад-Дин был освобожден от своего поста, а затем в 1318 г. казнен в Тебризе по обвинению в отравлении Улджайту. В 1300/01 г. Рашид ад-Дин по приказу Газан-хана начал, а в 1310/11 г. закончил грандиозный труд под названием «Джами ат-таварих» («Сборник летописей» или «Собрание историй»). Это сочинение включает всеобщую историю мира с древнейших времен с изложением истории монголов до 1303/04 г. Для нас наиболее интересен первый том под названием «Тарих-и Газани», который содержит обзор тюркских и монгольских племен, их разделений, генеалогий и легенд, истории самого Чингис-хана и его потомков, правивших в Восточной Европе, Средней Азии, Китае и Иране. В распоряжении автора находились все государственные архивы и помощь всех тех людей, кто были знатоками истории монголов [Арсланова, 2002. С. 33–34]. Подобно большинству других арабо-персидских авторов Рашид ад-Дин выступает как компилятор, который обычно точно, а зачастую даже текстуально, «передает изложение своих первоисточников» [Петрушевский, 1952. С. 35–36]. В числе этих первоисточников необходимо отметить «Золотую книгу» («Алтан дебтер») — официальную историю Чингис-хана, его предков и преемников, которая была написана на монгольском языке и не сохранилась до наших дней, так что данные этого источника известны нам только в передаче Рашид ад-Дина [Петрушевский, 1952. С. 25]. Башкиры и страна башкир неоднократно упоминаются в разных местах «Джами ат-таварих» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 66, 73–74, 102–103]. Однако большая трудность при работе с этим источником состоит в том, что башкирами Рашид ад-Дин называет не только самих башкир, но и венгров. Фрагментом «Сборника летописей» является «Огуз-наме» («История огузов»), которая, как отмечает Р.М. Шукюрова, «основана не на письменных источниках, а представляет собой произведение устного народного предания, в котором переплетаются легенда и реальность» [Фазлалах Рашид-ад-дин, 1987. С. 4–5]. Это рассказ о жизни и деятельности легендарного Огуз-хана и его потомков, в котором тоже имеются интересующие нас сведения [Фазлалах Рашид-ад-дин, 1987. С. 31–32, 68–69].

«Аноним Искендера» — сочинение по всеобщей истории, посвященное Тимуриду Искендеру, управлявшему Фарсом и Исфahanом в 1409–1414 гг. и

убитому в 1415 г. Условное название «Аноним Искендера» дано В.В. Бартольдом. Впоследствии В.В. Бартольд установил, что автором этого сочинения был некий Муин ад-Дин Натанзи. «Аноним Искендера» содержит ценные сведения о месте Башкирии в административной структуре улуса Джучи [Тизенгаузен, 1884. С. 310].

Шереф ад-Дин Али Йезди, родом из города Йезда, находился при дворе Шахруха и его сына Ибрахим-султана. Умер в 1454 г. Известен как автор «Книги побед» («Зафар-намэ»), законченной в 1424/25 г. Этот труд является самым полным сводом данных по истории Тимура. В нем использованы устные сообщения современников и участников походов Тимура. В «Зафар-намэ» содержатся сведения об участии башкир в борьбе Тохтамыша с Тимуром [Тизенгаузен, 1884. С. 338, 363].

Башкиры упоминаются в сочинении «Родословная туркмен» Абул-Гази хана Хивинского [Кононов, 1958. С. 43–44].

Монгольские источники отражают эпоху монгольского нашествия на Восточную Европу. Нас интересует, прежде всего, «Сокровенное сказание монголов» (или «Тайная история монголов») — хроника анонимного монгольского автора, написанная в 1240 г., т. е. непосредственно по свежим следам. Хроника представляет собой (в отличие от «Алтан дебтер») неофициальную версию истории Чингис-хана и его преемников [Гумилев, 1977. С. 484–502]. Академический перевод этого памятника выполнен С.А. Козиным [Козин, 1941]. В ряде случаев его уточняет художественный перевод «Сокровенного сказания монголов», осуществленный монголоведом А.В. Мелехиным и поэтом Г.Б. Ярославцевым [Чингисиана, 2009. С. 17–356]. Башкиры в «Тайной истории» упоминаются в качестве одного из объектов монгольских завоеваний [Козин, 1941. С. 174–175, 188–189, 191–192, 194; Чингисиана, 2009. С. 189–190, 219, 218–219, 223]. Эти сведения частично воспроизведены в «Алтан тобчи» [Лубсан Данзан, 1973. С. 183–184, 228]. «Алтан тобчи» («Золотое сказание») — сочинение Лубсан Данзана, ученого ламы, выдающееся произведение монгольской историографии XVII в. Летопись «Алтан тобчи» содержит изложение большей части «Тайной истории монголов» или «Сокровенного сказания». По мнению Н.П. Шастиной, «летопись была создана в пятидесятых годах XVII в., не позднее 1660 г., но и не раньше 1655 г.» [Лубсан Данзан, 1973. С. 28].

Из тюркских источников нас интересуют два сочинения Абу-л-Гази. Абу-л-Гази (1603–1664) — потомок Чингис-хана, сын Араб-Мухаммед-хана, происходит из рода Шейбана (Шибана), из поколе-

ния узбеков, хивинский хан, автор исторических сочинений «Шеджере-и тарахимэ» («Родословная туркмен») (закончена в 1660–1661 гг.) и «Шеджере-и турк» («Родословное древо тюрков») (закончено Махмудом, сыном ургенчского муллы, после смерти Абу-л-Гази). В обоих этих сочинениях упоминаются башкиры [Кононов, 1958. С. 43–44].

Хронологический диапазон интересующих нас западноевропейских источников охватывает XIII–XVI века. В 1235–1237 гг. венгерский монах-доминиканец Юлиан совершил путешествие в «Великую Венгрию», легендарную прародину венгров, располагавшуюся, как признано большинством исследователей, на территории современного Башкортостана. Вернувшись из этого путешествия, Юлиан весной 1237 г. побывал в Риме, где его доклад папе Григорию IX был записан братом Рихардом. В 1237–1238 гг. Юлиан совершил повторное путешествие на восток, но дошел лишь «до крайних пределов Руси» [Аннинский, 1940. С. 83], т. е. до Владимиро-Суздальского княжества, откуда, узнав, что «Великая Венгрия» уже «занята татарами...», т. е. тюрками, и успеха делу не предвидится, вынужден был вернуться назад [Аннинский, 1940. С. 89–90]. Отчет Юлиана о втором путешествии представляет собой его письмо к епископу Перуджи [Аннинский, 1940. С. 74]. Для краткости Ю.Ф. Немет предложил использовать обозначения: для первого документа под заглавием «О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина папы Григория Девятого» — сообщение Рихарда, а для второго — «Письмо брата Юлиана о монгольской войне» — письмо Юлиана [Немет, 1971. С. 250].

Большой интерес для нашей темы представляют отчеты католических миссионеров Плано Карпини и Рубрука о путешествиях в Монголию. Плано Карпини был итальянцем, родом из города Перуджи и происходил из знатной семьи. Его итальянское имя было Джованни дель Пьяно-Карпине, но в исторической литературе принята латинизированная форма его имени Плано Карпини. Он был одним из основателей монашеского ордена францисканцев (и его особого подразделения — ордена миноритов) и занимал достаточно видные должности в римской церкви, по поручению которой бывал и в Германии, и в Испании, и в других странах. Римский папа Иннокентий IV отправил Плано Карпини в Монгольскую империю с поручением выяснить, не собираются ли монголы в поход на западные страны, узнать внутреннее положение дел в Монгольской империи и попытаться обратить монгольских правителей в католичество.

Путешествие Плано Карпини длилось более двух лет. Он выехал из Лиона 16 апреля 1245 г. Доехав до Волги, Плано Карпини побывал в ставке Бату-хана и отправился дальше в Центральную Азию, где стал свидетелем возведения на общемонгольский престол хана Гуюка. В ставке Гуюка он прожил почти четыре месяца и отправился в обратный путь 13 ноября 1246 г. Осенью 1247 г. Плано Карпини прибыл в Лион, где и представил Иннокентию IV свой подробный отчет о путешествии.

В своей «Истории монголов» Плано Карпини сообщает о покорении монголами страны Баскарт, отождествляемой им с Великой Венгрией [Иоанн де Плано Карпини, 1911. С. 25–26, 35–36]. Сам он в этой стране не был, но знал, что она прилегает к Комании, через которую пролегал его маршрут, с севера [Иоанн де Плано Карпини, 1911. С. 50].

Гильом де Рубрук (1215–1295) — францисканский миссионер, отправленный французским королем-крестоносцем Людовиком IX Святым к монгольскому великому хану. Целью миссии Рубрука было заключение союза с монголами, направленного против ближневосточных мусульман. Его путь пролегал из Палестины через Черное море в Крым, далее на восток до низовьев Волги. Двигаясь дальше на восток, он в конце 1253 г. достиг Каракорума, столицы великого хана Мункэ. Летом 1254 г. он отправился обратно, доехав до Нижней Волги, двинулся на юг вдоль западного берега Каспийского моря и в августе 1255 г. прибыл в свой монастырь в Ливане. Путь Рубрука в Монголию и обратно пролегал степными маршрутами. Страну Паскатир, отождествляемую им с Великой Венгрией, Рубрук помещает к северу от маршрута своего путешествия [Вильгельм де Рубрук, 1911. С. 76]. Двигаясь на восток, Рубрук пересек «большую реку, именуемую Ягак» — Яик, о которой известно, что «она течет с севера из земли Паскатир» и впадает в Каспийское море [Вильгельм де Рубрук, 1911. С. 101–102].

Очень важным источником по истории Башкортостана является «Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, брату Михаилу из Чезены», написанное в 1320 г. Католический миссионер Иоганка прожил в Башкирии «6 лет непрерывно», о чем он и рассказывает в своем письме [Аннинский, 1940. С. 90–94].

Трактат Матвея Меховского «О двух Сарматиях» впервые напечатан в Кракове в 1517 г. Матвей Меховский (1457–1523) — польский ученый. Он родился в Меховее, небольшом старом городке краковского воеводства, по которому впоследствии и прозван был Меховским. Меховский был профессо-

ром и ректором Краковского университета. Писал медицинские и исторические сочинения. В «Трактате о двух Сарматиях» автор поставил задачу кратко описать, открыть науке и миру страны, в его время именовавшиеся, по Птолемию, Сарматией Европейской и Сарматией Азиатской, т. е. территории Восточной Европы между Вислой и Доном с одной стороны и между Доном и меридианом Каспийского моря с другой. Он хотел рассказать о народах, населяющих эти страны, «о их государственном строе, происхождении, вере и обычаях, обширности земель» и т.д. Иначе говоря, цель Трактата – историко-географическое и этнографическое описание. Трактат состоит из двух книг. Первая книга посвящена Сарматии Азиатской, а вторая – Европейской Сарматии. Башкирия упоминается в главе второй «Об областях Скифии – Перми, Югре и Кореле, покоренных князем Московии» трактата второй книги второй [Матвей Меховский, 1936. С. 117].

В русских летописях Башкирская земля впервые упоминается только под 1469 годом [ПСРЛ, 1949, Т. 25. С. 282]. Замечание В.С. Юматова о том, что «Башкирия до покорения ее совсем не обращала внимания наших летописцев и была в стороне от обыкновенного театра деятельности русских» [Юматов, 1989. С. 404], верно если не в целом, то, по крайней мере, до третьей четверти XV столетия. Древняя Русь находилась в тесных торгово-экономических и военно-политических контактах с Волжской Булгарией, но Башкирия, располагавшаяся к востоку от Булгарии, оказалась в стороне от этих контактов. Никоновская летопись под 1557 годом сообщает о добровольном вхождении башкир в состав России [ПСРЛ, 1949, Т. 13. С. 282].

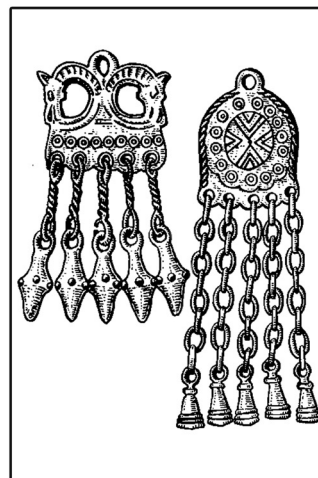
Башкиры упоминаются в «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского [Андрей Курбский, 1986. С. 261, 273, 275]. Андрей Михайлович Курбский – потомок владетельных ярославских князей, был видным военачальником Ивана Грозного, сражавшимся под Казанью и в Ливонии. Он был одним из влиятельных государственных деятелей, входивших в круг самых близких царю лиц, которых он впоследствии назвал «Избранной радой». После падения «Избранной рады», опасаясь расправы, в апреле 1564 года бежал к польскому королю Сигизмунду II Августу. «История о великом князе Московском» – один из значительнейших памятников русской публицистики второй полови-

ны XVI века. В окончательном виде «История» сложилась, скорее всего, в первой половине 70-х годов XVI века.

Территория обитания башкир и их основные занятия нашли отражение в Книге Большому Чертежу [Книга большому чертежу, 1950. С. 138–139], которая была составлена в 1627 г. в Разрядном приказе по «государеву указу». На протяжении всего XVII в. она служила практическим руководством для «государевой службы посылок». Книга Большому Чертежу содержит данные двух чертежей: «старого чертежа», составленного «давно, при прежних государях» (в царствование Бориса Годунова), и «нового чертежа» «полю», составленного в 1627 г. «Старый чертеж» охватывал огромную территорию от «Студеного моря» до «Черного моря» и от «Котлина озера» (Финского залива) до реки Оби. Описание «старого чертежа» носит оро-гидрографический характер и ведется по главным рекам. «Старый чертеж» был первой картой «всему Московскому государству», составление которой было одним из результатов образования централизованного Русского государства. Чертеж «полю» охватывал территорию между Днепром и Доном, простирающуюся от Москвы до Черного моря, включая Крым. Там описание ведется не по рекам, а по дорогам. Ни «старый чертеж», ни чертеж «полю» до нас не дошли, – они утрачены, что особенно поднимает ценность Книги Большому Чертежу и делает ее драгоценным памятником русской историко-географической мысли начала XVII в. Книга Большому Чертежу, являясь сводом географических и отчасти этнографических сведений о Руси XVI в., поскольку источники ее своими корнями уходят в XVI в., дает возможность установить уровень и объем географических сведений о Русском государстве начала XVII в., установить степень изученности его в целом и по отдельным районам.

Башкирские источники представлены шежере [БШ, 1960. Вып. 1], преданиями и легендами [БПЛ, 1985; БНТ, 1987. Т.2], историческим эпосом [БНТ, 1999, Т. 10]. По нашему убеждению, познавательный потенциал этих источников использован еще далеко не полностью. Вместе с тем большую трудность при работе с этими источниками представляет то обстоятельство, что изложение событий в них, как правило, носит легендарный характер и не всегда имеет четкую хронологическую привязку.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРАЗИИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ В IV–VI вв.

Древняя авестийская Кангха, упоминаний о которой не было на протяжении почти всего I тыс. до н. э., неожиданно возникла в конце тысячелетия на страницах китайских хроник. В то время, когда только начинала формироваться территория Кушанского царства, появились записки о могущественном государстве кочевников, которое китайцы именовали Кангюй. Мусульманские авторы раннего средневековья знали о нем, и среднее течение Сыр-Дарьи, где были основные центры Кангюя, именовали «рекой Канга» [Кляшторный, 1964. С. 161—176]. Китайские авторы ханьской эпохи пишут о Кангюе как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющим и города; хотя оно и уступало юечжам и гуннам по силе, все же власть кангюйского владетеля простиралась до северных берегов Каспия, где от него зависело владение *Яньцай* — союз сармато-аланских племен, обитавших между Приаральем и низовьями Волги. На севере племена лесного Приуралья — *янь* — платили Кангюю дань пушниной. В Средней Азии, кроме основной территории Кангюя — страны Лоюень, «великому государю» Кангюя были подчинены пять «малых владетелей» по Сыр-Дарье и в Приаралье, возможно, включая Хорезм. Очевидно, в Кангюй входил весь север Среднеазиатского Междуречья.

Новая научная информация о Кангюе появилась в результате недавних открытий в Южном Казахстане. Казахстанский археолог А.Н. Подушкин в ходе раскопок на городище Куль-тобе (левый берег р. Арыси) обнаружил семь керамических плиток (кирпичей) с фрагментами надписей, выполненных, как было установлено, ранним вариантом согдийского письма [Подушкин, 2005. С. 133—139].

Годом позже Н. Симс-Вильямс опубликовал собственное чтение и перевод надписей с обширным комментарием, а Ф. Грене оценил их источни-

коведческую значимость [Sims-Williams, Grenet, 2006. Р. 95—113]. Палеографически надписи были датированы II—III вв. Такой же датировки придерживается и В. А. Лившиц.

По мнению Н. Симс-Вильямса, надписи сделаны по случаю постройки города, а В. А. Лившиц не исключает их эпитафийного характера. Само городище Куль-тобе и связанный с ним катакомбный могильник Кылыш-жар (в 2 км от городища, на другом берегу Арыси) датируются I в. до н. э.—III (IV) вв. н. э. (сообщение А. К. Акишева). Близлежащие катакомбные могильники и наземные склепы того же и более позднего времени теперь изданы и обстоятельно изучены [Байнаков, Сматулов, Ержигитова, 2005].

Наиболее полно сохранились надписи 2 и 4, согласно которым, некий «начальник войска чачского народа» (имя в тексте разрушено) воздвиг здесь город, которым и управлял. Его опорой были не только воины Чача, т. е. Ташкентского оазиса, но и союзные отряды владетелей Самарканда, Кеша, Нахшеба и Навак-метаны (Бухары). Территория, на которой построен город, стала частью фронта, идущего вдоль р. Арысь и достигавшего, по мнению Ф. Грене, Тарбанды, т. е. Огарского оазиса.

Созданная после успешных военных действий и захвата добычи укрепленная линия была предназначена для защиты согдийского юга от кочевников севера. Возможно этими кочевниками были центральноазиатские гунны (сюнну), которые в III в. н.э. вторглись в Согд [Sims-Williams, Grenet, 2006. Р. 106—107].

Некоторые сведения о кангюйско-согдийском пограничье возможно обнаружить в китайских источниках. В «Хоу Хань-шу», где изложение событий начинается с 125 г. н. э., приведен иной, нежели у Сыма Цяня, перечень зависимых от Кангюя иноземных владений: к двум ранее известным —

Яньцай и Янь, добавлено еще одно — Су-и. Вот как описывает источник эту страну: «Владение Су-и состоит в зависимости от Кангюя. Отсюда выходят славные лошади, крупный и мелкий рогатый скот, виноград и разные плоды. Почва земли очень хорошая, почему делаемое здесь виноградное вино в славе» [Бичурин, 1950. II. С. 229].

Судя по упоминаниям винограда и виноделия, Су-и располагалось не к северу от Кангюя, как Яньцай и Янь, но близ его южных границ. Локализацию этого владения проясняет фонетическая реконструкция китайской транскрипции названия: Су-и надежно реконструируется как *Sukdok*, что передает название Согда [Sims-Williams, Grenet, 2006. P. 106; De la Vaissiere, 2004. P. 39]. Однако восстановленное звучание полностью соответствует согдийскому *swghdyk* «согдиец, согдийский» и его деривату — древнетюркскому *soghdaq* «согдиец», и, как очевидно, обозначает не сам Согд, а некую «согдийскую» страну или город. В сочетании с пограничным положением этой страны у южной границы Кангюя, скорее всего, владение Су-и — это кангюйско-согдийский кондоминиум на р. Арысь.

Политическая история Кангюя почти неизвестна; лишь немногие события нашли отражение в китайских источниках. В 101 г. до н. э., когда войска ханьского полководца Ли Гуанли овладели Даванью (Ферганская долина), Кангюй поддержал ферганцев. В 46—36 гг. до н. э. Кангюй вновь занял враждебную позицию по отношению к Китаю, оказав помощь шаньюю северных гуннов Чжичжи. В 78 г. н. э., когда ханьский полководец Бань Чао захватывал восточнотуркестанские города, Кангюй вначале выступает как союзник имперского наместника, но вскоре меняет позицию и в 85 г. посылает подмогу восставшему против ханьцев кашгарскому владетелю. Лишь дипломатическая поддержка, оказанная тогда Бань Чао царем кушан, заставила Кангюй, чей правящий дом «породнился посредством брака» с кушанским, вывести свои войска из Восточного Туркестана [Бичурин, 1950. II. С. 165—166]. К общим тенденциям восточной политики Кангюя следует отнести стремление сохранить влияние на южном торговом пути через Давань в Восточный Туркестан. Возможно, этим обусловлены частые войны с усунями и сложные военно-дипломатические маневры между гуннами и Китаем. Последние сведения о Кангюйском царстве, пережившем период распада, относятся к 287 г., когда в Китай прибыл посол кангюйского царя. В середине V в. о Кангюе, а точнее, о его преемнике, владении Чжэшэ, сообщается уже как о мелком владении,

среди нескольких десятков других, подчинившихся эфталитам.

Еще более ограничены сведения о политике Кангюя на севере и западе. Ханьские историографы отмечают зависимость от Кангюя сармато-аланских племен Приаралья-Прикаспия. В первые века н. э. аланские племена приобрели господствующее положение в сарматском союзе племен — по сообщению *Хоуханьшу*, «владение Яньцай переименовалось в Аланья». Китайские наблюдатели постоянно отмечают, что и по обычаям, и по одежде кангюйцы не отличаются от сармат и алан. Как и во времена сложения авестийских сказаний, племена Кангхи-Кангюя еще ничем не выделялись из круга североиранских скотоводческих племен. Лишь под влиянием все усиливающейся инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока, не ранее середины I тыс. н. э., раздробленные и разделенные к тому времени кангюйские племена начали менять свой этнический облик.

Эпоха упадка Кушанского царства и появление новых завоевателей-кочевников в оазисах Средней Азии (IV—VI вв.) стала эпохой хозяйственного кризиса и распада сложившихся экономических связей, распада относительно устойчивой системы взаимодействия нескольких крупных государств на неустойчивые и несистемные взаимосвязи множества малых самостоятельных владений. Археологические исследования свидетельствуют о почти полном прекращении жизни ряда крупных городов, запустении целых оазисов, сокращении орошаемых земель. Особенно отчетливо этот процесс засвидетельствован в Согде, Ташкентском оазисе, Хорезме и Фергане.

Внешними факторами, способствовавшими политическому и экономическому кризису, были вторжение Сасанидов при Шапуре II, в 60-е гг. IV в. и появление в Согде племен, которые в западных (византийских) источниках именуются хионитами (середина IV в.). Шапур II, нанесший сокрушительный удар Кушанскому царству, овладел Маргианой и Бактрией, продвинувшись на восток до Термеза, и создал пограничную провинцию Кушаншахр, наместник которой получил право чеканки монет (так называемый «кушано-сасанидский чекан»). Уже в 346 г. Шапур II, согласно Аммиану Марцеллину, ощутил угрозу восточным границам со стороны некоего племенного союза кочевников, выступивших совместно с кушанами. Название этих племен, *хиониты*, связывается с гуннской политической традицией, хотя, по словам того же Аммиана Марцеллина, они нисколько не походили на столь выразительно изображенных в его труде

гуннов. Более того, когда в 359 г. Шапур II привлек царя хионитов Грумбата в качестве союзника против римлян и сын царя пал под стенами сирийского города Амиды, этот юноша был назван Аммианом «красивым» (вспомним, как описывает Аммиан внешность гуннов Аттилы!). Тем не менее, если верна догадка К. Еноки о том, что гуннами, которые, согласно китайским источникам, во второй половине IV в. завоевали страну Судэ (Согд) и были хиониты, политическое соотнесение и связь обоих племенных групп делается весьма вероятным.

Уже в начале V в. на среднеазиатской исторической арене вновь появляются юечжийские племена. Согласно китайской династийной истории *Бэйши* это были «малые» юечжи, возглавленные «храбрым государем Цидоло». Жившие до того в предгорьях Тянь-Шаня, эти племена завоевали «пять царств» к югу от Гиндукуша, овладели Гандхарой и Тохаристаном, вытесняя оттуда Сасанидов и объединились с хионитами. Имеется несколько групп монет, чеканенных от имени их государей и легенды этих монет именуют правителя «Кидара Кушанаша». А византийский автор Приск Панийский пишет о войнах Сасанидов в 450–460-х гг. с «гуннами, называемыми кидаритами». Возможно, что в ходе этих войн кидариты на какой-то срок овладели Балхом. Кидаритские цари считали себя продолжателями кушанской политической традиции, что не осталось незамеченным их противниками. Так, армянский автор Егише Вардапет, участник персидских войн с северными племенами, пишет, что сасанидский царь Йездигерд II (438–457 гг.) «внезапно напал на земли хонов, которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их». Очевидно, что кушанами здесь названы кидариты и хиониты. Но в те же годы решающей политической силой в Средней Азии становятся эфталиты, которых их современники — византийские, армянские и индийские авторы — также связали с гуннской политической традицией. В западных источниках они именуются «белые гунны», в армянских — хоны, в индийских — хуна. Название *эфталиты*, согласно

византийским авторам, они получили по имени одного из их царей. Как же сами они себя называли?

Из надписей на монетах эфталитских царей это выясняется с полной достоверностью — сами себя эфталиты называли *хион*. Иначе говоря, эфталиты были одной из этнополитических групп хионитов. Сопоставление различных источников выявляет, что таких групп было по меньшей мере две: *спет хион* «белые хионы» и *кармир хион* «красные хионы». Проблема прародины хионов — эфталитов остается дискуссионной. Попытки связать их с Бадахшаном (К. Еноки) были подвергнуты основательной критике, но, почти несомненно, хионы были одной из древних групп кочевников, обитавших в горно-степной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии.

Условность отнесения хионитов и эфталитов к гуннским племенам была отмечена еще Прокопием Кесарийским, который писал: «Хотя эфталиты народ гуннский и так называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них... Они не кочевники, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на плодородной земле... Они одни из гуннов белы телами и не безобразны видом... и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов» (Прокопий, I, 3).

Характеристика византийского автора относится к тому времени, когда эфталиты уже освоились в земледельческой и городской среде Средней Азии, восприняли на государственном уровне бактрийский язык и бактрийскую (кушанскую) письменность, созданную на основе греческого алфавита, и, по словам китайского путешественника Сюань Цзана, «их литературные произведения постепенно увеличиваются и превосходят количество их у народа Согда». Таков был результат, но ему предшествовал длительный период политического становления государства.

СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ

«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои прашуры — Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!»

Так повествует о прошлых веках, о начале Тюркского эля и его первых каганах их далекий потомок Йоллыг-тегин, «Принц счастливой судьбы», первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим письмом на «вечном камне», на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминальные строки почившим родичам — Бильге-кагану и Кюль — тегину — и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды — в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими о бурной истории народа тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин Хангая, близ реки Орхон, там, где ставили юрты и строили дворцы властители могущественных империй.

Время сотворения мира совмещено в тексте со временем появления людей, а сотворение «сынов человеческих» предельно близко ко времени царствования первых тюркских каганов, покоривших «народы четырех углов света». Почти через двести лет после начала начал, после возникновения Тюркского эля история совместилась с легендой, а величие прошлого было призвано возвышать настоящее.

Что же стояло в реальной истории за патетикой первого тюркского летописца?

В I тыс. н. э. началось постепенное изменение этнической среды в Евразийских степях. Преобладание здесь все более переходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тыс. н.э. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной Азии и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского каганата, Восточнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюркешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой.

Ниже мы познакомимся в самых общих чертах с этнической, социальной и политической историей тюркских народов во второй половине I тыс. н.э. Именно в это время возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций. Тогда же поднялась на новую ступень духовная культура степняков — возникла тюркская письменность, появилась запечатленная на письме тюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда — после перехода к оседлой и городской жизни, как, например, в Семиречье и Восточном Туркестане, была создана новая своеобразная и самобытная культура, занявшая свое место в мировой культуре того времени.

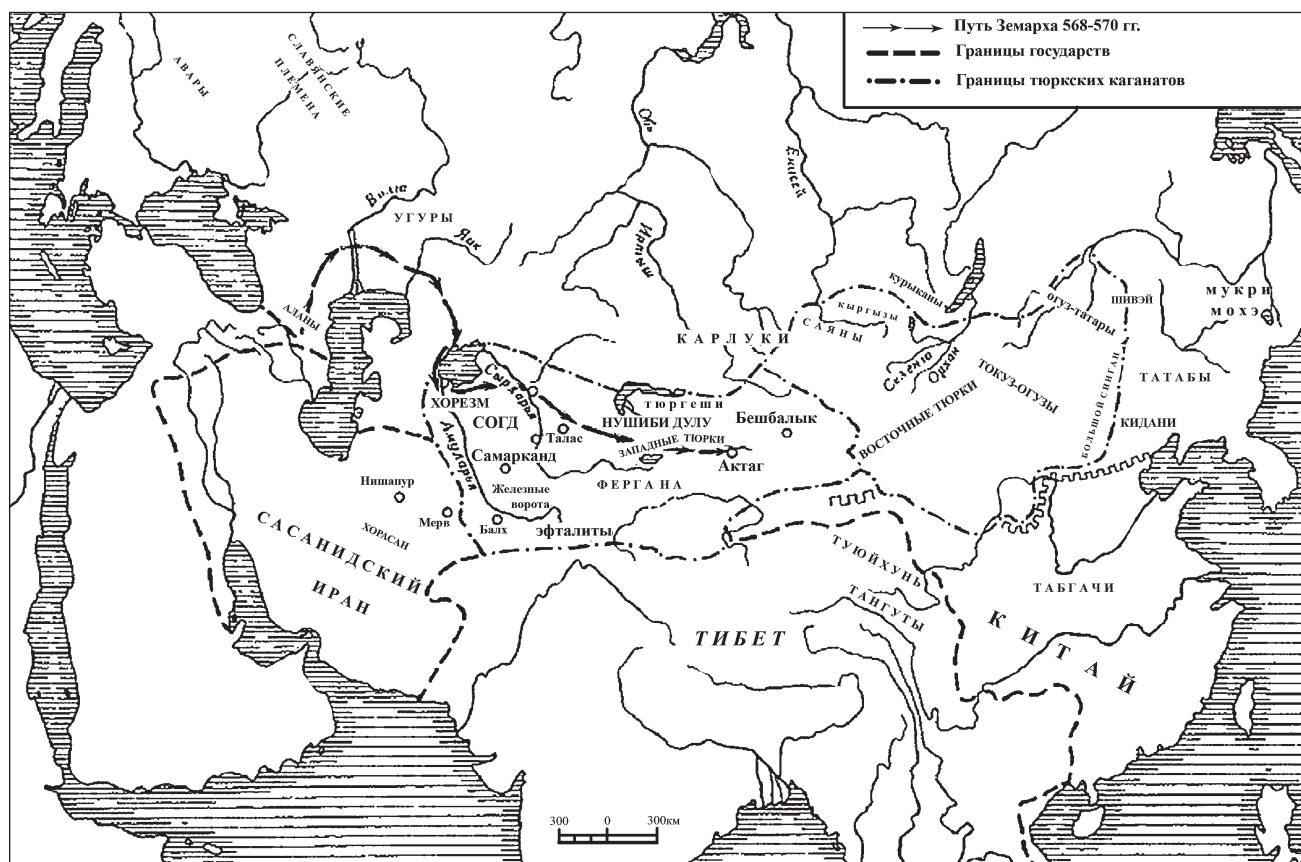

Рис. 1. Тюркский каганат VI–VII вв. По С.Г. Кляшторному.

Все эти процессы невозможно расчленить на «истории» отдельных племен и народов Великой Степи и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых — древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в начале бронзового века и достигшие расцвета в скифское время, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

Сложение древнетюркского союза племен. В 1968 г. в Монголии был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — стела с согдо-

язычной надписью из Бугута [Кляшторный, Лившиц; Klyashtornyi, Livsic, с. 69–102]. В навершии памятника изображена волчья фигура, которой приданы некоторые «драконьи» черты. Что означал этот странный барельеф на каганской стеле?

Согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, предки тюрков, «жившие на краю большого болота», были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему обрубили руки и ноги), которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана (Восточный Тянь-Шань). Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Турфана. Один из внуков волчицы, по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди из рода Ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают имя тюрк.

Легенда связывает происхождение тюрков с Восточным Тянь-Шанем. О том же сообщают китайские исторические хроники, согласно которым группа позднегуннских племен в конце

III—начале IV в., переселившаяся в местность севернее Тянь-Шаня, была вытеснена в конце IV в. в район Турфана, где продержалась до 460 г. В том году на них напали монголоязычные жуань-жуани (авары), уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя потомков Ашина.

И тюркская легенда (она известна в двух вариантах) и китайская историография отмечают, что род ашина за время жизни в Восточном Туркестане принял в свой состав новую этническую группу и смешался с местными жителями. На территории, где жили ашина с конца III в. до 460 г., преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков.

Само слово ашина имеет иранскую этимологию и означает «синий, темно-синий». В царской ономастике Восточного Туркестана, с которой связано это имя, обычны цветовые обозначения. Так, царский род Кучи именовался «белым», а царский род Хотана — «золотым, золотистым». Позднее, в 732—735 гг., в больших орхонских надписях, в том разделе, где повествуется о первых каганах, народ, населявший вновь созданную империю, именуется кёк тюрк, в обычном переводе — «голубые (синие) тюрки». Но первое слово здесь является просто калькой, тюркским переводом родового имени тюркской династии, и переводить это сочетание следует иначе: «кёки и тюрки», т. е. «ашина и тюрки». Образ волчицы-прародительницы ашина и сохранила мемориальная Бугутская надпись.

На Алтае род Ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз принял наименование тюрк. По легенде, это имя якобы совпадало с местным названием Алтайских гор. Последующие события начальной истории тюрков-ашина тесно связаны с историей нескольких северокитайских государств.

В Западной Вэй, одной из трех наследниц некогда единой империи Северная Вэй (386—534 гг.), шел 8-й год эры Датун. Восьмой год, как китайское царство Вэй, возглавленное правящим родом монгольского племени сяньби, распалось на два — восточное и западное. Бессильный и безвластный император Вэньди царствовал, но не правил. Его дворец в Чанъани, где он принимал иноземных послов, был лишь символом имперского величия. Послы подносили диковинные дары и рассказыва-

ли о своих странах, своей вере и своих календарях. Послы из Дацинь — Византии считали тот год 542-м со дня рождения Мессии, именуемого ими Христом.

Подлинным правителем царства был Юйвэнь Тай по прозвищу Черная Выдра. Сам из племени сяньби, он скромно именовал себя первым советником императора. Впрочем, жизнь в императорском дворце его не привлекала, и Черная Выдра учредил свою ставку в горном округе Хуа.

Год Собаки (Черная Выдра предпочитал степной календарь) был тревожен. Не прекращалась вражда с Восточной Вэй и южным царством Лян. Но более всего беспокоила Черную Выдру протяженная степная граница на севере. Там, за рекой Хуанхэ, жили родственные сяньбийцам монголоязычные жуань-жуани (жужане). Их еще недавно дружественный каган Анагуй вдруг начал переговоры с Восточной Вэй о брачном и военном союзе. А тут еще сообщение с западной границы — на округ Суйчжоу, что в излучине Хуанхэ, напало кочевое племя, называвшее себя тюрк.

Вот уже несколько зим, как только река замерзала, тюркские отряды переходили ее по льду. В этом году племянник Черной Выдры отразил набег одной лишь демонстрацией силы. Но ведь вчерашний враг мог стать завтрашним союзником, а опора в степи стала для Западной Вэй крайне нужна. И вэйский правитель приказал собрать и представить ему все сведения о тюрках. То, что он узнал, попало в анналы правящей династии и после нескольких редактур стало главным источником сведений о древнейшем периоде тюркской истории.

Раньше тюрки жили далеко на запад от китайской границы, в южных предгорьях Алтая. Восемь лет назад, в год Барса (534 г.), их вождем стал Бумын, унаследовавший от отца титул «великий ябгу», т. е. «великий князь». Формально он считался вассалом жужаньского кагана и посылал в его ставку дань железом из своих алтайских рудников и плавлен. В действительности же Бумын перестал считаться со своим сюзереном и продвинул владения тюрков далеко на восток. Тюрки появились на берегах Хуанхэ и поначалу вели себя мирно. На пограничных китайских рынках они выменивали лошадей на шелк и зерно. Пограничные чиновники не поощряли торговлю, шедшую мимо их рук, и чинили препоны. Тогда и начались зимние набеги.

В 542 г., когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, Черной Выдре предстояло определить — кого из степных соседей он предпочтет для заключения военного союза.

Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали гаогюй, то есть «высокие телеги», а монголоязычные жужане на своем наречии называли их тегрег «тележники» (в китайской транскрипции теле). Сами себя они называли огурами/огузами. Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI в. огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков ни по языку, ни по образу жизни, огузы в противоположность тюркам не были консолидированы властью одного вождя и часто враждовали друг с другом. Мятежные подданные кагана Анагуя, они регулярно восставали против жужан и каждый раз терпели неудачу. В 542 г. жужанами был подавлен очередной мятеж огузов. Вождь, возглавлявший восстание, бежал в столицу Восточной Вэй. Там он был обласкан и обнадежен. Для Западной Вэй союз с огузами стал невозможен.

Черная Выдра принял решение и стал готовить посольство к тюркам. Он учел информацию об иранских генеалогических связях царского рода ашина. Во главе посольства был поставлен согдиец из бухарских выходцев, живших на крайнем западе Китая, в одном из торговых центров на Шелковом пути. В год Быка, т. е. в 545 г. от Р. Х., посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство тюрков, получив признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус. Вот как описывает китайский историограф состоявшееся событие: «Тюрки поздравляли друг друга и говорили: „Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!“» В следующем году тюркское посольство прибыло в Чанъань. Военный союз состоялся.

Обретя столь сильную опору на юге, Бумын начал покорение севера. Первыми были покорены 50 тысяч семей огузов. Объединенными силами Бумын обрушился на главного врага, на жужан. Их государство было уничтожено, Анагуй кончил жизнь самоубийством. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен каганом Тюркского эля. Начался отсчет дней новой империи Великой Степи.

Бумын умер в 552 г., вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского дома. Его брат и соправитель Истеми-каган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, на Волгу, на Северный Кавказ. А сыновья Бумына, Муган-каган и затем Таспар-каган, утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северокитайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля, и Таспар-каган насмешливо именовал их государей «сыночками», т. е. вассалами. Часть жуань-жуаней бежала в Корею и Север-

ный Китай, другие — на запад, где они стали известны под именем аваров. Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, эти авары в 558–568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин тюрк получил широкое распространение. Согдийцы передавали его как турк, согдийское множественное число — туркут, «тюрки». Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (туцзюе — тюркют), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем термин тюрк фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, различные иранские языки, и в тибетский.

До создания каганата слово тюрк означало лишь название союза десяти (позднее двенадцати) племен, сложившихся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении тюрк бодун; слово бодун как раз и означает совокупность, союз племен (из бод бот, «племя»), народ, состоящий из отдельных племен. Еще в середине VIII в. источники упоминают «двенадцатиплеменной тюркский народ». Этим же словом было обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, — Тюрк эль. Оба этих значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. В более широком смысле термин стал обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Позднее значение термина получило дальнейшее развитие у арабских историков и географов в IX–XI вв., где слово турк появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства [Бартольд, т. 5, с. 584]. Именно в арабской литературе возникло общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен. Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка не проявлялась. Так, в русских летописях 985 г. упоминается племя торков (т. е. тюрков), но это лишь одно из многих кочевых объединений Дикого поля, называемое вместе с берендеями, печенегами, черными клобуками, половцами.

Последовательному изложению политической и социальной истории древнетюркских государств теперь, после прояснения основных понятий, с ними связанных, предстоит предпослать хотя бы самый общий набросок этнической истории тех племен, которые, в сущности, сформировали мир древнетюркских кочевников I тыс. н. э. Мы сознаем, что такое забегание вперед не всегда легко воспринимается читателем, тем не менее считаем необходимым введение в текст некоторых генерализованных представлений.

Общая концепция этнической истории древнетюркских племен. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т. е. территории формирования этих этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью — от Алтая на западе, до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую Степь. Отличительной чертой этногенетических процессов в Великой Степи был их дислокальный, т. е. не связанный с одной территорией характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этно-политических объединений, созданных той или иной родоплеменной группой (династией), казалось бы, хаотические миграции приобретали определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности — смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

Крайняя скудость письменных источников и трудности этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Поэтому приходится ограничиться здесь рассмотрением наиболее общих и ярко очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза привычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп. Однако связь последних

с гуннами, несмотря на определенную тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна. К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между «неалтайской» (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних гуннов, создавших империю, и явно конгломератным позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы. Именно на периферии империи гуннов обозначились в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования.

Первым тюркским фольклорным памятником, зафиксированным письменно в VI в. и отразившим ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют тем не менее, кроме собственно тюркской генеалогии, обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кипчаков и теле (огузов).

Обычно интерпретируются две записанные в Чжоу ту и Бэй ши легенды о происхождении тюрков. Обе они являются, скорее всего, разными записями одной легенды, отражающей последовательные этапы расселения тюрков-ашина в Центральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные объединения по соседству с тюрками-ашина. Согласно записанной в Китае генеалогии — это группа цигу, т. е. енисейских кыргызов, группа «белого лебедя», отождествляемая с кипчаками, и группа теле, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами ашина, поселившимися на р. Чжучже.

Анализ версий легенды позволяет заметить два важных обстоятельства. Во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племен, сохранившиеся в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущалось и запечатлелось в повествовательной традиции их генеалогическое родство. Во-вторых, по счету поколений, сведения, сохранившиеся в записи VI в., отражают события V в. или, возможно, IV—V вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая Монгольский Алтай). Последнее обстоятельство дает возможность обра-

тяться к сохранившимся фрагментам описаний исторических событий и археологическим материалам того времени.

На территории Саяно-Алтая в III–V вв. выделяются несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская и раннекипчакская. Так, в Таштыкской культуре III–V вв., сложившейся на территории Среднеенисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших развитие в культуре енисейских кыргызов. Памятники берельского типа на Горном Алтае (III–V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как раннетелеские (раннеогузские). В синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг конгломератной верхнеобской культуры, достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры раннесредневековых кипчаков. Создатели перечисленных археологических комплексов явно связаны с этнокультурным субстратом гуннского времени, но в III–V вв. древнетюркские культуры уже обособились как проявления самостоятельных этнических общностей. Таким образом, анализ письменных традиций и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может быть условно обозначен как этап легендарных предков.

В середине VI в. четыре основных группировки древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками-ашинами, и тем самым было положено начало следующему этапу этнической и политической истории Центральной Азии – этапу архаических империй (VI–IX вв.).

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий (активизация процессов выделения господствующих и подчиненных групп населения), в иных территориальных пределах (распространение власти тюркских каганов на всю Великую Степь и проникновение их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации). Этот этап обусловил новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. Образование тюркских и уйгурских каганатов, а также государств карлуков, тюркешей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные социально-политические струк-

туры, предопределили постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза и одновременное ослабление прежних, связанных с тюрками, этнических процессов на территории Центральной Азии.

Внутри архаических империй родоплеменной партикуляризм, т.е. стремление к обособлению, впервые приобретает противовес – им становится общеимперская идеология. В рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после ее распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура. Эти процессы отражали новое этническое мироощущение противопоставления себя как целого иному культурному миру. Вместе с тем в Семиречье, Восточном Туркестане и отчасти в Среднеазиатском Междуречье обозначились совершенно отличные от выше отмеченных процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил, и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские нации.

Центростремительные и центробежные процессы, сменяющие друг друга и сосуществующие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур того времени. С одной стороны, происходит сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широко распространенные по всему степному поясу во второй половине I тыс.н. э. формы предметов материальной культуры (седла со стремениами, сложносоставленные луки, трехперые стрелы, пряжки, украшения), идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде, памятников изобразительного искусства. С другой – достаточно четко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплексов, имеющих конкретное этническое содержание. Так, могут быть выделены три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением предметов и их декором, – культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сросткинская, т.е. кимакско-кипчакская культура Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур прослеживается по характеру распространения инноваций – с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего I тыс. в Центральной Азии и степной части Юго-Западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане в рамках

общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряженное формирование культурных традиций, связанных с собственно тюркским, огузским, кыргызским и кипчакским этногенезом.

В границах архаических империй четыре разных группировки тюркоязычных племен консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов. Кимакско-кипчакская группа и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулись в бассейн Иртыша, а затем стремительно распространились в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. Кыргызы, раздвинув границы своего енисейского государства, освоили малоудобные для кочевников, но обладавшие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что находит отражение и в археологических материалах. Границы распространения кыргызов в IX–X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе — могильник Узун-Тал на Южном Алтае; кыргызские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских кыргызов отмечена материалами захоронения на р. Или.

Группа токуз-огузских племен в жестокой борьбе с северной экспансией Тибета все более смещалась в сторону западной части Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже в середине VIII в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. Тюрки, потерпевшие политическую катастрофу в 744 г. и утратившие свою центрально-азиатскую прародину, концентрировались в Кашгарии и Семиречье, где в X в. после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь — потомки тюрко-огузских племен Западного каганата, теснимые карлуками, — тогда же формирует государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчетливо проявилась в этих государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой Степи — **этапу варварских государств**, преобразующихся в раннефеодальные державы. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначились нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и культурную

специфику тюркских протонародностей раннего средневековья.

Вместе с тем резко изменилось соотношение внутренних и внешних факторов, определивших направленность этнокультурных процессов. Главным на следующем этапе этногенеза оказалось не столько саморазвитие древнетюркских компонентов, сколько воздействие теснейших контактов с окружающей этнической средой — иранской, кавказской, малоазийской, финно-угорской, славянской. Обе линии этнического развития — привнесенная центральноазиатская и местная субстратная — по-разному проявились в расогенезе, культурогенезе и в собственно этнической истории тюркоязычных народов.

Первый Тюркский каганат (551–630 гг.). Муган-каган (правил в 553–572 гг.), наследник Бумына и Кара-кагана, окончательно утвердил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в Юго-Западной Маньчжурии и кыргызов на Енисее. По словам китайской летописи, он «привел в трепет все владения, лежащие за границей (Великой Стеной. — С.К.). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря (Каспия. — С.К.) до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи (пустыни Алашань и Гоби. — С.К.) на север от Северного моря (Байкала. — С.К.) от пяти до шести тысяч ли, все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» [Бичурин, 1829. С. 229]. Последнее утверждение не вполне точно — каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась их зависимость при наследнике Муган-кагана, Таспар-кагане (правил в 572–582 гг.).

Успешными для тюрков были их западные походы. К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая и ведет борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581–588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581–618 гг.); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи.

Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном роду ашина, и со страшным голодом в степи. Китайский историк замечает: «Вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости» [Бичурин, 1829 С. 229]. Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581–583 гг., новая политическая обстановка, не давшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — все это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице.

В 582–603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

Лишь при Шиби-кагане (правил в 609–619 гг.) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613–618 гг.) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618–907 гг.), позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану (правил в 620–630 гг.) возобновить войны на южной границе. Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась.

Давно минули времена, когда весь тюркский племенной союз видел в набегах нормальный и доходный промысел. Восемидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война становилась выгодной только для правящего слоя каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства. Большая часть тюрков была заинтересована не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда каганы, считаясь с насущными проблемами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг. Но на протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над варварами, монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась.

За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на юге. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские землепашцы и тюркские скотоводы, стремившиеся к мирной торговле на пограничных рынках.

В течение 620–629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии, постоянного ремонта конского состава и многих других затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственный народ. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута, падежа скота и голода (627–629 гг.). Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, связанные в какой-то степени родоплеменными традициями, он заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты, китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального и имущественного неравенства было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников, наблюдения которых резюмированы историографом:

«Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели (Эль-каган. — С.К.) имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход... так что его народ не смог более переносить эти тяготы... Год за годом [в стране] был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от Хели» [Бичурин, 1829, С. 194].

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против

него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми Эль-каган попал в плен (630 г.). Так завершилась история первого Тюркского каганата.

Тюрки в Средней Азии. Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ». Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шадрисябза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии и Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Аму-Дарьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана, Истэми (Сильзибул или Дизавул византийских и Синджибу арабских исторических сочинений); он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул ябгу (явуга) был заимствован тюрками из кушанской политической традиции, сохраненной эфталитами. Именно при Истэми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже в 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной вплоть до Сыр-Дарьи и Приаралья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аvaraми в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакту Симокатте, писавшему в начале VII в., назвать этих беглецов «псевдоаvaraми». Однако сами тюрки, судя по свидетельству другого

византийского историка, Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно аvaraми.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях Средней Азии, с городами и оседлоземельским населением, существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоевания Тюркский каганат ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани.

Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (он ок бодун), вполне аналогичный в то время военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков. Сам Истэми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен». Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, что в состав «стрелы» входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один тюмен, т. е. десятитысячное войско, во главе с «великим предводителем» (шадом) и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Китайский документ той эпохи свидетельствует:

«Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов. Позднее каждая „стрела“ стала называться племенем, а великим вождям „стрел“ было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба» [Chavannes, с. 27–28].

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и средневековья. Таков гуннский племенной союз с его восточной и западной сторонами, такова огузская конфедерация, полумифический прототип которой, улус Огуз-хана, делился на бузуков и учуков. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII в. «десятистрельная» система в Восточно-тюркском каганате была заменена системой «двенадцати племен», делившихся на две конфедерации — телисов и тардушей (восточное

и западное крылья). Эта последняя система в VIII в. была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками завоеваны. Враждебность, сразу же появившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась, однако, не менее восьми лет. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу.

К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстин принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набег авара на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

Вместе с тем в конце 50-х годов VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана, Хосров I Ануширван (правил в 531–579 гг.), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, уже в 557 г. возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561–563 гг., Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен договором — дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда.

Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби Эскиль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока.

По «Шах-наме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара

было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане (на севере нынешнего Афганистана) сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Аму-Дарьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав.

Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. Шелковый путь. После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого Шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шелковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появляется свой шелк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566-м или 567 г. как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрков в свою страну и незаинтересованный в резком увеличении количества импортного шелка на иранском рынке — что понизило бы доходы местного шелкоткацкого производства — купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег привезенный товар. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя — Византию. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь.

Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство было с почетом принято при императорском дворе, и тюрки заключили с Византией военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Зимарх Киликиец, «стратег восточных городов» империи. Каган принял Зимарха в своей ставке близ «Золотой горы», на Тянь-Шане (рис. 1). И сразу же предложил путешественнику сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войска вернулись в Согд.

Вслед за тем Истэми перенес военные действия на Волгу, к 571 г. завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган расчищал трудный обходной путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менаандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568–576 гг. и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы. Число их было часто значительно — к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 г. 106 «тюрков», т. е. подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своем это были купцы. Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI в. Впрочем, в 575–576 гг. на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истэми-кагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и чрезвычайно недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вел с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576 г.). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588–589 гг. Войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука

«царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир.

Вплоть до разгрома сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм, и через Поволжье.

Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья. Междоусобная война в Тюркском каганате, раздираемом сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего рода, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом на два государства — Западнотюркский каганат в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западнотюркского каганата при каганах Шегуе (правил в 611–618 гг.) и Тон-ябгу (правил в 618–630 гг.) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племен под эгидой каганской власти для почти непрекращавшихся и всегда успешных походов. Уже Шегуи сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье (рис.1). Его ставка располагалась в «Белых горах» севернее Кучи (кит. Бэй-Шань, у Менандры — Эктат). Тон-ябгу возродил активную прозападную политику каганата и перенес зимнюю резиденцию в Суяб — крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (ныне городище Акбешим близ г. Токмак), а летнюю ставку — в Мингбулак близ Исфиджаба (невдалеке от современного г. Туркестан). Новые походы раздвинули границы каганата до верховий Аму-Дарьи и Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал своему сыну, Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627–628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых прежде среднеазиатских госу-

дарствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба до Чача (Ташкентский оазис) на севере до территорий Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана были посланы уполномоченные кагана — тудуны, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владельцам были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшими из местных владельцев личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владельца — правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [Chavannes, с. 24].

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным» [Там же], скоро оказался в противоречии с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу, Кюль-багатур, убил племянника и провозгласил себя Кюль Эльбильге-каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента, и межплеменная война началась. Уже в 630–634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от Сыр-Дарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз — дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих», зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую «стрелу» был направлен член каганского рода — шад, никак не связанный с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти. Тем самым политическая инициатива местных вождей была резко ограничена. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повиновении. Уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался на два царст-

ва, граница между которыми проходила по р. Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану [Chavannes, с. 56].

Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся последующие 17 лет (640–657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск. Ополчение «десяти стрел» потерпело поражение, а их последний независимый правитель Нивар Ыш-бара-ябгу-каган (Ашина Хэлу китайских источников) был захвачен в плен, где и умер через два года, в 659 г.

Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Какое-то время эти методы были действенными, но непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени тюргешей Уч-элиг, создавший новое государство — Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определившаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат (его самоназвание было Он Ок эли — «Государство десяти стрел») весьма значительно отличался от Тюркского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе большая часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом, торговлей. Социальная структура Западнотюркского каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат.

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана с участием согдийцев, весьма рано начавших создавать свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути — в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V–VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас («страна Аргу» тюркских источников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII–VIII вв.

Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкал рабад (ремесленно-торговое предместье) и обнесенная стенами терри-

тория усадебной застройки; укрепленные усадьбы — кёшки, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50–100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI–VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населенных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему страну в 630 г.:

«Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6–7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» [Зуев. 2002].

Теми же словами характеризует путешественник другой крупный город — Талас. Сюань Цзан резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суяба до княжества Кушания называется Согд, ее население также носит это имя» [Там же]. Как очевидно, Сюань Цзан, показавший себя весьма тонким наблюдателем, не находил этнического различия между частью населения семиреченских городов и собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, Сюань Цзан не слишком лестно отзываясь об их обычаях — торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешенность от мирской суеты. Однако паломник не преминул отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводящее его читателя в круг повседневной жизни согдийских поселенцев: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (т. е. ремесленников и купцов) — поровну» [Там же]. Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями.

В Западнотюркском каганате VII–VIII вв. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным. Они имели неизменную возможность выступать как «третья сила» во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Тюркские каганы называли своих согдийских подданных *татами*, т. е. зависимыми данниками.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАРОДЫ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

Болгары, хазары и берсилы. Вопрос о первом появлении болгарских племен в степях Юго-Восточной Европы все еще остается предметом острых дискуссий. Столь же остро дискутируется вопрос об этническом и племенном составе ранних болгар (по терминологии современных болгарских ученых — праболгар).

В «Хронографе», составленном в 354 г. в Западной Римской империи и сохранившемся в рукописи V в. (предположительно, этот альманах, реконструированный Т. Моммзеном, восходит к сборнику римского писца Филокала), среди народов, обитавших на востоке и происходивших от библейского Сима, рядом со скифами и лазами, названы некие *vulgares*. Это имя обычно трактуется как несколько искаженная транскрипция названия болгар.

Достаточно уверенно фиксируется появление болгар в Причерноморье лишь после падения империи Аттилы. В 480 г. восточноримский император Зенон обратился к болгарам, уже жившим в Причерноморье, за помощью против остготов. По существу, это первая фиксация политической значимости болгарских племен в ареале византийских геополитических интересов, а вследствие этого и в сфере внимания византийского дипломатического делопроизводства и византийской придворной историографии.

Довольно часто имя болгар или племен, входивших в болгарское племенное объединение (оногуры—оногундуры—хайландуры), упоминается в армянской историографии, главным образом в связи с набегами этих племен на Закавказье. Но достоверность хронологии армянских историков сомнительна из-за нередких и несомненно установленных анахронизмов в их сочинениях, а также их позднейшей переработки. Сколько-нибудь достоверные сведения относятся к концу V в. Что касается перво-

начальной территории, занимаемой болгарскими племенами, то указания источников слишком неопределенны, хотя во всех случаях речь идет о Причерноморье. Если судить по сведениям «Армянской географии» Анания Шираками (конец VII в.), болгары обитали где-то в Западном Предкавказье. Позднее именно этот регион с центром в Фанагории византийские историки называли Великой Болгарией.

Хотя признание генетической связи болгар с тюркоязычными племенами преобладает в историографии, оно далеко не безоговорочно. Так, по мнению А.П. Новосельцева, «первоначально болгары представляли собой тюркизированных (когда — неясно) угров и были одним из их племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлеченных на запад в период гуннского нашествия» [Новосельцев, 1980. С. 72]. Такая довольно распространенная точка зрения неверна прежде всего хронологически, так как болгары появились к западу от Волги только после краха Гуннской державы. Она совершенно необоснованна и этнографически, ибо опирается только на очень сомнительные этимологические трактовки этнонимов болгарских племен.

Более убедительна иная концепция ранней этнической истории болгар, основанная как на комплексе сведений письменных источников, так и на достижении современной тюркологии в области истории тюркских языков. Ключевая роль принадлежит здесь восточноримской (византийской) историографии, в особенности Приску Панийскому, историку, прославившемуся своим отчетом о миссии в ставку Аттилы. В его другом историческом труде, сохранившемся лишь во фрагментах, рассказывается (фрагмент 30), что около 463 г. откуда-то из глубин Азии в Причерноморье вторглись некие

неизвестные дотолы племена. Приск приводит их названия — *огуры*, *сарагуры* и *оногуры*.

Далее следует описание цепочки столкновений и войн, столь типичной для истории кочевников Евразии в самые разные эпохи. Подобные «цепные реакции» всегда заканчивались появлением в степях Юго-Восточной Европы, а иногда и много западнее, очередной волны степняков-завоевателей. По Приску, огуры прогнали с их земель жившие восточнее *сабиры*, а тех, в свою очередь, *авары*. Все они, в установленной последовательности, появились у границ Византии или ее заморских фем. А началась вся эта подвижка на запад степных народов с того, что на тех напал некий неизвестный народ, живший на берегу Океана, т. е., по представлениям античного мира, на краю света. Этот неизвестный народ, живший в стране морских туманов, внезапно стал жертвой грифонов, пожирающих людей, и должен был оставить свою страну.

Если исключить идущий от Геродота и очень популярный в античной и византийской традициях мотив грифонов, явно призванный объяснять необъяснимое, речь у Приска идет о вполне исторических событиях. Все они подтверждаются позднейшими источниками — византийскими, армянскими, сирийскими. Но наибольший интерес представляют в этой связи сообщения китайских историков о событиях, имевших место в V в. где-то очень далеко на западе, в степях возле Западного моря. До Китая донесся лишь глухой отзвук этих событий.

В самом начале V в. в Центральной Азии, у северных границ китайского государства Тоба Вэй, сложилось могущественное кочевое государство жуань-жуаней. Испытывая постоянное военное давление Вэйского государства, каган жуань-жуаней Шэлунь обрушил мощные удары на своих соседей, живших к западу и северо-западу от жуань-жуаней. Этими соседями были племена *гаоцзюй* (*уйгуров*). Их китайское название переводится как «высокие телеги». Гаоцзюй-уйгуры были лишь частью огромного племенного массива тюркоязычных степных племен, именовавшегося в китайских источниках иномязычным для китайцев словом *теле*. Слово это является транскрипцией китайскими иероглифами тюрко-монгольского термина *тегрег*, «телега, тележник». Очевидно, оно попало к китайцам от тех соседей теле, которые сами не входили в эту степную конфедерацию, хотя и принадлежали к тюрко-монгольскому миру. Позднее, в VI—VII вв., когда появились письменные тексты на тюркском языке, создатели этих текстов впервые письменно зафиксировали самоназвание тех племен, которых китайцы называли не именем, а прозвищем теле.

Этим самоназванием оказалось имя *огуз*, происшедшее, согласно древнетюркским (древнеогузским) легендам, из имени героя-эпонима (героя-первопредка?) Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово *огур*. В такой форме оно существовало в особой группе древнетюркских языков, наследником которых является современный чувашский.

В IV—V вв. огромный пласт тюркоязычных огузских племен теле («тележников»), занимавших территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, не обладал никакой политической общностью и был разделен на многочисленные группировки, зачастую враждовавшие друг с другом. Во всяком случае, через триста лет, в надписи уйгурского Бёгю-кагана (уйгуры были частью огузского племенного сообщества), автор, вспоминая эти древние для него времена, сетует: «Тот мой народ затевал многие междоусобные распри и ссоры» (Тесинская надпись, стк. 10) [Кляшторный, 1986. С. 88]. Возникновение могущественного Жуань-жуаньского каганата и его неукротимая экспансия на запад в начале V в. оказали решающее влияние на неустойчивый силовой баланс кочевого мира Евразийских степей. Западная группировка огузов покинула казахско-джунгарские просторы и перешла Волгу; по представлению китайских историографов, несколько десятков племен теле ушли на запад от Западного моря.

Эти события случились в середине V в. Там, в волго-донских степях, в степных просторах Причерноморья, агонизировали остатки великой империи Аттилы. Новые пришельцы, огузские племена, оказались в политическом вакууме. Это очень быстро почувствовали за чертой старого римского лимеса, в пограничных фемах Византии. В 463 г. послы огузов, сарагуров и оногуров появились в Константинополе. А три года спустя, одержав победу над племенами гуннов-акациров и утвердившись в Приазовье, они, исполняя условия договора с Константинополем, совершили набег на принадлежавшее персам Закавказье.

В дальнейшем все три племени — огуры, сарагуры (*сар огур*, «белые огуры»), оногуры (*он огур*, «десять [племен] огузов») редко действовали совместно, вступая в разные политические коалиции. Именно в этот период из нескольких огузских группировок, при решающей роли оногурских племен, где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар. Само их название (букв.: 'мятежники', 'отколовшиеся') указывает, что сложение этого нового союза явилось следствием распада или разделения более раннего объединения

огурских племен. В течение нескольких десятков лет болгары были грозой окружающих стран. Если в битве под Сирмиумом в 480 г. болгары спасли Византию от грозного нашествия остготов, то в последующие времена они сами представляли немалую опасность для империи. В 493, 499, 502 гг. болгары вновь и вновь опустошали Иллирию, Мёзию и Фракию. В 514 г. они поддержали мятежного византийского военачальника Виталиана, двинувшегося на Константинополь с берегов Дона.

Во второй половине VI в. болгары подпадают под владычество аваров, ставших новыми завоевателями степей Юго-Восточной Европы. Однако ситуация в Причерноморье начала меняться уже в конце VI в., после появления тюрков, нанесших аварам ряд сокрушительных поражений. Авары были резко ослаблены, и только междоусобная война в Тюркском каганате и дипломатическая игра Византии на тюрко-аварской вражде позволили аварам удержать власть в Предкавказье. Вскоре наметившийся военный союз авар с Ираном, направленный против Византии, заставил Константинополь оказать решительную поддержку огуро-болгарским племенам Прикубанья, враждебным аварам. Для этого императору Ираклию представился очень удобный случай. В Константинополе провел свои юношеские годы племянник Органы, вождя болгар, Кубрат, принявший там в 619 г. святое крещение. Он с детства был дружен с Ираклием. Ираклий в течение многих лет проводил политику союза с теми степными властителями, которые были готовы к войне с Ираном и его союзниками. Еще в 627—628 гг., под стенами Тбилиси, осажденного тюрко-хазарским войском, он возложил корону на голову правителя западных тюрков Тон-ябгу-кагана и пообещал ему в жены свою дочь, принцессу Евдокию, за продолжение войны с Ираном. Ободрил он своей поддержкой и Кубрата.

Под предводительством Кубрата аварское могущество в Причерноморье было сокрушено в 635 г. болгарами. Возникло новое государство. Великая Болгария со столицей в Фанагории первое Болгарское государство, просуществовавшее, однако, только до кончины своего основателя (642 г.). Пять сыновей Кубрата поделили между собой болгарские племена и болгарские земли в Предкавказье и Приазовье. Однако, разделившись, они оказались не в силах сдержать натиск хазар. Большая часть болгар, давно перешедшая к оседлому и полuosедлому образу жизни, подчинилась хазарам и составила самую значительную часть населения Хазарского каганата. Те, кто сохранял традиции кочевого быта, ушли на запад и

на север. Наиболее известно племя Аспаруха, создавшего Болгарское царство на Дунае (679 г.), вскоре признанное Византией (681 г.).

Еще одно государство болгар возникло в Среднем Поволжье и Прикамье. Нет никаких сведений о времени и обстоятельствах его возникновения. Предположения на этот счет колеблются в пределах середины VII в. по середину VIII в. (или даже начало IX в.). Предпочтительнее, впрочем, разделять дату возможного переселения болгар в Поволжье (скорее всего, вторая половина VII в.) и дату возникновения там нового государства, находившегося в вассальной зависимости от хазар. На последнее, в частности, указывает титул государя болгар, зафиксированный мусульманскими источниками, — *йылы-вар*, т. е. *эльтебер*, древнетюркский титул зависимого от хана главы племени или племенного союза. Этот титул государь болгар носил еще в начале X в.

Источники довольно единодушны в описании племенного состава болгарского государства. Кроме собственно болгар, упоминаются еще два племени — *сувар* и *эсгель*, равноправные с болгарами, хотя их князья и были вассалами эльтебера. В обоих этих этнонимах без труда прослеживаются уже знакомые *сабиры* (*савиры*) греческих источников и известное по древнетюркским и китайским источникам огузское (ретроsp. огурское) племя *изгиль/эзкель*. Наряду с болгарскими племенами в состав Болгарского царства входили *финно-угры*, прежде всего племена *югра* и *вепсов* (*юра* и *вису* мусульманских источников) и часть башкирских племен.

Именно мусульманские источники, наряду с древнерусскими летописями, сохранили наиболее подробные сведения о государстве болгар в Поволжье. В частности, подчеркнуто отмечен такой важнейший в истории болгар фактор, как посредствующее положение между славянами и хазарами. Контроль на верхней части волжского торгового пути в страны Средней и Передней Азии и главная роль в торговле мехами предопределили относительно быстрое хозяйственное развитие Болгарского царства. Политические и экономические интересы государства подтолкнули одного из болгарских государей, Алмуша (по реконструкции имени О.И. Смирновой — Эль Алмыш), сына Шилки, к принятию ислама. С этой целью было инициировано прибытие в ставку болгарского царя посольства багдадского халифа (922 г.), секретарем и историографом которого был Ахмед ибн Фадлан. Лишь монгольское завоевание насильственно прервало существование этого процветающего государства в Поволжье, хозяйственные и политические

амбиции которого были унаследованы не столько Золотой Ордой, сколько позднейшим Казанским ханством, но в совершенно иной геополитической обстановке [Хузин, 1997].

Еще более неясна, чем в случае с болгарами, ранняя история хазар, создателей одного из самых могущественных государств на западе евразийских степей. Хазарская традиция в сохранившемся донинедне виде почти не содержит воспоминаний о далеком прошлом. Во всяком случае, в письме царя хазарского Иосифа, кроме генеалогического древа потомков Тогармы, замечается, что предки хазар были малочисленны и «они вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их» [Коковцев, 1932. С. 92].

Если не принимать во внимание анахроническое упоминание хазар у Мовсеса Дасхуранци, первая, достоверная фиксация этого этнонима, относящаяся к середине VI в., содержится у Псевдо-Захария Ритора в списке тринадцати народов «живущих в шатрах» [Пигулевская, 1941. С. 163; Czegledy, 1961. С. 239—246]. Список охватывает перечень народов, обитавших в степях, на Северном Кавказе и в Средней Азии, что не позволяет определить места обитания хазар, упомянутых там на седьмом месте. А.П. Новосельцев относит первые появления военной активности хазар к 90-м гг. VI в., но, по мнению М. И. Артамонова, самостоятельно хазары проявили себя лишь в середине VII в. [Новосельцев, 1980. С. 86, Артамонов, 1962. С. 171].

Все это, однако, сведения и соображения достаточно общего характера. Едва ли не единственными конкретными упоминаниями о начале хазарской истории в византийской и ближневосточной историографии остаются два взаимосвязанных сообщения в «Хронографии» Феодана и «Бревиарии» Никифора (начало IX в.). Вот сообщение Феодана: «...После того, как они (болгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» [Чичуров, 1980. С. 61]. Здесь, по крайней мере, определены исходные даты — вскоре после смерти Кубрата и исходная территория хазарской экспансии.

Местоположение Берзилии (Берзилии) не раз обсуждалось в специальной литературе. Наиболее полные сводки на этот предмет составлены П. Голденом [Golden, 1980. С. 143—147] и А.В. Гадло [Гадло, 1979. С. 65—68]. Берзилию обычно локализуют на Северном Кавказе, но А. В. Гадло, опираясь главным образом на «Географию» Анания Ширакаци (конец VII в.), убедительно показал, что в начале

VII в., когда барсилы были впервые упомянуты Феофилактом Симокаттой, их коренной территорией был так называемый «Чёрный остров», т. е. земли в междуречье Кумы и Волги, лучшие пастбища Северного Прикаспия. В то время хазары были частью барсиров, но к концу VII в. ситуация поменялась — хазары полностью подчинили барсиров, а старшей женой хазарского кагана была женщина «из народа барсиров» [Гадло, 1979. С. 62]. Представление об изначальной генеалогической близости барсиров и хазар сохранилось в мусульманской этногеографической традиции [Там же].

Еще более скудные сведения о хазарах содержит иная группа источников — китайская историография, а также один из текстов сериндийского круга. В перечнях уйгурских племен VII—VIII вв. сочинения, относящиеся к танскому своду источников, упоминают племенное название *коса*, надежно реконструируемое синологами как *касар/казар* [Hamilton, 1955. С. 3]. В среднеперсидском тексте из Турфана (Махрнамаг, 825 г.), упомянут один из вождей племени — Хазар-тегин [Golden, 2000. С. 292].

Выше была изложена самая общая схема событий V—VI вв., подтвердить которую какими-либо сведениями и конкретными указаниями источников еще недавно не представлялось возможным. Но теперь обозначился первый информационный просвет.

В 1969 и в 1976 гг. возглавляемый мною отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции обнаружил в Северной Монголии в Хангайской горной стране две стелы с древнетюркскими руническими надписями. По названиям рек, в долинах которых были сооружены стелы, памятники были названы Терхинским и Тэсинским. Оба памятника были разбиты и сильно пострадали от эрозии. Тем не менее, сохранившиеся части текста донесли до нас крохи бесценной информации не только актуального, но и историографического характера [Klyashtorny, 1982. С. 335—366; Klyashtorny, 1985. С. 137—156]. Обе стелы были воздвигнуты по повелению первых государей возникшего в 744 г. Уйгурского каганата — Элетмиш Бильге-кагана и его сына Бёгю-кагана — 753 г. (Терхинская) и в 762 г. (Тэсинская).

Историографические разделы обеих надписей, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, достаточно близки по содержанию. Главная идея историографических разделов этих текстов, казалось бы, парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., чьи владения находились в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками

древних вождей, которые возглавляли огузо-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, именовавшие себя каганами «десяти уйгурских (племен)» и «девяти огузских (племен)», сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камне надписях-декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль — кочевую империю, и осудили других, разрушавших Эль в междоусобицах и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушений Элей, охватила более чем полутысячелетний период.

В начальных строках история сливалась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках: «Когда в давние времена были сотворены [Голубое Небо вверху и Бурая Земля внизу, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими] уйгурские каганы на царство сели. [Они были] мудрые и великие каганы. [Триста лет] они на царстве сидели, триста лет тем своим Элем правили. Потом их народ погиб» (Тэс., стк. 7—8).

Легенда о начале сохранилась только в Тэсинской надписи и реконструируется с помощью совершенно идентичных тюркских повествований, высеченных на камне на тридцать лет раньше и воздвигнутых невдалеке, в долине р. Орхон. Но место тюркских каганов заняли уйгурские, а первый тюркский каган Бумын был выставлен как общий легитимный государь в список древних уйгурских каганов: «Йолыг-каган... Бумын-каган [эти] три кагана на царстве сидели, двести лет на царстве сидели. Их народ, придя в неистовство, погиб... из-за двух именитых истошился и погиб. Кадыр Касар и Веди Берсил, прославленные огузы... [тогда погибли]» (стк. 16—18). Так повествует о времени после Бумына Терхинская надпись. А вот сохранившиеся строки с повествованием о тех же событиях Тэсинской надписи (стк. 9—10): «...Из-за вождей бузуков [их народ], придя в неистовство, истошился и погиб. Из-за ничтожного Кюля, из-за двух именитых истошился и погиб... Веди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие [междоусобные] распри и ссоры».

Время и пространство междоусобных войн, в которых погибли «прославленные огузы», определяется упоминанием Бумына — это время и пространство Первого Тюркского каганата после смерти Бумына, т. е. вся евразийская степь до Боспора Киммерийского во второй половине VI в. Междоусобная война, длившаяся в Эле двадцать лет и приведшая к распаду царства, началась в 582 г. и

завершилась в 603 г. Имена трех каганов, царствовавших после Бумына, либо не сохранились, либо скорее всего и не были упомянуты, ибо цель повествования — обозначить смену эпох и назвать виновников бед и несчастий, избавление от которых принесла следующая в повествовании собственно уйгурская династия, династия Яглакаров — ее Элетмиш Бильге-каган обозначает словами «мои предки» (Терхинская надпись, стк. 18).

Ключевое слово в цитированном отрывке Тэсинской надписи — термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен — *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем. После распада каганата на восточную и западную части, деление на *бузуков* и *учуков* в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крылья, которые вместе с каганским центром-ставкой (*орду*) формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура — деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой расправе пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена — вождя берсилов Веди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных

союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение — и хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т. е. к западному крылу огузо-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I—первой половины II тысячелетий берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как сиры (сеяньто китайских хроник) они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сиры — в 630—647 гг.).

И, наконец, еще одна особенность цитированных фрагментов — в обоих случаях вождь берсиллов и вождь хазар упомянуты вместе. В представлении уйгурского историографа взаимосвязь между этими племенами была столь же очевидна, насколько очевидна она и для западной, византийской и мусульманской историографических традиций.

Подводя краткий итог наших наблюдений и нашего анализа древнеуйгурских рунических текстов, следует, очевидно, констатировать, что ранняя история хазар и *берсиллов/ барсиллов* не только взаимосвязана, но и генетически привязана к огузо-огузским племенам и на раннем этапе политически обусловлена становлением и распадом тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии.

Огузы Центральной Азии и гузы Приаралья. В сочинениях мусульманских авторов X—XI вв., прежде всего у Ибн ал-Факиха и Гардизи, сохранились глухие отзвуки событий, приведших к образованию огузской конфедерации племен в Приаралье [Ибн ал-Факих, 1939. С. 153—155; Бартольд, 1973. С. 41—42]. Тогда уже известия об этих событиях, относимые к давним временам, обрели форму генеалогических легенд, в которых возвышение приаральской династии огузских ябгу связывалось с успешной для них борьбой за обладание «дождевым камнем», ставшим у огузов символом сакральной верховной власти. Борьба велась между владыками токуз-гузов (так мусульманские авторы называли центральноазиатских уйгуров вместе с подвластными им племенами токуз-огузов), карлуков и приаральских гузов. В записи Ибн ал-Факиха рассказ ведется со слов гузского царевича Балкика. Согласно его повествованию, дед Балкика, который добыл «дождевой камень», поссорился со своим отцом, тогдашним царем огузов, отделился от него и откочевал с частью народа. В позднейших версиях генеалогических легенд деяния деда Балкика приписываются эпонимическому герою Огуз-хану.

Место событий, связанных с образованием державы Огуз-хана, переносится в западную часть Семиречья и на Сыр-Дарью [Агаджанов, 1969. С. 122—123].

Последнее обстоятельство послужило основанием для предположения, что коренными землями огузов, откуда началась их экспансия в Приаралье, было Семиречье, в частности Прииссыккулье [Там же. С. 127—128]. Однако ни один аутентичный источник, относящийся ко времени предполагаемой экспансии, т. е. к VIII—IX вв., не упоминает огузов (гузов) среди многочисленных тюркских племен Семиречья. Между тем сам перечень племенных групп, соперничающих из-за «дождевого камня», — уйгуры, карлуки и гузы — позволяет обоснованно предположить, что место и время их соперничества связаны с периодом и обстоятельствами становления Уйгурского каганата в Монголии (745—840 гг.).

После краха Второго Тюркского каганата (744 г.) и недолгого преобладания басмылов, каганская власть перешла к уйгурской династии Яглакаров. Своих прежних союзников, карлуков, уйгуры вытеснили в Семиречье, где ослабшие тюркешские ханы с трудом удерживали контроль лишь вокруг нескольких столичных центров. Почти немедленно после ухода карлуков (747 г.) против победивших уйгуров и их ханской династии началось мощное восстание восьми других племен, входивших, помимо уйгуров, в племенной союз токуз-огузов. Первый этап внутренней войны в Уйгурском каганате длился до 750 г. Огузов поддерживали токуз-татары. Вождь восставших «восьми огузов» («секиз огуз» Селенгинской надписи), Тай Бильге-тутук, претендовал на каганский престол, но пал в борьбе с уйгурским Элетмиш Бильге-каганом. Восстание утихло, с тем чтобы возобновиться в 752—753 гг., когда вождя нового мятежа Абуз-ябгу, погубила враждебность карлуков. Наконец, в 757—759 гг. восстание вспыхнуло вновь. На этот раз к огузам, кроме токуз-татар, присоединился «трехзнаменный народ тюрков», т. е. покоренные уйгурами племена Второго Тюркского каганата. Но три года войны и на этот раз окончились неудачей огузов [Mackerras, 1972. P. 54—69].

После краха последней надежды сохранить независимость, значительная часть огузских, тюркских и татарских племен была принуждена покинуть свои коренные земли в Монголии. Тогда как татары передвинулись в верховья Иртыша, где сыграли важную роль в формировании племенного союза кимаков и кипчаков [Кумек, 1972. С. 41—42], огузы и тюрки, не будучи в силах преодолеть противодействие карлуков, укрепившихся в Семиречье и

на Алтае, овладели регионом Приаралья и Нижней Сырдарьей, а также, в течение более столетия, соперничали с карлуками за район Фараба (Отрарский оазис) и Западное Семиречье. Еще в 812 г., судя по сообщению ат-Табари, этот район контролировали карлуки [Кляшторный, Султанов. 1992. С. 116—117]. К 70—80-х гг. VIII в. Ибн ал-Асир относит первое появление гузов (огузов) на границах Мавераннахра [Бартольд, 1968. С. 524].

Прямым свидетельством генетических связей токуз-огузов Монголии, гузов Приаралья и современных туркмен является упоминание в одной из открытых мною рунических надписей (Терхинский памятник) мятежного племени игдер (игдыров), которое «разделилось» в середине VIII в. [Klyashorny, 1983. P. 345—349]. Ушедшие на запад игдеры зафиксированы Махмудом Кашгари (XI в.) в списке огузских (сельджукских) племен; позднее игдеры составили часть туркменского племени чоудор [Толстов, 1947. С. 79].

Последним указанием на двусоставный характер конфедерации приаральских кочевников, появившихся в XI в. в Восточной Европе, стали упоминания их в русских летописях под именем торков (тюрков), а в византийских хрониках под именем узов (огузов). Так, на далеком от Приаралья западе нашло неожиданное подтверждение центрально-азиатское прошлое создателей государств огузских ябгу и сельджукских султанов — огузов и орхонских тюрков.

Кипчаки и половцы. Ибн Хордадбех, иранский аристократ, выросший в Багдаде и близкий ко двору аббасидских халифов, еще в молодые годы получил назначение на важный пост в провинции Джибаль (Северо-Западный Иран) — он стал там начальником государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой связи. Массу затруднений в его работе вызывало отсутствие служебных справочников. И вот, собрав отчеты чиновников и донесения осведомителей, в 846—847 гг. он написал «Книгу путей и провинций», впоследствии не раз дополнявшуюся или сокращавшуюся и ставшую образцом для немалого числа подобных сочинений.

Кроме названий провинций и городов, селений и почтовых станций, дорожных маршрутов и расстояний, информации о налоговых поступлениях и экономической жизни, Ибн Хордадбех приводит

некоторые сведения о соседях халифата. В частности, используя некий документ VIII в., он включил в «Книгу» перечень тюркских народов — и тех, кто жил «по эту сторону реки», т. е. Аму-Дарьи, и тех, кто жил «за рекой». «По эту сторону реки», к западу от Аму-Дарьи, названы лишь *тохаристанские карлуки и халаджи*. Напротив, список «заречных» племен внушительен, и к тому же впервые в арабской географической литературе упомянуты шестнадцать городов тюрков. Четко обозначена граница стран ислама и стран тюрков — область Фараба, т. е. нынешнего г. Туркестана: «В области находятся одновременно отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков» [МИТТ. С. 144]. В 812г. арабский отряд Зу-р-рийасатайна напал на карлуков и убил «начальника пограничной стражи» [Кляшторный, 1964. С. 159].

Естественно, Ибн Хордадбех упоминает только самые значительные «страны тюрков», как, например, землю токузгузов (Уйгурский каганат), добавляя при этом: «Их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками». Сразу после страны тогузгузов в списке значится «страна *кимаков*», а где-то в конце списка, перед малоизвестными арабам «кыргызами, у которых есть мускус», названы *кипчаки*.

Так впервые в мусульманских источниках появились упоминания двух крупнейших племенных союзов, едва ли не самых значимых для последующей этнической истории Евразийских степей*.

В VIII—X вв. преобладание кимаков и кипчаков сначала на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане, а затем в Приуралье и Центральном Казахстане становится определяющим фактором в этом огромном степном регионе. Крах государства кимаков и смещение части кипчаков к западу, в Приаралье и Поволжье (вторая половина X — первая половина XI в.), составили основное содержание новой фазы кимакско-кипчакского расселения. Наконец, в середине XI — начале XII в., на последней фазе миграций кипчаков в домонгольский период, окончательно формируются пять основных групп кипчакских и близких им половецких (команских) племен: 1) алтайско-сибирская; 2) казахстанско-приуральская (включая так называемую «саксинскую», т. е. итиль-яикскую группу); 3) подонская (включая предкавказскую подгруппу); 4) днепровская (включая крымскую подгруппу); 5) дунай-

* Сообщение Ибн ал-Асира, арабского историка XII-XIII вв., об участии кипчаков на стороне хазар в их войне с арабами на территории Армении (722г.) не подтверждается более подробным описанием этих событий в арабских исторических трудах IX в. (ат-Табари. Ибн Асама, ал-Йакуби, ал-Белазури) и является явным анахронизмом. Однако же появление в отмеченном контексте имени кипчаков вполне объяснимо их активным участием в закавказских делах XII-XIII вв., во времена, когда писал Ибн ал-Асир, который к тому же родился и вырос в Мосуле, близком к Закавказью.

Рис. 2. Этнополитическая ситуация в евразийских степях в IX – первой половине X века

ская (включая балканскую подгруппу). Отдельные группы кипчаков известны также в Фергане и Восточном Туркестане. Так, Махмуд Кашгари упоминает «местность кыпчаков (кипчаков)» близ Кашгара [*Mahmud al-Kasgari*. Pt. 1. P. 474].

Итак, более тысячи двухсот лет назад в сочинениях разноязыких авторов появилось название племени кипчак. Мусульманские историографы знают кипчаков как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая Степь. Нет, однако, ни одного повествования того времени, где рассказывалось бы о прошлом кипчаков.

Даже легенды о происхождении кипчаков, призванные объяснить сам этноним, возникли, по словам В.В. Бартольда, «в более поздней народной и ученой этимологии» [Бартольд, С. 550].

Отсутствие каких-либо упоминаний о кипчаках ранее VIII—IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники. Для проверки этого предположения вернемся к самому раннему случаю фиксации этнонима *кипчак*.

В 1909 г. во время путешествия по Монголии финский ученый Г. Рамstedт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник «Надписью из Шине Усу» или, в другом месте — «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элет-миш Бильге-кагана (правил в 747—759 гг.), одного из создателей Уйгурского каганата. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганатами в 742—744 гг.

В полуразрушенной строке северной стороны стелы Рамstedт прочел: «Когда тюрки-кыпчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет...» [Рамstedт, С. 40]. Действительно, в 691—742 гг. тюрки были сюзеренами тогуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Иное чтение этого места в памятнике, предложенное Т. Мориясу, лишено палеографического и грамматического обоснования [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 126—127].

Хотя предложенное Рамstedтом слитное чтение «тюрки-кыпчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случая слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика (т. е. смысловое содержание) каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому следует предпочесть обычное

для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: «тюрки и кыпчаки (кывчаки)».

Совместное упоминание тюрков и кипчаков в контексте, указывающем на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся к тем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с *тюрк бодун*, «тюркским племенным союзом», лишь многочисленный и могущественный племенной союз тогуз-огузов. Рассказывается о покорении тогуз-огузов в 687—691 гг. и о войнах с ними в 714—715 гг. и 723—724 гг. В объединении тогуз-огузов господствовали «десять уйгурских (племен)». Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «деяти огузов» Элетмиш Бильге-каган называет время существования второго Тюркского каганата (681—744 гг.) пятидесятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыпчаков».

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе называет правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он так же как автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и последовавшего затем образования тюркского государства в земле Отюкен, т. е. после переселения в Хангай, Северную и Центральную Монголию, обозначение *тюрк бодун*, «тюркский племенной союз», заменяется на *тюрк сир бодун*, «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)». Коренная территория второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров», но ее властелин именуется «тюркским каганом». Вождя сиров в полуразрушенном тексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван *сир иркин*, «иркин сиров». В заключительной строке надписи Тоньюкука «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» поданы как два отдельных объединения.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью:

«...О, живущие в юртах беги и простой народ... (тюрков?), шести племен сиров, девяти племен огузов, двух племен эдизов!» Автор надписи в честь Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племен, чье отношение к династии определяло, по меньшей мере, целостность эля. Сирь здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах.

Господствующая группа племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом *сир*, в то время как уйгурский — этнонимом *кыбчак* (*кывчак*). Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известным авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Представленный вывод требует проверки, т. е. ответа на вопросы: кто были сирь? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Еще в 1899 г. немецкий китаист Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам

племена *се* и *яньто* составили конфедерацию Сеяньто. Вместе с теле и тюрками они часто упоминаются при описании событий первой половины VII в. Сеяньто по-тюркски, полагал Хирт, именовались *сирами* и *тардушами* (*сир-тардуши*). В 1923 г. владивостокский востоковед И. А. Клюкин доказал ошибочность отождествления этнонима *яньто* (*ямтар* орхонских надписей) с названием военно-административного объединения (крыла) западных племен каганата — *тардуш*. А вслед затем американский китаист П. Будберг, не отвергая уравнивания *се/сир*, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение П. Будберга).

Таким образом, было установлено, что; а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как *се*, соответствует *сир* тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках *сеяньто*, в надписи Тоньюкука названо *сир*.

Дальнейшая история сиров — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сирь были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских правителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и сиров», и разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племен была различна. Этноним *тюрк* не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак* (*кывчак*) — *кипчак*.

Памятник	Перечень племенных союзов	Политический статус
Надпись Тоньюкука около 726 г.	тюрки и сирь огузы	господствующая группа племен подчиненная группа племен
Памятник Бильге-кагану 735 г.	тюрки шесть сиров девять огузов два эдиза	господствующее племя второе по иерархии племя подчиненные племена подчиненные племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу, 760 г.	тюрки и кыбчаки уйгуры	господствующая в прошлом группа племен подчиненные в прошлом племена

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кывчак-кыбчак* в тюркских и уйгурских рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанного с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была семантика, т.е. смысловое содержание нового племенного названия.

Нарицательное значение слова *кывчак-кыбчак* в языке древне-тюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании *кывчак ковы* — *кыбчак кобы* «пустой», «никчемный» (по значению второго компонента) [*Древнетюркский словарь*, С. 449, 451, 462; Clauson, 1972. С. 582, 583; Aral, с. 252].

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стало новое самоназвание? Или старый этноним постепенно вытесняется названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослым, обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности, дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека

(семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

Совершенно та же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров после междоусобиц и резни 646—647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И следовательно, надежным мог оказаться только тот путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стала смена названия племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчемные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвища-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на обладание коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сирь, знатнейшие из телеских (огузских) племен, хотя бы символически делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем-оберегом была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэбер, никакого превосходства знатности князя из рода Яглакар не имели. Принятый вождем уйгуров каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был по меньшей мере сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать яглакарских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильгекагана племня, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени *кыбчак* и его семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк», мифический предок уйгуров, дарует своим близким бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племен. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом. Иной вариант той же легенды, приведенный Рашид ад-Дином и повторенный Абу-л-Гази, уточняет — имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым *кабук* (древнетюрк. *ковук*). Абу-л-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют *кипчак*». Так прежнее значение слова *кывчак-кыбчак* сужается и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево»,

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье, археологически фиксируется появление во второй половине VIII — первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX-X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре», созданной кимаками и кипчаками (более подробно см.: [Ахинжанов, 1989. С. 66—71]).

Окончилась история сиров. Началась история кипчаков. Вначале одного из племен Кимакского каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи.

В то время как на Алтае вокруг сиров-кипчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье, сложилось сообщество тюркских племен, которых мусульманские источники именовали *кимаками*, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгари называл *йемеками*. То немногое, что известно о кимаках, сообщают несколько арабских и персидских источников, изученных видным казахстанским историком-востоковедом Б.Е. Кумековым. Он впервые реконструировал по далеко не всегда ясным сообщениям генезис, состав и недолгую историческую жизнь племенного союза и государства кимаков [Кумеков, 1972].

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее — о начале формиро-

вания их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал здесь источники VIII—IX вв., т. е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбега. Легенда связывает возникновение кимакского союза с племенем *татар*, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгари, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимакский (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Представления о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII—XIII вв. на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут сначала об *отуз татар* «тридцати татарах», а затем о *токуз татар* «девяти татарах», т. е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Рашид ад-Дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем (т. е. в XIII в.), рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племен между собой, упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же татарами тогда именовались многие тюркские племена.

Поэтому начальный этап формирования кимакской общности не следует обязательно связывать с монголоязычными племенами, а появление в Прииртышье татар в VIII—IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавления к ней, заимствованные Гардизи из других источников, показывают лишь тот круг тюркских племен, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки токуз-огузских племен, бежавших сюда после разгрома. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кипчаков, что произошло, вероятно, не ранее конца VIII—начала IX в.

Именно после 840 г. глава кимакского племенного союза принял засвидетельствованный мусульманскими источниками титул кагана (хакана) и тем самым обозначил не только создание нового государства, но также, наравне с карлуками и енисейскими кыргызами, декларировал свою претензию на верховный авторитет в Степи.

Источники пишут об «одиннадцати управителях» областями страны кимаков. Эти управители, именуемые также «царями», т. е. ханами, утверждаются каганом и наследственно правят своими

уделами — картина не очень далекая от способа политического управления и устройства Караханидского каганата. Внутренняя неустойчивость таких государственных образований, порождаемая сепаратизмом наследственных владетелей и в не меньшей степени племенным партикуляризмом, неизбежно предопределяла их крах при столкновении с более сильным противником уже через несколько поколений после их создания и, на первых порах, успешных набегов и завоеваний.

Если Прииртышье было коренной территорией кимаков, то очень скоро они распространили свои владения до Джунгарии, овладев Северо-Восточным Семиречьем, а кипчаки — и Приуральем. Арабский географ XII в. ал-Идриси, использовавший сведения из несохранившейся книги Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, т. е. «Джанаха, сына кагана кимаков», так пишет о политической значимости кимакского государства: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [Кумеков, 1972. С. 120]. Несмотря на явную апологетику этой тирады, в ней совершенно реальный намек на войны и набеги, которыми обильна история кимаков.

На западе и юго-западе кимаки граничили с сыр-дарьинскими и приаральскими огузами, на юге — с карлуками, на востоке — с государством енисейских кыргызов. Наиболее спокойными были, очевидно, отношения с огузами. Во всяком случае, если между ними не было войны, кимаки и огузы, по взаимному согласию, пасли скот на пастбищах то одного, то другого племени. Соперничество с карлуками и кыргызами, владетели которых тоже именовали себя каганами и также претендовали на «уйгурское наследство», было более острым. Ал-Идриси пишет, что кыргызы «особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [Там же]. Впрочем, источники отмечают не только войны, но и тесные культурные связи кимаков и кыргызов. Согласно «Худуд ал-алем», одно из кыргызских племен по одежде не отличается от кимаков. а у кимаков многие следуют обычаям кыргызов. Чрезвычайно интересен рассказ ал-Идриси о шестнадцати кимакских городах, в одном из которых была резиденция царя. Оседлые поселения упоминает и арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший страну кимаков в начале IX в. Пашни и селения, а также резиденцию царя упоминает анонимный автор

«Худуд ал-алем». Однако все источники свидетельствуют, что главным занятием кимаков было кочевое скотоводство.

Крушение Кимакского государства в конце X или начале XI в. связано с миграциями племен в Великой Степи. Наступило время господства кипчаков.

Насири Хосров, знаменитый персидский поэт, путешественник и проповедник исмаилитского шиизма, родившийся в 1004 г. в Кобадане, на юге Таджикистана, носил, тем не менее, нисбу (прозвание по месту рождения) — ал-Марвази, т. е. «Мервский». В Мерве он поселился в 1045 г. и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: «Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручено имущество и земли султана», — писал он впоследствии [Бертельс, С. 175].

Тогда в Мерве Насири Хосров, побывавший к своим сорока двум годам в Иране, Индии и Аравии, впервые познакомился с «делами тюрков». Политическая обстановка на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали Мафазат ал-гузз — «Степь огузов». Поэт и чиновник схватил главную суть изменений — первым и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля *Дешт-и Кипчак* «Степью кипчаков». Прошло столетие, и причерноморские степи стали «Полею половецким» русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-Дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что приволжские степные просторы, ранее называемые Хазарской степью, давно стали Степью кипчаков.

Какие события привели к столь существенным переменам в привычной географической номенклатуре?

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда еще только омывавших запад Великой Степи, содержится в беглом упоминании ал-Масуди, великого арабского географа и историка первой половины X в. В одном из своих географических сочинений ал-Масуди в рассказе о печенегах и их уходе на запад пишет, отсылая читателя к другому своему труду, до нас не дошедшему; «...а мы упомянули... причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере (Аральском море — С.К.) [МИТТ. С. 166].

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там свое государство со столичным городом Янгикентом на нижней Сыр-Дарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т. е. земли по средней Сыр-Дарье. Но об участии кимаков в приаральских событиях до того не было известно, и ал-Масуди первым упоминает их возле «Джурджанийского озера».

Несколько позднее другой арабский географ и путешественник, ал-Макдиси, писавший во второй половине X в., в географическом труде, созданном им по заказу Саманидов и представленном в 985 г. к их двору в Бухаре, вновь фиксирует кимаков там, где они упомянуты ал-Масуди, — в Приаралье и на Сыр-Дарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран «(саманидской) пограничной крепостью против гузов и кимаков» [МИТТ. С. 185]. Те же сведения есть и у других географов — современников ал-Макдиси.

Правильную трактовку сообщению ал-Макдиси дал В.В. Бартольд — он заметил, что кимаками у ал-Макдиси названы кипчаки, западное крыло Кимакской державы. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кипчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским землям огузов, и, пользуясь миром, кипчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

В начале XII в. придворный врач сельджукского султана Малик-шаха и его наследников, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии «Таба'и ал-хайаван» («Природа животных») и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории сельджукских, а вернее, огузских племен: «Среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркменов.

Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» [Minorsky, 1942. С. 29—30].

Туркменами, по словам Марвази, называются тюрки, пришедшие в страны ислама и принявшие мусульманство. Кто были туркмены, жившие на восточной границе огузских земель накануне начала их движения на печенегов, помогает понять текст ал-Макдиси: «Орду — маленький город, в нем живет царь туркменов, который постоянно посылает подарки владельцу Исфиджаба» [МИТТ. С. 185]. Город Орду, в междуречье Таласа и Чу, еще в X в. был столицей семиреченских карлуков. Следовательно, туркменами у Марвази названы исламизированные в IX в. саманидами карлуки, до того исповедовавшие несторианский толк христианства. В 893 г. саманид Исмаил ибн Ахмед в походе на карлуков разрушил несторианскую церковь в Таразе, воздвиг на ее месте мечеть, а население этого небольшого западно-тюркского княжества обратил в ислам.

Итак, последний этап переселения, о котором кратко сообщил Марвази, особых трудностей не вызывает: просто события изложены им очень выборочно и неполно. Повторим последовательность событий: согласно Марвази, кытай, т. е. кидане, вытеснили из своих владений племя кунов. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени каи куны вторглись в земли шары, те — в земли туркменов, которые, в свою очередь, захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли печенегов.

Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили с восточными землями сырдарьинских огузов, и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда еще эпизодические религиозные войны. В начале 40-х годов XI в. туркмены-сельджуки и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских огузов, и те ушли в приволжские степи. В 985 г. приволжские огузы, в союзе с князем Владимиром, совершают набег на камских болгар. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их торками, т. е. турками, а византийцы — узамы, т. е. огузами. Таков конечный итог событий на западе Евразийских степей, сохраненных в изложении Марвази.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продвигалась на запад.

нулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен — шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центрально-азиатских миграций. Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы.

Б.Е. Кумековым, изучившим арабские источники о кипчаках, установлено, что в IX—X вв. между Северным Приаральем и Южным Уралом кочевала отдельная группа команов (куманов), которая в начале XI в. «попала под политическое влияние кыпчаков» [Кумеков, 1993. С. 66—67]. В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племен, вероятнее всего политически стимулируемой кипчаками, но возглавленной команами-кунами-шары. Именно в этой группе, среди кунов-команов, существовало племя кытан. т.

е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династический род Ашина — хан Осень (Асень) был отцом Шарукана Старого, — и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей Второго Болгарского царства — Асений (Ашена).

В приаральской части Дешт-и Кипчака состав племен начал меняться в XII в.: появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кипчакские объединения, но не слившиеся с ним. Главная ставка канглы была на нижней Сыр-Дарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингиз-хане «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша «страной канлийцев и кыпчаутов» [Сокровенное сказание... С. 151]. Но с приходом монголов в истории Великой Степи началась другая эпоха.

ПЛЕМЕНА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

В различные эпохи этнокультурная специфика Среднего Поволжья в достаточно большой степени предопределялась природно-географическим своеобразием этого региона.

С точки зрения биогеографов, эта территория находится на стыке двух больших областей: «Европейской неморальной» и «скифской степной». Причем на картах биогеографического районирования Средневолжье обозначено как «переходная территория» [Емельянов, 1974. Рис. 9]. Представляется, что термин *переходная территория* является своего рода ключом для понимания специфики региона.

Специалисты-геологи говорят о «сложном рельефе, геологическом строении, разнообразии подстилающих подпочвенных отложений и различной истории формирования отдельных территорий в бассейне Средней Волги» [*Физико-географическое районирование...*, 1964. С. 184].

Небезынтересны, в контексте нашей работы, и данные почвоведов. С их точки зрения, Средневолжье находится на стыке нескольких провинций: Среднерусская провинция серых лесных почв, Прикамская провинция серых лесных почв, Среднерусская лесостепная провинция оподзоленных, выщелоченных и типичных среднетуманных и тучных мощных черноземов и серых лесных почв, Среднерусская лесостепная провинция оподзоленных, выщелоченных и типичных тучных среднетуманных черноземов, Среднерусская степная провинция обыкновенных и южных среднетуманных черноземов и Заволжская степная провинция обыкновенных и южных среднетуманных черноземов [Афанасьева и др. 1979, с. 48–50, рис. 5].

В пределах Среднего Поволжья выделяются ландшафты лесной, лесостепной и степной зон [*Физико-географическое районирование...*, 1964, с. 7].

Причем территориально доминирует именно лесостепь. И в определенном (природно-географическом) смысле Север сошелся здесь с Югом.

В современный геологический период лесостепная зона представлена островными водораздельными лесами и значительными безлесными степными пространствами. Характерно, что обычно они резко отграничены друг от друга. Нередко для обозначения лесостепной зоны употребляется понятие «луговые» или «северные» степи. Последние пространственно сочетаются с лесами и представляют собой флористически богатые злаково-разнотравные сообщества [Ильина, Симонова, 1996, с. 69].

В природном отношении специалисты рассматривают лесостепь как «арену» двух борющихся за площадь типов растительности — леса и степи [Берг, 1936; Зозулин, 1973]. В связи с этим границы лесостепи (физиономически, климатически, экологически и т.д.) в разные эпохи несколько различались. В частности, на территории Самарского Поволжья (южное пограничье лесостепи) эта граница «ранее проводилась по реке Самаре, но на последних геоботанических картах она отодвинута к северу и ныне проходит по р. Самаре лишь в нижнем ее течении, а восточнее — по р. Большой Кинель, правому притоку Самары» [Ильина, Симонова, 1996, с. 68]. Северная граница лесостепного Поволжья традиционно обозначается на широте приустьевой части Камы.

Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» [Синюк, 1996, с. 35]. Наряду с громадной кормовой базой в виде злакового разнотравья, благоприятствовавшей ведению скотоводческого хозяйства, лесостепь обладала и особен-

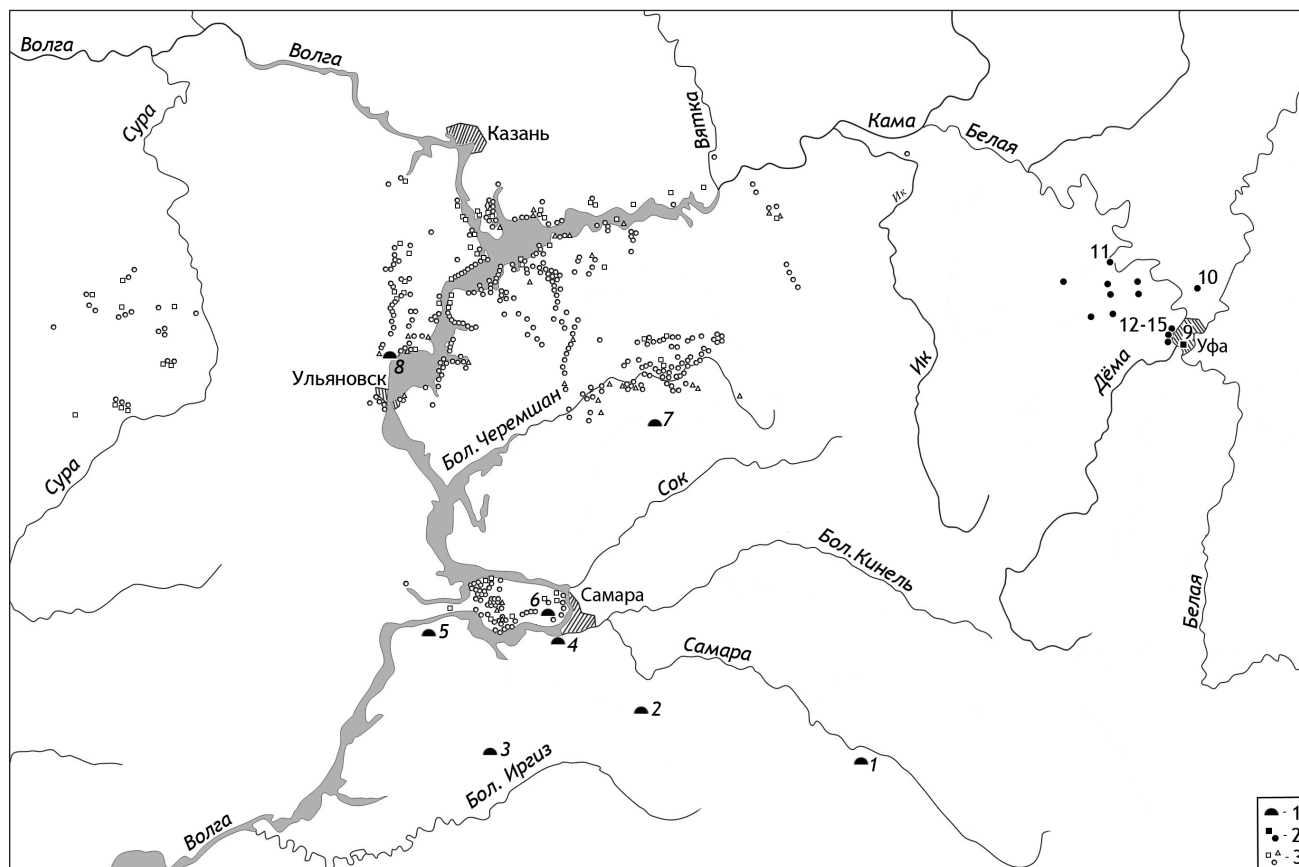

Рис. 3. Карта-схема памятников V-VI вв. Среднего Поволжья.

1 — памятники кочевого населения; 2 — памятники романовского типа; 3 — памятники именьковской культуры.

Памятники кочевников: 1 — Федоровка; 2 — Кирово I; 3 — Владимировка; 4 — 116 км г. Самары; 5 — Преполовенка; 6 — Новинки; 7 — Лузановка; 8 — Новоселки. Памятники романовского типа: 9 — городище Уфа II, 10 — Ново-турбаслинское II поселение, 11 — Кушнаренинское селище и могильник; 12–15 — романовские поселения.

но богатым животным миром и ихтиофауной, позволявшими на длительное время сохранять рентабельность присваивающей экономики. Такая экономика предполагала вдвое большую, в сравнении с сопредельными зонами, демографическую емкость [Долуханов, 1979].

Таким образом, Средневожье с древности влекло к себе человеческие коллективы не столько эстетикой природных ландшафтов, сколько природным изобилием. Люди во все времена искали «гарантированный минимальный прожиточный минимум». Природные ресурсы местности им эти гарантии предоставляли.

Однако следует иметь в виду, что демографическая емкость региона это всегда, образно говоря, палка о двух концах и претендентов на лакомый кусок территории с «молочными реками и кисельными берегами», как правило, всегда достаточно много.

Интересный и достаточно точный этнокультурный срез Европы на рубеже эр (фактическая середи-

на раннего железного века) был предложен в монографическом исследовании М.Б. Шукина [1994]. Автор полагает, что ход истории Европы на рубеже эр определялся взаимодействием семи крупных социально-культурных структур, семи «миров» [Шукин, 1994, с. 15]. Территория Среднего Поволжья в эпоху раннего железного века находилась на стыке «пятого» и «шестого» (по М.Б. Шукину) миров — степного кочевнического (североиранского) и мира поселений с текстильной керамикой (финно-угорского).

В тот период и вплоть до эпохи раннего средневековья обширные области региона (от устья Камы — на севере, до Самарской Луки — на юге) были заселены оседлыми племенами: ананьинскими, постананьинскими (пьяноборскими, белогорскими) и городецкими. Южные границы Среднего Поволжья являлись северной окраиной савромато-сарматского кочевнического мира.

В раннем железном веке кочевники не стремились проникать далеко на север этих территорий,

а оседлое население не стремилось на юг. Хотя бывали и исключения: миграция скифов, отделившихся вглубь ананьинских земель [Погребова, Раевский, 1992]; заселение одной группой городецких племен районов современного Саратовского Поволжья [Миронов, 1976].

В первые века н.э. в северные области лесостепного Поволжья проникают отдельные группы пришлого населения, оставившие курганные могильники (Писеральский, Климкинский, Андреевский курган), материальная культура и погребальный обряд которых содержит ряд явно кочевнических элементов (конская упряжь, «шкуры» коней, отдельные типы «сарматского» оружия, курганные насыпи) лесостепного зауральского происхождения [Гришаков, Зубов, 2007].

Но даже принимая во внимание приведенные эпизоды, можно констатировать, что вплоть до III–IV вв. территориально-этнический баланс (когда финские и балтские оседлые племена занимают большие территории лесостепного Поволжья, в то время как кочевники-иранцы контролируют южное его пограничье) в регионе был достаточно устойчив.

Однако начиная с III–IV вв. археологически фиксируется приток в регион новых этнокультурных групп как с востока, так и с запада. Именно они «взорвали» относительную этно-социальную гармонию в лесостепном Поволжье и предопределили формирование здесь во второй половине I тыс. новой этнической и культурной реальности, обусловленной взаимодействием оседло-земледельческого населения региона и различных групп кочевников.

Последние десятилетия XX и первое XXI в. в раннесредневековой археологии Среднего Поволжья были отмечены значительным увеличением корпуса археологических источников. Материал, полученный в результате археологических раскопок новых памятников, позволил исследователям по-иному взглянуть на целый ряд проблем этнического и культурного развития региона в эпоху Великого переселения народов.

Культуры оседлых племен

Именьковская культура — самое крупное этнокультурное образование середины I тысячелетия на Средней Волге. В настоящее время учтено свыше 600 памятников (городища, селища, могильники) этой культуры. Они занимают территорию от низовьев р. Камы (на севере) — до устья р. Самары (на юге); от среднего течения р. Суры (на западе) — до среднего течения р. Агидель (Белой) (на востоке) (рис. 3).

Первые обследования памятников этой группы были произведены в 1940-х годах казанским археологом Н.Ф. Калининым, который выделил их в особую восточно-буртасскую культуру [Калинин, Халиков, 1954]. В 1959 г. В.Ф. Генинг, согласившись с выделением культуры, предложил назвать ее «именьковской» по названию одного из наиболее исследованных городищ [Генинг, 1959]. В 1967 г. вышла сводная работа П.Н. Старостина, в которой был обобщен весь материал многолетних раскопок памятников именьковской культуры [Старостин, 1967].

Именьковская культура представлена тремя типами памятников: 1) городища (поселения или убежища, укрепленные системой оборонительных валов и рвов); 2) селища (неукрепленные поселения, расположенные, как правило, по несколько, вокруг городища); 3) могильники (грунтовые безурновые трупосожжения — «поля погребений»).

Комплекс материальной культуры «именьковцев» весьма своеобразен. На городищах и селищах были исследованы подквадратные и подпрямоугольные жилища полуземляночного типа и разного рода хозяйственные ямы (рис. 4, 1). На городище Старая Майна в Ульяновской области были раскопаны основания жилищ [Матвеева, 1993] каркасно-столбовой конструкции — так называемые «длинные дома» [Богачев, 1991].

Погребения именьковской культуры — грунтовые трупосожжения — исследованы на Рождественском II, Богородицком, Маклашеевском IV и других могильниках на Нижней Каме, а также на Кушнаренковском могильнике на р. Агидель. В небольшие (до 1 м) ямы, как правило, округлой формы, ссыпался прах кремированного где-то на стороне человека. Затем очищенные от золы остатки кальцинированных костей и оплавленные в огне вещи (украшения, детали костюма) ссыпались на дно могилы, рядом ставились горшки с заупокойной пищей (рис. 4, 2–3). Интересно, что на периферии именьковского мира исследованы немногочисленные, хронологически более поздние могильники Кушнаренковский [Генинг, 1977] и Коминтерновский [Казаков, 1998] с биритуальным обрядом захоронения (кремации и ингумации) умерших.

На памятниках именьковской культуры собраны богатые коллекции вещевого материала. Изделия из керамики представлены чаще всего горшковидными (округлобочными с примесями крупного шамота) и мискообразными (с мелкими примесями) сосудами, дисками-лепешечницами, биконическими пряслицами и мелкой пластикой (фигурки животных) (рис. 4, 7, 15–33). Изделия из

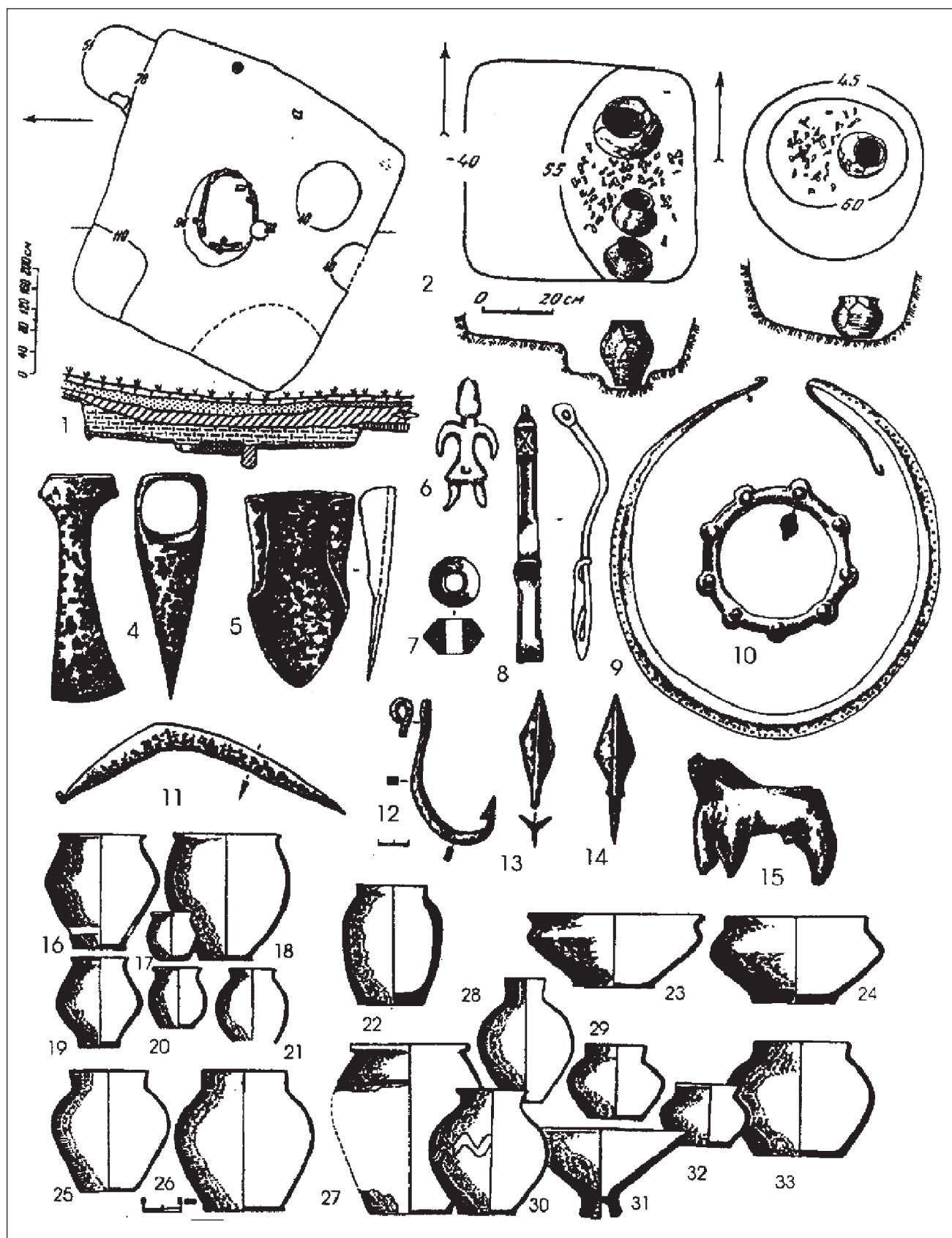

Рис. 4. Древности именковской культуры.

железа представлены разного рода орудиями труда (ножи, серпы, наральники, мотыжки, топоры, ножицы, скобели, рыболовные крючки, кузнечные молоты и клещи) и оружием (наконечники стрел и копий, боевые топоры) (рис. 4, 4–5, 11–14). Предметы цветной металлургии представлены украшениями (серьги, антропоморфные амулеты, фибулы, подвески) и деталями поясов (пряжки, накладки, наконечники) (рис. 4, 6, 8–10).

Изучение всего комплекса материальной культуры именьковских племен позволило исследователям сделать ряд принципиально важных выводов. Главный из них сводился к тому, что уровень хозяйственно-экономической жизни (наличие высоко развитой черной и цветной металлургии, знание пашенного земледелия), специфика материальной культуры (особая керамика и украшения, традиции домостроительства) и погребальная обрядность (поля погребений) именьковской культуры таковы, что ее носители не имеют местных корней, что это население в районах Волго-Камья является пришлым.

Фактически именно этот тезис перевернул долгое время бытовавшее представление о том, что Среднее Поволжье на протяжении почти тысячелетия (вплоть до прихода ранних болгар) являлось частью финно-угорского мира ананьинско-пьяноборских племен и их потомков. Именно такой версии придерживался первый исследователь именьковских древностей Н.Ф. Калинин, выводивший их из позднегородецкой культуры [Калинин, Халиков, 1954], и ряд других исследователей – А.П. Смирнов [1955], А.М. Ефимова [1962], В.Ф. Генинг [1959].

Однако, по мере накопления материала, предлагались новые версии происхождения именьковской культуры: угро-мадьярская [Степанов, 1964], тюркская [Генинг, 1961], славянская [Смирнов, 1971]. В 1980-х годах Г.И. Матвеевой была высказана гипотеза о зарубинецких истоках именьковской культуры [Матвеева, 1981]. Это предположение о переселении столь большого этнического массива со Среднего Днепра на Среднюю Волгу вызвало очень бурную дискуссию и прежде всего потому, что в те годы у медиевистов существовал определенный стереотип: в эпоху раннего средневековья движение племен шло с востока на запад, а не с запада на восток.

Новые материалы позволили исследователям корректировать представления о характере миграции с Днепра на Волгу. В частности, Г.И. Матвеева допустила, что в формировании именьковской культуры, кроме зарубинецких, приняли участие и племена пшеворской культуры [Матвеева, 1986,

с. 168]. В.В. Седов предположил генетическую связь именьковской культуры с черняховской [Седов, 1994, с. 315]. А.В. Богачев, анализируя конструктивные особенности жилых построек городища Старая Майна, не исключил возможность участия в миграции с запада каких-то культурных групп германского круга [Богачев 1991, с. 164].

Но все это сегодня лишь уточнение деталей в рамках уже закрепившейся в науке концепции Г.И. Матвеевой о западных корнях именьковской культуры. Однако вопрос об этносе носителей этой культуры еще остается открытым. Г.И. Матвеева [Матвеева, 2000, с. 123] и В.В. Седов [Седов, 1994, с. 315] считают ее славянской, А.Х. Халиков – балтской [Халиков, 1988, с. 119–126]. М.Б. Щукин в своем выступлении на заседании Ученого совета, посвященном защите докторской диссертации А.В. Богачева в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, 23 февраля 2000 г.) был категорически против отождествления именьковской культуры со славянами, поскольку, как он предполагает, их предки – племена зарубинецкой культуры – были этническими бастарнами. «Бастарны были, очевидно, бастарнами, что не помешало им позже считаться германцами, поскольку с последними у них были общие корни... Бастарнская принадлежность не только поянштылукашевской, но и всей или почти всей зарубинецкой культуры приобрела большую очевидность» [Щукин, 1993, с. 92, 94].

В одной из недавних работ А.В. Богачев выдвинул гипотезу о том, что именьковские племена, возможно, были этническими антами [Богачев, 2007]. Исследователи проблем, и прежде всего Г.И. Матвеева, справедливо отмечают, что «наиболее мощная миграция населения в Среднее Поволжье имела место в последней четверти IV в. н.э. и, несомненно, была вызвана вторжением гуннов в Европу. Следствием этой миграции явилось возникновение в Среднем Поволжье именьковской культуры» [Матвеева, 2004, с. 70].

Не менее спорной является проблема дальнейших судеб племен именьковской культуры. В.В. Седов полагал, что именьковцы покинули Волго-Камье и переселились в левобережные районы Поднепровья, где оставили памятники волинцевской культуры [Седов, 1994, с. 315]. Г.И. Матвеева соглашалась с В.В. Седовым лишь частично. По ее мнению, лишь часть именьковцев ушла на запад, а другая осталась в Поволжье и смешалась с пришельцами-болгарами [Матвеева, 2000, с. 124].

Специальные исследования по хронологии раннесредневековых памятников Среднего Поволжья

[Богачев, 1992] подводят к выводу о том, что болгары стали заселять районы Волго-Камья тогда, когда основная масса именьковского населения их уже покинула. Об этом свидетельствует как нумизматический материал, так и анализ серии именьковских украшений [Богачев, 1995]. То есть, судя по всему, оседло-земледельческие племена именьковской культуры предпочли крупномасштабное переселение крупномасштабной войне с кочевниками и покинули Среднее Поволжье.

Слои пожарищ на именьковских поселениях в контексте данной версии возможно расценивать как результат добровольного сожжения населением своих городищ и поселков.

В истории такого рода случаи известны. К примеру, Юлий Цезарь в своих «Записках о галльской войне» пишет: *«...гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города числом до двенадцати, села числом около четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб... с тем, чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности»* [Цезарь, 1993, с. 9].

Эта версия может быть подкреплена и еще тем, что между самыми ранними праболгарскими материалами Среднего Поволжья (не ранее середины VII в.) и самыми поздними достоверно именьковскими комплексами (конец VI в.) существует хронологическая лакуна. Сегодня не известно ни одного достоверно именьковского закрытого комплекса, материалы которого можно было бы безоговорочно датировать серединой VII в. Лишь на периферии именьковского мира был исследован турбаслинско-именьковский Кушнаренковский могильник на р. Агидель, который продолжал функционировать в первой половине VII в. [Генинг, 1977], что дает возможность говорить о том, что отдельные именьковские коллективы оставались на местах своего проживания вплоть до прихода в Волго-Камье болгар.

Уход именьковских племен в конце VI в. (или на рубеже VI–VII вв.) может быть объяснен усилившимся натиском со стороны тюркоязычных кочевников, контролировавших в это время степные районы Среднего Поволжья. Однако не следует исключать возможности того, что именно в это время начался захват именьковских территорий их ближайшими восточными соседями — угорскими племенами (кушнаренковская, кара-якуповской культуры).

Вместе с тем исчезновение на определенной территории какой-либо археологической культуры никоим образом не предопределяет исчезновение на этой территории *всех* ее носителей. Какие-то именьковские коллективы вполне могли и остаться. В этой связи тезис Г.И. Матвеевой о том, что в формировании этнической основы населения Волжской Болгарии приняли участие и именьковцы, вполне актуален. Не исключено, что именно они обозначались арабо-персидскими историками и географами (Ибн-Русте, Ал-Масуди и др.) конца I тыс. н.э. этнонимом ас-сакалиба [Матвеева, 2003]. Такой же точки зрения придерживается С.Г. Кляшторный [Кляшторный, 2005, с. 68–72].

Памятники именьковской культуры являются наиболее изученными в регионе, однако ими далеко не исчерпывается пласт добулгарских древностей на Средней Волге. Как уже было отмечено, в лесостепном Поволжье исследователями были выделены, очень близкие именьковским, памятники типа Славкино (II–III вв.) и типа Лбище (IV в.). В последние годы в бассейне рек Большой Черемшан и Кондурча исследованы материалы III–V вв., которые автор раскопок склонен относить к числу памятников киевского круга [Сташенков, 2005; 2007].

Все это свидетельствует о том, что Среднее Поволжье в середине I тысячелетия было регионом, куда время от времени, начиная со II в., шла инфильтрация с запада оседло-земледельческого населения, которая в конце IV в. переросла в масштабную миграцию-переселение крупного племенного объединения, известного сегодня в науке как именьковская культура.

Культуры кочевников

Представляется интересным, что одновременно с переселившимися на Среднюю Волгу оседлыми племенами в этот регион начали проникать и отдельные группы кочевого населения.

Уход пшеворско-зарубинецкого населения на восток, по мнению Г.И. Матвеевой, был обусловлен военной активностью готов [Матвеева, 1986, с. 164]. По всей видимости, эта же причина лежит в основе определенных изменений в Волго-Донских степях: «сарматское политическое преобладание пало в середине III в. под ударами готов и союзных с ними племен» [Шелов, 1978, с. 81]. После разгрома готами Танаиса в 244–247 гг. [Шелов, 1972, с. 103], племена, входившие в готский союз, «потеснили, вероятно, и сарматов, большинство которых отошло в заволжские степи... Позднесарматские курганы встречаются далеко к северу, причем целыми группами, например, в Куйбышевской области и

Башкирии» [Скрипкин, 1984, с. 103]. На территории лесостепного Среднего Поволжья сарматские погребения III–IV вв. исследованы в Березняковском (раскопки В.В. Гольмстен), Андреевском [Васильев, Скарбовенко, 1982], Конезаводском (раскопки 1997 г. Р.С. Багаутдинова, С.Э. Зубова), Гвардейском [Мышкин, Скарбовенко, 2000] могильниках. На некоторое время (вплоть до конца IV в.) в лесостепном Поволжье устанавливается определенный баланс сил, когда территории к северу от Самарской Луки осваиваются оседло-земледельческим населением (лбищенский, славкинский типы памятников, именьковская культура), а лесостепное пограничье и степь контролируются кочевниками-сарматами.

Однако в последней трети IV в. гунны вторгаются в пределы Восточной Европы, полностью изменяя этническую доминанту в Южнорусских степях и на сопредельных территориях.

Комплексы гуннского времени. Период вторжения и движения гуннов на запад на первом этапе их истории в Восточной Европе пока очень слабо отражен в археологических источниках [Засецкая, 1994]. Погребальный обряд гуннских памятников сегодня не поддается унификации, что, вероятнее всего, объясняется полиэтничностью гуннского союза племен, с одной стороны, и малочисленностью комплексов — с другой. Главным идентифицирующим элементом гуннских древностей являются специфические золотые украшения со вставками из камней. Именно вещевой комплекс из памятников гуннского круга позволил исследователям разделить их на три типолого-хронологические группы [Амброз, 1989]. Дискуссии о составе комплексов этих групп и об их абсолютной хронологии еще продолжаются [Богачев, 1996], однако представления об относительной хронологии древностей гуннов уже не оспариваются.

В степных районах Среднего Поволжья выявлено два комплекса (*Федоровка* и *Владимировка*), традиционно относимые [Засецкая, 1994] к гуннскому кругу памятников.

Однако могущество гуннов заканчивается в последней трети V в. — они сходят с политической арены и, как следствие, перестают упоминаться в хрониках. Византийские источники VI в. сообщают, что в это время восточноевропейские степи заняли кочевые племена сарагуров, урогов, оногуров, болгар, сибир, утигуров, кутригуров и др. Вместе с тем следует отметить, что утигуры и кутригуры, упомянутые Прокопием Кесарийским и Агафием Миринейским, рассматриваются в качестве потомков гуннов [Засецкая, 1994, с. 149]. Важно и то, что

много лет племена болгар и сабир носят приставку «гунно»..., то есть «причислять себя к гуннам в VI в. было гордо» [Гумилев, 1993, с. 124].

В этой связи логично допустить, что «гуннский стиль» еще какое-то время (до середины VI в.) сохранился в манере одеваться, носить оружие, украшать упряжь боевого коня у тюркской родовой знати.

Вместе с тем в Среднем Поволжье известен памятник, оставленный современниками гуннов, а возможно, и самими гуннами. Это *Тураевский курганный могильник*, исследованный В.Ф. Генингом. Как писал сам автор раскопок: «Тураевская группа, по-видимому, была одной из тех, которых гунны вовлекли в движение на запад» [Генинг, 1976, с. 124]. Судя по характеру инвентаря в погребениях-ингумациях, здесь были захоронены не рядовые воины. Неограбленные подкурганные захоронения содержали достаточно богатый погребальный инвентарь. Это предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники копий, наконечники стрел, доспехи, шлемы), орудия труда (косы, топоры, серп, точильные бруски), предметы поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники, бусы-подвески, кольца), предметы конской упряжи (удила с трензелями). Сосуды (деревянные, стеклянный, глиняные) представлены фрагментарно или единичными экземплярами. Показательно, что при достаточном количестве предметов вооружения, украшения совершенно отсутствовали (пряжки и наконечники ремней относились к португепям).

Каждый из вышеописанных типов вещей достаточно оригинален, а все вместе в комплексе с элементами погребального обряда не имеют аналогов. Не случайно, определяя хронологию памятника в пределах конца IV — вторая четверть V в., В.Ф. Генинг опирался, прежде всего, на интеррегиональные для той эпохи детали поясов, а не на предметы вооружения или орудия труда. Позднейшие исследования подтвердили эту датировку [Богачев, 1992].

Пришлый характер тураевского населения признается, вслед за В.Ф. Генингом, практически всеми исследователями. А.Х. Халиков отмечал, что в материалах памятника «явственно ощущаются параллели с кочевническими Курганами Южной Сибири и севера Средней Азии» [Халиков, 1971, с. 12]. Совершенно иной точки зрения придерживается Г.И. Матвеева, рассматривающая этот памятник в контексте миграции населения именьковской культуры и полагающая, что «погребальный обряд Тураевского могильника, как и его инвентарь, находит аналогии на западе» и что по погребальному обряду он сопоставим «с княжескими погребениями

пшеворской культуры» [Матвеева, 1986, с. 165–166]. Р.Д. Голдина поддержала тезис о западном происхождении памятников типа Тураево, оговорившись: «что касается этнической принадлежности пришлого населения на Каме и Вятке, то она могла быть связана как с именковцами, так и с поздними сарматами Поволжья» [Голдина, 1996, с. 77].

К сожалению, до настоящего времени не известны материалы, позволяющие однозначно ответить на вопрос об этнокультурных корнях населения, оставившего Тураевский могильник. Пока очевидно лишь то, что этот памятник оставлен пришлым населением. Нам представляется, что население это было скорее кочевым, нежели оседлым – захоронения под курганными насыпями в большей степени присущи кочевникам.

Интересно то, что и в Федоровском комплексе вещей, и в Тураевском могильнике были найдены двукружковые накладки от наборных поясов. Распространение наборных поясов в Сибири, Казахстане, на Южном Урале некоторые исследователи связывают именно «с началом движения на запад северных хуннов в конце I в. до н.э.» [Любчанский, 2004, с. 205].

Если оконтурить места находок двукружковых поясных накладок за Уралом (Южное Зауралье, Прибалхашье, Низовья Сырдарьи), то мы получим территорию, входящую в так называемую «третью» империю хуннов, которая до 375 г. н.э. контролировала территории от Яика до Тарбагатай и полностью регламентировала жизнь входивших в ее состав народов» [Любчанский, 2004. С. 215]. Именно эти территории явились плацдармом для вторжения гуннов в Европу.

Историю европейских гуннов И.П. Засецкая разделяет на четыре этапа [Засецкая, 1994, с. 132]. Нам представляется, что бытование наборных поясов с двукружковыми накладками хронологически совпадает с двумя первыми этапами: I – нашествие гуннов в Южнорусские степи (370–378 гг.); II – образование и господство гуннского племенного союза в Северном Причерноморье (378–445 гг.).

Известно, что держава гуннов была полиэтнической. В то время различные по происхождению кочевые племена нередко объединялись под знаменами общих интересов. Но как только эти интересы пропадали – союзы племен, как правило, распадались.

Выявленные на Средней Волге и на сопредельных территориях гуннские материалы V в., вероятно, отражают определенные центробежные процессы.

В частности, в это время в Южном Приуралье начинает формироваться турбаслинская культура. По мнению Ф.А. Сунгатова, «одна из групп позднесарматского населения, испытавшего на себе влияние гуннской этнокультурной среды, в виде нового этнического образования отходит на восток – в Приуралье, где ими и были оставлены памятники, известные как турбаслинские» [Сунгатов, 1998, с. 114].

То есть степные и лесостепные просторы Южного Приуралья на рубеже IV–V вв. заселили гунны-сарматы, пришедшие на эти территории после участия в составе гуннских отрядов в разграблении центров Северного Причерноморья. О последнем, в частности, свидетельствует захваченная там военная добыча: уникальное изделие античной торевтики с изображением римских воинов [Гарустович, Иванов, 1994, рис. 1–4], а также ряд ювелирных украшений и предметы из драгоценных металлов [Сунгатов, 1998, рис. 3, 6, 7, 9].

Интересным представляется то, что турбаслинское (позднесарматское) население вступило в достаточно тесные дружеские контакты с племенами, заселившими среднее течение р. Белой, о чем, в частности, свидетельствуют материалы биритуального Кушнаренокского могильника [Генинг, 1977]. Кроме того, количество укрепленных городищ на этой границе именковского мира было минимальным, чего нельзя сказать о северной периферии именковской культуры. Именно на севере, на правом берегу Нижней Камы, именковцы буквально «ошетинились» цепью городищ-крепостей [Старостин, 1967, табл. I].

Однако именковское население было далеко не единственным, кто в конце IV в., придя с юго-запада, нарушил спокойную размеренную жизнь лесных охотников Прикамья. Факт присутствия новых этнических групп документирован «появлением значительного числа захоронений, сопровождающихся оружием и защитным снаряжением, не характерным для финно-угорских народов Приуралья (Тюм-Тюм, Первомайск, Худяки, Суворово – на р. Вятке и Нивы, Тарасово – на Средней Каме). Иногда воинские захоронения отличались еще и курганным обрядом захоронения (Тураево, Кудашево)» [Голдина, 1996, с. 77]. Р.Д. Голдина считает, что, несмотря на временной интервал, разделяющий азелинско-суворовские и тураевско-кудашевские древности, они, тем не менее, связаны общностью происхождения: «Возможно, эти группы имели гото-славянский облик» [Голдина, 1999, с. 266]. Аргументом в пользу этого вывода явились «вещи, не характерные для Прикамья»: «косы», хал-

цедоновые диски — наверх мечей, железные проушные топоры-гивны и др. [Голдина, 1999, с. 274-275].

С последним трудно не согласиться. Все эти вещи, а также целый ряд украшений и предметов вооружения из названных могильников Прикамья, действительно имеют западное (юго-западное) происхождение. Бесспорно и то, что в конце IV в. на Вятку и Каму пришла какая-то новая этническая группа хорошо вооруженных воинов.

Однако нам представляется, что они пришли из среды, культурно и этнически близкой гуннам. Если быть более точным — гуннам-уграм, которых, на наш взгляд, можно идентифицировать с хунгурами Иордана: «Хунгуры же известны от того, что от них идет торговля пушниной» [Иордан, 1991, с. 109. §37]. Движение гуннов из-за Урала в Северное Причерноморье (Кубей), а затем и в Прикамье (Азелино, Мазунино, Сайгатка, Мари-Луговской, Покровка, Тураево, Худяки, Тарасово, Старо-Кабаново, Ижевский) маркируют наборные пояса с двукружковыми накладками.

Рассматривая обозначенные комплексы как гунно-угорские, мы разрешаем еще одно, казалось бы, противоречие, состоящее в том, что пришедшие на рубеже IV–V вв. люди были похоронены на позднепьяноборских (мазунинских) могильниках Прикамья по местным обычаям. Вопрос этот снимается, если принять во внимание то, что к прикамским финно-уграм пришли хоть и дальние, но все же схожие с ними по языку и по ментальности, родственники — зауральские угры. Заметим, что примерно в это же время из-за Урала в Кунгурскую лесостепь уже шла инфильтрация угорского населения саргатской культуры [Голдина, 1996, с. 76].

Что касается гуннских древностей Среднего Поволжья, то, на наш взгляд, они были оставлены в результате оттока определенных племен из районов Северного Причерноморья. Уничтожение городищ (Лбище, Переволоки) на Самарской Луке — следствие этого движения кочевников.

Постгуннские (раннетюркские) памятники на Средней Волге представлены как подкурганскими захоронениями, так и погребениями на грунтовых могильниках.

Подкурганные захоронения VI в. в регионе редки. Помимо описанного выше Владимировского комплекса, известно еще три: близ села Новоселки в Татарстане (впускное в кургане эпохи бронзы), а также в Кировском I и Преполовеновском могильниках в Самарской области [Богачев, 1998]. Это ингумации с очень бедным погребальным инвентарем, дата которого укладывается в рамки второй

половины VI века. В эту хронологическую группу, вероятно, следует включить и погребение 2 кургана 4 Новинковского II курганного могильника, которое ранее воспринималось исследователями [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Матвеева, 1997, рис. 18-19] как одно из наиболее ранних погребений новинковского типа, а также сравнительно недавно раскопанное впускное погребение 2 кургана 1 Лузановского IV могильника [Лебедева, 2008].

Этим же временем датируется серия ингумаций (около 20 комплексов), исследованных в Татарстане на могильниках именковской культуры — Коминтерновский II [Казаков, 1998], Ташкирменский [Старостин, 1994]. Е.П. Казаков обратил внимание на то, что хотя ингумации и перемежаются на площади могильника с кремациями, они все же образуют определенные ряды и группы, а удаленность этих могил друг от друга, по его мнению, «предполагает возможность сооружения над ними небольших, в настоящее время не сохранившихся, курганов».

Ориентированы погребенные в северном направлении. И в Ташкирмене и в трех погребениях Коминтерновского II могильника в ногах погребенных находились кости лошади (череп и конечности).

В большинстве погребений этой группы (за исключением шести) были найдены (в изголовье или у ног) плоскодонные сосуды, типичные для именковской культуры. Однако в отличие от именковских кремаций ингумации на Коминтерновском II и Ташкирменском могильниках содержали достаточно богатый и разнообразный вещевой инвентарь: украшения, предметы одежды (в том числе разного рода поясные принадлежности), оружие, амулеты, конскую упряжь, предметы быта.

Истоки культурных традиций погребений этой группы, по мнению Е.П. Казакова, следует искать в древностях турбаслинской культуры Южного Урала [Казаков, 1996, с. 47-48].

Трудно сказать, чем вызвано появление в VI в. в Среднем Поволжье различных по погребальному обряду и инвентарю отдельных кочевнических подкурганных захоронений и грунтовых погребений на именковских могильниках. Не исключено, что это были умершие представители малочисленных родов, не пожелавших подчиниться власти правителей I Тюркского каганата и ушедших на север в районы, не контролируемые ими. Если это действительно так, то нижняя хронологическая граница всех этих комплексов ограничивается последней третью VI в., поскольку именно в 70-е годы VI в. власть Тюркского каганата распространяется далеко на запад, в том числе и в Поволжские степи.

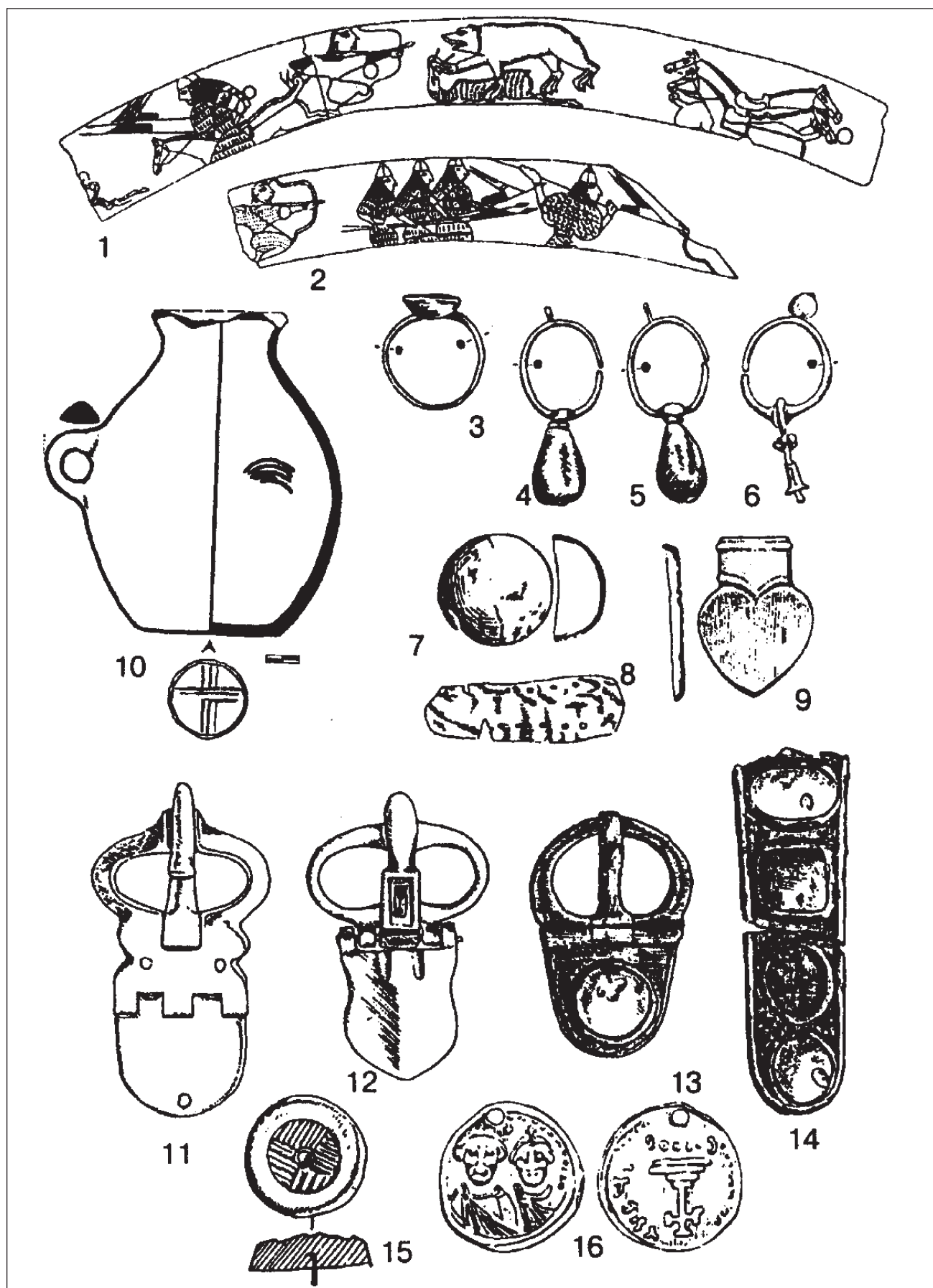

Рис. 5. Материалы из Шиловского курганного могильника.
1–9, 11–14, 16 – курган 1, погребение 2; 10, 15 – курган 2, погребение 2

Праболгарские древности Среднего Поволжья до недавнего времени идентифицировались в регионе с материалами конца VIII–IX вв. типа Больше-Тарханского могильника. В настоящее время на Средней Волге археологами г. Самары Г.И. Матвеевой, Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым, С.Э. Zubовым и другими был открыт, исследован и опубликован монографически [Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Zubов, 1998] принципиально новый пласт кочевнических праболгарских памятников второй половины VII–VIII вв.

В настоящее время в Среднем Поволжье выявлено две группы праболгарских подкурганных захоронений этого периода. Характерной особенностью первых, выделенных Г.И. Матвеевой в особый «новинковский» тип памятников, является наличие каменных обкладок курганов и камней в их насыпях [Матвеева, 1997]. Курганы второй группы камней в насыпях не имели [Багаутдинов, Богачев, Zubов, 1998].

Все исследованные на сегодняшний день **памятники новинковского типа** локализуются на правом берегу Волги в пределах полуострова Самарская Лука (Новинковские, Выползовский, Бруснянские, Малорязанские и другие могильники). Как уже отмечалось, известняковые камни в насыпях являются характерной особенностью праболгарских курганов этого типа.

В курганах было выявлено от одного до 12 погребений. Ввиду того, что более половины (51,5%) захоронений было совершено в погребенной почве (или на уровне материка), установить форму и конструкцию этих могил не представлялось возможным. Около 14% погребений имели овальную в плане форму; 14,5% погребений были совершены в подпрямоугольных (или трапециевидных) ямах; 20% могил имели в плане форму прямоугольника со скругленными углами.

Большинство могильных ям (72% от числа погребений с зафиксированными конструктивными особенностями погребальных камер) имели простую форму — отвесные стенки и ровное горизонтальное дно; у 20% могил одна из длинных стенок была наклонена (т.е. яма заужалась ко дну); у 8% могил обе длинные стенки были наклонные. Известны могилы (2,3% от общего числа) с нишами в коротких стенках; с небольшим подбоем в длинной стенке (около 6%); со ступенью (реже двумя) вдоль длинной стенки (10,7%) (рис. 6, 2).

Большинство могильных ям своей длинной осью были сориентированы по линии запад-восток (40%); около 22% — по линии СВ-ЮЗ; 16% — по линии СЗ-ЮВ; 10% — по линии север-юг.

Проследить ориентировку 12% могил не представлялось возможным.

Погребения новинковского типа делятся на три количественно неравные группы. В первую входят три погребения, совершенные по обряду кремации. Вторая представлена одним захоронением-кенотафом. Третью составляют свыше 211 ингумаций.

Курганы с земляными насыпями (памятниками уреньского типа) выявлены в Старомайнском и Сенгилеевском районах Ульяновской области (Урень II, Старомайнский I, Шиловка), а также на Самарской Луке в Ставропольском районе Самарской области (Брусняны III).

В отличие от праболгарских курганов новинковского типа, в курганных насыпях этой группы не было камней. Диаметр курганов был от 20 до 40 м при высоте 0,25–0,3 м (принимая во внимание то, что некоторые из них регулярно распахивались). Практически под всеми насыпями (за исключением Шиловка к. 2) были исследованы ровики. Причем лишь единожды (Урень II к. 2) ровик имел в плане форму разомкнутого кольца; в остальных случаях ровик имел подквадратную (или подпрямоугольную) в плане форму. Под насыпями курганов этой группы находилось не более двух захоронений. Могилы имели овальную или подпрямоугольную в плане форму, по размерам они соизмеримы с физическими параметрами погребенных. Лишь погребение в кургане I Бруснянского III могильника имело круглую в плане форму диаметром 5 м. Длинные оси подпрямоугольных и овальных могил были вытянуты вдоль оси СЗ-ЮВ с отклонениями. Как правило, могильные ямы имели отвесные стенки и плоское дно. Однако известны могилы с подбоями (Урень II, к. 4/2, Шиловка, к. 2/2), катакомба (Шиловка, к. 1/2), а также яма, по дну которой проложена кольцевая канавка (Брусняны III, к. 1/1).

Там, где были зафиксированы потревоженные (хотя бы частично) кости человеческого скелета, погребенные лежали вытянуто на спине. Ориентировка погребенных на могильниках Урень II и Старая Майна I — на северо-запад; в Шиловке — на восток. Различия в ориентировках на памятниках обуславливается разной хронологией (см. ниже).

В группе погребений с ровиками выделяется несколько комплексов (Шиловка, к. 1, Урень II, к. 3, Брусняны III, к. 1), характер обряда и инвентаря которых позволяют предполагать наличие особого социального статуса захороненных здесь людей (рис. 5).

Именно эти захоронения позволяют провести параллель с поминальными храмами и оградками с территории Восточнотюркского каганата [Амброз,

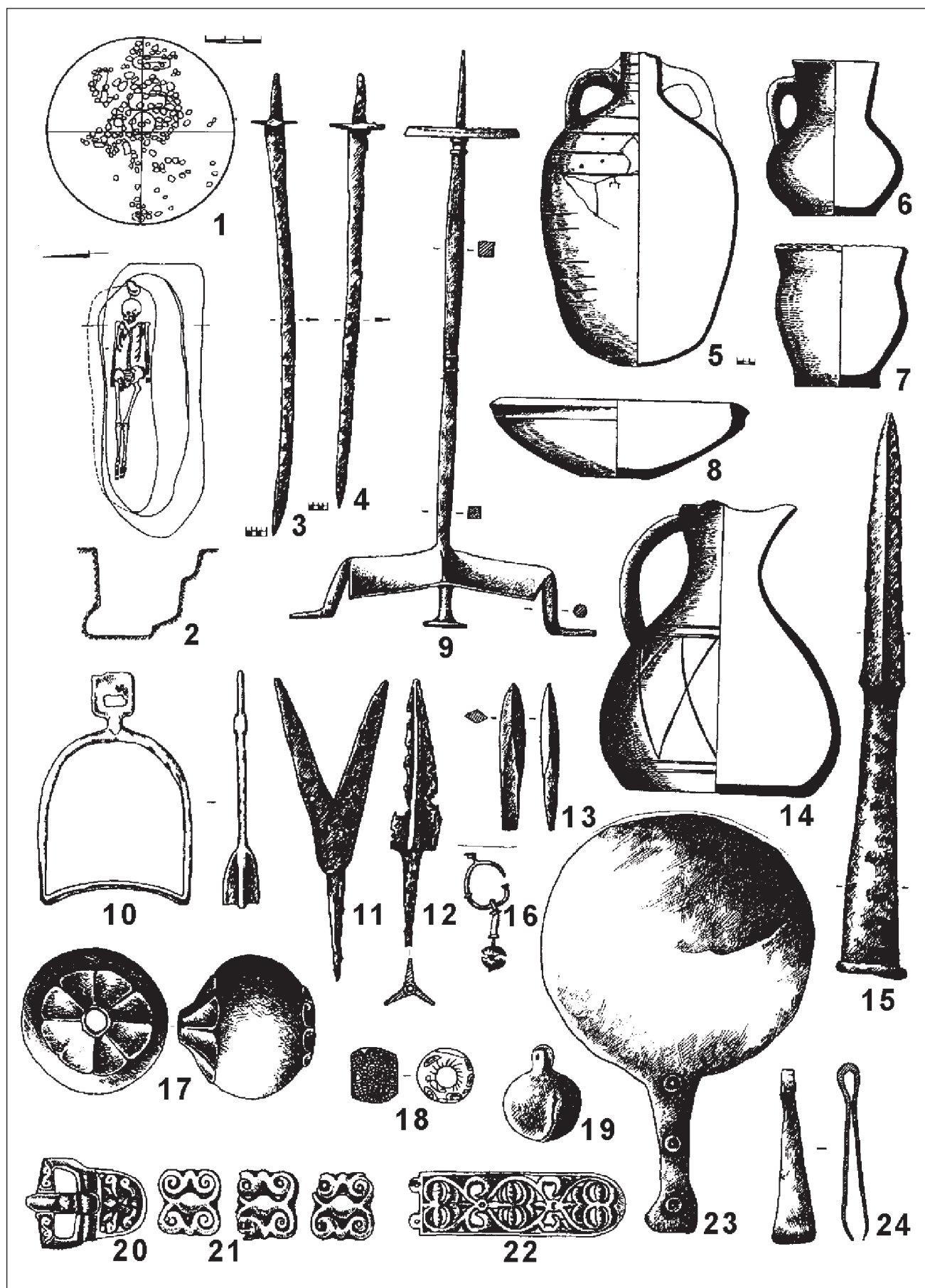

Рис. 6. Древности новинковского типа

1982, с. 210-215]. Так же поминальный характер, по мнению А.К. Амброза, имели комплексы из Перещепины, Глосос и Вознесенки, которые были «попыткой создать государственный культ из культа царских предков» [Амброз, 1982, с. 220]. Однако, находки курганов со рвами на Средней Волге и в междуречье Сала и Маныча [Власкин, Ильюков, 1990] говорят о довольно устойчивой поминально-погребальной традиции раннесредневекового тюркского населения. Как было отмечено выше, кочевники-болгары пришли на Среднюю Волгу во второй половине VII в., когда практически все население именковской культуры покинуло этот регион. Дату прихода праболгар на Волгу — вторая половина VII в. — достаточно четко фиксируют комплексы выделенного нами хронологического горизонта Перещепина-Шиловка [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998].

Верхняя хронологическая граница праболгарских комплексов по целой серии вещей (прежде всего, по поясным украшениям), маркирующих предсалтовский горизонт восточноевропейских древностей, определяется как конец VIII в.

Интересно то, что судя по самым ранним праболгарским комплексам (середина VII в.), на Среднюю Волгу одновременно пришли различные племенные группировки тюрков. Это достаточно четко фиксируется как на археологических материалах (выделено как минимум два типа праболгарских могильников), так и на данных антропологии. Причем антропологи отмечали расовые различия краниологического материала и в пределах одного типа памятников [Газимзянов, 1995] и даже в пределах одного могильника [Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996].

Представляется, что исходным районом миграции праболгар было Восточное Приазовье. И в этой связи особый интерес представляют опубликованные А.Г. Атавиным погребения VII — начала VIII в. из Восточного Приазовья, которые «по своему географическому положению идеально соответствуют местоположению Великой Болгарии», по Феофану и Никифору [Атавин, 1996].

Вместе с тем один из главных группообразующих признаков памятников новинковского типа — курганные насыпи с каменными набросками (рис. 6, 1). Такого рода погребальные сооружения характерны прежде всего для тюрков Алтая [Могильников, 1996; Савинов, 1982; Гаврилова, 1965]. Именно с экспансией алтайских тюрков связано появление подобных курганов в Туве, в Казахстане и Средней Азии. Именно участием алтайских тюрков в миграции праболгар на Среднюю Волгу мы объясняем появление

на Самарской Луке могильников новинковского типа.

Это предположение помогает объяснить наличие на Средневожских памятниках каменных оградок, погребений с конем (и курганов с конскими черепами и конечностями), специфических элементов конской упряжи (S-видных псалий и костяных путовых пряжек), типично тюркских пряжек и целых поясных наборов (Брусяны II, к. 34/2), железных «мотыжек» и своеобразного комплекса вооружения (наконечники стрелы, костяные накладки луков).

Алтайские тюрки явились этническим ядром I Тюркского каганата (552-630 гг.), распространившего свою власть вплоть до Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Исследователи отмечают «многокомпонентность древнетюркского этногенеза, участие в этом процессе... в различное время тюркоязычной, ираноязычной, а на севере Саяно-Алтая самодийской этнической компоненты» [Могильников, 1996]. И это во многом объясняет вышеназванные антропологические различия населения, оставившего памятники новинковского типа.

Многодесятилетнее господство тюрков в Евразийских степях не могло не сказаться на материальной и духовной культуре их обитателей. Но в то же время сами тюрки попали под культурное влияние коренных обитателей Северного Предкавказья и Причерноморья. В частности, гончарная посуда, найденная в праболгарских комплексах Среднего Поволжья (лощенные миски, сосудик с зооморфной ручкой, амфоры), изготовлена, вероятнее всего, аланскими гончарами (рис. 6, 5, 8).

Не исключено, что хан Кубрат объединил под знаменами Великой Болгарии целый ряд кочевых народов, потерявших политические ориентиры после развала I Тюркского каганата и, возможно, бежавших далеко на запад, опасаясь преследований (именно этим можно объяснить сильную алтайскую доминанту в археологическом материале). Не успев растерять свой культурный потенциал, эти племена алтайских тюрков, после участия в ряде военных кампаний Кубрата, переселились на Среднюю Волгу в составе одной из болгарских орд сразу после смерти хана (Кубрат умер между 641 и 650 гг. [Вернер, 1988]).

Однако переселившиеся праболгары не теряли связи со степью. И, вероятнее всего, на Среднюю Волгу (к родственникам) продолжали переселяться родственные группы населения, желавшие избежать последствий смуты после развала в 744 г. II Тюркского каганата. Не исключено, что появле-

ние на новинковских памятниках погребений с северной ориентировкой (которые мы датируем серединой — второй половиной VIII в.) является следствием притока из степи новой волны тюрков. Именно с комплексами с северной ориентировкой коррелируются каменные оградки, именно в погребениях с северной ориентировкой появляются кувшины «салтовского» типа (рис. 6, 14). Заметим, что памятники типа Больше-Тарханского могильника появляются в Волго-Камье в это же время.

Курганы новинковского типа на Средней Волге синхронны праболгарским курганам с земляными насыпями и ровиками. Иногда они составляют один могильник (Брусяны III). Как отмечает А.А. Гаврилова, для алтайских тюрков «феодализация общества должна вести к выделению сословий, что также нашло отражение в обряде погребения. Вожди и дружинники хоронились в алтайских курганах VII—VIII вв., как отмечено, зачастую по разному погребальному обряду, что могло быть обусловлено и этническими различиями, т.к. дружинники, как отмечает Б.Я. Владимирцов, были выходцами из разных родов» [Гаврилова, 1965, с. 66]. Два обряда погребения праболгар на Средней Волге — еще одно подтверждение этого тезиса.

Памятники ранних болгар типа Больше-Тарханского могильника (конец VIII—IX вв.) на Средней Волге изучаются с середины XX в. Они опубликованы монографически [Генинг, Халиков, 1964], а также представлены в разного рода сводных энциклопедических изданиях по археологии [Археология СССР, 1981; История татар, 2006]. И это обстоятельство избавляет нас от подробного описания материальной культуры этих племен. Подчеркнем лишь ряд, на наш взгляд, важных обстоятельств. Прежде всего, раннеболгарские могильники больше-тарханского типа хронологически смыкаются с праболгарскими памятниками новинковского типа. Истоки материальной культуры «больше-тарханцев» (салтовские кувшины, салтовские серьги, западная ориентировка погребенных и пр.) в полной мере проявились в поздних новинковских комплексах. Различия же двух этих, несомненно, родственных групп памятников обусловлены, с одной стороны, хронологией материалов, а с другой — проникновением в тюркский раннеболгарский этнос, по мере его продвижения на север, различных групп местного прикамско-приуральского населения.

В дальнейшем на Средней Волге процесс метисации различных групп кочевников-тюрков между собой, а также с прикамско-приуральскими этническими группами продолжился. В процессе оседания

болгар на землю и создания государственности эта тенденция развивалась, что в конечном итоге привело к формированию в Волго-Камье единого болгарского народа.

Если схематично очертить процессы этнокультурного взаимодействия оседлого и кочевого населения на Средней Волге в I тысячелетии, то это будет выглядеть следующим образом.

Вплоть до III в., в силу неизвестных пока причин, Среднее Поволжье было слабо заселенным регионом: лесные территории были заняты разрозненными финскими (или балтскими ?) племенами *позднегогородской* культуры, а степные являлись северной окраиной *сарматского* мира.

Однако начиная с III в. на Волгу начинает проникать население из районов Поднепровья — потомки племен *зарубинецкой* и *пиеворской* культур. Не исключено, что причиной их переселения явилась военная активность готов. Племена, входившие в готский союз, в середине III в. разгромили Танаис и потеснили сарматов из Волго-Донских степей. Сарматы были вынуждены откочевать в степные районы Среднего Поволжья и Южного Приуралья.

Переселенцы с Днепра сформировали на Средней Волге *именьковскую культуру* (IV—VI вв.), а также *лбищенский* и *славянский* типы памятников (которые исследователями трактуются как материалы раннего этапа (IV в.) *именьковской* культуры). В вопросе об этносе носителей этой культуры (славяне, анты, бастарны, балты) единого мнения пока не существует.

В последней четверти IV в. культуры юга Восточной Европы и причерноморские города были разорены гуннами. Появление в лесостепном Поволжье и Приуралье в начале V в. отдельных комплексов с вещами полихромного стиля (*Федоровка*), подкурганных воинских захоронений (*Тураево*), а также ранних погребений *турбаслинской* культуры (и те, и другие, и третьи не имели в регионе культурных корней) возможно связывать с оттоком из Причерноморья отдельных этнических групп гуннского племенного союза. По всей видимости, именно ими было разрушено городище Лбище на Самарской Луке. О том, что это продвижение было достаточно стремительным и однонаправленным свидетельствует факт, того, что спустя некоторое время жизнь оседло-земледельческого населения (*именьковская* культура) на Самарской Луке возобновляется.

В VI в. наблюдается отток кочевнического населения из степи на Среднюю Волгу (*Владимировка*, *Новоселки*, *Кирово*, *Преполовенка*), что, вероятно,

объясняется распространением власти 1 Тюркского каганата далеко на восток. Некоторые группы кочевников уходят в леса и смешиваются с населением именьковской культуры (*Коминтерн, Ташкирмень*).

На рубеже VI–VII вв. именьковская культура на Средней Волге перестает существовать. По всей видимости, ее носители переселяются в районы

левого бережного Поднепровья (волынцевская культура).

С середины VII в. в Поволжье из Приазовья начинают переселяться праболгары (*Шиловка, Брусяны*). Эта миграция продолжается и в VIII в. (*Малая Рязань, Большие Тарханы*). Анализ антропологии праболгарских материалов свидетельствует о полиэтничности пришедшего населения.

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И БАШКИРЫ

На рубеже VIII–IX вв. в Среднем Поволжье возникает государство волжских болгар. Вскоре оно становится ведущей политической силой в Восточной Европе. Благодаря своему удобному географическому расположению ему суждено было сыграть важную роль в исторических судьбах народов Урало-Поволжья, в том числе башкирского народа. Этим вызвана необходимость рассмотрения особенностей сложения и развития Волжской Болгарии, территории, этнического состава населения и других актуальных вопросов ее истории.

Решающая сила в создании государства Волжская Болгария принадлежала тюркоязычным болгарам. Наряду с ней с конца VII в. по настоящее время существовала Дунайская Болгария (Болгария). Но до 670 г. все болгарские племена жили вместе в степях Северного Причерноморья, образуя единое государство, известное под названием Великая Болгария. Принято считать, что основателем его был знаменитый царь Кубрат (ориентировочные годы правления 584–642 гг.). Во второй половине VI в. и вплоть до 40-х годов VII в. болгары, как и многие другие народы юга Восточной Европы (хазары, сабиры, оногуры и другие), входили в состав Западнотюркского каганата и являлись опорой власти каганов. По своему происхождению они являются потомками тюркоязычных племен IV–V вв., сыгравших активную роль в походах гуннов в Центральную Европу во времена Аттилы. Ослабление, а затем распад Западно-тюркского каганата (630–657 гг.) имело большое значение для объединения болгарских и других племен Северного Причерноморья с центром в Приазовье.

Одновременно с Великой Болгарией в этот период на Северном Кавказе и в низовьях Волги начал возвышаться Хазарский каганат, что не замедлило сказаться на их взаимоотношениях с бол-

гарами. По-видимому, они приобрели характер открытых военных столкновений, в ходе которых болгары потерпели сокрушительное поражение, после чего среди них произошел раскол: около 660 г. орда, предводительствуемая Аспарухом, под натиском хазар появилась на Дунае, перешла на правый ее берег. Фактически это событие означало возникновение вскоре нового самостоятельного государства на Дунае – Болгарии, где активными создателями выступали пришлые тюркоязычные болгары и местные славянские племена. Тюрки оказались здесь в меньшинстве: впоследствии они полностью были ассимилированы славянами, но сохранили при этом самоназвание. Другая группа (орда) болгар под предводительством Батмана, брата Аспаруха, приняла хазарскую ориентацию, вошла в состав каганата и пребывала там до конца VIII в.

За этот период в истории Хазарского каганата произошел ряд важных событий, среди которых особо следует выделить войну против арабов. Она началась в закавказских владениях хазар, а затем перешла на Северный Кавказ. Преследуя отступающие хазарские войска, в 40-х годах VIII в. арабы достигли районов нынешнего саратовского течения р. Волги [Артамонов, 1962. С. 157–162, 163–169, 202–225.]. Есть предположение, что в ходе этих событий, а может быть, даже раньше отдельные группы болгарских племен, пребывающих в составе Хазарского каганата, начали отходить от центра и переселяться в Среднее Поволжье [Генинг, Халиков, 1964. С. 117, 170; Археология СССР, 1989. С. 65, 208.].

Материалы раннеболгарских памятников показывают, что болгарские племена принесли с собой в Среднее Поволжье культуру, характерную для населения Хазарского каганата. Сказанное следует понимать в том смысле, что вместе с воинами –

активной частью населения — сюда переселились дети, женщины, старики и ремесленники — гончары, оружейники, ювелиры, которые вскоре на приобретенной родине обеспечили массовый выпуск всего необходимого в жизни. О том, что именно так обстояло дело, ярко свидетельствует широкое распространение в могильниках (Больше-Тарханский, Танкеевский) керамической посуды (кувшины с ручками или без них), по всем признакам (форма сосудов, цвет и технология изготовления) повторяющей посуду из собственно хазарских памятников района Северного Кавказа.

Также обстояло дело с предметами вооружения (сабли, ножны к ним, стрелы), конского снаряжения (стремена, удила) и украшениями (серьги, браслеты, бусы, различные подвески), широко представленных в погребениях и повторяющих южные формы [Генинг, Халиков, 1964. Табл. I–XIX].

Население Волжской Болгарии было сильно смешанным. Накопленные археологические материалы позволяют утверждать, что какая-то часть западных башкир сразу же вошла в состав Волжской Болгарии. Примером сказанному может служить Больше-Тиганский могильник IX–X вв., расположенный на расстоянии около 100 км от устья р. Камы, на левом ее берегу. Могильник состоит из неглубоких могил, расположенных на значительном удалении друг от друга, и это позволяет предположить существование невысоких земляных насыпей над ними, впоследствии разрушенных многовековой распашкой. Если учесть такое допущение, Больше-Тиганский могильник во всем является почти копией башкирских курганов IX–X вв. [Chalikova, Chalikov, 1981. *История татар*. 2002. С. 191–192]. Умерших хоронили, подобно башкирам, в деревянных, обугленных снаружи гробах, дно которых устилалось циновочным материалом. В могилах найдены типичные для башкир поздние варианты кушнаренковской керамической посуды, роскошные поясные ремни с длинными ремennыми подвесками, спускавшимися спереди и сзади на бедра. Много женских украшений, которые по составу и, что особенно важно подчеркнуть, по способу ношения ничем не отличаются от башкирских. Это — наконники, состоящие из коньковых, арочных и других шумящих подвесок на длинных цепочках, серьги башкирских (южноуральских) вариантов, ожерелья из бус. Последние включают стеклянные одноцветные и мозаичные бусы и носились по 3–5 ниток различной длины, а в середине каждой нитки нанизывалась большая сердцевидная серебряная подвеска.

Такое же полное совпадение наблюдается в составе предметов вооружения (сабли, ножны, наконечники стрел) и конской сбруи (удила, стремяна).

Следует подчеркнуть, что большая близость Больше-Тиганского могильника с башкирскими курганами IX — начала X в. признается авторами публикации Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым и другими (В.А. Иванов, Е.П. Казаков и др.). Но вопреки очевидным фактам они датируют все эти памятники временем на 100 лет раньше (вторая половина VIII — первая половина IX в.) и уверены, что они принадлежат мадярам накануне их ухода на запад, в Паннонию [Chalikov, Chalikov, 1981; История татар, 2002. С. 204–209; Иванов, 1988; Халиков, 1988; Халиков, 1990; Казаков, 1988].

Предвзятость данного мнения очевидно во всем. Например, идентичность состава находок позволяет привлечь для датировки Больше-Тиганского могильника арабские монеты IX в. из башкирских курганов. Кроме того, в одном из больше-тиганских погребений (№ 65) найдена такая же монета, но отчеканенная уже в начале X в. Поэтому сам материал памятника бесспорно указывает на непрерывное его функционирование в IX — начале X в. В течение всего этого времени мадярские племена жили далеко на западе, и это неоднократно засвидетельствовано письменными источниками. Важно подчеркнуть, что Больше-Тиганский могильник находится недалеко от р. Большой Черемшан, по которой в 921–922 гг. проходила граница между Волжской Болгарией и страной башкир. Картографирование более 2000 известных болгарских памятников показывает, что южная граница их распространения резко обрывается по р. Большой Черемшан [Фахрутдинов, 1975], что является документальным подтверждением сведений Ибн-Фадлана; на востоке эта граница проходит по р. Шешма. Если учесть, что р. Большой Черемшан до сих пор остается естественной границей между башкирами Оренбуржья и татарами Прикамья, а р. Шешма таковой оставалась вплоть до XVIII — начала XX вв., то напрашивается вывод о том, что ко времени Ибн-Фадлана эти границы уже были исторически сложившимися. В этих условиях естественно смешанное расселение башкирских и болгарских племен.

Говоря о ранней Волжской Болгарии, необходимо указать на одну особенность источников: в составе болгарских племен они четко различают группу сувар и болгар. По-видимому, это различия этнического порядка и восходят к периоду V–VII вв., когда на юге Восточной Европы наряду с

хазарами, болгарами, барсил-берсулами и другими племенами жили тюркоязычные савиры — выходцы из Южной Сибири. Многие исследователи считают, что этноним «савиры» этого времени есть древний вариант этнонима сувар [Артамонов, 1962. С. 128, 137, 174]. Выходит, что савиры-сувары в VII–IX вв. проделали тот же самый путь, что и волжские болгары: определенное время пребывали в составе Хазарского каганата, а затем переселились в Среднее Поволжье.

Отметим, сувар как крупный самостоятельный этнос признает Ибн-Фадлан и подчеркивает, что сувары отказались участвовать в торжествах, посвященных официальному принятию в Волжской Болгарии ислама [Путешествие Ибн-Фадлана, 1992, с. 41]. Не без оснований современные историки Чувашии убеждены в том, что суварский племенной союз лег в основу сложения чувашского народа [Каховский, 2003. С. 259–316].

Анализ источников не противоречит мнению о том, что приход суварской группы племен в Среднее Поволжье был самостоятельным и мог предшествовать приходу болгар, а в связи с последним могли возникнуть какие-то осложнения в их взаимоотношениях. Во всяком случае в один из поворотных моментов истории Волжской Болгарии — в момент принятия религии ислам — сувары пожелали остаться в оппозиции к власти хана.

Согласно письменным источникам, в IX — начале X в. Волжская Болгария и ее ханы находились в зависимости от хазар и платили им дань (рис. 2). В источнике X в., известном как письмо хазарского кагана Иосифа, болгары перечислены среди народов, плативших ему дань. Кстати, в этом же списке числятся буртасы и сувары [Хвольсон, 1868. С. 22; Ковалевский, 1956, с. 138–141], что подтверждает мысль о том, что буртасы и сувары к X в. оставались еще относительно самостоятельными.

В письменных источниках IX–X вв. в ближайшем окружении болгар, буртасов, сувар упоминаются племена эскель, берсула [Путешествие Ибн-Фадлана, 1992. С. 35]. Но, по-видимому, они составляли небольшие группы племен, входившие в болгарскую конфедерацию. Необходимо также иметь в виду, что на севере, на правом берегу Камы, болгары непосредственно граничили с марийскими и удмуртскими племенами, а на правом берегу Волги — с мордовскими.

Набирающая силу Волжская Болгария к началу X в. настолько окрепла, что зависимое положение от хазарских правителей, исповедующих чуждую для них иудаистскую религию, начало угнетать болгарского хана Алмуша и его окружение. Стремясь укре-

пить политическими средствами свой суверенитет, они приняли решение сменить языческую религию во главе с богом Тенгре на ислам и обратились к Багдадскому халифу с просьбой прислать в их страну грамотных толкователей ислама с целью массового его распространения. Такое решение не было случайным. Из письменных источников известно, что в Хазарском каганате в VIII–IX вв. существовала обстановка веротерпимости: в городах действовали мусульманские мечети, еврейские синагоги и христианские церкви. Говоря о столице хазар г. Итиль, Ибн-Фадлан, например, пишет, что в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершали молитву и присутствовали в ней в дни пятницы. При ней есть высокий минарет и несколько муеззинов [Путешествие Ибн-Фадлана, 1992. С. 35]. Значит, болгары к этому времени располагали достаточной информацией об исламе. Но главная причина, побудившая хана Алмуша и его единомышленников к решительным действиям в этом вопросе, состояла в том, что религия бога Тенгре, возникшая в недрах древности, уже не отвечала требованиям времени. Развитие феодальных отношений в молодом государстве требовало адекватной формы религии, а с принятием ислама Волжская Болгария входила также в орбиту международных отношений и приобщалась к ценностям мировой культуры. Одновременно хан Алмуш этот свой шаг рассматривал как важное условие приобретения полной свободы от хазар.

Официальное принятие религии состоялось в мае 922 г. и проводилось как торжественное общегосударственное мероприятие во главе с ханом Алмушем. На него были приглашены и участвовали «предводители», т. е. вся знать и «цари его земли», под которыми следует подразумевать глав союзных народов, что еще раз подтверждает, что в это время Волжская Болгария представляла конфедерацию (союз) ряда княжеств, подчиненных главе государства. В таком понимании можно предположить, что среди приглашенных были и предводители башкирских племен [Путешествие Ибн-Фадлана, 1992. С. 28–33]. Главная церемония обращения в ислам сводилась к чтению корана в оригинале, который затем «буква в букву» переводится на болгарский язык; местами совершались коллективные моления с громким чтением изречений из Корана. Сменивший религию хан получил новое имя Джафар, а имя его отца Муктадира было заменено на Абдаллаха. С минарета торжественно был провозглашен призыв (хутба): «О Аллах! Сохрани (в благополучии) раба твоего Джафара ибн Абдаллаха, повелителя (эмира) болгар, клиента

повелителя правоверных». Миссионерская деятельность Ибн-Фадлана и его спутников продолжалась во время их путешествия по стране. Так, в своем дальнейшем повествовании он сообщает, что под его руководством болгарин по имени Талут захотел принять имя Мухаммеда, после чего он (Ибн-Фадлан) воскликнул: «Да будет, чтобы впредь тебя называли именем Мухаммеда». И приняли ислам его жена и его дети, и всех их стали называть семейством Мухаммеда» [Путешествие Ибн-Фадлана, 1992. С. 39]. Так, с переменой религии, имени и отчества хана и его соотечественников был положен конец языческому прошлому Волжской Болгарии и открыта новая страница в ее истории.

Принятие ислама способствовало быстрой консолидации населения Волжской Болгарии, состоящего из различных по культуре, происхождению племен, на новой политической, т. е. идеологической (религиозной), основе. Прежде всего оно укрепило власть хана и его аппарата, что не замедлило сказаться.

Однако в противовес утверждениям многих археологов Татарстана [Халикова, 1976. С. 7; Халикова, 1986. С. 36–59] следует подчеркнуть, что официальное принятие ислама еще не привело к полному искоренению языческих обрядов и традиций в быту, о чем ярко свидетельствуют материалы болгарских могильников X–XI вв. Таковым, например, является Танкеевский могильник, где в результате многолетних раскопок исследовано более 1000 могил, ошибочно датированных коллегами из Татарстана IX–X вв. [Халикова, 1971. С. 64–93; Казаков, 1971. С. 94–155; Chalikova, Kazakov, 1978]. По характеру своего материала Танкеевский могильник резко отличается от памятников IX–X вв. (Больше-Тарханский, Больше-Тиганский и др.), в чем нетрудно видеть различия хронологического порядка. В погребениях много топоров, сабель, железных котлов с приклепанными сбоку петлями, граненые проволочные браслеты с кружковым орнаментом, гривны с многогранными утолщенными концами, калачевидные кресала, серьги с грузиком в нижней части, пряжки и накладки ремней и другие вещи [Казаков, 1971. Табл. I–XXIII]. Эти погребения перемежались с могилами, где умерших хоронили без вещей, т. е. по-мусульмански.

Как показали исследования болгарских городов, многие из названных вещей в массовом порядке производились в болгарских ремесленных центрах и вывозились соседним народам — мордве, марийцам, удмуртам, и через некоторое время попадали в могилы. В марийских и удмуртских могильниках

представлены близкие аналогии практически всем категориям предметов погребального инвентаря из Танкеевского могильника, и там они сопровождались монетами X–XI вв., что является бесспорным доказательством более молодого возраста указанного могильника [Мажитов, 1987. С. 77–85; Архипов, 1973. С. 62–69; Археология СССР, 1989. С. 80]. Отсюда следует вывод о том, что на всем протяжении X–XI вв. в Волжской Болгарии в погребальном обряде имели место отклонения от ортодоксальных требований ислама в пользу язычества. Так, очевидно, было и в других сферах жизни.

О болгарях X в. много писали современники. В систематизированном виде это выглядит так: «Болгары обитают на берегу реки, которая впадает в Хазарское море и называется Итиль; эта река между хазарами (или буртасами) и славянами (или русами). Царь болгар по имени Алмс (Алмуш) исповедует ислам, у него сородичи числом пятьсот (или пятьсот тысяч) человек. Земля болгар в зарослях и дремучих чащобах, среди которых болгары и обитают. Болгары делятся на три разряда, каждый из этих разрядов носит свое название и имеет отдельное место пропитания. Хазары торгуют с болгарями, также русы привозят свои товары, также и другие народы; привозят к ним меха соболя, горноста, белки и другие меха. У болгар имеется земледелие, они выращивают разные зерновые. Болгары постоянно нападают на буртасов и полонят их. У болгар есть выючные животные (или лошади), кольчуги и оружие. Они дают царю дань выючными животными; когда кто-либо из болгар женится, царю также приносят в дар выючное животное; с приходящих в Болгар судов царь берет десятину. Одежда болгар походит на одежду мусульман, равным образом болгарские кладбища подобны мусульманским. Основное имущество у болгар — меха куницы; у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они кунным мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам; дирхемы же белые, круглые, привозят к ним из мусульманских стран. Земля болгар в северной стороне, по направлению к полюсу. Между болгарями и Хорезмом путь равен трем месяцам. У болгар два города, имя одному Сувар, другому Болгар; оба города поблизости друг от друга (или в двух днях пути друг от друга); в обоих городах — деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане, по 10 000 человек в каждом городе; они сражаются с неверными. У болгар деревья по большей части хаданк и орешник; в болгарских лесах водятся белки, соболь и другие звери с (ценным) мехом. У болгар летом ночь так коротка, что не успевает вскипеть котелок (или: не успевает человек

пройти более одного фарсаха); зимою же день становится таким же коротким, как ночь летом. Язык болгар походит на язык хазар и буртасов. На восток и юг от болгар — горы» [Заходер. 1962. С. 26–27]. В этих рассказах обращает на себя внимание существование четкой системы сбора налогов с граждан, в соответствии с которой во время женитьбы в пользу казны обязаны были уплатить налог в виде выючной лошади, и отсутствие упоминания о выплате дани хазарам. Таким образом, налицо факт приобретения Волжской Болгарией полной независимости.

Основу экономики Волжской Болгарии составило высокоразвитое плужное земледелие. Согласно сообщению Ибн-Русте, «болгары народ земледельческий и возделывает всякого рода земледельческий хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие» [Хвольсон, 1868. С. 29].

Высокая роль земледелия в жизни болгар неоднократно подчеркнута у Ибн-Фадлана. «Пища их, — пишет он, — просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя... Каждому, кто у себя устраивает свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать отчисление царю, в зависимости от размеров пиршества — (дать) сахрадж (ковш) медового набиза и (некоторое количество) скверной пшеницы. Так как земля их вонючая, а у них нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет (гнилью) и ею нельзя пользоваться... Они делают из ячменя похлебку, которую хлебают девушки и отроки, варят ячмень с мясом, причем господа едят мясо» [Ковалевский, 1956. С. 35; Фахрутдинов, 1984. С. 35]. Палеоботанические исследования позволили установить существование в X в. у волжских болгар паровой системы земледелия.

Из всего вышесказанного предстает прочно налаженное индивидуальное натуральное земледельческое хозяйство. Оно практически мало изменилось через 100 с лишним лет. Об этом свидетельствуют Гардизи и другие авторы. Гардизи, например, сообщает, что у волжских болгар, «существует обработка полей и сев, производятся разные зерновые, как-то пшеница, ячмень, чумиза (тыква), чечевица, Маш (бобы) и, кроме того, всякое другое» [цитируется по: Фахрутдинов, 1984. С. 35].

Важным доказательством роста экономики государства в X–XII вв. является массовое появление и развитие городов. Судя по источникам, к

началу X в. в Волжской Болгарии было только два города — Болгар и Сувар, из которых первый считался столицей. Как указывают сами названия, эти города возникли как центры реально существовавших тогда племенных образований (суварского, болгарского). В пользу этого мнения говорит город Биляр, один из самых крупных и расположенный в восточной окраине государства. Название города не оставляет сомнения, что он возник в земле билярского племенного объединения; а если учесть, что биляры в недавнем прошлом образовали крупное племенное объединение в составе башкир, то можно думать, что город Биляр строился на земле башкир, вошедших в состав Волжской Болгарии. Необходимо также учесть, что этот город расположен на берегу р. Черемшан, служившей условной границей между болгарами и башкирами. Заслуживает внимания то, что на основе не дошедших до нас сведений Н.П. Рычков утверждал, что в Биляре проживало много башкир.

Больше всех была известна столица — город Болгар. Он расположен на высоком берегу реки Волги, где имелась большая пристань для проплывающих по реке судов. Как сообщает Ибн-Фадлан, здесь же имелась торговая площадь [Путешествие Ибн-Фадла. С. 45]. При описании Болгара ал-Балхи характеризует его как «главнейший торговый пункт государства» [Хвольсон, 1868. С. 82]. Многолетними работами Болгарской археологической экспедиции под руководством А. П. Смирнова удалось доказать, что в X–XI вв. город занимал береговую полосу, где имелся глубокий овраг, и имел типичный для этого времени мысовой характер. Выявлены следы цитадели площадью 120 тыс. м², отделенной от городища двумя мощными рядами валов и рвов [Смирнов, 1951; Смирнов, 1972. С. 98–102; Хлебникова, 1975. С. 120–132; Город Болгар, 1987. С. 100–107]. Как известно, цитадель — наиболее укрепленная часть города — предназначалась для пребывания хана или самой привилегированной части жителей города. Остальная часть населения города располагалась за крепостными стенами.

В конце XII в. город достаточно вырос, и была построена новая оборонительная линия, от которых сохранились следы двух рвов глубиной 2,5–3 м, шириной около 5,5 м. Рядом с ними строились мощные крепостные земляные стены (валы), на которых дополнительно имелись укрепления в виде частоколов. Новые крепостные стены предназначались уже для круговой обороны на случай опасности, их сооружение свидетельствует о значительном развитии военного зодчества в Волжской Болгарии. Забегая вперед, отметим, что именно эти новые обо-

ронительные линии были штурмом взяты и разрушены татаро-монголами в 1236 г.

Однако степень изученности города Болгар не соответствует его величине, поэтому о внутренней планировке нам лучше известно по описаниям современников. По словам ал-Балхи, «Болгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть... Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам» [цитируется по: *Фахрутдинов*, 1984. С. 47]. Эти же сведения подтверждает ал-Гарнати, живший в Болгаре в 1134–1153 гг. Его впечатления дают более конкретные сведения: «В середине города, — пишет он, — живет эмир (хан) жителей Болгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление; другая, в которой молится народность, которую называют жители Суvara, она тоже многочисленна... А зима у них холодная. Их зимние дома — из больших бревен сосны, положенных одно поверх другого, а их крыши и потолки из деревянных досок. И разводят они (в домах) огонь, двери же у них маленькие, зашиваемые шкурами с мехом, а внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много. ...А город Болгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов».

Вышеприведенные сведения о том, что вся архитектура города Болгара X — начала XIII вв. состояла из бревенчатых сооружений, очень ценны в том плане, что в противовес им в литературе утвердилось мнение о том, что в Болгаре и других городах Волжской Болгарии домонгольского времени широко были представлены общественные и жилые дома из камня и кирпича. Автором этого принципиального ошибочного мнения является А.Х. Халиков, и его активно поддерживали ученики.

Правдивость информации ал-Балхи и ал-Гарнати о том, что вся архитектура Болгара домонгольского времени состояла из деревянных сооружений, убедительно доказана тщательным анализом состава слоя пожара осени 1236 г., возникшего после взятия города штурмом войсками татаро-монголов. Исследования показали, что строения города были сплошь деревянные и это привело к полному его сгоранию [*Путешествие ал-Гарнати*. С. 27–30; Кавеев и др., 1988. С. 58–71].

Таким образом, все источники единодушно подчеркивают, что строения столицы Волжской Болгарии, включая мечети, в X–XII вв. были деревянные. Следовательно, такими они были и в других городах государства.

Сувар — следующий крупный город Волжской Болгарии X–XII вв. Местонахождение его географы описали так: «Между двумя городами (Болгаром и Суваром. — *Н. М.*) пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов» [*Фахрутдинов*, 1984. С. 47, 48, 55]. Развалины города Сувар теперь точно известны, поэтому установлено, что «пространство пути в два дня» в средневековье составляло 70 км, т. е. 35 км в день.

Развалины Суvara сохранились лучше и проведенные раскопки позволили сделать реконструкцию оборонительных линий. Эта реконструкция дает представление о первоначальном виде крепостных стен не только болгарских городов, но и башкирских на Южном Урале, так как внешне они вряд ли отличались друг от друга. Город был окружен высоким земляным валом, по верху которого шел ряд частокола из вертикально поставленных бревен с заостренным верхним концом. Рядом шел глубокий и широкий ров, куда были вбиты колья — бревна острием вверх. К нему примыкал высокий и широкий основной земляной вал, наверху которого располагалась деревянная стена из двух рядов сруба шириной до 4 м. Через определенное расстояние в этой стене были построены деревянные башни, намного возвышавшиеся над ней [*Фахрутдинов*, 1984. С. 71, рис. 10].

Известно, что в X в. Сувар и Болгар постоянно соперничали друг с другом за право быть столицей. Об этом свидетельствует факт чеканки собственных монет в обоих городах, но с 70-х годов X в. лидерство прочно утвердилось за Болгаром.

Третьим, самым крупным городом Волжской Болгарии, был город Биляр, расположенный на р. Черемшан. Впервые в русских письменных источниках (Лаврентьевская летопись) он упомянут в 1164 г. под названием «Великий город». Второй раз в русских летописях о нем говорится по поводу похода русских князей 1184 г. во главе с Владимирским князем Всеволодом в Волжскую Болгарию. «Приде в землю болгарскую и высад на берег поиде к Великому городу и ста у Тухчин городка, и перестав ту два дни поиде на третий день к Великому городу.. и перешед Черемисан, в два дни наряды полки» [*ПСРЛ*. Т. 1. Стб 389, 390; цитируется по *Фахрутдинов*, 1984. С. 93, 94].

В связи с походами русских князей «Великий город» упоминается в 1220 и 1229 гг., а затем в 1232 и 1236 гг., но уже в связи с приходом монголо-татар. В литературе достаточно ясно разработан вопрос об идентификации «Великого города» с городом Биляр. Фактором, способствующим возникнове-

нию такого единодушия, являются грандиозные размеры города: он занимает площадь 573 га, окружен тремя рядами валов и рвов длиной 11 км, имеет мощные культурные отложения, и поэтому летописцы его достойно выделяли среди остальных болгарских городов эпитетом «Великий». В восточных источниках он всегда назван городом Буляр.

Город имеет подпрямоугольную форму, расположен на сравнительно ровном месте и состоит из двух частей: центральной, огороженной внутренним валом и рвом, и наружной, ограниченной двумя проложенными рядами рвов и валов. Многие исследователи утверждают, что в X–XII вв. на месте города существовало большое открытое поселение, о чем свидетельствуют находки из культурного слоя [Исследования..., 1971; Культура Биляра, 1985; Военно-оборонительное дело, 1985; Новое в археологии, 1979; Посуда Биляра, 1986]. Где-то в середине XII в. здесь были построены оборонительные линии и, таким образом, возникает город-крепость. В целом размеры, форма и обстоятельства возникновения придают Биляру характер уникального памятника. Центральная часть, очевидно, органически соединила два необходимых элемента средневекового города — цитадель и шахристан, а основная площадь принадлежала посадке, т. е. была заселена ремесленно-торговым людом. По своим внешним признакам он не похож ни на один из известных городов Восточной Европы эпохи средневековья и отличается строгостью планировки, что является свидетельством высокого мастерства его строителей-архитекторов. Превращение открытого поселения в город с крепостными стенами историки связывают с переносом в конце XII в. столицы государства в г. Биляр. К этому правителей могли побудить участвовавшие военные набеги русских князей и просто разбойников (ушкунников) из русских земель в г. Болгар, расположенный в открытой и сравнительно доступной местности.

С 1967 г. в городе Биляре систематические полевые работы вел коллектив под руководством профессора А. Х. Халикова. За этот период исследованы десятки жилых и хозяйственных сооружений, производственных комплексов (мастерских) и накоплен богатый вещевой материал (керамика, предметы оружия и орудий труда, украшения и т.п.). Пожалуй, самыми оригинальными являются остатки фундамента большого комплекса дворцовой мечети, состоявшего из деревянного и белокаменного залов, кирпичного дома и других общественных зданий. Значительный объем накопленных материалов уже введен в научный оборот [Халиков, 1973. С. 83–99].

С самого начала появления информации о результатах Билярской археологической экспедиции в 1972–1975 гг. она вызвала большую дискуссию на страницах журнала «Советская археология» [Фахрутдинов, 1974. С. 131–143; Фахрутдинов, 1975. С. 71–79; Фахрутдинов, 1984. С. 54–62, 93–97; Хлебникова, 1975. С. 120–132; Смирнов, 1972]. Она возникла в связи с попытками А.Х. Халикова дать свою интерпретацию материалов раскопок и серьезным искажением как истории города Биляр, так и всего государства Волжской Болгарии. Они обратили внимание на то, что в X–XII вв. Болгар был обыкновенным мысовым городом и в нем отсутствовали монументальные памятники из камня и кирпича. Эти аргументы еще более развернуто были повторены в 2008 г. Р.Г. Фахрутдиновым — одним из активных участников упомянутой дискуссии начала 70-х годов XX в. Попытку приписать городу Болгар X — начала XIII вв. архитектурные монументальные памятники золотоордынского времени он оценивает как «искажение истории города Болгара» и Волжской Болгарии в целом [Фахрутдинов, 2008. С. 5–26]. Материалы дискуссии не были учтены автором, а публикации коллектива Билярской археологической экспедиции развивали первоначальные взгляды руководителя. Концепция авторов в освещении объяснения истории города и государства, изложенная в работах, прямо затрагивает узловые проблемы истории народов Урала и Поволжья, включая историю башкирского народа эпохи средневековья, поэтому необходимо вкратце остановиться на существе споров.

1. А.Х. Халиков утверждал, что город Биляр возник после событий 922 г. (принятие ислама) и строился как столица Волжской Болгарии. Согласно его мнению, упоминаемый в письменных источниках город-столица Болгар и Биляр — один и тот же город. Такой взгляд фактически означает не только произвольное толкование источников, но чтение в письменных источниках того, чего не написано. Выше, например, уже говорилось, что в источниках четко сказано, что главный город волжских болгар X — первой половины XII в. Болгар расположен на берегу р. Волги, к его пристани приставают корабли с различными товарами. Город же Биляр находится на расстоянии около 100 км от Волги, на берегах небольших речек Билярка и Елшанка — притоков р. М. Черемшан. Речь идет о разных и несопоставимых фактах.

2. По мнению А.Х. Халикова, город Биляр (Буляр) погиб в 1236 г. в результате штурма и разрушений монголо-татарами и после не восстанавли-

вался. Данный вывод также полностью расходится с фактами и сведениями письменных источников.

В городе Биляре, как сказано выше, обнаружено много уникальных зданий из камня и кирпича, в то время как во всех источниках X–XII вв. нет ни одного упоминания про них. Все средневековые авторы, в том числе лично проживавший в Болгаре в XII в. ал-Гарнати, особо подчеркивают, что все строения в столице Болгар деревянные. Судя по этим сведениям, в городах Волжской Болгарии в XII в. еще не было ни каменных, ни кирпичных зданий, и в Среднем Поволжье они начали возводиться в массовом порядке лишь в золотоордынское время. Примером сказанному могут служить монументальные архитектурные сооружения в г. Болгар, а также золотоордынские города-столицы в низовьях Волги.

В подтверждение предложенной им самим даты основания города Биляр в пределах X в. и гибели в 1236 г. А.Х. Халиков приводит богатый, но разнообразный по составу археологический материал из раскопок всех лет, время существования которого почему-то ограничивает указанными рамками [Культура Биляра, 1985. табл. III, XIII, XIV, XXXIII, L, LIII–LV, LVIII]. Действительно, среди множества найденных предметов многие бытовали в период X–XII вв., но немало и тех, которые в Урало-Поволжье возникли только в золотоордынское время и продолжали существовать вплоть до XIV–XV вв. включительно. Прежде всего, это железные серпы развитых форм, широколезвийные топоры с бойком, оттянутым внутрь к топорышу, различных инструментарий, кресала, многие типы наконечников стрел, сабель, стремян, плоских гвоздей и т.п.

Уже сам этот перечень состава массовых материалов требует, чтобы при определении даты Биляра не были исключены XIII–XIV вв. При этом нарушено одно из главных требований к подобным исследованиям: если в объектах находятся вместе вещи различного времени, то возраст объектов должен быть определен по поздним вещам. При таком подходе авторы сразу же исключили бы из числа объектов X – начала XIII вв. г. Биляра монументальные архитектурные памятники из камня и кирпича. Как видно из содержания данной главы, метод датировки археологов Татарстана по ранним вещам привел к необоснованному удревнению всех средневековых памятников археологических культур Среднего Поволжья, а при их интерпретации – к смещению последовательности, следовательно, искажению исторических событий.

3. Многочисленные факты неопровержимо свидетельствуют о продолжении жизни в городе Биляре

и после памятного 1236 г. В частности, город Буляр (Биляр) не раз упоминается в письменных источниках эпохи Золотой Орды и даже позднее; он числится в списке городов, завоеванных Тамерланом в конце XIV в. На территории города найдено много золотоордынских монет. Более того, в самом городе Биляре (Буляре) в конце XIII в. чеканились золотоордынские монеты. Здесь, например, чеканились монеты при хане Туда-Менгу (1293 г.), и эти факты наглядно свидетельствуют, что Великий город Биляр не утратил своего столичного значения на всем протяжении XIII в. [Мухаммадеев, 1983. С. 17, 18; Федоров-Давыдов, 2003. С. 12].

Территория бывшего государства Волжская Болгария после 1236 г. на правах самостоятельного улуса полностью вошла в состав Золотой Орды. Сюда приходят вместе с монголо-татарами новые группы кочевых племен (кыпчаки), которые, смешавшись с оставшимися на месте болгарями, образовали ядро окончательно формирующегося этноса волжских татар. В консолидации предков современного татарского народа в рамках единой народности роль Золотой Орды была более весомой, чем это представлено в работах сторонников болгарской теории происхождения. То же самое наблюдается в процессе окончательного формирования башкирского народа.

Помимо трех названных, в письменных источниках XII – начала XIII вв. упоминается еще ряд других городов. Таковы, например, города Тетюши, Хулаш, Ошель, Джукетау, Нухрат и другие [Археология СССР, 1989. С. 208–210; Фахрутдинов, 1984. С. 10, рис. 1; Фахрутдинов, 1984. С. 190–191]. На территории Волжской Болгарии известно 160 городищ, многие из которых существовали в ранге средневековых городов-крепостей. Вблизи них открыты остатки более 300 неукрепленных селищ, где культурные напластования достигают 1 м. Это говорит о прочной оседлости населения.

Крупные города являлись местом сосредоточения мастеров–ремесленников различных профессий: оружейников, гончаров-керамистов, ювелиров, кузнецов-металлургов и т. п. Для них характерна высокая степень специализации, о чем свидетельствует стандартизация изделий и широкое распространение их среди народов Урало-Поволжья. К их числу следует отнести, например, косы-горбуши, серпы, лемеха, сошники и другие земледельческие орудия труда. Основная их часть реализовывалась через рынок. Болгарские ювелиры в совершенстве знали различные методы литья, технику скани, черни и эмали, что позволяло выработать собственные оригинальные формы предметов украшений.

Высокий уровень производства и культуры позволили занять Волжской Болгарии достойное место среди развитых государств Европы и Востока. Известно, что болгары поддерживали торгово-экономические, дипломатические и иные связи на различном уровне с русскими княжествами, Дунайской Болгарией, Венгрией. Что касается связей с югом (Средняя Азия, Арабский Халифат), то они получили еще более широкий размах после принятия ислама. Прочно усвоив передовую научную, философскую и художественную литературу Востока и Запада, Волжская Болгария создала собственную научно-литературную школу. Одним из ее представителей был Якуб ибн Ногман ал-Болгари, башкир по происхождению, проживавший в городе Биляре (умер в 1165 г.). Он является автором не дошедшей до нас книги «История Болгарии». Очевидно, данный труд был известен Ал-Гарнати, который особо подчеркнул, что многое о болгарях он почерпнул из упомянутого труда ал-Болгари [*Путешествие ал-Гарнати*. С. 31]. Он был известен также Казвини и другим современникам, которые сохранили о нем свои упоминания. На основании этих сведений Ал-Болгари вошел в текст Исламской энциклопедии, изданной в 1942 г. в Стамбуле [*Энциклопедия ислама*. С. 328].

В своем труде ал-Гарнати передает интересный рассказ о болезни жены болгарского хана. В этот момент к ним «приезжает один человек из мусульманских купцов... из Бухары, а он был факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился недуг, так что они стали оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить Вас и Вы поправитесь, то примите мою веру». Оба они сказали «Да». Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны» [*Путешествие ал-Гарнат*. С. 31].

Большой знаток башкирской, татарской и болгарской литературы академик Г.Б. Хусаинов считает, что вышеприведенный сюжет мог присутствовать в труде ал-Болгари «История Болгарии», откуда еще через много поколений был заимствован и развит в творчестве поздних башкирских писателей и историков Хисаметдина Муслими, Тажетдина Ялсыгула и Гали Сокоря. На этом основании он приходит к заключению, что «История Болгарии» ал-Болгари имела популярность у народов Урало-Поволжья и целые ее куски, разделы как легенды передавались из поколения в поколение, как форма изложения заимствованы башкирскими шежере.

ПЛЕМЕНА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

В период средневековья ближайшими северными соседями башкир были оседлые охотничье-земледельческие племена Пермского Предуралья (Среднее и Верхнее Прикамье), оставившие памятники ломоватовской и более поздней родановской археологических культур.

Традиционно период средневековья в Пермском Предуралье связывают с четырьмя археологическими культурами ломоватовской (VII–IX вв.), неволинской (VI–VIII вв.) и сменившими их родановской (IX–XV вв.) и сылвенской (X–XV вв.). Выделяют также особый харинский этап, предшествовавший ломоватовской культуре на Верхней и Средней Каме (IV–VI вв.). Однако в связи с утверждающимся в последнее время мнением о тесной культурной близости ломоватовской и неволинской культур и культурной непрерывности между поздним ломоватово и ранним роданово представляется более целесообразным этнокультурную историю населения лесного Прикамья рассматривать не по археологическим культурам (понятиям весьма условным), а по этнокультурным этапам: харинский (IV–VI вв.) ломоватово-неволинский (VII–XI вв.) и родановский (XII–XV вв.). Вопрос о сылвенской культуре был закрыт в результате работ археологов КВАЭ УдГУ, доказавших отсутствие преемственности между неволинским населением и теми редкими группами людей, которые оставили некоторые археологические объекты XII–XV вв. в Сылвенском поречье. Последние, скорее всего, были отдельными группами угрозычного населения, обитавшего позже в Башкортостане и Татарстане и связанного с этногенезом башкир.

Изучение средневековых древностей Пермского Предуралья было начато еще в XVIII в., когда капитан Н.П. Рычков посетил, описал и собрал древности из ряда т.н. «чудских» городков Прикамья. Им, в

частности, описаны Рождественское, Филипповское, Губинское, Вильгортское и ряд других городищ Пермского Предуралья. В 1819 г. на городищах Искор, Пянтежском и поселении Урол В.Н. Берхом, чиновником Пермской казенной палаты, были проведены первые археологические раскопки средневековых памятников в Прикамье. Огромный вклад в развитие археологических исследований прикамского средневековья внесли Теплоуховы. А.Е. Теплоухов обследовал Рождественское, Лаврятское, Кудымкарское средневековые городища, Бакинское селище. Ф.А. Теплоухов провел разведки и раскопки на Верхней Каме, опубликовал работы по истории средневекового земледелия, торговли и торговых путей, религиозных представлений Камской Чуди.

В 1895 г. президент Французского национально-го общества древностей барон де Бай произвел раскопки Качкинского курганного могильника. В 1898–1899 гг. Н.Н. Новокрещенных, председатель Пермской ученой архивной комиссии и основатель Пермского краеведческого музея, провел раскопки курганных могильников на р. Сылве около г. Кунгура. В 1894 и 1898 гг. ряд средневековых памятников Прикамья был обследован А.А. Спицыным. По заключению А.А. Спицына, эта местность была настолько богата памятниками, что почти в каждом селении ему удалось приобрести древние вещи. Последний раз А.А. Спицын был на Верхней Каме в 1901 г. В это время обследован могильник VI–VII вв. у д. Грудята на р. Ломоватовке, осмотрены местонахождения у д. Зобачева и Маркова, а также раскопаны 47 погребений на Деменковском могильнике VII–IX вв. Памятники V–XIV вв. в отдельную категорию впервые были выделены А.А. Спицыным в опубликованном им в 1902 г. альбоме с изображениями предметов из кол-

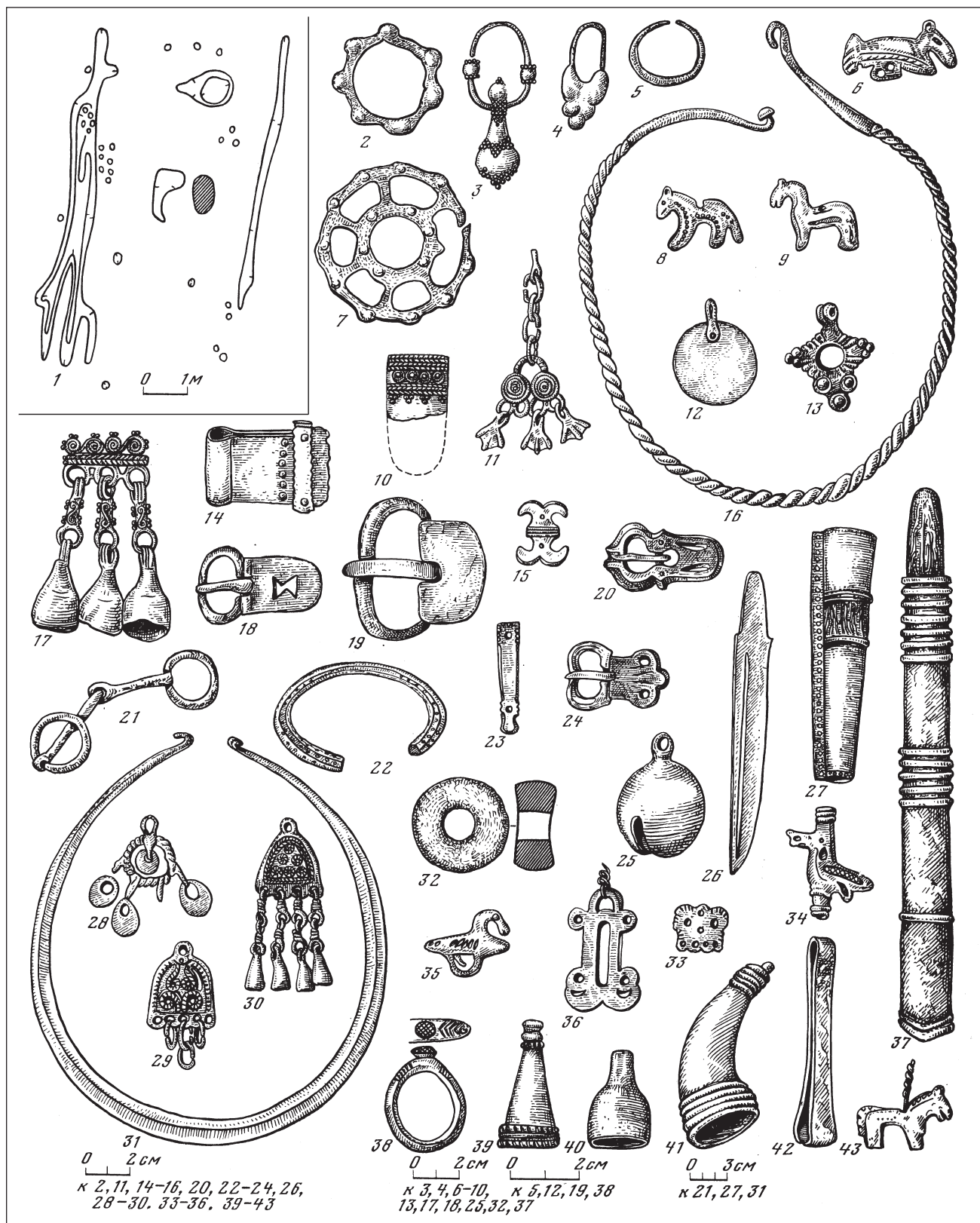

Рис. 7. Древности ломоватовского этапа. Материалы Урьинского, Каневского, Горт-Кушетского, Баяновского, Плесинского и Деменковского могильников.

1–5 – серебряные серьги; 6–11, 20 – шумящие подвески из бронзы; 12–14 – бронзовые подвески; 15–17, 19, 22 – бронзовые украшения костюма; 18 – бронзовый браслет; 21, 23 – гребни из рога; 24 – костяная ложка; 25 – серебряный наглазник от погребальной маски; 26 – железные удила; 27 – железное стремя; 28–29 – железные рабочие топоры; 30–34 – железные наконечники стрел; 35 – железный боевой топор; 36, 39 – костяные копоушки; 37 – железный нож; 38 – железный наконечник копья; 40 – костяной наконечник стрелы; 41 – глиняный тигель; 42 – железный наконечник мотыги; 43–44 – глиняные сосуды. По *Археология СССР*, 1987. Табл. LXIV.

Рис. 8. Древности ломоватовского этапа. Материалы Зародятского селища, Каневского, Харинского, Агафоновского, Плесинского, Поломского, Урынского, Деменковского, Бурковского, Неволинского, Митинского, Важгортского и Пыштайинского могильников.

1 — план жилища; 2–5, 7 — бронзовые серьги; 6, 8, 9, 35, 43 — зооморфные подвески из бронзы; 10, 14, 23 — бронзовые наконечники поясов; 11, 17, 28–30, 33 — шумящие подвески из бронзы; 12 — монетовидная подвеска; 13, 33, 36 — бронзовые подвески; 15 — бронзовая поясная накладка; 18–20, 24 — бронзовые пряжки; 21 — железные удила; 22 — бронзовый браслет; 25 — бронзовый бубенчик-пуговица; 26 — железный кинжал; 27, 37 — ножи (реконструкция); 16, 31 — бронзовые гривны; 32 — глиняные пряслица; 34 — бронзовая пронизка; 38 — бронзовый перстень; 39–40 — бронзовые подвески-колокольчики; 41 — бронзовая роговидная подвеска; 42 — бронзовый пинцет. По *Археология СССР*, 1987. Табл. LXIII.

Рис. 9. Древности родановского этапа. По материалам Анюшкар, Родановского, Лаврятского, Кудымкар и Рождественского городищ, Каневского, Даниловского, Баяновского и Загарского могильников.

1 — план постройки; 2 — глиняная льячка; 3 — слиток меди; 4 — рыболовный крючок из железа; 5—6 — глиняные тигли; 7—9, 14—15, 26 — шумящие украшения из бронзы; 10 — костяная ложка; 11 — железный наральник; 12, 13 — железные рабочие топоры; 16, 18 — серебряные серьги; 17 — железная острога; 19 — флаконовидная подвеска из бронзы; 20 — амулет из бронзы; 21 — глиняное пряслице; 22 — нашивка на одежду из кости; 23 — глиняный сосуд; 24 — костяная рукоятка для шила; 25 — роговой гребень; 27 — роговая накладка на лук; 28 — железный наконечник мотыги; 29—32 — железные наконечники стрел; 33 — железный серп; 34 — железное стремя; 35 — железные ножницы; 36—37 — железные ножи.

По Археология СССР, 1987. Табл. LXV.

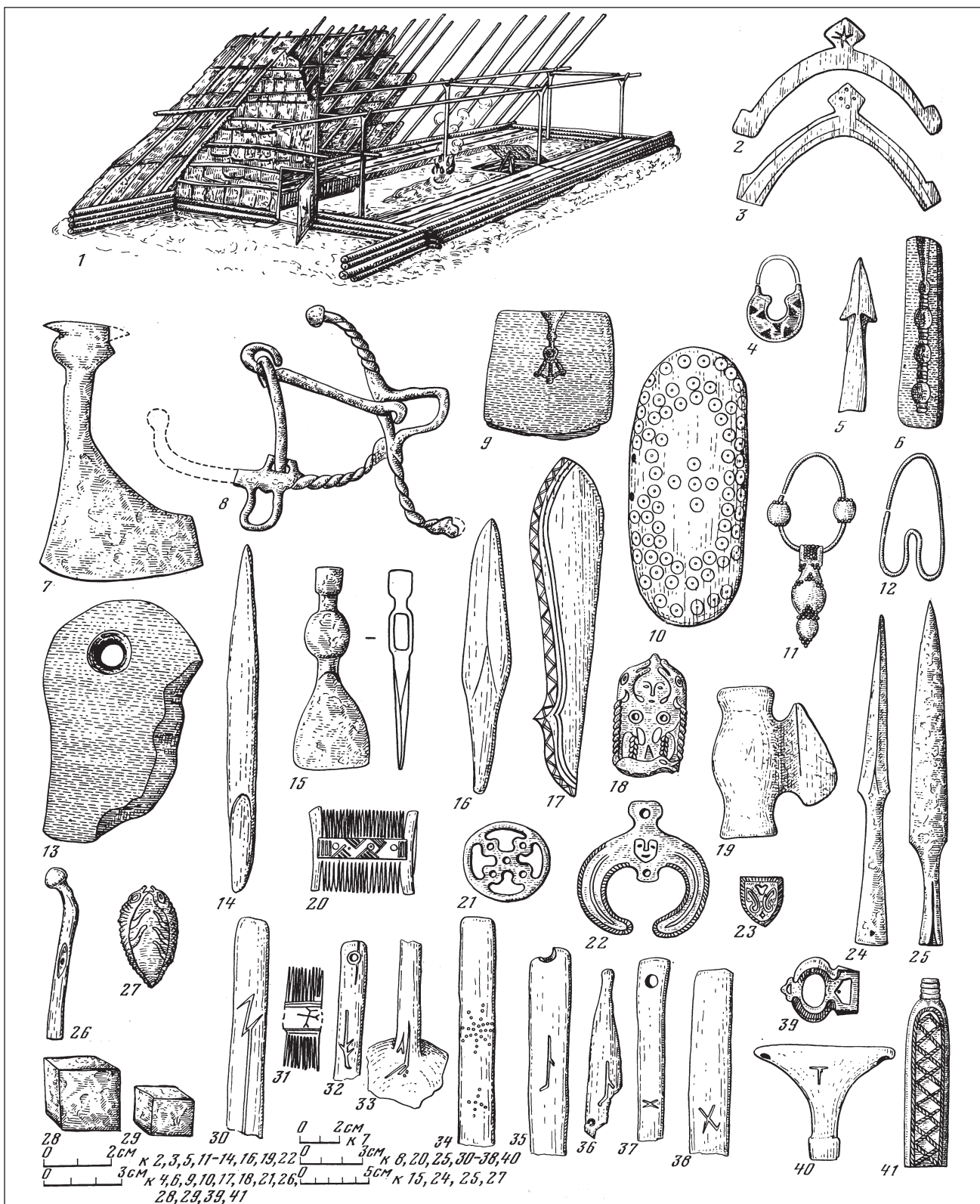

Рис. 10. Древности родановского этапа. По материалам Аношкар, Родановского, Городищенского и Кудымкар городищ, Рождественского, Баяновского и Омелинского могильников.

1 – реконструкция жилища Родановского городища; 2, 3 – костяные ремизки от ткацкого станка; 4, 11, 12 – серебряные серьги; 5, 14, 16 – костяные наконечники стрел; 6, 9 – каменные литейные формы; 7, 15 – железные боевые топоры; 8 – железные удила; 10 – костяной предохранительный щиток для стрельбы из лука; 13 – каменное грузило для сети; 17 – костяная петля для подвешивания налущья; 18, 27 – бронзовые амулеты; 19 – костяное навершие плети; 20 – роговой гребень; 21–22 – бронзовые подвески; 23 – бронзовая поясная накладка; 24–25 – железные наконечники стрел; 26 – охотничий манок из кости; 28–29 – железные гири; 30–38, 40 – предметы из кости с тамгообразными знаками; 39 – бронзовая пряжка; 41 – бронзовая флаконовидная подвеска. По *Археология СССР*, 1987. Табл. LXVI.

лекции Теплоуховых [Спицын, 1902]. Спицын также впервые систематизировал находки пермского звериного стиля и в большой работе 1906 г. «Шаманские изображения» дал их хронологию.

В 1920–1930-е гг. сотрудниками Камской экспедиции ГАИМК А.В. Шмидтом, Н.А. Прокошевым и особенно М.В. Талицким были предприняты широкомасштабные исследования памятников средневековья в Верхнем Прикамье. Итогом этой деятельности стало открытие более 40 новых, ранее не известных средневековых памятников.

Тогда же А.В. Шмидтом была выделена ломоватовская археологическая культура, получившая свое название по речке Ломоватовке, в бассейне которой еще в XIX в. было найдено множество типичных для неё вещей и памятников.

Позже археологические памятники ломоватовской культуры изучали А.П. Смирнов, М.В. Талицкий, В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, Р.Д. Голдина, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. Особенно крупный вклад в изучение ломоватовских древностей внесли В.Ф. Генинг [Генинг, 1964; Генинг, Голдина, 1970], Р.Д. Голдина, обосновавшая в ряде монографий и статей культурное единство, хронологию и особенности хозяйства ломоватовской культуры [Голдина, 1977; Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989], и Н.Б. Крыласова, систематизировавшая мир повседневной культуры ломоватовских племен и систему знаний, представлений и общественных норм [Крыласова, 2007].

В настоящее время ломоватовская культура, насчитывающая около 400 городищ, селищ, могильников, кладов (святилищ) и отдельных местонахождений, представляется одной из наиболее изученных археологических культур Урала и Поволжья (рис. 7). Раскопкам (разной площади) подверглось 28 городищ, 14 селищ, 19 могильников VII–XI вв.

Картографирование памятников ломоватовской культуры показывает, что чаще всего они располагаются территориальными «гнездами», состоящими, как правило, из 1–2 городищ, 2–4 селищ, 1–3 могильников. Наличие между ними территорий, где ломоватовских памятников неизвестно вообще, позволяет видеть в этих «гнездах» территории отдельных родов с прилегающими к ним охотничьими угодьями.

Ломоватовские могильники представлены курганными и бескурганными кладбищами, расположенными на небольших всхолмлениях по берегам рек. Многие курганные могильники имеют более поздние бескурганные части. В курганах прослеживаются внутримогильные сооружения в виде одновенцовых срубов или гробовищ из досок. Бескур-

ганные могильники наиболее характерны с VII в. Наиболее значительны раскопки Агафоновского II могильника, где Р.Д. Голдиной вскрыто более 450 погребений, Огурдинского и Рождественского могильников, на каждом из которых Н.Б. Крыласовой изучено более 200 захоронений.

В целом могильники использовались по несколько столетий. Многие бескурганные могильники, возникнув в VII–VIII вв., существовали вплоть до XI–XII вв. Как правило, такие могильники занимают обширную площадь и содержат по несколько сотен погребений. Захоронения располагались рядами, погребенный укладывался ногами к реке. Неглубокие могильные ямы прямоугольные или овальные, в них иногда прослеживаются долбленные колоды, гробовища из досок, дощатые погребальные настилы, опирающиеся на специальные ступеньки-заплечики, вырезанные из грунта. В этом случае захоронения могут быть охарактеризованы как почти наземные, так как погребенный находился над могильной ямой и проваливался в нее только по мере сгнивания помоста. Такой обряд наиболее характерен для VII–XI вв.

В могилы, кроме вещей, находящихся на парадных одеждах погребенного, укладывали его личные вещи, как правило, связанные с его социально-производственными функциями при жизни, а также сосуды с заупокойной пищей. В мужских погребениях зачастую находят предметы вооружения и боевого снаряжения: боевые топоры, наконечники стрел, копий и дротиков, режущие сабли и палаши. Найдены детали сложных луков, накладки и крюки от колчанов, а также детали узды коня, стремяна, фрагменты седельных накладок. Весьма интересны находки палашей в двух погребениях Плесинского могильника (Коми-Пермяцкий округ) в деревянных крашеных коричневой краской ножнах с серебряными накладками и наконечниками и серебряными навершиями на деревянных рукоятях. Эти предметы вооружения имеют привозной, восточный или южный, характер.

Весьма частыми находками, преимущественно в мужских погребениях, являются находки черепов и конечностей коня. Кости животных (в т.ч. лошади) встречены в 18,5% погребений VI вв., в 17,1% погребений IX–XI вв. и почти исчезают в XII–XIV вв. – 2,5%. Отметим, что, по данным венгерских археологов, захоронение с костями лошади и оружием являлось привилегией высших слоев венгерского общества в Паннонии в IX–X вв. В погребениях IX–XI вв. конское снаряжение имеется в 6% могил (на Плесинском могильнике в каждом пятом погребении), кости лошади (в частности, нижняя челюсть)

встречены в 20% погребений (преимущественно мужские) Рождественского языческого могильника X–XI вв., удила и кости лошади встречены в ряде погребений могильников Огурдинский и Телячий Брод, раскопанных в 1980–1990-х гг. На ряде могильников (Деменковский, Каневской, Баяновский, Телячий Брод, Огурдинский и пр.) встречены жертвенные комплексы в междумогильном пространстве, в составе которых есть кости ног и черепа лошадей. Ритуальный ровик с выкладкой из нижних челюстей лошадей встречен на могильнике Телячий Брод в 1987 г.

В ряде случаев прослеживаются погребальные лицевые покрытия из ткани с нашитыми на них наглазниками и наротниками из бронзы, серебра, реже золота (рис. 7, 25). В нескольких случаях на лицевых отделах черепов найдены погребальные цельнометаллические маски из листового серебра с чернью и гравировкой, иногда имеющие портретный характер (Огурдинский, Баяновский и Рождественский могильники). В целом подобные элементы в Волго-Камье и в Зауралье считаются характерными для угорской погребальной обрядности. По материалам древневенгерских могильников IX–X вв. (периода «обретения Родины») установлено, что захоронения с костями лошади, лицевыми покрытиями и оружием являлось привилегией высших слоев ранневенгерского общества в Паннонии. Остальные черты погребальной обрядности, упомянутые выше, в той или иной мере характерны, по мнению Ч. Балинта, для ранних венгров конца IX–X вв.

Ломоватовские неукрепленные селища располагаются по берегам рек в сухой высокой пойме или на краю коренных береговых террас. Селища чаще всего находились недалеко от городищ, но в глухих районах они образовывали группы незащищенные городищами. Мощностъ культурного слоя на селищах составляла в среднем 0,2–0,4 м, но некоторые из них имели слой и до 0,6–1,0 м. Укрепленные поселения городища – сооружались, как правило, на мысах. Оборонительные сооружения обычно просты: вал и ров перед ним с напольной стороны, реже сооружались валы и, видимо, частоколы по краям мысовой площадки городища. К IX–X вв. на ряде городищ появляются дополнительные системы укреплений, количество валов доходит иногда до 3–4 (городища Володин-Камень, Соломатовское). По гребням валов шли частоколы из бревен (Анюшкар, Редикор и др.), и такой же частокол – по краям площадок. Площадки подсыпались глиной и щебенкой, иногда искусственно срезались, образуя уступы (Кыласово, Петуховское, Гырчиковское и

др.). В результате земляная часть валов вместе с частоколами образовали стену высотой до 5 м. Площадь городищ обычно 4–9 тыс. кв. м., но встречаются и значительно более крупные памятники (Губинское, Рождественское городища). Мощностъ культурных отложений на некоторых городищах составляет более 1 м. Жилых сооружений изучено не много, они найдены на Шудьякаре (3), Анюшкаре (7), Родановом (6), Рождественском (7), Кудымкарском (3) и по одному на Искорском, Лаврятском, Корнинском городищах и на Баяновском, Пеняхинском, Вакинском, Чашкинском II, Запосельском и Русиновском II селищах. Они представляли собой легкие наземные однокамерные жилища столбовой конструкции (Чашкинское 2-е селище) либо бревенчатые срубные наземные сооружения. Такие наземные дома прямоугольные в плане, имеют в основании деревянный сруб, глинобитный пол, остатки столбов для опоры кровли, чаще всего сделанной из жердей и крытой корой или берестой, остатки которой обнаруживаются в раскопках. В VII–XI вв. нижние венцы сруба чаще всего укладывались в неглубокие канавки, жилища имели площадь до 40–70 кв. м. Выступающие над поперечными боковые стены сруба образовывали крытый тамбур (сени) перед входом. Отапливались и освещались жилища с помощью очагов, расположенных на глиняных или галечниково-глиняных площадках, в VIII–X вв. появляются очаги-каменки, послужившие основой для возникновения печей. Возможно, под влиянием волжских болгар в X–XI вв. в жилищах у поздних ломоватовцев возникли печи-чувалы.

Хозяйство ломоватовцев было комплексным. Его основу составляли подсечное лесное земледелие и пастушеское скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей. Активно занимались охотой, бортничеством, рыбной ловлей. Как показывают данные палеоихтиологии, в прикамских реках «ломоватовцы» ловили лещей, шук, сазанов. Но главной породой добываемых рыб были осетровые. Ловили осетров размерами более 2 м, белуг до 3,1 м. Собака использовалась не только на охоте, но и как ездовое животное, о чем говорят костяные части поводка для их привязывания, вертлюжков от упряжки и застежки-пясики на Анюшкаре и Рождественском городище. В ломоватовское время возросло значение промысловой охоты, особенно пушной. Первое место в промысле занимал бобр. Добыча бобра шла повсеместно, и кости его составляли до 50% всех диких животных. Кроме бобра, добывались горностай, соболь, куница, белка. Меха пушных животных стали основным

эквивалентом в транзитной торговле. Ради мяса охотились на лося, кабана и северного оленя. Северный олень использовался не только на мясо, но и как ездовое или тягловое животное. На Анюшкаре найдены костяные части уздечки оленя, плоские застёжки оленьих намордников, две дуги с отверстиями на сгибах -переходники для крепления нарт. Наборы составных частей от оленьей упряжи найдены также на Купросском и Рождественском городищах. Основным орудием охоты был сложный лук из дерева и костяных пластин. Костяные пластины от него найдены на Анюшкаре, Рождественском, Искорском, Редикорском, Лаврятском городищах и других памятниках. Встречены также щитки для защиты руки и костяные крючки для натягивания тетивы. Для подманивания птицы применяли костяные манки из полых костей птиц с отверстиями.

У ломоватовцев были хорошо развиты разнообразные домашние производства: прядение, ткачество, обработка кожи, дерева. Косторезное дело к X—XI вв. перерастает в ремесло. Стадии ремесленного производства у ломоватовцев достигли металлургия и металлообработка. Причем, судя по погребениям, обработка железа была мужским, а обработка бронзы — женским ремеслом. Вероятно, в Прикамье сложился особый ювелирный центр, продукцией которого (перстни, браслеты, височные подвески и металлическая посуда из серебра) активно торговали на Севере Предуралья (страна Йура) и в Западной Сибири (страна Мрака) купцы «чулымские» — местные торговые партнеры волжских болгар. В VIII—X вв. появляется особый тип археологического памятника ремесленные поселки. Как правило, они располагались обособленно от поселений, чьи жители занимались в основном сельским хозяйством и охотой. Выделение ремесел способствовало развитию обмена, и многие из таких ремесленных центров становились крупными торговыми центрами. Кроме специализированных поселков, ремесла расцвели и на крупнейших поселениях: городища Рождественское (город Афкула), Анюшкар, Соломатовское, Городищенское. Судя по картографии знаков личной собственности — пуссов (тамг), которые могли быть и знаками производителей, косторезным делом в Прикамье в позднемомоватовское время занималось несколько локализованных ремесленных родов.

Материальная культура ломоватовцев представлена разнообразными украшениями костюма, предметами вооружения и снаряжения охотника и воина, различными орудиями труда и бытовыми предметами. Наиболее массовой категорией нахо-

док на поселениях ломоватовского этапа являются фрагменты глиняной посуды. Посуда представлена сосудами в виде лепных круглодонных чаш разного размера и функционального назначения. По данным Р.Д. Голдиной, керамика ломоватовского времени может быть в целом охарактеризована как гребенчато-шнуровая, и количество шнура на посуде VII—X вв. доходит до 49% (селище Ором). В более позднее время количество шнура несколько уменьшается, хотя шнуро-гребенчатая орнаментация представлена практически на всех так называемых раннеродановских (поздних ломоватовских) памятниках (рис. 7, 44). Она составляет от 2 до 35% среди поселенческой керамики X—XII вв., в материалах могильников, где в силу традиционности погребального обряда дольше сохраняются ранние черты, количество шнуровой орнаментации близко к показателям ломоватовского времени. Так, в керамическом комплексе X—XI вв. Рождественского могильника шнуровой керамики 42% — подавляющее количество.

Исчезновение шнуровой орнаментации в Верхнем Прикамье, очевидно, произошло в XII—XIII вв. В то же время она сохраняется на керамике камского и постневолинского облика в Волжской Булгарии домонгольского и даже золотоордынского времени как маркер потомков ломоватово-родановцев и неволинцев, переселившихся сюда в IX—X вв. Аналогичную прикамской шнуро-гребенчатую орнаментацию, которая в Прикамье, как и в Зауралье, располагалась на сосудах поясами, известный отечественный археолог В.Н. Чернецов связывает с протомансийскими племенами лесных утров.

Начиная с IX столетия среди посуды встречаются привозные из Волжской Булгарии гончарные керамические кружки, сковороды, светильники, кувшины. Эта посуда привлекала жителей Предуралья своими высокими потребительскими качествами и нарядностью.

Массовыми находками являются бронзовые и значительно реже — серебряные украшения и детали костюма: поясные накладки, браслеты, височные подвески и серьги, наконечники и нагрудные шумящие подвески.

В качестве основных видов наконечников у ломоватовского населения Прикамья использовались арочные, биконьковые, колесовидные, умбонovidные шумящие подвески (рис. 7, 6—11). Большинство украшений-наконечников были связаны с идеей родов, а также обладали функцией защиты этого важнейшего женского качества.

Арочные подвески с простой пластинчатой основой в харинское время, литые ажурные с изоб-

ражением ростка (арочные подвески "прикамского типа") или медведя, характерные для ломоватовского периода, высокохудожественные ювелирные изделия, украшенные зернью и сканью, с позолоченным фоном и вставками из полудрагоценных камней, известные в X–XII вв., довольно часто встречаются на большинстве средневековых могильников не только Пермского, но и Южного (Башкирского) Предуралья. Среди них наиболее распространенными были подвески с изображением стилизованного ростка на основе. Привесками к ним служили в более ранний период – утиные лапки (рис. 7, 6–7), а позднее – гладкие конические колокольчики (рис. 7, 11). Изображение ростка, как известно, связано с идеей зарождения новой жизни, плодородия.

Биконьковые подвески – это шумящие украшения, в основе которых лежит изображение двух голов коней на длинных шеях, развернутые в разные стороны (рис 7, 10). Образ двух противопоставленных голов коней встречался еще на ранних подвесках и пронизках харинского этапа IV–VI вв. н.э. Наиболее массово эти подвески представлены на территории Пермского края, но хорошо известны также и в родственных культурах от Западной Сибири до Поволжья, в салтово-маяцкой культуре, как показатель наличия тесных этнокультурных контактов. Образ коня, по мнению большинства исследователей, занял место солярных знаков в костюме, а в мифологии – древних космогонических образов лося-олени и медведя, также он связывается с культом Матери всего земного Земли, покровительствующей рождению детей, и с культом солнца. Привески в виде лапок водоплавающих птиц (утки, гуся) в представлении древнего населения, очевидно, связаны были с водной стихией и ее животворными свойствами, и со стихией небесной воды – дождя, от которого зависит плодородие полей. Вместе с тем привески-лапки подчеркивают включение данных украшений в трехчастную вертикально организованную модель вселенной, т.к. в финно-угорской, башкирской мифологиях подземный мир часто ассоциировался с подводным. Коньковые и арочные подвески т.н. «прикамских типов» наиболее широко распространены на территориях с преобладанием угорского этнического компонента.

Данные наконечники входили в женские костюмные комплексы, типичные для кушнареновско-караякуповских памятников на территории современной Башкирии, которые интерпретируются как протомадьярские. Характерны они и для неволинской культуры в бассейне р. Сылвы, на формирова-

ние которой, по мнению многих археологов, оказали влияние переселенцы из степных и лесостепных районов Южного Приуралья и Западной Сибири угорского происхождения. Аналогичные подвески достаточно широко встречаются и в угорских могильниках Западной Сибири. Причем арочные наконечники сохранились у сибирских женщин и в более позднее время. Арочные и биконьковые подвески-наконечники широко представлены и на мадьярских могильниках с территории Волжской Болгарии. Таким образом, можно считать, что наконечники с арочными и коньковыми подвесками "прикамских типов" являются элементом костюма, характерным для угров.

Из богатых мужских захоронений, сопровождающихся мечами, другим оружием, серебряными погребальными масками и пр., происходят серебряные с позолотой подвески с всадником, располагающиеся обычно в области шеи. Вероятно, это были не просто украшения, а знаки принадлежности к социальной элите.

Среди дополнительных элементов костюма чрезвычайно важную роль играл пояс. В VIII–X вв. характерным было использование накладок и пряжек салтовского типа. Иногда пояс украшало от 2 до 7 привесок, которые свисали как бахромы. Но особенно характерными для женских поясов были привески в виде низок бронзовых бус и пронизок. В VII–IX вв. в составе таких привесок использовались довольно крупные прорезные пронизки, низки завершались рожковой пронизкой. В VII–VIII вв. нередко встречались пронизки в виде крылатого пса Сенмурва – образ, заимствованный из иранского (сасанидского) искусства (рис. 8, 34). Но чаще всего в наборах поясных привесок присутствуют пронизки в виде утки или лебедя (рис. 8, 35), медальончики, которые, по всей видимости, служили туалетными коробочками. На поясе носили и игольнички.

На поселениях встречены железные и костяные наконечники стрел, железные наконечники копий, пик и дротиков, железные ножи, сверла, топоры, мотыги.

Верхнее Прикамье хорошо известно своими кладами, в составе которых имеются различные предметы иранской, хорезмийской и византийской торовитики из серебра: блюда, чаши, ведра, ладьи. В кладах много украшений, серебряных поясных наборов, шейных гривен т.н. "глазовского" типа (название по месту массовых находок), восточных монет и т.п. Большинство кладов с восточным серебром из Прикамья датируются VII–X вв. Клады серебра, по мнению большинства исследователей,

маркируют святилища эпохи средневековья. Угорские святилища характерны богатством и разнообразием приносимых в жертву и используемых во время шаманских обрядов металлических (бронзовых и серебряных) изделий. По мнению В.Ю. Лещенко [Лещенко, 1976], металлическая серебряная посуда символизирует на этих святилищах разнообразных угорских божеств.

По наблюдениям В.Ю. Лещенко, на территорию Пермского Предуралья приходится более половины всех известных в мире кладов восточного серебра. Самое многочисленное поступление посуды приходится на IX–XI вв. — это серебряные сосуды сасанидского и среднеазиатского происхождения. Найдена в Пермском Предуралье и драгоценная византийская посуда (блюда со славянскими надписями из деревень Мальцево и Сальниково, рельефная чаша с изображением Федора Стратилата из д. Пеняхино). Во многих кладах вместе с сосудами обнаружены среднеазиатские куфические и арабские монеты, серебряные украшения болгарского и русского ремесла. Встречались большие клады арабских дирхемов. В Пермском Предуралье, помимо хорошо известного в литературе Аниковского клада 1860 г. из Чердынского уезда (50 монет начала X в.), имеется еще ряд не описанных в нумизматической литературе кладов дирхемов. Так, в сводке монет из архива А.А. Спицына учтен клад из Чердынского уезда 1860 г. из 6000 арабских монет, Чердынский клад из 49 монет 895–908 гг., клад из с. Макар (Майкар?) — более 1000 дирхемов. Теплоуховы в своем «Дневнике» сообщают о монетно-вещевом кладе в д. Коча Губинской волости, где найдены складные весы и несколько десятков монет — целых и обломанных. Клад в 217 арабских монет IX–X вв. найден в 1949 г. у д. Горбуново, неподалеку от Редикарского городища, и хранится в Чердынском музее.

В составе кладов X–XII вв. оседали серебряные монетные гривны новгородского, киевского и черниговского типов. Так, в состав Чигиробского клада, по описанию В.П. Даркевича, входят помимо ромбической гривны черниговско-киевского типа еще и восточный серебряный сосуд с куфической надписью и серебряный китайский ямб XI–XII вв. Три монетные гривны киевского типа входили в состав клада, найденного у д. Малый Шакшер. В этом же кладе имеются серебряная арабская чаша XI–XII вв. и гривны глазовского типа. Монетные гривны древнерусского происхождения найдены в составе Мало-Аниковской находки и находки в д. Вотяки. Часть кладов, вероятно, зарыта в середине XIII в., что, возможно, связано с монголо-татарским

нашествием или начавшейся активной экспансией финнов.

Родановская археологическая культура была выделена М.В. Талицким. Свое название она получила по итогам крупных работ М.В. Талицкого у д. Городище (Роданово городище) на Каме неподалеку от пос. Пожва в 1936–1937 гг. Им было вскрыто более 700 кв.м, материалы этих раскопок были положены в основу первого крупного монографического исследования средневековой археологии Прикамья «Верхнее Прикамье в X–XIV вв.» [Талицкий, 1951]. В послевоенный период работы по изучению родановской культуры были расширены в КАЭ ПГУ под руководством О.Н. Бадера и В.А. Оборина. В.А. Обориным были определены границы культуры, уточнена ее датировка (IX–XV вв.), определена периодизация, этнические признаки, прослежена преемственность с предшествующими культурами железного века [Оборин, 1956]. Дано обоснование принадлежности этой культуры предкам коми-пермяков [Оборин, 1970], выделены варианты и отдельные группы, внесены уточнения в характеристику хозяйства и общественного строя [Оборин, Балашенко, 1968; Оборин, 1999].

КАЭ ПГУ провела более 70 разведочных маршрутов, которые охватили все течение Камы от истоков до р. Чусовой, а также крупные и мелкие притоки Камы и водоразделы, проведены раскопки более чем 20 родановских памятников. Камско-Вятская экспедиция УдГУ под руководством Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина провела более 10 разведочных маршрутов и раскопки 13 памятников родановской культуры в Афанасьевском районе Кировской области. Камской археолого-этнографической экспедицией ПГПУ (А.М. Белавин, Г.Т. Ленц, Н.Б. Крыласова) были обследованы Усольский, Соликамский и Чусовской районы, впервые выделены средневековые памятники в Сивинском районе Пермской области и проведены раскопки 12 памятников развитого средневековья.

Несмотря на хорошую изученность родановской культуры в оценках её периодизации, хронологии и этнической принадлежности, имеется много неясного и спорного. Так, В.Ф. Генингом и А.М. Белавиным был выделен переходный период между ломоватовской и родановской культурами: — по мнению В.Ф. Генинга, — IX–X вв., а по мнению А.М. Белавина, X–XII вв. И.В. Бочаров методом математической статистики определил, что правомернее относить древности до XI–XII вв. к ломоватовскому этапу и предложил не выделять ломоватовскую и родановскую культуры, а вычленив несколько этапов в периоде средневековья в

Предуралье [Бочаров, 1997]. К развитому средневековью, по его мнению и мнению А.М. Белавина, относятся только родановские древности XII–XV вв. Н.Б. Крыласовой подробно изучен родановский костюм IX–XI вв., однако его характер расценен как угорский [Крыласова, 2001]. А.Х. Халиков на VI международном конгрессе финноугроведов также вернулся к точке зрения Теплоуховых о поздней миграции предков коми-пермяков (XI–XII вв.) с Вычегды и о смене ими угорского и тюркского населения в Верхнем Прикамье.

С нашей точки зрения, родановская культура XII–XV в. представляется культурой непосредственных предков (части прямых предков) коми-пермяцкого народа. Она возникла в результате миграции на территорию Пермского Предуралья групп формирующейся народности коми, вытеснивших отсюда угорские ломоватовские племена [Белавин, Крыласова, Бочаров, 2000; Белавин, Крыласова, Семенова, 2001; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009].

Территория, занятая памятниками родановской культуры XII–XV вв., несколько меньше, чем территория, занятая памятниками более ранней ломоватовской культуры. Основные памятники родановского времени расположены в северной части Камского правобережья верхнего течения Камы и в бассейне рек Вишера и Колва. В XI–XII вв. прекращает функционирование большая часть памятников ломоватовской культуры, лишь часть из них, расположенных в районах чересполосного расселения финских и угорских племен, продолжала существовать и в XIII–XV вв. (например, Кыласово, Троицкое и Кудымкарское городища). На Кыласовом городище в XII–XIII вв. в связи с расширением площади поселения старый вал был срыт, ров засыпан, был вырыт новый ров и насыпан новый вал, вдвое выше прежнего. Возникает целый ряд новых поселений и могильников (Искарское, Бисеровское I городища, Аверинский I и Плотниковский могильники), оставленные переселяющимися в Предуралье финским (древнепермским) населением. На берега Чусовой проникают племена юдинской археологической культуры со Среднего Урала, оставившие Антыбарский могильник. Общее количество памятников XIII–XV вв. не велико, что указывает на сокращение плотности населения в Верхнем Прикамье накануне русской колонизации.

На ряде поселений изучены жилища. В отличие от ломоватовского времени в XII–XV вв. сруб ставился прямо на землю, без канавок, но глинобитный пол жилища сохранял выступ от тамбура, огражденного столбами с плетнем и тоже имевшего крышу (рис. 10, 1) Площадь жилищ сокращается до

16–24 кв. м. Однако в верхнем слое Анюшкара рядом с небольшими жилищами такого типа строились и крупные дома с канавками (рис. 9, 1). Ямы-кладовки были вынесены за пределы жилищ и располагались обычно сзади дома. К домам примыкали приусадебные участки, огражденные частоколом из жердей, можно говорить о появлении усадеб отдельных семей.

Могильники XII–XV вв. грунтовые. Могильные ямы имеют чаще прямоугольную, реже — овальную форму. Глубина их в грунте в среднем 0,5–0,7 м. В них прослеживаются остатки гробовищ и колод. Н.Б. Крыласовой на Плотниковском могильнике выявлены гвозди от гробовищ. Обычай хоронить в колодах сохранился в Кудымкарском могильнике до XVI в. Колоды, по описанию В.А. Оборина, были сделаны из лиственницы, массивны, имели две пары ручек и покрыты крышками. Колоды и дощатые гробы покрывались берестой, иногда в нее или в кору заворачивались умершие. Эта традиция у зюздинских коми-пермяков сохранилась до XIX в. Однако следует отметить, что коми-пермяки XX столетия не признают могильники XIII–XV вв. как принадлежавшие их предкам (например, жители д. Малая Серва именно так воспринимают Плотниковский могильник XII–XV вв.).

В хозяйстве преобладающей становится пашенная форма земледелия. На костяной рукоятке из верхнего слоя Анюшкара изображение коня размещено рядом со схемой возделанного поля. По оценке В.А. Оборина, известно 93 местонахождения, включающие 156 ральников. Ральники и сошники найдены в верхнем слое Анюшкара (10 экз.), на Рождественском городище (5 экз.), на селищах (Пеняхинское, Бакинское, Чашкинское) вместе с жерновами, а иногда и лесорубными топорами. Большинство находок приходится на северный вариант родановской культуры. Видимо, распахивались не только малоплодородные почвы по берегам, но и более плодородные поймы, чем и объясняется низкое топографическое расположение многих селищ. На ряде памятников найдены пахотные орудия южного (булгарского) типа — резцы от плуга-сабана. Однако типологически родановские пахотные орудия более близки к древнерусским, таким образом, резонно считать, что пашенное земледелие проникает в Пермское Предуралье в развитом северорусском варианте в процессе переселения в Предуралье финнов и древнерусской колонизации. От булгарских пермские ральники отличались тем, что были предназначены не для переворачивания пласта, а лишь рыхления почвы.

Кроме земледелия, родановцы занимаются разведением домашнего скота. В стаде преобладал крупный рогатый скот, на втором месте по количеству голов была свинья. Лошадей использовали как тягловое и верховое животное, поэтому забивали на мясо их только в 8–10-летнем возрасте. Из Волжской Булгарии или из древнерусских земель была заимствована домашняя курица. Важную роль играла охота, особенно промысловая. Среди промысловых животных первое место занимают соболь, куница, норка, горностай. Кости пушных животных в соотношении с другими дикими составляли на отдельных поселениях до 63 %.

Среди других хозяйственных занятий важнейшую роль играли производство железа и его обработка. Печи-домницы для варки железа изучены в верхнем слое Анюшкара. Они представляли собой глинобитный очаг, заключенный в сруб галечной забутовкой, со стенками из камней, скрепленных глиной (1,8 x 0,6 м), высотой до 1 м. В поду печи находилось скопление золы и железный шлак. Рядом с одной из них находилась яма, заполненная шлаком и камнями, соединенная с печью канавкой. В нее, видимо, выпускался шлак. Рядом найдены не прокованные крицы, а у одной домницы — глиняное сопло (длина 30 см). Такого же типа сооружения были обнаружены В.Н. Берхом на Пянтежском городище. Следы металлургического производства (медные и железные шлаки, прокованные и не прокованные крицы, капли меди) найдены на многих поселениях. В верхнем слое Анюшкара раскопаны остатки кузницы в виде небольшого (6 x 3 м) сруба с глинобитным полом, на котором стояли два горна, сложенные из камней, расположенные друг против друга и направленные устьями к центру помещения. Между горнами была яма, заполненная древесным углем. Рядом с одним из них лежала массивная железная наковальня (высота 10 см, рабочая поверхность 8 x 7,5 см). Недалеко от кузницы найден развал еще одного такого же горна. На ряде поселений найдены железные крицы круглой и овальной формы (диаметр до 20 см, толщина до 3 см), прокованные обухом топора или специальными молотками. Металлографические исследования родановских изделий, произведенные В.И. Завьяловым и

А.П. Зыковым, показали, что по уровню технологических знаний родановские кузнецы находились на высоком уровне восточноевропейского кузнечного ремесла. Металлургия и металлообработка фактически превратились в ремесло, обслуживающее местный рынок и соседей.

Наиболее важным видом домашнего производства, оставалось гончарство. В XII–XV вв. увеличивается число сосудов с плоскими и уплощенными днищами, что, видимо, связано не только с появлением дощатого пола в жилищах и плоского пода в печах, но и с изготовлением сосудов на доске-подставке — начальные стадии использования гончарного круга. На Городищенском городище А.М. Белавиным найдена железная столешница для круга.

В формах и орнаменте местной посуды проявились заимствования болгарского и русского гончарного ремесла: сосуды в виде горшков, сковородок, мисок, светильников, наклепные ручки, лощение поверхности, линейный и волнистый орнамент. Под влиянием рельефной металлической посуды появляются кольцевые наклепные валики у горла, овальные или сосцеобразные выступы на стенках, украшенные кружковым и розеточным орнаментом. В верхнем слое Анюшкара В.А. Обориным найдены три неорнаментированных сосуда баночной формы со следами краски, аналогичные по форме с такими же, найденными в мастерской киевского художника XIII в.

Крупные укрепленные поселения становятся сосредоточием ремесла и торговли, это дало основание А.П. Смирнову, В.А. Оборину, А.М. Белавину, М.Г. Ивановой и другим исследователям говорить о XII–XIII вв. как о начале процесса урбанизации (возникновение ранних городов или предгородов) в Пермском Предуралье. В этих центрах размещается феодализирующаяся племенная знать, имена которой в XV в. упоминают русские летописи как «воевод» великопермских князей: Бурмат (бур-морт — добрый человек), Мича (красивый), Коча (заяц), Зырн (коми-зырянин), Исур (видимо, представитель болгарского знатного рода). Территория родановской культуры XII–XV вв. может соотноситься с территорией Перми Великой, впервые упомянутой в русских источниках в 1324 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА

БАШКОРТОСТАН В IV–VIII вв.

Историческая обстановка в южно-уральских степях в III–IV вв. Важным фактором развития этнополитической и культурно-хозяйственной истории Южного Урала эпохи раннего средневековья, как во все предшествующие периоды древности, были активные контакты с южными соседями — населением юга Казахстана и Средней Азии. Конкретными формами этих контактов являлись постоянные перекочевки скотоводческих племен названных регионов в поисках лучших пастбищ на север, т.е. Приуралье на весенне-летний период и обратно на юг (Приаралье, Нижнее Поволжье, даже Средняя Азия) в осенне-зимнее время. Такие массовые миграции населения приводили к постоянному смешению населения, и они способствовали взаимному проникновению и обмену достижениями во всех сферах жизни, т.е. как в материальной, так и в сфере духовной культуры. Учитывая эти моменты, современные исследователи археологии Южного Урала раннежелезного века рекомендуют территорию Южного Урала и Южного Казахстана рассматривать как единую историко-культурную область с близкородственным населением.

Конечно, надо полагать, указанные выше передвижения масс кочевников в этом обширном регионе не представляли беспорядочное блуждание их по степи, а четко регулировались местными властями. В период VII–IV вв. до н.э. на территории Южного Казахстана и прилегающих районах Средней Азии и Кыргызстана существовало государство саков, а уже с III в. до н.э. здесь возникают государства Кангюй и Усунь, в сложении которых наряду с местными кочевыми племенами саков активную роль сыграли пришлые с востока (Китай, Монголия) кочевники гуннов.

Из выше названных территориально самым близким к Южному Уралу было государство

Кангюй, локализуемое исследователями в землях по среднему и нижнему течению р. Сыр-Дарья и Северному Приаралью, включая страну Чач (земли вокруг нынешнего Ташкента). О могуществе этого государства свидетельствуют такие факты: оно поддерживало активные межгосударственные контакты с Китаем и они постоянно поддерживались династийными браками, где традиционными являлось выдача кангюйским юношам невест из среды правящей элиты Китая.

Нелишне будет еще раз напомнить читателю о том, что Кангюй распространял свою власть на весь Южный Урал, который в китайских источниках упоминается как страна «Янь» [Зуев, 2002. С. 50, 51] или «государство Янь». Употребление здесь слова «государство» для характеристики земли «Янь» свидетельствует, что у племен Южного Урала на рубеже нашей эры имелись общепризнанные государственные организации, которые регулировали все вопросы жизни местных племен и осуществляли сношения со своими великими соседями. В конце II в. до н.э. политическая власть в Кангюе перешла пришлым с востока юечжам, и это тоже сильно осложнило без того сложный состав населения урало-казахстанских степей [Зуев, 2002. С. 48–63].

В литературе нет четкого мнения о языковой принадлежности юечжей. Отметим, что некоторые авторы склонны отождествить их с народом тохары, пребывание которых на территории юга Средней Азии, Афганистане и Иране засвидетельствовано письменными источниками. Это дает им повод полагать, что тохары (следовательно, юечжи) говорили на древнеиранском языке. При отсутствии данных об их языке любые предположения в этом направлении равносильны гаданию. Но при любом решении этого вопроса роль юечжей и их потомков в древней истории Южного Урала предстоит уточ-

нять. Они должны были оставлять яркий след в ономастике и топонимике Южного Урала.

Китайские авторы Кангюй описывают как страну городов. Для эпохи середины I тыс. н.э. они пишут, что «в стране больших городов 30, малых 300». В том же тексте через несколько строк упоминается, что «больших городов сорок, а малых городов до тысячи» [Бичурин, 1950. С. 271]. Здесь, несомненно, под малыми городами подразумеваются мысовые городища (крепости), укрепленные несколькими земляными валами и рвами. Важно подчеркнуть, что в древнетюркском языке и языке современных башкир эти крепости, как и большие города, называются со словом кала («Кала-тау», «Хан-кала») и китайский автор в данном случае точно передал подлинное древнее значение слово «кала» как «крепость». Многие современные археологи при классификации древних и средневековых поселений пытаются первоначальное значение слово «кала» («город») интерпретировать как городище (крепость), а это вносит определенную путаницу в реконструкции социально-политической истории далекого прошлого.

Культура Кангюя представлена десятками городов, городищами, курганными и грунтовыми могильниками, многие из которых непрерывно существовали начиная с первых веков нашей эры до X–XII вв. Открытием и первичной их систематизацией наука обязана Л.М. Левиной, которая в составе комплексной Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 50–80 гг. XX в. под руководством С.П. Толстова обследовала бассейн среднего и нижнего течения Сырдарьи [Левина, 1993; Левина, 1993а]. На основе накопленных материалов ею, например, были выделены получившие общее признание такие крупные археологические культуры как, каунчинская, джетыасарская и отарско-каратаская. К числу относительно лучше изученных из числа раннекангюйских можно отнести города Кок-Мордан на р. Арысь, Алтын-Асар, Жетыасар на Сырдарье и др. Города состояли из магистральных улиц, жилые дома сложены из прямоугольного сырцового кирпича. Рядом с городом и поселениями располагались некрополи, в которых хоронились умершие горожане [Байпаков, 2005. С. 41–76; Байпаков, 2005а. С. 10–38].

Важно подчеркнуть, что весь этот различный по составу находок материал кангюйских памятников III–VII вв. является самым массовым и ближайшим южным аналогом культуры племен Южного Урала этого времени.

Сейчас известно несколько десятков курганов, приблизительно датированных II–IV вв. н. э. Терри-

ториально они покрывают Южный Урал (включая Зауралье) [Древняя история..., С. 223–288]. В отличие от курганов кочевников V–III вв. до н.э. они небольшие, диаметр их не превышает 10–15 м при высоте до 0,5 м. Насыпи преимущественно земляные, могилы глубокие, но весьма разнообразны по форме. Среди них есть со ступеньками (заплечиками) на высоте 30–50 см от дна для укладки коротких досок, которыми прикрывалась нижняя часть могилы, с подбоями вдоль длинных стенок, квадратной и простой удлиненной форм. Умерших хоронили в виде труположения в гробах, колодах. Ориентировка умерших по странам света различается по памятникам. Все эти разнообразия погребального обряда свидетельствуют о сильно смешанном составе населения степной зоны. Заслуживает внимания следующая деталь: часто встречаются следы костров над могилами.

Материал курганов типичен для культуры кочевников степи III–IV вв. и состоит из характерных для этого времени предметов: невысоких глиняных сосудов, в том числе кувшинов с высоким прямым горлом, длинных мечей, принадлежностей конской узда (удила, узловые колечки) и поясных ремней (пряжки, накладки), украшений (серьги, перстни, бусы, фибулы и т.п.) и др. Изредка встречаются колокольчики, литые серебряные китайские зеркала.

Среди исследователей общим становится мнение о том, что курганы Южного Урала II–IV вв. оставлены потомками местных дахо-сако-массагетских племен VII–V вв. до н. э., культура которых подвергалась существенным изменениям под влиянием окружающей этнополитической среды.

Мазунинская (раннебахмутинская) культура. В результате совместного проживания на данной территории оседлого населения с пришлыми кочевниками и культурного их взаимодействия на рубеже II–III вв. н. э. в Западном Приуралье формируется новая археологическая культура под названием бахмутинская или мазунинская. Она представлена несколькими десятками городищ и могильников, территориально покрывающими бассейны среднего и нижнего течения р. Белой и Средней Камы (юг Удмуртии и Пермской области).

Бахмутинская культура впервые была выделена в 1928 г. А.В. Шмидтом и территорию ее распространения он определил в пределах вышеуказанных границ [Шмидт, 1929]. Отметим, возникнув на рубеже II–III вв. н. э., она непрерывно существовала до VIII–IX вв. н.э. и стала важным фактором влияния на этногенетические процессы в Западном Приуралье в эпоху раннего средневековья. В про-

цессе первоначального изучения некоторые исследователи среднекамскую группу памятников стали рассматривать в качестве самостоятельной мазунинской культуры [Генинг, 1967; Останина, 1983], но общая близость в материалах памятников обеих групп ни у кого не вызывает сомнения, поэтому ученые пришли к выводу о целесообразности называть памятники раннебахмутинского этапа (III–IV вв.) мазунинским этапом единой бахмутинской культуры [Мажитов, 1968, С. 49–64].

Бахмутинская культура на мазунинском (раннем) этапе отличается комплексом устойчивых признаков. Для нее характерны: захоронения умерших на дне мелких могил, в колодах или обернутыми в лубок, невысокие широкогорлые круглодонные глиняные сосуды с ямочным орнаментом (рис. 11, 14), также женские украшения в виде знака вопроса с сомкнутым кругом, которые подвешивались парно или по три к краю головного убора и носились у виска (рис. 11, 8). Много бронзовых и железных проволочных гривен, браслетов (рис. 11, 12–13), массивных бабочковидных фибул из бронзы (рис. 11, 7), литые фигурки медведя, а также железные проушные топоры (рис. 11, 17) и другие предметы. Другая особенность культуры: в мужских погребениях предметы женских украшений, как правило, лежат в берестяных туесках или кучно вблизи костяков, в то время как в женских они располагаются строго по назначению. Такое их расположение привело ученых к выводу о том, что в мужских погребениях они укладывались намеренно и являлись как бы дарами (жертвенные комплексы) жен умершим мужьям. О занятии мазунинцев земледелием свидетельствуют железные серпы, часто встречаемые в могилах.

Южная граница раннебахмутинской культуры проходит по среднему течению р. Белой, где расположены такие крупные могильники ананьинской и карабызской культур, как Охлебининский и Шиповский могильники, оставленные местным оседлым населением. Захоронения II–IV вв. н.э. в них составляют самую позднюю хронологическую группу: по погребальному обряду они ничем не отличаются от ранних, но их возраст определяется присутствием в инвентаре характерных для этого времени предметов (пряжки с подвижными язычками и щитками) [Овсянников и др. 2007; Пшеничнюк, 1976].

На всех этапах исследования истории бельской и среднекамской групп племен было очевидно, что они в основном являются ближайшими потомками местного оседлого населения карабызской и пьяноборской культур рубежа нашей эры. Об этом сви-

детельствовали такие факты, как продолжение существования многих городищ, возникших еще на заре железного века (ананьинское время, VII–V вв. до н.э.) до III–VIII вв. н.э., а также типологическая близость предметов материальной культуры. В то же время исследователи ставили вопрос о том, что на формирование бахмутинской культуры III–IV вв. наряду с местным населением важную роль оказывали пришлые племена, по мнению В.Ф. Генинга — выходцы из Южной Сибири, Н.А. Мажитова — из гуннской среды. Эти предположения недавно получили подтверждение на конкретном археологическом материале благодаря открытию в районе устья р. Агидели (Белой) оригинального Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника раннебахмутинской (мазунинской) культуры III–IV вв. н. э. [Сунгатов и др. 2005].

По составу находок все 102 раскопанных погребения Старо-Муштинского могильника ничем не отличаются друг от друга и являются типичными для всех могильников раннего этапа бахмутинской культуры, но своеобразие памятнику придает погребальный обряд, где подкурганный способ захоронения сочетается с грунтовым. Здесь бросаются в глаза следующие существенные отличия подкурганных могил: они более глубокие, нежели грунтовые, в узких стенках есть подбой, дно могил подсыпалось мелом, в их заполнении встречены остатки золы, древесных угольков, а также ритуальных захоронений костей лошади. Учитывая эти особенности, исследователи заключают, что в составе населения, оставившего Старо-Муштинский могильник, четко выделяется присутствие двух групп населения: местного оседлого и пришлого южно-кочевнического. Подкурганные захоронения связаны с группой южного происхождения [Сунгатов и др. 2005. С. 63–73]. Данный вывод получает дополнительное подтверждение на антропологическом материале. В одном из захоронений под курганом найден искусственно деформированный череп. Это первая подобная находка в районе устья р. Агидели и его появление здесь — наглядное доказательство включения в состав населения региона кочевых племен из гуннской среды в первые века нашей эры. В целом на основе археологического и антропологического материала авторы публикации утверждают, что генетически пришедшая группа была связана с кочевниками дахо-сако-массагетского круга южно-уральских степей предшествующих веков [Сунгатов и др. 2005. С. 74–84].

Сейчас наука располагает богатой информацией о более чем 50 курганных группах на Южном Урале (юг Башкортостана, Челябинская и Оренбургская

Рис. 11. Древности мазунинской (раннебахмутинской) культуры. Материалы Бирского, Старо-Кабановского, Старо-Муштинского могильников.

1 – план Постольского городища; 2–3 – реконструкция жилища с Постольского городища; 4–6 – бронзовые пряжки; 7 – бронзовая фибула; 8 – бронзовая височная подвеска с бусиной; 9 – бронзовые ножи; 10 – бронзовая сюльгама; 11 – реконструкция женского костюма по материалам Старо-Кабановского могильника; 12–13 – бронзовые браслеты; 14–15 – глиняные сосуды; 16 – железные удила; 17 – железный топор; 18 – железный наконечник копья; 19 – костяные наконечники стрел; 20 – железный наконечник мотыги; 21 – железный меч; 22 – план тайника из Старо-Муштинского могильника; 23 – реконструкция воинского облачения по материалам Старо-Муштинского могильника

области), датируемых II–IV вв. н.э. [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 28–184; Пшеничнюк, 1983. С. 120–125]. Несмотря на некоторые индивидуальные особенности каждой группы, эти курганы имеют общие черты. Например, они небольшие по размерам, насыпи земляные, иногда с каменной кладкой; преобладают простые могилы, но есть с подбоями; широко использовались деревянные гробы. Инвентарь погребенных состоит из характерных для этого времени ременных наборов, глиняных сосудов, украшений (серьги, браслеты), среди которых много привозных из южных центров. К числу таковых прежде всего следует отнести литые китайские зеркала. Отсылая заинтересованного читателя к специальным работам, где эти памятники подробно описаны [Древняя история... С. 223–288], отметим, что они возникли в то время, когда основным населением степной зоны Южного Урала и прилегающих регионов (Казахстан, Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ) были тюркоязычные племена гунно-усуньско-кангюйско-юечжэйского происхождения, объединившие под своей властью потомков местных племен предшествующих веков. Этому населению в совокупности предстояло сыграть решающую роль в этнополитической истории Южного Урала в V–VIII вв. н.э.

Эпоха Великого переселения народов. Около 370 г. объединенные силы гуннов и усуней переправились через Волгу и начали активные военные действия в западном направлении. Хотя в исторической литературе нет ясного мнения, можно предположить, что поход мог возглавить Кангюй – самое сильное и большое государство, контролировавшее всю политическую ситуацию в южноуральских и нижневолжских степях. Из вводной части настоящей главы читателю уже известно: в Кангюе в первые века нашей эры ведущей этнической группой были юечжи – выходцы с востока. В западных походах гуннов активное участие принимало и население Южного Урала, и в этом смысле имя гунны является собирательным. Гуннам очень легко удалось завоевать земли Северного Кавказа, Северного Причерноморья, затем они вторглись в пределы Римской империи. Будучи ослабленной внутренними противоречиями, Римская империя не могла оказать сопротивления, и это привело к ее распаду. После этих событий возникает держава гуннов с центром в Паннонии, но она была недолговечной, и вскоре после гибели Атиллы прекратила свое существование (453 г.) [Очерки истории... С. 158–159].

Современники оставили яркое описание нравов западных гуннов. Так, римский историк Аммиан Марцелин пишет, что у гуннов «никто не занимает-

ся хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше... Они одеваются в одежды холщевые, или сшитые из шкур лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой». Следует помнить, что эти слова принадлежат человеку, получившему европейское образование, и образ мышления, и многое из того, что он увидел у своих врагов, для него было странным.

Далее он пишет, что «угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а врукопашную, очертя голову, мечами рубятся, и на врагов, сами уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противника, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком».

Памятником, наиболее полно отражающим эпоху IV–V вв. на Южном Урале, являются Салиховские курганы в Ишимбайском районе. Они состоят из невысоких земляных насыпей диаметром от 5 до 12 м при высоте 10–35 см над мелкими ямами. Примечательно, что многие могилы на уровне древней поверхности обложены камнями. Большинство могил простой формы, мелкие, но среди них есть с заплечиками (ступеньками) вдоль одной из длинных стенок. Эти ступеньки использовались для установления концов деревянных плах, которыми прикрывались могилы. В одном случае умерший был погребен в подбое, сделанном вдоль длинной стенки. В могилах прослежены остатки досок, что указывает на то, что покойники, скорее всего, укладывались в гробах. В большинстве случаев они ориентированы на северо-восток. В качестве мясной пищи им клали части туши барана.

Погребения еще в древности оказались сильно потревоженными, поэтому дали небольшой матери-

ал. Среди находок есть бронзовые пряжки и украшения поясных ремней, фигуры птиц (уток), браслеты, костяные наконечники стрел, датируемые в пределах IV — начала VI вв. Керамика представлена невысокими плоскодонными горшками и одноручными кувшинами, по форме напоминающими сосуды из курганов (например, Ахмеровских) южноуральских племен II—IV вв. Их сближают также форма и размеры большинства насыпей и могил. Но в Салиховских курганах есть ряд новых черт, происхождение которых должно быть объяснено культурным воздействием гуннов на местные племена. Это, прежде всего, использование гробов и каменные наброски над могилами, северо-восточная ориентация умерших. По устройству и составу находок к салиховским курганам очень близок Дербеневский курганный могильник, расположенный недалеко от них [Сальников, 1958; Васюткин, 1986].

Курганы салиховского типа на Южном Урале не являются единственными. Например, от них ничем не отличается курган № 9 у аула Джанатал под Орском, где умерший также лежал в гробу, а дно могилы было застлано берестой. Самым важным показателем нового времени в нем является деформированный череп. Он указывает, что обычай удлинения головы, впервые возникший у племен Южного Урала на рубеже III—II вв. до н. э., получил теперь широкое распространение. В погребении найдены типичные для IV—V вв. глиняные сосуды (круглодонные, кувшины) и украшения узды (накладки, удила) [Сальников, 1940. С. 127—138. табл. II, III]. Примерно такой же инвентарь содержат курганы у села Мертвые Соли близ Соль-Илецка [Нефедов, 1899].

Проникновение степного населения в лесостепные и лесные районы Урало-Поволжья приобрело настолько массовый характер, что отдельные его группы достигли Пермского края и Нижнего Прикамья. Об этом свидетельствует появление здесь курганных могильников типа Качка и Харино [Генинг, 1952; Генинг, 1976]. Но особенно необычными среди них являются Тураевские курганы в Татарстане, для которых характерными являются захоронения в гробах или колодах на дне прямоугольных могильных ям. Некоторые могилы, подобно Салиховским курганам, имели уступы (запечники) вдоль стен, на поверхности земли обозначались выкладками или сами могилы заботывались ими. Хорошо прослежена следующая деталь погребального обряда: под насыпями многих курганов обнаружены следы кострищ. Это указывает на то, что до копки могил или, скорее всего, после нее

в честь умерших жгли мощные костры, вокруг которых совершались таинственные обряды.

Данная деталь погребального обряда полностью согласуется с обычаями гуннов IV—V вв., подробно описанными византийскими историками. Согласно их свидетельствам, западные гунны «вокруг костров в обнаженном виде, с мечами во рту совершают дикие коллективные пляски». Курганы содержат чрезвычайно богатый набор вещей. В них найдены длинные мечи, они носились в ножнах, обтянутых сверху кожей, выкрашенной красной краской. Есть плоскодонные глиняные сосуды, кинжалы, топоры, пряжки поясных ремней и другие предметы украшений. К числу оригинальных относятся остатки деревянной, окрашенной в красный цвет посуды, с ручкой в виде головки собаки, а также доспехи: шлемы с бармицей, кольчуги и пластинчатые панцири.

Набор вещей убеждает, что в Тураевских курганах главным образом хоронили знатных и богатых воинов, жизнь которых в лесном правобережном Прикамье также не была спокойной. В этой связи определенный интерес представляют погребения в двух курганах, где найдены захоронения без головы. Видимо, это воины, погибшие в бою, а их головы отрублены и унесены врагами. Такой обычай издревле являлся характерным для степняков-кочевников. Он, например, описан Геродотом у скифов [Геродот, 1972. С. 202], древнекитайскими историками — у гуннов. Согласно этим сведениям, гунны делали из черепов убитых врагов чаши, обтягивая их снаружи кожей или обкладывая золотом [Бичурин, 1960. Т. I. С. 50; Т. II. С. 147, 151 и др.]. Из выше рассмотренных китайских источников нам уже известно, с черепами убитых врагов точно также поступали гунны и юечжи. Судя по тураевским находкам, этот обычай в IV—V вв. был уже известен населению Урала и Среднего Поволжья.

Турбаслинская культура. Самая большая группа кочевников-степняков, вынужденных по неизвестным нам причинам переселиться на север, осела в бассейне среднего течения р. Белой с центром вокруг устья р. Уфы, т.е. территории современного города Уфы (рис. 12). К этому времени (IV в. н. э.) эта территория была густо заселенной и представляла один из крупных культурно-экономических центров. В связи с этим достаточно сказать, что на правом берегу р. Белой, на участке санатория «Зеленая роща» и мусульманском кладбище еще в начале железного века возникли 6 крупных городищ-крепостей, где жили племена ананьинской (VII—V вв. до н. э.) и карабызской (IV в. до н. э. — II в. н. э.) культур, удаленных друг от друга на рас-

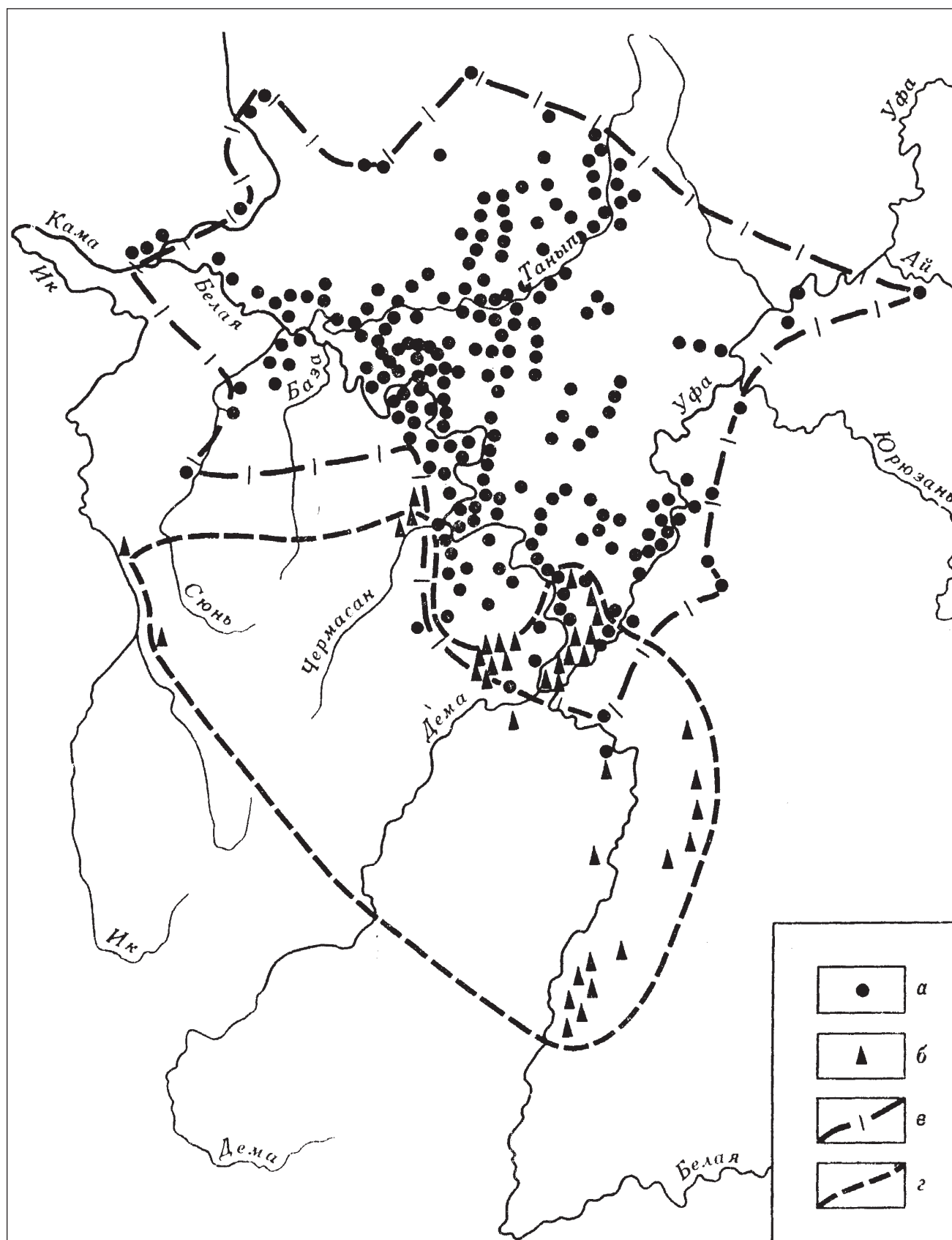

Рис. 12. Карта ареалов турбаслинской и бахмутинской культур.
 а — памятники бахмутинской культуры; б — памятники турбаслинской культуры; в — границы бахмутинской культуры;
 г — границы турбаслинской культуры. Составил Н.А. Мажитов. По *Археология СССР*, 1981. Рис. 11.

стояние от 300 м до 1–2 км. Это — Уфимское (Чертово), Усть-Уфимское, Монумент Дружбы в устье р. Сутолока, Уфа-II, Уфа-III, Уфа-IV городища.

Достоверно нам известно, что на территории стадиона Динамо, территории Башкирского государственного университета в период II до н. э. — II в. н. э. существовал огромный грунтовой могильник, частично обследованный в ходе земляно-строительных работ в 50-х годах XX в. Другой одновременный могильник находился в районе здания иностранных языков БГУ по ул. Коммунистическая. В разрушенных погребениях этих могильников найдены редкие для того времени золотые, бронзовые серьги, египетские бусы с изображением лежащих львов и много бронзовых украшений ремня.

Таким образом, турбаслинские пришельцы в бассейне р. Белой столкнулись с многочисленным местным населением и, надо полагать, силою закрепились на обжитой ими территории. Территория современного города Уфы становилась центром расселения турбаслинцев. Вокруг г. Уфы и на его территории тогда возникли более 20 открытых поселений (селища), а в районе устья р. Сутолока возникли два городища, укрепленные с напольной стороны высокими валами и глубокими рвами. Одно из них находилось на мысу, где сейчас расположен памятник «Монумент Дружбы», а другое в 300 м от него, на нижнем квартале улицы Пушкина, ограниченном улицами Ново-Мостовая и Проспектом Салавата Юлаева. Здесь находится длинный мыс, образованный между двумя глубокими оврагами. Жизнь здесь, по-видимому, возникает на рубеже нашей эры, о чем свидетельствует уникальная находка геммы из горного хрусталя с изображением крылатого гения с тремя змеями на руках. Такие геммы служили личной печатью парфянской знати и ориентировочно датируются первыми веками нашей эры. Данный памятник, условно названный городищем Уфа-II, получил широкую известность благодаря хорошей сохранности мощных культурных отложений с богатыми находками.

На городище Уфа-II в толще оборонительного вала обнаружены искусственные заливки жидкой глины в специально установленные опалубки и это обеспечивало слои одинаковой толщины и ровной поверхности. После затвердения эта масса превращалась в твердый, как цемент, строительный материал.

В 2008 г. в культурном слое городища Уфа II были обнаружены остатки настоящих уличных настилов (мостовых) из деревянных досок. Доски четко прослеживаются в виде тлена (гниль): перво-

начальная толщина досок, скорее всего, была около 2–3 см, ширина 10–15 см, ширина мостовых 1,80–1,90 м, длина на некоторых участках достигает 15–25 м, образуя настоящие улицы. Непосредственно к мостовым примыкают следы прямоугольных и юртообразных жилищ, полы и расстояния между которыми тоже засланы из таких досок. Они обнаружены на глубине около 1,5 м. На мостовых много находок, среди которых преобладает неорнаментированная плоскодонная керамическая бытовая посуда. Эта строительная традиция несвойственна местным лесным и лесостепным племенам Южного Урала и сопредельных регионов, и она привнесена сюда людьми, возможно, южного происхождения.

Территория расселения турбаслинских племен определяется такими опорными памятниками, кроме вышеупомянутых, как Кушнаренковское селище и могильник, Шареевский могильник и городище Имендяш на р. Зилим. Самым южным памятником является Сакмарское городище. Очерченная территория очень приблизительна: есть все основания предполагать, что турбаслинцы тогда широким массивом рассеялись по южно-уральским степям, но следы их пребывания здесь остаются пока недостаточно выявленными.

Среди турбаслинских памятников лучше изучены курганы, наиболее крупными из которых являются Турбаслинские, Дежневские, Глумилинские. Пожалуй, самыми масштабными были курганы, расположенные вдоль правого берега р. Белой от Оренбургского моста до мусульманского кладбища, включая кварталы по улицам Тукая, Фрунзе и Пушкина. Уфимские краеведы XVIII–XIX вв. здесь зафиксировали сотни (если не тысячи) курганов, разрушенных в ходе строительства новых домов, прокладки улиц и т.п. Необходимо сказать, что именно в этих курганах обнаружены самые выдающиеся находки, свидетельствующие о несравненно высоком социальном положении захороненных в них людей. Считаем необходимым особо выделить несколько таких случаев.

Например, в 1786 г. во время копки фундамента для дома уфимского наместника Якоби в районе нынешнего Дома Республики был срыт большой курган, где «найден прибор (набор) чистого, без лигатуры, золота, который и был....отослан Императрице Екатерине II» [Гурвич, Отдел IV. С. 9; ОАК, 1864. С. 46, 47.].

В 1828 г. при строительстве дома для мастеровых Архирея в том же районе разрушен курган, где вместе с конскими украшениями и железными предметами найдена золотая монета византийского импе-

ратора Феодосия II (годы правления: 405–450 гг.) [*Труды и летописи...* С. 138–139; Кротокин, 1961. С. 48, № 245]. О неслучайности находки в г. Уфе этой византийской монеты V в. говорят два бронзовых литых медальона с изображением двух византийских воинов в боевой одежде с щитами, найденных в курганах V–VI вв. [Иванов, Обыденнов, 2001. С. 143; *Историко-культурный атлас...* С. 94]. Такие бляхи являлись знаками отличия, и в V в. ими награждались высокопривилегированные люди Византии. Перечень предметов южного импорта расширяют находки стеклянного кубка, изделия сасанидского серебра, обнаруженные на территории или вблизи г. Уфы в середине XX в. [Ахмеров, 1970. С. 161–163 и др.].

Одно из выдающихся археологических открытий было сделано в 1936 г. во время рытья котлована для фундамента административного корпуса Медицинского университета на углу улиц Пушкина и Ленина. Рабочие наткнулись на богатое погребение, содержащее много золотых предметов, фрагменты шелковой ткани красного цвета. Значительная часть находок пошла по рукам, но сотрудникам Национального музея РБ удалось собрать и спасти для науки около 50 золотых украшений примерно конца VII в. н.э. Это – золотые колты, медальоны, серьги и т.п. (рис. 13, 17–20). Состав находок однозначно указывает, что данное погребение, как и все вышеупомянутые, принадлежит к числу так называемых «царских» захоронений.

Наконец, в 60-х годах XX в. в одном из разрушенных погребений в центре города найдена массивная золотая цепочка, датируемая также рубежом VII–VIII вв. Сохранением этой редчайшей находки наука обязана тогдашнему директору Национального музея, известному археологу Р.Б. Ахмерову [Ахмеров, 1970. С. 164.].

Носители турбаслинской культуры своих умерших хоронили в глубоких могилах, над которыми насыпали невысокие земляные насыпи (рис. 13, 2). Своими длинными стенками могилы ориентированы по линии север-юг; в северных стенках имеются глубокие подбои, где устанавливались глиняный сосуд с жидкой пищей и обильные мясные блюда из конины (рис. 13, 5). Вообще, кости лошади, в том числе ритуальные захоронения конечностей, головы и шкуры коней – обычное явление для обряда погребения турбаслинцев.

Для турбаслинской культуры характерны высокие круглодонные и плоскодонные сосуды с высоким прямым горлом и невысокие плоскодонные горшки (рис. 13, 68–87). Есть предположение о том,

что плоскодонные горшки изготавливались на примитивном гончарном круге. Турбаслинские могилы богаты украшением из золота, серебра, бронзы, янтаря.

Нам известны жилища турбаслинцев. Это небольшие (4х5 или 5х6 м) прямоугольные землянки, следы которых выявлены на городище Имендьяш, селище Кушнаренково и Ново-турбаслинское II (рис. 13, 1). На последнем памятнике пять таких жилищ располагались вдоль берега старицы, образуя целую улицу [Матвеева, 1973; Генинг, 1977; Мажитов, 1962]. Турбаслинцам, конечно, были известны наземные бревенчатые дома, следы которых археологически не прослеживаются. Возникновение следов оседлых поселений указывает, что турбаслинское население, придя в Западное Приуралье, переходило к оседлости. К этому принуждали природно-климатические условия края, где многоснежная зима не позволяла содержать скот на подножном корму и, наоборот, вынуждала людей заготавливать корма на зиму.

Турбаслинцы хорошо были знакомы с земледелием, о чем говорят находки серпов, каменных дисков от ручных жерновов и остатки обугленных злаков пшеницы на дне ямы-зернохранилища, которая погибла от пожара. Весьма оригинальным являются зерна жареной пшеницы в нескольких погребениях Ново-турбаслинских курганов. Значит, хлеб в виде жареных зерен для турбаслинцев был традиционной пищей и он входил в список необходимых продуктов для души умершего родственника. Скорее всего, у турбаслинцев земледелие носило плужный характер.

Исследование скелетов умерших турбаслинцев показало, что они в основной массе принадлежат к европеоидной расе: были высокорослы, узколицы, но среди них были представители монголоидной расы. Для турбаслинцев характерна искусственная деформация черепов. Эти биологические особенности строения тела характеризуют их как пришлое население из южных степей. Они же позволяют их рассматривать как потомков кочевых племен Южного Казахстана и Нижнего Поволжья рубежа нашей эры [Акимова, 1968. С. 64–75; Акимова, 1971. С. 42; Юсупов, 1990. С. 14].

У турбаслинцев широко был развит культ огня, о чем свидетельствуют следы мощных костров над могилами умерших. Вполне вероятно, что турбаслинцы, подобно гуннам, совершали сложные обряды вокруг этих костров в память своих умерших родственников. В связи с развитым культом огня следует особо выделить отдельные случаи, трупосожжения в турбаслинских могилах. Они, например, най-

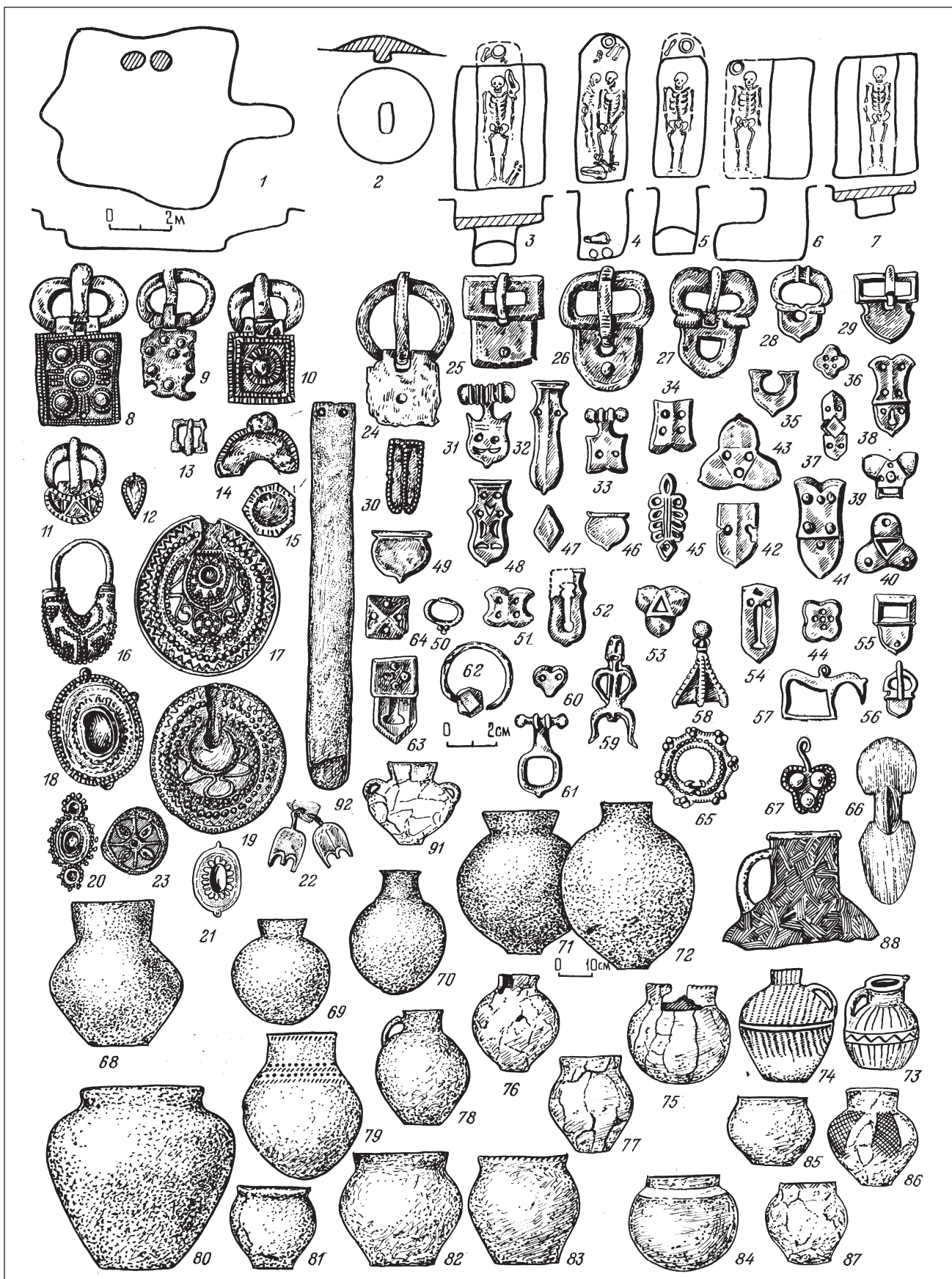

Рис. 13. Древности турбаслинской культуры.

1 — жилище-полуземлянка; 2 — план и профиль кургана; 3—7 — типы турбаслинских погребений; 8—67 — детали поясов, подвески, серьги, амулеты; 68—88 — сосуды турбаслинских типов. Составили Н.А. Мажитов и С.А. Плетнева.

По Археология СССР, 1981. Рис. 12.

дены в Кушнаренковском могильнике [Генинг, 1977] и в городе Уфе (улица Галанова). Приведенные примеры показывают, что этнический состав турбаслинских племен был сложным и отражал особенности эпохи великого переселения народов, когда перемешалось все: состав родов, племен, материальная и духовная культура.

Необходимо особо подчеркнуть сходство плоскодонной группы керамики турбаслинских племен с керамикой именьковской культуры IV–VIII вв. Среднего Поволжья. Их сближает все: форма и пропорции сосудов, техника изготовления. Близость этих двух культур проявляется в одинаковых формах жилищ-полуземлянок, составе предметов украшений, вооружения и орудий труда.

Объяснение причин возникновения этого сходства вызвало определенные разногласия среди археологов. Например, некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что часть именьковцев где-то в IV–VI вв. переселилась в Западное Приуралье и участвовала в формировании турбаслинской культуры. Следовательно, утверждают они, плоскодонная керамика на Южном Урале – именьковского происхождения [Смирнов, 1971. С. 79–84.].

Данная точка зрения может быть принята с некоторыми оговорками. Именьковское население отличалось от турбаслинцев по таким важным признакам культуры, как обряд погребения умерших: повсюду они хоронили в виде трупосожжения, никогда не строили насыпи над могилами, а в могилах нет подбоев, заплечиков. Значит, именьковцы в погребальном обряде придерживались иных религиозных принципов.

Что касается сходства керамики, то оно, по видимому, объясняется очень просто: как установлено специальными исследованиями [Салугина, 1985. С. 156–172] данная группа плоскодонной керамики изготовлена на примитивном гончарном круге и это техническое новшество, скорее всего, обеспечило массовую стандартизацию производства гончаров-ремесленников. В то же время археология фиксирует случаи проникновения отдельных групп приуральских людей в Среднее Поволжье и наоборот [Казаков, 1996. С. 40–57], что следует рассматривать как естественный процесс в общении населения двух соседних регионов.

В науке нет единого мнения о происхождении турбаслинцев. Много сторонников точки зрения о том, что они являются прямыми потомками дако-сако-массагетских племен эпохи раннего железного века. Их генетически сближают между собой близость антропологического типа, общая территория расселения, погребальный обряд (форма могил,

культ огня) и материальная культура (прежде всего керамика). По этим же признакам раннетурбаслинская культура (IV–V вв.) может быть сопоставлена с позднесаргатской культурой Западной Сибири. Имея эти параллели, нельзя исключить возможность участия части саргатских племен в формировании турбаслинской культуры [Древняя история... С. 283–288].

Но имеющиеся материалы указывают, что своими генетическими корнями турбаслинская культура больше связана с южными степями. В этом плане очень показательны материалы из могильников джетыясарской культуры (II–IV вв. н.э.), оставленные населением Кангюя. В них мы находим массовые не только близкие всем типам могил, керамики, но предметам поясных ремней, украшений (бусы, фибулы, серьги) и оружия [Левина, 1993б. Рис. 36–63; Левина, 1993в, рис. 5–20]. Обращает особое внимание их хронологическая близость. На фоне этих параллелей создается впечатление, что турбаслинцы в основной массе являются переселенцами с территории Кангюя в широком смысле этого слова. Если принять во внимание многовековые этнокультурные связи населения Южного Урала и Кангюя, то высказанное выше мнение следует принять безоговорочно.

Южные аналогии керамике турбаслинских памятников перечисленными выше не исчерпываются. Неожиданно самые близкие ей параллели обнаружены в территориально близких им курганах с «усами» и селенташского типа VI–VIII вв., расположенных в урало-казахстанских степях [Боталов и др., 2006]. Подробнее о них речь пойдет ниже, а здесь отметим, что общее число выявленных памятников данного круга более 60 и они содержат плоскодонную керамическую посуду, очень близкую керамике романовского типа из турбаслинских памятников [Боталов и др., 2006. С. 15, рис. 1; с. 122, 123, рис. 69 и другие]. Кстати, плоскодонная и круглодонная посуда достаточно полно представлена в курганах степной зоны Южного Урала и Северного Казахстана III–V вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 126, 127, рис. 38; С. 138, рис. 39 и др.; Древняя история... С. 248, рис. 14 и др.]. Эти близкие параллели дополнительно усиливают аргумент в пользу южного происхождения как самих турбаслинских племен, так и основных элементов их материальной культуры.

Кушнаренковская культура. В VI–VIII вв. на Южном Урале выделяется еще одна большая группа племен, условно названная кушнаренковской — по первым глиняным сосудам, обнаруженным в могильнике на территории д. Кушнаренково. Памятники кушнаренковских племен изучены пока

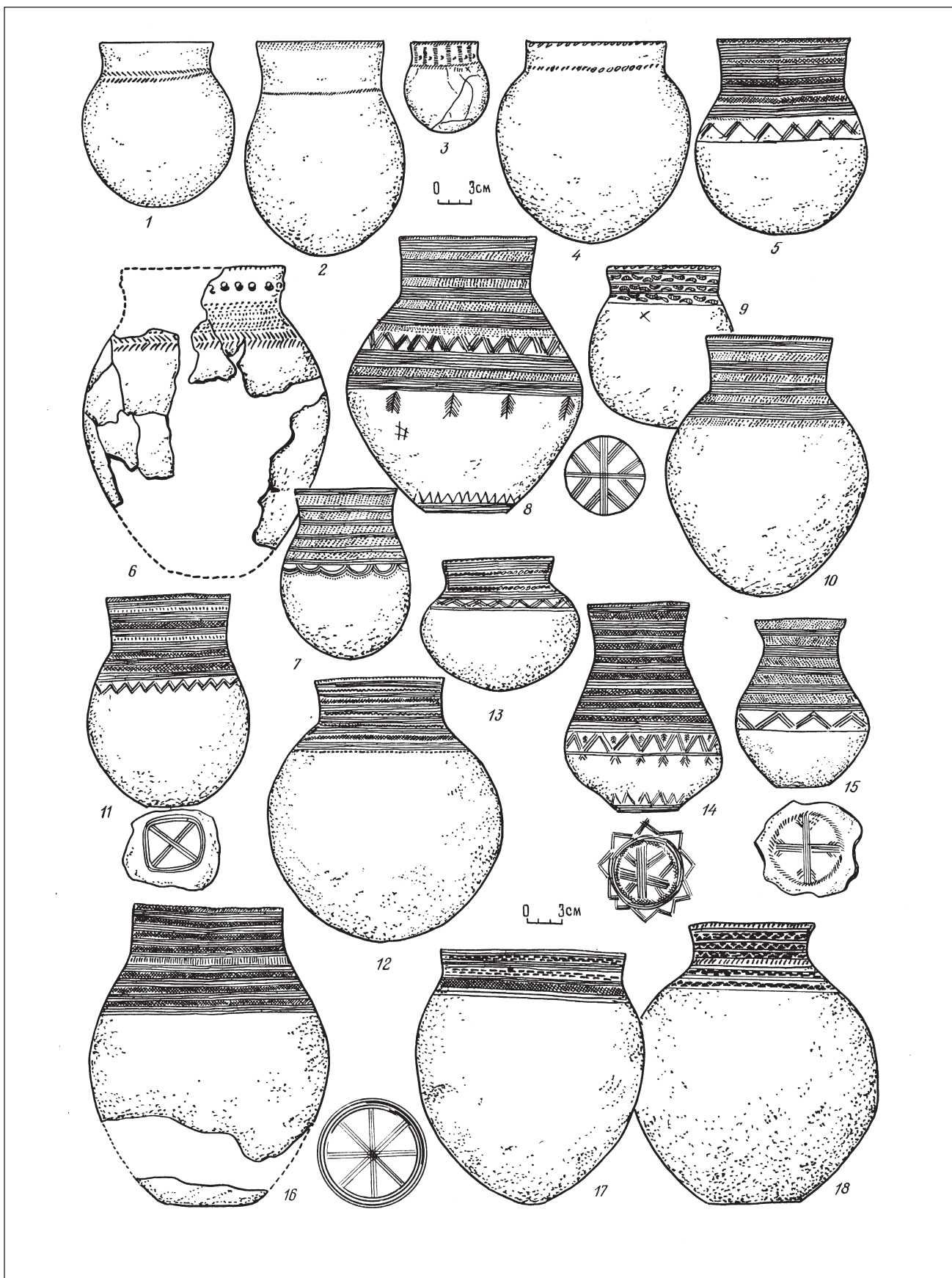

Рис. 14. Керамика кушнаренковской культуры.
 1–8, 10, 13–15 – Манянский могильник; 9 – Лагереvский могильник; 11, 16 – Нобиккинский могильник;
 12 – II Красногорский могильник; 17, 18 – Бирский могильник. Составили Н.А. Мажитов и С.А. Плетнева.
 По Археология СССР, 1981. Рис. 14.

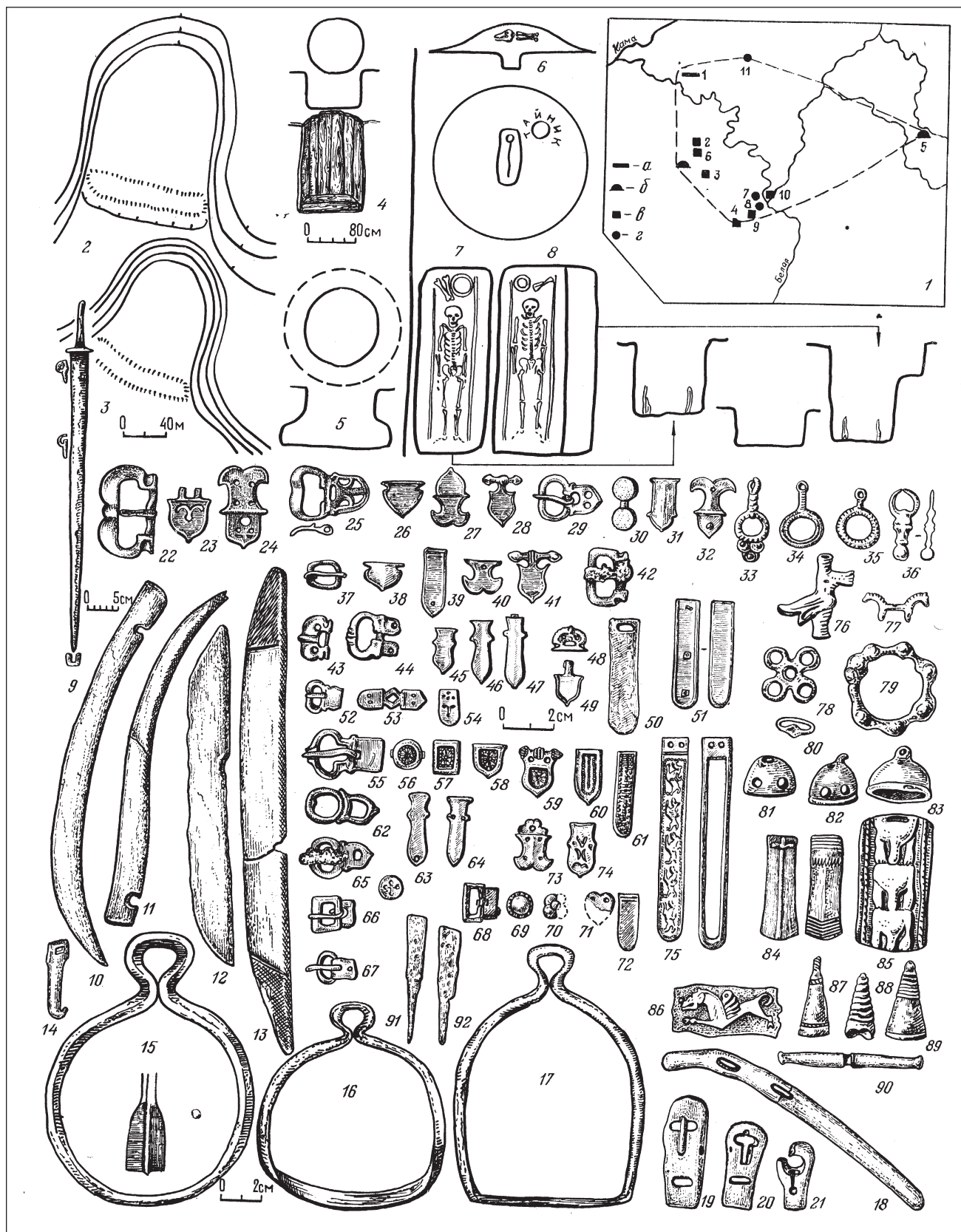

Рис. 15. Древности кушнаренковской культуры.

1 — распространение памятников кушнаренковской культуры (1 — Маняк; 2 — Старо-Калмашево; 3 — Чатра; 4 — Кара-Якупово; 5 — Лагерево; 6 — Ново-Биккино; 7 — Романовка VII; 8 — Чернозерский; 9 — Таптыково; 10 — Уфа; 11 — Юмакаево; а — грунтовый могильник; б — курганы; в — городища; г — селища); 2 — план Кара-Якуповского городища; 3 — план Старо-Калмашевского городища; 4 — хозяйственная яма, обложенная деревянными плахами (II Новотурбаслинское селище); 5 — яма с подбоем (Юмакаевское городище); 6 — план и разрез кургана; 7–8 — типы погребений; 9–92 — оружие, части конской сбруи, части воинских поясов. Составили Н.А. Мажитов и С.А. Плетнева. По *Археология СССР*, 1981. Рис. 15.

недостаточно, но накопленные материалы свидетельствуют о том, что по культуре они резко отличались как от бахмутинцев и турбаслинцев, так и других групп племен Южного Урала эпохи раннего средневековья. Необходимо отметить, в последние годы появились ценные публикации по истории и культуре кушнаренковских племен, которые пополняют ранее известные источниковые материалы.

Памятники кушнаренковских племен территориально охватывают весь Южный Урал, включая его восточные склоны, Среднюю Каму. В бассейне р. Белой они «островками» располагаются в непосредственном окружении бахмутинских и турбаслинских памятников. Следы пребывания кушнаренковских племен прослеживаются и на Средней Каме. Они фиксируются по находкам типично кушнаренковских сосудов в I Верх-Саинском городище и могильнике, Верхнеутчанском, I Кузубаевском городищах и других памятниках. В них эти сосуды присутствуют в качестве небольшого процента к основному керамическому комплексу местных племен (неволинская, верхнеутчанская культуры) [Иванов, 2008; Пастушенко, 2008; Иванов В.А., 2008], и, скорее всего, свидетельствуют об эпизодическом проникновении кушнаренковцев до пределов юга Пермского края и Удмуртии.

К кушнаренковской культуре относится около 30 поселений, в том числе ряд однослойных городищ с незначительными культурными отложениями. В них находки состоят главным образом из обломков керамики, подразделяющейся на две группы: кушнаренковскую и караякуповскую. Первая из них представлена тонкостенными сосудами (толщина их 3–4 мм) преимущественно кувшинообразной формы, с высоким узким горлом. Почти вся поверхность, очень часто и дно, украшены горизонтальными поясками врезных линий и отпечатками овального зубчатого штампа, а также короткими взаимопересекающимися насечками. Сосуды тщательной выработки. Тонкостенность делала эти сосуды в быту очень хрупкими и непрактичными, поэтому они, скорее всего, имели ритуальный характер. Не исключено, что они изготавливались в подражание металлическим сосудам. На это указывает также орнамент, напоминающий узоры на предметах торовитки среднеазиатских ювелиров.

Вторая группа сосудов по форме близка кушнаренковский, но отличается от них большей грубостью изготовления и орнаментом, располагающимся только по верхнему краю горла.

Культура кушнаренковских племен лучше представлена материалами курганов. Наиболее крупными среди них являются Лагереvские (р. Ай),

Манякские (р. Быстрый Танып), Такталачукские (устье р. Белой) и Сынтыштамакские (р. Дема) курганы. Особенностью их устройства являются невысокие земляные насыпи диаметром в среднем 7–8 м под простыми мелкими могилами. Характерно наличие под насыпями специальных тайников для укладывания особо ценных предметов.

В курганах умершие лежат в гробах, дно которых устилалось циновочным покрытием. Широко практиковались ритуальные захоронения коня в могилах и вблизи них.

Основной вещественный материал из курганов, за исключением керамики, повторяет находки из турбаслинских памятников VI–VIII вв., что непременно служит доказательством их синхронности. Численно преобладают среди них наборы поясных ремней, нагрудные и шейные украшения, в том числе сложновитые гривны, подвески в виде фигурки коня, серьги, перстни и др. Оружие представлено длинными мечами, которые носились в ножнах, украшенных Р-образными петлями. Среди находок много стремян, относящихся к числу самых ранних на Южном Урале.

В некоторых однослойных памятниках (например, Маняк) кушнаренковская посуда встречается совместно с глиняными сосудами, известными как кара-якуповский тип (название произошло от городища Кара-Якуп). Эти сосуды от кушнаренковских отличаются тем, что они более грубы, широкогорлы, круглодонны, орнамент располагается по горлу и состоит из коротких насечек в елочку, зигзагообразных и косых линий и выпуклых точек в виде полугорошин. Керамика таких памятников, как Кара-Якуповское, Старо-Калмашевское и Таптыковское городища состоит исключительно из сосудов кушнаренковской и караякуповской групп. Но тем не менее очевидны определенные типологические и хронологические различия памятников с кушнаренковской керамикой [Иванов, 1988], и это не следует упускать из виду при изучении вопроса об их происхождении.

В Западной Сибири есть группа памятников, которая обнаруживает определенную близость с кушнаренково-караякуповскими памятниками Приуралья. Это — Перейминский могильник [Чернецов, 1957. С. 172. табл. XIV] и Логиновское городище [Генинг., Евдокимов, 1969, табл. 55–56]. Подробнее об этой группе памятников в параграфе о культурах Восточного Зауралья.

Селенташская культура. Речь в данном разделе пойдет об оригинальной, многочисленной, но малоисследованной группе курганов, территориально занимающих степную часть Южного Урала

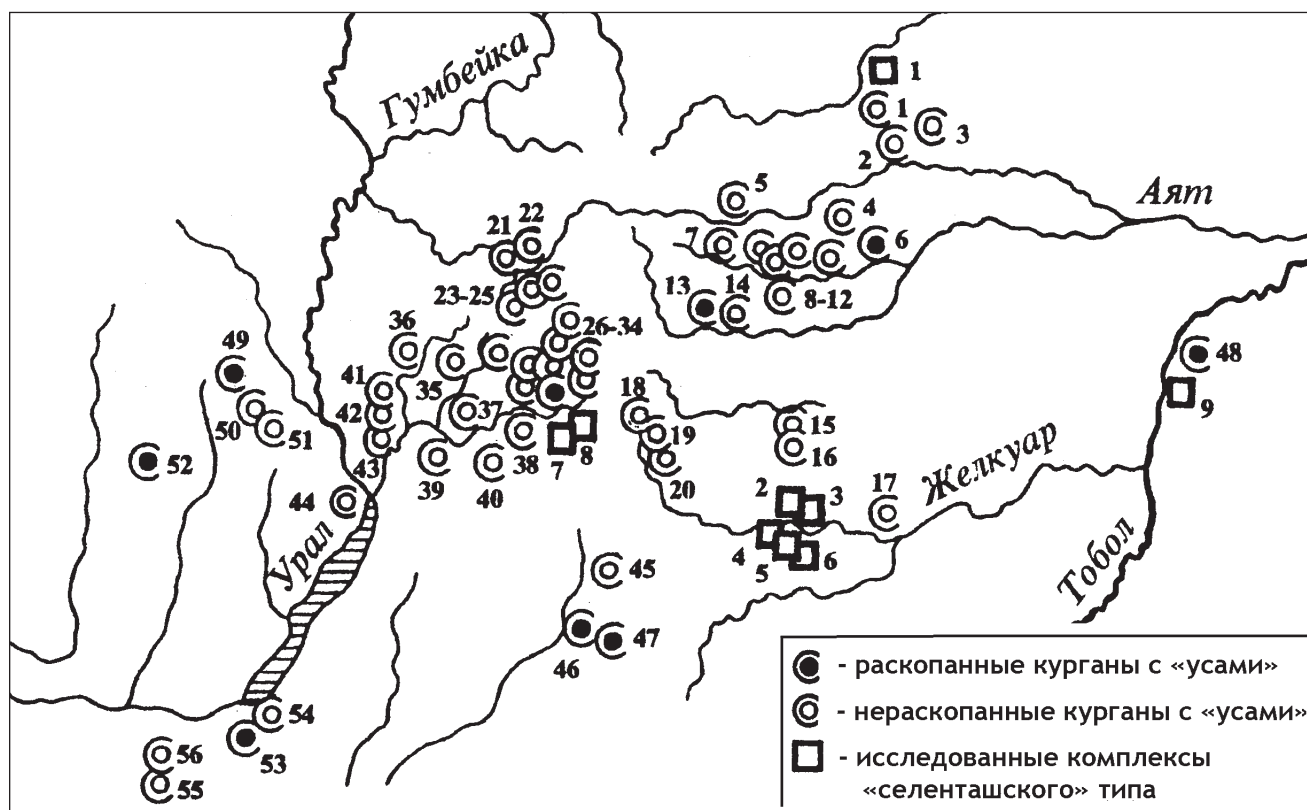

Рис. 16. Ареал памятников селенташского типа. По Древняя история... Рис. 20.

Курганы с «усами»: 1 – Варненский, 2 – Тулак, 3 – Новокулевчинский, 4 – Мичуринский, 5 – Система, 6 – Городищенский, 7 – Красный Яр, 8 – Знойный, 9 – Карталы, 10 – Вишневы, 11 – Рассветное, 12 – Елизаветпольский, 13 – Оленина Отнога, 14 – Карагайлы-Аят, 15 – «Чертово городище» I, 16 – «Чертово городище» II, 17 – Кайсай, 18 – Рымникский, 19 – Мирный, 20 – Синташтинский, 21 – Куйсак, 22 – Зингейнский, 23 – Заря I, 24 – Заря II, 25 – Сухореченский, 26 – Каменка I, 27 – Новинка II, 28 – Новинка I, 29 – Новинка Ia, 30 – Александровский, 31 – Крутая гора, 32 – Черкасы, 33 – Кайрахта I, 34 – Кайрахта II, 35 – Амамбайский, 36 – Карабулак, 37 – Измайловский I, 38 – Измайловский II, 39 – Кондуровский, 40 – Амурский, 41 – Ильясский I, 42 – Ильясский II, 43 – Обручевский, 44 – Березовский, 45 – Адрианополь, 46 – Солончанка I, 47 – Солончанка IX, 48 – Кызыл-жар, 49 – Нижне-Давлетовский, 50 – Баишево X, 51 – Баишево VIII, 52 – Султантемировский, 53 – Новоактюбинский I, 54 – Уральский, 55 – Медес, 56 – Чаушский.

Комплексы «селенташского типа»: 1 – Елантау, 2 – Селенташ, 3–5 – Крутой Овраг, 6–7 – Александровские, 8 – Кызыл-Жар.

(Башкортостан, Челябинская и Оренбургская области) и прилегающие к нему регионы Казахстана [Древняя история... С. 374–408; Боталов и др., 2006]. Насыпи курганов состоят из каменных набросков диаметром в среднем 7–14 м и высотой 20–40 см. Курганы располагаются, как правило, по одному и редко по два. Своеобразие этим курганам придают дугообразные линии длиной от 80 до 260 и более метров; благодаря этим линиям в археологической литературе их условно называют курганы «с усами». Первые два подобных кургана в Башкортостане были обследованы Н. А. Мажитовым в 1965 и 1972 гг. близ д. Нижнее Давлетово недалеко от г. Сибая. Такие курганы потом были выявлены у деревень Султантемирово (Зилаирский р-н) и Баишево (Баймакский р-н). После открытия Нижне-

Давлетовского кургана многолетние целенаправленные поиски и раскопки курганов «с усами» проводились в Челябинской, Оренбургской областях, а затем казахскими археологами в южных отрогах Уральского хребта. Общее число выявленных курганов сейчас превышает 140 [Древняя история... С. 293, рис. 20]. Но основная группа курганов «с усами» (около 300) располагается в Центральном Казахстане и известна под названием тасмолинская культура; в этом плане южноуральские курганы составляют далеко выдвинутую на запад локальную группу и отличаются более поздним возрастом. Название «селенташский тип» для южноуральских курганов «с усами» предложено С.Г. Боталовым и его в несколько измененном варианте как культура

в данном случае мы употребляем в сугубо рабочем плане.

Как разновидность памятников селенташской культуры следует рассматривать курганы с каменной наброской в насыпях, но не имеют «усов», а в остальном очень схожи с первыми. Не подлежит к сомнению и их синхронность, следовательно, они оставлены одной и той же группой населения. Разность в наличии и отсутствии «усов» в данном

случае носит, скорее всего, социальный характер [Боталов и др., 2006. С. 102–109].

Материалы около 10 раскопанных курганов южноуральской группы (селенташский тип) показали наличие в некоторых из них человеческих захоронений в мелких могилах (Султантимировский) или на древней поверхности земли (Солончанка I, IX, Нижне-Давлетовский). Гораздо больше следов человеческих захоронений в казахстанской группе

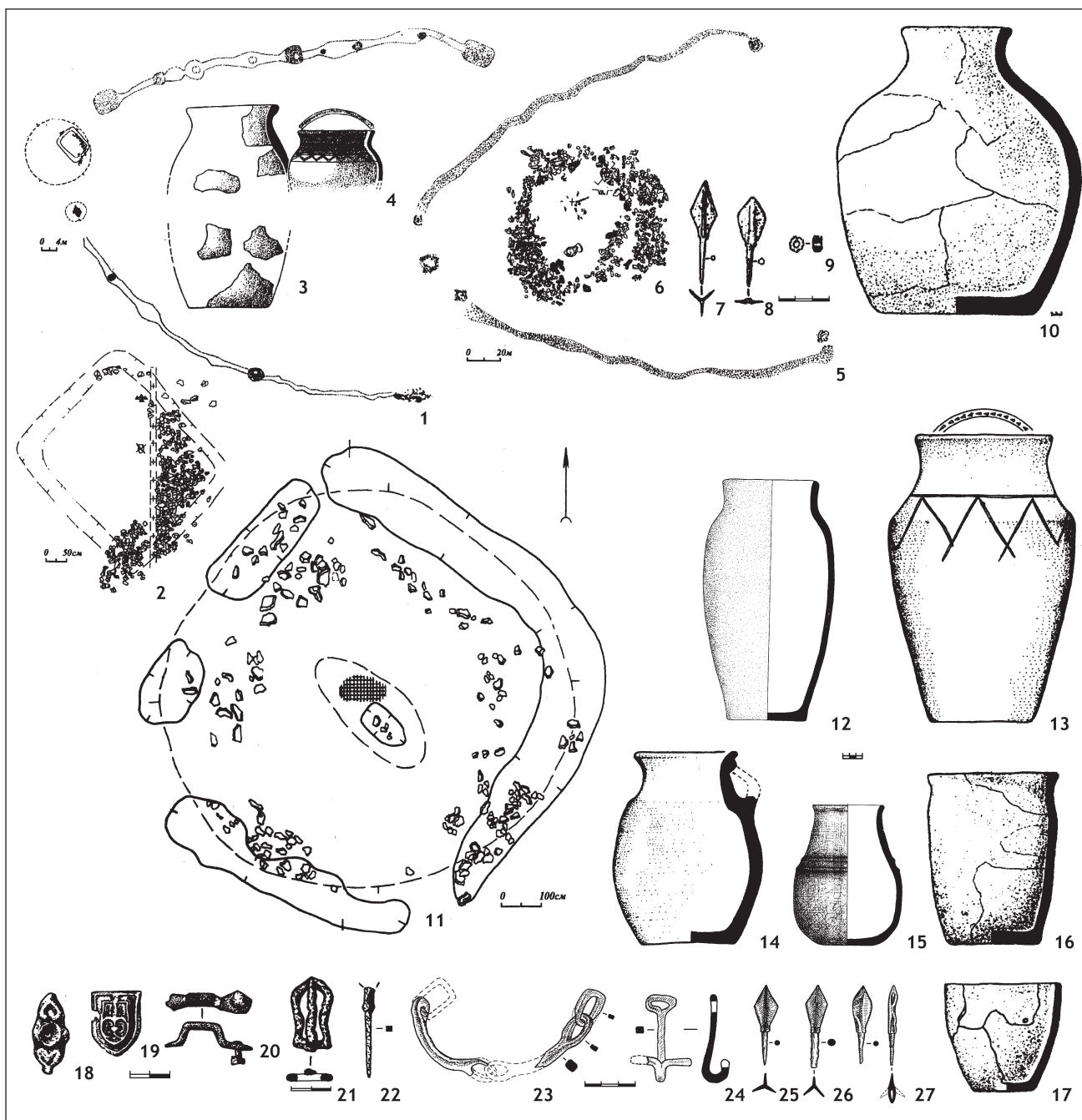

Рис. 17. Древности селенташского типа.

1–4 – Кайнсай, курган 14; 5–10 – Городищенское IX; 11, 18–20 – Елентау, курган 4; 13–14 – Селенташ; 16–17, 21–22 – Крутой Овраг; 12, 23–27 – Султантимировский I курган.

курганов с «усами» [Там же. С. 44–84]. Под камнями находили кости лошади, коровы, овцы, верблюда и различные предметы, обычно входящие в набор погребального инвентаря. Эти примеры позволяют высказать предположение о том, что и в остальных курганах тоже имелись наземные захоронения, которые могли не сохраниться. Во всяком случае, доказано, что основу каменной насыпи составляла крепида (ограда) прямоугольной, пятиугольной и шестиугольной форм в центре насыпи.

На расстоянии примерно 4–8 м от противоположной полы кургана или парно расположенных курганов расходятся полукруглые линии («усы»), состоящие из кучи камней или вертикально поставленных в несколько ряд каменных плит. На обеих концах линии заканчиваются небольшими каменными площадками диаметром от 4 до 5–6 м, под которыми встречены мелкие уголки, следы прокола и другие незначительные находки.

Курганы «с усами» дали немногочисленный, но очень яркий материал, который может послужить эталонным материалом при определении этнокультурной принадлежности археологических культур Южного Урала V–VIII вв. Сюда относятся плоскодонные кувшинообразные горшки с ручкой или без нее, сосуд кушнаренковского типа, железные трехлопастные наконечники стрел, принадлежности (пряжки, накладка) поясных ремней, украшения седла и некоторые другие предметы. Все они находят близкие аналогии в памятниках Южного Урала V–VIII вв., что позволяет этим временем определить возраст южноуральских курганов «с усами».

Подлинное назначение курганов «с усами» для археологов пока остается неясным. Распространенным является мнение о том, что оно имело погребально-поминальный характер и вокруг них совершались сложные обрядовые действия. Обращает внимание то, что строительство одного комплекса кургана «с усами» требовало колоссального объема труда прежде всего по добыче и доставке камней и их укладке в сооружении.

Авторы публикации материалов о курганах с «усами» провели большой сравнительный анализ, чтобы полнее представить их этнокультурную принадлежность и предназначение. Они убедительно показали, что территория их распространения не ограничивается урало-казахстанскими степями. Аналогии им известны на Правобережной Волге (Калмыкия), а также на востоке — в Монгольском Алтае и Западном Китае (Южный Синьцзян) [Там же. С. 147, 148]. Авторы приводят убедительные аргументы в пользу того, что традиция возведения курганов с «усами» возникла и распространялась в

эпоху тюркских каганатов, когда выдающихся каганов и вождей тюрков хоронили в храмах, от которых сохранились прямоугольные ограды, а расходящиеся от центра дугообразные линии («усы») оконтуривали пространство храма. Данное положение полностью сходствует с обрядом погребения Кюль-Тегина (умер в 731 г.) в храме-святилище (юрте), которое построено из кирпича и описано в письменных источниках. Перед покойником укладывали жертвенных животных — лошадь и овцу, затем сжигали, а пепел с вещами, побывавшими в огне, предавали земле. После этого сверху набрасывали камни. От места погребения на восток от входа в храм выстраивали аллеи балбалов, олицетворяющих убитых врагов. По мнению С.Г. Боталова курганы с «усами» как у тюрков Монголии, Саяно-Алтая, представляли культово-поминальные памятники [Там же. С. 149–159].

Несколько иную мысль по поводу курганов с «усами» высказал И.Э. Любчанский. Он предлагает курганы с «усами» и курганы с каменной наброской (селенташский тип) рассматривать как самостоятельные историко-культурные памятники и датировать V — началом VII вв. н.э. Причиной возникновения необычных по форме для южноуральского региона курганов с «усами» он склонен связать с приходом сюда в IV–V вв. н.э. большой группы племен хионитов из районов Северной Бактрии, вынужденных откочевать далеко на север в ходе ирано-бактрийских войн. Пришлые южане, смешавшись с местными племенами, среди которых первенствующую роль сыграли гунны, кангюйцы, возглавили политическую организацию (государство), которую И.Э. Любчанский рекомендует назвать эфталитской империей [Там же. С. 159–161].

Приведенные соображения И.Э. Любчанского заслуживают серьезного внимания. Он одним из первых высказал мысль о возможном приходе в III–V вв. на Южный Урал и районы Центрального и Западного Казахстана многочисленных племен из районов юга Средней Азии в широком смысле слова (Северный Афганистан, Иран), и с этим событием мог быть связан приток на Южный Урал многих вещей южного происхождения.

Что касается его замечаний относительно датировки памятников селенташской культуры, то следует заметить, что в ее материалах есть вещи, которые бесспорно датируются VII–VIII, даже IX вв. н.э. и в этом отношении доводы С.Г. Боталова выглядят более убедительными. На наш взгляд, возникновение и существование на Южном Урале и прилегающих степях Южной Сибири, Казахстана и Поволжья курганов с «усами» есть важное доказа-

тельство пребывания здесь тюрков — ведущих этнических групп Западно-тюркского каганата.

Бахмутинская культура. Изложенные выше события V–VIII вв. вызвали серьезные изменения в образе жизни, культуре оседлых племен — потомков раннебахмутинской культуры. Как и в предыдущие века, вся левобережная сторона р. Белой от места выхода из гор до устья была занята турбаслинской и кушнареновской культурами. Но пришлое население уже в IV–V вв. начало вытеснять бахмутинцев с правобережья на среднем течении р. Белой, о чем свидетельствует появление в IV–V вв. городищ с новым для Западного Приуралья материалом в бассейне рек Зилим и Инзер. Но в VI–VIII вв. пришлое турбаслинское население прочно освоило район устья р. Уфы, включая огромную территорию современного г. Уфы. Данный микрорайон становится крупным центром расселения турбаслинцев, о чем свидетельствуют могильники, более 20 селищ и городищ с мощными культурными отложениями.

В сложившейся обстановке расселения бахмутинцев произошли определенные перегруппировки. Если, например, местное оседлое население раннежелезного века (ананьинская, пьяноборская, мазунинская культуры) жили главным образом по берегам крупных рек, то в V–VIII вв. бахмутинцы широко и полностью освоили все водоразделы крупных и малых рек Северной Башкирии и Средней Камы (юг Пермской области и юг Удмуртии). Об этом говорит то, что на вершинах гор, возвышенностей и узких берегах малых рек здесь появляются около 100 новых городищ, относящихся к бахмутинской культуре V–VIII вв. Важно отметить, что на группу из 5–10 малых площадей городищ приходится одно крупное с мощными оборонительными сооружениями (валы, рвы); судя по сохранившимся следам, склоны таких городищ-крепостей эскарпировались, т. е. вертикально срезались на высоту 5–10 м. Такие городища особо крупных размеров расположены близ д. Сарвиха, Камышлы (Бирский р-н), Месягутово (Янаульский р-н), на горе Петр-Тау в устье р. Сюнь (Илишевский р-н), Тра-Тау (Краснокамский р-н) и в других местах.

Возникновение сотен городищ и открытых поселений вокруг них на новых, ранее необжитых местах со всей ясностью указывает, что ввиду многократного роста численности населения в Западном Приуралье остро встал земельный вопрос и бахмутинцы решили его путем плотного расселения в северных лесных районах.

Городища и селища бахмутинских племен застраивались прямоугольными жилищами полу-

земляночного типа. Наряду с этим у них, видимо, существовали и наземные бревенчатые дома.

По сравнению с V–VI вв. значительно обновляется состав предметов домашнего обихода, что произошло не без влияния турбаслинских и других групп пришлого населения. В VII–VIII вв., судя по материалам могильников, широкое распространение получают бронированная одежда — кольчуга и панцири из железных пластин, мечи, различные типы наконечников стрел, в том числе узкие, предназначенные для стрельбы в воина в кольчуге. Новым элементом культуры является также седло на жесткой деревянной основе с железными стременами — самыми ранними на Южном Урале.

Оригинальны поясные ремни, имеющие длинные подвески, спускавшиеся спереди на бедра. Весь ремень богато украшался бронзовыми, серебряными и золотыми пряжками и накладками различных форм. Много предметов новых форм появилось в составе серег, шейно-нагрудных украшений (гривны, подвески, ожерелья из бусин, браслеты, перстни), зеркал и керамической посуды. Прослежены остатки нижнего края одежды (кафтан) и обуви (голенище), сплошь украшенные серебряными колесовидными нашивками. Среди находок много привозных вещей, в том числе стеклянный кубок, хорезмийские серебряные монеты середины VIII в.

Оригинальна литая бронзовая фигура всадника. На ней изображен усатый мужчина с длинными косами, по спине, правая его рука лежит на колчане для стрел. Просматривается нижняя пола длинного кафтана. В раннесредневековой иконографии народов Евразии с косами изображали только тюркских мужчин, поэтому не подлежит никакому сомнению, что изображен тюрк. Близкие аналогии данной фигуре всадника имеются в древностях Средней Азии и Южной Сибири, и датируются они VIII в. н.э. Этим же временем датируется бирский тюркский всадник.

Новые черты появились в погребальном обряде бахмутинских племен. Например, в Бирском могильнике, начиная с рубежа VI–VII вв., для умерших устанавливали большие глиняные сосуды с жидкой пищей (каша, суп) и обильную мясную пищу из конины; наряду с традиционными могилами простой формы появились могилы сложных форм — с подбоями в северных узких стенках и заплечиками вдоль длинных. В то же время бахмутинцы начали практиковать ритуальные захоронения коня (шкура, голова, конечности) вблизи могил.

В могилах, судя по материалам Бирского и Бахмутинского могильников, широкое распростра-

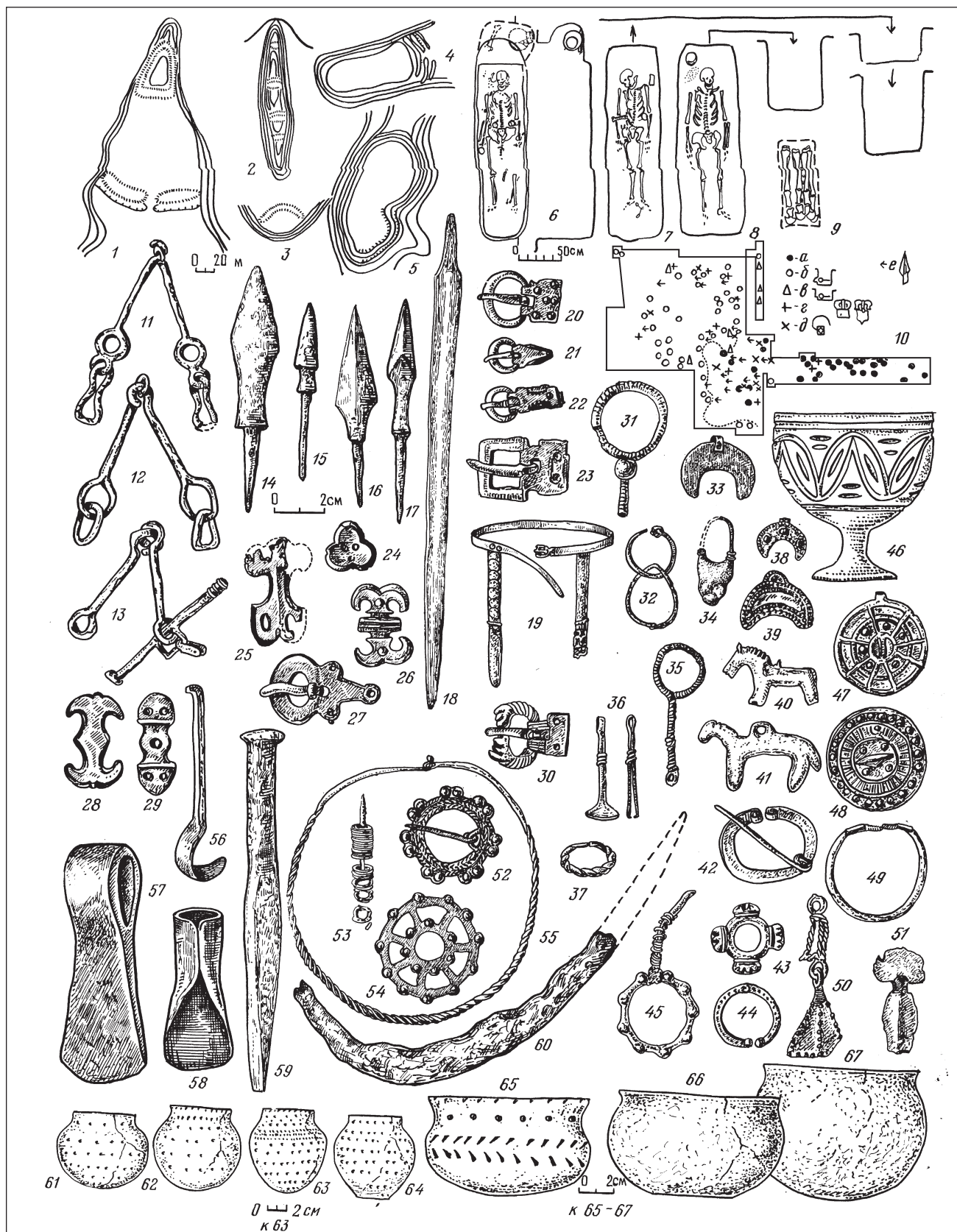

Рис. 18. Древности бахмутинской культуры.

1–5 – типы городищ (1 – Юлдашево (Петр-тау); 2 – Варяз; 3 – Афанасьевка; 4 – Баразинское; 5 – Шульганово);
 6–9 – типы погребений; 10 – план раскопа Бирского могильника; 11–18 – конская сбруя и оружие; 19–30 – пояс
 и его детали; 31–45, 49–55 – украшения, амулеты, фибулы; 46 – стеклянный сосуд; 47, 48 – зеркала; 56–60 – орудия труда;
 61–67 – сосуды; 6–67 – материал Бирского и Каратамакского могильников.
 Составили Н.А. Мажитов и С.А. Плетнева. По *Археология СССР*, 1981. Рис. 13.

нение получают глиняные сосуды турбаслинской и кушнаренковской культур, а некоторые из них украшены характерным для бахмутинцев орнаментом из мелких круглых ямок.

Все это вместе взятое является отражением глубоких процессов смешения пришлых турбаслинских и кушнаренковских племен и полной ассимиляции ими потомков местного населения.

Суммируя материалы по бахмутинской, турбаслинской и кушнаренковской культурам VI–VIII вв., следует сказать, что во всем бассейне р. Белой и на Средней Каме в результате прихода и оседания многочисленной группы населения южного происхождения образуется новое население, сильно смешанное в культурном и этническом отношении. В плане дальнейшего развития этнической и социальной истории края это был главный результат эпохи VI–VIII вв., имевший важное значение в формировании этноса и культуры башкирского народа IX–X вв.

Культуры Восточного Зауралья V–VIII вв. Этнический состав населения Восточного Зауралья рассматриваемого времени был очень пестрым и история его развивалась примерно по той же схеме, что и в Западном Приуралье. Следует заметить слабую изученность памятников V–VIII вв. [Сальников, 1956; Археология СССР, 1987. С. 83–193; Морозов, 2003. С. 166, 167; Матвеева и др., 2007], что не позволяет пока дать подробную характеристику быта и истории населения края.

Судя по накопленным материалам, здесь компактную группу тогда составляли носители бакальской культуры, локализуемой по берегам рек Тобол, Исеть и Ишим. Культура представлена мысовыми городищами, укрепленными с напольной стороны валами и рвами. На городищах нет следов жилищ, очевидно, они были наземными. Материал городищ состоит из обломков круглодонной глиняной посуды, украшенной по шейке ямочными наколами, крестиками и косыми насечками. Данный тип посуды хронологически трудно расчленяется, и, как увидим дальше, она на Южном Урале доживает до X–XII вв. Предполагается, что основным типом хозяйства бакальских племен было скотоводство.

Информация о памятниках бакальской культуры в 2008 г. значительно пополнилась благодаря публикации С.Г. Боталова и его коллег материалов новых раскопок на Большом Бакальском городище и кушнаренкоподобных сосудов из памятников Притоболья [Боталов и др. 2008. С. 6–41]. Особый интерес вызывает статья А.В. Епимахова о результатах исследований по определению абсолютного возраста двух бакальских городищ радиоуглеродным

методом. Объектом анализа послужили образцы древесного угля, взятые из фортификационных сооружений. Они дали даты от I в. до н.э. до VI в. н.э. [Епимахов, 2008]. На основе результатов сравнительного сопоставления ранее в литературе сложилось мнение о том, что Большое Бакальское городище и другие подобные памятники (например, Логиновское городище) существовали от VI–VII вв. до начала II тыс.н.э. и в этом плане полученная абсолютная дата представляется неожиданной. Вероятно, это можно объяснить тем, что памятник многослойный и образцы для анализа получены из ранних объектов. Находки керамики кушнаренковского облика, собранные на городище, по аналогиям из Западного Приуралья, надо полагать, отражают историю городища не ранее VI–VIII вв.

Исследователи придерживаются единого мнения о том, что бакальская культура сформировалась на основе местной саргатской культуры раннежелезного века и в этом смысле она принадлежит к местному оседлому населению. Важным этническим показателем этой культуры является керамика, представленная невысокими круглодонными сосудами, украшенными вокруг горла прочерченными горизонтальными поясками, елочкой, сеткой, ямочными наколами. Форма многих сосудов (выделенные короткие шейки) и особенно характер расположения узоров орнамента отдаленно напоминает сосуды кушнаренковского и караякупского типов Западного Приуралья, но, в целом, основной состав керамики бакальских памятников от них существенно отличается, и его лучше рассматривать как самостоятельный культурный комплекс.

В бакальских памятниках представлены редкие экземпляры кушнаренковских сосудов с ярким богатым орнаментом. В частности, они найдены в Большом Бакальском городище [Боталов и др. 2008. Рис. 10, 1–13, 18, 20, 23], Усть-Тарском-7 [Матвеева, 2007] могильнике и ряде других поселений.

Вопрос о происхождении кушнаренковской керамики Южного Урала и Западной Сибири в литературе пока носит дискуссионный характер. Многие археологи склонны считать, что кушнаренковская керамическая посуда первоначально сложилась в Западной Сибири и оттуда она распространилась в Западное Приуралье. Данное мнение нашло отражение в статье Д.Н. Маслюженко, опубликованной в 2008 г. В ней автор повторяет тезис своих предшественников о том, что около IV в. н.э. позднесаргатское население Западной Сибири мигрирует в Западное Приуралье и привносит сюда традицию изготовления кушнаренковской керамики [Маслюженко, 2008]. В связи со сказанным следует

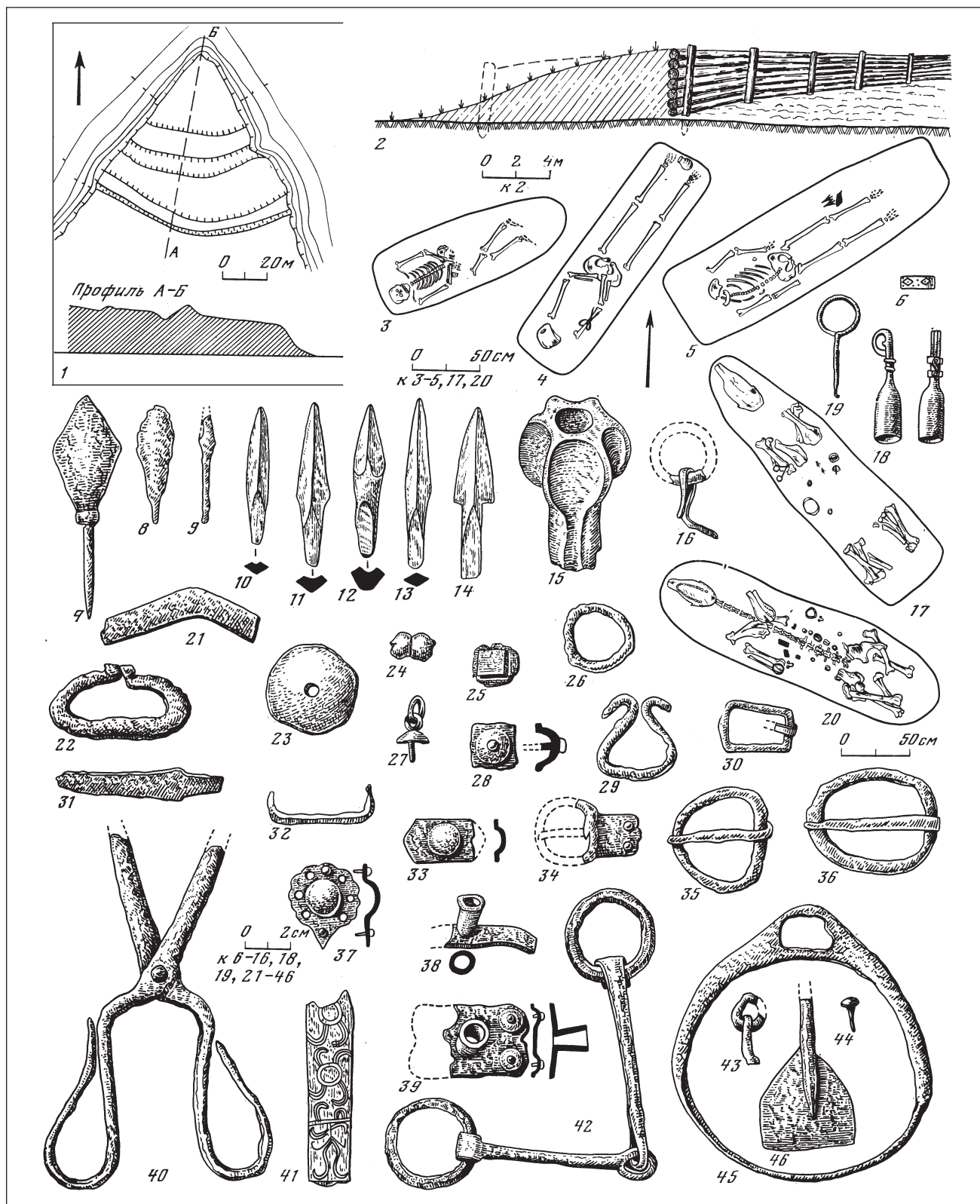

Рис. 19. Древности бакальской культуры.

1 — план Большого Бакаевского городища; 2 — реконструкция оборонительной линии; 3–5 — планы погребений Пахомовского могильника; 6 — бронзовая накладка; 7–8 — железные наконечники стрел; 10–14 — костяные наконечники стрел; 9 — железное шило; 15 — железная булава; 16, 43 — седельные кольца из железа; 17, 20 — захоронения коней; 18 — бронзовая подвеска от шумящего украшения; 19 — бронзовая серьга; 21, 25, 32 — железные оковки; 22 — железное кресало; 23 — глиняное пряслице; 24, 27, 28, 33, 37 — железные украшения сбруи; 26 — железное кольцо от сбруи; 29 — железная скоба от сбруи; 30, 34–36 — железные пряжки; 31 — железный нож; 38–39 — железные султаны от сбруи; 40 — железные ножницы; 41 — железная накладка; 42 — железные удила; 44 — железный гвоздь от оковки седла; 45–46 — железное стремя. По [Археология СССР, 1987. Табл. LXXIV].

подчеркнуть, что попытки выводить происхождение кушнаренковской керамики из саргатской культуры лишены основания. В своих ранних публикациях мы не раз подчеркивали, что кушнаренковоподобные сосуды в Западной Сибири появляются не раньше VI–VII вв., т.е. одновременно с кушнаренковскими сосудами Западного Приуралья. Это можно объяснить только тем, что происхождение керамики обоих районов имеют общие корни, восходящие к культуре кочевников Степной Евразии в широком смысле слова. В будущих поисках в данном направлении, на наш взгляд, желательно обратить внимание на следующие моменты: а) тонкостенная и изящная кушнаренковская посуда со сложным орнаментом, скорее всего, изготавливалась в подражание металлической и имела ритуальное значение. Нельзя также не отметить, что в курганах Южного Урала II–III вв. н.э. обнаружены образцы глиняной посуды, которые по форме и характеру орнамента могут быть рассмотрены как древние прототипы кушнаренковским [Агеев и др., 1995. Рис. 4, 14, 17; Боталов, 1993. Рис. 5, 14, 15]. Читателю будет интересно узнать, что сторонников умозрительного мнения о западно-сибирском происхождении творцов кушнаренковской керамики объединяет одна общая идея: в них они хотят найти археологические следы древних угров — далеких, но прямых предков венгерского народа. Современный венгерский язык очень близок языкам хантов и манси, которые живут в таежном краю Западной Сибири и вместе образуют угорскую группу финно-угорской языковой системы. Если бы подтвердилось лесное, западно-сибирское происхождение кушнаренковских племен, то, полагают они, наука приблизилась бы к решению сложной проблемы венгерского народа. А пока в этом вопросе бесспорным остается следующее. Приуральский и зауральский (бакальский) варианты кушнаренковской керамики, развиваясь в форме сосудов и орнаментации, продолжали бытовать до X–XIV–XV вв. и напрямую связаны с культурой тюркоязычных народов степной и лесостепной зоны Степной Евразии, в том числе башкир. Что касается о возможных связях творцов кушнаренковской керамики с мадьярами, то подробнее об этом речь пойдет ниже.

Южными соседями бакальской культуры было население подчевашской культуры, занимавшее оба берега Иртыша, включая низовья р. Ишим. Эта культура изучена лучше, чем бакальская, поэтому в ее истории выделяют этапы VI–VII, VII–VIII и VIII–IX вв. [Археология СССР, 1987. С. 183–193].

Подчевашское население вело оседлый или полuosедлый образ жизни, что подтверждается существованием большого количества мысовых городищ, территория которых застраивалась прямоугольными жилищами полуземляночного типа. Дома состояли из бревенчатого сруба, которые отапливались очагами, устроенными в углублениях в полу. Умерших хоронили по обряду как трупоположения в могилах, так и трупосожжения. Трупоположение совершалось на стороне, и мелкие пережженные кости укладывались в мелких углублениях. Носителям подчевашской культуры известен подкурганый способ захоронения покойников.

Такой беглый обзор погребального обряда подчевашцев показывает, что он был многовариантным, и это можно объяснить активным участием тюркского кочевого населения в повседневной их жизни.

Инвентарь подчевашских памятников очень разнообразен. В нем много железных и костяных предметов вооружения (наконечники стрел), железные ножи, серпы и др. Полно представлены различные типы серег, пряжек и накладок ремня, а также литейных предметов изобразительного искусства, где чаще присутствуют сюжеты с изображением человека и фигуры медведя. Керамика круглодонная, близка к чашевидной. Характерным элементом многих сосудов является орнамент из горизонтальных прочерченных линий вокруг горла в сочетании с короткими отпечатками зубчатого штампа. Этот тип посуды отдаленно напоминает поздние варианты кушнаренковских сосудов Южного Урала.

На лесном Среднем Урале археологически выделяются немногочисленные группы племен с ярко выраженным лесным характером культуры и образа жизни. Отношение их к раннесредневековой истории Башкортостана остается пока неясным.

Хозяйство и общественная жизнь населения Южного Урала VI–VIII вв. Приход с юга турбаслинской и кушнаренковской групп населения в предгорные районы края еще более усилил долю подвижного хозяйства. Но в условиях долгой и многоснежной зимы, исключающих возможность скоту добыть корм из-под снега путем тебеневки, как это происходило в степной зоне, естественным результатом было скорое их оседание. Возникновение серии городищ-крепостей, открытых селищ с мощными культурными отложениями в плане сказанного означало прежде всего организацию зимовки скота в стойловом режиме путем заготовки кормов (сенокошение). Важным подспорьем в этом деле, по-видимому, было традиционное использование

коры, веток таких деревьев, как вяз, ильм. Практиковались выезды на летовки в предгорья и горы. Хотя у нас нет прямых доказательств, но естественно предположить, что большие и сильные родоплеменные коллективы, особенно степной зоны, могли откочевать на зиму по традиционным маршрутам в приаральские и прикаспийские степи, как это делали дахо-сако-массагеты и гунны предшествующих веков.

У бахмутинских племен скотоводство могло развиваться только как пастушеское. Интересно отметить, что в некоторых погребениях Бирского могильника в качестве мясной пищи вместо конины ставили свинину (обнаружены кости свиньи). У лесных народов Восточной Европы это считалось обычным делом.

Другим важным направлением хозяйства было земледелие, следы занятия которым найдены у всех групп племен. Это — железные серпы в бахмутинских могильниках (Югомаш, Каратамак и др.), городищах (Имендяш, Уфа II) турбаслинских и кушнаренковских племен. Во многих городищах обнаружены круглые диски или их обломки от каменных жерновов ручных мельниц. Наряду с указанными обычными археологическими находками есть оригинальные следы занятий, например, турбаслинских племен земледелием. При исследовании поселения Новотурбаслинское II было обнаружено пять жилищ полуземляночного типа площадью 25–30 м². Около одной из землянок удалось выявить округлую яму диаметром около 2 м, глубиной около 1 м. Стенки и дно ямы были обложены тонкими, хорошо обработанными досками, а сама яма служила зернохранилищем. В полузаполненном состоянии яма погибла от пожара, о чем свидетельствуют обугленные зерна полбы и куски от досок [Мажитов, 1962. С. 154].

Следует отметить, что такой способ хранения зерна являлся традиционным для оседло-земледельческих племен Восточной Европы. Примерно через 200 лет его подробно описал Ибн Фадлан у волжских болгар (X в.). Он пишет, что болгары угощают своих гостей медовым напитком и вареной пшеницей, потому что «земля у них черная, вонючая, а у них нет помещений, в которых они складывают пищу, так что проходит лишь немного дней, как она портится, воняет (гнилью) и ею нельзя пользоваться» [Ковалевский, 1956. С. 136].

Второй оригинальной находкой являются жареные зерна пшеницы (полбы) в двух погребениях Новотурбаслинских курганов. Жареные зерна (курмас) являются издревле обычной злаковой пищей полукочевников. Состав погребальной пищи всегда

определялся вековыми традициями, и в том смысле занятие земледелием для турбаслинских племен в V–VI вв. являлось уже привычным.

Археологический материал, таким образом, позволяет определить уровень земледельческого хозяйства племен Южного Урала VI–VIII вв. как относительно высокий. Есть все основания предположить, что земледелие к этому времени повсюду приобрело плужный характер. Косвенным доказательством этому служат находки наральников от плуга в памятниках азелинских племен на р. Вятка и именниковских в Среднем Поволжье [Генинг, 1963. С. 26; Старостин, 1967. Табл. 13.].

При раскопках практически всех городищ и селищ VI–VIII вв. обнаружены куски шлаков, обломки тиглей, льячек и других предметов, свидетельствующих о занятии населения металлургией меди, бронзы и железа. Но самым конкретным материалом в пользу этого являются разнообразные предметы орудий труда, вооружения и украшений из могильников. Среди этого массового материала из разных памятников бросаются в глаза стандартные формы и размеры серпов, топоров, тесел, ложкарей, пряжек, наконечников — практически всего набора вещей, изготовлявшихся на месте. Следовательно, среди металлургов-кузнецов существовала высокая специализация. Вполне возможно, данная отрасль хозяйства существовала на уровне ремесла.

Памятники VI–VIII вв. изобилуют сотнями привозных вещей, указывающих на различные направления торгово-экономических связей. В них, видимо, главными были связи с югом, прежде всего с Кангюем, с которым большинство населения края было издревле связано своим происхождением, экономикой и культурой. Следует еще раз подчеркнуть, что в существовании кочевого и полукочевого скотоводства на Южном Урале меридиональные откочевки на юг на зимний период и возвращение на весенне-летний сезон считались необходимыми условиями и поэтому связи с югом для племен VI–VIII вв. были уже привычным делом. С юга на Урал пришли мастера-ремесленники по металлургическому, керамическому делу и другим отраслям, и они налаживали здесь свое производство, где отразились местные условия и традиции. Навыки их передавались ремесленникам из местной среды. Большинство вещей этого времени в крае, скорее всего, изготавливалось по данной схеме.

На юг племена Южного Урала, очевидно, вывозили пушнину, мед, металлические изделия (золото, медь, железо), получая взамен ювелирные изделия, шелковые ткани и другие товары. Кстати, фрагмен-

ты шелковых тканей обнаружены в ряде богатых погребений турбаслинских (из-под здания медицинского института, Уфа), бахмутинских (Бирск) могильников. Южное происхождение имеют стеклянные кубки, золотые колты, медальоны, ожерелья из стекла, янтаря и многие типы украшений на поясных ремнях. На это указывает хотя бы то, что сотни и тысячи вещей аналогичных форм богато представлены в памятниках указанного времени Поволжья, Кавказа, Крыма, Сибири и Казахстана и единые центры их изготовления пока трудно устанавливаются.

И в раннем средневековье Урал со своими природными богатствами продолжал привлекать внимание народов дальних стран, и в этом смысле Кангуй играл роль связующего звена. Речь в данном случае идет о широком распространении на Урале так называемых изделий сасанидского серебра, являющихся продукцией мастеров-ювелиров сасанидского Ирана и государств Средней Азии. К числу этих вещей относятся кубки, блюда, кувшины из серебра, некоторые с позолотой и богато декорированные различными изображениями, посвященными мифологическим сюжетам. Все они представляли шедевры высокого искусства и, безусловно, ценились очень дорого [Воицинина, 1953].

Специалистами подсчитано, что на территорию Восточной Европы, Сибири приходится около 200 таких изделий, но большая часть найдена на Урале. В Башкортостане, в частности, были найдены сасанидские блюда (примерно VI–VII вв.) в Гафурийском (кувшин), Чишминском (чаша) районах, в Пермской, Екатеринбургской и других областях.

Археологический материал, таким образом, рисует нам достаточно эффективный и широкомасштабный характер торгово-экономических связей племен Южного Урала с южными странами. Это предполагает, а конкретный материал подтверждает существование в крае товарно-денежного обращения. Доказательством этому служит появление на Урале первых кладов южных монет. Такие клады,

содержащие византийские монеты VI–VII вв., были обнаружены в местности Шестаково на Южном Урале и Бартым в Пермской области [Кропоткин, 1962. С. 10. № 69, 70]. Третий клад с монетами того времени открыт недавно на дне жилища-полуземлянки именьковской культуры в Среднем Поволжье [История Самарского... С. 122.].

Жизнь южноуральских племен VI–VII вв. проходила в обстановке, когда этот край был завоеван и включен в состав Западно тюркского каганата. Учитывая, что основное население сформировалось в результате оседания здесь пришлых из южных степей племен, а также сильное влияние южной культуры в местных памятниках, можно с уверенностью допустить, что носители турбаслинской, кушнаренковской и бахмутинской культур есть население Западно тюркского каганата. Соответственно, культура этих племен есть культура Западно тюркского каганата в южноуральском варианте. Кстати, сами письменные источники этого времени дают знать, что территория Южного Урала могла управляться правителями Тюркского каганата как отдельная провинция. В этом плане интерес представляет сообщение китайских авторов о том, что государство Кангуй имеет пять малых владетелей, во главе которых стояли, очевидно, наместники [Бичурин, 1960. С. 186]. Нам известен характер отношений Кангюя с правителями Западно тюркского каганата, но статус Южного Урала по отношению к каганату, скорее всего, определялся на правах самостоятельной провинции.

В плане общественной жизни населения Южного Урала, очевидно, были известны все социальные институты, присущие Западно-Тюркскому каганату. Сказанное подразумевает существование в крае политических государственных образований во главе со своим каганом (ханом), может быть, на правах наместника центральной власти, аппарата управления (чиновники, войска, дружина), сбора налогов, письменности, единой религии во главе с богом Тенгре и т. п.

БАШКОРТОСТАН В IX–X вв.

Караякуповская культура. Общее число известных сейчас памятников караякуповской культуры, территориально покрывающих весь Южный Урал, около ста. Основная часть этих памятников расположена южнее турбаслинских и бахмутинских, занимая промежуточное положение между ними и широкой степью. Эта часть территории археологически наименее изучена, особенно в плане выявления поселений, поэтому указанное выше число открытых памятников отнюдь не показатель степени всего богатства культуры.

На стадии первичной классификации материалов археологические памятники Южного Урала IX–X вв. выделялись в самостоятельную караякуповскую археологическую культуру [*Археология СССР*, 1981. С. 80–82]. В ряде работ эта культура была названа кушнаренковской [*Chalikowa E.A., Chalikow A.H.* 1981]. Но теперь, когда стало ясно, что по времени существования и территории распространения она полностью вписывается в границы Исторической Башкирии IX–X вв., в ее носителях невозможно видеть кого-либо, кроме башкир. В связи с таким бесспорным отождествлением впредь эту культуру лучше назвать культурой ранних башкир.

Около половины открытых памятников караякуповской культуры (42) составляют поселения. Однослойных среди них немного. К ним относятся Караякуповское, Старо-Калмашевское, Чатринское, Таптыковское, Кушнаренковское, Чукраклинское, Удельно-Дуванейское, Сасыкульское, Давлекановское и другие городища (всего 14). Необходимо иметь в виду, что в IX–X вв., и даже позже, продолжали функционировать многие городища и селища, основанные турбаслинцами (Уфа II, Имендяшево, Кушнаренково) и бахмутинцами (Кара-абыз) культур. Это подтверждается находка-

ми (керамика) указанного времени [*Мажитов*, 1977; *Он же*, 1981; *Он же*, 1981. С. 23–28, 80–82, 222–223]. По площади городища небольшие (в среднем не превышают 1000 кв. м) и занимают высокие мысы или вершины возвышенностей, укреплены одним-двумя невысокими валами и рвами. Селища располагаются на берегах рек и озер. Мощност культурных слоев на поселениях не превышает 30–60 см. На поселениях отсутствуют следы жилищ или каких-либо хозяйственных сооружений. По-видимому, все жилища башкир были наземными. Но зато есть яркие находки, связанные с хозяйственной деятельностью. Сюда относятся каменные жернова с Караякуповского городища и Удельно-Дуванейского селища. Кстати, такие каменные жернова найдены на городище Уфа-II. На Караякуповском городище найдены еще обугленные зерна полбы. Среди находок есть глиняный тигель, глиняная льячка, куски шлака и крица, железный рыболовный крючок, ложкарь и другие вещи.

Культура башкир лучше представлена материалами курганов. Судя по ним, для башкирских племен IX–X вв. характерны земляные курганы диаметром 8–10 м, высотой 40–60 см, насыпанные над мелкими простыми могилами. Изредка сооружались глубокие могилы с широкой ступенькой вдоль одной длинной стенки. Одновременно широко практиковались захоронения на уровне древнего горизонта с последующим насыпанием кургана над ними. Вблизи могил, а также в их заполнении часто встречаются следы ритуальных захоронений коня (шкуры, головы и четырех ног).

Выше не раз подчеркивалось, что случаи обнаружения в могилах или вблизи них черепов и ног лошади археологи объясняют как символическое захоронение коня. Такое толкование основывается прежде всего на свидетельстве Ибн Фадлана

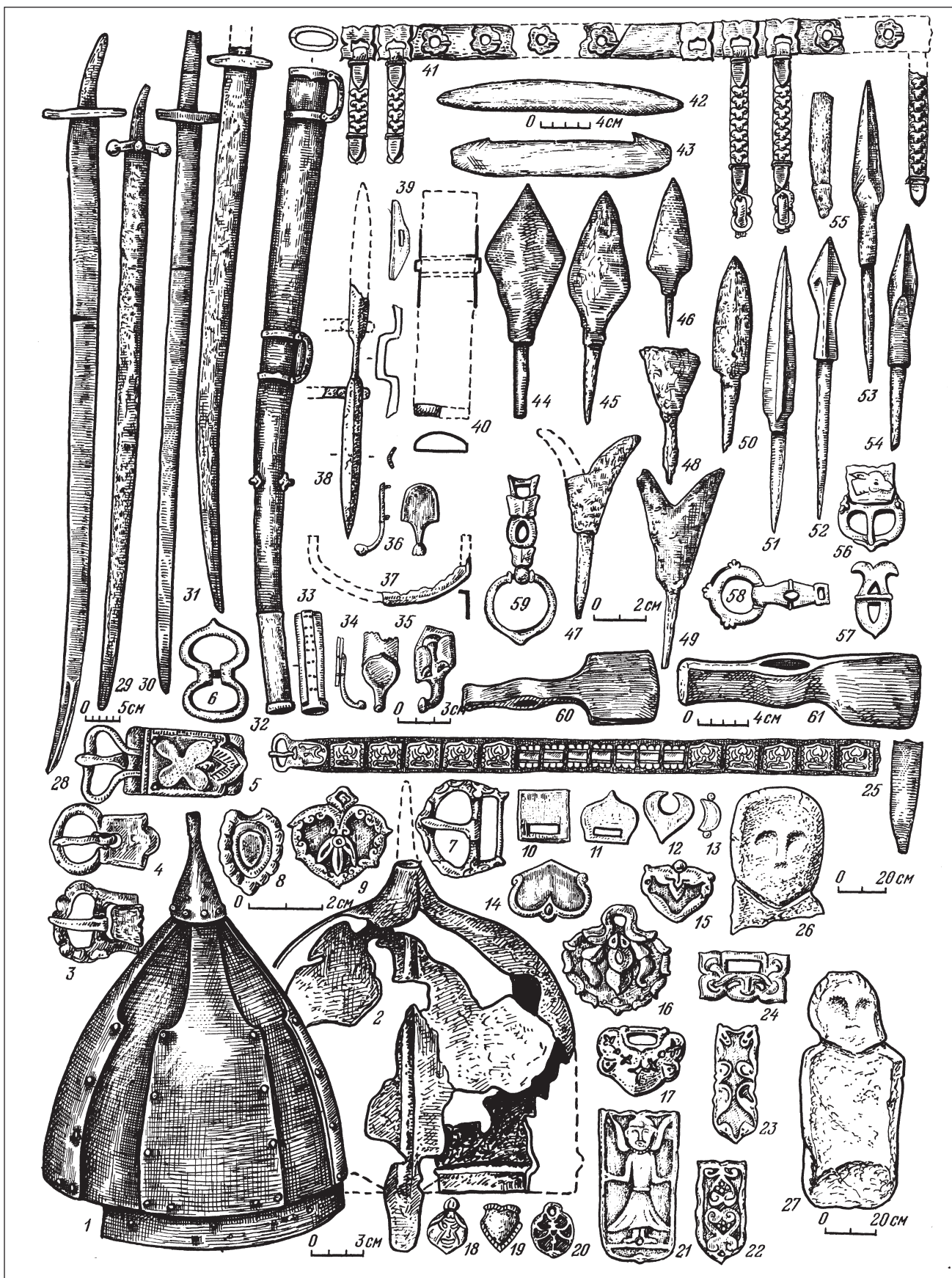

Рис. 20. Предметы вооружения и воинские пояса караякуповской культуры.

1–61 — материалы Ишимбаевского, Лагеревского, Муракаевского, Стерлитамакского, Хусаиновского, Житимаковского, Каранаевского, Старомусинского, Старохалиловского, I и II Бекешевских и Ямаши-тауских курганных могильников.
По Археология СССР, 1982. Рис. 55.

921–922 гг. о жизни гузов — ближайших соседей башкир. Судя по тексту, ему удалось либо наблюдать, либо подробно узнать похоронный обряд гузов. На дне могил сооружались невысокие срубы из 3–4 венцов, а дно стенки и верх сруба прикрывались несколькими слоями бересты. Для этой цели слои бересты сшивались, что подтверждается сохранившимися следами швов на них.

Другим важным признаком внутреннего устройства могил является широкое применение гробов из тщательно обработанных досок для погребения умерших. Остатки подобных гробов четко прослежены в I–II Бекешевских, Хусаиновских и ряде других курганных могильников. Установлено, что дно гробов устилалось войлоком, грубой шерстяной материей и циновкой. Все гробы имели четкие следы обугленности снаружи, хотя никаких остатков кострищ в ямах не обнаружено. Это редкое явление можно объяснить только тем, что гробы перед опусканием в могилу предварительно держались в огне.

Смысловое значение частичного сожжения гробов перед опусканием в могилу, очевидно, состоит в том, что они имитировали обряд трупосожжения, широко распространенный у некоторых групп кочевых племен Южной Сибири эпохи раннего средневековья. Кремацию, например, знала часть тюрков, она была знакома племенам IX–X вв. Тувы, омского и казахстанского Прииртышья и других районов этого региона.

По данным Р.Р. Усмановой, обычай настилать дно гробов циновочным или камышовым материалом характерен только для населения приаральского региона V–VIII вв.н.э. [Усманова, 2006.] и это служит еще одним доказательством того, что ранне-средневековое население Южного Урала сформировалось при активном участии пришельцев из Приаралья.

На многочисленных примерах установлена важная черта положения умерших: они лежат вытянуто, на спине со связанными ногами. Ноги связывались восьмеркообразной петлей из ремня, сплошь украшенного серебряными накладками. На основании указанных примеров можно заключить, что во всех курганах Южного Урала IX–X вв. (может быть, и позже) умерших хоронили со связанными ногами. Редкость археологических фактов здесь, видимо, объясняется тем, что ноги могли связывать веревкой или тканью, которые бесследно истлевают. Обычай связывать ноги умерших, по мнению исследователей, был распространен в прошлом почти повсеместно и преследовал цель, чтобы покойник не мог встать и принести вред оставшимся в живых.

Есть случаи привязывания рук к туловищу при помощи поясного ремня.

Умерших хоронили в нижней и верхней одежде, о чем свидетельствуют многочисленные остатки головных уборов, куски шелковой, шерстяной ткани, в том числе холщевой ткани от штанов.

К числу важных элементов культуры ранних башкир относится распространенный обычай укладывать на гробы седельные и уздечные наборы (рис. 21). Иногда в этих целях рядом с могилой выкапывались особые ямы-тайники, примером чему служит яма из Ямаши-Тауского кургана 2, где лежали седельные и уздечные наборы. Тайник, по-видимому, имелся и в Ишимбаевском кургане 12. Вблизи погребения 1, на глубине 1 м были найдены богато украшенные серебром седельный и уздечный наборы и ряд мелких предметов.

В курганах богато представлены предметы вооружения: ранние типы сабель, ножны к ним, которые богато украшены серебряными обкладками и фигурными скобами-петлями. Есть колчаны для стрел, лучники — кожаные футляры для лука, боевые топоры (рис. 20).

Оригинальны седельные наборы, куда относятся высокие арочные или 8-образные стремяна, детали от деревянной основы самого седла. Задняя и передняя луки седла богато декорировались серебряными пластинами. Примечательно, что наборы седельных и уздечных ремней пышно украшались серебряными, иногда позолоченными накладками, а на углах-связках — кругло-рамчатыми и другими формами накладок-тройчаток.

На манер седельных уздечных ремней богато украшались серебряными накладками поясные ремни, которые составляют одну из характерных особенностей культуры башкирских племен IX–X вв. Пояса имели длинные подвески, спускавшиеся спереди и сзади на бедра (рис. 20, 41).

Этнографические особенности культуры ранних башкир не менее богато представлены в составе женских украшений. Среди них есть различные типы наконечников с коньковыми и арочными или шумящими подвесками на длинных ремешках или бронзовых или серебряных цепочках. Оригинальны шейные украшения — ожерелья из бусин. Последние насаживались на 4–5 ниток различной длины, а посередине располагались большие серебряные подвески с ушками в виде стилизованных изображений головы лошади и других форм. Разнообразны серьги, перстни, браслеты, нагрудные подвески (рис. 22, 1–41). К числу редких находок относятся серебряные пластины-наглазницы, наложенные на глаза умершим.

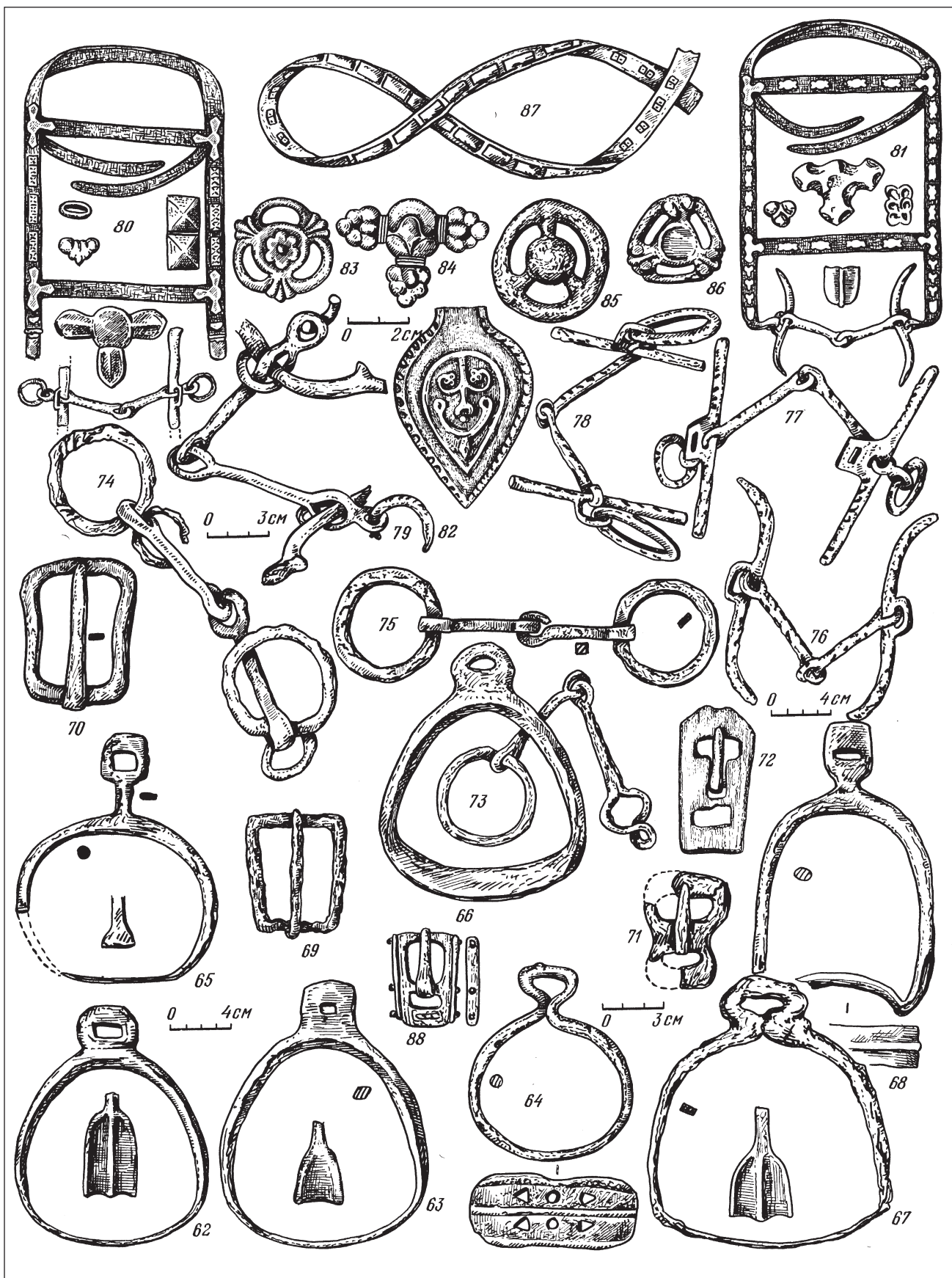

Рис. 21. Предметы конского снаряжения караякуповской культуры.

62–87 – материалы Ишимбаевского, Лагереvского, Муракаевского, Стерлитамакского, Хусаиновского, Житимаковского, Каранаевского, Старомусинского, Старохалиловского, I и II Бекешевских и Ямаши-тауских курганных могильников.
По Археология СССР, 1982. Рис. 55 (Окончание)

Башкиры поддерживали тесные торговые связи с народами Средней Азии, откуда получали различные дорогие ткани, остатки которых найдены во многих курганах. Например, в одном из Ямаши-Тауских курганов обнаружено 5 сортов согдийского шелка. В качестве кушака использовался роскошный шелк, сплошь покрытый сложным растительным орнаментом в виде древа жизни. По определению специалистов из Эрмитажа, данный экземпляр — третья известная находка в мире; первый хранится в Британском, а второй — в Тегеранском музеях.

Среди привозных вещей особую группу составляют высокохудожественные серебряные предметы, являющиеся продукцией мастеров-ювелиров главным образом Средней Азии и Ирана. Образец этого, так называемого сасанидского искусства найден в одном из погребений Стерлитамакского могильника, датируемого не ранее IX в. Богатый клад серебряных и золотых предметов этого же круга найден в 90-е гг. XX в. случайно во время земляных работ недалеко от д. Аврюз-Тамак (Альшеевский район РБ). Судя по отрывочным сведениям, в нем находились большие золотые (или золоченные) и серебряные большие блюда, в том числе на поддоне, но многие из них безвозвратно утеряны. Вероятная дата клада IX–X вв.

Проведенные специальные исследования показали, что время массового притока изделий сасанидского серебра приходится на IX–X вв. (около 70% от общего количества), а затем на XI–XIII вв. [Даркевич, 1976. С. 176–188]. Территориально в основном они приходятся на Верхнее и Среднее Прикамье. Не подлежит сомнению, что эти серебряные изделия шли на обмен пушнины — традиционные товары экспорта народов. Главными организаторами этой международной торговли, конечно, были башкиры, тесно связанные с южными странами многосторонними связями своей жизни.

Керамики немного; она представлена поздними вариантами турбаслинской, караякуповской и куш-наренковский посуды (рис. 22, 43–57).

Уникальными являются скульптурные фигуры человека из камня. По своим особенностям они являются копией каменных скульптур, широко распространенных в степях Южной Сибири, Казахстана и Центральной Азии.

В курганах встречаются серебряные и золотые монеты, отчеканенные в южных странах в VIII–IX вв. (Хорезм, Саманиды). Они использовались башкирами как деньги и украшения, о чем говорит нахождение многих из них в составе ожерелий из

бусин. Найденные монеты облегчают археологам определение возраста исследуемых памятников.

Самым восточным из известных памятников древних башкир является курганный могильник Граултры в восточной части Челябинской области. Памятник сильно разрушен пахотой, но в погребениях найдены глиняная посуда, украшения, детали конского снаряжения, типичные для таких курганов с территории Башкортостана, как I и II Бекешевские и Хусаиновские.

В Южном Зауралье памятникам типа Граултры, безусловно, предшествовали курганные могильники типа Байрамгулово, датируемые VII–VIII вв. н.э. В плане определения этнокультурной принадлежности этих курганов особенно интересна керамическая посуда, типологически очень близкая образцам из памятников всего Южного Урала VIII–X вв., в том числе курганов Граултры [Древняя история..., 2000. С. 320. Рис. 30]. Дальнейшее развитие культуры памятников типа Граултры в X–XI вв. приводит к появлению группы памятников, представленных Синеглазовскими курганами близ Челябинска [Там же, С. 335–337. Рис. 38–40]. По материалам, эти курганы также ничем не отличаются от южноуральских, что свидетельствует об отсутствии смены населения в начале II тыс.н.э.

В бассейне рек Тобола и Ишим в рассматриваемое время жило население, оставившее бакальскую культуру, отличающуюся от культуры своих соседей рядом специфических особенностей в быту. Их памятники представлены городищами, грунтовыми и курганными могильниками. Следы жилищ на городищах не выявлены. Керамика состоит из широкогорлых низких сосудов с ямочными наколами, крестообразными слочными насечками по шейке.

Судя по найденным материалам, бакальские племена занимались скотоводством, где ведущую роль играло коневодство. Происхождение племен бакальской культуры исследователи связывают с потомками саргатской культуры рубежа и первых веков н.э. Бакальская культура существует до XIII–XIV вв. [Археология СССР, 1987. С. 176–183].

На восточных склонах Урала в конце I тыс.н.э. выявлено еще несколько самостоятельных типов. Пока эта группа памятников, как и бакальской культуры, изучена недостаточно, поэтому трудно судить об особенностях быта и хозяйства их творцов.

В плане этнической принадлежности населения указанных групп памятников в литературе высказаны мнения о том, что оно в основном состояло из угрозычных племен, в которых следует видеть предков хантов и манси. Как известно, эти народы

Рис. 22. Украшения и керамика караякуповской культуры.

1—57 — материалы I и II Бекешевских, Идельбаевского, Ишимбаевского, Каранаевского, Лагеревского, Старохалиловского и Хусаиновского курганных могильников. По *Археология СССР*, 1981. Рис. 56.

считаются коренным населением таежной зоны Западной Сибири и племена, оставившие описанные памятники, могли иметь какое-то отношение к происхождению хантов и манси. Но племена бакальской культуры и их соседи по Восточному Зауралью и Западной Сибири жили в то время, когда господствующими этническими группами в лесостепной и степной зонах Южной Сибири и Южного Урала были уже тюркоязычные кочевники [Там же. С. 179, 183]. Самую конструктивную мысль по данному вопросу высказал Д.Г. Савинов. Напомнив, что в IX–XI вв., согласно сообщениям китайских историков рубежа VIII–IX вв., Южное Зауралье входило в состав кимакского каганата (подробнее об этом ниже), он предложил все археологические памятники Южной Сибири и Южного Зауралья рассматривать как памятники государства кимаков [Савинов, 1984]. Отсюда напрашивается вывод, что в составе населения указанных районов VIII–X вв., наряду с угроязычными племенами, непременно присутствовали представители тюркоязычных кочевников. На современном этапе изученности памятников, особенно бакальской культуры, мы не можем исключить возможность участия племен зауральских и западно-сибирских районов в окончательном формировании башкирского народа.

Древние мадьяры и башкиры. Историческая литература более одного столетия традиционно связывает происхождение мадьяр — дунайских венгров — с Южным Уралом. Возникло и широко распространено мнение о том, что в период, когда мадьяры жили на Урале, они вместе с башкирами составили единый народ и современные башкиры являются потомками оставшихся на Урале мадьярских племен, впоследствии принявших тюркский, т.е. нынешний башкирский язык. Впервые эта мысль была изложена в 60-х годах XIX в. Д.А. Хвольсоном и во все времена имела своих многочисленных сторонников. Данное обстоятельство вынуждает авторов более подробно остановиться на вопросе о том, насколько история древних мадьяр связана с территорией Южного Урала.

История мадьярских племен до 895–896 гг. в источниках отражена очень слабо. Наиболее полным среди них считается труд византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанный в 948–952 гг. как результат многолетних увлечений историей народов, находившихся в окружении Византии.

Константин Багрянородный был хорошо информирован о том, что венгры (названные им тюрками), жившие в его время в Паннонии, ранее

расселялись ближе к побережью Черного моря и были изгнаны оттуда печенегами. Эта исходная родина мадьяр называлась Леvedией-Этелькузой — по именам двух вождей-предводителей. Автор особо подчеркивает, что эта страна занята теперь печенегами и через нее текли такие реки, как Варух (Днепр), Кува (Буг), Трулл (Днестр) и Брут (Прут) [Константин Багрянородный, 1989. С. 159–163]. Эти географические ориентиры позволяют четко локализовать страну Леvedию-Этелькузу в пространстве между устьем Дуная и Днестром.

Время заселения мадьярами страны Леvedии-Этелькузы некоторые исследователи относят к началу VIII в. [Там же. С. 391] Уточнение в данный вопрос могут внести слова автора о том, что до прихода в страну Леvedию-Этелькузу мадьяры входили в один союз с савартами-асфагами и об уходе с мадьярами на запад части савартов [Там же. С. 159, 161]. Речь, очевидно, здесь идет о савирах — выходцах из Западной Сибири, которые появились в прикаспийских европейских степях в начале VI в. Дальнейший путь движения основной массы савиров, как указывают письменные источники, пролегал через западное побережье Каспийского моря в Закавказье, где они входят в активные контакты с Византией и Ираном [Артамонов]. Но Константин Багрянородный четко различает, что мадьяры с савартами (савирами) были в союзе до выдвижения савиров в Закавказье. Так как часть савиров ушла с мадьярами, то это событие произошло не позднее начала VI в. Следовательно, эта дата и есть время появления мадьярских племен в степях Восточной Европы.

С сообщением Константина Багрянородного о мадьяро-савартских (савирских) контактах около VI в. на правобережной Волге перекликается информация одного из крупнейших российских востоковедов XX в. В.Ф. Минорского. Он пишет, что в середине VII в. имело место вторжение с севера в Закавказье группы мадьяр, которые затем поселились в районе Шамхора [Минорский, 1963. С. 37; Радлов]. Раньше В.Ф. Минорского о закавказских походах мадьяр в VI в. писал еще В.В. Радлов. Если факты, о которых сообщаются в использованных указанными авторами источниках, имели место, то Южный Урал должен быть исключен из числа возможных регионов пребывания мадьяр VI–IX вв.

Константин Багрянородный, хорошо информированный об этническом составе венгров в X вв. Паннонии, выделяет следующие племенные группы: отколовшиеся от хазар кавары, ньек, медьер, куртугермат, дьярмат, тарьян, генах, кер и кеси [Константин Багрянородный, 1989. С. 163]. Современные исследователи постоянно обращают внима-

ние на то, что в этом перечне названий племен имена дьярмат, генах и кеси близки к названиям башкирских племен юрматы, еней и кеси, и это сходство интерпретируют как доказательство этнического родства древних башкир с мадьярами.

Письменные источники однозначно указывают, что отмеченные племенные названия зафиксированы у венгров в середине X в., когда западная группа башкир находилась еще в составе печенежского племенного союза, и, следовательно, между ними нет прямой связи. Это значит, что существующее сходство в названиях трех племенных групп образовалось задолго до X в., и причины его образования требуют иного объяснения. Следы пребывания венгерских племен в степях Восточной Европы VI–IX вв. и более ранних веков остаются пока не выявленными, и ограничивать их поиски только территорией Южного Урала нет никаких оснований.

Противоречивые сведения о дунайских венграх содержатся в письменных источниках XII–XIV вв. Так, например, известный путешественник XII в. ал-Гарнати в период 1131–1153 гг. три года прожил в Венгрии и имел возможность хорошо изучить этнический состав населения Венгрии. В свете вышеприведенных сведений о венграх IX–X вв. несколько неожиданным является его утверждение, когда он называет венгров башкирами, а их царя королем [*Путешествия Абу Хамиди ал-Гарнати...*, 1971. С. 27–41]. Но ал-Гарнати не единственный автор, упоминающий о башкирах в Венгрии.

О башкирах на Дунае пишет авторитетный арабский автор XII в. Идриси. Он знает о двух группах башкир: внешних и внутренних. «Басджирты делятся на два племени, пишет он, которые обитают близ границ страны гузов за булгарами. В их войске около двух тысяч воинов. Они укрываются в лесах, где никто из тех, кто граничит с ними, не может их достать. Они повинуются булгарами. Они решительны и сильны. Народ басджиртов граничит с баджнаками. Басджирты и баджнаки – турки, граничащие с Румом» [*Коновалова*, 2006. С. 122, 240]. В приведенном отрывке в башкирах, живущих в лесах, легко подразумеваются уральские башкиры, в башкирах вблизи Рума, т.е. Византии – западная группа башкир, участвовавшая в составе печенежского союза племен в опустошительном ограблении страны мадьяр Леведии-Этелькузы в 895 г. По единодушному мнению исследователей, при написании истории башкир для ал-Идриси первоисточниками послужили труды арабских авторов IX–XI вв. Следует подчеркнуть, что несмотря на четкое упоминание проживания западной группы башкир

вблизи Византии, т.е. на Дунае, автор новейшего наиболее полного исследования труда ал-Идриси И.Г. Коновалова данную фразу первоисточника оставила без комментария. Она лишь ограничилась замечанием, что у ал-Идриси деление башкир на внутренних и внешних проведено недостаточно последовательно. В плане нашего изложения важным является констатация пребывания группы башкир на Дунае.

О башкирах на Дунае были хорошо информированы три автора XIII в. Якут, Казвини и Ибн Саид. Якут, например, общался с представителями башкир в г. Алеппо, которые рассказали ему, что «они исповедуют ислам, они подданные короля Венгрии и здесь они заселяют около тридцати местностей (селений – *Н.М., А.С.*), которые, однако, они не имеют право окружать стенами, ибо король боится восстания». Для дальнейшего изложения темы о мадьярах это очень важно, поэтому вывод, вытекающий из приведенного источника, мы излагаем словами самого А.Д. Хвольсона. Он говорит, что сообщение Якута позволяет утверждать, что тут речь идет об отдельных группах башкир, попавших в страну мадьяр вследствие неизвестных нам событий [*Хвольсон*, 1868. С. 106–107].

Сведения Якута подтверждает Казвини (XIII в.). Он знает о той группе башкир на Дунае, о которых ранее писали ал-Идриси и Якут. «Башкиры, пишет он, живут в избах и не имеют крепостей. Каждое местечко представлялось в ленное (самостоятельное) владение знатной особе, но из-за возникших споров король отнял у них это право владетелей и назначил определенное жалование из государственных сумм». Далее говорится, что из-за возникших споров башкиры отказались в составе войск венгерского короля участвовать в войне между венграми и татаро-монголами в 1241 г. на Дунае. «Тогда татары и опустошили страну мечом и огнем, не найдя нигде сопротивления». Возможно, дунайские башкиры отказались участвовать в этом сражении, зная, что на стороне войск Батыя присутствуют их сородичи-башкиры с Урала. Этим двум названным авторам (Якут, Казвини) вторит Ибн Саид о башкирах, проживающих в горно-лесистой местности к югу от Дуная в городе Рааб, который, как и другие венгерские города, был ограблен татаро-монголами [*Бартольд*, 1973. С. 104–107; *Кузеев*, 1974. С. 445–447]. Авторы XIV в. Рашид ад-дин и Димешки также делают намек на то, что группа башкир в XII–XIII вв. проживала в составе населения Венгерского государства. Это видно из того, что венгерского короля они называют башкирским королем, возглавившим войска венгров в битве с армией Батыя на

Дунае в 1241 г. [*Рашид ад-диг*, 1960. С. 45.] Понятие «башкирский король» разнозначно названию венгров башкирами. Без присутствия самих башкир в составе населения и армии определение «башкирский король» не возникло бы никогда. Следовательно, пребывание группы собственно башкирских племен в XII–XIII вв. на Дунае реальный факт.

Время прихода башкир на Дунай пока остается неясным. В качестве рабочих можно высказать две основные версии: а) это — остатки тех башкир, которые пришли в Северное Причерноморье (40–50-е годы) в середине IX в. в составе печенежского военно-политического союза, участвовавшие в опустошении страны мадьяр Леведии-Этелькузы. В период возвышения этого союза в X — начале XI вв. эти башкиры, надо полагать, входили в его политическую элиту, но после его разгрома вынуждены повторить маршрут венгров 895–896 гг. и переселиться на Дунай; б) переселение в Северное Причерноморье и на Дунай могло произойти и в более раннее время, например, в середине VIII в., в период или после хазаро-арабских войн. В данном вопросе любопытным является следующая деталь: дунайских башкир источники характеризуют как мусульман. Известно, что после хазаро-арабских войн какая-то часть хазарского каганата вместе с правящей элитой принимает ислам и среди них могла быть среднеповолжская группа башкир, по неизвестным пока причинам вынужденная передвинуться далее на запад, вплоть до Дуная. Предпочтительнее выглядит первая версия.

С сожалением приходится констатировать, что никто из историков последующих поколений вплоть до современности не пытался комментировать вышеприведенные сведения о башкирах в Венгрии. Их взоры были обращены главным образом на сообщения Юлиана, Плано Карпини и Г.Р. Рубрука, которые, на первый взгляд, дают сведения иного характера, но связанные главным образом с уральскими башкирами.

Дело в том, что у потомков мадьяр, осевших в 895–896 гг. в Паннонии, к XIII в. были свежи предания о приходе их предков с востока из-за Волги. После возникновения собственного королевства и по мере его укрепления у дунайских венгров повысился интерес к идее отыскать оставшихся на востоке сородичей, и король в 1235 г. снаряжает экспедицию во главе с монахом Юлианом. После долгих мытарств, потеряв всех своих спутников, он через Константинополь, Северный Кавказ добрался до г. Болгара — столицы Волжской Болгарии. Там он встретил женщину, которая после замужества ока-

халась в племени, считавших себя оставшимися на востоке венграми. Со слов женщины он узнал, что они жили в трех днях пути, что составляет около 75–90 км от города Болгара, расположенного в устье р. Камы. Юлиан предпринимает путешествие к ним, беседует с ними и в своем отчете королю отмечает, что они его понимали и он их. Удовлетворенный результатами путешествия, король на следующий год (1236 г.) направляет Юлиана вновь на восток с задачей распространения среди восточных сородичей католической веры. Судя по отчету, сохранившемуся в переизложении других авторов, Юлиан во время второй поездки добрался до страны башкир; он пишет о венгерском хане, о войне, происшедшей незадолго до его приезда между венгерами и монголами, но все современные комментаторы (Г.А. Федоров-Давыдов, Л.Н. Гумилев и др.) уверены, что под этими венграми Юлиан подразумевал башкир и это подтверждается сведениями других письменных источников [*Аннинский*, 1940. С. 81–85]. Несмотря на это, многие современные историки полагают, что во время обоих путешествий Юлиан побывал на Урале среди венгров [*Кузеев*, 1974. С. 400–425]. Однако следует подчеркнуть, что отчет Юлиана о первой поездке носит неконкретный характер: в нем нет указаний, где — на востоке, юге, западе или севере от г. Болгара — жила указанная группа людей; от ответа на этот вопрос принципиально меняется ситуация. Например, он мог побывать среди марийцев или мордвы, язык которых схож с венгерским. Не лишен основания вопрос: побывал ли он во время первой поездки где-нибудь вне пределов Болгара.

Плано Карпини был первым европейцем, совершившим путешествие в 1247 г. в Монголию после окончания военных походов татаро-монголов в Восточную и Центральную Европу. Перечисляя народы и страны, завоеванные татаро-монголами, он называет «баскарт», т.е. Великая Венгрия [*Путешествие в восточные страны...*, 1957. С. 48]. Из контекста непонятно, кого имел в виду Плано Карпини — дунайских или уральских башкир; вполне возможно, что он вслед за вышеназванными двумя авторами, имел в виду Венгрию, где проживала какая-то группа башкир. Но в мировой историографии единое мнение о том, что «страна башкир есть Великая Венгрия», как крылатая фраза без всякого критического анализа кочует из одной работы в другую до сегодняшнего дня.

Гильом Рубрук последовал по маршруту Плано Карпини через 10 лет. В своих записях он пишет: «Проехав 12 дней от Этилии (Волга) мы нашли большую реку, именуемую Ягак (Яик); она течет с

севера из земли паскатири (башкир)... Язык паскатири и венгров один и тот же; это — пастухи, не имеющие никакого города... Из этой земли паскатири вышли гунны, впоследствии венгры» [*Путешествие в восточные страны...*, 1957. С. 122, 123].

Сообщения обоих авторов о Южном Урале как о прародине венгров нуждаются в серьезном критическом анализе. Прежде всего возникает вопрос о том, насколько достоверны сведения ал-Гарнати, Рашид ад-Дина и, возможно, Плано Карпини о башкирах в Венгрии.

При поиске ответа на этот вопрос полностью исключается возможность прихода башкир в Паннонию в составе мадьярского союза племен в 896 г. Тогда башкиры пребывали в враждебном для мадьяр печенежском племенном союзе и, судя по сообщению Константина Багрянородного, они в середине X в. находились в Северном Причерноморье, в том числе на территории легендарной страны мадьяр Леведия-Этелькуза. На наш взгляд, самым вероятным является следующий вариант: причерноморская группа башкир (ал-Балхи, Ибн Даста, Константин Багрянородный) в Паннонию переселилась после разгрома в XI в. печенежского военно-политического союза со стороны вторгшихся из заволжских степей гузов и древнерусских княжеств. При любом случае это переселение могло иметь место на несколько десятилетий раньше времени пребывания ал-Гарнати в Венгрии.

Помимо вышеприведенных сведений письменных источников есть ряд косвенных данных, свидетельствующих о проживании тогда на Дунае башкир и участии их в этногенезе венгерского народа. Например, в Венгрии есть такие топонимические названия как с. Сакмар, Тазлар, Токсаба, Урман,

которые полностью совпадают с башкирскими на Урале [Гарипов, Кузеев, 1962. С. 326]. Сходство имеется в названиях некоторых племен: у венгров племена дьярмат, ене, а у башкир юрматы и еней, буляр, тазлар, унгар [Немет, 1971. С. 249–267].

Профессор Дж.Г. Киекбаев обратил внимание на полное сходство сюжетной композиции и имен персонажей башкирских и венгерских сказаний [Киекбаев, 1959.], что могло возникнуть при непрерывных этнических контактах представителей двух народов. Наконец, сохранившиеся в начале XIII в. яркие воспоминания у дунайских венгров (башкирского происхождения) о прародине Урале. Можно допустить, что двухкратное путешествие Юлиана на Урал — в страну башкир — было предпринято, скорее всего, не по преданиям собственно венгров, а башкир, влившихся уже в состав венгров в качестве башкирского компонента. Таким образом, есть все основания думать, что пребывание башкир на Дунае в XI–XIII вв. можно считать достоверным фактом.

Особо подчеркнем, что на основе проанализированных выше письменных источников о дунайской группе башкир еще в начале XX в. к выводу о проживании в XII–XIV вв. на Дунае собственно башкирских племен пришел такой авторитет востоковедческой науки России, как В.В.Бартольд [Бартольд, 1973; Мажитов, 2006. С. 5–11]. Следовательно, он допускал мысль об участии дунайской группы в окончательном формировании венгерского народа. В то же время очевидно, что в письменных источниках о стране башкир с городами на Южном Урале полностью отсутствуют сведения о мадьярах. Отсюда значит, что изучение вопросов додунайской истории мадьярских племен требует иной постановки.

БАШКОРТОСТАН В X–XII вв.

В X–XII вв. границы расселения башкирского народа на Южном Урале в целом остались неизменными. Река Яик в среднем течении осталась пограничной полосой между башкирами и огузо-кипчаками, а Восточное Зауралье с прилегающими районами Западной Сибири до Иртыша с башкирским населением входило в состав Кимакского государства и контролировалось представителями его властей. Ведущими этническими группами в этой части Башкортостана оставались башкиро-огузо-кыпчакско-кыргызские племена, в составе которых могли пребывать представители угорских племен, расселявшихся основным массивом в лесных районах Западной Сибири и на Среднем Урале. На западе башкиры граничили с болгарами Среднего Поволжья, а северная граница тогдашнего Башкортостана проходила по Средней Каме и Среднему Уралу (юг Пермской и Свердловской областей), где башкиры приходили в активное соприкосновение с местными племенами, говорившими, как считают языковеды, на различных диалектах финно-угорских языков (рис. 23). Среди них, конечно, были предки современных удмурдского и коми-пермяцкого народов.

Здесь нужно упомянуть важный для Южного Урала фактор — ежегодные меридиональные перекочевки населения с юга на север и обратном направлении в зависимости от времени года. Известны примеры исторической этнографии башкир XVI–XVII вв., свидетельствующие о существовании маршрутов кочевий башкир из горно-лесных районов в степи в направлении восток-запад и обратно. Все это сопровождалось как оттоком, так и притоком на Южный Урал новых групп населения. Умозрительно можно предположить, что наряду с основным башкирским населением здесь пребывали представители других родов и племен, но архео-

логический материал трудно расчленять по этим показателям, поэтому с определенной условностью археологические памятники рассматриваемого времени мы рассматриваем как башкирские.

Приступая к анализу историко-археологических источников X–XII вв., мы должны иметь в виду, что все эти сложные передвижения, миграции племен и народов имели место на всем Южном Урале, но пока наука не в состоянии фиксировать эти процессы каждый в отдельности.

Наиболее изученными памятниками этого периода являются курганы. Это — Каранаевские, Идельбаевские, Старо-Халиловские, Ишимбайские, Лагереvские, Синеглазовские, Муракаевские и Житимакские курганы. К этому же времени относятся курганы близ Каскинского, Кавелинского рудников Троицкого уезда Миасского округа, раскопанные в 60–70-х годах XIX в. Р.Г. Игнатьевым [*Древняя история...*, 2000. С. 338]. Подобные памятники есть и на территории Оренбуржья [*Бисембаев, Усманова, Боталов*, 2006. С. 409–413]. По своему устройству, характеру материала все эти памятники тесно связаны с культурой башкир IX–X вв., а Лагереvские курганы непрерывно существовали даже с рубежа VII–VIII вв. Умерших хоронили в гробах из хорошо обстругатых деревянных досок, дно которых застилалось циновочным материалом. Практиковалось также укладывание трупов внутри небольших бревенчатых срубов, спущенных в могилу.

В могилах часто встречаются куски бересты (Идельбаево, Синеглазово), указывающие, что снизу и сверху такие срубы, наподобие Бекешевских курганов IX–X вв., прикрывались слоями бересты. В могилах и вблизи них частыми находками являются кости черепа и ног лошади — следы ритуальных захоронений коня. Над могилами насыпались зем-

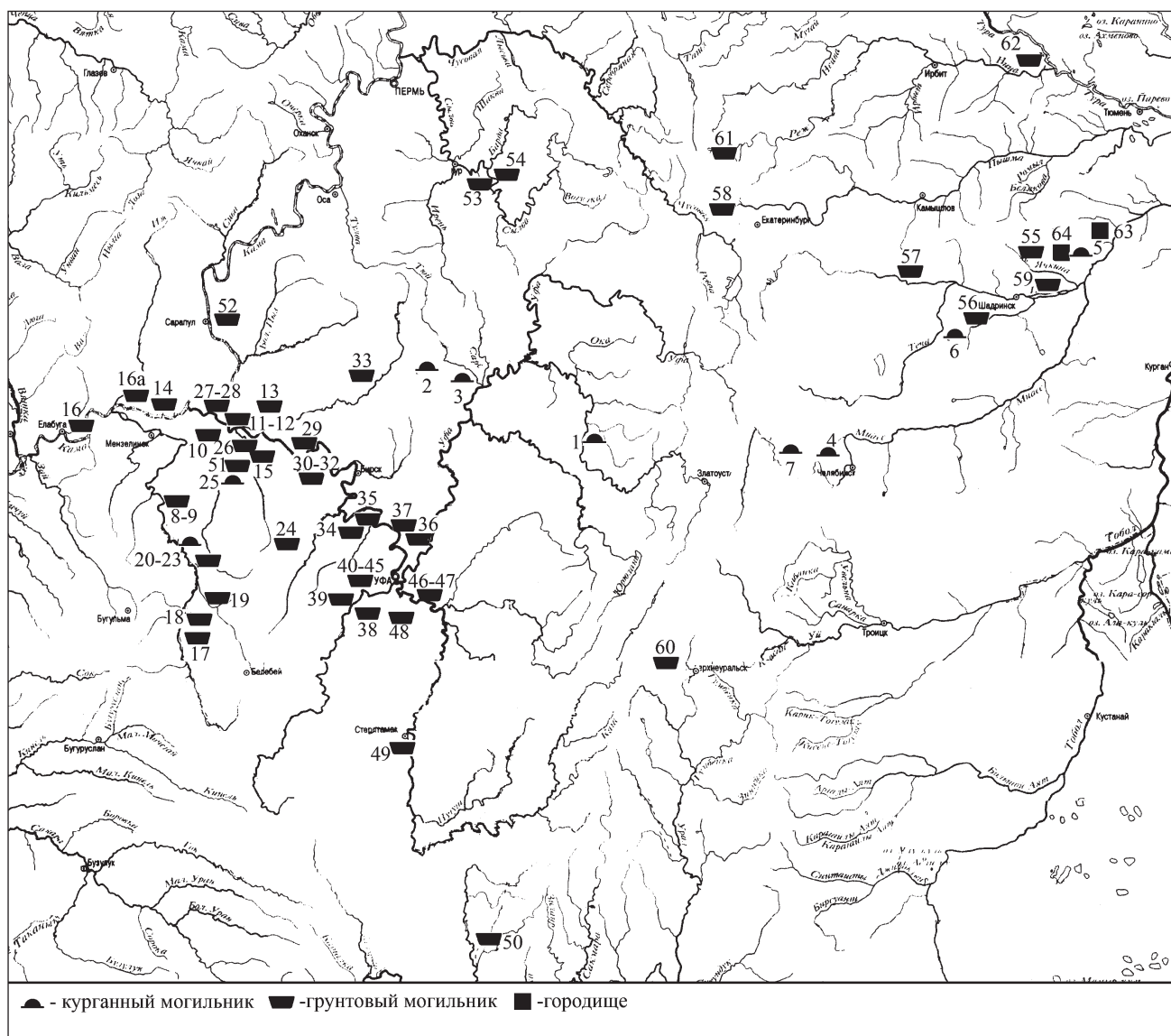

Рис. 23. Ареал башкирских памятников X–XIV вв. (Сост. Г.Н. Гарустович).

Курганные могильники: 1 – Каранаевские курганы; 2 – Бакалинские курганы; 3 – Мрясимовские курганы; 4 – Курганное погребение Смолино; 6 – Замараевские курганы; 7 – Миасские II курганы. Грунтовые могильники: 8 – Старо-Варяшский I могильник; 9 – Старо-Варяшский II могильник; 10 – Азметьевский I могильник; 11 – Дербешкинский могильник; 12 – Старосемиостровский могильник; 13 – Такталачукский могильник; 14 – Тураевский II могильник; 15 – Гулюковский могильник; 16 – Елабужский могильник; 16а – Старо-Селищенское кладбище; 17 – Казыбиргян могильник; 18 – Кара-Яр могильник; 19 – Тукмак-Каран могильник; 20 – Ново-Сарлинский могильник; 21 – Куштирякский курганный могильник; 22 – Карповский могильник; 23 – Нагайбакский I могильник; 24 – Нагайбакский II могильник; 25 – Сынгряновский курганно-грунтовый могильник; 26 – Ново-Медведевское грунтовое погребение; 27 – Старо-Нагаевский могильник; 28 – Янгизнарт могильник; 29 – Базитамакский могильник; 30 – Байгильдинский могильник; 31 – Кушулевский II могильник; 32 – Казакларовский могильник; 33 – Алтаевский могильник; 34 – Ахметовский I (поздний) могильник; 35 – Ахметовский II могильник; 36 – Рязановский (Дмитриевский) могильник; 37 – Биктимировский (поздний) могильник; 38 – Ново-Троицкий могильник; 39 – Нижне-Хозятковский могильник; 40 – Горновский могильник; 41 – Караякуповский могильник; 42 – Нижегородский III могильник; 43 – Демский могильник; 44 – Уфа II (поздний) могильник; 45 – Алексеевский могильник; 46 – Шиповский (поздний) могильник; 47 – Охлебининский (поздний; Ак-Таш) могильник; 48 – Ибрагимовский могильник; 49 – Шах-Тау могильник; 50 – Исянгуловский могильник; 51 – Исянбаевский могильник; 52 – «Бельский Шихан» могильник; 53 – «Селянино Озеро» могильник; 54 – Кишертский могильник; 55 – Пылаевский могильник; 56 – Замараевский могильник; 57 – Казакбаевский могильник; 58 – Перегон могильник; 59 – Козырь могильник; 60 – Верхне-Спасский могильник; 61 – Аятский могильник; 62 – Мысовский могильник. Городища: 63 – Мохирево городище; 64 – Юдинское городище

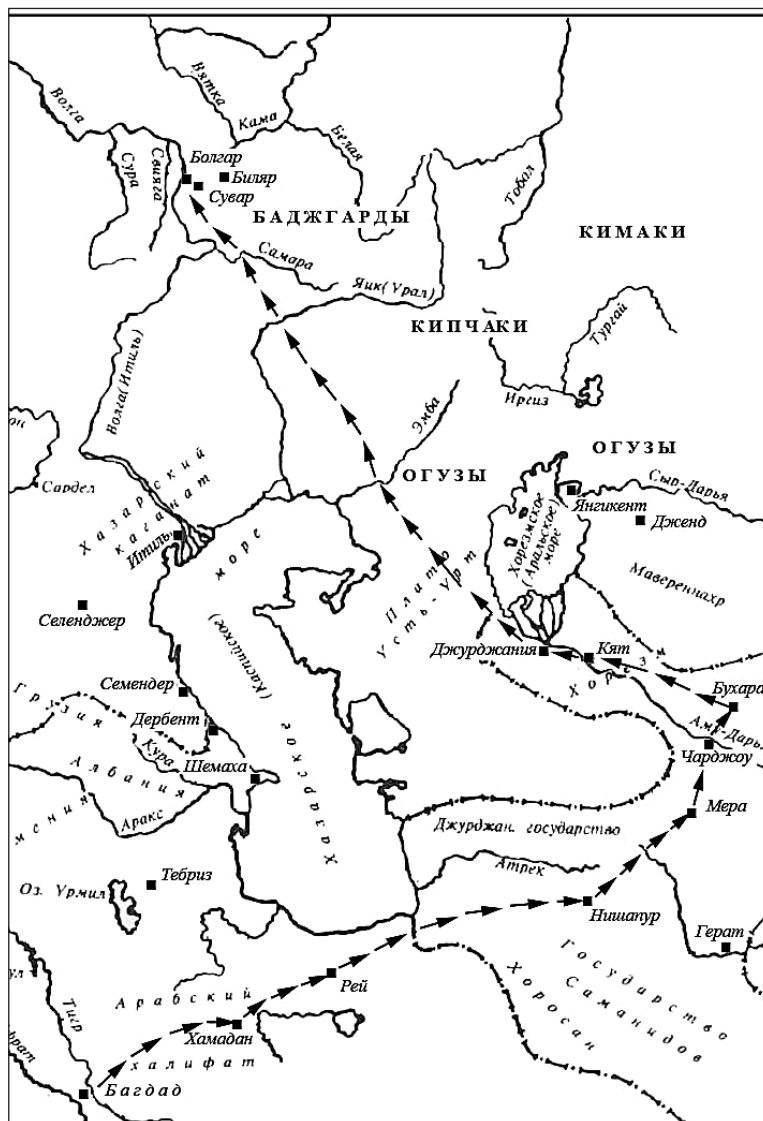

Рис. 24. Путь посольства Багдадского халифа аль-Муктадир, проходившего через земли башкир в 922 г н.э.

ляные насыпи. В Каранаевском (№ 3) и Старо-Халиловском (№ 3) курганах обнаружены редкие случаи сосредоточения под одной насыпью более 30 и 20 человеческих могил, причем многие из них являются впускными. Это можно объяснить, по-видимому, стремлением людей быть погребенными вблизи особо знатных людей или внутри одной родовой усыпальницы.

В материальной культуре произошли определенные изменения в формах и орнаментации предметов, но они не выходят за рамки неизбежного эволюционного развития.

Впервые на Южном Урале в памятниках X–XI вв. найдено два железных шлема, склепанных из кованых железных пластинок. На один шлем были прикреплены бармицы, т. е. куски кольчуги, при-

крывавшие шею и плечи воина. Здесь же находилась кольчуга из тонких железных колец. Башкиры носили свои стрелы в полуцилиндрических колчанах, обложенных по краям железными скобами и фигурными петлями для продевания ремня. Состав наконечников стрел не меняется, а вот клинки сабель заметно удлиняются, изгиб на острие становится более выпуклым. Чтобы усилить ударную силу сабли, ее рукоять теперь располагается под некоторым углом (рис. 25).

Башкиры придавали большое значение украшению своего седла, где они проводили большую часть жизни. В Ишимбаевском кургане (Салаватский район) в этих целях было разрезано блюдо, скорее всего, поднос, на котором имелись сложные изображения животных (волка, дерущихся крылатых

коней и др.), посвященных вероятно, какому-то мифическому сюжету. Блюдо было из серебра, а поверхность местами позолочена.

Определенные изменения претерпевают стремени: их дужки заметно укорачиваются и приобретают форму, близкую к грушевидной, а верхний выступ, где располагается петля для ремня, становится коротким и широким. Широкое распространение получают двухзвеньевые удила, с дополнительно насаженными большими плоскими кольцами на концах и железными, костяными и бронзовыми псалиями, концы которых оформлялись в виде рыбьих хвостов.

В трех курганах (Лагерево, Каранаево, Старо-Музино), расположенных на значительном расстоянии друг от друга (Салаватский, Дуванский и Кармаскалинский р-ны) обнаружены остатки роскошного головного убора конической формы, очевидно, на меховой основе. Нижний край этой шапки сплошь был обтянут широкими серебряными накладками, плотно подогнанными друг к другу. Шапка из лагеревского кургана была обшита сверху шелковой материей, а сбоку к ней была пришита серебряная подвеска. Похоже, эти головные уборы принадлежали женщинам.

В одном из каранаевских курганов найден тлен деревянной чаши, обложенной сверху тонкой серебряной фольгой с арабской надписью. В курганах встречены, кроме того, поздние варианты керамики караякуповского и кушнаренковского типов — круглодонные тонкостенные небольшие сосуды, украшенные горизонтальными поясками вокруг горла или выпуклыми точками — «жемчужинами». Это — бесспорное доказательство того, что башкиры X–XII вв. в генетическом плане являются прямыми потомками племен Южного Урала VI–X вв.

Башкирские девушки и женщины, как и в IX–X вв., носили накосники из тонких ремешков, на концы которых подвешивались различные шумящие подвески на цепочках. Есть случаи, когда шумящие колоколовидные подвески на цепочках использовались как ожерелья, т. е. носились вокруг шеи. Распространение получают большие граненые сердоликовые бусы. Много серебряных серег и перстней со вставками, развивающих формы IX–X вв. Появляются бронзовые и серебряные браслеты из проволоки, концы которых оформляются в виде нескольких граней, а на них наносятся узоры в виде маленьких кружков, линий.

Среди привозных вещей среднеазиатского происхождения есть серебряные блюда и куски согдийских шелковых тканей. Ткани богато декорированы

сложными узорами, в том числе фигурами гарцующих всадников.

Башкиры продолжали носить роскошные пояса, с длинными подвесками спереди и сзади, украшенные серебряными и бронзовыми накладками. Эти пояса, как и пояса из курганов башкир IX–X вв. являются точной копией поясов изображенных на каменных статуях тюрков Степной Евразии IX–XII вв. Форма накладок заметно усложняется, на них появляется орнамент в виде трилистника или вычурных резных линий. Среди украшений есть большие серебряные с позолотой бляхи со сложным растительным орнаментом, подвешивавшиеся, очевидно, на груди, серебряные сердцевидные и других форм колокольчики, которые носили в составе ожерелий из бусин, и другие всевозможные подвески. На поверхности подвесок иногда наносились изображения в виде фигуры человека, сабли со шлемом. Есть кресала калачевидных форм и много других вещей. Все эти вещи в погребениях сопровождалась арабскими монетами X в. В частности, — 2 монеты найдены в Каранаевских (4 монеты в Житимакских) курганах. В данном случае монеты указывают только на начальную дату памятников; с учетом времени использования монет как денег и украшений общий возраст этих памятников следует определить с середины X по XI вв. включительно.

Материальная культура башкир в конце XI–XII вв. по сравнению с двумя предшествующими веками заметно видоизменяется. Это выразилось, прежде всего, в резком уменьшении серебряных украшений, вызванном, как полагают исследователи, сокращением запасов серебра в мировом товарообороте.

В это время (XI–XII вв.) на Южном Урале и на юге Восточной Европы появляется новый тип конских удили — полусогнутые железные пруты с загнутыми концами, куда насаживались небольшие кольца.

Примерно XI–XII вв. датируется II Акимбетовский курган, состоящий из чистой каменной кладки. Его диаметр был около 14 м, высота около 1 м, но камни насыпи в 1968 г. были разобраны рабочими Назаркинского отделения Октябрьского совхоза (Кугарчинский р-н). По словам рабочих, к моменту разбора камней на вершине кургана в вертикальном положении находились две каменные скульптурные фигуры, относящиеся к числу типично тюркских. Несмотря на тщательные раскопки, под насыпью не было обнаружено никаких следов могил. Курган мог содержать человеческое захоронение на поверхности земли. Под кладкой камней находились остатки

Рис. 25. Башкирский тяжеловооруженный воин X–XI вв.
Реконструкция М.В. Горелика по материалам
Муракаевских курганов

ритуальных захоронений коня (зубы и голенные кости).

Археологический материал дает многочисленные примеры существования у башкирских племен домонгольского времени активных торговых связей с отдельными соседями. Убедительно, в частности, фиксируются подобные связи с народами Средней Азии, откуда башкиры получали роскошные ткани согдийского шелка. Здесь достаточно еще раз вспомнить остатки пяти сортов такого шелка из Ямаши-Тауского кургана IX–X вв. и ковра из Синеглазовского кургана X–XI вв. [Стоколос, 1962. С. 163–170] Следы одежды из привозных шелковых тканей обнаружены также в Стерлитамакском могильнике, Лагереvских, Ишимбаевских и других курганах IX–XII вв. Через Среднюю Азию на Урал тогда в массовом порядке проникали ювелирные изделия «сасанидского» серебра [Даркевич, 1976. С. 114–115].

Накопленные материалы позволяют нам предположить, что культурно-экономические отношения башкирских племен IX–XII вв. со своими сосе-

дями приобрели уже характер торгово-денежных. На эту мысль наводит продолжающийся массовый приток на Южный Урал южных монет, доказательством чему служат их многочисленные находки в могильниках IX–X вв. (Стерлитамак, Хусаиново, П Бекешево, Ромашкино, Житимак, Каранаево). Частые их находки в погребениях, в том числе без ушек и отверстий (Стерлитамак), позволяют ставить вопрос о том, что они использовались не только как украшения, но и в качестве денег. В пользу этого говорят, прежде всего, случаи обнаружения на Южном Урале кладов сасанидских монет. В частности, в 1847 г. на р. Дема был открыт клад из 69 дирхемов, поступивший впоследствии в императорскую археологическую комиссию. Клад из 50 таких же монет известен и на Среднем Урале: найден в 1860 г. недалеко от г. Чердыни. Один из дирхемов отчеканен в 908 г. [Марков, 1910. С. 148].

Другим источником о функционировании у кочевников южноуральских степей X в. денег является труд Ибн-Фадлана. В нем упоминается о том, что кочевники (гузы) знали и ценили деньги, а послы халифата одаривали ими наиболее знатных скотоводов [Коновалова. С. 126, 129, 133]. Здесь уместно еще раз вспомнить мнение Л.Р. Кызласова о том, что в IX–X вв. через Южный Урал проходил международный торговый путь, связывавший народы Сибири и Восточной Европы [Кызласов, 1987. С. 79–86].

Хозяйство башкир IX–XII вв. Определив территорию Исторического Башкортостана IX–XII вв. и памятники его материальной культуры, мы получаем возможность поставить на прочный фундамент фактов изучение особенностей развития хозяйства и общественной жизни башкир. Именно этого до последнего времени не хватало во всех работах на тему о ранних башкирах, из-за чего авторы проявляли большую осторожность при освещении вопросов их социальной истории.

В науке давно сложились и бытует мнение о том, что башкиры XV–XVIII вв. и их ближайшие предки были кочевниками и следы оседлости у них возникают лишь в XVIII–XIX вв. Располагая материалами сотен городищ и открытых поселений I–XV вв. н.э. со значительными культурными слоями, археология доказывает, что мнение о башкирах как «чистых» кочевниках нуждается в серьезном пересмотре. Прежде всего это касается образа жизни башкир IX – начала XIII вв., когда в письменных источниках появляются первые достоверные сведения о городах в стране башкир. Ввиду важности поставленного вопроса считаем не лишним еще раз приве-

сти некоторые сведения о башкирских городах, собранные арабскими авторами IX–XII вв.

В источниках есть прямые указания о том, что жители городов Карукийя, Намджан и Гурхан «живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя»... Недалеко от города Намджан «есть медные рудники, где работают больше тысячи человек. Там добывают много меди и везут ее в землю Хуваразм». О том, что этот город расположен, как полагает И.Г. Коновалова в верховьях р. Яик (Урал), свидетельствуют следующие слова источника «Из этого города вывозят также шкуры лисиц и шкуры животного, называемого ал-бабр (бобр), их везут по реке до моря ал-Хазар (Каспийское море), чтобы продавать...по высоким ценам» [Коновалова, 2006. С. 250–253]. Надо полагать такую же роль как торгово-ремесленных центров сыграли упомянутые в письменных документах города Кастр, Мастр [Там же. С. 127, 128, 273, 274], иначе они не назывались бы городами.

Одним из выразительных признаков образа жизни башкирских племен IX–XII вв. служат следы около 100 селищ и городищ со значительными культурными отложениями. Степень их изученности пока крайне неудовлетворительна, но сам факт их существования бесспорно указывает на относительную оседлость башкир.

Одной из предпосылок оседлости являлось земледелие. Как показывает материал с указанных поселений, значительная часть ранних башкир также не составляла исключения из этой общей закономерности. Существование у них земледелия археологически засвидетельствовано находками обгорелых злаков полбы, каменных жерновов и железных серпов [Матвеева, 1975. С. 20], в том числе их кладами.

Башкирский этнос формировался как прямой наследник культуры бахмутинских, турбаслинских и ранних караякуповских племен Южного Урала VII–VIII вв., у которых, в совокупности, имелось около 400 городищ и селищ, густой сетью покрывающих весь Южный Урал. Основу экономики племен бахмутинской и турбаслинской культур составило земледелие, что подтверждается многочисленными находками каменных жерновов, железных серпов и обгорелыми зернами полбы в ямах-зернохранилищах и погребениях. В настоящее время наука располагает достоверными фактами существования многих селищ и городищ вплоть до начала II тысячелетия н. э., примерами чему могут служить городища Караякупово, Старо-Калмашево, Имендяшево и другие, где найдены поздние образцы кушнарниковской и типичные сосуды караяку-

повской групп [Матвеева, 1973. С. 224–252]. Сейчас всем нам очевидно, подобные глиняные сосуды существовали до начала II тысячелетия н.э. (Рис. 26, 22–23)

Теперь в повестку дня работ южноуральских археологов поставлен вопрос о продолжении жизни и после VIII в. на многих из более 300 городищ и селищ бахмутинских племен. Такая постановка особенно актуальна в свете установленного факта о том, что бахмутинские племена явились ведущим этническим компонентом в формировании северной группы современных башкир. Она же дает исследователю право реконструировать образ жизни племен северной Башкирии рубежа I и II тысячелетий — ближайших потомков бахмутинцев с учетом существования городищ и селищ, а также земледелия (Рис. 27).

Вышеустановленный факт занятия значительной части башкирских племен IX–XII вв. земледелием и существования широкой сети постоянных поселений (селищ и городищ) предопределяет вывод о характере скотоводческого направления хозяйства: оно могло существовать только как полукочевое и оседлое (пастушеское).

Совокупность исторических источников (археологические, письменные, этнографические) позволяет заключить, что в период VIII–X вв. роль Южного Урала с богатой речной системой и растительным покровом как важного объективного фактора в поддержании подвижного скотоводческого хозяйства в зоне южных степей по сравнению с предыдущими веками не только не ослабла, но заметно возросла: на весенне-летний период сюда стягивались из засушливых степей орды кочевников со своими бесчисленными стадами. В этом отношении весьма любопытные сведения содержатся в эпосе «Узак-тузак — последний из рода балабашняков». В нем повествуется о трагической судьбе печенегов в приазовских степях, когда они потерпели жестокое поражение от «грабителей-балаусов», под которыми, видимо, следует подразумевать вторгшихся из-за Волги, с востока, половцев. Они «славились не только грабительством и грабежом, но и жестокостью, злым нравом, дикой воинственностью. Полчища балаусов, тьмою тьмущею покрывшие всю степь, до основания разнесли валы башняков (крепости печенегов — Н.М., А.С.) захватили их владения. Балабашняков множество истребили. Оставшиеся в живых собрались вместе и решили бежать из этой земли, объята черным горем».

На совете, говорится далее, старики вспомнили о том, что во время передвижения со стороны Алатау (т. е. со стороны Иссык-Куля — Н.М.) к

Азовскому морю их предки летовали на Урале и наперебой расхваливали те места. И группа печенегов решила вернуться на Урал. Окончательной же цели переселения после пережитой холеры-джута достигли только Янзак и Уралбика [БНТ, 1987. С. 239–247].

Данный источник представляет двойкий интерес. С одной стороны, он говорит об использовании печенегами предгорий Урала как летних пастбищ и о бесспорном участии печенежского компонента в формировании культуры и этногенезе башкир, с другой.

Археологические следы балабашняков (печенегов) в составе башкир пока остаются невыявленными, но, судя по письменным источникам, важным показателем этнографических особенностей их культуры является обряд трупосожжения. Это засвидетельствовано, например, источниками Идриси. В них, в частности, говорится, что у причерноморских баджнаков (печенегов) обычаи такие же, что у славян. «Народ баджнак подобен народу ар-русийа (славянам — *Н.М.*) в обычае считать своих покойников. Некоторые из них бреют свои бороды, другие заплетают. Их одежда состоит из недлинной куртки. Их язык отличается от языка русов и от языка басджиртов» [Коновалова, 2006. С. 128]. Исходя из сказанного, балабашняки (печенеги) на Урале должны были оставить захоронения с трупосожжением.

В плане ведения скотоводческого хозяйства маршруты кочевий печенегов в IX–XI вв. повторяли кыргызы, огузы, кыпчаки и кимаки, расселившиеся близко к Уралу. Исторические судьбы этих народов, как и башкир, были очень близки и обусловили сходство в образе жизни.

Богатый материал по истории номадизма в степях Евразии (Казахстан, Урал, Средняя Азия) показывает, что кочевники, большую часть времени проводящие в необъятных просторах, не преминут воспользоваться любой возможностью связей и общения при встречах с посторонними людьми, проявляя к ним внимание. Во время таких встреч они обменивались необходимой информацией о соседях, урожае трав в зонах кочевий, погоде и т. п., что приобретало важное общественно-политическое и хозяйственное значение [Толыбеков, 1971. С. 129–132]. Поэтому представляется вполне реальной мысль, что места зимних кочевок в древности и средневековые использовались для оживленной торговли, в результате которой с Южного Урала на юг вывозились товары местного производства и в обмен ввозились предметы роскоши, ткани, высокохудожественная керамическая посуда и т. п.

Однако следует признать, что таборное кочевание с Южного Урала по маршрутам в несколько тысяч километров на юг и обратно не было всеобщим. Оно было доступно только племенам, занимавшим ведущее положение над остальными. Существование такой формы скотоводства для коренного населения края — башкирских племен — имело, скорее всего, политическое значение, нежели крупное хозяйственное.

По мнению исследователей, кочевое скотоводство на протяжении многих столетий и даже тысячелетий оставалось неизменным по способу землепользования и принципу организации труда [Там же. С. 61–62; Смирнов, 1964. С. 64; Акишев, 1972. С. 31–46]. Это дает нам право широко привлечь данные письменных и этнографических источников по башкирам XVII — начала XX вв. для реконструкции особенностей скотоводческого хозяйства башкир более ранних веков. В этом отношении весьма ценно свидетельство акад. П.С. Палласа о том, что башкиры в XVIII в. «для пастбы своих стад избирают летом, по большей части, горы и около оных лежащие места, где и без того хлеб зреет поздно, а осенью и весной кочуют они по большей части в долины (предгорья)» [Паллас, 1786. С. 8].

Такие же сведения сообщает И.И. Лепехин. Он пишет, что «летнее время башкирцы препровождают в степях, горах и лесах, в нарочитом расстоянии от своих домов: нередко верст за сто отходят... Тогда держат при себе весь свой скот и с ними с места на место перекочевывают, оставляя ближайшие поля к своим зимовьям, невредимыми до осеннего сенокоса». П.И. Рычков подчеркивает, что киргизы никогда сена не запасают, а «башкирцы» заготавливают сено для рабочих лошадей [Лепехин, 1802. С. 37].

Как свидетельствуют многочисленные источники, эти традиционные маршруты летних перекочевок от долин к предгорьям и обратно сохранились у башкир без особых изменений вплоть до начала XX в. Исследователи отмечают, что за последние 200–300 лет уменьшились расстояния между деревнями и местами летних кочевок от 100 км до 15–25 км, что связано, прежде всего, с увеличением численности населения за счет пришлых этнических групп. На рубеже XIX–XX вв. лишь зажиточные семейные группы имели возможность откочевывать за 30–50 км [Руденко, 1955. С. 62–65; Мурзабулатов, 1979. С. 62–67].

Приведенные примеры из жизни башкир XVII — начала XX вв. о повсеместном существовании коротких выездов на летовки служат отзвуком реальной действительности в скотоводческом

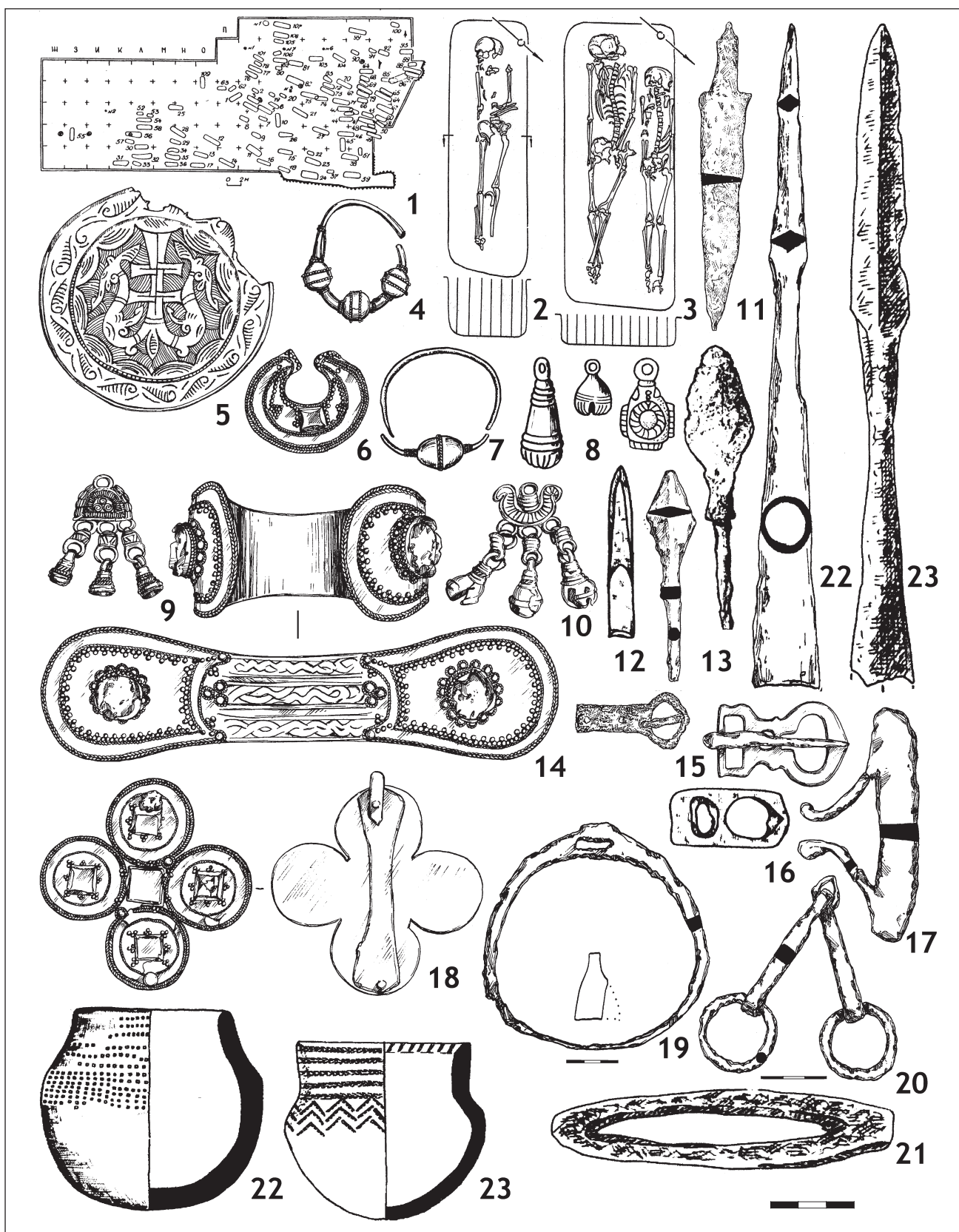

Рис. 26. Древности башкир X–XII вв.

По материалам Кушулевского III, Ново-Сасыкульского, Селянино Озеро, Усть-Кишерть, Тураевского II грунтовых могильников. 1–3 – планы раскопа и погребений Тураевского II могильника; 4, 7 – серебряные серьги; 5–6 – серебряные подвески; 8 – бронзовые пуговицы; 9–10 – бронзовые шумящие подвески; 11 – железный нож; 12 – костяной наконечник стрелы; 13 – железные наконечники стрел; 14 – серебряный браслет; 15 – железная и бронзовая пряжки; 16 – костяная пряжка от конской сбруи; 17, 21 – железные кресала; 18 – серебряная подвеска; 19 – железное стремя; 20 – железные удила; 22–23 – глиняные сосуды.

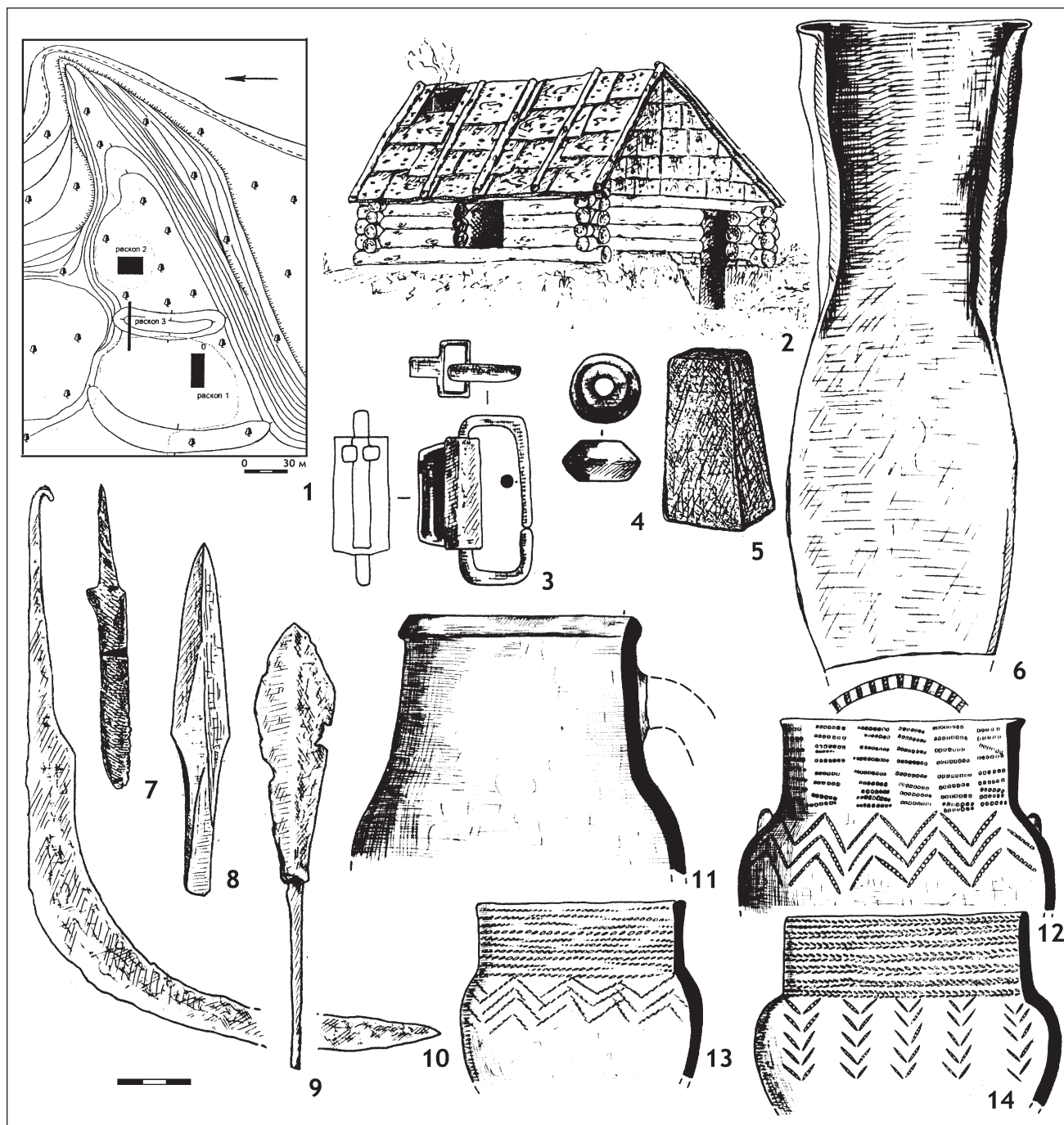

Рис. 27. Древности башкир X–XII вв.. По материалам Бажинского и Уфимского I городища.

1 – план Бажинского городища; 2 – реконструкция жилища с Уфимского I городища; 3 – железный замок; 4 – глиняное пряслице; 5 – точильный камень; 6 – железный наконечник мотыги; 7 – железный нож; 8 – костяной наконечник стрелы; 9 – железный наконечник стрелы; 10 – железный серп; 11 – гончарный сосуд; 12–14 – глиняные сосуды.

хозяйстве башкир IX–XIV вв., восходящей своими истоками к еще более отдаленным векам. Так было на протяжении всего раннего и позднего средневековья. Богатые материалы археологических памятников указывают, что и тогда Уральские горы с прилегающими широкими степями в историко-хозяйственном плане представляли самостоятельный регион, полностью обеспечивающий ведение полукочевого скотоводства.

Археологических доказательств существования у башкирских племен IX–XII вв. придает наличие у них собственного развитого металлургического производства множество. Сюда относятся массовые находки в памятниках металлических предметов различных категорий — орудий труда (топоры, ножи, серпы), оружия (шлемы, кольчуги, панцири, сабли, наконечники стрел), конского снаряжения (удила, стремяна) из железа, украшений из бронзы, серебра и золота (серьги, гривны, браслеты, подвески, пряжки и накладки от поясных седельных и уздечных ремней и многое другое).

Задача разработки истории металлургии средневекового населения Южного Урала требует, чтобы указанный богатый накопленный материал был изучен с применением специальных современных методов анализа. Но это пока никем не затронутая тема и поэтому авторы вынуждены ограничиться краткими наблюдениями историко-сравнительного порядка. Даже в таком виде они заслуживают внимания.

В составе находок наблюдается удивительное однообразие в формах и размерах. Особенно это свойственно для бронзовых и серебряных изделий, изготовленных способом литья (серьги, ременные пряжки, накладки и другие).

Массовое распространение по всему южноуральскому региону однотипных вещей в IX–XII вв. недвусмысленно указывает на происшедшую стандартизацию металлургического производства, что можно было достигнуть при относительно высоком его уровне. У нас нет веских доказательств в пользу местного происхождения всех металлических предметов, найденных в курганах башкир IX–XII вв., но априори представляется, что значительная их часть является продукцией своих металлургов. О существовании собственного металлургического производства у башкир этого времени говорят находки тигля и льячки с Караякуповского городища.

К выводу о наличии у раннесредневековых башкир развитого металлургического производства можно прийти методом ретроспективного анализа. Из исторических источников, например, известно, что в период присоединения к Русскому государству

и первые века после него оно носило довольно развитый характер. Примечательно, что до XVII–XVIII вв. повсеместно в башкирских деревнях существовали свои кузницы [Георги, 1799. С. 100; Руденко, 1955. С. 136]. Сохранились убедительные свидетельства о том, что башкирские кузнецы-оружейники не только обеспечивали запросы своих соплеменников, но частью продукции снабжали южных соседей — казахские племена [Семенюк, 1969. С. 265]. Высокий уровень металлургии обеспечивал башкир боевым оружием и служил одним из подспорий в их освободительной борьбе против колониального гнета Русского государства. Чтобы лишить их этой материальной базы, в XVIII веке башкирам, как и многим народам Поволжья, было запрещено иметь свои кузницы. После очередного открытого выступления башкир в 1736 г. царь издал специальный указ по этому поводу, после чего кузнечное дело у башкир пришло в полный упадок.

В целом хозяйство башкирских племен IX–XII вв. оставалось натуральным, где основные работы по изготовлению орудий труда, оружия, жилищ, пищи, одежды выполнялись собственными силами. Домашний быт кочевых и полукочевых народов в условиях евразийских степей мало отличался друг от друга. Поэтому к башкирам вполне применимо впечатляющее описание быта кыпчаков XIII в. южноуральских степей, оставленное В. Рубруком. «Они, — пишет автор, — делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремяна и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т. е. кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи готовят при помощи кислого сгустившегося и соленого овечьего молока» [Рубрук. С. 101].

По свидетельствам средневековых авторов в быту ранних башкир признаки оседлой культуры прочно сочетались с элементами кочевой жизни. Например, Идриси пишет, что башкирский город Карукийя состоял «из деревянных домов и юрт» [Коновалова, 2006. С. 123, 124]. Однако такое сочетание было характерно не только для ранних башкир, но и их соседей. В начале X в. юрты сохранялись у волжских болгар, уже перешедших к оседлости. Это видно из дневниковых записей Ибн-Фадлана, где он упомянул факт установления юрт в честь приехавших арабских гостей. Юрты присутствовали даже в золотоордынских городах. У баш-

кир юрты сохранились вплоть до современности [Руденко, 1955. С. 203–206].

Внутреннюю планировку раннебашкирских деревянных домов позволяют нам представить этнографические описания быта башкир XVIII в. Путешествуя по башкирским деревням Оренбуржья, И. И. Лепехин пишет, что в д. Имангулово «случилось мне видеть башкирское зимнее жилище, ибо они летом, как калмыки, кочуют в степи и живут в кибитках для лучшей пастбы своему скоту, а осенью собираются в зимовье. Избы у них построены так, как у татар, с нарами. Вместо печи сделан у них камин наподобие полуцилиндра, а труба составлена из жердей, обмазанных внутри глиной. От сего камина, который на их языке называется чувал, имеют свою теплоту. Но чтобы лучше теплота держалась, то, когда прогорят дрова, затыкают из избы отверстие камина рогожным мячиком, приперши двумя колышками» [Лепехин, 1795. С. 528–529].

Примерно так же башкирские деревни описывает П. С. Паллас [Паллас, 1786. С. 157]. Описанный в этих источниках внешний облик деревень и быт башкир непременно является отражением многовековой культуры населения Южного Урала, где кочевые традиции трансформировались под влиянием местной среды.

Итак, археологический материал в совокупности с данными письменных источников показывает, что особенностью хозяйства ранних башкир рубежа I и II тысячелетий н.э. являлось сочетание или одновременное существование в различных районах Южного Урала нескольких хозяйственных укладов: оседлого скотоводческо-земледельческого, полукочевого и кочевого скотоводческого. Объединяющим элементом этих различных направлений хозяйства являлись города, выполнявшие роль торгово-ремесленных и политико-культурных центров. Это многообразие обуславливалось физико-географическими условиями края и традициями хозяйственного уклада различных племенных групп, участвовавших в процессе этногенеза башкир. Хозяйство ранних башкир, как и их предшественников, развивалось под активным воздействием кочевников южных степей. Но это носило двоякий характер. С одной стороны, кочевники проникали в лесостепные и горно-лесные районы, постоянно питая основы скотоводческого направления комплексного хозяйства местного населения. С другой стороны, пришлые племена под влиянием местных условий, мало приспособленных под кочевое скотоводство, постепенно оседали здесь, и в образе их жизни возникали новые черты, вызванные, прежде

всего, переходом их к земледелию, а затем трансформацией самого кочевого скотоводства к полукочевому и пастушескому. Причины их оседания, наверное, кроются не только в этом. Кочевое скотоводство по сравнению с оседлым скотоводческо-земледельческим к этому времени стало более отсталым видом хозяйства. Оно полностью приспособлялось к внешним силам природы и зависело от них. У народов, экономика которых базируется на возделывании полей и заготовке кормов для скота, эта зависимость проявляется в меньшей степени, чем у кочевников [Толыбеков, 1971. С. 81]. Последних периодически подстерегали стихийные бедствия (многоснежная зима, гололедица, затяжная и холодная весна), в результате которых за несколько дней они теряли огромное количество скота и превращались в нищих. В одном из башкирских шежере упоминается подобное стихийное бедствие [Кузеев, 1964. С. 32]. Аналогичные примеры из жизни поздних казахов показывают, что такие крупные джугы в кочевом мире происходили через каждые 6–7, иногда 10–11 лет, а частично бывали почти ежегодно и уносили тысячи человеческих жизней [Толыбеков, 1971. С. 80]. Оставшиеся в живых после этого навсегда покидали прежние места и переселялись на новые. Обнищание скотоводов происходило также и в результате набегов неприятеля. Все это ускоряюще влияло на переход кочевников Южного Урала к оседлому или полuosедлому образу жизни. Это был закономерный процесс, происходящий во всем кочевом мире евразийских степей и особенно интенсивно в конце раннего средневековья [Федоров-Давыдов, 1966. С. 199–217; Плетнева, 1967. С. 180–189; Она же, 1982. С. 123].

Однако на современном уровне археологических источников, прежде всего из-за слабой изученности поселений, исследователь легко может ошибиться, переоценивая роль земледелия и элементов оседлости в хозяйственной деятельности башкир конца I — начала II тысячелетий. Приходится считать с тем, что развитие хозяйства не привело к повсеместному их переходу к оседлому скотоводческо-земледельческому труду, возникновению многочисленных крупных городов, как это было, например, в Волжской Болгарии и Хазарском каганате. Основная масса башкир, по сравнению с другими степняками (тюрки, печенеги, кыпчаки и др.), рано переходя к полuosедлости, продолжала оставаться на ней на протяжении всего средневековья. Тут причин много, но главными являются:

а) веками приспособленная к богатым природным условиям края система ведения полукочевого скотоводства;

б) вхождение основной части Южного Урала в широкий мир степей и использование ее наиболее могущественными в военно-политическом отношении этническими объединениями как летние пастбища (гунны, тюрки, огузо-кыпчаки и др.).

В результате сюда постоянно проникали новые южные кочевые племена, стимулируя тем самым развитие традиций полукочевого скотоводческого хозяйства.

Важным этапом в развитии общественной жизни и культуры башкирского населения Южного Урала явились IX–XII вв., когда на исторической арене появляются башкирские племена. Как видно из анализа археологического материала, культура башкир этого времени формируется при ведущей роли пришлых из юго-восточных степей (Южная Сибирь, Казахстан) кочевых племен. За счет привнесенных многочисленных ярких элементов произошло еще большее сближение в культуре, хозяйстве населения Южного Урала с кочевым миром. Лучшей иллюстрацией этого сближения служат широко распространенные в курганах роскошные поясные, уздечные и седельные наборы, оружие (сабли, ножны), дорогие привозные ткани из шелка, а также каменные изваяния и важные детали погребального обряда (срубы в могилах, широкое применение бересты, культ огня, частичные захоронения коня). Объединяющим элементом культуры этих народов служит языческая религия во главе с богом Тенгре. По этим признакам культура башкир IX–XII вв. почти ничем не отличалась от культуры кимако-огузских племен Южной Сибири и Казахстана, волжских болгар, хазар, дунайских венгров, гузов и других известных современников-соседей. Аналогичного же мнения придерживается С. А. Плетнева. Она утверждает, что по общему уровню развития отношений башкиры ни в чем не уступали кимакам, кыргызам, хазарам и тюркам, «хотя не создали и не возглавили» подобно им крупных государственных объединений. В качестве главных причин сложения у башкир высокоразвитой культуры, ее жизнестойкости и силы автор рассматривает существование у них прочной экономической базы, раннее оседание в крае кочевников и тесное слияние их с местными племенами [*Стени Евразии...*, 1981. С. 238, 239]. Говоря о том, что у башкир тогда не было собственных государственных образований, авторитетный исследователь отражает общепринятую в 80-х годах XX в. в исторической науке точку зрения. Например, такой маститый ученый Р.Г. Кузеев в своих работах вплоть до последних лет излагал мысль о том, что башкиры

в историческом развитии до XVI в. не достигли уровня создания собственных государственных образований, следовательно, они жили в доклассовом обществе [Кузеев, 1987. С. 44]. Развивая эту мысль, он неоднократно писал, что башкирское общество вплоть до XX в. отличалось пережитками дофеодального строя. То же самое неоднократно утверждалось в его работах, написанных с единомышленниками [Кузеев, 1987. С. 44; Кузеев, Моисеева, Бабенко, 1987.]. Данное заключение Р.Г. Кузеева вытекает из многократно повторенного положения о том, что у башкир вплоть до начала XX в. сохранилась общинная (читай: родоплеменная) собственность на землю, и что этим была обусловлена принадлежность политической власти родоплеменной знати, которая распоряжалась распределением земельных угодий под посевы и сенокосы, маршрутов кочевания и других условий землепользования [Кузеев, 1974. С. 496, 497].

Одним из показателей того, что приведенное мнение Р.Г. Кузеева среди историков Башкортостана стало ходячим, служит понятие «башкирские племена», которое стало упорядочиваться по отношению к отдельным этно-территориальным группам башкирского народа XVI–XIX вв. Подробнее рассмотрение причин столь долгого бытования представлений о примитивном (доклассовом) характере башкирского общества XVI – до начала XX вв. не входит в нашу задачу. Здесь имеет место явная переоценка мнимой роли общинного землепользования в жизни башкир, что является серьезным заблуждением. Ограничимся лишь заключением о том, что пережитки родоплеменных традиций в общественной жизни башкир, как и у других народов Степной Евразии, являются завуалированной формой классовых отношений и не они определяли главное ее содержание.

Между тем социально-политический аспект является важным направлением любого исследования по истории регионов и народов. Тот факт, что авторы до сих пор его практически обходили, можно объяснить как его сложностью, так и малочисленностью и недостаточной изученностью письменных источников. Разумеется, сама постановка темы, как эта ее решение требуют относительно высокого уровня научных знаний об этнокультурном составе и социально-экономическому развитию населения в эпоху средневековья. В XX в., когда историческая наука по комплексному изучению этой темы делала первые шаги, о детальном изучении характера общественной жизни башкирского народа до XVI в. не могло быть и речи.

**ЭПОХА
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА**

БАШКОРТОСТАН В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В XIII–XIV вв. башкирскому народу, как и всем народам Сибири, Казахстана, Средней Азии, Восточной и Центральной Европы, пришлось пережить серьезнейшее испытание в связи с завоевательными походами татаро-монголов.

Держава татаро-монголов возникла в Центральной Азии, где в XI–XII вв. шел глубинный процесс развития феодальных отношений, скотоводства, земледелия и различных ремесел. Археологические исследования подтверждают, что к началу XIII в. в Монголии существовала сеть развитых городов, застроенных великолепными дворцами из кирпича, покрытых сверху облицовочным материалом.

Культура татаро-монголов, судя по накопленным фактам, своими генетическими корнями восходит к развитой культуре народов Центральной Азии эпох Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов и является логическим ее продолжением. Например, известно, что в столице Каракоруме дворцовую площадь Угедая украшали, как в тюркскую и последующую эпохи, каменные стелы, вставленные в пазы спин гигантских черепах. «Города, подобные Каракоруму, были той базой, на которой зиждились успехи войск монгольских кланов, главным образом металлургической базой Чингисхана и Угедая» [Археология СССР, 1981. С. 229, 230]. Экономический подъем и стремление народов региона к политической консолидации удачно использовала правящая знать, избрав в 1206 г. на курултае (совет представителей аристократии кочевых племен) Тимучина-Чингисхана — очень ловкого и талантливого государственного деятеля — своим верховным вождем. За короткий период ему удалось объединить в рамках единого государства кочевые, полукочевые монголо-, тюркоязычные народы Монголии, провести реорганизацию армии и политического устройства общества, подчинив

все созданию мощного централизованного государственного аппарата с жесткой дисциплиной. Когда была провозглашена идея создания мировой империи, подчиненные охотно пошли за своим повелителем, желая приобрести новые земли, скот, рабов и сказочные богатства.

В основу созданного Чингисханом государства был положен принцип военной организации. Вся территория вместе с населением делилась на три военно-административных округа: правое крыло (барунгар), левое крыло (джунгар) и центр (гол). Каждый округ делился на тьмы (тумены), состоящие из десяти тысяч человек, «тысячи» состояли из десяти «сотен», а «сотни» — из десяти десятков. Всего, согласно «Сокровенному сказанию», Монголия была поделена на 95 «тысяч», розданных во владение родственникам и сподвижникам Чингисхана [Сокровенное сказание, 1941. С. 158]. Этот же принцип административного деления татаро-монголы сохранили во вновь присоединенных землях.

Принципы государственного устройства империи монголов были изложены в своде законов (постановлений), утвержденных на общемонгольском курултае 1206 г., а затем пересмотренном в 1218 и 1225 гг. В этих правилах, называемых по-монгольски Яса (Йосун), строжайше регламентировались нормы поведения всех жителей империи. Для читателя будет небезынтересным содержание некоторых статей Ясы:

— *Тому, кто на царском троне сидит, один только титул причисляется — хан или каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным именем.*

— *Всякого, кто превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без*

избрания князей, должны убивать без малейшего сожаления.

— Воины берутся не моложе 20 лет от роду. Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой.

— Чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, казнить всенародно, а того, кто его укрыв, ввергнуть в оковы и наказать [Кляшторный, Султанов, 2004. С. 188].

Чингисхану, его преемникам и их окружению удалось создать во всей империи обстановку военно-политического террора, когда любое малейшее отступление от predetermined великим кааном (Чингисхан) правил поведения беспощадно каралось вплоть до массовых истреблений людей.

Попутно следует вкратце остановиться на историографии вопроса об оценке роли и места личности Чингисхана и его преемников, прежде всего правителей Золотой Орды в мировой истории. Отечественные историки в целом оценили их как завоевателей-разрушителей. Но, тем не менее, есть другие мнения. Общепринято, что Чингисхан — выходец из монгольской этнической среды и монголы считают его основателем великой монгольской империи. В таком же статусе его возвеличивают китайцы, о чем свидетельствует недавняя постройка в Пекине мавзолея Чингисхана. Он включен в число великих китайских императоров.

Недавно возникла третья версия по этому вопросу. Современные казахские историки считают, что организаторами великого курултая 1206 г., где Тимучин из рода кият был провозглашен великим ханом и получил имя Чингисхан, были племена кият, меркит, жалаир и аргын, которые являлись казахами, и потомки которых до сих пор пребывают в составе казахского народа. Следовательно, утверждают сторонники данного мнения, Чингисхан был казахом и ему отводят роль великого основателя казахской государственности [Жумагулов, 2003]. В связи с возникшим обстоятельством в ближайшее время следует ожидать оживления дискуссии по оценке наследия Чингисхана в мировой истории.

Место завоевательных походов татаро-монголов и созданного ими государства Золотая Орда в мировой истории в советской исторической науке получило неоднозначную оценку. Как и в любом, а тем более в сложном историческом явлении, четко прослеживается как негативное, так и прогрессивное. А последнее проявлялось не в происходящих

тогда событиях, а в их результатах. В частности, мы не можем и не имеем права классифицировать исторический путь, пройденный башкирами и их ближайшими соседями в составе Золотой Орды, как шаг назад в ходе поступательного развития истории.

Первые завоевательные походы татаро-монголы совершили в 1207–1208 гг., когда были подчинены енисейские кыргызы и другие плененные народы Южной Сибири и Восточного Казахстана. Возглавил их старший сын Чингисхана Джучи [История Казахской ССР, 1979. С. 115; Кляшторный, Султанов, 2004. С. 200].

В 1208–1209 гг. основные силы монголов во главе с самим Чингисханом направились против тангутского государства Си Ся, а затем (1211–1215 гг.) — против Китая. Многие народы, в том числе часть уйгуров, предпочли сопротивлению грозному врагу добровольное признание его власти. С 1214–1215 гг. начинается активная кампания Чингисхана на Западе — в Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Активным военным действиям здесь предшествовали сборы информации разведывательного характера о будущем противнике. Попутно распространялись всякие слухи и тем самым создавалась паническая обстановка. Известно, что лето 1219 г. Чингисхан во главе огромного войска провел в степях Южной Сибири и его ставка находилась где-то на Иртыше. Это было началом широкой кампании на запад. Оттуда он направился на юг Казахстана, осадил знаменитый город Отрар, а подвижные отряды поспешили на юг. К началу 1220 г. вся территория Казахстана и Средней Азии была уже покорена, после чего войска монголо-татар переключились на завоевание Афганистана, Индии и Ирана. 30-тысячная подвижная армия под командованием Субэдэя в 1220 г. вторглась на Кавказ, откуда вышла в степи юга Восточной Европы, где в 1223 г. состоялось знаменитое сражение на р. Калка против объединенных сил русских княжеств и их союзников.

Вышеприведенный перечень событий 1219–1223 гг. несколько не отражает масштабы народных трагедий, разрушений, которыми сопровождалась эти завоевательные походы татаро-монголов. В документах, написанных историками-современниками этих событий, подробно описаны сцены осады, штурма городов на юге Казахстана и Средней Азии. Если население города, например, оказывало хоть малейшее сопротивление, то все жители вместе с гарнизоном подлежали полному истреблению; известны отдельные случаи, когда город сдавался добровольно, тогда все жители выводились за город, определенная часть истреблялась, а другая

перегонялась в другие города для засыпки рвов вокруг крепостных стен и их штурма. Судя по документам, такую политику Чингисхана разделяли не все его приближенные; в частности, она вызывала недовольство у старшего сына Джучи [*Золотая Орда в источниках*, 2003. С. 250]. Впрочем, эти признаки сожаления у Джучи были вызваны тем, что после кампании 1207–1208 гг. земли Сибири и Восточного и Центрального Казахстана были выделены в самостоятельный улус и переданы ему на управление. По результатам завоевания территории государства Хорезма, западные границы улуса Джучи практически расширились вплоть до левобережной Волги. Будучи на правах улусного хана, Джучи, вероятно, хотелось получить города невредимыми.

В настоящее время имеются достоверные источники, которые указывают, что значительная часть башкир была покорена монголами в период 1219–1223 гг. Таковым, например, является свидетельство венгерского монаха Юлиана о поездке в страну башкир в 1235–1236 гг.

Во время своего второго путешествия (1236 г.) Юлиан действительно побывал среди башкир, что особо им подчеркивается. Из рассказов самих башкир он узнал, что башкиры 14 лет сопротивлялись татаро-монголам, после чего вынуждены были признать их власть. Об этом красноречиво говорят следующие слова Юлиана: монголы «избрали их (т.е. башкир. — *Н.М.*) в друзья и союзники» и заставили участвовать в своих завоевательных походах [*Аннинский*, 1940. С. 85]. Об установлении тогда союзно-дипломатических отношений башкир с монголами свидетельствует присутствие при башкирском хане монгольского посла [*Там же*. С. 81]. Данное сведение дополняет его соотечественник Иоганка, побывавший среди башкир уже в 1320 г. Он пишет о башкирском хане, его фанатично преданном исламу окружении и монгольских судьях, в руках которых, очевидно, находилось судопроизводство [*Там же*. С. 92]. Рассказы Юлиана и Иоганки дают основание утверждать, что вхождение башкир в империю Чингисхана в начале XIII в. носило, в целом, договорный характер и им было разрешено иметь свое государственное управление во главе со своим ханом.

Не менее важна следующая деталь приведенного документа. Во вновь включенных землях, приобретенных силой, татаро-монголы никогда не оставляли местных правителей (ханы, князья): их либо казнили, либо отправляли в качестве пленников в Орду [*Федоров-Давыдов*, 1973. С. 27]. Так, например, были казнены все половецкие и кыпчак-

ские ханы, а башкирам было сделано исключение ввиду добровольного характера их подчинения.

Все-таки возникает вопрос: когда же это событие произошло? В распоряжении историков имеется ряд источников, позволяющих с разных позиций уточнять примерный год вхождения башкир в состав империи татаро-монголов. Одним из таких документов является книга «Сокровенное сказание монголов», которая представляет своеобразную летопись важнейших событий в империи и была составлена к 1240 г. В ней, например, среди народов, покоренных при жизни Чингисхана, перечислены башкиры [*Сокровенное сказание*, 1941. С. 191, 192, 194]. Данное сведение находит подтверждение в сообщении персидского автора Казвини, где говорится, что Чингисханом Джучи «вверены были область Хорезм, Дейт-и-Хазар... башкирды» [*Золотая Орда в источниках*, 2003. С. 274]. Так как Джучи и Чингисхан умерли в 1227 г., упомянутое событие произошло гораздо раньше, но после присоединения земель Хорезма, т.е. после 1219 г. Несколько иного мнения по данному вопросу придерживался А.-З. Валиди: он полагал, что завоевание татаро-монголами страны башкир произошло в 1207 г., в первый год военного похода Джучи в Сибирь [*Туган*, 2005. С. 33]. Следует подчеркнуть, что данное мнение А.-З. Валиди остается лишь предположением, лишенным доказательств, а контекст письменных документов свидетельствует в пользу информации венгерского монаха Юлиана, где важным является противостояние башкир татаро-монголам в течение 14 лет. Л.Н. Гумилев это событие относит к 1220–1235 гг. [*Гумилев*, 1989. С. 459].

У нас есть полное основание утверждать, что события 1219–1223 гг. в Казахстане и Средней Азии прямо коснулись территории Башкортостана. Например, в сочинении Абу-л-Гази (XIII в.) в рассказе о преследовании войск хорезмшаха имеется следующий сюжет: «кыпчакский народ собрался, произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам» [*Кононов*, 1958. С. 44]. Какая-то группа башкир уже тогда называлась иштяками и поэтому в данном случае речь идет о Южном Урале, приютившем беженцев из Средней Азии. Кстати, в ранней, т.е. легендарной, части генеалогии юрматинских башкир в качестве одного из древнейших предков назван Иштяк [*Башкирские родословные*, 2002. С. 173, 220], имя которого могло иметь прямое отношение к возникновению этнонима иштяки. Если эта версия окажется верной, то упомянутого Иштяка можно отнести к числу

известных лидеров башкир домонгольского времени (IX–XII вв.).

На основе изучения «Родословной туркмен» Абул-Гази Хивинского академик А.Н. Кононов сделал заключение о том, что «Джучи, взяв в плен всю кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из монгольской страны он переселил сюда всю семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт». Многие кыпчаки ушли в степи правобережной Волги. Отсюда следует, что территория Южного Урала окончательно вошла в состав улуса Джучи.

По данному вопросу есть собственно башкирские источники, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей. Это башкирские шежере и исторические предания, которые подтверждают выше изложенное мнение о договорном характере установления взаимоотношений между башкирами и татаро-монголами.

Среди названных документов самым полным является шежере усерганских башкир, сохранившееся в нескольких вариантах. Они содержат ценные сведения, которые в целом подтверждают сообщения Юлиана о вхождении Башкортостана в состав улуса Джучи задолго до 1236 г., когда началось массированное нашествие войск Батыя в Восточную и Центральную Европу. Они не оставляют сомнения в том, что после определенного сопротивления, о чем говорит Юлиан, башкиро-монгольские отношения стали развиваться на договорной основе.

В шежере повествуется о Муйтен-бие, который от имени башкир с большими подарками ездил к Чингисхану, добился его благорасположения, за что был прозван «башкорт халкы бабасы», т.е. самым почитаемым аксакалом башкирского народа. В стихотворном варианте шежере, в частности, сказано:

23. Нагрузив пять пар верблюдов (подарками),
24. Он ездил к Чингисхану.
25. Хан оказал ему почести,
26. Посадил его рядом с собой.
27. Получил он похвалу от хана,
28. Визиром сделал его (хан)
за жизнерадостность,
29. Во всем угождал падишаху,
30. Украшал его окружение,
31. Оказывал ему много почестей и уважения,
32. Если (хан) говорил пой — (он) пел,
33. Если просил рассказывать — рассказывал.
34. Каждое желание (хана) он исполнял.
35. Вернувшись оттуда, Муйтен бий

36. В своей стране был бием (ханом) [Башкирские шежере, 1960. С. 81–87].

В другом варианте стихотворная форма перемежается повествовательной, в историческом плане он более богат сведениями. В нем подтверждается мысль о том, что Муйтен-бий с богатыми дарами ездил к Чингисхану. «Придя к нему и по мирному признавая его власть над собой, — говорится далее, — вручил Чингисхану множество дорогих подарков и получил от него ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по Уралу, Яику и Сакмарю» [Хусаинов, 1985. С. 55].

В полученном ярлыке сказано следующее: «Муйтену сыну Туксаба дано право на владение. До конца жизни быть ему бием (ханом), бием будет один из его сыновей. Так из поколения в поколение никому, кроме внуков и правнуков (потомков) Муйтена, (это право) отдано не будет. Каждый из них будет владеть без избрания вечно, это право дается роду Муйтена, роду Туксаба» [Там же. С. 57].

Далее приводится определение внешних границ земель, на которые Муйтен бий получил грамоту (ярлык). В нем сказано: «С верховьев Акидели до устья со всеми малыми и большими притоками ее, с долинами и лесами по ним, восточные склоны Уральских гор, протекающие вблизи них река Ишим и ее притоки Ирман, Иртыш, все реки, впадающие к ним, со всеми лесами и полями; еще верховья реки Яик с горами Ялпы, оба берега реки Яик. Земли по восточному берегу реки Яик до реки Тубыл и со всеми притоками реки Яик, с долинами, лесами и полями, со всеми богатствами в недрах земли, со всеми местами летовок и зимовок — вечно» [Там же].

Шежере содержит сведения о генеалогии Муйтен бия. Она начинается так: Баба Тукляс Тырма — Казансы — Ишлам кыя — Кара кыя — Кутлуг кыя — Туксаба бей — Муйтен-бей — Шакмаклы (Шыгалы) бей — Буркэ (Бурэкэ) бей — Чуркэ (Сэркэ) бей — Мангут — Тимер карый Буга-бей — Карас-бей — Сарбаш бей — Сарыш бей — Ябынсы ясаул — Усерган [Там же. С. 58].

В перечне имен предков и потомков Муйтен бия в вариантах шежере есть определенные расхождения. Если даже допустить, что в каких-то звеньях данная генеалогия искусственна, всю ее считать нельзя. Она показывает, что его потомки образовали династию башкирских биев примерно X— начала XIII вв.

Сопоставление известных уже исторических событий позволяет нам высказать предположение о том, что встреча башкирского хана Муйтена

с Чингисханом, скорее всего, состоялась летом 1219 г., когда владыка мира находился очень близко от Урала. Теперь, зная политику Чингисхана по истреблению сопротивлявшихся народов, нельзя восхищаться мудрости лидера башкирского народа, выразившейся в установлении договорных отношений с потрясателями тогдашнего мира. Не приходится сомневаться в том, что эти отношения носили принудительный характер.

Согласно сведениям Юлиана, башкиры после добровольного вхождения в состав империи Чингисхана участвовали в военных операциях татаро-монголов, в частности, в покорении 15 царств. Л.Н. Гумилев под 15 царствами подразумевал Камскую Булгарию, Меровию [Гумилев, 1989. С. 459], Пойдовию, Ведин, царство мордаков (мордвы), с чем трудно согласиться. Названные страны были завоеваны в ходе операции 1236 г. и после нее, а сообщение Юлиана заставляет думать, что привлечение башкир в военные действия состоялось задолго до 1236 г. Скорее всего, оно происходило в ходе войны против народов Южного Казахстана и Средней Азии. Подтверждением данного положения служит сообщение персидского автора XVI в. Гаффари о том, что «Чингис во время похода против таджиков (значит, в 1220–1221 гг. — Н.М.) дал ему Джучи (во владение — Н.М.) Дешт-и-Кипчак и Хорезм до Крайнего Севера», т.е. лесных районов Восточной Европы и Сибири [Золотая Орда в источниках, 2003. С. 394].

Историческая судьба западных башкир была тесно связана с Волжской Болгарией, и покорение их монголо-татарами происходило в ходе их европейской кампании. Очень часто башкирские земли оказывались местом активных действий народов Волжской Болгарии против завоевателей.

Первое подобное событие произошло в 1223 г. вскоре после знаменитого сражения на р. Калка, когда уцелевшие татаро-монгольские воины возвращались на главную ставку на Иртыше. По свидетельству современника этих событий Ибн-ал-Асира, болгарам при переправе через Волгу удалось организовать хитрую засаду всему войску татаро-монголов, что обеспечило им успех этого сражения. У монголов тогда спаслась лишь небольшая часть [Золотая Орда в источниках, 2003. С. 27; Черепнин, 1970. С. 182; Гумилев, 1989. С. 501]. Свой поход в Волжскую Болгарию монголы повторили в 1229 г. Этот поход был задуман как широкая операция против непокорных народов прикаспийских степей (кыпчако-половцев, саксинов) и болгар. Как рассказывают древнерусские летописи, в том году под натиском татаро-монголов в пределы Волжской

Болгарии бежали половцы, саксины и сторожевые военные отряды болгар («и сторожевые болгарские прибегоша бьени от татар близ реки, ей же имя Яик») [Черепнин, 1970. С. 183]. Из этого описания видно, что сражения монголов с авангардом болгарского войска состоялось на Яике, где-то на территории Исторического Башкортостана IX–XII вв. С другой стороны, это же сведение бесспорно указывает, что к началу XIII в. все земли западных башкир оказались под зависимостью Волжской Болгарии.

По-видимому, к событиям 1223 и 1229 гг. относится следующий раздел «Сокровенного сказания» монголов: «Встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему (Субэдэю. — Н.А.) было поручено Чингисханом, а именно: Канлин (канглы), Кибчаут (кыпчаки), Бачжигат (башкиры), Орусут (русские), Асут (ассыосетины), а также и городов за многоводными реками Адиль (Итиль) и Чжаях (Яик)».

Как видно из вышеизложенного, в государстве волжских болгар нашествие монголо-татар 1236 г. не было неожиданностью, к нему форсированно готовились. Раскопками установлено, что в городе Болгаре строится новая линия укрепления, обновляются старые. Аналогичные подготовительные работы к будущей обороне города велись и в «Великом городе Биляре». Здесь дополнительно укреплялись внешняя и внутренняя линии обороны, по рекам Кондурча, Б. Черемшанка на южных рубежах, а в башкирских землях возводились огромные земляные валы, которые, очевидно, служили опорными пунктами для сторожевых отрядов болгарской армии [Халиков, Халиуллин, 1988. С. 8]. Для этих целей могло использоваться Сакмарское городище недалеко от города Оренбурга на р. Яик, существовавшее в период VII–XII вв. Поздний слой памятника представлен болгарской керамикой на гончарном круге.

Третий раз широкое наступление против Волжской Болгарии татаро-монголы совершили в 1232 г. В древнерусских летописях по этому поводу сохранилась следующая запись: «Приидоша татарове и зимоваша не дошедшее Великого града Болгарского» [ПСРЛ, 1962. С. 459]. Вновь ареной военных действий стала территория расселения башкирских племен, и благодаря коллективным усилиям союзных народов от территории Волжской Болгарии страшная угроза уничтожения была отодвинута на три года.

Уже после похода 1229 г. монголо-татарские войска остались в южноуральских степях, и они были превращены в плацдарм для подготовки даль-

нейшей агрессии против Волжской Болгарии и русских княжеств.

С целью конкретизации тактики и стратегии против народов Европы в Каракоруме в 1235 г. был проведен очередной курултай, где Великий хан Угедей, пришедший на престол после смерти Чингисхана (1227 г.), во главе отрядов объединенной армии назначил старших сыновей. Рашид-ад-Дин приводит имена командующих армейскими отрядами: «Царевичи, которые были назначены на завоевание Кыпчакской степи и тех краев, были следующие: из детей Тулуй-хана старший сын Менгу-хан, и брат его Бучек; из рода Угедей-каана старший сын, Туюк-хан, и брат его Кадан; из детей Чагатай — Бури и Байдар и брат Каана, Кулкан; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шейбан и Тангут; из почтенных эмиров: Субэдэй-бахадур и несколько других эмиров. Они все сообща двинулись весною бечин-иля, т.е. года обезьяны, который приходится на месяц джумад. II 633 г.х. (=11.2—10.3.1236 г.), лето провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом, которые тоже были назначены в те края» [*Золотая Орда в источниках*, 2003. С. 406].

По словам летописца монголов Джувейни, «в пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела, и от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные». Он же сообщает, что «сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Болгар, который известен был еще в мире недоступностью местности и большой населенностью. Для примера подобным им, жителей его (часть) убили, а частью пленили» [*Золотая Орда в источниках*, 2003. С. 258, 259]. Это же событие эмоционально описано в древнерусских летописях так: «Безбожнии татары взяли славный город Болгарский, сожгли его, предали смерти многих жителей от старца и до юного и до сушаго младенца», захватили «Товара множество» и «всю землю их плениша» [Черепнин, 1970. С. 184].

Проведенные раскопки подтвердили правдивость рассказов летописцев о больших разрушениях в болгарских городах, нанесенных татаро-монголами. В городе Биляре, например, выявлены мощные следы пожарища, кости людей в культурном слое, в оборонительных линиях (рвы, валы), человеческие черепа в колодцах. По мнению авторов раскопок и публикаций, все это связано с последними минутами жизни города Биляра [Халиков, Халиуллин, 1988. С. 14—21; Хузин, 1988. С. 43—58; Халиков, 1984. С. 82—98].

Был сожжен и город Болгар — первая столица государства. В нем также четко прослежен мощный слой пожарища, связываемого с событиями осени 1236 г. Подчеркнем, анализ слоев пожара подтвердил сведения авторов X—XII вв. о том, что г.Болгар тогда состоял из деревянных досок. Но, как считают авторы раскопок, к моменту штурма город был пуст, так как все жители покинули его, спасаясь в малозаселенных лесных районах Прикамья [Кавеев, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1988. С. 62]. При отсутствии сопротивления со стороны жителей город, очевидно, был сожжен монголо-татарами «для примера подобным им», т.е. для устрашения населения накануне вторжения в русские земли.

Войска Батыя тактикой выжженной земли завоевали земли русских княжеств, Кавказа, Северного Причерноморья, Болгарии. Чтобы представить масштабы разрушений и истребления жителей, приведем пример Киева — одного из крупных и красивейших городов Древней Руси. По свидетельству летописцев, после ухода татаро-монголов от большого города осталось не более 200 домов [БНТ, 1987. С. 168]. В 1241 г. завоеватели вторглись в Польшу и Венгрию, где войска Батыя лицом к лицу столкнулись с воинами венгерского короля, которых все единодушно называют башкирами, а венгерского короля башкирским королем [*Золотая Орда в источниках*, 2003. С. 259]. Этот факт сочли нужным здесь привести, чтобы напомнить читателю, что до этого времени (до 1241 г.) в Венгрии в непосредственном соседстве с собственно мадьярами (венграми) проживала большая группа башкир, которая затем вошла в состав венгерского народа в качестве башкирского компонента.

Вернемся к событиям в Башкортостане. Согласно историческим преданиям, события 1219—1242 гг. в основной части страны башкир не вызвали серьезных потрясений, что лишний раз подтверждает правдивость рассказа Юлиана. В исторической легенде «Акман-Токман» говорится, что «каждый род, аймак имел свое место на весенних, летних, зимних и осенних стойбищах. Но вот нагрянула с востока странная черная рать. Было это летом. Все люди, вся скотина были на яйляу, в лесу, в горах, в долинах рек. Через башкирскую землю шла только часть вражеской рати. Основные силы проходили южнее, по приицким землям» [БНТ, 1987. С. 168]. Вся эта легенда посвящена борьбе башкирского народа против татаро-монголов, поэтому в приведенном отрывке красочно описана мирная жизнь основной группы башкир летом и осенью 1236 г.

Но в распоряжении ученых имеется достоверные источники о том, что татаро-монголы в Западном Башкортостане устроили массовое истребление и грабежи. Это происходило в землях по рр. Ик, Мэллэ, Минзели, т.е. левобережной Белой и Камы, где проживали башкирские племена байляр, буляр, юрмийцы, иректинцы [Кузеев, 1974. С. 316–375]. Очевидно, эта группа находилась в союзнических отношениях с Волжской Болгарией и оказывала ей поддержку в отражении нашествия. Наказание не замедлило.

В исторической легенде «Биксура» это событие рассказано следующим образом. «В тех местах кочевали башкирские роды байляр и буляр. Жили они привольно... Когда же через их земли прошел Батый со своим войском, мирной спокойной жизни башкирских родов пришел конец. Хан шел покорять страну болгар и по пути уничтожал башкирские племена, грабил их. Особенно много бед испытал род Карагай-атайцев, кочевавший между реками Минзели и Ик. За неповиновение предводителю ханского войска седобородого Карагай-атая высекли перед всем его родом. Обезглавили всех взрослых мужчин. Женщин и девушек завоеватели пленили, захватили весь скот... Это произошло в отсутствие Биксуры – старшего сына Карагай-ата... Он поскакал к байлярам, ыласынам, буре. Так он собрал егетов, готовых пройти сквозь огонь и воду, и выступил против войска Батый-хана. Выследил и уничтожил врагов. Первое наступление Батый-хана на болгар было сорвано. ... Сам Батый скончался от ран, полученных в одном из сражений, состоявшихся через год» [БНТ, 1987. С. 166, 167].

В связи с изложенным выше сюжетом о карательном походе против усть-бельской группы башкир следует вспомнить упоминание Планом Карпини о походе татаро-монголов против мордвы, волжских болгар (г.Биляр) и башкир. Плано Карпини в своем рассказе особо подчеркивает, что этот карательный поход состоялся после завершения военных действий в Центральной Европе (Венгрия, Польша). Если наши наблюдения верны, то, вероятно в период, когда основные силы татаро-монголов были мобилизованы в военные действия на западе, народы Среднего Поволжья (мордва, волжские болгары) восстали и к ним на помощь пришли башкиры. Во всяком случае, слова Плано Карпини четко дают знать, что поход против башкир состоялся после походов в Центральную Европу и, вероятно, именно это событие легло в основу содержания исторической легенды Биксура. Такие карательные операции татаро-монголы, очевидно, проводили повсюду в районах расселения западных

башкир, погранично расположенных с Волжской Болгарией.

К истории Башкортостана имеет прямое отношение еще одна крупная операция войск Батый-хана по подавлению восстания огузо-кыпчаков под предводительством хана Бошмана [Золотая Орда в источниках, 2003. С. 259, 260]. Приволжские кыпчаки в ходе начавшегося наступления татаро-монголов оказывали им упорное сопротивление. Оно продолжалось до лета 1237 г. Группа смельчаков во главе с ханом Бошманом (Бочман) повсюду была неуловима, она ускользала от поражения, собирая единомышленников, вновь превращаясь в грозную силу сопротивления. Царевичу Мунке (Менгу), командовавшему южной группой батыевских войск, чтобы расправиться с группой Бошмана, пришлось создать речную флотилию из 200 судов и начать облаву по обоим берегам Волги. Такие масштабные поиски вывели преследователей на небольшой остров в середине Волги, где укрывался Бошман со своим отрядом. Остров был окружен, отряд уничтожен, а сам Бошман разрублен на две части. Основная часть населения разгромленного кыпчакского государства Бошмана бежала на Урал, в страну башкир, и потомки этих беженцев сохранили свое этническое самосознание в своем этнониме как бошман-кыпчаки.

В ноябре 1241 г. неожиданно скончался верховный каан монголов Угедей, и это известие заставило Батю приостановить военные действия в Центральной Европе и вернуть свои войска в уралоповолжские степи. Все историки мира сходятся во мнении о том, что смерть Угедея послужила поводом для приостановления наступательных операций на западе: армия, несмотря на достигнутые успехи, в ходе семилетних кровопролитных боев была сильно потрепана и нуждалась в серьезном отдыхе.

После окончания боев Батый-хан едет в Монголию и возвращается оттуда только весной 1243 г. Свою ставку он расположил в городе Болгар, который, таким образом, стал первой столицей вновь образованного государства. Среди историков год возвращения Батый-хана в город Болгар (1243) принято считать временем провозглашения улуса Батю, известного условным названием Золотая Орда. Однако в таком понимании просматривается отсутствие логики в оценке важнейших событий в евразийских степях в первой половине XIII в. и оно нуждается в определенной корректировке.

Улус Бату (или Золотая Орда) является полноправным преемником улуса Джучи, образованного еще в 1207 г. По мере расширения западных границ империи монголов за счет завоеванных земель тер-

ритория улуса постепенно росла. В плане расширения улусных владений своего старшего сына (Джучи) Чингисхан сделал много во время боевых действий на юге Средней Азии 1219–1223 гг., подарив ему все земли Дешт-и-Кипчака и Хорезма до Крайнего Севера [*Золотая Орда в источниках*, 2003. С. 394], практически земли Сибири, Казахстана, Средней Азии и до левобережной Волги.

Когда в 1227 г. умер Джучи, Чингисхан без колебаний принял решение назначить его преемником второго сына Бату. Согласно источникам, услышав о смерти Джучи, он вызвал младшего брата Бату Отчигина и сказал: «Отправляйся в Дешт-и-Кипчак и второго сына Джучи-хана Бату, по прозвищу Саин-хана, возведи на отцовский престол». Бату заранее был извещен о приезде младшего брата, послал для его встречи своих сыновей и младших братьев, а вслед за ними и сам выехал для встречи высокого гостя. Встретились. По прошествии трех дней Отчигин, соблюдая все обычаи, посадил Бату на отцовский престол. По случаю коронации устроил большой пир (той). В это время из ставки Чингисхана прибыл нарочный с известием о смерти каана [*Кляшторный, Султанов*, 2004. С. 201, 202].

Война в Европе дала возможность значительно расширить территорию улуса Бату за счет земель к западу от Волги вплоть до Дуная и Кавказа, но это немного меньше территории улуса до начала войны 1236 г. Улус Бату после 1243 г. является логическим продолжением улуса Джучи-Бату 1207–1236 гг., и в этом смысле историю так называемого государства Золотая Орда следует начать не 1243 г., а с 1207 или 1223 гг., когда личным распоряжением Чингисхан включил в состав улуса Джучи земли Хорезма, Центрального и Западного Казахстана, Южного Урала вплоть до левобережной Волги. При исключении из истории Золотой Орды период 1207–1236 гг. выпадает история евразийских народов продолжительностью 36 лет, что вряд ли оправдано с точки зрения полного преемственного ее развития.

Необходимо подчеркнуть, что современники Золотой Орды никогда ее так не называли. Жителям соседних и дальних стран она была известна как Улус Джучи, Улус Бату, улус Дешт-и-Кипчак, кипчак, Дом Бату, Страна Берке, Дом Берке, Улуг улус, Северное царство, Страна команов, Монгольское государство, Узбеково государство, Узбекский улус [*Кляшторный, Султанов*, 2004. С. 209]. Впервые словосочетание «Золотая Орда» к Улусу Бату (он же Улус Узбека и др.) в Казанском летописце было применено в понятии «Золотая Орда» и «Великая Золотая Орда» [Егоров, 1985. С. 153–164] в XVI в.,

когда это государство перестало существовать. Но в этом названии особо подчеркивается важный социальный признак государства – ставка хана находилась в большой и нарядно украшенной золотом юрте, что было характерно для ставки главных ханов монголов, уйгуров и других кочевых государств Центральной Азии. Так неожиданно за Улусом Бату утвердилось это случайное название.

По своему устройству государство Золотая Орда почти ничем не отличалось от имперского улуса: Бату как первый правитель обязан был придерживаться принципов управления, утвержденных еще при Чингисхане. Вся территория Золотой Орды была разделена на 12 улусов, которые составляли владения членов правящей семьи Джучидов и их приближенных. Так, например, земли между левобережной Волгой и правобережным Яиком от Камы до побережья Каспийского моря принадлежали самому Бату-хану, а между правобережной Волгой и Доном – его старшему сыну Сартаку. Северо-Кавказские земли отошли брату Берке, а территория к востоку от Яика, Северного Казахстана и Западной Сибири до Иртыша – другому брату Шибану. Но эти границы владений не были устойчивыми. Например, вскоре после первого распределения хан Бату своего брата Берке перевел на Восточный Прикаспий. Другому брату Орде (он же Отчигин, Ичен) досталось собственное владение отца Джучи – земли по верховьям Иртыша и Центрального Казахстана. В одном из наставлений брату Шибану по пользованию своими земельными угодьями Батый-хан пишет следующее: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз, Савук, Ор, Илек до горы Урала, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр, в устьях Чу и Сарысу» [*Федоров-Давыдов*, 1973. С. 57]. Следует помнить, что в предложенном порядке передвижений для Шибана отражен прочно отработанный на протяжении многих тысячелетий годичный цикл кочевания для скотоводов Южного Урала и Западной Сибири по маршруту юг–север–юг. Из вышеизложенного, таким образом, видно, что территория Башкортостана после 1243 г. оказалась разделенной между владениями самого Бату и его брата Шибана.

Факты свидетельствуют, что в Башкортостане, как и в других регионах Золотой Орды, произошли следующие кардинальные изменения: а) вторжение в страну новых групп кочевых племен, названных условно кыпчаками, и произошедший передел земельных угодий между пришельцами и местным

башкирским населением; б) возрастание роли кочевого скотоводства в общем хозяйственном балансе региона и в) постепенная потеря башкирами тех минимальных льгот, которые они получили в результате принудительно-добровольного характера вхождения в состав улуса Джучи, и превращение их в обычное зависимое население.

Татаро-монголы и пришлые вместе с ними кочевые племена — кыпчаки — не были приспособлены к ведению скотоводческого хозяйства на Урале с заготовкой кормов и поэтому сразу же после завоевания превратили в абсолют тысячелетний опыт скотоводов спускаться на зиму в приаральские, сырдарьинские и прикаспийские зимники, а на весну и лето вновь подниматься на север, в предгорные и горные пастбища Урала, Прикамья, богатые растительностью. При такой системе местные башкиры и другие народы этого широкого региона привлекались для выполнения различных повинностей по уходу за скотом своего феодала. Существование меридиональной системы кочевания теперь фактически превратилось в своеобразную форму утверждения власти татаро-монголов над башкирами.

Потерю земельных угодий в степной зоне башкирские племена старались компенсировать расширением своих владений на севере. Тогда возникли маршруты их кочевий от устья реки Уфы до Камы, о чем имеются упоминания в эпосе «Алдар и Зухра» [БНТ, 1973. С. 172]. Появление группы башкирских племен на Средней Каме до уровня современного города Пермь, видимо, относится именно к этому времени. Археологически это может быть увязано с появлением в Кунгурском крае кочевнических захоронений в местности Селянино с вещами XIII—XIV вв.. Происходит плотное заселение горно-лесных и лесных районов Южного и Среднего Урала. Все это способствовало еще большему возрастанию роли южноуральского региона как самостоятельной культурно-хозяйственной зоны.

В вышеприведенных словах Плано Карпини о том, что хан указывал «где пребывать вождям (темникам), вожди же указывали места тысячникам» и т.п., раскрыт главный принцип хозяйствования и соподчинения в военном государстве Золотая Орда. Как показывают источники, в реальной жизни различным должностям соответствовали определенные земельные угодья и права. Темники, например, получали такое количество хозяйств, которые могли выставить 10 000 воинов, тысячники соответственно — 1000, сотники — 100 и т.п. [Федоров-Давыдов, 1973. С. 48] При такой системе подчинения и жизнеобеспечения каждый род и племя становятся

структурным подразделением войска. В рассматриваемое время такие структурные изменения претерпели многие башкирские племена, примером чему может служить племя менг («тысяча») [Там же, С. 48, 49]. Как подсказывает семантика этнонима менг, его предводитель, видимо, выступал в качестве тысячника, т.е. во главе отряда численностью в 1000 человек.

По-видимому, примерно такую же полувоенную организацию представляли те родоплеменные группы, которые пришли на Урал в ходе татаро-монгольского нашествия и вхождения его в состав Золотой Орды. На основе историко-этнографических данных академиком Р.Г. Кузеевым доказано, что к их числу относятся племена кыпчаков, катайцев, табынцев, минцев, которые, в свою очередь, подразделяются на ряд мелких родовых групп (канлы, туркмены, миркит и др.) [Там же, С. 463—475].

Пример племени менг подсказывает, что предводители и этих племенных союзов могли выступать в роли тысячников, а некоторые даже темников.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что башкиры, как и другие подчиненные народы, облагались налогами. Непомерные их размеры часто служили причиной многочисленных восстаний. Упомянутое выше восстание под предводительством Сураман батыра началось после убийства ордынских нукеров, приехавших собирать с башкир предусмотренный налог. В той же легенде есть интересное сведение о том, что вскоре после прихода татаро-монголов перераспределили между племенами всю территорию страны, «а затем каждый род и племя» получили предназначенные им тамги-знаки, оран (боевой клич), дерево и птицу». Достоверность этого подтверждается сведениями выдающегося башкирского историка Таджетдина Ялсыгула, автора «Тарих нама и Булгар». Он утверждал: «От него (Чингисхана. — Н.М.) остался среди народов обычай ставить тамгу, определять каждому его птицу и клич» [Соколов, 1904. С. 25, 26; Галаятдинов, 1990. С. 133].

Эти четыре перечисленных понятия символизировали принадлежность человека к данному роду, племени (тамга), мифического родового или племенного героя, живую связь с окружающим миром через объекты тотемизма (дерево, птица). Смена религиозных символов, получение новых от имени монгольского хана, видимо, означали полную ломку идеологии: выработку новых понятий в общественной жизни, где на первый план выдвигалась идея господства татаро-монголов и беспрекословного подчинения им покоренных башкир.

Одновременно это было своеобразной перепи-сю населения, ибо, как гласит легенда, обложение башкир налогом последовало после получения тамги, орана, дерева и птицы. Возможно, изложен-ный сюжет имеет какое-то отношение к обложению налогом в пользу монголов, именовавшееся «там-гой». Существовали различные другие виды поборо-ров. Подвластное население, например, обязано платить «десятинный» оброк и давать десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают отроков и берут одного и точно также поступают с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. По свиде-тельству Плано Карпини, ясак в виде пушнины (шкур медведя, бобра, соболя) платил «каждый, как малый, так и большой, даже однодневный мла-денец», — пишет он. «Обременительным считалось обязательство поставлять хану дойных кобыл, ибо кумыс был одним из основных продуктов питания кочевников [Федоров-Давыдов, 1973. С. 34–42].

Помимо выплаты натуральных налогов на баш-кир распространялись повинности по ведению хозяйства монгольских царевичей (пастьба скота), оказанию различной помощи государственным чиновникам (выделение лошадей, подвод, охрана имущества и т.д.).

Узловой темой истории Башкортостана эпохи Золотой Орды является вопрос об особенностях его государственного устройства. Изложенные выше источники свидетельствуют, что Башкортостан в составе Золотой Орды представляет один из редких регионов (субъектов), сохранивших своих правите-лей. Среди них особо выделяется выдающаяся лич-ность Муйтен бия. Его заслугой перед историей народа является предотвращение разрушительных походов татаро-монголов на Южный Урал, что яви-лось результатом его деятельности как дипломата.

От средневековых башкир сохранилась свое-образная летопись исторических событий «История башкир» («Тауарихи башкорт»), оригинал которой хранится в научном архиве Уфимского научного центра РАН [Хусаинов, 2003. С. 32–49]. В ней при-ведена синхронистская таблица преемников Муйтен бия с указанием времени их проживания по отношению известных золотоордынских ханов. Среди последних имеются малоизвестные имена, что наводит на мысль о том, что либо башкиры имена золотоордынских ханов переиначили на свой лад, либо под ними имеются прозвища и локальные (удельные) ордынские ханы. По варианту шежере перечислены следующие его предки: *Баба Тукляс Тырма — Казансы — Ишлам кыя — Кара кыя — Кутлуг кыя — Туксаба бей — Муйтен-бей — Шакмаклы*

(Шыгалы) бей — Буркэ (Бурэкэ) бей — Чуркэ (Сэркэ) бей — Мангут — Тимер карый Буга-бей — Карас-бей — Сарбаш бей — Сарыш бей — Ябынсы ясаул — Усерган [Хусаинов, С. 58].

В рукописи «Тауарихи башкорт» («История башкир») потомки перечислены в несколько изме-ненном варианте. В частности там говорится: «Во времена Бузка (Бузкэ) бия Шакмаклы, Тукан хана был бием и правил Ярука. Во времена Тугрыл (Тугрыл) хана был бием и правил Мангыт. Во вре-мена Узбек хана был бием в качестве признанного предводителя управлял народами Урал бии Мангыт. Во времена Йанбак (Йәнбәк) хана на Урале был бием и правил Инсан-бий бин Урал. Во времена Бирдебеке был бием и правил Буйат (Байат)-бий. Во времена Тулка Хужа хана был бием Арбан-бий. Во времена Арбан Туктамыш хан был бием, справедли-во правил... Тумбай бий. Во времена Бурака (Бурак) был бием Тимер Карабуга (Карабуга). Во времена Кусем хана был бием Харыш бий. Во времена Касим хана он был бием. После него во времена Тура хана был бием и правил Харыбаш мурза (мырза) — Сурабан-бий. Этот Сурабан после того, когда баш-киры преклонили головы Ивану Васильевичу в качестве заложника (аманата) великому хану (царю) на правах почетного хана (хан хозурында) несколь-ко лет жил в городе Казани там умер» [Хусаинов, 2003. С. 45].

Данный документ вызывает доверительное к себе отношение, прежде всего совпадением ряда имен из династии Джучидов, и это позволяет опре-делить примерные годы жизни башкирских биев. Например, Шакмаклы — преемник Муйтен бия, значит жил в 20–40-е гг. XIII в. Названное первое имя Бирка-бий, скорее всего, Бурка-бий по первому списку, он же сын Шакмаклы бия, сына Муйтен бия. Современником Бузкэ-бия назван Тукан-хан, которого есть все основания отождествить с Тукан-ханом — сыном Бату хана [Рашид-ад-Дин, 1960. С. 72, 73, 82, 83, 229]. Следовательно, Йарука бием был в 40–60-е гг. XIII в. Под Тугрыл ханом, скорее всего, подразумевается Тугрылча — сын Менгу Тимура, внука Бату, он же отец Узбек хана. Следовательно, годы жизни Тугрылча и башкирско-го Мангыта можно определить самым концом XIII—началом XIV вв., а после него идут следующие известные золотоордынские ханы. Узбек хан Йанбак (Джанибек) хан, Бирдибек (Бирдәк) хан, Тохтамыш (Тугтамыш) хан, годы правления кото-рых нам известны абсолютно точно. Соответственно, становятся известными годы правления каждого современника этих ордынских ханов — башкирских биев. Получив эти данные, мы решили свести все

названные в первоисточнике имена в таблицу (Табл. А.), где периоды правления ниже перечисленных правителей как ордынских, так и башкирских требуют дальнейшего уточнения.

Так, например, между Бердибеком (Бирзебэк) и Тохтамышом назван как ордынский хан Тулкахужа (Төлкө хужа) и башкирский бий Арбан. Оба этих имени в источниках отсутствуют, что может быть вызвано ошибками переписчиков. В надежде на дальнейшее уточнение, годы правления этих ханов условно определили периодом между Бердибек ханом и Тохтамыш ханом, т.е. серединой XIV в. Далее в списке следует Бурак хан, Кусем хан, Касим хан и Турахан и их башкирские современники Тимер Карабуга, Һарыш бий, Сарыбаш (Һарыбаш) мурза и Сурабан бей.

Из вышеназванных нам известны годы правления ордынского хана Борака (1424–1428 гг.) [Гумилев, 1989. С. 751], под которым следует подразумевать Бурака из первоисточника. Некоторым основанием для отождествления их служит текст башкирского шежере, где Бурак назван ордынским ханом и упоминается в связи с этим факт военного соперничества с башкирским Кусем ханом из-за земельных угодий по р. Сакмарю. В шежере говорится, что войска Бурака (при участии бия Мансура) и Кусем хана

долго противостояли друг перед другом на обоих берегах р.Сакмары, а потом мирно разошлись. В ногайских источниках Бурак выступает под именем Барак. В.В. Трепавлов уверен, что Бурак из башкирского шежере и Барак из ногайских источников одно лицо. Значит, бийство Тимер Карабуга следует определить 20–30-ми годами XIV в.

Бурак (Барак) хан в данном случае нас интересует в плане определения годы правления Кусем хана, ведь в башкирском шежере он предстает как участник противостояния во главе своего войска против Бурака. Это – явная ошибка и она подтверждается текстом самого шежере, где говорится, что Кусем хан сын Турахана, который прожил на 70–80 лет позже Бурака. Отсюда следует, что либо: а) Кусем хан никак не может быть современником Бурак хана; б) либо в шежере ошибочно указано, что он сын Турахана. Более правдоподобным представляется второе предположение и Кусем хан был современником Бурак хана. С учетом высказанных выше оговорок годы ханства Кусема и бийства Сарыш (Һарыш) можно определить 20–30-ми годами XIV в.

Сарыбаш (Һарыбаш) мурза был современником Турахана и годы его жизни можно определить рубежом XV–XVI вв. В списке ханов числится Касим

Таблица А.

Имена и годы жизни башкирских биев, перечисленных в рукописи «Башкирская история»
(см. Хусаинов Г.Б. Духовный мир башкирского народа. Уфа. 2003. С. 45.)

Имена башкирских биев	Примерные годы жизни	Современники из числа чингизидов	Примерные годы жизни
Йәрукә (Йарука)	30–50-е гг. XIII в.	Тукан, сын Бату	30–50-е гг. XIII в.
Мангыт	конец XIII–начало XIV вв.	Тугрылча (Тугрыл), правнук Бату	Конец XIII–начало XIV вв.
Урал бин Мангыт	20–40-е гг. XIV в.	Узбек хан	1312–1341 гг.
Инсан бин Урал	40–60-е гг. XIV в.	Дженибек (Йәнбәк)	1341–1357 гг.
Буйат (Бүйәт)	60–70-е гг. XIV в.	Бердибек (Бирзебәк)	1357–1359 гг.
Арбан	середина XIV в.	Тулкахужа (Төлкө хужа)	Середина XIV в.
Тумбай	80–90-е гг. XIV в.	Тохтамыш хан	80–90-е гг. XIV в.
Тимер карабуга	20-е годы XV в.	Борак хан	1424–1428 гг.
Һарыш	20–30-е гг. XV в.	Кусем хан	20–30-е гг. XV в. (?)
Турахан Һарыбаш мурза	Турахан погиб в 10-х годах XVI в.	Касим хан (возможно ногайский хан)	Умер в 1524 г.
Сурабан	50–60-е гг. XVI в.	Умер в Казани в начале 60-х гг. XVI в.	

хан, под которым, скорее всего, следует подразумевать казахского хана Касима (умер в 1524 г.) — отца Хак-Назара, известного по башкирским источникам как Акназар хан. Во времена Турахана и Касим хана (10–20-е годы XVI в.) бийствовал Сарыбаш (Нарыбаш) мурза. Годы жизни упомянутого в источнике Сурабан-бия известны. После вхождения Башкортостана в состав России он в качестве заложника был направлен в г. Казань, где умер в 60-х годах XVI в. Отсюда годы его бийства можно отнести к 40–50 годам XVI в.

Итак, годы правления вождей башкирского народа, перечисленных в рукописи «Башкирская история» («Тауарих башкорт»), за исключением 2 случаев, определяются довольно точно на документальной основе. Это дает нам право прийти к следующему заключению: а) Рукопись «Тауарих башкорт» («Башкирская история») представляет очень ценный источник по истории башкирского народа XIII — середины XVI вв. особенно в плане существования у них собственных государственных образований; б) у башкирского народа до недавнего прошлого (примерно до XVII–XVIII вв.) имелись рукописные варианты собственной истории и выше анализированный текст рукописи «Тауарих башкорт», скорее всего, является своеобразным изложением основных этапов политической истории народа; в) все вместе взятое перед историками Башкортостана ставит задачу усилить работы по поискам и систематизации и вводу в научный оборот подобных рукописных материалов.

Таким образом, указанные в источнике годы жизни прямых потомков Муйтен бия документально подтверждаются. Поэтому мы с уверенностью можем утверждать, что как в самом имени Муйтен бия, так и указанных выше преемниках названы имена башкирских биев XIII–XIV вв.

Нам известна еще целая плеяда выдающихся предводителей башкирского народа XIII–XV вв. В ней особо выделяются представители тех этнических групп, которые пришли на Южный Урал после вхождения Башкортостана в состав улуса Джучи (табынцы, минцы, кыпчаки) и заняли лидирующее положение в башкирском обществе того времени.

Список лидеров табынской этнической группы башкир возглавляет легендарный Майкы бий, который, согласно источникам, в молодые годы служил в личной охране Чингисхана, а затем, согласно шежере башкир-табынцев, «Чингиз-хан дал страну Майкы-бию»; следовательно, после провозглашения его великим кааном он был возведен в ранг эмира-тысячника (или десятитысячника) и служил в войске Джучи [Кузеев, 1963. С. 156].

Этническая история башкир-табынцев подробно исследована Р.Г. Кузеевым, и ниже мы ограничимся кратким изложением основных его выводов. Большая группа табынцев имеется в составе Малого и Большого Жуза казахов, генеалогическое древо которых также восходит к легендарному Майкы бию. Одновременно его считают общим предком часть узбеков, каракалпаков, хотя у них нет этнических групп табынцев. Своеобразным ключом к разгадке тайны личности Майкы бия служит первая часть его имени Уйшин (Уйшун), что является вариантом имени усуней — самой многочисленной группы тюркоязычных кочевых племен Казахстана рубежа нашей эры и раннего средневековья. Вероятно, будучи выходцем усуньской (уйшин, ушин, уйшун, уйсун, усунь) этнической среды, Майкы бий возглавил этнополитическое объединение в ранге подулуса (ханства) в составе улуса Джучи, и первая половина его имени (Уйшин), скорее всего, является прозвищем.

В исторических преданиях башкир-табынцев иректинской группы есть упоминание о его прежней прародине на Иртыше. В них также есть упоминание о том, что внук Майкы бия Карача (он же Карагазиз, он же Каратабын) завоевал земли близ Миасса, Миадык (Миндяк), Троицка [*Башкирские родословные*. С. 391–393]. Данное сообщение заставляет думать, что Майкы бий и его потомки на Иртыше действительно возглавили ханство. При внуке Карача оно расширило свои западные границы вплоть до Уральских гор. Это произошло около 70–80-х гг. XIV в., через 30–50 лет после Майкы бия. Это событие по времени совпадает с возникновением Ишимского ханства, а затем Тюменского ханства, о чем имеются туманные сведения [*Введенский*, 1883. С. 7]. Будущие исследования в этом направлении должны внести ясность о взаимосвязи этих событий.

Известен другой вариант шежере табынских башкир каратабынской группы, также восходящей к первоначально Майкы-бию. В нем дается следующее поколение его потомков: сын Майкы-бия Сурабий, далее идут Сумбай (Сөмбөй)-бий — Йолабай-бий — Утарсы-бий — Актере (Актере)-бий — Акбуре (Акбүре)-бий — Сура-бий — Тугызбай (Тугызбай)-бий — Кушымбал-бий — Саид (Сәйед)-бий — Кызылгузрат (Кызылгөзрәт)-бий — Дарвиш (Дәрүиш)-бий — Биктимер-бий — Сарат-бий — Такай (Тәкәй)-бий — Азнагол (Азнагол)-бий — Дарвиш (Дәрүиш)-бий — Баязит-бий — Хаккол (Һаккол)-бий — Мамат (Мәмәт)-бий — Нарбай-бий — Исанбай (Исәнбәй)-бий — Танакай

(Тәнәкәй)-бий — Акынсак (Акынсак)-тархан [Хусаинов, 2003. С. 44, 45].

Данный текст шежере наводит на мысль, что в нем перечислены потомки одного из сыновей или внуков Майкы бия, которые возглавили этнополитическое образование в улусе Джучи-Батыя, а затем осели на территории Башкортостана.

Башкиры-минцы пришли в Башкортостан вместе с татаро-монголами и заняли территорию по рекам Дема и Уфа. Шежере минцев короткое и начинается с Урадач бия — современника Чингисхана. Особо подчеркивается его социальный статус как эмир-тысячник. Все его потомки вплоть до Канзафара, возглавившего в 1557 г. делегацию минских башкир к Ивану Грозному, в шежере названы биями.

Представляет интерес и шежере башкир-кыпчаков. В нем повествуется о борьбе кыпчаков против татаро-монголов, о разгроме последними государства кыпчаков. Это не оставляет сомнения в том, что башкирские кыпчаки своим происхождением тесно связаны с ханством кыпчаков под предводительством Бошмана. Родословная начинается с имени Кыпсак, но его деятельность проходила за пределами Урала. За ним следуют Хушнэк — Казанкап — Буда бий — Кухеш — Найман — Турнак — Буга бий — Ямгурчы бий [Башкирские шежере. С. 95, 96]. В плане интерпретации важными ориентирами служат имена Ямгурчы бия и Кухеша. Ямгурчы бий упомянут в русско-ногайских документах XV—XVII вв., и годы его ханства определяются 80-ми гг. XV в. [Трепавлов, 1997. С. 27] Следовательно, все выше него упомянутые бии жили раньше. По-видимому, имя Буга бия на башкирском языке записано арабскими буквами на каменной плите, где выведены слова «Кукляр сын Буги» [Ишбердин, 1980. С. 64—67]. Изготовление таких надмогильных плит было достоянием высокопривилегированного сословия башкирского общества, поэтому, надо полагать, речь идет о сыне Буга бия. Данный памятник следует датировать концом XV в.

В указанном генеалогическом списке привлекает внимание имя Кухеш, имеющее, по нашему мнению, прямое отношение к происхождению названия речки Кугеш в Гафурийском районе РБ (современное ее название Усолка; она вытекает из соляных источников, где расположен теперь известный курорт Красноусольск).

Согласно шежере карагай-кыпчаков, среднее течение р. Белой, в частности, земли по р. Зилим XIII—XV вв. относились к владениям кыпчакского объединения. В шежере это положение изложено следующим образом: «Исмагил хан в конце жизни,

собрав свой народ, поведал ему свое завещание; сам, сказав: пойду в юрт древних отцов своих», ушел в устье р. Джитем» (Зилим). Здесь, таким образом, ханствовал Исмагил хан — сын Кыпчака, и он приходится дальним родственником Кухеша по отцовской линии. Вполне вероятно, что Кухеш владел этими землями, а затем его имя перешло в название реки. В шежере юрматынских башкир, где описываются события после возвращения делегации юрматынцев в Казань в 1557 г. и присягания там власти Ивана Грозного, упоминается речка Кукуш (Кугеш, Кухеш).

Кстати, в шежере карагай-кыпчаков подчеркивается, что Исмагил хан, его потомки Алмай султан — Кузы султан — Бускун бий — Булат бий жили на этих землях, а могила Исмагил хана располагалась в районе устья р. Зилим. С учетом приведенных выше соображений по датировке годы жизни Кухеша (Кугена) и его родственников по ханской линии (Исмагил хан и др.) можно определить соответственно XIV и XIII—XIV вв.

В завершение анализа сведений шежере о башкирских биях XIII—XIV вв. приведем данные архивных документов, где сообщаются имена и места захоронений или жительства конкретных башкирских биев ориентировочно XIV—XV вв. На основе архивных, возможно, эпиграфических источников крупнейший востоковед России XIX в. В.В. Вельяминов-Зернов пишет, что в районе р. Ик в низовьях Белой жили Дауд хан и Килик хан и вели активную деятельность по распространению ислама среди местного башкирского населения. В пределах Башкортостана мог жить упомянутый им хан ногайского происхождения Байджур хан [Вельяминов, 1859. С. 267].

Особо следует подчеркнуть, к XIV в. восходит конкретное упоминание города Башкорт в трудах арабских и европейских авторов. Например, о нем пишут ал-Омари и Ибн-Халдун (XIV в.); тогда же он появляется в мировых картах и продолжает сохраняться вплоть до XVII в. [Псянчин, 2001. С. 18—22].

В совокупности все вышеприведенные сведения не оставляют никакого сомнения в том, что на территории Башкортостана в период Золотой Орды сохранялись, как в предшествующие века, местные государственные образования во главе с биями. При существовании центральной политической власти в лице Золотой Орды в функции национальных территорий входит внутреннее управление жизнью населения, а также выполнение тех обязательств, которые возлагались центром по отношению к башкирам как покоренному народу.

Как отмечено выше, правосудие осуществляли монгольские судьи. Об их проживании среди башкир нам известно из источников XIV в. Например, венгерский путешественник Рихард, побывавший в Башкортостане в 1320 г., пишет, что «и были там татары, судьи Баскардов». Вероятно, в Башкортостане они появились еще в 20–30-е гг. XIII в. Чтобы полнее представить обязанности этих монгольских судей в Башкортостане, необходимо вкратце ознакомиться с ролью и местом судей в системе всего государства Золотая Орда.

Как подчеркивалось выше, территория государства, как всей империи, была разделена на отдельные владения — улусы, которыми управляли ближайшие родственники (братья, сестры) и приближенные хана. Улусы, в свою очередь, делились на более мелкие административные единицы, во главе которых стояли тумени, тысячники, сотники и десятники. В обязанности туменов входили, например, управление жизнью населения в пределах своего владения, сбор налогов, обеспечение готовности всегда выставлять хану воинское подразделение численностью не менее 10 000 человек с полным комплектом оружия, одежды и питания. Опорой туменов при осуществлении этих обязанностей были тысячники, а у них, соответственно, — сотники, десятники. Исследователи указывают, что на эти государственные должности назначались представители местной аристократии, находившейся в вассальной зависимости со своим родом, племенем [Федоров-Давыдов, 1973. С. 43–67].

Особые подулусные владения в составе Золотой Орды составляли такие автономные территории, как Башкортостан, управляемые местными биями и эмирами. К их числу, кроме Башкортостана, относятся Мордовия, Черкесия, Алания, Армения, Дунайская Болгария, где были оставлены в живых местные ханы (правители) [Сафаргалиев, 1996. С. 309]. В таком же равном с ними положении находились некоторые древнерусские князья, которые приезжали в Орду, чтобы получать грамоты (ярлыки) на право управления своими княжествами.

Описанная система вертикальной власти сверху донизу не гарантирует от возможных слабостей (бездействия) отдельных звеньев. Чтобы этого не было, а вся система управления работала четко, еще при Чингисхане был принят свод законов (Яса, Джаса), согласно которому над местными правителями и туменами назначались надсмотрщики, называемые баскаками или даругами [Хара-Даванэ, 1996. С. 253]. Это были особо доверенные люди хана из числа монголов — личные представители хана из покоренных странах. Так как у монголов была

строгая соподчиненность в администрации и войске, то одного бия ставили старшим, давая ему ярлык на право подчинения себе всех остальных правителей. Через баскаков хан посылал свои приказы с требованием беспрекословного исполнения их всеми местными (удельными) биями и князьями. Есть информация о том, что в распоряжении баскаков был войсковой отряд, (т.е. карательный орган), который всегда расквартировывался вне черты города, ввиду безопасности и деморализующего влияния города. Именно такую роль баскаков (контролеров), очевидно, выполняли монгольские судьи при башкирских биях, о которых писал не раз выше упомянутый Иоганка. Не приходится сомневаться, что эти баскаки (судьи) добивались строжайшего выполнения установок и порядков, определяемых главным ханом. В Ясе (законах) предписывалась, а среди населения активно пропагандировалась мысль о том, что любое непослушание или отступление от предписаний строжайше наказывалось вплоть до смертной казни [Там же. С. 208–216].

О том, как на деле выглядела описанная система управления в Золотой Орде, можно судить из свидетельств Плано Карпини, наблюдавшего порядок кочевания и землепользования в первые годы возникновения Золотой Орды. Он пишет, что «император этих же татар (Батый хан. — Н.М.) имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям (местным правителям. — Н.М.), вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия» [Путешествие в...С. 45].

Остается неясным, распространялось ли на башкирских биев обязательная ежегодная явка в ставку ордынского хана за обновлением ярлыка на право управления своим ханством в новом году. Сведений об этом в источниках нет. Похоже, полномочия их обновлялись в несколько ином порядке. Но, во всяком, случае, все изложенное ясно указывает, что порядки землепользования и хозяйствования в Башкортостане в период Золотой Орды были очень подвижными ввиду изменчивости как состава населения той или иной территории (кочевий), так и самой этой территории. В этом смысле введенные татаро-монголами способы кочевания должны были привести к существенной утрате ранее существовавших патриархально-родовых традиций в

жизни тогдашних башкир. В основе новых земельных отношений лежат, насколько можно судить по изложенным фактам, политические, а затем социально-имущественные приоритеты. В плане дальнейшего развития башкирского общества пройденный в эпоху Золотой Орды период явился важным историческим этапом.

Однако следует помнить, что Золотая Орда хотя и возникла и существовала как военизированное государство с мощным аппаратом репрессий, ее внутреннюю и внешнюю культурно-политическую и социально-экономическую жизнь характеризуют глубокие непреодолимые противоречия, что было заложено в самом начале ее образования. Она сложилась как результат массового истребления этносов, разрушения цивилизаций и насильственного объединения различных по происхождению, образу жизни, языку, религии и менталитету народов, и это не могло не отразиться в ее исторической судьбе.

Батый хан, как основатель Золотой Орды, вполне понимал внутреннюю непрочность государства, поэтому старался выглядеть перед своими покоренными подданными в роли демократа-мироотворца. Этим можно объяснить его поведение перед битвой с мадьярами в 1241 г. на Дунае, когда он распорядился мусульманам собраться и помолиться, а сам, будучи язычником, всю ночь был волком [*Золотая орда в источниках*, 2003. С. 259]. В дальнейшем он всячески оказывал содействие развитию христианства, ислама, но сам до конца своей жизни оставался верным религии своих предков. В то же время из источников видно, что его сын Сартак покровительствовал христианству, а родной брат — исламу, даже стал мусульманином. Следующую политическую силу в Золотой Орде на религиозной основе представляла кочевая аристократия, ядро которой, вероятно, составляли выходцы из самой Монголии — приверженцы языческой религии.

В 1255 г. умер Батый хан, а вскоре при таинственных обстоятельствах погибает молодой Сартак. В этом современники подозревали Берке, который унаследовал власть старшего брата Бату. Это не могло не отразиться в религиозной политике внутри Золотой Орды: по личной инициативе мусульманина Берке хана ислам провозглашается официальной религией Золотой Орды, что способствовало расширению культурно-торговых связей со странами Востока. Но в государстве, особенно в городах — политических центрах — по-прежнему были сильны оппозиционеры, которые ждали лучшего момента, чтобы расправиться с непопулярной для них религиозной политикой Берке хана. Для открытого выступления ими был выбран момент

смерти хана, что вызвало массовые волнения и мятежи как в нижеволжских городах, так и в провинциях. Эти события не ускользнули от внимания дравнерусских летописцев, которые отмечали, что в год смерти Берке хана в золотоордынских городах Нижней Волги «был мятеж велик в самех татарах. Избишася сами промежи собою бесчисленное множество, ак песок морьскы» [*Егоров*, 1985. С. 199].

В других источниках упомянутое здесь событие не нашло никакого отражения, поэтому исследователи затрудняются в определении причин происшедшей тогда резни среди самих татаро-монголов. Наиболее вероятным, по-видимому, является то, что хан Берке, первый из чингизидов принявший ислам, стремился активно утверждать его во всем государстве, что встретило резкое сопротивление со стороны монгольской кочевой аристократии. Оно приобрело форму открытого выступления против исламизации после смерти Берке. Его религиозная реформа кончилась провалом.

Этот мятеж был жестоко подавлен, и власть в Золотой Орде перешла в руки внука Батыя хана Менгу-Тимеру. Имеются сведения о том, что в это же время происходит восстание отдельных народов Северного Кавказа (черкесы), Среднего Поволжья (мордва) и дунайских болгар, и в целях усмирения Менгу-Тимер совершает против восставших карательные походы. В этом походе, кстати, принимал участие ярославский князь Федор Черемный (или Чернай), за что был щедро награжден ханом. В частности, он удостоился чести жениться на дочери хана и получил в управление более 30 средневолжских городов, в том числе Болгар, Арск и др. [*Халиков, Халиуллин*, 1988. С. 20].

Одновременно с описанными событиями аналогичный мятеж происходит в Башкортостане, что нашло яркое отражение в легенде «Һуңғы Һартай» («Последний из Сартаева рода») [*БНТ*, 1987С. 173—179]. В ней повествуется о противостоянии башкирского бия Джалыка с монгольским ханом Менгу-Тимером. В войне против него Джалык бий потерял всех сподвижников, включая двух своих сыновей Кармасана и Сармасана. По-видимому, это событие относится к годам правления хана Менгу-Тимера (1266—1276 гг.), о чем имеется конкретное упоминание: Джалык бий получил от Тура-Менгу Тимера приказ явиться в ставку, но в знак неподчинения и издевательства возвращает приказ обратно вместе со сломанной стрелой и мертвой мышью. Менгу-Тимер для наказания направляет в Башкортостан карательный отряд. В тексте легенды имеются накладки, связанные, видимо, с тем, что позднейшие рассказчики путали конкретные исто-

рические события. Здесь одновременно присутствуют Хромой Тимер и Менгу-Тимер. Если Менгу-Тимер долго правил на Южном Урале (что соответствует смыслу текста), то Хромой Тимер лишь однажды побывал здесь в 1391 г. во время военного похода. Позднейшим наслоением является также факт посещения Джалык бием мавзолея Хусейнбека, датированного не ранее 1339 г.

Имея в виду эти поздние факты, Р.Г. Кузеев относит описанное в легенде событие ко временам Тимура и Тохтамыша (конец XIV в.) [Кузеев, 1974. С. 472, 473]. Но в начале легенды четко названо имя одного из главных действующих лиц Менгу-Тимера, чему не противоречит логика событий. В основу легенды, на наш взгляд, легли события времени ханства Менгу-Тимера. Этот конфликт мог быть вызван, например, отказом башкирского бия Джалыка признать власть Менгу-Тимера — преемника Берке хана. Кстати, имя Джалык бия в списке башкирских биев XIII—XV вв. отсутствует.

Новые хозяева южноуральских степей — кочевое население Золотой Орды — по своей культуре резко отличались от башкир X — начала XIII вв. Сейчас в этой части края известно более 100 курганных памятников, объединенных между собой сходством устройства и составом погребального инвентаря. Для них, условно названных памятниками кыпчакского типа, характерны небольшие, преимущественно, земляные насыпи на вершинах сыртов, возвышенностей. Как правило, располагаются они по одному, по два; изредка встречаются курганы, сложенные из камней, и на равнинных берегах рек. Судя по ним, у тех, кто строил эти курганы, широко был развит культ гор, что не было чуждо и для древних предков башкир. Средний диаметр курганов 6—10 м. Такие курганы лучше изучены на территории Оренбургской области, преимущественно по обоим берегам р. Урал и ее притоков (I и II Жанаталап, Кувандыкский район; Каменно-озерный близ города Оренбурга, Россыпинский курган в районе устья р. Илек и др.), но они выявлены, раскопаны и в южных районах (Хайбуллинский, Баймакский, Абзелиловский, Кугарчинский) Башкортостана и Челябинской области.

Специфической особенностью рассматриваемых курганов является устройство могил и способ захоронения. Могилы, в отличие от башкирских, глубокие и узкие. На высоте 0,5—1 м от дна вдоль могил строились небольшие ступеньки-запечики; иногда они заменялись углублениями на ширину 10—15 см или одной ступенькой вдоль одной из длинных стен. Это делалось для того, чтобы на сту-

пеньки уложить концы поперечных плах, которыми перекрывались могилы. Умершие хоронились:

а) в дощатых гробах, которые сколачивались плоскими гвоздями с одним загнутым концом вместо шляпки;

б) в колодцах, изготовленных из толстого ствола дерева.

В кургане близ деревни Башкир-Беркут (Кугарчинский район) на концах, через крышу и основание колоды делались большие «ушки»-отверстия, очевидно, для продевания веревки. Там же удалось четко зафиксировать, что дно колоды было обильно засыпано золой, что можно рассматривать как проявление культа огня. Наличие ушек в колоде наводит на мысль о том, что она приспособлялась к транспортировке, а золой труп засыпали в целях предотвращения его от быстрого разложения. Известны случаи сожжения костров над могилой после ее засыпки, но перед сооружением насыпи (Новый Кумак). Было точно установлено, что в одном кургане (Тлявгулово, курган 2) над могилой был построен бревенчатый сруб размером 2,7х2,3 м; он был подожжен, а затем над ними была сложена насыпь из земли и камня.

Очень часто гроб или колода находятся внутри второго, большого ящика, сколоченного из грубых досок при помощи тех же плоских гвоздей.

Все это является необычным для населения Южного Урала предшествующих веков, поэтому не подлежит сомнению, что было привнесено пришлыми кочевниками. В этой связи следует подчеркнуть, что захоронения в двойных ящиках (ящик, внутри него гроб или колода) издревле являются характерными для погребального обряда племен Центральной Азии. На территории Казахстана и Нижнего Поволжья такие могилы также впервые появляются в золотоордынское время, и это позволяет связать их с выходцами из центрально-азиатских степей, в пользу этого мнения говорит также антропологический тип умерших: они суммарно принадлежат к южносибирскому расовому типу: черепа их более массивные, лицевой скелет широкий, несколько уплощен на обоих уровнях горизонтальной плоскости. По своим особенностям они наиболее близки к кыпчакским племенам Центрального и Южного Казахстана XIII—XIV вв. и резко отличаются от башкирских племен рассматриваемого времени [Юсупов, 1991. С. 16].

На уровне могильного перекрытия встречены традиционные для кочевников ритуальные захоронения коня (голова, ноги, шкура) и принадлежности конской сбруи (седло, стремяна, узда). Иногда

они находятся рядом с умершими. В Россыпинском кургане (Оренбургская область) на этом уровне прослежены остатки деревянной решетки от юрты, которая должна была служить жилищем умершему в загробном мире. К важной особенности погребального обряда кыпчакских племен можно отнести захоронение с умершим целой туши коня. Чаще всего (13 случаев) туша лошади лежит на уровне могильного перекрытия. Умершие в основном головами ориентированы на запад с некоторыми отклонениями на северо-запад или юго-запад.

Необычными являются не только устройство, но и состав находок курганов. В них очень много привозных вещей: остатки роскошных халатов из парчи китайского, иранского и неаполитанского происхождения, серебряные китайские зеркала. Почти в каждом женском погребении найдены остатки своеобразных головных уборов, над которыми возвышались берестяные трубки длиной 15–25 см, диаметром 5–8 см для укладки волос. Головной убор вместе с берестяными трубками обшивался материей, иногда шелковой, о чем свидетельствуют следы швов на трубках. Такой головной убор («бокка») впервые описан Плано Карпини у золотоордынского населения южноуральских и казахстанских степей в XIII в. и по своему происхождению связан со степями Южной Сибири, Восточного Казахстана и Центральной Азии. Судя по его описанию, трубки дополнительно украшались перьями птиц, балдахин, жемчугом. Такие роскошные головные уборы «бокка» встречены и среди раскопанных курганов Южного Урала (I и II Жанаталап и др.).

В курганах в большом количестве встречены миниатюрные серебряные и бронзовые кованые сосудики с петлями, а в кургане, раскопанном близ д. Юлдыбаево на р. Сакмаре найдена чугунная жаровня. Это самая ранняя находка из числа чугуновых изделий на Южном Урале, датируется она XIV в.

Среди находок есть серебряные перстни со щитками, оригинальной формы височные подвески, нашивки на одежду, костяные гребни, ножницы и др.

Инвентарь мужских погребений дополнительно включает длинные сабли развитых форм, берестяные плоские или полуцилиндрические колчаны для стрел, широкие пластинчатые костяные накладки на колчаны с богатым орнаментом и остатки седел, среди которых есть целые. Одно седло сплошь было обшито двойным слоем кожи, украшено серебряной проволокой, образующей сложный орнаменталь-

ный узор. Каждое седло имело одно или два стремена, имевшие низкую сильно сплюснутую грушевидную форму с широкой пластинчатой дужкой.

Г. Рубрук, проезжая всю евразийскую степь, отмечает еще одну особенность погребального обряда кочевников (кыпчаков) XIII в. Он пишет, что «команы (кыпчаки в широком смысле слова — Н.М.) насыпают большой холм над усопшим, воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по 4 с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мясо».... [*Путешествие в....* С. 102]. Читателю уже известно, что описанное Г. Рубруком относится к универсальным элементам обычаев евразийских кочевников всех предшествующих тысячелетий. Например, об обычае вешать на жердях шкуры убитых лошадей подробно писал Ибн-Фадлан в начале X в. Кстати, каменные скульптурные фигуры известны на всем Южном Урале и тоже ставились на вершинах курганов.

Курганы Южного Урала кыпчакского типа занимают степную зону и являются составной частью культуры кочевого населения Золотой Орды. Курганы с таким же составом находок богато представлены сейчас на территории Южной Сибири, Казахстана, Поволжья и Северного Причерноморья. Учитывая эту близость, их можно рассматривать как важный элемент культуры государства Золотая Орда.

Исторические, этнографические и антропологические материалы свидетельствуют, что кыпчакские племена Южного Урала, оказавшись волею судьбы в стране башкир и среди башкир, как важный компонент вошли в состав башкирского народа. В башкирском фольклоре есть предания о том, что некогда «башкиры на Урал пришли со стороны Алтая». В самой легенде «Бурзяне во времена ханов» это предание справедливо связывается с кыпчаками, пришедшими сюда в ходе нашествия Чингисхана и Батый хана. В ней говорится, что тогда «кыпчаки были воинственными» [*БНТ*, 1987. С. 164, 165]. Любопытно отметить, что территория распространения курганов кыпчакского типа на Южном Урале совпадает с областью, где встречено наибольшее количество топонимов, т.е. названий рек, гор, которые характеризуются элементами кыпчакских языков [*Камалов*, 1997. С. 48–55].

Культура местных башкирских племен в XIII–XIV вв. претерпевает самые серьезные изменения. Бросается в глаза заметное уменьшение курганов,

где умерших хоронили языческим способом, т.е. с вещами. Такими в бассейне р. Белой пока являются только Сынтыштамакские курганы на р. Дема, а также поздние захоронения в Мрясимовских, Лагереvских и Каранаевских курганах, которые уже существовали в период X–XII вв., а Лагереvские возникли еще на рубеже VII–VIII вв. Типологически они ничем не отличаются от курганов башкирских племен предшествующих веков: насыпи земляные, небольшие (диаметр 6–8 м), могилы мелкие и умерших в них хоронили, обертывая в лубок. В могилах встречены куски бересты, что может указать на то, что в них могли быть опущены невысокие срубы и снизу и сверху сруб мог быть прикрыт слоями бересты, как это практиковалось у башкир в IX–X вв. Мода эпохи коснулась и башкир: в одном из Мрясимовских курганов обнаружен целый скелет лошади, которая лежала в отдельной могиле, рядом с человеческой.

Инвентарь выделенных памятников небогат и состоит из стремян, конских удили, наконечников стрел и других единичных вещей. Оригинальны седла из Сынтыштамакских курганов: ленчики их были обшиты берестой в несколько слоев. В двух случаях удалось установить, что голова умерших клалась на седло (Сынтыштамак, курганы 15, 22). Большинство умерших ориентированы головами на запад, в чем следует видеть влияние мусульманской религии.

Следующая группа памятников на своих материалах отражает процесс активной мусульманизации башкирского населения. Это грунтовые могильники (Кушулево, Такталачук, Азметьево) [Казаков, 1978.] по правому берегу р. Белой напротив устья и могильник Шахтау вблизи г. Стерлитамака). Указанные могильники являются кладбищами оседлого башкирского населения, о чем говорят их размеры. Первые три занимали большую площадь и функционировали на протяжении длительного времени (конец XII – начало XV вв.).

В Такталачукском могильнике исследовано 274 погребения XIII–XIV вв., которые плотно заполняли площадь памятника. Чтобы полнее представить особенности погребального обряда данной группы башкир, необходимы сведения об устройстве могил. Из общего количества могил 137 (50%) имели глубину до 39 см, 93 (34%) – от 40 до 55 см, 28 могил (10%) – от 56 до 69 см и лишь 16 могил (6%) – от 70 до 95 см. Такая же картина наблюдается на Азметьевском (вскрыто 98 могил) и Кушулевском (вскрыто 72 могилы) могильниках. Из приведенных

статистических данных видно, что нормой считались очень мелкие и узкие могилы.

Умершие уложены согласно требованиям мусульманского обряда: без вещей, вытянуто, на спине или слегка повернуто на правый бок, головой на запад с некоторыми отклонениями на юг или север, руки вдоль тела, лицом на юг. Но еще живы были традиции язычества. В частности, прослежены следы кострищ вблизи могил, да и сами мелкие ямы являются характерными для языческого обряда. К главному пережитку последнего следует отнести редкие случаи захоронения с погребальным инвентарем. Их значительно больше в Кушулевском могильнике, где встречены случаи, когда голова покойника лежит на седле. Среди вещей есть стремяна, кресала, серьги, височные подвески, небольшие глиняные сосуды [Мажитов, 1977. С. 343, 346–349, 352, 353]. Все это является типичным для памятников, отражающих переходное время от язычества к исламу. Он охватывал продолжительный период в 2–3 столетия.

Автор раскопок Такталачукского и Азметьевского могильников Е.П. Казаков выделяет перечисленные могильники и связанные с ними поселения в так называемую чияликскую культуру и считает, что они принадлежали к местным угорским племенам, сохранившие особенности своей культуры вплоть до XIII–XIV вв. Исследователь выступает активным сторонником теории пребывания венгров в Западном Приуралье и склонен племена, которым принадлежат памятники чияликской культуры, рассматривать как оставшиеся на месте угров [Казаков, 1978. С. 87–89]. Е.П. Казакова поддерживают В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович и некоторые другие археологи [История Татар. С. 415–417].

Однако приведенное заключение Е.П. Казакова и его сторонников противоречит историческим фактам. Выше уже не раз говорилось, что критический анализ письменных источников о мадьярах сейчас не дает никаких оснований уверенно локализовать их древнюю азиатскую прародину на Южном Урале. Это – задача будущего. В этой обстановке настаивать на принадлежности данных памятников к древним венграм нет никаких оснований.

С другой стороны, по времени существования и месту расположения эти памятники полностью вписываются в территорию расселения башкир племен байлар и буляр. В связи с дискуссионностью вопроса нелишне еще раз привести слова исторического предания булярских башкир: «...до нашествия Сингыза, Батыя устье Агидели, реки Ик, Малле и Минзеле были полноводные... В этих местах коче-

вали башкирские племена байляр, буляр...». Находясь, очевидно, в союзнических отношениях с волжскими болгарами, данная группа башкир, как гласят их исторические предания, приняли бой с татаро-монгольскими завоевателями, истребившими все мужское население. Из этих фактов видно, что здесь башкиры жили задолго до прихода монголов. Пренебрегать историческими преданиями такого характера не имеет права ни один археолог. В подтверждение вывода о башкирской принадлежности усть-бельской группы племен XII–XVI вв. написан ряд трудов Р.Г. Кузеева [Кузеев, 1978. С. 152–182; *Он же*, 1992. С. 95].

В выделении памятников типа Кушулево и Такталачук в особую археологическую культуру при их ясной увязке с башкирами нет необходимости. Их лучше рассматривать как памятники буляр-байлярской группы башкир*.

При дальнейшем изучении этого вопроса не может не учитываться то, что под влиянием ислама среди оседлого башкирского населения начинает распространяться арабская письменность, о чем свидетельствует надмогильная плита, где арабскими буквами выведены тюркские слова «надмогильный знак Кукляра сына Буги» [Ишбердин, 1980. С. 64–67]. Текстологический анализ надписи на камне приводит исследователей к однозначному выводу о том, что население бассейна р. Белой, оставившее нам указанные памятники (Кушулево, Такталачук), говорило на тюркском (башкирском) языке. В этом вопросе смыкаются данные археологии, письменных и этнографических источников и исторических преданий.

Могильник Шахтау близ г. Стерлитамака также является памятником переходного периода от язычества к исламу. В нем наряду с чисто мусульманскими обнаружены могилы с вещами (стреля, стрелы, костяные накладки на колчан) XIV в. Такими же памятниками, по-видимому, являются три поздних погребения на Охлебининском городище, в которых были характерные для XIII–XIV вв. стрелена, сабли, удила (Рис. 28). Умершие лежали в почвенном слое. Не исключено, что над могилами имелись небольшие земляные насыпи, разрушенные впоследствии пахотой [Иванов, 1977. С. 292–295]. В целом для бассейна р. Белой XIII–XIV вв., где располагалась основная территория исторического Башкортостана XI – начала XIII вв., четко заметно уменьшение языческих могильников. Это надо ста-

вить в прямую связь с начавшимся процессом массового перехода башкир к новой религии.

Интересным памятником золотоордынского времени является местонахождение Брик-Алга в Белебеевском районе, откуда происходят около 500 золотоордынских монет, серебряные серьги, бронзовые зеркала, множество топоров, серпов, накопечников стрел, лемехов, железных замков, клещей и других предметов [Гарустович, Рязанов, Яминев, 2005. С. 151]. Состав находок настолько богат, что он отражает важные стороны материальной культуры башкирского населения XIII–XIV вв. Ученые затрудняются точно определить статус местонахождения и в этом плане высказали два мнения: либо это клад находок, либо это след долговременного поселения. Но независимо от точного определения вида памятника нахождение в нем более 500 золотоордынских монет свидетельствует, что башкиры торговали со своими ближними и дальними соседями на деньги и такую роль для них сыграли ордынские монеты.

Выше охарактеризованные погребальные сооружения (курганы и грунтовые могильники) XIII–XIV вв. являются важными элементами уже отживающий свой век древней языческой культуры. В данном случае первыми на них мы внимание уделили потому, что найденные в них предметы быта и вооружения дают возможность ярко представить материальную культуру населения Башкортостана эпохи Золотой Орды.

Племена Башкортостана, прежде всего башкирское население, тогда переживали период коренной ломки своей идеологии, связанный всевозрастающей ролью ислама в жизни.

В исторической литературе имеется одно обоснованное мнение о том, что массовое принятие башкирами ислама состоялось в 1152 г. [Уметбаев, 1984. С. 196, 197], и эта дата вряд ли может вызвать серьезные возражения ввиду отсутствия других данных. Исторические факты свидетельствуют, что к этому времени ислам в Башкортостане прошел длительный путь проникновения и распространения. Например, какая-то часть башкир ислам могла принять вместе с хазарами еще в 40-х годах VIII в., а в начале X в. – вместе с волжскими болгарами.

Не отрицая общепринятую в науке роль Волжской Болгарии как крупного центра распространения ислама среди народов Урало-Поволжья, теперь уверенно можно сказать, что важным а, может быть,

* Автор не учитывает, что памятники чиялыкской культуры распространены от восточных районов Татарстана на западе до Курганской области на востоке и до южных районов Пермской и Свердловской областей на севере. Ареал распространения чиялыкской культуры, таким образом, практически полностью совпадает с современной территорией расселения башкир, включая пермских и курганских.

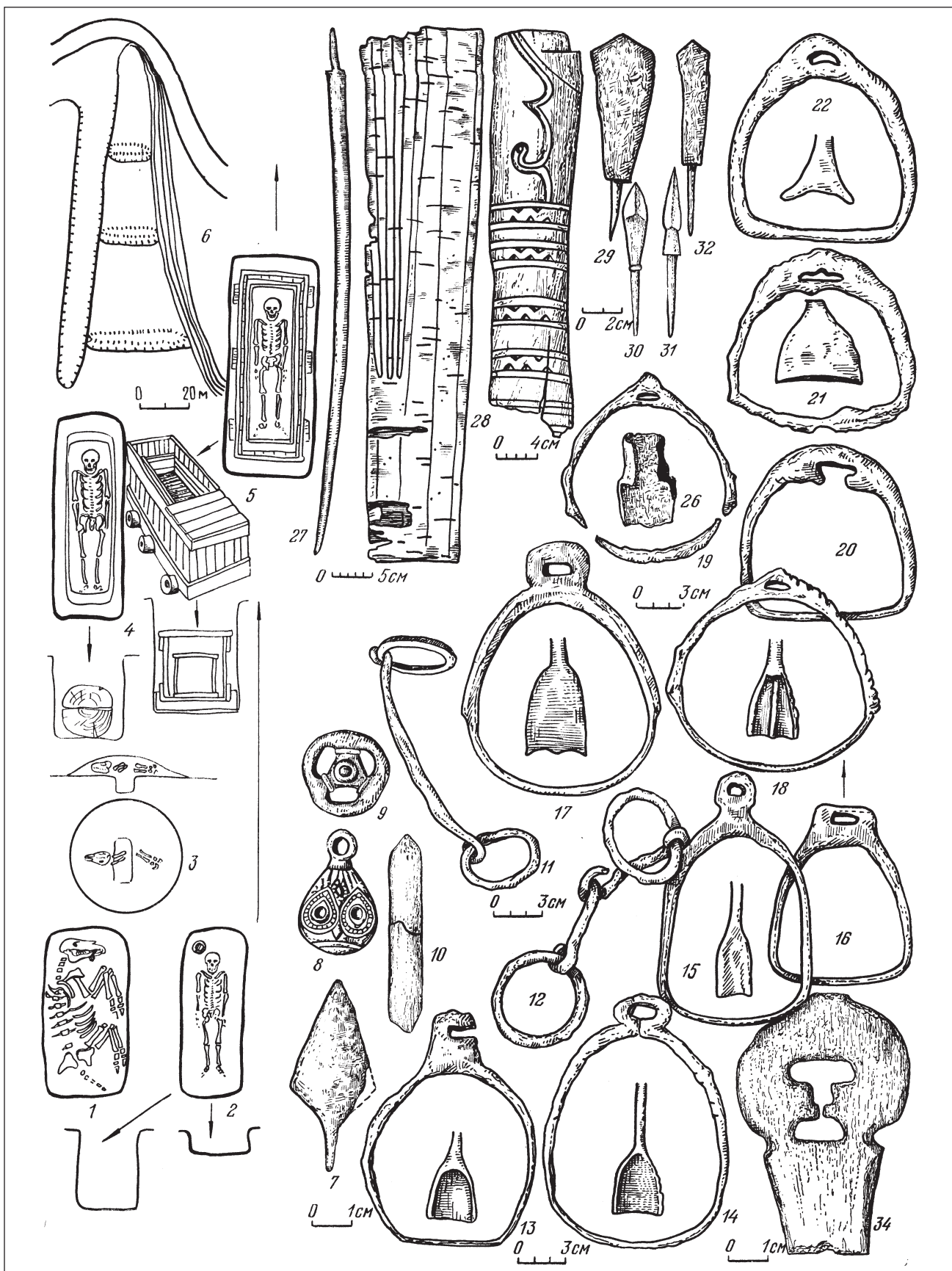

Рис. 28. Древности башкир XII–XIV вв.

1–5, 7–65 из раскопок Башкир-Беркутовских, Ивановских, Каменноозерских, Каменнопольских, Каранаевских, Кушулевских, Лагереvских, Мрясимовских, Россипинских курганов и могильника Шах-тау; 6 – Турналинское городище. Составили Н.А. Мажитов, С.А. Плетнева. По Археология СССР, 1981. Табл. 90.

решающим каналом распространения его среди башкир были активные торгово-экономические и культурные их связи с народами Средней Азии. В этой связи достаточно вспомнить сведения ал-Идриси о существовании постоянного караванного пути Урал-Хорезм, по которому башкиры вывозили жителям Хорезма и Чач (Ташкент) выплавленную у себя медь. Существование такого торгово-экономического обмена было невозможно без активной взаимной поддержки на государственном уровне.

Важным показателем того, что к началу XIV в. в консолидации и укреплении национального самосознания у башкирского народа служит повсеместное появление на Южном Урале надмогильных монументальных архитектурных сооружений в виде мавзолеев. Одним из самых ранних среди них является мавзолей Хусейн бека близ г. Уфы. Этот памятник хорошо известен в литературе благодаря серьезным исследованиям П.С. Палласа, Р.Г. Игнатьева, В.В. Вельминова-Зернова (XIX в.), А.П. Смирнова, Г.В. Юсупова (XX в.) и Г.Н. Гарустовича (XXI в.) и многих других.

Об обстоятельствах происхождения этого памятника сохранилось следующее предание. В нем говорится, что в начале XIV в. башкирский владелец Борак обратился к правителю Туркестана Ахмед Ясави с просьбой прислать им человека, который смог бы проповедовать ислам среди башкир. И вот тогда Ахмед Ясави хан незамедлительно послал в Башкортостан своего ученика Хусейн-бека с этой благородной миссией. В проповеди ислама Хусейн-бек не был одинок, на это дело он сумел направить первых своих сторонников из единомышленников из Туркестана и Бухары. Когда Хусейн-бек достиг определенных успехов на миссионерском поприще, он предпринимает путешествие в Мекку для совершения Хаджа. Из Мекки он вернулся с ореолом почета и титулом «хаджи» — теперь он Хаджи Хусейн-бек, всеми признанное духовное лицо, становится имамом, духовным главой мусульман Башкирии.

Хусейн бек до самой смерти находился при ставке хана и в последствие похоронен на ханском кладбище «Ак-зиярат». После смерти он был признан «святым». Место захоронения возвышается над широкой поймой реки Дема, земля вокруг устлана бархатным ковром луговых цветов. Совсем близко, как осколок зеркала, лежит озеро Ак-зиярат. Возможно, когда-то это было русло реки Дема, а затем, как бы в знак памяти, она оставила это небольшое озеро. Название кладбища и озера, видимо, так же связано с именем Хусейн бека. Слово

«ак» — белый (святой) характерно для Хусейн-бека, так как его называли святым. Мавзолей возведен над могилой мусульманского миссионера Хусейн-бека, о чем свидетельствует текст надмогильной плиты:

«Справедливый в своих решениях Хусейн бек
сын Омар-бека... рсасского из Туркестана,
покойного, боже мой помилуй милостью
(обширную), что же его своим благодетелем.
Скончался (девятого) дня

благословенного богом месяца
четвертого, года семьсот сорокового». (По христианскому летосчислению 1339 года, 15 сентября) [Юсупов, 1960. С. 116].

Судя по тексту, Хусейн-бек происходит из аристократической семьи и является выходцем из Средней Азии. В настоящее время над могилой Хусейн-бека было сооружено белокаменное квадратное здание размером 8х8 м, толщиной стен 1,5 м, высота стен достигала 4 м. Эти данные приведены в работе В.В. Вельяминова-Зернова, лично осмотревшего памятник в середине XIX в. Он же отмечает, что в помещение вел дверной проем высотой 2,5 м., шириной около 1 м., в северной, восточной и западной стенах имелись по одному сводчатому окну высотой около 1 м., шириной 0,7 м. Внутри, в центре здания часть помещения была отгорожена стеной, в то время уже развалившейся [Вельяминов-Зернов, 1859. С. 159; Смирнов, 1957. С. 89]. Это описание в целом подтверждается сведениями В.С. Юматова, где также подчеркивается отсутствие купола [Юматов, 1848].

Все исследователи подчеркивают, что мавзолей Хусейн-бека по архитектурным особенностям был очень близок к мавзолею Турахана, расположенного на расстоянии около 10 км от мавзолея Хусейн-бека. Но он уже построен в самом начале XVI в., поэтому о нем речь пойдет ниже.

В 1985 г. башкирский археолог Г.Н. Гарустович произвел археологические раскопки внутри мавзолея Хусейн-бека и обнаружил девять захоронений: трех взрослых и 6 детских. Как полагают, центральное погребение принадлежало Хусейн-беку: он, как все остальные, лежал в гробу-табуре головой на запад, лицом на юг, т.е. Мекку.

Скелет Хусейн-бека был подвергнут тщательному обследованию. Оно показало, что он был ростом около 160 см, без следов заболеваний, могущих вызвать изменения костной системы. На основе хорошо сохранившегося черепа был восстановлен портрет Хусейн-бека: он был человеком с европей-

ским лицом с взглядом сосредоточенного умного человека.

Хронологически к мавзолею Хусейн-бека очень близок мавзолей Кисяне в Челябинской области. Его основанием служит прямоугольник размерами 9х12 м., построенный из квадратных кирпича. На высоте около 4 м прямоугольное основание переходит в двенадцатигранный купол, заканчивающийся двенадцатигранной же пирамидой. Этот памятник описан в трудах таких ученых XVIII–XIX вв. как П.И. Рычков, Я.С. Паллас, Р.Г. Кузеев, И.И. Кастанье. Последнему автору принадлежит заслуга составление детального плана сооружения. Все современные исследователи сходятся во мнении о том, что мавзолей Кисяне построен по образцу среднеазиатских мусульманских архитектурных традиций XIV в. Этим же временем, возможно, датируется сам памятник [Смирнов, 1957. С. 94; Кастанье, 1910]. В тоже время нельзя исключить, что мавзолей мог быть возведен в XV в.

В 1889 г. профессор А.И. Петри внутри мавзолея произвел археологические раскопки, позволившие выявить женское захоронение, совершенное в лубке на глубине 1,5 аршина. В части лубка, обертывавшего тело умершей, на уровне лица сделано два отверстия для глаз и одно для рта. Шея погребенной была обмотана шелковой тканью. На ушах покойницы были две золотые серьги с двумя жемчужинами, а на ручных пальцах — два золотых перстня с щитком-гнездом с камнем зеленовато-голубого цвета [ОИАК, 1892. С. 55, 56]. Обычно подобные находки датируются XIV в. Можно предположить, что мавзолей Кисяне построен одной из ведущих групп кочевников Золотой Орды, тесно связанных своим происхождением районами Южного Казахстана и Средней Азии.

Раннемусульманские надмогильные архитектурные сооружения золотоордынского времени описанными мавзолеями Хусейн-бека и Кисяне не исчерпываются. Их более 10, но большинство их датируется XVI — началом XVI вв.

Материальная культура башкир XIII–XIV вв. На востоке современного Татарстана известны незначительные по площади селища остатки кочевых сезонных стоянок приуральских племен. Башкирские поселения располагались на небольших высотах в долинах рек или по краям возвышенных террас. Небольшим раскопкам подвергались Игимское, Чияликское, Меллятамакское-VI сели-

ща, на которых фиксировался культурный слой мощностью 20–40 см. Находки представлены обломками костей животных, фрагментами лепной круглодонной посуды гребенчато-шнурового облика, изделиями золотоордынского времени (пряслица, ножи, проколки, наконечники стрел, блесны) и т.д. Строительные объекты немногочисленны, это хозяйственные ямы, очаги, остатки фундаментов наземных (срубных) жилищ. Остеологический материал свидетельствует о высокой роли лошади и крупного рогатого скота в хозяйстве приуральского полукочевого населения.

На поселенческих памятниках Башкортостана мы встречаем остатки зимних и летних временных стойбищ, но пока еще эти селища мало подвергались стационарным исследованиям [Гарустович, 1992. С. 121–122]. На Горновском (Чишминский р-н) и Юрматы (Федоровский р-н) селищах выявлены остатки переносных жилищ — войлочных юрт, а также берестяных шалашей и чумов. В целом Горновское селище (раскопки Г.Н. Гарустовича, В.А. Иванова и Г.Т. Обыденновой) является наиболее изученным, реперным памятником раннебашкирской культуры*. Здесь прослежены остатки различных стационарных (каркасно-столбовых, турлучных) и переносных жилищ, очагов, обложенных камнями, подсобных и производственных помещений (погреба, хозяйственные ямы, бани) [Гарустович, 1998; Обыденнова, и др., 2007. С. 306–311]. На зимниках (Уфимское I городище) и селищах в Зауралье (Верхне-Спасском и Ишкуловском поселениях) выявлены остатки жилищ-полуземлянок и остатки наземных срубных домов (рис. 27, 2), которые отапливались очагами и печами-сувалами. Находки на поселениях представлены керамикой и костями животных, а также железными ножами, топорами, пешнями, рыболовными крючками и глиняными грузилами, серпами и косами, шлаками и костяными орудиями (рис. 27). Отметим находки предметов, говорящих о наличии пашенного земледелия в XIV в. — ральников, плужных резaków и т.д. (Уфимское I городище, Горновское селище и Нижне-Хозятковский клад). Принципиальным моментом нам представляется необходимость обратить внимание на то, что рассматриваемые конструктивные особенности, археологически изученных, поселенческих объектов находят полные аналогии в этнографии башкирского народа [Гарустович, 1998]. Констатируем также то, что на посе-

* Здесь и далее, под раннебашкирской культурой понимаются памятники чияликской культуры XIII–XIV вв., которая оставлена непосредственными предками современных башкир — прим. ред.

ленческих памятниках золотоордынской эпохи местная лепная керамика всегда встречается вместе с гончарной булгарская посудой. Причем в XIV в. импортные емкости начинают преобладать над сосудами местного производства.

Наибольшая концентрация раннебашкирских памятников фиксируется вдоль восточных границ Булгарского улуса Золотой Орды (по рубежам бывшей Волжской Булгарии), восточнее рек Зай и Шешма в современном Татарстане (рис. 23). Именно здесь локализуются реперные памятники, раскопанные Е.П. Казаковым. Это Такталачукский грунтовый могильник, на котором вскрыто 274 погребения из предполагаемых 300, а также Азметьевский I некрополь [Казаков, 1978. С. 71–84; Казаков, 1987. С. 25–33; Казаков, 2007. С. 59–65], где из предполагаемых 400 захоронений расчищено 107. С учетом хорошо изученного и близлежащего Дербешкинского могильника (раскопки Т.К. Ютиной и Н.Л. Решетникова, всего 121 погр. [Ютина, 2007. С. 73–98; Решетников, 2007. С. 155–164]), только в низовьях р. Белой изучено свыше 500 средневековых погребений. Неподалеку расположен еще один крупный могильник – Кушулевский (Дюртюлинский р-н РБ; раскопки И. Эрдели [1961. С. 307–319], Н.А. Мажитова и Б.Б. Агеева 50–70-х гг. XX в.; исследовано свыше 80 погр.), который также мог бы стать опорным памятником раннебашкирской культуры, но, к сожалению, материалы его до сих пор не опубликованы. При этом важность Кушулевского могильника для нашей темы несомненна, поскольку он существовал в конце XII – XIII вв. Он может считаться доказательством непрерывного развития раннебашкирской культуры в начале II тыс. н.э. (в частности, в XI – XIII вв.).

В целом погребальные объекты XIII – XIV вв. выявлены в Предуралье и в Зауралье (могильники Челябинской и Курганской областей – Перегон, Замараевский, Казакбаевский [Шорин, и др., 1999; Гарустович, и др., 2008. С. 56–68; Корякова, и др., 1999. С. 73–89; Костюков, 2006. С. 444–457]). Все они несут в себе важную черту – погребения здесь совершены по мусульманскому обряду, а языческие пережитки уже можно считать исключением. В Предуралье, помимо некрополей в восточном Татарстане (кроме указанных выше объектов, назовем еще Старо-Селищенское кладбище [Нефедов, 1899. С. 67–68], Старо-Варяшские I и II грунтовые могильники [Казаков, Отчет 1971 г.; Казаков, 1978. С. 82]), известны памятники в южной Удмуртии (Бельский Шихан [Стрельцов, 1914. С. 97–98]), но

больше всего их выявлено в Башкортостане. Здесь выделяется несколько скоплений грунтовых могильников: на реках Ик и Сюнь расположены могильники Казыбиргян, Кара-Яр [Гарустович, 1988. С. 130–139], Тукмак-Каран, Карповский, Нагайбакский I и II; на Нижней Белой – Базитамакский, Байгильдинский [Васюткин, Горбунов, 1972. С. 216–217], Кушулевский [Эрдели, 1961. С. 307–319], Казакларовский [Иванов, 1981. С. 132–133; Гарустович, 1988. С. 130–137], Ахметовский I и II [Збруева, Тихонов, 1970]; к северу от русла р. Белой – Старо-Нагаевский [Гарустович, 1988. С. 130–137], Алтаевский [Останина, 1987. С. 33–38], Резяповский, Биктимировский (поздний); «Демская» группа – Новотроицкий, Нижне-Хозятовский, Горновский, Караякуповский [Гарустович, 1988. С. 130–139], Нижегородский III; «Среднебельская» группа – Шиповский (поздний) [Гарустович, 2005. С. 37–44], Охлебенинский (Ак-Таш) [Касьянов, 1929; Иванов, 1977. С. 292–295], Ибрагимовский, Шах-Тау [Викторова, 1962. С. 170; Садыкова, 1971]. Названные памятники различаются по количеству выявленных захоронений и по степени изученности, но в целом на них расчищено уже более 850 погребений.

Из общей массы выделяются два некрополя: Куштирякский курганный могильник (Бакалинский р-н) и Сынгряновский курганно-грунтовый могильник (Илишевский р-н). Уже из названий видно, что они отличаются тем, что здесь над некоторыми захоронениями были насыпаны небольшие курганные насыпи. Для периода XIII – XIV вв. курганный обряд с земляными насыпями был уже явным анахронизмом. В остальном мусульманские погребения в этих памятниках ничем не отличаются от обычных грунтовых захоронений.

Могила в некрополях располагались рядами, которые развернуты по линии СЗ – ЮВ. Между ними выявлены зольники, ямы с костями и зубами лошади и другие остатки поминальных обрядов. Умершие захоронены в простых могильных ямах на небольшой глубине; взрослые покоились глубже, чем дети. Положение костяков единообразное – вытянуто на спине, с ориентировкой головы к ЮЗ, реже – на запад (рис. 24, 1–3). Преобладает разворот лица к югу (на кыблу), в сторону Мекки. Встречено несколько скорченных погребений. В некоторых женских и детских могилах слева от головы умершего стояли лепные круглодонные сосуды, украшенные оттисками веревочки или зубчатого штампа (рис. 24, 22–23). Погребальный инвентарь состоял из бронзовых украшений (височ-

ные подвески, перстни, серьги), стеклянных бус и бисера, металлических наглазников от погребальных покрытий (масок), железных скоб, ножей, пряжек (рис. 24, 4–10, 14, 18). На междоусобном пространстве обнаружены удила с кольцами, ножи, чешуйки от панциря, наконечники стрел, бронзовые подвески и накладки.

Интересными находками на территориях могильников являются серебряные монеты. В Азметьево, в погребении 88, обнаружена монета хана Узбека (чекан Булгара), а из захоронений 84, 206 и 308 могильника Такталачук происходят два дирхема Узбек-хана и две монеты хана Джанибека [Казаков, 1978. С. 42–93, 108–118].

БАШКОРТОСТАН ПОСЛЕ РАСПАДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Период XV — первой половины XVI в. истории Башкортостана — самый близкий к нашему времени из представленных в данном томе, но с наименее представительной источниковой базой. В это время заметно уменьшаются сведения письменных источников о Южном Урале. Кроме того, после всеобщего принятия башкирами религии ислам, в крае полностью исчезает обряд захоронения с вещами, вместе с ним один из самых распространенных видов исторических источников — языческие могильники. Поселения башкир этого времени пока почти полностью выпадают из поля зрения исследователей. Все вместе взятое послужило главной причиной слабой изученности данной темы.

Из работ на эту тему следует выделить книгу А.Н. Усманова «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству» [Усманов, 1982.], где на основе материалов исторических преданий, башкирских шежере и фрагментарных письменных источников автор дает очерк истории Башкортостана кануна вхождения его в состав России. Как известно, первой попыткой написания таких очерков явились «Очерки по истории Башкирской АССР» [Очерки по..., 1956]

В плане изучения данной темы непреходящее значение имеет книга Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа», где на основе материалов исторической этнографии описан этнический состав башкирского народа XIII—XVI вв., составлены карты расселения отдельных этнических объединений [Кузеев, 1974].

Литература по истории Башкортостана XV—XVI вв. обогатилась серьезным исследованием В.В. Трепавлова «Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения» [Трепавлов, 1977]. Выше нами было отмечено, что на основе архивных документов он определил годы

правления известных ханов и биев конца XV — первой половины XVI в., упомянутых в труде П.И. Рычкова (XVIII в.) и в башкирских шежере.

Свои исследования на эту тему В. В. Трепавлов завершил капитальным трудом «История Ногайской Орды» [Трепавлов, 2002], где истории Башкортостана уделено серьезное внимание. Эти работы являются серьезным вкладом в изучение истории Башкортостана XV–XVII вв.

Вопросам этнокультурной, политической и социально-экономической истории Башкортостана рассматриваемого времени было уделено серьезное внимание в исследовании Б. А. Азнабаева, явившемся изложением содержания его докторской диссертации [Азнабаев, 2005].

О позитивных изменениях последних лет в изучении истории Башкортостана XV — начала XVI в. свидетельствует появление специальных работ. Здесь имеется в виду, прежде всего, работа Ю.М. Юсупова [Юсупов, 2009], которая является первым опытом комплексного исследования темы с привлечением всех видов исторических источников. Думается, что она послужит введением будущего фундаментального труда автора по данному периоду истории Башкортостана.

Знакомство с источниками показывает, что исторические процессы, происходившие в Башкортостане в XV—XVI вв., явились логическим продолжением истории Золотой Орды и тех политических образований, которые возникли в результате ее распада. Вкратце остановимся на этом вопросе.

Все историки сходятся во мнении о том, что хан Тохтамыш был последним выдающимся правителем Золотой Орды. Благодаря своим организаторским способностям ему удалось преодолеть последствия периода смуты, наступившего после смерти хана Узбека, и восстановить единство управления на

всей территории государства. Но авантюрная политика по отношению к своему бывшему покровителю Тимуру, военные походы последнего в 1390–1396 гг. в Среднюю Азию и Северный Кавказ привели к массовому разрушению расположенных здесь городов — экономической основы государства и параличу управления. Факты свидетельствуют, что уже к 1396 г. на территории Золотой Орды отложились четыре независимые орды вокруг гг. Сарая, Астрахани, в низовьях р. Яик и в Крыму [*Сафаргалиев*, 1996].

Преемники Тохтамыша на ханском троне Тимур Кутлук (1395–1399 гг.), Шадибек (1400–1407 гг.), Джалал ад-Дин (1412–1429 гг.), Барак (1422), Улуг-Мухаммед (1419–1437 гг.) и другие уже не обладали реальной властью прежних ордынских ханов. Из формально существовавшего единого государства в 1417 г. отложилось Узбекское ханство в Мавераннахре, в 1428 г. — Тюменское ханство, а бежавший из Сарая Улуг-Мухаммед в 1437 г. основал Казанское ханство. Этот процесс распада Золотой Орды завершил Гаджи Гирей, основавший Крымское ханство [*Там же*. С. 431–453; *Гумилев*, 1989. С. 752, 753].

Как показывают современные исследования, ранние этапы этнической истории ногаев связаны с тюрками-мангытами Средней Азии, кочевья которых в XIII — начале XIV вв. располагались в среднем течении р. Амударьи. Здесь они активно контактировали с местными кыпчаками и переселившимися из Центральной Азии мангытами монгольского происхождения. Эта группа племен во главе с ногаями представляла достаточно организованную силу и оказывала эффективную помощь Джучи и его преемникам в управлении улусом. Источники указывают, что в 50–60-х гг. XIV в. ногаи и союзные с ними кыпчакские племена оказываются в низовьях Яика и Волги. Данное переселение В.Л. Егоров и В.В. Трепавлов склонны объяснить тем, что в период политической неразберихи в столице Золотой Орды в Сарая, наступившей после смерти хана Узбека, определенные политические силы в столице способствовали этому переселению с намерением захватить власть с помощью ногаев [*Трепавлов*, 2002. С. 51–95; *Федоров-Давыдов*, 1973. С. 141–144; *Егоров*, 1973. С. 183]. С этого момента начинается активное участие ногаев в политической жизни Золотой Орды. Есть все основания думать, что окружение Тохтамыша в период возвышения его политической карьеры состояло из представителей этой ногайско-кыпчакской группы.

Возвышение ногаев как ведущей этно-политической силы в истории Золотой Орды периода окон-

чательного распада происходит после поражения Тохтамыша в 1395 г., когда их лидер Эдигей утвердил свою власть в Золотой Орде.

Эдигей не принадлежал к потомству чингизидов, поэтому не смог стать ханом. К желанной цели он стремился при помощи Тимур-Кутлуга — послушного, не очень сильного в государственных делах внука Узбек-хана. Эдигей добился того, к чему стремился: Тимур-Кутлуг был избран ханом Золотой Орды, а сам оставался беклербеком (варианты: бек, бий, улу бий), т. е. вторым человеком в государстве.

Занимая должность беклербека, он фактически управлял всеми делами Золотой Орды, а свой опорный улус Мангытский юрт («ил») передоверил сыновьям, из которых самым известным был Нур ад-Дин. Согласно источникам, Эдигея постоянно сопровождала личная гвардия численностью более двухсот тысяч всадников [*Трепавлов*, 2002. С. 74–95]. Это обстоятельство, очевидно, сыграло немаловажную роль в успешном решении всех военно-административных вопросов в свою пользу. Эдигей много сделал для консолидации и возвышения ногаев в составе Золотой Орды. Так, например, будучи правой рукой Тохтамыша, он добился освобождения от налогов территории к востоку от Волги, где располагались владения мангытов. Историки отмечают, что мангытский юрт (ил ногаев) находился в привилегированном положении и во все последующие периоды истории, что выражалось даже в уплате налогов. Эдигею пришлось постоянно вести борьбу против наследников Тохтамыша, она шла с переменным успехом. В 1419 г. он был убит по приказу сына Тохтамыша Кериим-Берди.

Эдигей оставил большое потомство — около 20 сыновей, которые продолжали играть активную роль в придворных событиях. Так, например, в 1421 г. его сын Мансур, став бием, провозгласил одного из потомков чингизидов Кучук-Мухаммеда ханом и в Золотой Орде вновь восстановилась такая же ситуация, что при Эдигее. Но одновременно появились несколько претендентов на ханский трон: Улуг-Мухаммед из Крыма, Барак из Узбекской Орды, Кичи-Мухаммед и другие. Любопытно, что при соперничающих между собой правителях сыновья и внуки Эдигея занимали известное положение. Среди них особо выделился Ваккас — сын Нур ад-Дина, который на протяжении двух десятилетий был главным беклеребеком (улу бием) хана Абу-л-Хайра Узбекской Орды.

Служа ханам соседних государственных образований, потомки Эдигея также способствовали воз-

вышению Мангытского дома. После гибели Ваккаса где-то около 1447 г. его сыновья практически отделились от Золотой Орды, став во главе независимого государства — Ногайской Орды. Истинным создателем ее был Муса сын Ваккаса [Трепавлов, 2002. С. 53–54, 90–100]. Хан Муса и его преемники — конкретные персонажи важных исторических событий, происходивших в Башкортостане на рубеже XV–XVI вв.

Башкиры в составе Ногайской Орды. Ногайская Орда как приемник Золотой Орды существовала на землях Нижнего Поволжья, Западного Казахстана, включая низовья р. Сырдарьи. Северная ее граница проходила по рекам Белая, Уфа, Ик (рис. 26).

Пожалуй, одно из самых ранних упоминаний присутствия ногаев в Башкортостане зафиксировано в грамоте Ямгурчи — брата Мусы-хана к Ивану III. В ней подчеркивается, что «Мурзин кочев на Белой Волжке был» [Азнабаев, 2005. С. 22]. Согласно документу, составленному в 30-х гг. XVI в., территорией между реками Камой, Яиком и Волгой владел Кассум (Хаджи-Мухаммед, сын Мусы хана), а территорией, прилегающей к Сибири — Шейх-Мамай [Трепавлов, 2002. С. 195; Игнатъев, 1883. С. 334]. В источниках не раз упоминается о том, что северная граница кочевьев ногаев в Башкортостане доходила до Камы. Например, орда ногайского наместника Исмаиля летовала на р. Ик в районе устья р. Белой. С ногаями связана история города в районе устья р. Челновки на Каме. Речь здесь, очевидно, идет о городе Чаллы близ Набережных Челнов, основанном и принадлежащем башкирам, так как он расположен на территории западной, т. е. мензелинской группы башкир [Исхаков, 2006. С. 30; Хузин, 1999. С. 114–131]

В источнике говорится о конфликте между жителями города и казанским ханом, совершившим против них усмирительный поход. В дипломатической переписке, составленной ногайскими правителями с российскими властями после добровольного вхождения Башкортостана, есть многочисленные упоминания отдельных районов Башкортостана, где они в свое время «брали ясак» («имал семи из башкирды дани», «сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати в Уфимском уезде с ясашных волостей с устья Белой Воложки (т. е. р. Белая), до уфимские и до айские вершины и на Катайской волости») у башкир, проживавших по всему Южному Уралу. Эти документы были составлены с претензией на право возобновления сбора дани с башкир, находившихся уже под российским протекторатом. На основе анализа этих географических ориентиров нетрудно заключить, что под

властью ногаев находились земли от приволжских и оренбургских степей на западе и зауральских лесостепей на востоке. В.В. Трепавлов, в частности, уточняет, что земли вокруг зауральских озер Иткуль, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргазы входили в сферу политического влияния ногаев [Трепавлов, 2002. С. 470]. Как сказано в одном из вышеприведенных документов, северная граница этого влияния проходила по среднему Прикамью, куда относится «устье Белы Волжки».

Политическое господство ногайцев оставило негативный след в памяти башкирского народа. Тексты башкирских шежере полны сюжетами, рассказывающими о постоянных конфликтах из-за земельных угодий. В шежере юрматинцев, например, говорится, что «в давние времена на этой земле жили ногайцы. Они кочевали во все стороны земель (по долинам рек) Зай и Шешма» [Башкирские шежере, 1960. С. 31, 32]. Источник подтверждает положение о том, что земли мензелинской группы башкир вплоть до Камы входили в зону активных кочевьев ногаев.

Другой пример упомянут в шежере бурзянских, кыпчакских, усер-ганских и тамьянских башкир. В нем повествуется о том, что на горе Туратау на р. Белой находилась ставка Тура-хана. «Он был самовластным ханом башкирского народа. Его сыном был Кусем-хан. В те времена была битва хана Бурака из Сарайчика, события были из-за земли и воды. Затем Кусем-хан своего младшего брата Бэрдэбика отправил с сильным войском с северной стороны. Бурак с правой стороны (т. е. с юга) отправил Мансура. Затем с двух сторон противостояли друг другу, готовились к битве. Ведя переговоры, заключили соглашение о следующем. Правая сторона р. Самары досталась Бурак-хану, его подданные были ногайцами. Северная сторона р. Самары досталась Кусем-хану, его подданные были башкиры». Таких примеров противостояния между башкирами и ногайцами, очевидно, было множество. Несомненно, они сопровождались разорением и разрушением веками налаженной жизни башкирского народа, исчезновением следов оседлой культуры.

Характер письменных источников привел В.В. Трепавлова к заключению о том, что Башкортостан входил в состав Ногайской Орды в качестве самостоятельного территориального подразделения — удела или наместничества [Трепавлов, 1999. С. 8–10]. Наместничество предполагает некоторую политическую и экономическую самостоятельность Башкортостана в составе Ногайской Орды.

Изучив физико-географические условия Южного Урала и сопоставив сведения письменных источ-

ников этого времени, В.В. Трепавлов пришел к следующему очень интересному заключению. Ногаи, хотя и были чистыми кочевниками и хозяевами обширного региона от горно-лесного Урала до прикаспийских и приаральских степей, в Башкортостане (на Южном Урале) вели замкнутый цикл кочевания от предгорьев в степь и обратно в зависимости периодов года. Вот эта экономическая замкнутость Южного Урала с различными физико-географическими условиями, по мнению В.В. Трепавлова, обеспечивала политическую обособленность Ногайского Башкортостана. К этой мысли нам остается лишь добавить: природные условия Южного Урала оказывали решающее влияние на развитие исторических процессов на всех этапах древней и средневековой истории края.

Ранее о существовании в Башкортостане института наместничества говорил Р.Г. Кузеев [Кузеев, 1974. С. 499]. Оба исследователя считают, что наместников назначали ханы из числа своих приближенных. В качестве примера В.В. Трепавлов ссылается на свидетельство С. Герберштейна (первая половина XVI в.), согласно которому Ногайская Орда была разделена на три части: земли вокруг Сарая, земли между реками Камой, Яиком и Волгой и «частью Сибирской области и всей окрест лежащей», которыми на правах наместников соответственно управляли сыновья Мусы-хана Сайд-Ахмед (Шидак), Хаджи-Мухаммед (Коссум) и Шейх-Мамай. Такие же, очевидно, обязанности выполнял мурза Динбай (сын Исмаила), который былые свои заслуги в 1578 г. записал в следующих словах: «...Яз кочевал за Ейком на реке на Еми, имал есми из башкирды дани». В другом источнике сообщается, что Кашум (он же Коссум, Хаджи-Мухаммед) держал в повиновении весь Башкортостан и брал с него ясак» [Трепавлов, 1999. С. 8].

Институт наместничества представлял сложную иерархическую систему управления. Он состоял из Верховного наместника Ногайского Башкортостана, помощников, контролировавших отдельные районы. Основная функция наместников сводилась к сбору ясака. О том, как он организовывался, красноречиво свидетельствует цитата из первоисточника, где говорится о сборе ясака с участием сорока ногайских сборщиков с башкир, проживающих в бассейне рр. Белая и Ай. О том, что сборщиков ясака на деле сопровождалось насилием и грабежом по отношению к башкирам и вызывали ожесточенное сопротивление со стороны башкир, нам известно из содержания «Сказания о Мамай-хане» — исторического предания, где за принесенные злодеяния башкиры отрубили Мамай-хану голову [Сказание

о Мамай-хане, 1999. С. 204, 205]. Наряду с уплатой налогов и выполнением других повинностей, не меньшим злом для башкир явилась пастба бесчисленного количества скота ногаев на лучших землях. По этому поводу в источниках есть упоминания о том, что «огромные ногайские стада заполняли всю окружающую территорию» [Трепавлов, 1999. С. 215]. Это явилось, безусловно, серьезным тормозом в ведении налаженного скотоводческо-земледельческого хозяйства у башкирского населения.

В связи с политическим господством ногаев в Башкортостане, естественно, возникает вопрос о том, какой вклад они могли внести в развитие экономики и хозяйственный уклад башкирского населения.

Правители Ногайской Орды по отношению к башкирам и другим покоренным народам вели себя как прямые наследники Золотой Орды и они ничем не отличались от своих предшественников в хозяйственном плане. Они исстари, с момента зарождения Мангытского юрта, были чистыми кочевниками и оставались таковыми на протяжении всего XV—XVI вв. Такую особенность образа жизни ногаев единодушно подчеркивают все исследователи [Трепавлов, 2002. С. 186—222]. Политическая их гегемония над башкирами обернулась усилением кочевнических традиций в хозяйстве. Источники показывают, что орды кочевых ногаев практиковали традиционные для скотоводов Южного Урала длинные меридиональные перекочевки с севера на юг (Прикаспий, Приаралье, Южный Казахстан). Но в это время на юге уже не было свободных территорий, значит, отгон скота, очевидно, был уделом только правящей элиты ногаев. Поэтому, безусловно, прав В.В. Трепавлов в том, что ногаи в Башкортостане вынуждены были вести кочевое скотоводческое хозяйство, приспособленное к местным природным условиям. Они подсказывали традиционные маршруты кочевания: из гор и предгорьев в степь и обратно в предгорья; при этом предгорья, богатые пригодными для кормления скота деревьями (ильм, вяз, тальник), часто служили местом зимовки. Об этом убедительно говорится в вышеупомянутом «Сказании о Мамай-хане», где описаны маршруты летних кочевьев и районы зимовок. В то же время у нас нет уверенности в том, что Муса-хан, будучи правителем Ногайской Орды, не совершал поездки на южные зимние пастбища. То же самое можно сказать о его преемниках — Исмаиле, Шейх-Мамае и других, которые владели огромными земельными угодьями по Западному Казахстану и Левобережной Волге.

Науке известно еще несколько маршрутов кочевания ногайских ханов по Южному Уралу. О них сообщает П.И. Рычков, для которого источником послужила рукопись башкирского старшины Кидраса Муллакаева «Татарская история» (читай: «Башкирская история». — *Н.М.*), утерянная в ходе башкирского восстания 1735–1740 гг. Судя по содержанию, потерянная рукопись посвящалась истории башкирского народа, написанная самими башкирами к началу XVIII в.

Из рассказа Кидраса Муллакаева видно, что в последней четверти XV в. вся южная часть Башкортостана подчинялась ногайскому хану Басману. Постоянным местопребыванием Басмана являлась гора Маяк (Актюба), что входит сейчас в черту современного города Оренбурга. Ранее кочевья Басмана, по-видимому, находились южнее, но, судя по словам историка «предколикими годами, того не помнить, который по бывшем там великом моровом поветрии, оставя прежнее свое жительство перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья, на горе, и расстоянии от Оренбурга шесть верст, где ныне поставлен маяк, построил город и именовал Актюба, то есть: Белый стан или село, от чего та гора и поныне Актюбой называется, и некоторые на ней видны развалины. Тут онный хан имел обыкновенное свое пребывание». Развалины кирпичных сооружений, возможно, мечети, в XVIII в. наблюдал и академик И.П. Фальк [Рычков, 1896. С. 69; Егоров, 1985. С. 124]

Личная орда Басман-хана состояла из «семнадцати тысяч кибиток» и кочевала «вверх и вниз по Яику и другим степным рекам, а именно по Берде, по Сакмаре, по Салмышу, по Юшатыру, по Таналыку, по Оре, по Кизилу, и по протчим рекам. А зимою оные кибитки, переходя Уральские горы, кочевали по рекам Белой, Соколе, Ашкадару, Куганаку, по Шкадру, по Деме, где места лесистые и теплые» [Рычков, 1896. С. 69].

Одновременно с Басман-ханом в центральной части Башкортостана правил его брат Тюря-хан. «Брат помянутого хана (Басмана), — говорится в рассказе Кидраса Муллакаева, — называемый Тюря-хан, тогда другое владение занял и жил на самом том месте, где ныне город Уфа». В нем он жил «в одни только зимние времена, а летом жил около Демы реки, от города Уфы в верстах в 50, где были немалые жительство; да и поныне на том озере мечеть, а на реке Ислак мечеть же и дома каменные видны, только уже обвалились». Кочевья Турахана проходили по рекам «от устья Демы по реке Казанской дороге вниз по Белой, по Кареласану (Кармасан), по Черемшану, по Куюшу, по Сюну и вверх по Аю

рекам» [Рычков, 1896. С. 11–71; Башкирское шежере, 1960. С. 32].

В источнике Басман и Тюря названы ханами, по масштабам владений они, скорее всего, были ханами локального значения, находившимися в зависимости от ногайских ханов. В соответствии с принципами государственного устройства Золотой Орды и Ногайской Орды ханские владения распадались на более мелкие, во главе которых также стояли крупные землевладельцы.

Из приведенных примеров видно, что регион Южного Урала с различными физико-географическими зонами обеспечивал ногаем возможность ведения круглогодичного скотоводческого хозяйства. Это обстоятельство способствовало постепенному оседанию в крае пришлых ногаев и образованию смешанного башкиро-ногайского населения. В пользу сказанного приведем следующий пример, подробно описанный в шежере юрматинских башкир. В нем повествуется о том, что в период активного выступления русских против Казанского ханства в 1550–1552 гг. ногайцы, проживавшие в Башкортостане, «собрались и держали совет», где приняли решение покинуть Урал и «Ядкар-мурза, во главе бесчисленных ногайцев перекочевал на Кубань... Триста ногайцев, вместе с родами отставшие от Ядкара, позднее также бежали на Кубань». Этот источник дает основание полагать, что многочисленная группа ногаев вместе со всем илом постоянно жила в Башкортостане, образуя смешанное башкиро-ногайское население. Исторические и этнографические материалы свидетельствуют, что часть ногаев осталась на Урале и вошла в состав башкирского народа в качестве самостоятельного ногайского компонента.

Говоря о роли и месте ногайского наследия в истории Башкортостана, В. В. Трепавлов высказал интересную мысль: для башкир понятие ногай в XV–XVI вв. имело политомическое значение, т. е. пребывание в полиэтническом Ногайском ханстве. Свою мысль он обосновывает тем, что в большинстве исторических источников того времени главенствует идея противостояния башкир ногаем, чем какому-либо сближению с ними.

Конфедерация племен Ногайской Орды в этнокультурном плане была многосоставной, но главенствующую роль в ней играли тюрко-язычные племена кыпчакского происхождения, составлявшие основную часть населения Казахстана, Нижнего Поволжья, Сибирского ханства и юга Башкортостана.

В своей работе «История Оренбургская» П.И. Рычков раскрывает нам сложные моменты

политической истории Башкортостана рубежа XV–XVI вв. В нем сохранились важные сведения о жестокой борьбе ногайских ханов за власть над Башкортостаном. В этой междоусобице на рубеже XV–XVI вв. особенно выделились Алтакар и Би-Тюряк (правильнее, вероятно, бей Тюряк). Оба они выступали в ранге мурз — вассалов Басман-хана, поскольку в возникшем споре оба обратились с жалобой друг на друга именно к нему. Хан Басман занял сторону Би-Тюряка, но Алтакар не подчинился решению ханского суда и откочевал со своей Ордой за Яик и Эму, на юг, в данном случае в главную ставку ногаев, и начал готовиться к войне с самим Басман-ханом. Вскоре она действительно началась. В ходе этой войны Басман-хан был убит. По преданию Басман-хан вместе «со многими убитыми с ним ногайцами погребен был на горе» (Актюба), где ныне город Оренбург, и остатки этого ногайского кладбища застал еще П.И. Рычков. По мере расширения города все каменные сооружения, в том числе плиты с арабскими надписями, были растащены для различных хозяйственных нужд.

В междоусобную войну Басман-хана и Алтакара были вовлечены другие крупные феодалы, о чем свидетельствует гибель в этой войне упомянутого выше Тюря-хана. «Оной Тюря-хан, — говорится в источнике, — убит между теми же замешаниями, и Алтакар-мурза над всеми ногайцами владельцем учинился». Это трагическое событие произошло в 10-х гг. XVI в. После описанных выше событий, в Башкортостане надолго утвердилось владычество ногайского хана Акназар-Салтана. По мнению В.В. Трепавлова, под именем Алтакара в источниках подразумевается Алчагир — сын Мусы-хана и в 1506–1508 гг. он являлся соправителем Ногайской Орды вместе со своим братом Саид-Ахмедом (Шейдяк). В памяти башкирского народа Акназар-хан сохранился как один из грозных ханов времен Ногайской Орды. Согласно информации П.И. Рычкова, основанной на рассказе Кидраса Муллакаева, Акназар «всячески их (народ) изнурял и в бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, таком и через речку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице» [Рычков, 1896. С. 69].

Предание гласит, что Акназар-хан явился в Башкортостан из Сибири, подчинил Казанское, Астраханское ханства, Бухару, Хиву, Ташкент и другие прилегающие к Южному Уралу районы.

В. В. Трепавлову принадлежит заслуга уточнения биографии этого правителя. В одиннадцатом поколении он приходится правнуком Чингисхану и, таким образом, является кровнородственным представителем чингизидов. Он вырос в ближайшем окружении Шейх-Мамай сына Мусы, что согласуется с традицией Эдигея и его преемников держать при себе потомков Чингисхана и опираться на их авторитет. Свой замысел он закрепил, выдав Акназар-хану свою дочь. По мнению В.В. Трепавлова, Шейх-Мамай назначил своего зятя Акназара правителем Башкортостана на правах, вероятно, первого наместника, а сами мангыты (окружение Шейх-Мамай) в 1521 г. разгромили армию казахского ханства и установили над ним свою власть. Где-то около 1538 г. ногаи избрали на трон казахского хана, казалось, послушного для них Акназара, известного в казахской и прочей литературе по имени Хакк-Назар [Трепавлов, 2002. С. 205–210]. После отъезда Акназара (Хакк-Назара) в Казахстан в Башкортостане наместничали семь лет Исмаил (1538 — около 1545 гг.), а затем Ахмед Гирей (1546 — около 1558 гг.).

Башкиры в составе Сибирского ханства. История зауральской (восточной) группы башкир XV–XVI вв. неразрывно связана с историей Сибирского ханства. Истоки этого единства восходят к VIII–XII вв., когда определенная группа башкир расселялась на территории между Уральскими горами и Иртышом, а севернее — по Оби. В пользу этого мнения говорит определенная близость материала археологических памятников этого времени, где, в частности, присутствуют поздние варианты кушнареновской керамики, основная территория распространения которой приходится на Южный Урал и этнически связывается с башкирами. Кочевыми племенами данного круга на рубеже XI–XII вв. был создан политический союз с условным названием Ишимское ханство [Там же. С. 208]. О присутствии здесь башкирских племен свидетельствует факт вхождения Левобережного Иртыша в состав улуса Муйтен-бия, выделенного ему Чингисханом на «вечное» управление. В грамоте Чингисхана на имя Муйтен-бия восточные границы этого улуса определены левобережными притоками р. Иртыша [Хусаинов, 1985. С. 57] и это дало нам в свое время восточные границы Исторического Башкортостана времени Муйтен-бия (20-е г. XIII в.) определить по левобережному Иртышу [Мажитов, Султанова, 1994. С. 242].

Известно что после образования Золотой Орды, Западная Сибирь, в том числе зауральские районы Башкортостана попадают под власть Шибана —

младшего брата Батые и его потомки контролировали политическую власть в этом регионе вплоть до 1495 г. Из крупных политических событий XIII–XIV вв. в истории Западной Сибири следует выделить возникновение Тюменского ханства, где, кстати, пребывал в последние годы своей жизни Тохтамыш. Выдвижение Тюменского ханства, известного на раннем этапе как Тюменский юрт, связано с именем его авторитетного правителя Ибака (Ибрагим б. Махмудек) – представителя шейбанидов. Из источников известно, что Ибак, как и многие отпрыски чингизидов, претендовал на золотоордынский трон, был одним из организаторов похода на Казань, но пал жертвой заговора местной знати и был убит в 1495 г. Власть в Тюменском ханстве переходит к Тайбугидам.

В истории Сибири XIV–XVI вв. активную роль сыграли представители Мангытского дома, которым принадлежала реальная власть, как в Золотой Орде, так и в Сибири и Казахстане. По степени влияния на политическую жизнь этого региона и следствиям этого влияния, одним из самых могущественных среди них был – Шейх-Мамай (б. Муса). Подвластные ему земли простирались от Яика до Сырдарьи и Иртыша, включая всю территорию Башкортостана. На основании сведений документов В.В. Трепавлов пришел к заключению о том, что Башкортостаном он «как наместник Ногайской Орды, правил сурово и умело, ввел там налогообложение и полностью подчинил своей воле местную знать. При дворе мирзы (Шейх-Мамая. – Н. М.) воспитывались высокородные принцы – казахский царевич Хакк-Назар б. Касим и сибирские султаны Кучум и Ахмед-Гирей, внуки Ибака». Двум из вышеназванных воспитанников Шейх-Мамая суждено было стать: Хакк-Назару знаменитым ханом казахов (1537–1580 гг.), а Кучуму – правителем Сибирского ханства (1537–1597 гг.). Но, прежде чем занять высокие государственные должности, они проходили в Башкортостане школу управления, «приобретение административных навыков. Башкирия выступала в роли полигона для них».

В.В. Трепавлов особо подчеркивает, что ставка Акназар-хана находилась в городе Имэн-кала [Трепавлов, 2002. С. 205, 210]. Возможно, здесь же пребывал Кучум – будущий хан Сибири.

История Сибирского ханства времени Кучума уже выходит за рамки настоящей книги, поэтому мы ограничимся лишь следующими замечаниями.

В последние десятилетия наука обогатилась рядом фундаментальных исследований. Сюда можно отнести монографические труды Ф.Т. Валева, Н.А. Томилова, Д.М. Исхакова и Г.Л. Файзрах-

манова [Исхаков, 2006], а также многочисленные публикации, в которых введен в научный оборот богатый источниковый материал и высказаны интересные наблюдения по истории Сибири XIV–XVI вв. В этих работах почти полностью обойден вопрос о пребывании группы башкир в составе Тюменского ханства, Сибирского ханства и роли этих ханств в истории Башкортостана, без чего изложение истории этих государственных образований будет неполным. По поводу сказанного, приведем некоторые соображения.

С момента добровольного вхождения Башкортостана с середины XVI в. по настоящее время коренным населением юга Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской областей (Средний Урал) считаются башкиры. Это очевидный факт. Также очевидно проживание в рассматриваемое время на левобережном Иртыше башкирского населения. Многие исследователи на эти факты не обращают внимания и племена Ишимского (XI–XII вв.), Тюменского (XIV–XV вв.) и Сибирского (XVI–XVII вв.) ханств называют собирательным именем сибирские тюрки, или сибирские татары. Но в таком обобщении теряется целый народ в лице восточной группы башкир.

При анализе этнического состава населения Тюменского и Сибирского ханств исследователи обращают внимание на присутствие в нем таких этнических групп населения, как айле, дуван, кошсы, табын, иштяк, которые также представлены в составе современных башкир. При территориальном соседстве изучаемых районов этническую родственность данных групп населения невозможно игнорировать. В работах некоторых историков даже утверждается мысль о том, что табынская группа башкир переселилась на Южный Урал из Сибири на рубеже XV–XVI вв. В частности, она изложена в известной книге Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа» [Кузеев, 1974. С. 279–289]. Впоследствии данный вывод автора поддержал Д.М. Исхаков [Исхаков, 2006. С. 40, 41]. Но следует отметить, Р.Г. Кузеев в этой же книге особо подчеркивает, что табынские башкиры вместе с минцами, катаяцами, кыпчаками, пришли на Южный Урал в ходе миграций народов Степной Евразии в XIII–XIV вв. и это положение согласуется со всеми материалами историко-этнографического характера [Кузеев, 1974. С. 471–475].

Поводом для омоложения времени прихода табынцев для Р.Г. Кузеева послужила легенда об Исян-хане – потомке Каратабын-бия, проживавшего якобы во второй половине XVI в. Нам теперь известно шежере Исян-хана, и оно позволяет более

точно определить время переселения его предков на Урал. Из него видно, что Каратабын-бий был внуком Майки-бия в третьем поколении и возглавил переселение табынцев на Урал. Если предположить, что Майки-бий умер около 30-х гг. XIII в., то Каратабын-бий, скорее всего, пришел на Урал в самом начале XIV в., но отнюдь, не в конце XV — начале XVI в. Эти факты позволяют поправку Р.Г. Кузеева о позднем переселении табынцев-иректинцев рассматривать как не соответствующую действительности.

Возникшее расхождение по данному вопросу натолкнуло нас на следующее размышление. Похоже, что исторической родиной табынцев были земли по Иртышу, где похоронен праотец табынцев Майки-бий. Не исключено, что имело место переселение табынцев на Урал в несколько этапов, чего не исключает и Д.М. Исхаков [Исхаков, 2006. С. 40, 41]. Такое позднее переселение части табынцев можно считать вполне возможным, если принять к сведению обстановку междоусобиц ведущих этнических групп, приведшую к гибели хана Ибака в конце XIV в.

В 1958 г. Н. А. Мажитову удалось иметь обстоятельную беседу с отцом известного тюрколога Дж.Г. Киекбаева Г.Г. Киекбаевым на тему об истории прихода калсер-табынцев. Он показал ему сохранившееся у него шежере и рассказал следующее: древняя прародина калсер-табынцев (возможно, основной группы табынцев) называлась «Якуб карагай» и она находилась на востоке (Зауралье), откуда они пришли на Урал. Это очень важный географический ориентир для поиска в будущем исторической прародины табынских башкир.

Знакомство с историческими источниками XV — начала XVI в. дает основание прийти к заключению о том, что между правителями Ногайской Орды и Сибирского ханства шла открытая борьба за сферу влияния над Башкортостаном. На это указывает назначение наместниками Башкортостана то ногаев, то шибанидов. Социально-экономическое положение башкир еще более осложнялось участием в этом конфликте третьей стороны в лице Казанского ханства.

Западная группа башкир в составе Казанского ханства. Еще Андрей Курбский недвусмысленно указывал на многонациональный характер Казанского ханства, назвав в его составе помимо татарского «языка» (т.е. народа), еще пять языков: мордовский, чувашский, черемисский (т.е. марийский), вотяцкий (удмуртский) и башкирский [Исхаков, 2004. С. 31].

Период XV — первой половины XVI вв. характеризуется значительным политическим и хозяй-

ственно-культурным влиянием Казанского ханства на башкир [Кузеев, 1974. С. 482]. Территория Башкирии в XV в. оказалась на стыке трех политических образований — Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств [Хамидуллин, 2002. С. 184]. П.И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» (1762 г.) передавал слова башкирского старшины Кидряся Муллакаева: «Зауральские башкирцы... находились под властью Сибирского хана. Бельскими, то есть по рекам Белой и Ику жившими, владели ханы казанские; а горские принадлежали ногайским ханам» [История Татарии... С. 107].

В состав Казанского ханства входила самая западная часть средневековых башкир, проживавших в Закамье по рекам Ику, Мензеле и Бую [Очерки по истории... С. 52; Хамидуллин, 2002]. Исследователи давно отмечали, что лесостепная территория между реками Заем и Иком, где сейчас проживают татары, в эпоху Казанского ханства была населена башкирами. Население ряда деревень этого края (Сарайли, Карамалы, Каракашлы и др.) считали себя по происхождению башкирами, причем сохранились предания о принадлежности башкирам обширных земельных площадей. Так, предки жителей дер. Сарайли владели землями, доходившими до берегов р. Камы [Воробьев, 1947; Мухамедьяров, 2006. С. 84]. Заселение этой территории татарами началось только после завоевания Казани, когда нерусское население бежало из районов севернее Камы и с правобережья Волги через Самарскую сторону [Мухамедьяров, 2012. С. 84].

Появление в XV в. в долине р. Ик башкирских родоплеменных групп *табын, бурзян, мин, кипчак, тамьян, тангаур* исследователи объясняют привлечением башкир на военную службу казанских ханов в обмен на земельные и налоговые привилегии, причем эта служба рассматривается как инерция древних отношений башкир с Волжской Булгарией [Хамидуллин, 2002. С. 185–186]. В качестве примера приводят башкир-табынцев, переселившихся в XV в. на восточные границы ханства. Начав несение военной службы, они получают новое этническое определение — *иректэ* («несущие службу в крепости») [Кузеев, 1974. С. 109, 132, 143; Хамидуллин, 2002. С. 187]. Наличие подразделения *барын* в их составе связывают с родом *барын* при дворе ханов, а этому роду приписывают инициативу добровольного подчинения табынцев казанскому хану. Впрочем, возможно, что *барыны* просто контролировали территорию башкирских кочевий на востоке ханства.

Как отмечает Ф.Г. Хисамитдинова, северо-западные районы Башкирии, которые в XVII–XVIII вв. были разделены в административно-

Рис. 29. Этнополитическая карта Урало-Поволжья в XV – пер. пол. XVI вв.

территориальном отношении между Казанской и Осинской дорогами, представляли собой один из самых заселенных и вместе с тем в этническом отношении сложных регионов. В ойконимии западного Башкортостана в указанное время нашли отражение этнонимы почти всех башкирских родо-племенных групп, что связано с тем, что этот район издавна был зоной смешанного расселения и интенсивных контактов различных этнических групп и народов [Хисамитдинова, 2002. С. 56–69].

Район к югу от Камы (от впадения ее в Волгу и вплоть до устья р.Белой) в источниках (в частности, в «Казанском летописце») выступает как территория Казанского ханства. Однако это не препятствовало сезонному кочеванию там ногаев. Так, в 1552 г. ногайский бий Исмаил б. Муса летовал «на Ике реке от Камы днищ с пять». Летовал Исмаил и на Каме, всего в 60 верстах от Казани. Это очевидное противоречие источников может устранено только предположением Д.М. Исхакова (которое впоследствии поддержал и В.В.Трепавлов) о двойной, ногайско-казанской подчиненности Восточного Закамья [Исхаков, 1985. С. 45–46; Трепавлов, 2001. С. 215, 469]. Оседлые жители края подчинялись казанским ханам, тогда как пространство между населенными пунктами летом становилось ногайскими кочевьями. Между летовьями ногаев под Казанью и Ногайской Башкирией скорее всего сохранялась территория подчинявшаяся Казани, населенная башкирами [Трепавлов, 2001. С. 469].

Есть все основания полагать, что в силу особенностей этнического состава населения до 1480-х гг. этот район (до усиления роли Ногайской Орды в Поволжье), возможно, в Казанском ханстве представлял собой отдельную административную единицу [Исхаков, 1998. С. 132]. В 1469 г., по словам русской летописи, «...дополна собрался...царь Казанской Обреимъ со всею землею своею, съ Камьскою и съ Сыплинскою и съ Костяцкую и з Беловолжскою и Вотяцкою из Бакшырскою» [Исхаков, 1998. С. 15]. Д.М. Исхаков полагает, что Беловолжская земля позднее, видимо, соответствовала Казанской дороге Уфимского уезда. Последняя, как и все вообще деление на даруги по образцу Казанского ханства, скорее всего, возникла сразу же после основания административного центра в Уфе в 1574 г. [Трепавлов, 1997. С. 7].

У нас нет несомненных примеров выдач тарханных грамот казанских ханов башкирам. Однако косвенные данные свидетельствуют о том, что часть башкирских тарханов была выдана в Казани во времена ее независимости: не случайно в середине 50-х годов XVI в. за подтверждением своего тарханства знатные башкиры ездили в Казань, но уже к ее

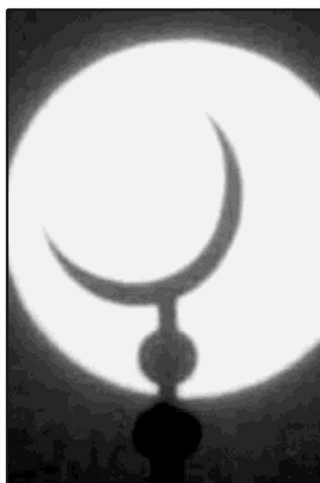
новому государю [Трепавлов, 1997. С.15]. Однако это обстоятельство, по мнению В.В.Трепавлова, не позволяет говорить о том, что какая-то часть аристократов Ногайской Башкирии подчинялась казанским ханам: «Даже если некоторые из местных биев, жившие к востоку от Ика и считались тарханами, они все же входили в число ногайским подданных» [Трепавлов, 1997; Трепавлов, 1999. С.92].

Известный тарханный ярлык казанского хана Ибрахима (1467–1479) представляет, как кажется, собой пример такого пожалования. Ярлык выдан некой Кюль-бустан хатун (вдове Хайдар-Али) и ее сыновьям Мухаммед-Азиз и Мухаммед-Али, а также их слуге (чора) Хош-кельди [Мухамедьяров, 2006. С. 157–167]. Потомок Кюльбустан по имени Кутлумбет Кутлугушев в 80-х годах XVII в. жил в селе Тынламас Уфимского уезда Казанской дороги. Скорее всего, это село Тыннамасово, расположенное в Актанышском районе Татарии у административной границе с Башкортостаном.

Б.Л. Хамидуллин считает, что верховным собственником районов, населенных башкирами в составе Казанского ханства, был сам хан, в пользу которого с населения взимались подати, но земли были розданы наместникам, в вассальной зависимости от которых находились башкирские бии [Хамидуллин, 2002. С. 191–192].

Основными занятиями башкирского населения, которое находилось в составе Казанского ханства, были кочевое скотоводство и охота [Мухамедьяров, 2012. С. 84]. «Пребывание в составе Казанского ханства самых западных районов Башкирии, его политическое и экономическое (преимущественно торговое) влияние на более обширной области, военная служба части башкир в составе казанских войск ... явились предпосылкой начавшегося в XVI в. этнического смешения западных башкир с переселявшимися к востоку татарами. Дальнейшее развитие этого процесса имело следствием изменение в XVII–XIX вв. направления этнического развития значительной части западных и северо-западных башкир в сторону татаризации и формирование татарской этнографической группы тептярей» [Кузеев, 1974 С. 483–484]. В связи с усилившейся после падения Казанского ханства миграцией татар на восток, которая совпала с миграцией башкир на север, зона контактов между казанскими татарами и башкирами расширяется, включая на севере районы Осы, Перми, Кунгура [Кузеев, 1974. С. 505; Садур, 2012. С. 170].

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БАШКИР

РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ РАННИХ ТЮРКОВ, ИХ РЕЛИКТЫ У БАШКИР

Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далеких в пространстве и в культурной традиции, обнаруживают неожиданное сходжение в одном сюжете. Речь идет о верованиях трех кочевых народов — тюрков Центральной Азии, гуннов Кавказа и дунайских болгар. Рассказывают же нам о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и Мовзес Каганкатвази, албанского историографа.

Памятники Мадары, крупнейшего культового центра праболгар, как бы связывают воедино культуры раннесредневековых кочевников долины Дуная, Северного Кавказа и Центральной Азии. Само святилище, величественный рельеф Мадарского всадника, эпиграфические тексты из Мадары позволяют очертить контуры религиозной идеологии и литургических действий праболгарских племен, чьей далекой прародиной были степи и горы Центральной Азии.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает имя верховного бога праболгар, которого «хан и полководец Омуртаг» почтил жертвоприношениями [Бешевлиев. С. 123]. Имя бога ТАНГРА сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, нашедшей свое самое раннее отражение в орхонских надписях — древнетюркских камнеписных текстах первой половины VIII в. Мифы о богах и божественных силах упомянуты в надписях лишь намеками; чаще всего названо имя божества с указанием на его действия или в связи с определенной ситуацией. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества — Тенгри (тюрк. «Небо»), Умай и Ыдук Йер-Суб («Священная Земля-Вода»). Аналогичные божества зафиксированы и у башкир [Хисамитдинова, 2010]. Явное выделение Тенгри и универсализм его функций побуждают некоторых исследователей к оценке древнетюркской религии как осо-

бой, близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином «тенгриизм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований. Так, Г. Дёрфер полагает, что почитание Неба как верховного божества было присуще едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии, независимо от этнической принадлежности. Но этот факт сам по себе еще не предопределял единства их мифологии и верований. Поэтому терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар, башкир и древних тюрков, указывающего на общие истоки их религий, еще недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Очевидно, лишь системные совпадения обоих пантеонов способны показать глубину их генетических связей и возможности взаимодополняющих интерполяций. А так как праболгарский пантеон, из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарях, остается невыясненным, то его прояснение по иным свидетельствам становится предпосылкой реконструкции дохристианской религии основателей древней Болгарской державы на Дунае.

Исходным для такой реконструкции становится описание древнетюркской религии орхонскими памятниками. В них не содержится прямых указаний, классифицирующих пантеон. Однако в сибирско-центральноазиатской и башкирской мифологиях существовала своя, органично присущая ей, система классификации божеств, в основе которой лежало трихотомическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи.

Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и ее создание отнесено теперь в глубочайшую древность, в эпоху верхнего палеоли-

та Сибири. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет с относительной уверенностью постулировать существование в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трехчленной модели Вселенной стало недавнее выявление в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира — его владыки Эрклиг-хана, «разлучающего» людей и посылающего к ним «вестников смерти» [Кляшторный, 1976. С. 261—264].

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо). В отличие от неба — части космоса, оно никогда не именуется кёк («голубое небо», «небо») или калык («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире, и прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки [жизни]», но рождениями «сынов человеческих» ведаёт богиня Умай, а их смертью — Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, «приказывая» кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел. Тенгри неявно антропоморфизован — он наделен некоторыми человеческими чувствами; выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов.

Другим божеством Верхнего мира была Умай, богиня плодородия и новорожденных, она олицетворяет женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга—царица—подобна Умай («моя мать—царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете — Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством Среднего мира была «Священная Земля-Вода». В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских рунических надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир, вместе с атрибута-

ми Верхнего мира — Солнцем и Луной, от которых он «удалился» и которыми «не наслаждался», называет также «мою Землю-Воду», т. е. покинутый им Средний мир. Интересно отметить, что божество Ер-һыу (Земля-Вода) является божеством Среднего мира и у башкир [Хисамитдинова, 2010. С. 93]. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки «поют гимны земле» [Феофилакт. С. 161]. В китайских источниках священная гора, почитаемая тюрками (VI в.), названа ими «бог Земли». Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен.

Кроме четырех главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эрклиг), в древнетюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В очень важном для анализа древнетюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом «Книга гаданий» («Ырк битиг», первая половина X в.), упомянуты среди прочих два божества «второго плана»: «бог путей на пегеом коне» и «бог путей на вороном коне». Интересно отметить, что дух дороги в облике коня или белой коровы зафиксирован у башкир [Хисамитдинова, 2010. С. 375].

Еще одно столь же древнее упоминание у тюрков «бога путей» имеется в древнетибетском «Каталоге княжеств», фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета названы «восемь северных земель», в столице которых, крепости Шу-балык, почитают «бога тюрков Йол-тенгри». Тибетская запись (или ее источник) надежно датируется VIII в. Хотя представления тибетского автора о «северных землях» были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри («бога путей») был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функции обоих Йол-тенгри в древнетюркской «Книге гаданий», одно из которых дает человеку кут, «божественную благодать, душу», а другое восстанавливает и устраивает государство, оба они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или «приказывал» и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской рунике «божественный эль». Оба йол-тенгри являются, таким образом, младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые,

выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами (ср. цитированную Бугутскую надпись), осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним.

Таков был, в его самых главных и известных ныне проявлениях, древнетюркский пантеон. Несмотря на некоторые модификации, проникшие в древнетюркскую мифологию под влиянием меняющихся социально-политических условий, общий для самого широкого круга древнетюркских этнических групп характер всех основных персонажей этого архаичного центральноазиатского Олимпа не вызывает сомнений. О том свидетельствуют и орхонские стелы, и надписи енисейских кыргызов, и древнеуйгурские рунические и курсивные тексты, и сведения мусульманских авторов о верованиях кимаков, кыпчаков, гузов, карлуков, и сообщения китайских источников о племенах, живущих к северу от Великой стены. Сколь не были бы заметны те или иные различия племенных культов, они не нарушали общей структуры пантеона, сложившейся много раньше появления на исторической арене племени тюрк (460 г.). Само название этого пантеона как древнетюркского не может не быть условным, зависимым скорее от лингвистических и историографических факторов, чем от палеоэтнографической действительности. Тем не менее речь идет о реальной историко-культурной и религиозно-идеологической общности, сложившейся в среде кочевых племен Внутренней Азии, общности, сохраненной ими в ходе многих миграций I тыс. н. э.

Неожиданное и яркое подтверждение сказанному содержит источник, синхронный эпохе рунических памятников, но созданный далеко от Орхона и Енисея — «История агван» Мовзеса Каганкатваци (X в.). Значительную часть второй книги этого сочинения составляет включенная в него хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании в VII в. [Мамедова, 2005. С. 357—376]. А частью хроники Михранидов стал текст жития епископа Исраэля, повествующий, между прочим, о пребывании христианской миссии во главе с Исраэлем в «стране гуннов» (682 г.), находившейся в предгорной равнине Дагестана [История агван. С. 193—194, 197—198].

Остается не вполне ясной племенная принадлежность гуннов Северного Дагестана. Эта группа родственных племен, весьма значительная численно, укрепилась в степях севернее Дербента еще в начале VI в., создав жизнестойкое государственное объединение, которое Ананий Ширакати (VII в.)

называет «царством гуннов». Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности церкви (миссии Кардоста и Макария) часть гуннов перешла от «жизни в шатрах» к оседлому и даже городскому быту. Однако значительная масса гуннов, в том числе и их знать, продолжала жить «в лагерях», т. е. сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х годах VII в. власти хазар гунны сохранили свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придерживается мнения, что гунны Дагестана были частью савирских племен или частью савиров и барсиллов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам. Тюркоязычные этнические группы, населявшие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV—VI вв., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племен и надежно связываются с западной миграцией части союза племен теле (тегер), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V—VII вв. новые племенные союзы «девяти огузов» (токузогуз) и «десяти уйгуров» (ои-уйгур), игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

Имя князя северокавказских гуннов у Мовзеса Каганкатваци — Алп Илитвер (в буквальном переводе «герой-эльтебер»). Скорее всего, здесь не собственное имя, а титул. Тот же самый титул носили «цари» волжских болгар. Титул «эльтебер» не был «царским» (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших независимость. Так, среди вождей огузских племен, носивших титул «иркин», лишь самые могущественные, вожди уйгуров, были эльтеберами. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул эльтебера, а не хана, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на признание им первенствующего положения иных, более значительных объединений племен — таких, как союз болгар-унногундуров при хане Кубрате (Великая Болгария) или Хазарский каганат.

Единственным источником, как-то рассказавшим о внутренней жизни «царства гуннов» на Кавказе в конце VII в., и поныне остается житие епископа Исраэля, сохраненное в труде Мовзеса Каганкатваци. Автор жития, участник албанской

миссии, не поспешил на яркие характеристики «дьявольских заблуждений» и «скверных дел» идолопоклонников, погруженных в «языческую грязную религию», чтобы еще более значительным выглядел подвиг его патрона, обратившего гуннов во главе с Алп Илитвером (алп-эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих «разоблачениях» содержатся ценнейшие реальные детали, дающие известное представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племен.

Албанский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов — Куара, бога «молний и эфирных огней», и Тенгри-хана, «чудовищного громадного героя», «дикого исполина». Последнего автор жития именует на иранский манер Аспендиатом (среднеперс. «созданный святым [духом]»), нигде, впрочем, не упоминая, что этим именем его называют и гунны.

В имени Куар, как уже отметил В. Хеннинг, очевидно среднеперсидское *x*ag* «солнце». Поклонение богу-солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом «громовержца» Тенгри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тенгри-хана (Аспендиата) в тексте жития выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упоминаются два рода святилищ, где совершались обряды в честь Тенгри-хана — капища, т. е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тенгри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяют Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождалась мольбами, обращенными к образу Тенгри-хана. Уничтожение священных деревьев, олицетворявших Тенгри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исаэля, символом его победы над язычеством.

Культ Тенгри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонением его символам и ипостасям — Солнцу (Куар), Луне, «громам небесным», высоким деревьям, «кумирам» — и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских народов Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны,

тюрки VI—VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах и «пещере предков». Вместе с Небом почитались небесные светила — Солнце и Луна. А Махмуд Кашгари, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках — «неверных», которые словом «Тенгри» называют «большие деревья». Этнографические свидетельства подтверждают и обряд сожжения туш жертвенных животных.

Наряду с Тенгри-ханом в «царстве гуннов» почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор жития, не чуждый классической образованности, именует «Афродитой». Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай.

Особо упоминаются как объекты почитания гуннами вода и земля, т. е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских «колдунов», «призывающих» Землю. В сущности, речь ведется о древнетюркском культе «священной Земли-Воды» с его «гимнами Земле», о которых пишет Феофилакт Симокатта.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, вскользь отмеченными житием, были «некие боги путей», в которых уверенно узнаются Йол-тенгри, составляющие весьма специфический разряд древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании «языческих заблуждений» гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения весьма схожи с теми, что известны у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлениями скорби (плачи и царапание щек ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры «по демонскому их обычаю», а также «предавались разврату». Подобным же образом описывает китайский источник похороны знатного тюрка в VI в. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щеки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер, и после них родители молодых договариваются о браках.

Рассказывая о разрушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на «высоком месте», состояли из «капищ» (заупокойных храмов), идолов (изваяний) и «скверных кож жертвенных чучел» (вывешенных при храмах шкур жертвенных животных). «Капища» названы «высокими», и о них сказано, что уничтожались они огнем, т. е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись «идолы» гуннов. Все эти элементы погребения упоминаются

источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный «при могиле», «изображения покойного» (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей. Еще один обычай, общий для гуннов и древнеуйгурских племен, заслуживает упоминания — и те, и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на месте, куда молния ударяла.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в монотеистическую религию раннефеодального государства более ясно показывают процессы, синхронно, хотя и независимо друг от друга, происходившие в VII—VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри и Умай как божественной чете — покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в классовом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюрк-

ского каганата. Отдельные составные части этого культа: ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и стел — все это упомянуто в камнеписных памятниках или сообщениях иноземных наблюдателей.

Те же процессы, и прежде всего гиперболизация культа вождя, образ которого сакрализуется и заменяется образом царя-первосвященника, земной ипостаси небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства. Отмеченное сходство не всегда поддается препарации с целью отделения типологических параллелей от генетических импульсов.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, — эта общность в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования и других тюркоязычных народов, в том числе и башкир.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА СРЕДИ БАШКИР

В самом конце I и с начала II тысячелетия н.э. на территории Башкирского Приуралья происходят важнейшие социальные изменения, впоследствии оказавшие определяющее влияние на все стороны жизни башкирского народа. Эти изменения послужили толчком для ускоренного развития новой фазы этно- и культурогенеза. Отчетливое выражение эти процессы находят в факте постепенного распространения в регионе мировой монотеистической религии — ислама. Конечно же, идеологическая перестройка уходит своими корнями в базисные — экономические, а затем и политические явления. Новации в социально-экономической области послужили главными предпосылками значительных изменений в сфере культуры, и, в частности, в духовной сфере.

Изменения мировоззренческих доктрин в среде уральского населения на рубеже I–II тысячелетий, основывались на том, что «изменения духовных представлений связаны с процессом социальной и этнической консолидации населения, основанной уже не столько на родственных, сколько на территориально-экономических связях [ИУ, 1989. С. 123]. Новый комплекс верований и представлений появляется тогда, когда в нем возникает необходимость. А с другой стороны, уже факт принятия новой очень сложной идеологической доктрины единобожия, сам по себе является индикатором высокого уровня экономического и культурного развития общества неопитов, зарождения новых феодальных отношений, подключение молодых сообществ к системе развитых связей с тогдашними центрами цивилизации (в первую очередь, торговых), и выход на уровень складывания собственной государственности. Другими словами, любое основополагающее социальное явление неизбежно

имеет свои исторические предпосылки: экономические; политические; идеологические и социальные.

Социально-политические предпосылки:

1. Этническая консолидация средневекового общества башкир и высокая степень устойчивости этноса. Одной из самых слабых сторон традиционных сообществ является их недостаточная организованность, явно мешавшая эффективно противостоять внешним экспансиям. Начиная с периода раннего железного века, лесостепное население Южного Урала постоянно испытывало давление со стороны степных кочевников, для которых были свойственны элементы природных (стихийных) форм организации кочевых сообществ. «Стихийная» организация скотоводов помножалась на естественную военизацию кочевых этносов, и их постоянную мобильность. Общества, где каждый пастух — воин, быстро консолидировались, и, объективно, отличались воинственностью и ударной мощью.

В этом была их сила, но здесь же скрывалась и их слабость. При малейшем ослаблении кочевого социума, например, встретив сильное сопротивление противников, или в случае более быстрого возвышения соседей — кочевников, неизбежно начинался распад союза племен. Скифы, сарматы, аланы, гунны, хазары, огузы, кыпчаки, — их в истории было много и они были сильны в военном отношении — до поры, до времени. Однако всех их ждала одинаковая судьба — поражение, распад и подчинение более сильными пришельцами. В таких условиях важность консолидации приобретала первостепенное значение.

Теперь посмотрим, как обстояло дело с башкирами. Восточные авторы еще с конца IX — начала X вв. знают один этноним (явно собирательный) «башкорт», «башгарт» для целого ряда племен Южно-Уральской лесостепи. Сложность этногене-

за башкир показывает, что разбитые в степи кочевые общины из орд печенегов, огузов, кыпчаков, кыргызов, органически вливались в состав башкирского народа на протяжении многих столетий, постепенно теряя свою этническую доминанту, становясь башкирами. Прошли века, а башкиры сохранились под своим самоназванием. В какой-то степени, они могут считаться самым устойчивым тюркским этносом. Они в начале X века были башкирами, их потомки остаются башкирами и в наши дни.

Конечно, здесь дело не в какой-то особой силе или мощи лесостепных племен Южного Урала. Определяющим фактором, способствующим стабильности этноса, помимо постоянной готовности к защите Родины, может считаться сама экологическая зона Уральского региона – в случае крайней опасности можно было отсидеться в недоступных горных долинах или отступить на север, в труднодоступную лесную зону. Надежная возможность сохранения в укромных местах жен, детей, стариков, спасти от угона скот, способствовал быстрому возрождению народа, даже после тяжелых поражений. Вспомним монгольское нашествие. Башкиры подчинялись монголам 200 лет, но при этом не стали ни монголами, ни кыпчаками. Наоборот, масса кыпчакских общин влилась в состав башкир (племена кыпсак). Хан Абул-л-Гази прямо писал: «Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (т.е. башкирам – Г.Г.). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» [Кононов, 1958. С. 44].

При этом консолидация средневекового общества башкир позволяла им быстро адаптировать в своей среде самые различные по происхождению этнические включения, а это, опять же, поддерживало жизнеспособность и силу этноса. А консолидация башкирских племен в значительной степени способствовала быстрому восприятию идеологических новаций (мировой религии). При этом ислам сам по себе является мощной интегрирующей силой, правда не столько этнической, сколько конфессиональной направленности. Таким образом, процесс интеграции народа получал дополнительный импульс.

2. Классовая дифференциация общества. Процесс консолидации и постоянной «отмобилизованности» башкирского общества, и объективно способствовал активному взаимодействию с соседними, в первую очередь, тюркскими народами. В восточных письменных источниках сохранились сообщения о

том, что башкирские вожди со своими дружинами участвовали в войнах в Хазарии, в Волжской Булгарии, и в межплеменных столкновениях степных племен (т.н. огузо-печенежские войны). Значит, они непосредственно наблюдали жизнь наиболее развитых народов того времени. А это способствовало ускорению поступательного развития самого башкирского общества. Историки и археологи отмечают то, что уровень социально-экономического развития башкир находился на том же уровне, что и болгар, огузов, хазар, кимаков [Аминев, Сунгатов, 2009]. Археологические материалы конца I тыс. н.э. с территории Южного Урала определенно свидетельствуют о значительной дифференциации башкирского общества. В Предуралье, наравне с рядовыми захоронениями кочевников (Ишимбаевский, Лагереvский, Иделбаевский, Муракаевский могильники) [Мажитов, 1981] встречаются богатые могилы с золотыми и серебряными украшениями. По нашему мнению, такие крупные курганные некрополи Предуралья, как Уфимский (вместе с городищем Уфа -II) [Булычев, 1902], Левашовский [Ищериков, 1952; Ахмеров, 1955; Мажитов, 1981. С. 91–95], Ишимбайский [Викторова, 1962. С. 170; Исмагилов, 1995. С. 137–139], Бекешевский [Мажитов, 1981. С. 56–68; Пшеничнюк, 1984. С. 60–70], Каранаевский [Мажитов, 1981. С. 105–119], а в Зауралье – Синеглазовский [Стоколос, 1962. С. 163–168; Нестеров, 1982. С. 154–156; Боталов, 1986. С. 105–119], можно считать могильниками, маркирующие наличие племенных центров приуральского населения. Богатые воинские погребения явно свидетельствуют о разложении общества и о возвышении племенных вождей – биев.

Оформление вождеской верхушки объективно способствовало принятию мировой религии. Большинство исследователей обосновывают причину введения новой религии несоответствием языческих воззрений и идей (генезис которых уходит в первобытную эпоху) новым государственным отношениям. В период феодализма за пределами религиозного миропонимания не существовало никаких политических идей (политической идеологии). Для освящения новых социальных отношений в обществе, основанных на эксплуатации народных масс, господствующей верхушке необходим был новый бог. Старая народная вера перестала удовлетворять верхи средневекового общества. С этим согласны все авторы. А молодая монотеистическая религия реально защищала и обосновывала феодальную власть. Мощным стимулом для неофитов были при-

меры развитой власти в «цивилизованных» странах, с их идеей божественного характера власти.

Склонив верхи общества к принятию новой религии, проповедники объективно еще сильнее поляризовали этническое единство. В первое время сторонники традиционной религии мало обращали внимание на то, что знать уже верила в чужих богов, вроде бы их это не касалось. Но, постепенно, такая ситуация неизбежно приводила к противостоянию верхов и низов, и раскалывало племенную общность. Так было везде. Принятие мировой религии, таким образом, способствовало консолидации группового сознания правящего слоя, и определенному отдалению его от народных масс. Тем самым, верхи быстрее двигались по пути своего превращения в элитарный феодальный класс.

Возможность приобщения к достижениям великой цивилизации Ближнего и Среднего Востока, привлекательность мусульманской культуры, экономические выгоды, повышение социального статуса и стремление стать в один ряд с известнейшими исламскими правителями средневековья — всё это стало хорошим стимулом для социальной верхушки приуральских племён в деле замены устаревших традиционных народных верований на одну из передовых религий того времени.

3. Постоянное взаимодействие с центрами исламской цивилизации средневековья. Башкиры жили вблизи от передовых, в экономическом и культурном отношении, государственных образований эпохи средневековья — Хазарского каганата, Волжской Булгарии, государства хорезмшахов и др. Они взаимодействовали с развитыми сообществами того времени, перенимали от них не только товары, но и передовые социальные отношения. О том, каким образом страны ислама влияли на своих соседей, говорит автор XII века ал-Марвази, в своем компилятивном труде «Естественные свойства животных»: «Когда они стали соседями мусульманских стран, часть из них приняла ислам. Они стали называться туркменами. Между ними и между теми, кто не принял ислама, вспыхнула вражда. Затем число мусульман среди них умножились, и был хорошим их ислам. Они одолели неверных и прогнали их». В данной цитате говорится об огузах, но то же самое можно сказать и о башкирах, поскольку мы знаем о регулярных связях башкир с Хорезмом и Мавераннахром. Часто среднеазиатские купцы становились первыми проповедниками мусульманской религии. Ал-Марвази (как и другие географы) конкретно говорит о роли Хорезма в деле пропаганды ислама. Представители какого-то народа (Марвази ошибочно называет русов) «...захотели принять

ислам... Они послали послов к правителю Хорезма... Хорезм-шах обрадовался этому, поскольку они пожелали стать мусульманами. Он послал к ним того, кто научил их законам ислама (выделено мною — Г.Г.)» [Храковский, 1959. С. 216]. Возможно, что здесь речь идет о башкирах.

Идеологические предпосылки:

1. Религия башкир на момент постепенного перехода к исламу приближалась к монотеистическим формам. Язычество башкир на рубеже I и II тысячелетий можно назвать вполне развитой формой сознания, полностью соответствующей стадии разложения первобытно-общинных отношений. В 922 г., посольство багдадского халифа ал-Муктадира проследовало на Среднюю Волгу, к царю булгар Алмушу. Секретарь этого посольства Ахмед ибн-Фадлан оставил описание своего трудного путешествия. В своем «Рисала», он писал о религии башкир — язычников: «Кое-кто из них говорит будто бы у него двенадцать господов: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ»... Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам, [еще одна] группа поклоняется журавлям... Эти журавли наш господь» [Ковалевский, 1956. С. 131].

Конечно же, это не пантеон богов, арабский путешественник просто не понял сути традиционной религии башкир. Главное что он хотел донести до своих читателей — это последовательный политеизм приуральских племен. Однако основные приоритеты народной веры башкир проступают здесь со всей определенностью. Ярко выраженный политеизм башкир, обожествление сил природы, свойственный шаманизму, тотемистические пережитки в отношении к некоторым животным (змеям, журавлям и т.д.) и вера в чудодейственную силу амулетов — все это характеризует специфику народной религии башкир. Язычество — это огромный комплекс первобытных верований, воззрений и обрядов, складывающихся на протяжении многих тысячелетий [Рыбаков, 1974. С. 117]. Несмотря на то, что башкиры обожествляли явления природы, во всем ее многообразии, и даже при наличии множества «богов», здесь явно проступает их структурная иерархичность. Главой пантеона выступает бог неба («господь, который на небе, самый большой из них»). Ибн-Фадлан не приводит наименований

богов, он лишь перечисляет «сферы их ответственности». Но на сопоставлении у Ибн-Фадлана главного бога с небом основываются выводы многих авторов, которые называют верховного бога «Тенгри», т.е. общетюрским понятием «Великого синего неба». Языческая религия, как и «...башкирские мифы по содержанию выдержаны в духе тенгрианства, шаманизма (камлык)» [Хусаинов, 2006. С. 155].

Трихотомия горизонтальной структуры Макрокосма башкир здесь также проступает со всей определенностью. Нижним миром правил особый бог («у смерти господь»); а большая часть других «богов» (видимо — духов) населяла средний мир («у земли господь», «у воды господь»), где они сосуществовали с людьми. Этим духам нужно поклоняться (как башкиры поклонялись своим «заступникам» — журавлям), задабривать их, и тогда можно было просить у них защиты (как у «первопредка» (духа предков) в виде фаллического амулета). Обрядовая магия здесь является частью заботы о земном благополучии. Политеизм религии башкир имеет две формы выражения — естественные божества сил природы и сверхъестественные (символические или абстрактные: «у смерти — господь»).

2. Гибкость ислама, как религиозного и мировоззренческого течения и его мощная способность к трансформации. Ислам постоянно и повсеместно впитывал в себя элементы местных верований, что облегчало его адаптацию на разных территориях и среди различных этносов. «Одной из причин легкости распространения ислама можно считать допущение в него некоторых обрядов, хотя и чуждых ему по духу, но дорогих тем, кто за сохранение их готов был увеличить собою число «идущих по правому пути» [Цветков, 1913. С. 282]. Так появлялся так называемый «народный ислам».

Современные исследователи на рассмотрении причин принятия ислама также останавливались, но большей частью в тезисной форме. Пожалуй, только в монографии З.Г. Аминева и Л.А. Ямаевой «Региональные особенности ислама у башкир», этой проблеме уделено значительное внимание [Аминев, Ямаева, 2009]. Главными причинами добровольного принятия башкирами новой религии З.Г. Аминев называет четыре: 1) влияние исламской цивилизации — передовой в культурном и хозяйственном отношении. Поскольку первостепенную роль играли торговые связи уральских племен со Средней Азией (в первую очередь — с Хорезмом), следовательно именно оттуда исходили определяющие культурно-идеологические импульсы; 2) «большую роль играет позиция родственных

по языку народов... Все крупные тюркские народы (...за некоторым исключением), исповедуют ислам различного толка» [Там же. С. 13]; 3) башкиры на момент знакомства с мусульманской религией достигли высокого социально-политического и культурного уровня развития; 4) южноуральские племена, — по его мнению, — уже вплотную подошли к осознанию монотеизма. В целом, тенденции выделены правильно, но не все так однозначно, как это себе представляет автор.

Мы полностью согласны с первым тезисом, ибо культурная роль Средней Азии в исламизации башкир действительно была значительной. В реальной жизни, значимость практической роли Волжской Булгарии в деле распространения ислама была незначительной.

Со вторым тезисом в формулировке З.Г. Аминева, тоже можно согласиться. Имея в виду принятие ислама не только Волжской Булгарией, но и основной массой тюрков Средней Азии или Туркестана, а также вовлечение в сферу мусульманской религии тюрков Кавказа.

Третий тезис А.Г. Аминева полностью согласуется с убежденностью отечественных религиоведов, которые говорят о том, что сам факт принятия народом мировой религии свидетельствует о высоком уровне социально-экономического развития общества. Этносы, не переступившие ступень создания собственной государственности или, хотя бы, не достигшие высшей ступени военной демократии, мировые религии не воспринимают. В лучшем случае, у них утверждается двоеверие, а иногда бывает и отторжение новаций.

По поводу четвертого тезиса автора, необходимо заметить, что по мере поступательного развития народа, обязательно прослеживаются объективные тенденции в развитии этнического мировоззрения, в направлении усложнения, — от последовательного политеизма в сторону иерархичности богов и, далее, к стихийным монотеистическим представлениям. Но не всегда, каждому отдельному этносу самостоятельно удастся преодолеть данное противоречие. Как раз наоборот, низвергнуть родовых богов до уровня прислужников и исполнителей воли единого бога (вроде ангелов) очень сложно. Вспомним безуспешные попытки реорганизации языческих пантеонов в Египте (религиозные реформы Эхнатона) или в Киевской Руси (силовое создание жесткой иерархии многочисленных «народных» богов князем Владимиром). Однако башкиры, как и другие тюркские народы довольно легко стали отождествлять единого бога Аллаха с образом Тенгри. Интересно и то, что даже современные башкиры мусуль-

мане, подразумевая Всевышнего употребляют понятие «Тәңре кушкас», то есть «так велел Тенгри». Тем самым у тюрков (в том числе, башкир) образ Аллаха легко слился с образом Тенгри.

Анализируя причины принятия башкирами мусульманской религии, мы рассмотрим также два важных теоретических вопроса: а) почему именно ислам начал укореняться среди башкир?; б) и была ли ему альтернатива?

На рубеже I и II тысячелетий христианские миссионеры на Южный Урал, видимо, не добивались, — это слишком далеко от центров христианской цивилизации. Эта религия на Южном Урале не может рассматриваться как возможный конкурент исламу. Ну, а почему не иудаизм? Ведь башкиры в восточных нарративах часто выступают союзниками хазар. Материалы городища Уфа-II, расположенного в центре Башкортостана, определенно свидетельствуют о значительных связях приуральского населения с хазарами в конце I тысячелетия н.э. [*Городище Уфа-II*, 2007; *Городище Уфа-II*, 2009; *Городище Уфа-II*, 2009a]. С нашей точки зрения, на этот вопрос лучше всего ответил наш выдающийся отечественный востоковед — В.В. Бартольд. Он постоянно говорил в своих работах о неизменном обаянии мусульманской культуры, достигшей наивысшего расцвета к началу II тысячелетия. На рассмотрении указанных принципиальных проблем (и на аргументации высказанных тезисов) академик Бартольд останавливается во многих своих работах, но наиболее последовательно они проанализированы в статье «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» [Бартольд, 1968]. Основываясь на этом важнейшем выводе, академик формулирует интересное предположение: «...если бы Святослав остался в Итиле, русские, наверное, подчинились бы влиянию мусульманской культуры» [Бартольд, 1968. С. 63].

Башкиры были одними из первых в череде народов, принявших ислам добровольно. Более того в настоящее время ряд исследователей историю распространения ислама среди башкир на Южном Урале связывает не только с Ибн-Фадланом, не только с Волжской Булгарией. Существует мнение о том, что посланник Аллаха пророк Мухаммад рассылал еще в первой половине VII в. (зарождение мусульманского движения относится к 622 г. и связано с переселением пророка Мухаммада и первых мусульман из Мекки в Медину) во все стороны Ойкумены своих сахабов — сподвижников, чтобы те несли слово Божье. Эти же сахабы прибыли тогда же в Урало-Волжский регион и обратили местных правителей с их народом в ислам. Данный сюжет сохра-

нился в сочинениях двух авторов — Хусам ад-дина бен бен Шарг ад-дина аль Булгари и Тадж-ад-дина Ялчыгула аль Башкурди, которые приводят один и тот же текст: «Пророк наш — да благословит его Аллах и приветствует!» — отправил троих своих сахабов в Булгар для проповедания ислама. Один из сахабов был «Абд ар Рахман бен Зубайр, другой — Зубайр бен Джада, третий — Талха бен Усман. Поначалу они выдавали себя за лекарей...». На этом же основании сегодняшнее мусульманское духовенство склонно объявлять Булгар духовной Меккой для всех мусульман Урало-Поволжья. Однако при ближайшем рассмотрении данная версия исламизации булгар рушится уже на том основании, что в VII в. Волжской Булгарии еще не существовало. С другой стороны, Хусам-ад-дин называет имена табигинов — учеников сахабов — из числа башкир: «Первый кто пришел с западной стороны Урала и учился у сахабов, был человек из племени башкурт Аиткул Заит-оглы с реки Ай...». Далее идет перечисление имен и других табигинов из долин реки Ай, Дема, Чермасан и Ак — идель. Следовательно, у него были какие-то источники и данную точку зрения нельзя отвергать полностью. Сахабы, скорее всего, согласно легендарной генеалогии, приводимой Тадж-ад-дином Ялчыгулом, явились на Южный Урал, ибо в это время здесь процветала протогородская цивилизация, самым известным памятником которой является городище Уфа-II [Хамидуллин, 2012. С. 23, 24].

Интересным является и то, что по взгляду некоторых исследователей истории раннего ислама на Южном Урале, двое сахабов пророка Мухаммада, направленных в страну башкир, захоронены на горе Нарыстау, на границе двух районов: Миякинской и Альшеевской, рядом с башкирской деревней Ильчегулово. Над могилой сахабов VII в. был сооружен великолепный купол — мавзолей в форме башкирской юрты [Аматуллах, 2012. С. 38, 39].

Это наложило значительный отпечаток на темпы, особенности, время распространения новой религии в регионе. Указывая на особенности распространения ислама среди тюркских народов, академик В.В. Бартольд писал, что они «...были одним из первых народов, среди которых ислам, отказавшись от пропаганды оружием, имел успех путем убеждения» [Бартольд, 1968. С. 244]. О насаждении ислама сверху, у нас практически нет фактологических данных. Но сопротивление мусульманской пропаганде, видимо, действительно было. Иначе,

процесс проникновения мусульманской религии башкирам не затянулся бы на несколько столетий.

В целом, феномен добровольного принятия мусульманской религии народами Восточной Европы, изучен еще далеко не полностью. Данное замечание касается и истории деятельности сахабов на Южном Урале еще в VII в. Выдающийся востоковед В.В. Бартольд важнейшей причиной мирного распространения мусульманских верований среди племен Великого пояса степей Евразии считает мощное обаяние развитой мусульманской культуры эпохи средневековья. «Главное преимущество ислама заключалось, конечно, в культурном первенстве мусульманского мира, одинаково в области материальной и духовной культуры, среди образованных народов того времени» [Бартольд, 1968. С. 68].

Понятно, что в ходе добровольного приобщения к новой религии в обществе главенствующими становятся совсем иные факторы, нежели при насильственной мусульманизации. Необходимо рассмотреть некоторые аспекты этой сложной проблемы. Важно то, что по уровню социального развития общество должно быть готовым к новациям. Только в этом случае структурно сложные мировые религиозные системы приживаются в обществе. Уже сам факт добровольного утверждения ислама в Башкортостане, является показателем (индикатором) высокого уровня социального развития общества неопитов. При этом известно, что чем больше сохраняется пережитков родового строя, тем дольше приживается новая религия. Все эти положения целиком справедливы для средневекового общества лесостепных племен Южного Урала на рубеже I и II тысячелетий.

Специалисты подчеркивают длительность и противоречивость процесса внедрения мировых религий там, где они принимались добровольно. Носителем религиозного сознания является социальный субъект со своим духовным миром — всегда конкретный представитель какой-либо этнической общности. Понятно, что основную сложность представляют не трудности понимания новой религии, здесь больше проявлялся психологический фактор «нарушения традиций». Древние верования выставлялись их адептами как исконные, в виде «заветов отцов и дедов», и далеко не каждый член общества готов был сходу сменить их на «веру арабов». Следует учитывать что, в нашем случае мировую религию принимал народ, территориально отделенный от непосредственных границ стран ислама. И в этой ситуации, была очень велика роль индиви-

дуальной миссионерской деятельности, поскольку людей нужно было не заставлять, а убеждать.

Особую известность получили последователи поэта-мистика А. Ясави, которые проповедовали непосредственно в среде тюркских народов. Ахметзаки Валиди Тоган предполагал, что Ибн Саит ал-Магриби (ум. в 1274 г.), рассказывая об обращении в ислам башкир Венгрии неким туркменским факихом, на самом деле говорил о башкирах Урала, а не Паннонии [Ахметзаки Валиди Тоган, 2010. С. 33–34]. Большую проповедническую деятельность на Южном Урале в те времена вели среднеазиатские суфии. Недаром, Г.Б. Хусаинов отмечает, что «в XIV–XVIII вв. мощным полноводьем хлынула в Урало-Поволжье противоположная староузбекским художественным традициям суфийская литература (Ахмад Ясави, Сулейман Бакыргани, Умми Камал, Аллайр), распространялись религиозно-дидактические романтические дастаны и киссы» [Хусаинов, 2008. С. 517]. Популярность суфийской литературы среди башкир фиксируется вплоть до начала XX века.

В истории башкирского народа существовал период с X и до конца XII веков, который можно считать хронологическим отрезком умеренного проникновения ислама, и который характеризуется отчетливым наличием двоеверия. Двоеверие — это переходный период. И здесь важно отметить принципиальное положение, высказанное академиком Д.С. Лихачевым, по поводу периода двоеверия на Руси. «Двоеверие — не есть одновременное существование двух религий на равных основаниях. К концу XII века христианство на Руси одержало полную победу над язычеством, и язычество перестало выступать действующей религией. Но пережитки язычества в виде разнообразных обрядов, обычаев, суеверий и фольклора были еще очень сильны, и с ними церкви приходилось вести постоянную борьбу. Двоеверие — это этап смены религий, на котором новая религия господствует, а старая, потеряв свое идеологическое значение, продолжает существовать в виде традиции» [Лихачев, 1975. С. 34].

И позднее, «...древние верования и обряды не сохранились в неизменном виде, они деформировались под влиянием, с одной стороны, ислама, с другой — более ранних идей разного происхождения, проникавших... с новыми этническими элементами» [Сухарева, 1975. С. 6].

Особенно четко пережитки народных верований у башкир в указанный период фиксируются археологами. При раскопках захоронений этого времени, в большей части могил встречаются вещи

(погребальный инвентарь). Но здесь же можно обнаружить новации, продиктованные внедрением новой религии: а) постепенный рост числа безинвентарных могил; б) увеличение количества примеров разворота лица покойного на кыблу (в сторону Мекки); в) отмирание курганного способа захоронения и замена его на грунтовые могилы (Кара-наевский, Бакалинский, Мрясимовский, Кишертский, и др. могильники). Период двоеверия завершился к началу XIII века, и ислам далее распространялся не столько вширь, сколько в глубь.

Кроме выше названных, к причинам довольно медленного распространения ислама на Южном Урале в домонгольский период следует также отнести: постоянную военную опасность со стороны степных кочевников (печенегов, огузов, кыпчаков); и постоянное влияние в состав башкир соседних этнических групп (большой частью, из тех же печенегов, огузов, кыпчаков). Регулярная военная угроза с юга (этому имеются подтверждения в письменных источниках) отвлекала представителей башкирского общества от идеологических новаций. А периодический приток родовых групп степняков (разбитых в степях), регулярно разбавлял мусульманское общество башкир беженцами-язычниками. Ислам стал всеобщим явлением в спокойные годы существования Золотой Орды, когда почти исчезла опасность с юга (из степи). Монголы запретили усобицы, а это способствовало возвращению башкир на южные земли лесостепи и к границам бывшей Волжской Булгарии.

Обряд захоронения, продиктованный шариатом в разных областях, имел специфические черты проявления, формы, основанные на местных традициях.

Если рассмотреть могильники начала II тысячелетия в лесостепном Предуралье — Каранаевский, Бакалинский и Мрясимовские курганы, датированные X — началом XIII вв., то можно уверенно говорить, что в них преобладают языческие черты. Курганные насыпи, захоронения с оружием, украшениями и другими вещами — всё это черты языческого обряда. Но уже погребения начала XIII в. таких могильников, как Кушулевский, Охлебининский (поздний), Шиповский (поздний), демонстрируют нам совершенно иную картину. Во-первых, на них нет курганных насыпей, во-вторых, захоронения с вещами постепенно сменяются здесь безынвентарными раннемусульманскими погребениями. Процесс утверждения ислама шёл довольно быстрыми темпами, настолько, что в грунтовых некрополях XIV в., таких, как Такталачукский, Азметьевский -I, Дербешкинский, Базитамакский, Кара-

Яр, Старо-Варяжские -I и -II, Горновский, безынвентарные погребения с поворотом лиц покойных на кыблу абсолютно преобладают. Здесь захоронения с языческими пережитками уже очень редки и исчисляются единицами.

Итак, мусульманская обрядность (религия в целом) и сами новации приживались постепенно и мирно. Пережитки язычества в погребальной обрядности исчезали постепенно.

На сегодняшний день существует лишь два вида источников, на основе которых мы можем составить реальное представление о времени и темпах исламизации исторического Башкортостана — это письменные источники и данные археологии. Возможности археологической науки фиксировать процесс утверждения новой религии трудно переоценить. Известно, что основными компонентами религии являются — религиозное сознание; религиозный культ; религиозные институты. Однако специалисты давно констатируют, что быстрее всего приживается ритуал, тогда как на усвоение догматики, теологии и других основных черт любой религии уходит значительно больше времени. Рассматривая особенности развития ислама на юге Аравийского полуострова, С.А. Французов подчеркивал: «Два основных компонента мусульманской религиозной системы, изучаемых классическим востоковедением, догматико-философский (калам) и практически-правовой (фикх), были достоянием довольно малочисленной прослойки ученых-богословов, тогда как для подавляющего большинства верующих первостепенное значение имела внешняя, преимущественно обрядовая сторона ислама... Исламу удалось без труда искоренить обрядовую основу язычества — идолопоклонство, но он оказался бессилен перед его глубинными истоками, заключенными в мифологическом сознании» [Французов, 1992. С. 7—8].

Данный факт даёт возможность археологам прослеживать самые ранние стадии проникновения новой религии путём изучения изменений в важнейшей части семейных ритуалов — погребальной обрядности. Кроме того, археологические источники (посредством надёжного археологического датирования артефактов) позволяют чётко определить хронологию процесса. Если мы фиксируем, что на рубеже XII—XIII вв. постепенно исчезают курганы, погребения с вещами и святилища с языческими изваяниями и в то же время появляются кладбища с безынвентарными захоронениями, западной и юго-западной ориентировками, разворотом лица покойных на кыблу (т.е. в сторону Мекки), мы с полной определённой можем говорить о надёжности

даты принятия ислама. При этом отдельные вещи, встречающиеся в раннемусульманских погребениях как пережиток традиционных верований, дополнительно подтверждают нашу хронологию.

Необходимо помнить, что смена религиозных верований не могла быть одномоментным явлением, везде и всюду этот процесс протекал постепенно, сложно и охватывал длительные промежутки времени. Для племен южноуральского региона период конца I тысячелетия н.э. можно считать особым периодом истории, поскольку к этому времени относится конец первобытнообщинного строя и начало развития феодальных отношений. В советской медиевистике было принято считать ранний феодализм вместе с поздней первобытностью единым периодом, называемым «переходным». Однако, «...как и всякое переходное социальное состояние, этот период характеризовался остротой противоречий, неустойчивостью, разнонаправленными тенденциями общественной жизни» [*Введение христианства...*, 1987. С. 8]. Уже сам факт проникновения мировой монотеистической религии — ислама в конце IX—X вв. в этническую среду непосредственных предков современных башкир является показателем справедливости этих слов.

Однако, привлечение комплекса археологических источников не дает возможности определить самое начало процесса проникновения ислама в Приуралье, они представляют нам лишь усредненные хронологические данные, о времени, когда этот процесс уже явственно фиксируется и становится массовым явлением. По этой причине, невозможно переоценить роль нарративных источников по данной теме. И хотя сообщений письменных источников сохранилось не так уж и много, все же они дают нам очень интересную информацию.

Весь процесс принятия мусульманской религии мы делим на три этапа: 1) проникновение (конец I — начало II тыс. н.э.); 2) распространение (XIII—XIV вв.); 3) утверждение ислама в Башкортостане (XV—XVII вв.).

Проникновение ислама на Южный Урал по данным письменных источников. Уже в конце I тысячелетия н.э. (и на рубеже I и II тысячелетий) ислам становится официальной государственной религией в Волжской Булгарии, активно развивается в городах Хазарского каганата, а также проникает в среду башкирского населения Южного Урала и в степные кочевья племен огузской конфедерации. Понятно, что в ходе добровольного приобщения к новой религии в обществе главенствующими становятся совсем иные факторы, нежели при насильственной мусульманизации. С начала мы остановимся на рас-

смотрении лишь одного аспекта той сложной проблемы: нас сейчас интересует вопрос об отражении начала процесса проникновения ислама в нарративных источниках.

Наиболее раннее по времени сообщение о принятии башкирами мусульманской религии находится в широко известном сообщении араба Ахмеда Ибн-Фадлана (922 г.). В своем «Рисала» (отчете о посольстве багдадского халифа ал-Муктадира к «царю» булгар Алмушу), секретарь посольства говорит: «Был с нами один человек из их числа (т.е. из башкир — Г.Г.), уже принявший ислам и служивший у нас» [*Ковалевский*, 1956. С. 130]. Из этого сообщения становится ясно, что в 20-х годах X века некоторые из башкир уже приняли мусульманскую религию. Правда, у того же Ибн-Фадлана можно найти описание языческой религии башкир: «Кое-кто из них говорит будто бы у него двенадцать господов...А господь, который на небе, самый больший из них» [*Ковалевский* 1956. С. 131]. Ярко выраженный политеизм, обожествление сил природы, свойственный шаманизму, тотемистические пережитки в отношении к некоторым животным (змеям, журавлям и т.д.) и вера в чудодейственную силу амулетов — все это характеризует специфику народной религии башкир.

К большому сожалению, Ибн-Фадлан не называет имени башкира-мусульманина, ничего не знаем мы о его дальнейшей судьбе. Но поскольку он не был невольником, ничего не мешало ему вернуться на родину и рассказывать соплеменникам о его новых верованиях. Это сообщение фиксирует самую раннюю стадию проникновения ислама в Башкортостане, и датируется она концом IX — началом X века.

Такая, достаточно ранняя, дата требует проверки, основанной на привлечении всего корпуса фактологических данных. В этой связи, хотелось бы обратить внимание заинтересованного читателя на возможности интерпретации археологических источников. Комплексы начала II тысячелетия н.э., вне зависимости от их археологического обозначения («памятники мрясимовского типа» (по Н.А. Мажитову) или «постпетрогромская археологическая культура» (по Е.П. Казакову), признаются большинством исследователей древностями непосредственных предков башкирского народа. Сейчас мы обращаемся к рассмотрению материалов нескольких памятников, которые, с одной стороны, надежно датируются по вещам X—XI вв. (Каранаевский, Бакалинский,) и XII — началом XIII вв. (Мрясимовский, Усть-Кишерть, Селянино озеро, Кушулевский); а с другой стороны, все эти

комплексы маркируются однотипной керамикой гребенчато-шнурового типа (т.е. они заведомо оставлены представителями единого этноса).

Распространение ислама на Южном Урале (XIII–XIV вв.). Следующее сообщение нарративных источников по нашей теме, относится к началу XIII века. В 1236 году доминиканский монах Юлиан побывал на реке Этиль (видимо на Каме или р. Агидель (Белой), посетил «восточных венгров» (средневековые авторы постоянно путали венгров и башкир), которые «оставались в неверии, как и донныне остаются язычниками» [Аннинский, 1940. С. 77]. Он писал: «Они — язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают, едят мясо конское и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь» [Там же. С. 81].

И хотя Юлиан постоянно называет приуральские племена язычниками, также как и его предшественник — брат Отто, побывавший на Волге в 1231–1232 гг., однако ознакомление с археологическими материалами той эпохи позволяет говорить, что дела обстояло вовсе не так однозначно. Кроме того, не нужно забывать о сообщении Гильома Рубрука, монаха-минорита совершившего путешествие в Монголию в 1253–1255 гг.: «То, что я сказал о земле Паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили дуда до прибытия Татар, «...с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами» [Рубрук, 1957. С. 123]. И хотя пребывание Юлиана и Рубрука на Южном Урале разделяют всего 18–19 лет, их оценки религиозной ситуации исторической Башкирии значительно различаются.

Особую группу мусульманских памятников Южного Урала составляют памятники мемориального зодчества — усыпальницы. В период правления в Ак-Орде хана Узбека, в степной и лесостепной зонах империи активно возводятся большое число мавзолеев (*кэшэнэ*, *дюрбе*, *мазар*, *текие*). Золотоордынский правитель жестко и целенаправленно добивался того, чтобы его подданные — язычники перешли к исповедованию мировой монотеистической религии — ислама. В этом деле, его главной опорой внутри страны были улусы, население которых издавна приобщилось к исламу — среднеазиатский Хорезм и Волжско-Камская Булгария. Мусульманизация в золотоордынской державе проводилась самыми различными способами. Помимо методов убеждения и принуждения (достаточно вспомнить, что при Узбек-хане казнено 120 царевичей-чингисидов, ярых сторонников традиционной

религии предков). В Улусе Джучи большое значение придавали методу монументальной пропаганды, посредством строительства мемориальных архитектурных памятников. По приказу центральной власти, повсеместно строились большие мусульманские культовые сооружения — усыпальницы, а также мечети. Причем, строительство проводилось не только в волжских городских центрах, но и в удаленных уголках великой империи, даже в глубинах степей Дешт-и-Кыпчака.

Мы выделяем два вида средневековых мусульманских усыпальниц: каменные *кэшэнэ* и кирпичные мавзолеи, относящиеся к разным архитектурным школам золотоордынского зодчества.

Каменные мавзолеи лесостепной зоны расположены в центре Башкортостана. В наши дни возвышаются три мемориальных сооружения (разной степени сохранности) из белого камня. Все три «Чишминских» мавзолея (они расположены в Чишминском районе РБ) имеют много общего между собой, образуют единую группу и, несомненно, относятся к одной архитектурно-строительной школе.

Мавзолей Тура-хана — расположен на вершине горы, близ дер. Нижние Термы, на левом берегу р. Слак. Основание усыпальницы имеет квадратную форму 6,6х6,59 м. Но с восточной стороны (со стороны входа) пристроен своеобразный портал в виде сводчатого тамбура высотой 3,4 м. Основной четверик стен на высоте 3,2 м переходит в 8-гранный барабан. Удвоение граней достигнуто посредством особых «скошенных» (или «сельджукских») тропов. Невысокий барабан на высоте 3,7 м увенчан 8-гранным пирамидальным куполом. Мавзолей построен из белого «дикого» (лишь слегка подтесанного) известняка, на известковом растворе. Купол возведен из более легкого камня — вулканического туфа. Толщина стен 1,07–1,12 м. С запада и юга в стенах сделаны оконные проемы с арочным завершением. Внутренняя камера перекрыта сферическим куполом.

В процессе раскопок в погребальной камере *кэшэнэ* в 1975 г., выявлены остатки двух захоронений с западной ориентировкой, в гробу — табуте. Один костяк похоронен в длинной рубахе с вышитым кружковым орнаментом [Гарустович, 1995. С. 174–175].

Малый *кэшэнэ* — расположен рядом с мавзолеем Тура-хана. Основание — почти квадратное (6,4х6 м), толщина стен около 0,8 м. Вход размещался с южной стороны, ширина проема около 0,85 м. Стены возведены из обломков белого известняка. Мавзолей не был достроен и сейчас сильно разрушен. Возможно, из-за его незаконченности, *кэшэнэ*

не имел порталной ниши. Архитектурная форма — центрическая.

Раскопки производились в 1985 году Г.Н. Гарустовичем. Выявлено четыре захоронения без вещей, в гробах-табутах, с западной ориентировкой головы и разворотом лица к югу (в сторону Мекки) [Там же. С. 172—173].

Мавзолей (кэшэнэ) Хусейнбека — расположен на юго-восточной окраине пос. Чишмы, на площадке надпойменной террасы северного берега озера Акзиарат («Ак» — белый, святой; «зиарат» — кладбище) — старицы р. Демы. Кэшэнэ занимает центр одноименного древнего башкирского кладбища. Мавзолей окружен надмогильными плитами, с там-гами башкир-минцев. Основание мавзолея — квадратное (8,5х8,5 м), толщина стен 1,08 м. Входной проем (ширина 1,07 м) располагался в южной стенке, а в трех других — сделаны оконные проемы с арочным завершением. Четверик стен увенчан сферическим куполом. Высота 5,28 м. Мавзолей центрический, но такую форму он приобрел в 1911 году, в процессе реконструкции. В XIV веке вход был оформлен порталом — тамбуром выдвинутым из объема стен более чем на 2 м. Описания XIX в. позволяют говорить, что мавзолей Хусейбека был полностью аналогичен кэшэнэ Тура-хана, и имел портално-купольную форму (с граненым пирамидальным куполом).

Раскопки внутри проводились в 1985 году Г.Н. Гарустовичем. выявлено 9 погребений (3 — взрослых, 6 — детей), без вещей, в гробах-табутах, с западной ориентировкой головы и разворотом черепов направо (в сторону Мекки, на кыблу). Мавзолей датируется на основе года смерти Хусейнбека (1339 г.), указанной на его надгробной плите.

Исключая недостроенный «Малый кэшэнэ», каменные усыпальницы Башкортостана имели портално-купольную форму. Дата на камне в мавзолее Хусейнбека (1339 г.) может считаться основой хронологии всех каменных мавзолеев: первая половина — середина XIV века.

В степной полосе Южного Урала известно несколько кирпичных мавзолеев. Хотя на основе архивных материалов мы можем говорить о более трех десятках средневековых культовых построек в регионе. Сохранился до наших дней только Варнинский мавзолей (Челябинская обл.). Несколько культовых построек выявлено в ходе археологических раскопок: в Башкортостане (Бэндэбикэ), Оренбургской (Тоцкие, Изобильненский) и Челябинской (Троицкий) областях [Боталов,

Гарустович, Яминов, 1995. С. 148—165; Мендикулов, 1987. С. 46—52].

Все постройки возведены из сырцового и обожженного плоского прямоугольного кирпича (размером около 25х25х5 см), на илестом или глиняном растворе. Мавзолей Бэндэбикэ (д. Максютново Кугарчинский р-н РБ) исследован Н.А. Мажитовым в 1968—1969 гг. Он имел прямоугольное основание размером 8,7х7 м при толщине стен 1,1 м. Стены выложены кирпичами двух цветов, образующих елочко-пирамидальный узор. Четверик стен, посредством парусных или ячеистых тромпов, переходит в барабан, увенчанный шатровым или пирамидальным куполом. Входной проем размещен с южной стороны и был оформлен порталной аркой. Лицевая поверхность пештака (портала) имела П-образное бордюрное украшение. Пол погребальной камеры вымощен плинфой. В центре помещения, в каменном склепе была захоронена женщина, без вещей, с западной ориентировкой головы.

Кирпичные мавзолеи Оренбуржья и Казахстана оформлялись аналогичным образом. Купола были пирамидального или шатрового типа. Все постройки портално-купольного (Троицкий, Тоцкие, Абат-Байтак, Атчергат, Болгасын) типа, либо центрические (Изобильненский). Погребальная камера обычно квадратная, но за счет выделенного портала постройки приобретали прямоугольные планы. Для украшения стен применялись разноцветные изразцы и поливные бирюзовые кирпичи на куполах.

Портально-купольные усыпальницы строились двух видов — а) однокамерные (большая часть выявленных сооружений); б) двухкамерные (гур-хана и зиарат-хана) — Тоцкий мавзолей № 2. Могилы в камерах отмечались кирпичными надгробиями (мастаба), могли иметь кирпичные склепы. Погребения совершались по мусульманскому обряду, головой на запад, лицом на кыблу (к югу, на г. Мекку). В некоторых захоронениях встречались обрывки парчи и шелка, кожаные сапоги, золотые украшения, боки (женские головные уборы), серебряные зеркала, железное оружие и стремена. Как видим, к моменту строительства, степная аристократия еще не полностью приняла ислам, а сами мавзолеи воспринимались кочевниками не столько мусульманскими святынями, сколько в качестве семейных усыпальниц.

Аналогии изразцам, а также твердые датировки вещей (серьги «знак вопроса», зеркала, бокки, серебряные чашечки), указывают на XIII—XIV вв. (точнее — XIV в.) — как на время строительства кирпичных мавзолеев. Они возводились около 50 лет,

в период правления Узбека (1312 г. — время вступления на престол), Джанибека и Бирдибека. Прекращение строительства связано с кризисом Улуса Джучи, поскольку в 60–70-е годы XIV века здесь вспыхнула кровавая гражданская война. Кирпичные мавзолеи мы относим к среднеазиатской (хорезмской) периферийной архитектурно-строительной школе Золотой Орды.

Еще один, особый вид источников по нашей теме составляют кладбища с каменными надгробиями, на которых сохранились тексты (эпитафии). Они являются не только археологическими памятниками, но и историческими, и филологическими (т.е. памятниками языка, с надежно датированными текстами). Все эти плиты относятся к XIV веку, точнее — к промежутку между 1323 и 1346 годами, то есть ко времени правления хана Узбека в Золотой Орде.

Мы рассматриваем данные 13 надгробий Башкортостана и Восточного Татарстана (район Восточного Закамья) — Клятинского, Среднечелнинского, Урсаевских плит (все — Татарстан), а также — Красноключевского, Старокалмашевского, Мавлютовского, Сынташского и Хусейнбека (все — Башкортостан) [Юсупов, 1959. С. 120–123; Юсупов, 1960. С. 111–129; Хусаинов, 1996. С. 17–18; Мухаметшин, 1981. С. 136–138; Хакимзянов, 1987. С. 46–47; Talat Tekin, 1988. С. 66–67; Ишбердин, 1980. С. 65–67; Гарипов, 1972. С. 41–42].

На упомянутых кладбищах сохранилось больше каменных надгробий (16 экз.), но на некоторых надписи уже не читались (например, на Урсаевском кладбище, и т.д.), хотя они сохранили свою форму и даже резной орнамент. Отметим также, что в Башкортостане некрополей с каменными надгробиями было значительно больше, но они уничтожены в советское время (к примеру, Нагайбакское или Япрыковское) кладбища.

В качестве надмогильных камней ставились плиты из известняка, различных размеров: от 2,0 до 0,6 м длины и от 0,67 до 0,31 м ширины, при толщине 0,26–0,09 м. Самый крупный каменный блок находился на кладбище пос. Красный Ключ (Чишминский р-н РБ) (около 2 м). Встречаются маленькие камни арочной формы, без надписей, предположительно, они предназначались для детей. Верхние части плит имели прямоугольные, и лишь в 4 случаях отмечен арочный (арочно-стрельчатый) верх надгробия (Максютово, Урсаево). Плечиков у плит не было, но на четырех плитах на лицевых поверхностях вырезаны выпуклые бордюры (Урсаево, Средние Челны, Красный Ключ, Хусейнбек). Вертикальные бордюры ограничивают тексто-

вое поле эпитафии, а в некоторых случаях выделяют арочный тимпан в верхней части плиты (Средние Челны, Красный Ключ). В тимпане памятника из Красного Ключа вырезана кораническая формула, а в Средних Челнах выбит солярный знак в виде 7-лепесткового цветка. Булгарские солярные знаки очень напоминают Среднечелнинский “цветок”, но они имеют 6 или 8 лепестков. Очень интересный орнамент отмечен на одном из надгробий из с. Урсаево [Мухаметшин, 1981. С. 136–140]. Прямоугольный бордюр обрамлял несохранившийся текст эпитафии. Орнаментальная рама делилась на отрезки «рассеченные» под углом, с двумя точками (зигзагообразная и прямая линии, соединенные между собой, образующие треугольники с точками внутри — по Д.Г. Мухаметшину). В тимпане вырезаны три солярных круга, имеющих лишь примерные аналогии в булгарской эпиграфике [Хакимзянов, 1987. С. 121 (№ 16), 175 (№ 43)]. Особенно необычны следы надписей в розетках в нижней части — у двух крайних и в середине центрального “солнышка” (не читаются). На плитах Башкортостана рисунков нет, но тимпаны выделялись резчиками по камню (Красный Ключ). В двух плитах, в верхней части камня оставлено пустое место там, где обычно вырезался тимпан (Сторо-Калмашево и Мавлютово). Тимпан в Средних Челнах имел арочную форму, а в Красном Ключе — стрельчатую.

Обратная сторона обрабатывалась в редких случаях — в Средних Челнах здесь вырезана 8-лепестковая розетка и нечитаемая надпись. Еще одна выветрившаяся надпись отмечена на одной из плит из с. Урсаево.

Боковые грани покрывались надписями значительно чаще, и выполнялись они или на арабском, либо на тюркском языке (Красный Ключ, Сынташ, Хусейнбек). Тексты Красного Ключа и Сынташ одинаковы: (араб., куфи) «Самый терпеливый к опасностям здешней жизни — не умирает без (раньше) предельного (срока)» (левая сторона) и «Смерть (тебя) известит (о) сроке, а могиле [есть сундук желаний]» (правая). Т.М. Гарипов перевел этот текст так: «Смерть принесет тебе известие, а могила есть сундук желаний [Гарипов, 1972. С. 41–42]. Интересны поэтические цитаты мистического (суфийского) содержания, вырезанные по бокам надгробия Хусейнбека сразу на двух языках. Первый стих: «Чтобы ни предпринималось, чтобы избежать, однако час смерти всем придет». Второй: «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое». Г.Б. Хусаинов утверждает, что Риза Фахретдинов писал о еще одной надписи, выраженной стихами Ахмада Ясави [Хусаинов, 1996. С. 18],

но, скорее всего, речь идет о тех же цитатах, которые мы привели (по две на каждую грань, на разных языках).

Весьма интересен текст, дополнительно вырезанный на блоке из Красного Ключа на тюркском языке: «Суламуш йувари, ... (надпись стерта)». Аналогии подобным текстам известны на болгарских надгробиях [Юсупов, 1960. Табл. 39; Хакимзянов, 1987. Табл. 9].

Резчики использовали вырезанный шрифт, лишь в трех случаях (Красный Ключ, Сынташ) он был полурельефным или рельефным (Хусейнбек). Надписи, как правило, были некаллиграфическими, (Клятли, Урсаево), применялись даже примитивная скоропись (Мавлютово). Почерк — куфи (Красный Ключ, Сынташ, Средние Челны — обратная сторона плиты), полукуфи (Средние Челны, Урсаево), насх (Урсаево, Старокалмашево), сульс (Хусейнбек). Обращаем внимание на плиту из Красного Ключа, здесь основная надпись выполнена рельефным куфи, а поверх благочестивой формулы нанесена более поздняя(?) надпись вырезанным куфическим подчерком: «Суламуш йувари...»

Основной текст (ниже тимпана) начинался кораническими формулами: «Я прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана. Именем Аллаха милостивого и милосердного!» (суры Корана — 21, 35–36, 29, 57, и др.) — Клятли, Урсаево, Старокалмашево; «Суд Аллаха всевышнего, великого. Всякая душа вкусит смерть, после вы вернетесь к нам» — Средние Челны; «Он живой, который не умирает, а все живое умрет» — Красный Ключ. Иногда части этих формул перемешивались: «Хвала богу. Он живой, который не умирает. Верховный суд принадлежит богу великому» — Сынташ. На надгробном камне в мавзолее Хусейнбека вообще не было коранической формулы. Несколько по иному компоновалась надпись на Мавлютовской плите: «Сказал пророк, да будет мир над ним: ... (далее шла дата)... Он живой, который не умирает, а все живущее умрет... Каждая душа вкусит смерть, а после вы вернетесь к нам. Смерть — дверь и все люди войдут в нее». По мнению специалистов по мусульманской эпиграфике, строка: «Смерть есть дверь и все люди войдут в нее» восходит к стихам поэта Абу-л-Атахии (748–828 гг.). Все эти цитаты встречаются на болгарских плитах (в том или ином составе и очередности строк).

Ниже коранической формулы ставилось имя покойного. Под ним вырезалось благочестивое пожелание, напоминающее коранические формулы. Чаще всего это была цитата: «Да будет милость Бога милостью обширной» (6 случаев, в том числе —

Хусейнбек). «Пусть будет благословенным, счастливым!» (Старокалмашево), и т.д.

После коранической формулы, имени, благопожелания, как правило, ставилась дата смерти (5 случаев из 12), с употреблением слова «памятник» (место погребения) (7 случаев). Год смерти читается не всегда, удалось разобрать такие даты: 724 г.х. (1323 г., Средние Челны); 730 г.х. (1330 г., памятник № 2 Урсаево); 731 г.х. (1331 г., Сынташ); 740 г.х. (1339 г., Хусейнбек); 743 г.х. (1342/43 г., Мавлютово) и 747 г.х. (1346 г., Старокалмашево). Как уже говорилось выше, все даты относятся к первой половине XIV века, к периоду правления в Золотой Орде хана Узбека.

На рассматриваемых нами памятниках зафиксировано 18 антропонимов. В эпитафиях, как правило, указывалось имя самого покойного и его отца (7 случаев из 8, там, где имена читались). На камне из пос. Красный Ключ, на лицевой стороне плиты приводится имя умершего (Алмуш), названо также имя его отца (на сегодняшний день это имя не читается), но на боковой грани камня обнаружено еще одно имя — Суламуш (и еще одно не читаемое имя). Основной текст эпитафии выполнен рельефным куфическим шрифтом, а на левом боку, помимо рельефного суфийского изречения, имеется еще вырезанная куфическая надпись — Суламуш йувари (иори) [Юсупов, 1960. С. 126]. Выделяется лишь один памятник, найденный у дер. Мавлютово, на котором названо целая династия. Камень установлен на могиле Джабака, но в тексте указаны имена его ближайших предков по мужской линии — Кунжия-Баиша (по Ф.С. Хакимзянову — Кунчи сына Баиша), Сакмана и Фаяджа [Юсупов, 1959. С. 120–123]. Ни одно имя не повторяется дважды.

Все антропонимы рассматриваемых нами эпитафий можно разделить на арабские и тюркские, причем родственники носили, как правило, близкие по звучанию (и по происхождению) имена: либо арабские (Хусейнбек, Омарбек, Масъуд и Хабиб), либо тюркские (Алмуш и Суламуш). Единственное женское имя Райхан[а] — арабско-персидское ‘душистое растение, базилик’ [Гафуров, 1987. С. 180]. Омар (Умар) с арабского переводится ‘паломник’; Али — ‘высший’, ‘могучий’; Хабиб — ‘любимый друг’; Хусейн — ‘добрый’, ‘хороший’; Масъуд (Масгуд) — ‘счастливый’ [Там же].

Социальные термины, встречающиеся в нашей выборке, не многочисленны. Среди памятников, на которых сохранились тексты, они зафиксированы на 5 плитах. Титул ‘бек’ (князь, правитель, господин) является составной частью имен Омарбека и его сына Хусейнбека — подчеркивая их высокий

статус в феодальной иерархии XIV века. Этот титул часто употреблялся как компонент имени собственного (почетная наследственная приставка имени ханов Золотой Орды и султанов Средней Азии — Джанибек, Бирдибек, Кильдибек, Улугбек, и т.д. Женщины из аристократических родов, получали при рождении почетную приставку к имени — «бика» или «бек». Например, Тулунбек — ханум (дочь хана Бирдибека), Бэндэбика, и т.д.

Помимо высокого социального положения, доставшемуся Хусейнбеку при рождении, он и сам сумел добавить почетную приставку «хаджи» к имени. Омарбек (отец Хусейнбека), не имел права называться «хаджи», поскольку не совершил паломничества в Мекку (хадж). Двусоставное наследственное личное имя с титульной приставкой говорит о его принадлежности к кругу аристократии. Выходец из Средней Азии оказался на Южном Урале, а это не могло случиться без ведома высших кругов Ак-Орды (может быть даже, самого хана Узбека). Далее, он назван в эпитафии «справедливым в своих решениях», следовательно, имел право принимать ответственные решения. Все это говорит в пользу того, что он был представителем золотоордынской администрации в Башкортостане. Но, с другой стороны, Хусейнбек и Омарбек носили арабские имена, и не простые, а именно, «праведных халифов». Титул хаджи еще добавляет религиозный значимости Хусейнбеку. Значит, он был еще носителем «слова божия», совмещая административные и идеологические функции. Мы убеждены, что перед нами не просто миссионер, а наместник хана в Башкирском улусе. Не случайно, что после смерти, над его могилой был построен мавзолей, постройка не только сложная, но и дорогостоящая. Минорит Иоганка — венгр писал в начале XIV века о Башкортостане: «И были там татары (т.е. золотоордынцы — Г.Г.), судьи баскардов» [Аннинский, 1940. С. 92]. Можно еще отметить, что «правосудие» Хусейнбека, возможно, было оценено народом, поскольку место его погребения башкиры до наших дней считали святым местом (Акзиарат).

Сейчас может быть определен характерный облик «свиты» Хусейнбека. Рядом с пос. Чишмы (место захоронения Хусейнбека), ранее находилось два кладбища с каменными надмогильными плитами (пос. Красный Ключ и Сынташ). На памятнике из Красного Ключа вырезана надпись «Суламуш йувари» (или йори — по Ф.С. Хакимзянову) [Юсупов, 1960. Табл. 9. С. 126–127]. «Йори» переводится как «воинский муж», «дружинник» [Там же. С. 103; Хакимзянов, 1978. С. 80–81]. Это же слово в венгерском языке обозначает «воин пограничной стражи»,

«пограничник». По нашему предположению, эти дружинники выполняли функцию охраны золотоордынского наместника. Самой близкой аналогией плите из Красного Ключа, является памятник Сынташ (по территории, по структуре текста и способу оформления камня). Вместе с могилой (и с эпитафией) Хусейнбека, они показывают нам центр политической жизни исторического Башкортостана (или один из центров, но очень важный).

Таким образом, люди, могилы которых отмечены каменными надгробиями, являлись представителями служилой администрации Ак-Орды. Влияние центральной золотоордынской власти Башкортостане ослабевает после вспышки гражданской войны 60–70-х годов XIV века. Понятно, что в это время исчезают традиция установки надгробий с лапидарной эпиграфикой, перестают возводиться мавзолеи.

Плиты с эпитафиями стояли на особых кладбищах, где хоронили только своих (два таких некрополя, возле пос. Красный Ключ в Чишминском р-не РБ, мы уже упоминали). К сожалению, такие кладбища еще очень плохо изучены. На сегодняшний день каменные надгробные плиты с эпитафиями большей частью сняты с могил, на которых они когда-то стояли. Раскопки производились лишь на одном таком некрополе — *Мавлютовском кладбище*, (Кушнаренковский р-н РБ), с территории которого происходит Мавлютовский камень с эпитафией.

В 1962 году антрополог М.С. Акимова проводила здесь стационарные исследования. Общее количество вскрытых захоронений не указывается, но упомянуто получение 35 мужских, 30 женских и 9 детских черепов (т.е. не менее 74 погребений). Ознакомление с материалами раскопок позволяет нам разделить полевые материалы на две группы раннюю (XIV в.) позднюю (XVIII в.), нас интересуют ранние захоронения, локализующиеся в северной оконечности кладбища.

Автор раскопок так описала погребальный обряд XIV века: «Скелеты в могильных ямах располагались на спине, головой на запад или с небольшим отклонением на север или юг. Все погребения без вещей. Большая часть захоронений без гробов, но встречаются и в гробах из досок. Остатки гробов обнаружены в северной части могильника, в южной части они не прослеживаются. Здесь вскрыты два погребения, захороненных по мусульманскому обряду в глубоких ямах с нишей вдоль длинной стенки» [Акимова, 1968. С. 86–91].

Захоронения Мавлютовского кладбища отличаются выдержанностью элементов обрядности,

единообразием. Такая «стандартизация» не свойственна грунтовым могильникам приуральских племен. Кроме того, кладбище выделяется наличием значительного числа гробов-табутов (в чияликских грунтовых могильниках Приуралья — они редкость), западными ориентировками головы покойных (в приуральских некрополях преобладают юго-западные ориентировки), и т.д.

Подводя основные итоги нашему изложению отметим, что распространение мусульманской религии в Башкортостане было явлением закономерным. Общество средневекового населения Южного Урала к началу II тысячелетия уже, в основном, пережило свои древние языческие верования. Социально-культурные изменения были неизбежны. «Известно, что когда религиозные догмы вступали в резкое противоречие с житейскими потребностями, то обычно только фанатики сохраняли верность догмам» [Лавров, 1966. С. 51].

При этом, принятие ислама башкирским народом было, несомненно, явлением прогрессивным. Приобщение уральского полукочевого общества к ценностям выдающейся, в то время, мусульманской цивилизации, стало возможным только после вхождения башкир в разряд народов — приверженцев самой молодой мировой религии мира. «Башкиры, как и другие мусульманские народы, приобщались к арабской литературе в процессе принятия ислама и распространения исламской культуры, что сопровождалось изучением классического арабского языка — языка Корана» [Хусаинов, 2008. С. 517].

Ислам по мере своего распространения стал в Башкортостане не просто новым религиозным течением, объективно он стал мощным политическим фактором, способствующим объединению многочисленных племен в массив единого башкирского народа; психологическим фактором этнической и культурной идентификации народа на будущие века. Конечно же, не мировая религия была первопричиной зарождения новых общественных отношений, и не она положила начало объединения племен в единый народ. Но ислам оказался реальным и весьма действенным фактором ускорения этих процессов в обществе. «В период исламизации тюркской культуры происходит обогащение, насыщение литературного «тюрки» персидской и, главным образом, арабской лексикой и грамматическими элементами» [Фаттахутдинова, 1985. С. 31]. Башкиры непосредственно соприкоснулись с мировой лите-

ратурной традицией и ценностями мусульманской культуры.

Отметим, что башкиры уже в ранний период стали приверженцами ханифитского масхаба. Будучи сам по происхождению тюрком, Абу Ханифа ибн Сабит (699—767) сумел создать особый масхаб, очень популярный у тюркских народов. «Все тюркские народы (кроме шиитов — азербайджанцев) являются последователями Абу Ханифы. Ханифитский масхаб самый распространенный в ортодоксальном исламе. Ханифитский толк получил широкое распространение в Иране, Сирии, Турции, Средней Азии и Казахстане, среди российских татар и башкир» [Керимов, 1978. С. 15]. В компилятивном своде Абд Ар-Рашид ал-Бакуви (XVI в.) «Китаб талхис ал-Асар Ва'аджа'иб ал-Малик ал-Каххар» («Сокращение [книги о] «памятниках» и чудеса царя могучего») сообщает о том, что седьмой климат «проходит по горам Башкырт», и что башкиры являются «последователями толка имама Абу Ханифы ан-Ну'манна» [Абд Ар-Рашид ал-Бакуви, 1971. С. 111]. Правда, нам кажется, что ал-Бакуви полностью пересказывает информацию из словаря Якута (XIII в.), который говорит о башкирах-мусульманах в Венгрии.

По нашему мнению, уверенно говорить об окончательном утверждении ислама в Башкортостане можно начиная с XV века. О том, насколько глубоко внедрился ислам в мировоззрение башкир к концу XIV века, говорят исторические предания и легенды. В рассказе «Последний из Сартаева рода» повествуется о тяжелой борьбе башкир с нашествием Тамерлана (1391 г.). Бывший бий и аксакал Джалык в своем повествовании постоянно взывает к Аллаху («Я, худай! Сабырлык бир!»). Он использует слово «Худай» в значении «Бог». В предании использованы коранические формулы («...смерть — есть чаша, из которой все живущее вынуждены пить»), упомянута могила святого Хусейнбека, на которой совершались молитвы. В среде башкир в то время стали встречаться личные имена, связанные с исламом («аксакал Кара-Абыз»), хотя не вышли из употребления народные имена, корни которых уходили в языческое прошлое (Кармасан, Сармасан, Айбикэ). В рассказе старика проскальзывает недовольство тем, что в трудный для народа момент помощи не было не от бога, ни от духовенства («Я молился святому Хусейн-Беку из земли Туркестан, но он не услышал меня. Я обратился к Кадыр-эль-Исламу, но он не явился, чтобы защитить наши кибитки. Мы были одни») [БНТ, 1987. С. 173—179]. По мнению автора, все в руках судьбы.

Таким образом, на рубеже XIV–XV столетий башкирское общество было мусульманским и социально дифференцированным. Башкирами осваивались арабские (и персидские) имена и термины, фиксируются выраженные элементы культа мусульманских святых. В то же время, на основе анализа данных башкирских шежере, Р.Г. Кузеев отмечал, что мусульманские имена у башкир появляются только с конца XV–XVI вв. [*Башкирские шежере*, 1960. С. 214]. На страницах шежере можно встретить упоминания о празднествах, имеющих под собой явственную языческую основу. Например, юрматинцы, через месяц после выезда на летовку, собирались на вершине горы для пахтания кумыса. В празднике участвовали даже старики, он длился всю ночь и сопровождался играми и борьбой [Булгаков, Надергулов, 2002. С. 97]. И в то же время, уже в эпосе феодальной эпохи («Идель-юрт») фиксируется противопоставление башкир и «гяуров» пришедших с юга (из-за р. Яик), видимо кочевников восточной части Золотой Орды, поздно принявших ислам [Зарипов, 1999. С. 24; *БНТ*, 1999. С. 200–201].

В шежере башкир-юрматы достаточно подробно описаны перипетии добровольного вхождения башкир в состав Русского государства. После взятия Казани московский царь разослал по окрестным землям грамоты, в которых приглашал народы, ранее зависимые от казанских ханов, войти в состав русского государства. «Когда Татигач стал бием, в девятьсот пятьдесят девятом (959 г.х.=1552 г.)... русские взяли город Казань. После этого Белый-бий стал падишахом. Был девятьсот шестьдесят первый год (961 г.х.=1553–1554 гг.), когда во все земли были направлены послы с грамотами, [которые] известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи» (здесь и далее выделено мною – Г.Г.) [*Башкирские шежере*, 1960. С. 33]. В родословной башкир племен бурзян, кыпсак, усерган и тамьян включено важное добавление: в Казани башкирские послы с царем Иваном Васильевичем «составили указную (договорную) грамоту, [в которой] особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись. Башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию... [Согласившись] на эти оговоренные между нами условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту в городе Казани записали в книгу» [*Башкирские шежере*, 1960. С. 78–79].

Информация, приведенная в шежере юрматинцев, находит полное подтверждение в родословной рода карагай-кыпсак племени кыпсак. После взятия столицы Казанского ханства, Иван IV «...во все

земли разослал указы, разослал послов. «Пусть никто не убегает, как бежали ногайцы, бросив свой юрт, оставив свои земли; пусть каждый сохранит свою веру, соблюдает свои обычаи», — с такими словами ходили послы» [*Башкирские шежере*, 1960. С. 117].

Для нашей темы очень важно то, что в шежере юрматинцев названы башкирские роды «исповедующие мусульманскую религию» к середине XVI века: катый, казаяк, туркмен, булэкэй, шайтанкудей, дуван, усерган, бурзян, живших на реках Уфа, Киги, Большой Ик, Сим, Инзер, Лемеза, Узень, Сакмара, Белая и Уй. «В 1648 году, согласно данной на основе мусульманской религии клятве, верно служа великому царю, воевали Ригу, Азов и победили» [*Там же*. С. 79]. Как видим, к моменту присоединения к Русскому государству, даже башкиры горно-лесной зоны сами называли себя мусульманами, и в договорах специально оговаривали для себя желание оставаться приверженцами ислама.

Эти данные, противоречат мнению некоторых исследователей о позднем принятии башкирами ислама (после вхождения в состав России). К примеру, Р.М. Юсупов предположительно высказался за то, что «в XIV–XVI вв. ислам затронул не все слои населения, а только родовую аристократию. Ислам начал широко распространяться лишь после присоединения Башкортостана к Русскому государству, т.к. он был необходим правительству в его колонизаторской политике» [*Башкиры*, 2002. С. 182].

По нашему убеждению, к XV веку процесс распространения ислама среди башкир фактически завершился, а со времени добровольного вхождения башкир в состав Русского государства, началось окончательное утверждение мусульманской религии.

Но более всего, против тезиса Р.М. Юсупова свидетельствуют археологические данные. Специалистам известно несколько башкирских могильников периода XV–XVII вв. и ни в одном из них не обнаружено ни одного погребения, которое можно было назвать языческим. Даже пережитки прежних народных верований в них, практически, не фиксируются.

Однако все выше сказанное не исключает того, что вплоть до конца XIX века историки говорили о том, что «башкиры... не такие усердные магометане, как татары...» [*Флоринский*, 1871. С. 730]. «Полукочевые башкирцы» — отмечал И. Казанцев в середине XIX века, — «по настоящее время не с полною точностью исполняют обряды магометанской религии; но постоянно жительствующие в отпав-

лении магометанской веры год от году делаются строже и рачительнее». «Многие башкирцы не совсем строго соблюдают обряды магометанской веры, особенно кочующие, смешивая их с древними языческими» [Казанцев, 1850. С. 88, 94]. В.М. Флоринский совершенно справедливо отмечал, что различия башкир и татар в отношении к религии «... выражают только провинциальный оттенок, явившийся в следствие неодинаковых жизненных условий — след недавнего кочевого быта» башкир [Флоринский, 1871. С. 730]. С.И. Руденко в начале XX века говорил: «Несмотря на тысячелетний период проповеди среди них ислама, башкирами была усвоена только внешняя, обрядовая сторона этого учения, без существенных перемен в их древнем мировоззрении и верованиях» [Руденко, 2007. С. 279].

Хотя башкиры не являлись в своей основе ортодоксальными мусульманами, но тем не менее они в свое время (конец XVII–XVIII вв., то есть до открытия Мусульманского духовного собрания в 1789 г.) активно выступили против политики их крещения. Как хорошо известно, что в условия своего добровольного подданства башкиры-мусульмане, понимая, что они входят в состав христианского государства, добились включения пункта, который гласил: «... башкир, исповедующих ислам, никогда не насильствовать в другую религию» [ИБН, Т. 3., 2011. С. 52]. Недаром башкиры при первой же угрозе свободе ислама (указ от 1681 г., провозгласившего принцип насильственного крещения) встретили восстанием 1681–1684 гг. [ИБН, Т.3., 2011. С. 108]. Восстание башкир 1755 г. тоже было связано с религиозной политикой царского правительства. То есть башкиры-мусульмане всегда были готовы защитить свои права и свободы, в то же время татары, считавшиеся более последовательными приверженцами ислама, восстаний не поднимали, оказывая лишь пассивное сопротивление, бегством, например, под крыло башкир.

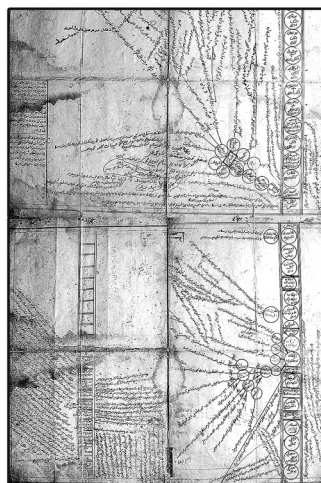
Причины замедленного утверждения мусульманской религии в среде народов, использующих подвижные формы скотоводства, специалисты единодушно связывают с самой хозяйственной спецификой номадизма. «Кочевые и полукочевые народы он (т.е. ислам — Г.Г.) затронул гораздо слабее (в сравнении с оседлыми народами — Г.Г.). Причина кроется, на наш взгляд, в условиях их жизни. У оседлых народов имелись условия для создания различных стационарных религиозных учреждений, и поэтому эти народы быстрее заражались религиозной пропагандой; кочевые же и полукоче-

вые народы таких условий не имели и поэтому слабее испытывали влияние ислама» [Шалекенов, 1966. С. 256]. По справедливому замечанию С.М. Абрамзона: «Благоприятной почвой для бытования многообразных домусульманских верований является живучесть патриархальных традиций, коренившихся в свою очередь в особенностях общественного строя, в отсталых формах кочевого скотоводческого хозяйства» [Абрамзон, 1971. С. 318].

З.Г. Аминев и Л.А. Ямаева совершенно обоснованно отмечают, что «к VIII–XI вв. происходит почти полная исламизация тюркских племен Средней Азии и Хорасана. В XI–XIII вв. Средняя Азия становится центром исламского мира. Здесь получает распространение исламская культура и наука. В Средней Азии родились, творили выдающиеся исламские ученые Абу Али Ибн Сина, Бухари, Ар-Рази, Юсуф Хамадани, Ахмед Ясави, Абдулхалик Гиджувани, Аль Бируни и многие другие корифеи науки» [Аминев, Ямаева, 2009. С. 13]. Отсюда они делают вполне правомерный вывод, что в исламизации башкир, имея в виду их самые тесные этнокультурные связи, выдающуюся роль сыграла мусульманская Средняя Азия [Там же. С. 13, 14]. Притом, по их мнению, именно среднеазиатские мусульманские миссионеры оказали большое влияние в исламизации не только башкир, но и волжских булгар [Там же]. Недаром выдающимся распространителем ислама среди башкир был хаджи Хусейн-бек из Туркестана.

Таким образом, башкиры с начала своего формирования постепенно стал приобщаться к мусульманской религии, которая окончательно утвердилась на Южном Урале к XIV — началу XV вв. Основную роль в обращении башкир в ислам на раннем этапе сыграли суфийские миссионеры таких братств, как Йасавийа и Накшбандийа, проникшие на Южный Урал из городских центров Средней Азии. Также не следует игнорировать взгляд о начале распространения ислама на Южном Урале арабийскими сахабами еще в VII в. Важно отметить и то, что преобладающее влияние на башкир оказал неортодоксальный ислам, в котором органично сохранились элементы суннитского ислама ханифитского толка и суфийских представлений. Исламизация башкир оказала в целом положительное влияние на их культурно-духовное развитие, укрепление связей с народами, исповедующими мусульманскую религию.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЖИЗНИ БАШКИР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Атрибуция социальной природы древнетюркских государств, обладавших одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречива. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные государственные образования. Общеизвестная скудость источников побуждает многих исследователей руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем результатами анализа немногочисленных и не всегда ясных свидетельств.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. Отсчет древнетюркских памятников начинается со стелы, получившей название Бугутской. Полтысячелетия воздвигались на поминальных курганах высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с руническими надписями, где апология усопших вождей соседствовала с царским хрониконом и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Заупокойные эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий в столице Каракханидской державы, уже включившейся в систему развитых цивилизаций ислама, но еще сохранившей архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Ее автор — государственный деятель и политический теоретик, хас-хаджиб Юсуф Баласагунский, обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом коррелирующие с социальными реалия-

ми, запечатленными руническими текстами. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нем, полностью лишенная индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт, ее поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям — должного и недолжного. Конечно же, должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий и покушения на основные разграничения почитаются абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из памятников тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления караханидской аристократии. И ни один из памятников не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами — камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Война ради добычи, усердие в ее поиске и щедрость при распределении добытого среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей:

*О беки! Нам любо усердьё элика.
Да будет и Ваше раденье велико,
Усердием беков усилятся власть,
От лениности их ей назначено пасть!
Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудеши победу — наград не жалеи!
Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары — снова мчись за добычей»*.*

* Перевод С.Н. Иванова.

Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VIII в., запечатленных орхонскими стелами в Монголии и Таласскими эпитафиями на Тянь-Шане. «Я постоянно ходил походами на ближних и на дальних!» — повествует эпитафия Бег-чора, одного из таласских князей 30-х годов VIII в. Структура древнетюркской общины веками складывалась и приспосабливалась к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз *{тюрк кара камаг бодун}*, состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль—имперскую структуру. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е 45, стк. 4). Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т. е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («Слушайте хорошенько мою речь!» — требует Бильге-каган, КТм 2), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих» им два сословия — знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуются: *кур-капыны*, т. е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк. 12). В надписях второго Тюркского каганата — равноценный стереотип обращения; беги и народ (*тюрк беглер бодун*) «тюркские беги и народ». Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнеуйгурских памятников середины VIII в.: *атлыг*, «именитые», и *игиш кара бодун*, «простой народ».

В памятниках отчетливо проявляется двухступенчатый характер социальных оппозиций внутри

регистрируемой текстами структуры «каган—беги—народ».

Фиксируемые в надписи ситуации выявляют различия поведения и интересов бегов и народа. Так, в Онгинской надписи рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя (Оа 1). Уйгурский каган Элетмиш Бильге, противопоставляя интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывает отколовшиеся племена вновь подчиниться (МШУ 19). В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов (БК, Хб 13). Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохраненном Махмудом Кашгарским (МК 1, 466):

Опора земли — гора,

Опора народа — бег!

Сама суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии — завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (Е 10, стк. 7).

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевывать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях Тюркского эля, требует раскаяния в прошлых поступках и постоянной верности кагану (КТм 10—11, КТб 6—7). В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ», «провинившийся» перед каганом (Т 1—4), но контекст явно указывает, что беги не отделяются здесь от народа (КТб 6—7, 22—24). Призыв к покорности кагану бегов и народа, призыв к совместному противостоянию враждебному окружению выражен орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе позиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, составлявших общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного иноземного историографа о возвышении и гибели тюркского кагана Сулу (Сулука):

«В начале (своего правления. — С. К.) Сулу хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу свою он отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он стал скардным, почему

награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него... Мо-хэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его».

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли верхушку своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывали идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (правил в 553—572 гг.) сказано, что он «хорошо вскормил народ» (Б 11 4). Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью» (КТм 9—10, КТб 26—27, БК 33, 38, БК Ха 10, БК Хб 11—12). Бильге Тоньюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бы бездельником, что за горе бы у него [народа] было!» (Т 57).

Единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны,

принадлежало бы аристократам по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани. Свое социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем ее членам общего наименования *эр*, «муж-воин».

«Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *эр аты*, «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» (Терхин, 7) термином *эр* обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но «мужем-воином» стал, по исполнению десяти лет, и сын Эльтериш-кагана, Кюль-тегин (КТб 30, 31).

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги ее героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ 18). Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) «Ырг битиг» («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина (*алп эр оглы*) пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным, со славой [мужа], достойного зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» (притча X). Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша (огул) «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута»: сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, но «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идет не об отсутствии имени вообще — мальчика звали Басам, а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов: вместе с беками «пришел мой дед Коркут; дал юноше имя: ты зовешь своего сына Басамом [теперь] пусть его имя будет Байси-Бейрек, владелец серого жеребца!»

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии

каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего «мужем-воином», т. е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем Тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эля определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эля в обществе определял его титул, сан, являющийся частью его «мужского имени» и неотделимый, а часто и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Яркий пример наследования титула и положения содержит надпись из Ихе Хушоту, где рассказана судьба сразу трех поколений Ку-ли-чоров, наследственных вождей и «бегов народа» тардушей. Именно титул указывал место эля в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Монголии и на Енисее, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родовую тамгу с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя надписи в счете поколений. Вот пример сравнительно полной по указаниям на положение в эле надписи (памятник с Уюк-Тарлака, Е 1) (1) *С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ — о, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.* (2) *Мое имя Эль-Тоган-тутук. Я был правителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.*

Для положения и престижа эля немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (*эб керегю*) и постройки (*барк*), но прежде всего собственности на скот, проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!» — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире,

который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. (Е 47, стк. 5). Другой кыргызский бег упоминает шесть тысяч своих коней (Е 3, стк. 5), т. е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом он владел более чем двадцатью тысячами голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием — «Да будет у тебя скот в твоих загонах!» (ЫБ, X VII).

Богатым (*бай, байбар, йылыг*) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (*чыгай, йок чыгай*). Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи» — «жалкий, ничтожный, низкий народ» (*ябыз яблак бодун*) (КТб 26). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывал свое богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел [походом] на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл [себе] в [китайском] государстве золото, серебро, одnogорбых верблюдов, людей (вар.: жен)!» (Е 11, стк. 9).

Как бы перекликаясь с древними текстами, впечатляющий образ добычливого «мужа-воина» рисует Юсуф Баласагунский:

*Ухваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилие зерна не скудеет,
Пока муж с оружием, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времен!**

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, на строительстве которых работали сотни людей и для украшения которых приглашали иноземных мастеров, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином, в полном вооружении, лежал его боевой конь под седлом. Но в погребениях беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы в Монгун-Тайге, где раскопано несколько из множества тюркских курганов VI—IX вв., два захоронения привлекают особое внимание. Одно из них — захоронение богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду, с конем, в одежде из дорогих китайских шелков.

* Перевод С.Н. Иванова.

Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом *агы*, «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии (Е 26). Десять золотых бляшек, украшающих конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был погребен 30—35-летний мужчина, главным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпругенный баран.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгари: «Эр стал на колени перед бегом» [Махмуд Кашгарский, Т. 2. С. 21]. Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь — люди, ходившие с ним в набег и поход, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгари называет каждого из них *кулсыг эр* «эр, подобный рабу» [Махмуд Кашгарский, Т. 3. С. 128].

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сохранить богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгари сохранил поговорку-двустийшие, бытовавшее в древнетюркской среде [Махмуд Кашгарский, Т. 1, с. 362]:

У кого приумножается имущество, тому и подобает быть бегом.

Оставшись без богатства, бег страдает из-за отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезговавший подаванием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым людом», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, — полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были

бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Семантический разбор терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Монголии и Енисея несвободный мужчина (*кул*) и несвободная женщина (*кюн*), выявляются при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти термины употреблены. Наиболее обычной из подобных ситуаций был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полона обычны для рунических памятников. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми, насильственно увезенными с мест их обитания, вырванными из их племенной (этнической) среды, лишенными своего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе неизбежно весьма неполна из-за отсутствия указаний на формы использования невольников. За пределами внимания исследователей еще остается тот немаловажный факт, что тексты фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племен, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства, которое является разновидностью патриархального рабства.

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает трудовой вклад мужчин.

Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых Чингизидов Иоанн де Плано Карпини:

«Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки,

сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры».

Сведения Иоанна де Плано Карпини подтверждают и дополняют Вильгельм де Рубрук и Марко Поло, о том же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов «дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивом одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины». Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе овец и коз.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и в не меньшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль. Поэтому и в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата, и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительной рабочей силой свое семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин действительно диктовалось прежде всего соображениями безопасности. Концентрация рабов, т. е. недавних воинов враждебных племен, в аилах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени — все это было невозможно из-за простого самосохранения. Концентрация невольниц, часть которых становились женами и наложницами своих хозяев, не представляла для них опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин. Ведь, согласно Ясе Чингиз-хана, во время походов женщины «исполняли труды и обязанности мужчин».

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и

монгольской эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные «городки», труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто. Часть захваченных пленников тюрки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное хозяйство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило в основном за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников или, в еще большей степени, невольниц. Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели тюрки.

Как очевидно из изложенного, сложившееся в степной зоне Центральной Азии общество обладало высоким потенциалом горизонтальной социальной мобильности, принимавшей зачастую форму инвазии и сопровождавшейся по мере осуществления сегментацией первоначальных социальных ячеек. Основными факторами горизонтальной мобильности были в этих условиях крайняя неустойчивость экстенсивной скотоводческой экономики и ее чрезмерная специализация, лишавшие кочевое общество возможности полного самообеспечения. Следует, конечно, оговорить экологическую обусловленность такого рода специализации.

Определяя формы вертикальной социальной мобильности, описываемое общество возможно с некоторыми оговорками отнести к социально открытым, чему, казалось бы, противоречит его строго иерархизованный характер. Однако роль богатства и личной воинской доблести создавали часто реализуемые предпосылки к продвижению или деградации, с последующей дифференциацией, не нарушавшей цельности системы. Лишь на самой высшей ступени власти изменение статуса неизбежно сопровождалось насильственной сменой всей правящей родоплеменной группировки и, строго говоря, одновременным изменением всего состава привилегированного сословия.

Вместе с тем допустимые формы вертикальной мобильности не носили регулярного и узаконенного характера. Они воспринимались обыденным сознанием, но не имели оправдания в политической доктрине в высших формах идеологии, что, по всей вероятности, следует связать с общей незрелостью социально-политической структуры или, точнее говоря, с безысходной внутренней противоречивостью структуры кочевого общества.

РОДОПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БАШКИР

Башкирское общество с первых этапов его истории на Южном Урале покоилось на прочном фундаменте института патриархальных родов и племён, в котором отношения кровного родства невидимыми нитями связывали всех членов общества в единый этнополитический социум. Многоступенчатый характер родоплеменной организации, основные звенья которой составляли родовое подразделение, род и племя, обуславливался кочевым укладом жизни и был свойственен не только башкирам, но и многим кочевым и полукочевым народам Средней Азии и Казахстана [Кузеев, 1957. С. 26—29; Кузеев, 1974. С. 62—65]. Сплочённость и взаимопомощь родственников обеспечивали коллективную и личную безопасность, сохранность семейного скота и родовых пастбищ. Неприкосновенность частной и общинной собственности гарантировалась нормами обычного права, в частности, кровной мстью — карымта (*арымта*) и барымта (*барымта*), совершаемой общими усилиями родового подразделения или рода соразмерно величине нанесённого ущерба.

Устойчивость структуры родоплеменной организации башкир обеспечивалась обязательным знанием генеалогии — шежере, непререкаемым авторитетом родовых старейшин — аксакалов. Система анимистических представлений, вера в бессмертие души, прежде всего духа родового предка, в его покровительство всем членам общины придавали сакральный смысл понятию «род», подчеркивая его вечность в череде сменяющихся поколений. Именно тесное переплетение идейного и материального начал способствовало сохранению родоплеменной организации башкир на протяжении многих веков.

Многоступенчатость родоплеменной структуры башкир, соподчинённость и относительная самостоятельность её звеньев позволяли гибко регулиро-

вать хозяйственную деятельность кочевников, в частности, успешно решать вечную дилемму между постоянным ростом поголовья скота и ограниченными возможностями его выпаса на территории общинных пастбищ. В условиях перехода к полукочевому хозяйству, сопровождавшегося сокращением территории кочевий, поголовье скота должно было находиться в оптимальном соответствии с площадями пастбищ по всему маршруту весенне-летних перекочёвок вокруг зимовок. В противном случае происходила саморегуляция природно-социального равновесия за счет изменения родовой структуры, т. е. происходила сегментация рода и отделение от него самостоятельного подразделения, которое закладывало вдали от отцовского аула основы будущего стационарного поселения и осваивало новые маршруты выпаса скота на общеродовой территории. В подвижности родоплеменной структуры, особенно на уровне низших её звеньев, заключался один из устойчивых основополагающих признаков башкирского общества, позволивших ему сохранить свою целостность в условиях неоднократно менявшегося внешнего окружения.

Как уже отмечалось, в течение XIII — первой половины XVI вв. башкирам удалось сохранить свою родоплеменную организацию в основных ее чертах. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в момент присоединения к Русскому государству дипломатические миссии башкир возглавляли бии племён юрматы, мин, бурзян, усерган, кипчак, тамьян и др. Вплоть до начала XX в. в восточных и юго-восточных скотоводческих районах Башкортостана функционировала трёхзвенная родоплеменная организация. (Иногда число звеньев было больше. Так, в составе каратабынцев, восточной ветви племени табын, Р.Г. Кузеев зафиксировал пять звеньев: группу родственных семей (*тармыт, аймак*) — родовое подразделение (*аймак*) — дочер-

ний род (*түбә, аймак*) – род (*ырыу*) – племя (*ырыу, оло ырыу, ил*) [Кузеев, 1957. С. 26–29; Кузеев, 1974. С. 62–65]. В западных земледельческих районах по мере роста экономической самостоятельности индивидуальных семей родовые подразделения постепенно распадались и на их месте появлялись соседские общины, объединявшие представителей одного рода или племени, но уже по территориальному признаку.

Первые наиболее достоверные сведения о башкирских племенах и родах содержатся в документах Русского государства, касающихся административно-территориального устройства Башкортостана. Первоначально волости территориально совпадали с границами крупных племён и родов, что облегчало сбор ясака. Однако подвижность родоплеменной структуры башкир вносила путаницу в волостное управление, и это сказывалось на объеме собираемого в пользу казны налога. Поэтому царская администрация была вынуждена проводить опись, или ревизию, башкирских земель, в результате которых территория Башкортостана неоднократно перекраивалась в течение XVIII–XX вв.

В 1725–1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым был составлен список башкирских волостей, материалы для которого собирались на местах расселения башкирских родов по всем четырём дорогам с указанием количества дворов и боеспособного мужского населения. Судя по этому списку, Уфимская провинция делилась на 60 административных волостей, территориально в целом совпадавших с родоплеменным составом населения: 20 волостей на Сибирской дороге, 20 на Ногайской, 12 на Казанской и 4 волости на Осинской дороге [МИБ, 1949. С. 483–485; Кузеев, 1974. С. 49–50]. В «Реестре башкирских волостей» Уфимской провинциальной канцелярии, содержащем сведения на 1730 г., указаны 58 волостей на всех четырёх дорогах [Кузеев, 1974. С. 51–53]. Ценным источником является «Роспись» разделения территории Уфимского уезда по волостям, составленная в 1735 г. начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кириловым. Пытаясь выявить структуру не административной системы, а родоплеменной организации народа, он выделяет среди башкирских волостей «настоящие роды» (племена) и «произошедшие роды» (роды) и впервые приводит данные по 63 родам и племенам [Кузеев, 1974. С. 53–54; Руденко, 1955. С. 53]. В работе П.И. Рычкова «Топография Оренбургская» приводится наиболее полный список родоплеменных этнонимов башкир – названия 34 «настоящих родов или волостей» и 135 родовых организаций («происшедших от оных

түбә и аймаков») [Рычков, 1762. С. 94–100; Рычков, 1887. С. 65–71]. Представляют интерес и «Историко-административные сведения о башкирском народе», составленные в 1775 г. по приказанию графа П. И. Панина и содержащие данные о 49 волостях по Казанской (7), Ногайской (34), Осинской (5) и Сибирской (3) дорогам [Кузеев, 1974. С. 60].

В начале XX в. на основе данных комиссий по размежеванию башкирских земель, созданных в 1898 г. в Оренбургской, Уфимской и Пермской губерниях, С.И. Руденко составляет первую карту расселения башкирских племён и родов, в которой 124 башкирские земельные дачи (вотчинные родовые земли) объединены в 20 родовых групп [Руденко, 1916. С. 16; Руденко, 1955. С. 54–60]. Однако отсутствие собственных материалов по родоплеменному составу башкир не позволило известному ученому-этнологу в полной мере раскрыть внутреннюю структуру башкирского рода, в частности, на уровне семейно-родственных групп. Неоценимый вклад в изучение этих вопросов внёс член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев, труды которого являются образцом изучения в российской академической науке кочевых и полукочевых в прошлом народов. Использование широкого круга источников позволило Р.Г. Кузееву разработать систематизированный свод родоплеменной этнонимии башкир XVII–начала XX вв., раскрыть сущность структуры башкирского рода и показать его роль в этнической истории народа. В общей сложности им приводятся данные по этнонимии и структуре 46 племён, 128 родов и более двух тысяч родовых подразделений [Кузеев, 1957; Кузеев, 1974; Кузеев, 1978]. Хотя эти сведения относятся к более поздним эпохам, можем с уверенностью сказать, что они отражают родоплеменной состав башкир и более ранних эпох.

Основу любого общества составляет семья, которая, являясь одной из форм социально-экономической адаптации, в миниатюре отражает его внутреннюю структуру. Исследователи выделяют большие патриархальные (сложные) и малые (нуклеарные) семьи и связывают первых с кочевниками и полукочевниками, а вторые – с земледельцами. Как пережиточная форма патриархальной семьи или промежуточная между большой и малыми семьями рассматривается неразделённая семья [Руденко, 1925. С. 244–269; Руденко, 1955. С. 259–272; Кузеев, 1957. С. 114–117; Бикбулатов, 1981. С. 98–99]. Подробно вопросы развития различных форм башкирской семьи применительно к XIX в. рассмот-

рены А.З. Асфандияровым [Асфандияров, 1997. С. 102].

Эволюция башкирской семьи по мере распада родовой организации, перехода к оседлости и земледелию шла от большой патриархальной к малой индивидуальной семье, которая к XV–XVI вв. стала доминировать. В XVI–XVII вв. у башкир в зависимости от количества поколений, одновременно проживающих в одном дворе, можно выделить большие, или неразделённые, (более двух поколений) и малые, или нуклеарные, семьи, состоявшие из родителей с неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми. На основе малых семей возникали неразделённые семьи, которые в зависимости от типа хозяйства (скотоводство, земледелие) могли разрастаться и вновь распадаться на малые. Исследователи выделяют несколько типов неразделённых семей у башкир: отцовская (совместно проживали родители с женатыми детьми и внуками), братская (в одном дворе жили женатые братья со своими детьми), а также семьи, которые состояли из женатых сыновей с детьми и одного из братьев отца (дядя – племянник). Надо полагать, что в условиях полукочевого, в целом экстенсивного, хозяйства, требующего постоянного сплочения большого количества людей, наиболее оптимальной формой семьи являлась большая неразделённая. В земледельческих районах большую роль играли малые семьи.

У башкир-скотоводов Белебеевского уезда, по мнению А.З. Асфандиярова, в XIX в. чаще встречались большие семьи; это было характерно и для башкир, проживающих в Зауралье и юго-восточных районах Башкортостана. В Бугульминском и Мензелинском уездах, где более 80% башкир занимались земледелием и пастушеским скотоводством, неразделённые семьи встречались редко [Асфандияров, 1997. С. 10–21]. Та же картина наблюдалась и у башкир северо-западных районов Башкортостана. Например, у оседлых башкир-гайнинцев Осинского уезда Пермской губернии господствовала малая семья (80%). Вместе с тем необходимо отметить, что повсеместно встречались обе формы семьи и имела место тенденция преобладания неразделённых семей в степных, лесостепных районах и малых семей – в земледельческих. Однако ряд авторов, опираясь на источники периода кантонной системы управления Башкортостаном, придерживается противоположной точки зрения. Данное противоречие, видимо, объясняется тем, что в 1798–1865 гг. единицей фискального обложения являлся двор независимо от его населённости, поэтому в этот период больше встречались неразде-

лённые семьи. С отменой кантонной системы управления и переводом башкир из военно-казачьего сословия в гражданское резко увеличивается доля малых семей [Асфандияров, 1997. С. 22–27]. Как правило, родственные семьи, образующие основу родового подразделения, проживали компактными группами на одной территории, внутри одного основного аула (т п ауыл) или на выселках.

Родовые подразделения (ара, аймак) у башкир, как и у других кочевых и полукочевых тюркоязычных народов, представляют собой экзогамную группу родственных между собой семей, ведущих своё происхождение от одного реально жившего в недалёком прошлом предка по мужской линии. Это были группы семей объединённые реальным кровным, а не генеалогическим родством. В литературе такие группы семей называются семейно-родственными группами, родовыми подразделениями, мелкими родовыми подразделениями, патронимиями [Кузеев, 1974. С. 67]. Родовое подразделение, являющееся низшим звеном в родоплеменной структуре, оказалось наиболее устойчивым во времени, т.к. реально воплощало внутри себя многие особенности патриархально-родовой общины (кровное родство, идеологическое единство, взаимопомощь, коллективная собственность на землю, общность хозяйственных интересов и т. д.). Компактное проживание на одной территории (как правило, в одном ауле) одновременно четырёх-пяти поколений кровных родственников позволяло сохранять и регенерировать многие патриархально-родовые институты вплоть до конца XIX–начала XX вв., особенно в районах полукочевого скотоводства. Подчёркивая близость своего родства, члены родового подразделения употребляли в отношении себя выражение «дети одного отца» (*«бер ата балалары»*), «один корень» (*«бер тамыр»*, *«бер зат»*) и сохраняли основную родовую тамгу [Кузеев, 1957. С. 92]. В состав таких групп могли входить 10–20 семей общей численностью 40–80 человек. Однако некоторые семейно-родственные группы, особенно в скотоводческих районах, включали 30–50 семей [Кузеев, 1957. С. 94]. В условиях скотоводческого хозяйства, требующего коллективных усилий при уходе за скотом, пастьбе и т. д., это было оправданно экономически.

В северных и северо-западных земледельческих районах, где получает развитие индивидуальная форма ведения хозяйства, большую роль начинают играть небольшие группы семей, а то и отдельные семьи. В этих районах родовое подразделение постепенно теряет свое экономическое содержание, образуются общины, в которых происходит размы-

вание кровнородственных связей, и они приобретают форму территориальной, или соседской, общины. Те же процессы наблюдаются в районах, где основу хозяйства составляли лесные промыслы, требующие усилий не всего родового подразделения, а отдельно взятых семей (рубка и сплав леса, изготовление изделий из дерева, выделка мочала, сидка дегтя т. п.). Таким образом родоплеменная структура северо-западных и западных башкир была представлена только двумя крупными звеньями — племя и род, родовое подразделение теряет своё значение в общей структуре родоплеменной организации.

Родовое подразделение обозначается у северо-восточных башкир словом «аймак», у юго-восточных — «ара». Согласно Р.Г. Кузееву, ара объединяла до 20 и более родственных семей, и этим словом никогда не обозначали индивидуальную семью. В северо-западных районах употребляются оба термина, что может рассматриваться как доказательство слабой очерченности родового подразделения как самостоятельного звена и потери им функциональной значимости в родоплеменной структуре башкирского общества. Обозначение на западе родового подразделения терминами «насель», «током», «быуын» и др., имеющими более позднее происхождение, видимо, также связано с распадом родового подразделения как единой организации, объединённой общностью хозяйственных интересов, и с сужением круга родственных связей и самих родственников [Кузеев, 1957. С. 92].

Семьи родственных групп всегда (и во время кочёвок, и на зимовьях) селились рядом. По мнению Ф.Г. Хисамитдиновой, стационарные поселения (аулы) в восточном Башкортостане начинают появляться в XII — XV вв. [Хисамитдинова, 1991. С. 119—120]. А.П. Чулошников указывает, что у башкир «не позднее конца XVII в. появляются более прочные поселения... аулы в среднем около 30 дворов», включающие одно или два родовых подразделения [Кузеев, 1957. С. 99]. В дальнейшем башкирские аулы состояли из пяти-шести родовых подразделений, которые селились компактно, образуя «концы» (*ос*). Аулы не разрастались, т. к. это вызвало трудности с выпасом скота, поэтому с увеличением числа жителей образовывались выселки, куда переселялись семьи одного или нескольких родовых подразделений. В большинстве случаев аулы носили патронимические названия, т. е. имена основателей деревень, в основном старших по возрасту.

Воспроизводство населения приводило к сегментации разросшегося родового подразделения и

выделению из него новых самостоятельных аймаков (ара), которые, в свою очередь, также дробились через три-четыре поколения. Как показано Р.Г. Кузеевым на примере аймаков миркиминского рода (д. Мурадымово) [Кузеев, 1957. С. 98], обособление и выделение новых родовых подразделений из основного аймака было достаточно длительным процессом и охватывало три-четыре поколения (примерно 75—100 лет, учитывая, что средний возраст поколения составляет 25 лет). Ядром будущего аймака, называемого «тармыт», могла быть реальная личность, вокруг которой объединялись кровные родственники в пределах трёх-четырёх поколений (прадед—правнук). От этой личности обычно получали этноним (или название аула) и начинали своё шеежере члены отпочковавшегося родового подразделения. Так, в составе рода аю племени усерган известны родовые подразделения утяган, юныс, нагман; в составе рода монаш племени бурзян — аргынбай, абсалям. Происхождение некоторых названий семейно-родственных групп связано с народами, появившимися в крае после присоединения башкир к Русскому государству (мишарями, татарами, черемисами, чувашами) или осевшими на территории башкирских родов в XVI—XVIII вв. (калмаками, казахами, киргизами, таджиками, туркменами и др.).

У башкир зафиксированы также родовые подразделения, названия которых происходят от животных и птиц, в т. ч. тотемных. Например, у усерган зарегистрированы родовые подразделения айыу (медведь), куян (заяц), мышы (лось); у бурзян — бесэй (кошка), куян (заяц); у табын — боркот (беркут), йомран (суслик) и т. д. [Кузеев, 1957. С. 99]. У тамьян в род кубеляк (бабочка) входили кэзэлэр (козы), угезлар (быки), колон (жеребёнок), бесэй (кошка). Были этнонимы, отражающие хозяйственную деятельность — балыксылар (рыбаки); прозвища урзаклар (утка; утиная походка), тукмактар (горячие) [Юсупов, 1998].

Кроме этнонима, у каждого родового подразделения была тамга, повторяющая в своих очертаниях основную родовую тамгу. В процессе сегментации родового подразделения его тамга сохраняла основу, ее лишь немного видоизменяли. Были и семейные тамги, которые, впрочем, не сильно отличались от тамги родового подразделения.

С древнейших времён внутри родового подразделения существовала родовая экзогамия, но особенно строго соблюдался запрет на заключение браков внутри семейно-родственной группы в пределах нескольких поколений по отцовской линии (до четвёртого поколения): между двоюродными и трою-

родными братьями и сестрами. Брак между потомками пятого и более поколений не ограничивался, т.к. они уже не считались кровными родственниками. Это подтверждается и терминологически: прапраправнук обозначается термином «тыуа-ят» (*ят* — посторонний, чужой), т.е. от пятого поколения уже рождаются «чужие». Экзогамия семейно-родственных групп, характерная в прошлом для многих кочевых и полукочевых народов, являлась не столько препятствием к кровосмешению, сколько фактором, способствующим разрастанию и усилению рода за счёт заключения браков и установления родства между различными по происхождению родовыми подразделениями и родами. В этом плане заслуживает внимание замечание туркменского этнографа А. Джикиева, что слово «калин» (невеста) переводится с древнетюркского как «чужая», «пришлая», «взятая со стороны» молодая женщина [Джикиев, 1991. С. 40].

Кровное родство по отцовской линии обычно подтверждалось в шежере или в генеалогических преданиях семейно-родственных групп, включающих до десяти и более поколений. В отличие от родовых генеалогий, у семейно-родственных групп шежере всегда начиналось с реально жившего предка, т. е. не легендарного, а конкретного лица.

Члены родового подразделения обычно знали всех жителей своего аула, принимали участие в важных для каждой семьи событиях: рождение ребёнка, свадьба (коллективно покрывали расходы, помогали малоимущим в выплате калыма) и т. д. Традиции коллективной взаимопомощи сородичей проявлялись также при заготовке кормов, строительстве, во время стихийных бедствий и т.п.. В случае смерти сородича усилиями всех членов аймака устраивались поминки. На кладбищах у каждого родового подразделения были свои отдельные участки. Могилы сородичей отмечались тамгами аймака.

Одним из пережитков патриархально-родовых традиций у башкир был совместный выход всех членов аймака на кочёвки. Каждое родовое подразделение кочевало строго по своим маршрутам, которые обсуждались старейшинами аула, но в конечном итоге устанавливались предводителями родов (*биями*). Традиции групповой кочёвки сохранялись даже в условиях имущественной и социальной дифференциации башкирского общества, начавшейся ещё задолго до монгольских походов и особенно чётко проявившейся в XVII в. на уровне родовых подразделений. Основная масса семейно-родственных групп продолжала кочевать вместе. Бедняки, не имеющие скота, нанимались к богатым сородичам пастухами или же брали часть его табуна на выпас в

весенне-летний период с условием возврата осенью табуна и части приплода хозяину. Такой вид найма назывался «саун». Саунщикам разрешалось летом пользоваться продуктами животноводства, а осенью получить за работу часть приплода. У некоторых баев саунщиками могли быть не только сородичи, но и выходцы из других родов, племён, пришлых народов (казахов, калмыков, татар и др.). У башкир были и пастбищно-кочевые группы, в которые входили малоимущие представители одного аула, но из разных родовых подразделений [Кузеев, 1957. С. 168—169]. По мере углубления имущественной дифференциации эти группы становятся основной кочевой единицей аула.

Род у башкир обозначается словами «тюба» (*түбә*) или «аймак» (*аймак*). Юго-восточные и южные башкиры (усерганы, бурзяне, тангауры, кыпсаки и др.) чаще используют слово «тюба», северо-восточные (катайцы, табынцы, кудейцы, айлинцы и др.) — слово «аймак» [Кузеев, 1957. С. 33; Кузеев, 1974. С. 72]. Как известно, в этнической истории северо-восточных башкир в XIII—XIV вв. немалую роль сыграли тюрко-монгольские племена, а еще ранее, в IX—XII вв., — кимако-кипчакские племена. Судя по источникам, башкирское племя салют восходит своими корнями к монгольскому племени салджиут. По сравнению с другими группами башкир у северо-восточных фиксируются и наибольшая среди других групп монголоидная примесь в антропологическом типе. Если взять во внимание эти обстоятельства, то становится понятным обозначение рода на юго-востоке и юге Башкортостана монгольским по происхождению словом «аймак». На связь юго-восточных башкир с печенежско-огузскими и другими тюркоязычными племенами Средней Азии указывает употребление слова «тюба». Например, у туркмен род определяется словом «тупе», при этом различают «улу тупе» (большой род) и «киче тупе» (малый род) [Джикиев, 1991. С. 307]. Характерно, что среди юго-восточных башкир горно-лесных районов, как и минцев, используется термин «тупе» вместо общераспространенного «тюба».

Башкирский род объединял несколько родовых подразделений, компактно расселившихся в отдельных аулах или на отдельных его улицах и концах. В зависимости от величины и силы рода число входивших в него аулов колебалось от пяти до нескольких десятков. Основной аул, от которого отделялись выселки (*утары*), назывался «коренной аул» (*тәп ауыл*) и нередко носил имя основателя рода. С XVI в. на территории рода расселялись не только кровно-

родственные семейные группы, но также и родовые подразделения других, не родственных родов и даже групп иного этнического происхождения. На это указывает, в частности, наличие в составе бурзянских и катаянских родов подразделений калмак, мишар, туркмен и др.

Структура и границы рода были неустойчивы из-за постоянной его сегментации и выделения новых родовых подразделений, а также разрастания отдельных родовых подразделений до размеров рода. Видимо, с этим связано то, что и род, и родовое подразделение обозначались одними и теми же словами «аймак» и «тюба».

Единство основной массы членов рода определялось больше генеалогическим родством, нежели кровным. В родовых шежере нередко отражаются исторические события 500–600-летней давности, содержатся имена предков по мужской линии, насчитывающие от 10 до 30 и более поколений. Примечательно, что у рода, в отличие от родового подразделения, основателем могла быть нереальная, мифологическая личность.

Родовая этнонимия башкир многокомпонентна. Этимологически названия многих родов восходят к началу II тыс. н.э. Часть этнонимов возникла позднее, в XIII–XVI вв., т. е. в период Золотой Орды и политических образований, возникших после её распада. Р.Г. Кузеев в своих исследованиях приводит несколько групп родовых этнонимов, различных по своему происхождению [Кузеев, 1974. С. 80–81]:

– этнонимы, в которых отразились следы домусльманских верований башкир, культ птицы и животных. Например, роды медведь (*айыу*), волк (*буре*) у усерган, ворона (*карга*) у катаянцев, род змеи (*йылан*) у куваканцев и еланцев, род карагай-кыпсак (*карагай-кыпсак*) у кыпсаков;

– этнонимы, произошедшие от имени основателя рода, подтверждаемого данными родовых шежере (патронимические). Так, у юрматынцев известны роды татигас, азнай, ильсек-тимер и др.;

– этнонимы, возникшие в результате многовекового этнокультурного взаимодействия башкир с другими народами. К примеру, у юрматынцев зафиксированы роды ногай-юрматы, мишар-юрматы, у кудейцев – туркмен-кудей, у минцев – ногай-мин, мирки-мин;

– этнонимы топографического характера, отражающие особенности рельефа в местах расселения того или иного рода: ялан-катаянцы (*ялан-катай*), инзер-катаянцы (*инйэр-катай*), урман-кудейцы (*урман-көзэй*) и др.;

– этнонимы, в которых как компонент содержится название цвета: кара-табын, кызылбаш, ак-кыпсак. Существует мнение, что цвета в прошлом символизировали стороны света: север – чёрный (*кара*), юг – красный (*кызыл*), запад – жёлтый, белый (*һары, ак*), восток – голубой (*күк*). Однако эта группа этнонимов могла нести и другую смысловую нагрузку. Например, компонент «кара» в этнониме кара-кыпсак мог отражать не только цвет, но и указывать на древность рода, т. к. слово «кары» с древнетюркского переводится как «старый, древний». «Күк» можно перевести не только как голубой, но и «небесный, божественный»;

– этнонимы, указывающие на особенности в хозяйственной деятельности представителей конкретной родовой общины: рыболовы (*балыксылар*), охотники (*һунарсылар*) и т. д. Следует отметить, что такие этнонимы больше распространены не на уровне рода, а родовых подразделений.

Наиболее значимой структурной единицей башкирского общества является племя, возглавляемое родоплеменным вождём — бием. Юго-восточные башкиры обозначают племя словом «ырыу» (*ырыу*) или «улкян ырыу» (*Өлкән ырыу*), северо-восточные — «иль». В XVII в. по мере распада племён и племенных союзов происходило сужение понятий «ырыу» и «иль», и они могли обозначать отдельные роды и даже родовые подразделения. Следует отметить, что термин «иль» употребляли также туркмены, обозначая этим словом крупные племена, оформившиеся в самостоятельные этнические общности или народности (*халык*) и состоящие из нескольких более мелких племён (понятие племя чаще всего передавалось словом «урут»). В этом же значении оно употреблялось у казахов, киргизов, каракалпаков и других тюркоязычных народов, что говорит о значимости и устойчивости терминологии на уровне племенной организации в среде кочевых и полукочевых народов.

В южных и юго-восточных районах Башкортостана с древности расселялись племена бурзян, усерган, тангаур, юрматы, кыпсак, тамьян. Юго-западный Башкортостан, бассейн р. Дёма, был населён минскими родоплеменными группами. На северо-востоке Башкортостана издревле поселились крупные племена табын, катаян, ай, кудей, сальют. Северо-западные районы Башкортостана входили в зону расселения таких племён, как гайна, уран, иректе, тазлар, уваныш. Долина нижнего течения р. Белая была заселена племенами гирей, киргиз, канлы, дуваней, елан, ельдяк, каршин, киргиз.

Занимавшие огромные территории (один или несколько современных районов) башкирские пле-

мена были неоднородны по своему составу. Они могли включать различные по происхождению роды, число которых доходило до десятка и более. Например, северо-восточное племя табын состояло из 13 родов, между которыми уже не существовало родственных связей (по своему происхождению они были связаны косвенно). Племя тангаур, наоборот, было более однородным и состояло из двух родов. Племена сальют, упей, кошсы, дуван, мурзалар и другие не имели родового деления [Кузеев, 1978. С. 290—293]. Таким образом, можно сказать, что большинство башкирских племён (ай, бурзян, катый, кыпсак, табын, усерган и др.) уже в домонгольское время представляли собой союз различных по составу и происхождению родов, объединённых не столько родством, сколько владением общими землями и символами родоплеменной принадлежности.

Территория племени, как и других звеньев родоплеменной структуры, считалась нерушимой и очерчивалась чаще всего географическими объектами: руслами рек и речушек, горными хребтами, лесами, отдельными скалами и др. Кроме того, границы отмечались межевными столбами, деревьями, на которых выбивались родовые тамги. Земля считалась коллективной собственностью всего племени, в то время как скот находился в частной собственности отдельных семей. Частная собственность на скот порождала имущественное неравенство между общинниками, из среды которых выдвигались главы отдельных семей, обладающих большим количеством скота, влиянием на сородичей. Они и становились впоследствии представителями родовой аристократии.

Земля (территории кочевий, пастбища, бортные, лесные и другие угодья) внутри племени распределялась между отдельными родами, внутри рода — отдельными родовыми подразделениями. В распределении земель, маршрутов кочёвок на весенних, летних, осенних пастбищах основную роль играла родоплеменная аристократия башкирские ханы, бии, тарханы, бай и др. Не являясь юридически хозяевами общинных земель, они фактически владели правом их распределения и забирали себе лучшие пастбища, угодья и водные источники. Кроме общинных земель, у башкир были и свои индивидуальные участки, на которых располагались бортные угодья, бобровые гоны, участки для сенокосения и занятий земледелием. Такие участки назывались вначале «повытьем», а затем «вотчиной». Таким образом, внутри общинных вотчинных

земель были и индивидуальные «вотчины» отдельных семей. Право отвода этих земель принадлежало биям, тарханам и волостным старшинам [Кузеев, 1957. С. 144—151].

В источниках, прежде всего в фольклорных памятниках, сохранились сведения о существовании у башкир союзов племён, возглавляемых ханами. Так, в эпосе «Кусяк-бий», описывающем жизнь горно-лесных башкир IX—XII вв., есть указания на союз племен во главе с Масим-ханом, в который входили племена тангаур, бурзян, тамьян и др. [БНТ, 1987. Т. 1. С. 464—491]. В литературе можно встретить утверждения о том, что ещё до монгольских походов на юге Башкортостана семь крупных башкирских племен объединились в один союз, вошедший в историю под названием «союз семи племён» или «семиродцы» (*ете ырыу*). В шежере башкир племени усерган говорится, что предводитель племени Муйтен-бий, сын Токсобы, получил от Чингисхана ярлык на вечное владение огромной территорией, которая включала земли нескольких крупных башкирских племён [Хөсәйенов, 1985. С. 54—60]. О существовании в прошлом крупных межплеменных союзов свидетельствуют диалектные различия в языке современных башкир, территориальные особенности в материальной культуре. На это указывает и процесс присоединения к Русскому государству, который происходил поэтапно: своих послов направляли отдельные группы племён, которые совпадают с этнографическими группами башкир.

Количество племён в союзах могло быть разным, доходить до десяти и более. Складывавшиеся обычно в периоды межплеменных конфликтов, набегов со стороны соседей, союзы племён, объединённые по территориальному принципу, сыграли важную роль в истории башкирского народа. Однако эти союзы были непрочными, межплеменные конфликты приводили их к быстрому распаду. Кроме того, золотоордынские ханы, а затем правители Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды, в состав которых входила территория Башкортостана, жестоко подавляли любые попытки политической консолидации башкирских племён.

Важную роль в жизни родоплеменных объединений играла родовая символика — тамга, птица, дерево, боевой клич — уран (*оран*), которые возникли в недрах родового строя и символизировали единство рода и племени. К сожалению, по мере распада родовой организации многие атрибуты оказались утраченными.

В настоящее время известно огромное количество башкирских тамг (по Р.Г. Кузееву, более 3,5 тыс.) [Кузеев, 1974. С. 86]. В работе Р.Б. Ахмерова приводится подборка и анализ различных тамг, высеченных на скалах и камнях по берегам р. Белая, озёр Аслыкуль и Кандрыкуль, на каменных плитах в д. Ташлы Альшеевского района («Килен-таш») и д. Старо-Калмашево Чекамагушевского района («Тамга-таш») и др. [Ахмеров, 1994. С. 113]. При всём их многообразии родовые тамги были устойчивы и, передаваясь из поколения в поколение, сохраняли начертание древней основы. Поэтому число основных тамг, учитывая их вариации по родам и родовым подразделениям, можно свести до нескольких десятков соответственно числу крупных племён и родов. Происхождение тамг до сих пор до конца не выяснено. Многие считают, что они выражают родовую принадлежность и закрепляют право на любую частную собственность его носителя.

В легендах и преданиях нередко приводятся сведения о том, что тамги башкирским родам и племенам были розданы Чингисханом. Скорее всего, они были лишь уточнены и переписаны монгольскими сборщиками налогов — даругами и баскаками. В условиях кочевого скотоводства тамги, видимо, возникли гораздо раньше. Так, одно из древнейших письменных упоминаний о тюркских тамгах относится к V в. [Кудайберды-улы, 1990. С. 20]. О практике клеймения скота ещё в огузо-печенежское время говорится в сказании Рашид ад-Дина «Огуз-наме»: «Каждому из 24 внуков Огуза во избежание споров и разногласий Иркил Ходжа определил его ранг, занятие, прозвище. Каждому из них он раздал тамгу для клеймения скота, чтобы можно было различать, кому какие животные принадлежат» [Рашид-ад-Дин, 1987. С. 63—64].

Средневековые башкиры были тесно связаны с огузо-печенежским миром, поэтому вполне возможно допустить существование у них родовых тамг. В пользу такого предположения говорят и выводы А.И. Левшина, который, опираясь на «Жеты Жаргы» («Семь установлений») хана Тауке, пишет, что по законам степи все казахские племена, роды и поколения и всякий могущий носить оружие должны были иметь свою тамгу с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество для различения, что кому принадлежит» [Левшин, 1996. С. 370—371]. Н.В. Бикбулатов отмечал, что у башкир согласно обычаю минората, дом отца, усадьба и его тамга переходили после его смерти к младшему сыну [Бикбулатов, 1981. С. 93]. Р.Г. Кузеев приводит сведения о том, что ещё в XVII в. родоплеменная территория у башкир отмечалась межевными столба-

ми, на которых выжигались тамги или вдоль её границ закапывались угли и бревна с вырезанными на них тамгами [Кузеев, 1957. С. 74—77].

Касаясь вопроса о происхождении тамг, необходимо подчеркнуть, что их истоки уходят в глубокую древность. Об этом говорят геометрические изображения на стенах Каповой, Мурадымовской и других пещер на Южном Урале, тамгообразные знаки на керамике и других археологических находках эпохи бронзы и раннего железа. Видимо, изначально тамги имели отношение не к частной собственности, а вообще к конкретному родовому сообществу, в стилизованной, знаковой форме отражая его этноним. В тамге была заложена скрытая для чужеродцев информация о происхождении рода, его тотеме. В этом плане в глазах сородичей тамга имела сакральное, магическое значение. Изучение во время полевых экспедиций учеными ИИЯЛ тамг на каменных плитах, установленных на могилах XIX в., показывает, что территории кладбищ обычно были разделены между отдельными родовыми подразделениями.

Первые собиратели и исследователи башкирских тамг Н.А. Аристов и Д.Н. Соколов предполагали, что тамги являлись изображением родовых богов или духов-покровителей и лишь позднее, в связи со сменой мировоззрения, стали знаками родовой или семейной собственности [Соколов, 1904]. На прямую связь формы тамги с родовым этнонимом и его тотемом указывает С.М. Ахинжанов в исследованиях, посвященных кимакам и кипчакам. Как известно, змея и дракон были тотемами кимаков — «народа змей» в период их политического господства в степях Казахстана в IX—X вв. В китайских источниках VIII в. тамга кимаков (народа каи) изображена в виде змеи. Настоящее название племени или рода было табуировано. Оно являлось тотемическим символом, имело магическое значение, и сородичи верили, что иноплеменники через этноним рода могли причинить вред всему роду. Именно поэтому, полагает С.М. Ахинжанов, в тюркоязычной среде кимаки называли себя «уран», а не «джилан» (змея), т.е. замаскировывали этноним и передавали его смысл через другое слово, образованное от слова «извивается» (*уралыу*) [Ахинжанов, 1989. С. 117—118, 134, 180].

Тамга, являясь по своей сути эквивалентным символом тотемного животного, могла быть своеобразным геральдическим знаком, который присутствовал на знамёнах. Голова волка, как известно, была на знамени предводителя древних тюркских кочевников Ашина: свирепый оскал тотемного животного на знамени рода должен был внушать

страх противникам и обеспечивать успех в военных походах.

Тамга выполняла и оберегательные функции. Её наносили на наиболее значимые в кочевой и полукочевой жизни предметы: вооружение, животных (например, на боевых коней или вожakov стада и табунов) и др. Этим гарантировалось благополучие и сохранность через магическое влияние тотемного знака. Не исключено, что в доисламский период символ тотемного животного в качестве личного оберега мог быть представлен и в различных татуировках, среди которых присутствовала и родовая тамга. По мере укрепления частной собственности и расслоения общества, а также с проникновением ислама тамги теряют первоначальные функции и становятся знаками частной собственности. Появляются личные и семейные тамги. Они ещё сохраняют в своей основе первоначальную родовую тамгу, семантику которой многие уже не помнили.

Таким образом, тамги в жизни скотоводов в бесписьменный период играли важную роль. Ими клеймили скот, отмечали территорию пастбищ, бортовых угодий и сами борти, тамга заменяла подпись владельца и т. д. Родовые знаки башкир отражали родоплеменную структуру и принадлежность на правах собственника к одному из её звеньев.

В отличие от тамг функциональное значение родовых деревьев и птиц было несколько иным. В них отразились отголоски анимистических воззрений башкир. В памяти народа ещё сохранились названия некоторых священных птиц — онгонов и деревьев племён и крупных родов [Кузеев, 1957]. Можно заметить, что большинство родовых птиц относится к соколиным (беркут, ястреб, кречет и др.), а деревьев — к хвойным породам (сосна, лиственница). Кроме того, птицы и родовые деревья фиксируются у наиболее древних по происхождению башкирских племён, таких, как бурзян, усерган, тангаур, мин, кыпсак, табын, канлы, которые осели на Южном Урале ещё в конце I тыс. н.э.

Ахмед ибн-Фадлан, во время путешествия из Багдада в Волжскую Булгарию побывавший в 922 г. у башкир, писал, что башкиры-тюрки поклоняются различным змеям, птицам и другим тотемным животным, у них развит культ предков. Путешественник отмечал почитание и поклонение одной группы башкир (возможно, предков усерган) журавлям, которые, якобы, в одной из битв своими криками обратили в бегство их врагов [Ковалевский, 1956. С. 130—131]. Здесь налицо почитание журавлей как тотемных птиц, которые впоследствии стали священными птицами племен усерган. Мотив

поклонения птицам явствует и в сюжете ряда произведений устного народного творчества башкир. Так, в предании «Воронёнок» («*Балакарга*») говорится, что в одном из набегов казахи похитили беременную жену башкирского батыра. Батыр пошёл в кочевья казахов и выкрал свою жену. На обратном пути у них рождается сын, которого, чтобы спастись от погони, оставляют в вороньем гнезде. Спустя время они вернулись к этому гнезду: сидит их дитя на ветке и ручонками тянется к летающим воронам. Стали забирать ребёнка, а вороны не хотят его отдавать, кружат над ними и пронзительно кричат. Ребёнка назвали Балакарга, а в благодарность воронам сложили песню «Балакарга», повествующую об этой истории [БНТ, 1987. Т. 1, 2].

Тотемистические представления башкир нашли отражение и в сюжете легенды «Журавлиная песнь», записанной ещё в 1910 г. кураистом К. Дияровым в Баймакском районе. По легенде, молодой батыр, услышав однажды прекрасную звенящую мелодию, пошёл на её звуки и увидел на поляне стаю серых журавлей, круживших вокруг журавушки, которая, взмахивая крыльями, задавала ритм их курлыканию. Батыр запомнил мелодию и повторил журавлиную песню на курае. Аксакалы, узнав историю возникновения мелодии, сказали: «Это песня журавлей, там, где они её играют, быть большому сражению, в котором много людей погибнет. Будет побоище, нагрянет на страну бедствие». Тогда батыр бросил клич, собрал войско. Спустя время на земли его рода действительно напали чужеземцы, но предупрежденные журавлями башкиры сумели отбить врагов [Там же].

Материалы исторических преданий позволяют предположить, что у башкир в основе почитания родовых деревьев и птиц лежит культ предков. Считалось, что душа человека после его смерти перемещается в высокое дерево, через которое в образе птицы достигает верхнего мира. Не исключено, что родовая птица воспринималась как живое воплощение духа предка, а родовое дерево — его временным вместилищем. Видимо, не зря в качестве родовых чаще всего избирались деревья хвойных пород, которые достигали огромной высоты и отличались долголетием. Величие и мощь дальних предков соответствовали онгону в образе птиц хищных пород. Считалось, что убийство священной птицы и порубка родовых деревьев, особенно на кладбищах, могли навлечь несчастье на весь род или племя, т. к. это было равносильно убийству духа предков.

В средневековых памятниках монгольского народа («Тайная история монголов», «Золотое ска-

вание» и др.) содержатся ценные сведения, подтверждающие вышесказанное. В «Золотом сказании» («Алтан тобчи»), например, прямо указывается, что у каждого человека существует свой тенгри, или дух-хранитель. (У монголов тенгри воспринимался в двух ипостасях. Во-первых, тенгри означало божество, божественное небо; во-вторых под этим понятием подразумевались духи, населяющие небо — небожители, покровительствующие и охраняющие каждого человека и всё живое в природе) [Лубсан Данзан, 1973. С. 301]. А вот описание смерти великого Темучина: «На 66 году жизни... в 12 год правления, в год красной свиньи [1227 г.] в 12 день 7 месяца он [Чингисхан] стал Тэнгри, т. е. небожителем в форме духа. По этому поводу после смерти... Чингисхана суннитский багатур Кулугэтей произнёс так называемую похвалу: «Обернувшись крылом парящего ястреба, ты отлетел, государь мой. Обернувшись крылом хватающего добычу ястреба, ты отлетел, государь мой!» [Там же. С. 240].

Представление о душах умерших в виде птиц было весьма распространённым как в древних, так и современных традициях многих народов. В качестве символа души птица выступает у алтайцев, угров, эвенков и др. В башкирском фольклоре описываются случаи превращения людей в птиц или их тесном общении. Свободно парящая в небе птица, соединяющая верхний мир (небо) с нижним (земля), неизменно вызывала преклонение и почитание. Например, у народов Средней Азии голубь и другие птицы олицетворялись с душами умерших сородичей. В китайской мифологии журавль был связан с идеей долголетия, т. к. он воспринимался как «переносчик» душ умерших. Образ птиц у людей всегда, особенно в домусульманское время, ассоциировался с небом и их связью с небожителями. В палеоазиатской мифологии ворон нередко выступает как тотемная птица (в основном как родовой предок) [Мифы народов мира, 1992. Т. 2. С. 346—349].

В этом плане показательны весенне-летние праздники башкир, связанные с кормлением птиц: «грачиная свадьба» (*каргатуй*), «грачиная каша» (*карга буткаһы*), «кукушкин чай» (*кякук сяйе*) [Нагаева, 1984. С. 47—64]. В них нашли отражение отголоски культа предков и преклонение перед тотемными птицами рода. По мнению Н.А. Мажитова, тотемные птицы являются не только покровителями, но и «переносчиками» человеческих душ. Древнейшие корни этих представлений ученый обнаруживает в изобразительном искусстве средневековых племён Прикамья, Урала и Сибири, в частности, в массовых находках различных культовых предметов в форме полуптицы-получеловека, дати-

руемых VII—X вв. [Мажитов, Султанова, 1994. С. 171—176]. Следует отметить, что многочисленные круги, совершаемые вокруг юрты, где находится покойник, совпадают с круговым парением орлов в восходящих потоках воздуха. Орлы, как известно, входили в состав родовых птиц башкир и были воплощением духа предков.

Можно предположить, что в обряде кормления птиц отразились следы погребального ритуала древнейшего населения Южного Урала, предусматривающего выставление трупов умерших на склонах гор или вершинах холмов ранней весной (после таяния снега) с целью очищения их от мягких тканей и последующего погребения костей. Отлетающие от покойников птицы ассоциировались с их душами. Возможно, мы имеем дело с отголосками существовавшего у древних предков башкир мировоззрения, близкого к зороастризму и предшествовавшего тенгрианству. Таким образом, в сценарии современного весеннего (не летнего!) праздника каргатуй отсутствует «главный персонаж» — покойник, который исчез в связи со сменой обряда захоронения. Отсюда понятен достаточно широкий видовой спектр родовых птиц, хотя у башкир представители семейства соколиных и врановых занимают особое место в родовой символике. Они являются наиболее древними онгонами. Перья из крыльев именно этих птиц, составляли оперенье боевых стрел башкир, придавая им силу и неотразимость.

Близким по семантике оказывается и боевой клич башкирского рода — оран, в котором наиболее ярко и полно отражена идея вечности духа, прежде всего духа предка. Считается, что оран является секретным зовом (или откликом), по которому узнавали своих соплеменников. Оран не должны были знать представители других родов и племён, т. к. он имел сакральное значение — через него, как и через настоящее имя человека, можно было нанести вред всему роду.

Р.Г. Кузеев в своих работах приводит несколько родоплеменных оранов. Нетрудно заметить, что оран передает этноним древнего племени (или крупного рода) и, таким образом, восходит к имени далёкого предка — родоначальника. Например, у усерган, бурзян, восточных кыпсакских родов существовал общий оран — токсоба (*токсаба*). Это можно объяснить тем, что в прошлом в кыпсакскую конфедерацию племён входило племя токсоба, которое, видимо, было сложным по составу, т. к. этот этноним можно перевести как «тогуз-оба», т. е. «девять родов» или «союз девяти родов». У отдельных усерганских родов ораном был «муйтен», который восходит к легендарному Муйтен-бию, сыну

Токсобы. У башкир племен мин, канлы, западных кыпсаков был общий боевой клич — байхонгор (*байхонгор*) [Кузеев, 1974. С. 254]. В айлинском племенном союзе общим ораном являлся салават (*салават*), который, возможно, возник от родового этнонима салыут.

С сакрализацией орана связано то, что он использовался соплеменниками только во время боевых схваток и в смертельно опасные моменты. Фактически оран был коллективным призывом сородичей, обращенным к духу родового предка: его звали на помощь, обращаясь по имени. Появление перед или во время схватки родового онгона считалось благоприятным знаком.

Объяснение семантики и этимологии орана как призыва духа-покровителя или духа-основателя конкретного рода (*ырыу йәне*) находит подтверждение в «Золотом сказании» монголов, где дано описание обряда призывания Алунгоа — духа-прародительницы рода борджигин: обряд называется «ураху» и означает «зов, призыв, призывание духа».

Таким образом, родовая символика башкир является не просто пережитком патриархально-родового строя, а отголоском мощного пласта домусульманского мировоззрения, в основе которого лежали анимистические представления, идея одушевлённости всего окружающего мира, живой и неживой природы. Надо полагать, что Ибн-Фадлан отразил в своих путевых записках не всех, а только 12 богов башкир, хотя объектов поклонения было во много раз больше. Политеистическое мировоззрение не исключало в то же время существования верховного божества Тенгри. О развитии в эпоху средневековья тенгрианства у башкир и многих народов Сибири и Алтая свидетельствуют археологические и фольклорные источники. По словам одного из информаторов, 90-летней М. Юмагузиной, у башкир бытовала поговорка, в которой отчётливо выражена идея причастности каждого живого существа к небесному божеству «кук тэнгре»: «Если у собаки есть хозяин-защитник, то у волка есть тенгри!» («Эттен хужахы булха, буренен түреге бар!»).

Таким образом, родовую символику башкир можно представить как взаимосвязанную замкнутую цепь перехода души усопшего в дерево как временное вместилище, затем в птицу, с помощью которой она достигает верхнего мира, где находятся души сородичей и дух-покровитель рода, и возрождается в новом поколении. Таковы были представления башкир о вечности духа и рода.

Одним из пережитков патриархально-родового строя и военно-политической организации у башкир были сохранившиеся до начала XX в. выезды на

коллективную охоту целыми аймаками. Основной целью облавных охот была не столько добыча мяса (скота было достаточно), сколько поддержание боевой формы, приобретение тактических навыков ведения боя, упражнение в стрельбе, тренировка и закаливание. Боевое искусство башкир нашло яркое отражение в фольклоре, исторической литературе. «Войсковые дисциплины, писал А.З. Валиди, — впитались в кровь башкир, они сохранили умение в едином порыве следовать за своим предводителем. Башкир на осёдланном коне подобен памятнику. Искусное владение оружием и отличная верховая езда делает их достойными продолжателями традиций древнего тюркского воинства». У башкирских воинов в прошлом существовали знамёна и различные знаки отличия родов и племён. У близких по общественному строю казахов в XVII–XVIII вв. «каждый род имел своё большое знамя, а каждое отделение свой значок одинакового цвета с главным знаменем. Кроме этого, сражавшиеся с одной стороны для отличия от неприятеля навязывали себе на руки такого же цвета платки, ленты или лоскутья какой-нибудь материи». Знамёна и отличительные знаки тщательно сохранялись в мирное время и брались только на войну [Левшин, 1996. С. 312–313].

Долгое время у башкир сохранялась кровная месть — карымта. Этот неписанный закон степняков обязывал мстить за убийство, увечье своих сородичей. Карымту исполняли ближайшие родственники убитого с одобрения аксакалов и предводителей рода. Например, основная сюжетная линия эпоса «Кусяк-бий» отражает события, связанные с карымтой: главный герой выполняет свою, данную еще в детстве клятву отомстить за смерть отца и убивает виновного в этом предводителя племени бурзян бия Каракулумбета. В условиях кочевого образа жизни на фоне частых набегов соседних племён исполнение карымты было священным долгом, оно гарантировало само существование родовых общин.

По мере распада патриархально-родовых отношений у башкир и других кочевых и полукочевых народов вступают в силу наказания в виде различного рода платежей, в т. ч. выкупа — куна. Так, у казахов согласно нормам обычного права даже убийца, уплатив кун, мог сохранить свою жизнь [Там же. С. 367–369].

Формой экономической мести являлась барымта, которая, как и карымта, осуществлялась с разрешения аксакалов и предводителей рода или племени. Ответный угон скота обычно совершали в размере нанесённого ущерба. Обоюдные набеги наносили огромный ущерб населению. Так, в одном донесении тайного советника В.Н. Татищева пи-

шется: «Башкирцы собрались в 530 человек, ходили в Киргиз-Кайсацкую орду и тамо 30 юртов побили, в полон взяли 30 человек, угнали 3000 лошадей, верблюдов 70... всем башкирцам накрепчайше запретить, чтобы они впредь вооружась, в Киргиз-Кайсацкие орды не ходили. Киргиз-Кайсацким ханам и прочим их старшинам писать, дабы они со своей стороны на башкирцев нападения не чинили».

В набегах должны были участвовать все мужчины рода, это считалось честью для каждого. Нередко барымта, умело направляемая башкирскими биями, приобретала форму настоящих грабительских походов на соседние племена и народы и служила средством обогащения. Не случайно, во многих легендах и преданиях башкирского народа барымта осуждается. Особенно ярко это показано в предании «Бэндэбика и Ерэнсэ-сэсэн». Ерэнсэ-сэсэн, собрав молодых воинов, задумал идти барымтой на казахскую летовку. Его жена, отважная и мудрая Бэндэбике, возражает против этой затеи: «Ты на своей земле обрёл имя батыра, но батыру мало смелости, нужна ещё и мудрость. До сих пор народ

почитал вас за то, что вы вершили святое и правое дело. А теперь ты хочешь сделаться злодеем и толкаешь на худое дело молодых. Захват чужой страны не входит в наши обычаи. Не позорьте себя и имя нашего рода. Одумайтесь, пока не поздно» [БНТ, 1987. Т.2. С. 204]. Рядовые общинники, участвовавшие в набегах, получали часть угнанного скота, основная доля доставалась бию и его приближённым.

Если карымта была особенно развита в период патриархально-родовых отношений, то барымта продолжала существовать и в эпоху патриархально-феодалных отношений до конца XVIII в.

Такова в общих чертах родоплеменная структура башкирского общества. При всей кажущейся консервативности родоплеменная организация сыграла огромную роль в формировании башкирского народа, способствовала сохранению его материальной и духовной культуры, норм этики и морали. Несмотря на все исторические перипетии, башкиры так и не вписались в классические рамки европейского феодализма.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА

В средние века башкирские роды и племена объединялись больше по территориальному, а не родственному признаку, хотя продолжали существовать спланированные этот своеобразный полукочевой социум родовые символы (тамга, птица, дерево, боевой клич) и совместное владение родовыми землями. Только на уровне родовых подразделений сохранялись узы кровного родства между отдельными семьями, которые вели самостоятельное хозяйство и компактно проживали в одном ауле, образуя концы. Башкирский род, представлявший собой соседскую общину (известный исследователь алтайских народов Л. П. Потапов называет её «аульной»), просуществовал фактически до начала XX в. В результате сосредоточения скота и других средств производства (кроме земли) в руках отдельных семей происходил процесс имущественной и социальной дифференциации общества. Наиболее сильные патриархальные семьи были в состоянии не только сохранить свой скот, но и приумножить его, учитывая лёгкое отторжение этого вида собственности в кочевом и полукочевом мире у более слабых сородичей или соседних родов.

Объединённая общим правом на земельную, или вотчинную, собственность и узами генеалогического родства основная масса рядовых башкир-общинников составляла фундамент имущественно и социально дифференцированной пирамиды общества, на вершине которой располагалась привилегированная родоплеменная знать: ханы (до середины XVI в.), бии, тарханы, духовенство, по отношению к которым употреблялось обобщающее понятие «почётные представители» (*турыялар*). Среднюю часть занимала многочисленная прослойка баев и батыров. Основная часть населения состояла из рядовых башкир-общинников. Особую

социальную группу составляло зависимое население: байгуши, саунщики, туснаки, ясыри и др.

Институт ханства в башкирском обществе существовал, судя по источникам, ещё до монгольских походов. Ханы, представляя в кочевом и полукочевом обществе высшую власть, стояли во главе нескольких крупных племён, являвших собой военно-политические объединения. Так, до походов Чингисхана на Южном Урале существовал Союз семи башкирских племён (*ете ырыу*). Общеизвестен легендарный Масим-хан, объединявший под своей властью 12 крупных племён: бурзян, кыпсак, тамьян, тангаур и др. «В старину жил хан по имени Мясем... у него двенадцать биев под рукой... в ханстве воинам отважным нет числа, — в том соперничать не мог с ним хан иной», — говорится в эпосе «Кусяк-бий» [БНТ, С. 464—491], в котором, видимо, отражены события IX—XII вв. из жизни башкир горно-лесной части Южного Урала. В бассейне р. Белая существовал также союз юрматынских, кыпсакских и других племён во главе с Ураз-ханом.

Однако происходившие в башкирском обществе в XI—XII вв. процессы этнополитической консолидации на базе союзов племён во главе с сильными предводителями — ханами, были прерваны и на несколько столетий заторможены монгольскими походами.

Введение монголами улусной системы управления на завоёванных землях привело фактически к полному уничтожению высшей родоплеменной знати Дешт-и-Кипчак. Не случайно многочисленные имена половецких князей и ханов, зафиксированные в русских летописях конца XI—начала XIII вв. (примечательно: в них под 1159 г. и 1185 г. упоминается Башкорт среди высшей аристократии половецкой степи), вообще не встречаются в золотоордынское время. Сведения о башкирских ханах

XIII—XIV вв. также редки в источниках, зато известно немало имён ногайских ханов и мурз XV—первой половины XVI вв. Это, видимо, связано с тем, что в период Золотой Орды и образовавшихся на ее обломках Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств правом на высший титул обладали только прямые потомки Чингисхана. Даже великий полководец Тамерлан (1336—1405), создавший огромную империю и фактически разваливший Золотую Орду, умер в Отраре эмиром, но не ханом, т. к. не был Чингисидом, а происходил из тюркизированного монгольского племени барлас.

В исторических источниках фактически отсутствует информация о статусе и правах башкирских ханов XV—первой половины XVI вв. Однако, учитывая общность традиций кочевого и полукочевого мира тюрко-монгольских скотоводов, можно предположить, как происходило утверждение в этом титуле у башкир.

По традиции право быть избранным ханом имел самый влиятельный и старший в роде: у Чингисидов — султаны, в традиционных скотоводческих обществах — бии. По праву старшинства дядя и брат хана или знатного бия имели больше прав на это звание, чем их более молодые племянники — сыновья хана или бия. Это не позволяло закрепить на вершине иерархической лестницы (семья — род — племя — союз племён) отдельной семье или династии. Однако, по мере дифференциации общества и укрепления отдельных семей (надо полагать, еще до монгольских походов) этой традиции уже не придерживались, и власть передавалась напрямую от отца к сыну.

Хан избирался на совете аксакалов — курултае (*королтай*), в котором принимали участие бии и другие почётные представители родов и племён. По традиции на народном собрании — йыйыне (*йыйын*) совершали обряд «вознесения хана на войлоке». По мнению исследователей, обряд возведения в ханы при многолюдном собрании был необходимым и обязательным условием легитимации личного права обладания ханским титулом [Султанов, 1982. С. 86; Левшин, 1996. С. 366]. Хана сажали на белый войлок, олицетворявший чистоту его намерений, знатность происхождения и богатство его рода, а затем трижды поднимали с криками: «Хан! Хан! Хан!». После этого кошму, на котором поднимали хана, его верхнюю одежду (*елян*) разрезали или разрывали на мелкие лоскутки и уносили с собой в память об участии в важнейшем для общества событии. Одним из важных составных обряда, который завершался шумным пиршеством, был увод скота хана. (Ещё одно доказательство того, что в кочевом

обществе основным источником богатства была не земля, а скот). Этот ритуал назывался «ограбление хана» («*хан талау*») или «поднятие хана» («*хан кутэ-рыу*») и означал, что хан с момента его избрания не является собственником чего-либо и переходит на полное содержание народа. Ритуал символизировал военный характер деятельности хана, подчёркивал, что он прежде всего военный вождь, обеспечивающий покой и нерушимость границ земель рода.

Прочность ханской власти зависела от того, насколько его политика отвечала интересам представителей кочевой знати: биев, баев и др. В противном случае избравшие его вассалы могли не подчиняться или вовсе покинуть своего предводителя. Поэтому ханы вынуждены были делить власть с вождями крупных родов и племён — биями. Хан являлся номинальным собственником земель. Он исполнял функции и верховного судьи, только ему принадлежало право убить или оставить в живых переступивших родовые законы. Хан отвечал за сохранение существующего общественного устройства и порядка в отношениях между родами и племенами [Султанов, 1982. С. 87—92]. Хан также являлся верховным предводителем войск, только ему принадлежало право объявления войны или заключение мира с соседними племенами или ханами. Воины в войско хана выставлялись от каждого рода или племени.

Хан находился в постоянных разъездах по своим кочевьям, останавливаясь в так называемых ханских ставках, устраиваемых в наиболее красивых и удобных местах. Согласно преданиям, ставка Масим-хана располагалась на территории современного Бурзянского района у подножия одной из гор, впоследствии названной в его честь «Масим-тау». Известно, что ставка одного из первых ногайских ханов Басмана находилась в устье р. Сакмара в местечке Актюба (около современного г. Оренбург), у его брата Тюря-хана — на берегу р. Уфа (территория санатория «Зелёная Роща») [История Башкортостана..., 1997. С. 130—131]. По преданиям юрматынцев, в юго-восточном Башкортостане жил жестокий Бурсай-хан, ставка которого располагалась на берегу р. Ашкадар (недалеко от современного г. Стерлитамак).

Авторитет ханской власти был настолько велик, что в период башкирского восстания 1735—1740 гг. один из его предводителей, башкир Юрматынской волости Ногайской дороги Миндигул Юлаев в начале 1740 г. был провозглашён ханом Султан-Гиреем (Карасакал). Миндигул был хорошо образован, знал арабский и тюркские языки, совершил хадж в Мекку и Медину. После подавления восстания

ушёл в Каркаралинские степи. До своей смерти (1749 г.) последний башкирский хан жил у влиятельного вождя найманов — батыра Кабанбая, в восточном Казахстане в районе Чёрного Иртыша.

В ханах народ видел объединяющее начало. Были случаи, когда ханы приглашались со стороны. Например, в ходе башкирского восстания 1704—1711 гг. под предводительством старшины Бурзянской волости Ногайской дороги, знатного тархана и батыра Алдара Исекеева (Исянгильдина), Кусюма Тюлекеева, Уракая Юлдашбаева башкиры обращались за помощью к казахам и каракалпакам. Так, в 1709 г. по личному приглашению Алдара Исекеева в Башкирское Зауралье в район восстаний прибыл со своими воинами предводитель казахов и каракалпаков Абулхаир-султан, кочевавший в то время в Приаральских Каракумах. Казахские источники сообщают, что восставшие башкирские бии и старшины хотели провозгласить его своим ханом. Далее говорится, что Абулхаир пробыл в пределах Ногайской дороги на положении башкирского хана около года. В начале 1710 г. он покидает Башкортостан и возвращается в Приаральские степи, где весной того же года на курултае родовой знати Младшего и Среднего Жузов казахи избирают его своим ханом. Известно также, что последняя из четырёх жён Абулхаир-хана была башкиркой, и их сын Каратай впоследствии также стал одним из ханов на территории Казахстана [Ерофеева, 1997. С. 104—110].

Таким образом, институт ханства был представлен на территории Башкортостана относительно слабо, но существовал в период Золотой Орды и, видимо, сохранялся в общественно-политических структурах Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств. Отголоски былой веры в силу централизованной ханской власти проявляются во время башкирских восстаний XVIII в. Однако «избрание в ханы», имевшее место в этот период, скорее было данью традиции, нежели исторической необходимостью. В целом у башкир уже с XVII в. титул хана навсегда исчезает с политической арены.

Наиболее значимой и колоритной фигурой в социальной структуре башкирского общества являлся бий (*бей, ил башы*). Бии возглавляли крупные башкирские роды и племена, их имена встречаются почти в каждом фольклорном произведении. Власть биев ещё задолго до монгольских походов приобрела наследственный характер (до этого они избирались на курултае рода или племени). Большинство шежере башкирских племён и родов фактически представляют собой генеалогию их предводителей. Шежере племени усерган, напри-

мер, начинается с имени его основателя — Токсобая, затем идёт легендарный Муйтен-бий и после перечисления более 10 имён их потомков завершается Усерган-бием. В генеалогии других башкирских родов до конца XVI в. все родоплеменные вожди также именуются биями (как правило, находятся в семейном родстве во всех поколениях). В сознании народа это вошло в традицию и не оспаривалось ни советом аксакалов, ни народным собранием рода или племени.

По мнению В. В. Бартольда, слово «бий» представляет собой достаточно позднее видоизменение слова «бек» и нигде не встречается раньше XV в. [Султанов, 1982. С. 98] Возможно, оно существовало и раньше. «Бий» с древнетюркского переводится как «большой». Например, «Бий Хем» в переводе с тувинского языка означает «Большой Енисей». Возможно, слово «бий» имеет индоевропейский корень и означает «большой». Например, словом «бигмен» в этнографии обозначают мужчин, пользующихся большим авторитетом и влиянием, являющихся предводителями общин [Социально..., 1986. С. 28—30].

Авторитет бия определялся древностью рода или племени, к которому он принадлежал, а также его личными качествами. Породниться с ним считалось за честь каждому. Бий являлся генеалогическим родственником для всех членов рода, т. к. он относился к основному стволу генеалогического древа, восходящего к далёкому, иногда мифологическому предку. Идея родства и солидарности всех членов рода, включая и его предводителя, во многом определяла внутривидовые отношения и позволяла родовой аристократии эксплуатировать сородичей под прикрытием традиций и обычаев. Обладая большим поголовьем скота, родовая знать определяла маршруты кочевий по территории рода или племени, захватывая при этом себе большую и лучшую часть пастбищ, принадлежавших всему роду или племени. Таким образом башкирские бий, не имея юридических прав на земельную собственность, осуществляли это право на практике.

Биям принадлежала также административная и судебная власть. Это предполагало знание родословных основных подразделений, а также действующих норм обычного права. Совместно со старейшинами они контролировали соблюдение норм обычного права, совершение актов барымты и карымты, нерушимость границ родовой территории, пастбищ и водных источников, внутренний порядок в родовой общине. Известно, что у казахов при судебных разбирательствах бий, по «Жеты Жаргы» хана Тауке, имел право на получение «бий-

лика» — десятой части имущества, скота и т. д., которая взыскивалась с ответчика. Видимо, такое право имели бии многих кочевых и полукочевых народов, в т.ч. и башкир.

В периоды военных конфликтов с соседними племенами или инородцами бий возглавлял военное ополчение. Он мог в любое время собрать необходимое количество воинов из подвластных родов и родовых подразделений. В прошлом каждый взрослый общинник был одновременно воином с полным комплектом личного вооружения.

В составе Русского государства титулы предводителей башкирских племён и крупных родов претерпели ряд изменений. Во второй половине XVI — первой трети XVIII вв. в период воеводской системы управления во главе волостей по всем четырём дорогам стояли старосты, в некоторых (Белокатайская, Верхнеуфимская) — сотники [История Башкортостана..., 1997. С. 182—183]. В русских источниках их называли также князьями или «князцами», хотя они в отличие от русских князей не являлись крупными землевладельцами. Башкирские бий и старосты получали за службу Московскому государству в специальном разряде служилых инородцев титул тархана [Акманов, 1981. С. 42].

Как известно, первыми были пожалованы тарханными грамотами предводители племён мин и юрматы — Канзафар и Татигас-бий, которые в 1555 г. ездили в качестве послов в Казань «бить челом» наместнику царя Ивана IV о принятии в русское подданство. Вслед за ними, в 1556 г., отправились посольства ещё четырёх юго-восточных племён: усерган во главе с Бикбау-бием, бурзян — с Иске-бием, кыпсак — с Мушавали Каракузяк-бием, — тамьян с Шагали Шакман-бием. Жалованные грамоты на вечное владение «землями отцов и дедов своих» послы получили позже — в Москве от Ивана Грозного.

По именному списку «лучших людей» из башкир, составленному в 1680—1681 гг. уфимским воеводой П.Д. Скуратовым, в Минской, Кара-Табынской, Кипчакской, Тамьянской, Бурзянской и «Ицких» волостях числилось более 60 князей и тарханов [Новиков, 1903. С. 189]. Большинство башкирских биев-князей стремилось получить тарханные грамоты, т. к. это давало больше привилегий и закрепляло право владения частью общинных земель на правах частной собственности. В начале XVIII в. Оренбургская экспедиция (1734—1744 гг.; с 1737 г. — Оренбургская комиссия) завершила официальный перевод башкирских князей в тархан, освободив их тем самым от ясака, налогов и других повинностей.

Таким образом, башкирские бии, они же старосты, получив титулы «князь» или «тархан», стояли во главе волостей, бывших крупных родов и племён, передавая по традиции эту должность своим сыновьям. Русское государство не вмешивалось в систему местного самоуправления, пока не начались башкирские восстания (нередко по почину и под руководством предводителей племён, которых народ по-прежнему называл биями). Восстания XVII — первой трети XVIII вв. вынудили Русское государство провести в Башкортостане жёсткие административные реформы. Указом от 11 февраля 1736 г. в восставших волостях наследственные старосты были заменены выборными старшинами сроком на один год, к ним были прикреплены в помощники писари и сотники. Писари вели не только письменные дела, но и являлись тайными осведомителями властей о деятельности старшин [История Башкортостана..., 1997. С. 230.]. В 1740-х гг. в крае насчитывалось более 100 старшин, права которых были резко ограничены, в первую очередь, в области судопроизводства. В 1739 г. должности выборных старшин были введены во всех волостях (большой частью старшины избирались не народом, а назначались воеводами). Волостные старшины были обязаны подчиняться главным старшинам, назначенным по одному на каждую из четырёх дорог [Там же, С. 230]. По этому же указу башкирские старшины были лишены основной опоры в местном самоуправлении — общенародных собраний. Отныне йыйыны дозволялось проводить один раз в год под Уфой, в районе с. Чесноковка. Положение усугубилось и тем, что этим указом была разрешена продажа башкирских земель дворянам, горнозаводчикам, офицерам. Это увеличило долю поместного землевладения в крае и резко сократило в некоторых волостях площадь вотчинных земель башкир [Там же, С. 230—231].

Положение и статус башкирских старшин ещё больше теряет своё былое значение с введением в крае кантонной системы управления, целью которой был перевод башкир и мишарей в военное сословие. В 1789 г. уфимский наместник генерал-поручик О.А. Игельстром 20908 башкирских дворов разделил на 103 территориальные команды, или юрта, без учёта родоплеменной принадлежности населения. Во главе команд были поставлены 103 юртовых старшин с 52 помощниками. Волости и волостные старшины при этом были сохранены. Указом Павла I от 10 апреля 1798 г. проект О.А. Игельстрёма был узаконен. Башкиры и мишари были переведены в военное сословие с образованием 11 башкирских (с 1803 — 12) и 5 мишарских

кантонов [Там же, С. 342]. Во главе кантонов стояли кантонные начальники, которые назначали юртовых старшины, осуществлявших военно-административный контроль на местах. С 1831 г. были запрещены ежегодные башкирские йыйыны, под контролем властей проводились внутри аулов «мирские сходы» [Там же, С. 345]. Таким образом, кантонная система управления окончательно ликвидировала самоуправление башкир и свела на нет деятельность волостных старшин, о которых в этот период нет никаких сведений.

В башкирском обществе, особенно на уровне родовых подразделений большую роль играли байы, представлявшие наиболее многочисленную прослойку родоплеменной знати. В каждом родовом подразделении были байы, выделившиеся из среды своих сородичей. Слово «бай» — тюркского происхождения и означает «богатый». Оно часто встречается в древнетюркских надписях и в средневековых мусульманских источниках. Самым ранним таким источником, в котором слово «бай» употребляется уже с указанием на социальный признак, является рассказ Джувейни (XIII в.) о Махмуд-бае. Судя по нему, баем можно было считать любого влиятельного человека, владеющего большим количеством скота, т. е. это была довольно многочисленная, социально неоднородная прослойка кочевого общества [Султанов, 1982. С. 100].

Условия натурального хозяйства и слабой развитости товарно-денежных отношений способствовали формированию специфического отношения кочевой знати к богатству: оно часто выступало для кочевников предметом тщеславия. А.И. Левшин писал: «...однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: «Для чего стану я продавать своё удовольствие? деньги мне не нужны, я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат» [Левшин, 1832. С. 82–84]. Скупость баев, их жажда к наживе едко высмеивается во многих произведениях устного народного творчества башкир.

Слово «бай» является компонентом многих башкирских антропонимов: например, Алтынбай, Кунакбай, Мурзабай, Юлдашбай и др. Богатство баев, определяемое количеством скота в личном хозяйстве, придавало им социально-политический и экономический вес, обеспечивало особое положение среди сородичей. Исследователи подсчитали, что в самостоятельном хозяйстве общинника-скотовода обычно содержалось в среднем 15–20 лоша-

дей, 50–100 овец и коз, не менее 6 голов крупного рогатого скота и 2 верблюда. К примеру, некоторые неразделённые семьи башкир конца XIX в., состоявшие из 35–40 чел., имели в своём хозяйстве более 100 лошадей, 200 овец, 40 коров, 300 ульев. Кроме того, более 20 дес. земли они отводили под зерновые [Кузеев, 1957. С. 115]. Внутри аймака или аула бай, являясь кровным родственником по отношению к другим членам родового подразделения, использовал те же приёмы и формы эксплуатации малоимущих сородичей, что и биы на уровне рода и племени (помочь, саун; создавали пастбищно-кочевые группы и т. д.).

За особые военные, дипломатические и другие заслуги на службе представители привилегированной части башкирского общества получали от правительства титул «тархан». Институт тарханства возник, возможно, ещё в древнетюркское время, получил широкое распространение в монгольский период, а затем был реанимирован Русским государством среди башкир и других присоединённых народов.

В монгольских источниках, в частности, в «Золотом сказании», пишется, что Чингисхан дал повеление поставить во всех покорённых территориях даругов (даругачей) — правителей или официальных представителей монгольской власти на местах [Лубсан Данзан, 1973. С. 228, 368]. Первоначально даруги представляли на местах военную власть, впоследствии они обязаны были регулярно проводить переписи населения с целью сбора ясака, набирать войска, отвечать за ямскую службу, сбор податей и доставку дани ко двору хана. Позже, в XIII—начале XIV вв., даруги занимались в основном сбором податей, а военно-административные функции были возложены на баскаков. Возможно, с монгольским «даруга» связано появление в русских источниках не только понятия «дорога» — административных волостей, но и «тархан» — лиц, контролировавших эту область. Звание тархана присваивалось за особые заслуги правителям улусов, военным, гражданским и духовным лицам монгольских государств, представителям местной тюркоязычной знати. Присвоение звания подтверждалось специальными тарханными грамотами (ярлыками), предоставлявшими целый ряд привилегий: освобождение от уплаты ясака и других налогов в пользу государства, право на свободный доступ к хану; тарханы не обязаны были ни с ханом, ни с кем-либо другим делить военную добычу, им и их потомкам прощались первые девять преступлений. Тарханство переходило по наследству, и каждый новый хан подтверждал это специальной грамотой. Земельные

пожалования тарханам на условиях несения службы постепенно превращались в условно наследственные владения, а со временем принимали форму частной земельной собственности. В таком виде институт тарханства мог существовать и на территории Башкортостана.

Русское государство во многом переняло прежнюю систему управления и административно-территориального деления башкирских земель. Области, контролируемые золотоордынскими дарами, затем Казанскими, Ногайскими и Сибирскими ханами и мурзами во второй половине XVI в. стали называться Казанской, Ногайской, Осинской и Сибирской дорогами [История Башкортостана..., 1997. С. 184]. В 1700 г. на Ногайской дороге было 570 тарханов, Казанской — 60, Сибирской — 24; на Осинской дороге, где было развито земледелие, тарханов не было [Кузев, 1974. С. 173]. В 1776 г. в Уфимской и Исетской провинциях, по данным канцелярии Оренбургского губернатора, числилось 674 тархана. К 1780 г. в Оренбургской губернии было уже 874 служилых тархана, а также 250 князей и мурз татарских [Юлдашбаев, 1972. С. 87].

Как и в предшествующее время, тарханы имели право на частную земельную собственность внутри общинных земель, кроме бобровых гонов и бортевых угодий. Различалось наследственное и личное тарханство. Среди наследственных выделялись «старые» и «новые», получившие титул соответственно до и после присоединения к Русскому государству. «Тарханами во времена Иоанна Грозного назывались башкирцы, избавленные в награду за отличные заслуги, от ясачных и других сборов, но за то обязанные по первому востребованию в военную службу». Большей частью они несли сторожевую службу по охране юго-восточных границ Русского государства. Тарханы выполняли дипломатические поручения, несли административную службу на местах. Таким образом, тарханы были на особом положении перед ясачными башкирами. Они составляли наиболее влиятельную и богатую прослойку башкирского общества. Так, тархан Алдар Исекеев являлся владельцем табуна, насчитывающего более восьми тысяч голов породистых лошадей. В период восстаний 1735–1740 гг. башкиры захватили у тархана Белекей-Кудейской волости Исмаила Мандурова скот — 200 лошадей, 30 коров, 40 овец — на общую сумму 1500 руб., а также домашнее имущество на сумму 100 руб. и деньгами в монете 300 рублей [Янгузин, 1998. С. 179–180]. Некоторые тарханы платили ясак со своих земельных угодий [Руденко, 1955. С. 42–43].

С 1754 г. в связи с отменой ясака и переводом башкир в военно-казачье сословие, а затем введением в 1798 г. кантонной системы управления тарханство теряет своё былое значение. Некоторые тарханы, получив офицерские звания, стали дворянами, другие — чиновниками. С 1845 г. потомки наследственных тарханов («тарханские дети») были наряду с рядовыми башкирами обложены налогами, а с 1865 г., с отменой кантонной системы, перешли в податное сословие.

Особое положение в общественной жизни и социальной структуре башкирского общества занимали батыры. Батыры, обладая силой, мужеством и авторитетом среди сородичей, возглавляли ополчение во время военных столкновений с соседями или при совершении актов карымты и барымты. Нередко они могли претендовать на место главы рода или племени.

Слово «батыр» в переводе с тюркского означает «богатырь», «силач», «храбрец». В русский язык оно, видимо, проникло не ранее XV в. в звучании «богатур», «бахадур» и первоначально означало «храброго мужа, героя, вызывающего перед битвой или сражением силачей противника» [Султанов, 1982. С. 102]. В золотоордынский период слово «батыр» означало не только представителя военно-кочевой знати, но и почётный титул, который получали ханы за личную храбрость и умелое руководство военными действиями. Примечательно, что титул батыра имел, судя по его личной печати, и казахский хан Тауке (1680–1718 гг.) [История Казахской ССР, 1979. С. 334–335].

Батыры — самые популярные персонажи башкирского фольклора, например, Урал-батыр, Ек-Мерген, Кусяк-бий, Алпамыша и др. Словами Барсынхылу в легенде «Алпамыша» передан поэтизированный образ батыра:

*Тот, кто батыром рождается,
Будет крылатым, как птица.
Тетиву натянет — сгибается лук.
Сердце зайдётся под собственный стук.
Ступит — не выдержит камень,
Сядет — обрушатся скалы,
Горы — упершись — развалит;
Он в сердце родину носит,
Врагов, словно лев, устрашает..*

За могучий рост, силу и отвагу в отношении батыра в народе часто использовался эпитет «великан» — «алп» («алп»). До сих пор можно столкнуться с мнением, что батыры погребались сородичами в огромных по своим размерам могилах, над которыми насыпались большие курганы (уба). Нередко средневековые курганы указывались информатора-

ми как «могилы батыров» («*алыптар кэбере*», «*батыр-зар кэбере*») [Юсупов, 1987; Юлдашбаев, 1972. С. 243–247; Янгузин, 1998, С. 210–212].

Авторитет батыров был настолько велик, что существовало проклятие: «Чтобы у вас в роду батыра не было!» (*Брыуыгызза батыр булмаһын*). Видимо, в башкирском обществе имело место и восприятие батыров как харизматичных лидеров (наделенных исключительными качествами, в т. ч. святостью). Основанием для такого предположения может служить тот факт, что именно батырам посвящены многочисленные кубаиры (*кобайыр*). Если учесть, что слово «оба» в древнетюркском языке означало понятие «род», то «кубайр» можно интерпретировать как своеобразный гимн рода или родовую песню-восхваление — «оба-йыр», «уба-йыр». Видимо, не случайно кубаиры исполнялись в прошлом на высоком кургане, символизирующем мощь и силу героя, перед сородичами на йыйынах и т.д. Кубаиры, очевидно, были у каждого крупного башкирского рода наряду с его геральдическим знаком — тамгой.

Значительную прослойку в социальной структуре башкирского народа составляло мусульманское духовенство, а до распространения ислама — служители различных культов в лице шаманов, знахарей, прорицателей (*баксы*) и др. Ислам, как известно, утверждается среди башкир в первой половине XIV в., в период наивысшего расцвета Золотой Орды при Узбек-хане (1312–1342 гг.) и его сыне Джанибеке (1342–1357 гг.). Возможно, он начал проникать раньше, в IX–X вв., в среду западных башкирских племён под влиянием миссионеров из Средней Азии и Волжской Булгарии. К периоду распространения ислама относятся построенные в XIV–XV вв. мавзолеи—кэшэнэ (*кэшэнэ*) Тура-хана и Хусаин-бека на территории современного Чишминского района РБ (последний отреставрирован в 1911 г.). Надо полагать, что в XIV–XVI вв. ислам затронул не все слои населения, а только родовую аристократию. Ислам начал широко распространяться лишь после присоединения Башкортостана к Российскому государству, т. к. он был необходим правительству в его колонизаторской политике, особенно в период башкирских восстаний, когда основная масса духовенства оправдывала действия царизма по «умиротворению башкир».

В связи с этим в XVII–XVIII вв. в Башкортостане санкционируется широкое строительство мечетей, а также мусульманских учебных заведений — мектебов и медресе. До этого обучение детей проводилось при мечетях и домах мулл на тюрки и арабском языке. В мечетях служили муллы,

муэдзины, азанчи. В больших населённых пунктах, волостных центрах, кроме мулл, были ахуны, имамы, хатипы. Первые медресе были открыты в деревнях Суюндюково Бирского уезда (1709 г.), Четырманово (1713 г.) и Стерлибашево (1720 г.). Стерлитамакского уезда и др [Очерки по истории..., 1956. С. 284–285]. В 1839 г. на 63 деревни Бирского уезда приходилось 56 мечетей. К 1850 г. в Оренбургской губернии числилось 1932 мечети, включавших 3144 духовных лица, проводивших мусульманские бракоразводные, похоронные и другие семейные и общественные обряды, а также обучение местного населения. По данным 1913–1915 гг., в Уфимской губернии действовало 1579, а в Оренбургской — 436 мектебов, в которых обучалось 91 тыс. шакирдов, в т. ч. 18 тыс. девочек. До этого девочки не посещали мектебы, а обучались лишь соблюдению религиозных обрядов у жён мулл (*абыстай*). Получив в течение четырёх-пяти лет начальное религиозное образование в мектебах, шакирды переходили в медресе, где религиозные знания давались более углублённо. Мектебы и медресе были подчинены Духовному управлению мусульман (при основании в 1789 г. называлось «Уфимское Духовное Магометанского закона Собрание»). Первым муфтием царским указом был назначен Мухаметджан Хусаинов (1789–1824 гг.). Окончившие обучение в медресе назывались абызмами, могли стать муллами или преподавателями, распространителями знаний среди башкир, которые были достаточно образованны к началу XX в., что дало повод современникам писать, что «как и все магометане, башкиры считают своим долгом обучить своих детей, поэтому неудивительно, что начальная грамотность между башкирами развита сильнее, чем между русскими» [Никольский, 1899. С. 126]. Духовенство являлось значительной прослойкой башкирского общества, играло важную роль в его жизнедеятельности. Многие муллы являлись крупными ското- и землевладельцами, имели собственные мельницы и открыто эксплуатировали труд своих сородичей.

Рядовые общинники составляли основную массу башкирского населения. В эпоху Золотой Орды оседлое население, как известно, облагалось тяжёлыми податями, которых насчитывалось не менее 20 видов [История Казахской ССР, 1979. С. 145]. В соответствии с десятичной организацией наиболее тяжёлой была воинская повинность, проводившаяся по принципу один воин с десяти семей. Все расходы по снаряжению воина несли сами общинники. Каждый воин должен был быть при двух конях с провизией, луком со стрелами, копьём,

щитом, арканом, ножом и другим снаряжением вплоть до шильев и иголок. Отсутствие чего-либо строго наказывалось и каралось [*Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни*, 1997. С. 45–47].

В пользу ханского двора общинники платили налог со скота (1 из 100 голов) — «купчур». Кроме того, оседлое население платило поземельный налог — «харадж», сдавало для войска зерно и скот — «тагар», и т. д. Ежегодно в ханскую ставку свозилась пушнина и меха. Каждый общинник доставлял сборщикам налогов, даругам и баскакам, по одной шкуре медведя, чёрного соболя, чёрного хорька и лисицы. Обременительными были постоянная и почтовая повинности [*История Башкортостана...*, 1997. С. 123].

С возникновением на обломках Золотой Орды новых государственных образований система налогов остаётся практически неизменной, её основу по-прежнему составляет ясак, выплачиваемый ногайским, сибирским и казанским ханам. Кроме того, ясак с подвластных башкир собирали ногайские и казанские мурзы.

Уплата ясака воспринималась рядовыми башкирами-вотчинниками не только как признание своей зависимости от Русского государства, но и как условие вотчинного права на землю. Ясачные башкиры составляли особое сословие, что подтверждалось регистрацией в особых ясачных книгах имён глав отдельных башкирских дворов-хозяйств, представленных большими или малыми семьями [*Рахматуллин*, 1988. С. 32–42].

Ясак вначале был натуральным и свозился в Казань, а с 1586 г. в Уфу. Он состоял из шкур куниц, выдр, бобров, соболей, лисиц, волков, а также мёда. Постепенно натуральный ясак заменялся его денежным эквивалентом исходя из того, что шкура бобра оценивалась в 1,5 руб., лисицы — 75 коп., батман мёда — 1 руб. и т. д. В 1631–1632 гг. ясачный оклад со всего башкирского населения составил 1508 руб. 86,5 коп. В ясачных книгах было записано 6188 чел. в лице старшин, глав родовых подразделений или больших семей, представлявших отдельные хозяйства [*МИБ*, 1956. С. 100]. Кроме ясака, на башкир были возложены почтовая гоньба, устройство речных переправ, прокладка и содержание дорог и др.

Башкиры с XVI в. несли и военную повинность по охране юго-восточных границ Русского государства, участвовали в различных дипломатических миссиях. Военная повинность не оплачивалась государством: аймак (аул) обеспечивал каждого воина вооружением, лошадьми, фуражом, продовольствием и т. д. Служили обычно с ранней весны

до поздней осени. Башкиры охраняли Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии. В 1760-х годах на Оренбургскую линию ежегодно выставлялось по одному воину с восьми дворов, с 80-х годов — с трёх.

Введение кантонной системы управления привело к разрушению родоплеменных волостей и системы землепользования, ликвидации остатков самоуправления

Зависимое население состояло из рабов (*кол*), туснаков, саунщиков и др. Судя по источникам, рабство в башкирском обществе существовало задолго до присоединения к Русскому государству и монгольских походов. Оно носило в основном домашний характер, это было по своей сути «патриархальное» рабство. Основными источниками рабства были регулярные набеги на соседние племена или народы, в результате которых захватывали в плен чужеродцев. Их называли «ясыри» (*эсир*) и рассматривали как военную добычу. Так, в исторической легенде «Последний из Сартаева рода» есть упоминание о ясыре из джунгар, который пас скот у Джалык-бия [*БНТ*, 1987. С. 173]. СИ. Руденко приводит документ за 1700 г., в котором говорится, что во время одного из набегов на калмыцкие земли во второй половине XVII в. башкир Бурзянской волости Утека пленил калмыка Апачку и впоследствии отдал его Карсаку Бюлякову [*Руденко*, 1955. С. 49]. Ясыри были самой бесправной категорией общества. Их могли обменять, заложить, продать и т. д. У кочевников труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного общинника, и поэтому эта работа была всегда уделом женщин или рабов.

О существовании института рабства у кочевых народов и положении рабов можно найти свидетельства и в «Жеты Жаргы». Например, за убитую охотничью собаку или беркута хозяин мог требовать невольника или невольницу. По нормам обычного права раб не мог выступать в качестве свидетеля, не имел права жаловаться на своего хозяина за жестокое обращение. Рабы не несли ответственности за свои преступления, за это отвечали их владельцы и возмещали все убытки потерпевшей стороны. На них не возлагались государственные повинности, они находились в полной зависимости от хозяина и, согласно «Жеты Жаргы», только владелец раба был властен над его жизнью и смертью [*Султанов*, 1982. С. 105–109; *Левшин*, 1996. С. 360–370]. Судя по источникам, башкиры нередко продавали своих военнопленных в рабство на рынках Средней Азии [*Кузеев*, 1957. С. 128].

Однако в условиях скотоводческого хозяйства рабский труд не оправдывал себя экономически и потому не получил широкого применения. После смерти хозяина раб иногда получал свободу; если же хозяин не отпускал его на свободу, потомки раба в четвёртом поколении считались свободными людьми [Султанов, 1982. С. 86; Левшин, 1996. С. 366].

Другую категорию подневольного населения в башкирском обществе составляли туснаки — люди, не сумевшие выплатить долг. Ими могли стать как соплеменники, так и чужеродцы. Туснак, заплатив баю положенный долг, мог выкупиться, но это случалось редко. Туснаки не платили ясак, и правительство, заинтересованное в увеличении сбора налогов, всячески боролось с этим явлением, поэтому институт туснаков не получил широкого распространения. Долговые отработки оговаривались заёмщиками в специальных долговых или «жителейских записях» с «лучшими людьми» общества. Например, в одной из таких заёмных записей первой половины XVIII в. значится отработка должником взятых 10 руб. в течение 10 лет, находясь на полном иждивении хозяина, в другой записи оговаривается отработка 30 руб. на дому и в хозяйстве заимодателя в течение 20 лет. Были и бессрочные записи. Так, в долговой записи от 18 октября 1715 г. оговаривается вечная отработка взятых двумя марийскими семьями 150 руб. у башкира Гирейской волости Казанской дороги Араслана Тавлина. Были и такие записи, когда за взятые деньги заёмщики выполняли конкретную работу (косили и свозили сено хозяину, пахали), иногда брали деньги взаймы под заклад скота или земли [Руденко, 1955. С. 46–48].

Немалую часть среди зависимого населения составляли разорившиеся башкиры — байгуши (*байгуши*). Они не имели ни скота, ни хозяйства, поэтому вынуждены были наниматься к богатым сородичам для выполнения различных работ на невыгодных условиях. К этой категории можно отнести и разорившихся общинников, которым бии и бай отдавали часть своего скота (так называемый «резервный фонд») на выпас в весенне-летний период с правом пользования молочными продуктами и частью приплода — саунщиков. Система саун обеспечивала богатым башкирским семьям не только уход, но и сохранность и увеличение поголовья их многочисленного скота, делая их табуны, по образному выражению И.Г. Георги, как бы вечными. Найм пастухов и отдача части своего многочисленного скота менее состоятельным родственникам и соплеменникам был известен с глубокой древности и по своей сути являлся одной из форм завуали-

рованной эксплуатации общинников родовой аристократией вплоть до конца XIX в. [Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 220].

Таким образом, касаясь вопроса о социальной структуре башкирского общества, следует сказать, что в домонгольский период она отражала состояние этноса, ведущего полукочевой образ жизни, основанный на общинном землевладении и землепользовании. В монгольский и особенно в ногайский периоды проявляется тенденция к укреплению частной собственности, в т. ч. на землю, которая ведёт к усложнению социальной стратификации. Этот процесс получает дальнейшее развитие с вхождением Башкортостана в состав Российского государства, когда на фоне феодализации региона с конца XVI в. появляются новые категории населения в лице башкирских и небашкирских землевладельцев, мусульманского духовенства, государственных чиновников, военно-служилого, ясачного, оброчного и других групп.

В заключение можно сказать, что ретроспективный анализ социальной организации башкирского общества, представлявшего иерархически соподчинённую систему многочисленных родов и племён, позволяет рассматривать его как особую форму адаптации социума к системе жизнеобеспечения в конкретной экологической нише.

В степной и лесостепной зонах Южного Урала оптимальной формой хозяйственной деятельности населения с древнейших времён являлось комплексное кочевое и полукочевое скотоводство. В соответствии с этим строилась социальная структура общества, определялось конкретное место и поведение всех его членов в сезонных и годовом хозяйственных циклах.

Основные компоненты этой системы: скот, земля, община составляли единое целое, на котором веками держался этот хозяйственно-культурный тип. Экологическое равновесие между обществом и окружающей средой достигалось гибкостью и многоступенчатостью родоплеменной структуры башкир. Чрезвычайная подвижность этой системы на уровне нижних и средних звеньев (подрод, род) обеспечивал её постоянную регенерацию за счёт сегментации рода и самостоятельного функционирования новых родовых подразделений, которые, в свою очередь, могли со временем вырастать до отдельного рода. Обширность родовых территорий башкир в сочетании с относительно низкой плотностью населения способствовали этому процессу, и маршруты весенне-летних кочёвок новых общин не пересекались с соседними.

Таким путем происходила саморегуляция плотности населения и численности поголовья скота в общей системе природопользования в соответствии с потенциальными резервами кормов на пастбищах. В этих условиях родоплеменная организация общества являлась оптимальной, если не единственно возможной, формой, обеспечивающей целостность всех звеньев. Внутриродовая солидарность, основанная на идее кровного и генеалогического родства, являлась её сплачивающей и цементирующей основой. Каждый сородич мог реализовать себя только в составе конкретного рода и был обречён за его пределами, т. к. выработанные веками традиции и нормы обычного права гарантировали защиту каждого сородича (карымта), личного и родового имущества, прежде всего скота (барымта), а также целостности границ родовых территорий и водных источников усилиями всего коллектива. Это было непреложным законом для всех членов рода.

В домонгольский период башкиры находились на стадии патриархально-родового развития с хорошо выраженными признаками военно-политической организации, близкой к кимакским и огузским племенным конфедерациям. Нет достаточных оснований говорить о той или иной степени феодализации башкир, за исключением права распоряжения маршрутами перекочёвок родовой знатю. (Вопросы степени развития феодальных отношений в кочевых и полукочевых обществах, землепользования и землевладения до сих пор остаются дискуссионными). Башкирское общество в этот период было стратифицированным по отношению к основному средству производства — скоту, которого находился в частной собственности соплеменников. Социальная верхушка родов в лице биев, батыров, баев, служителей культа обладали большим количеством скота, а потому занимали доминирующее положение в обществе. Но это не было «классовым» противостоянием родовой аристократии и основной массы общинников, которые сами были распределены по более мелким родовым подразделениям и обладали достаточным количеством скота. Иерархическая соподчинённость всех звеньев башкирского общества, генеалогическое родство всех членов, особенно на уровне рода и родового подразделения, исключали развитие «классовых отношений». В условиях экстенсивного характера скотоводства, когда постоянно приходилось менять пастбища, не имело смысла предъявлять право собственности на землю и пастбища, и они оставались в коллективной собственности всего рода или племени. Право регулировать маршруты перекочёвок башкирскими биями, а на местах — советами

аксакалов, было не феодальным правом, а правом по старшинству и входило в нормы обычного права.

Имущественная дифференциация внутри родов и племён, основу которой составлял скот, являлась естественным состоянием и воспринималась сородичами как норма. Главы родов: бии, батыры и др., не могли быть небогатыми, т. к. это являлось залогом уважения и признания их авторитета со стороны соплеменников и соседних родов и племён.

В период монгольских завоеваний и походов в XIII—XIV вв. башкиры впервые вовлекаются в сферу государственных отношений, особенно в период существования Золотой Орды. Именно тогда башкиры, видимо, впервые за всю свою историю лишаются своих летних кочевых территорий: на востоке — заяицкие степи до Тобола, а на западе заволжские, в бассейне рек Кундурча, Ирғиз и Камелик. Однако родовые земли, т. е. собственно Южный Урал, судя по источникам, остаются за башкирами. Возможно, этим объясняется перекочёвка и оседание башкирских племён в XVI—XVII вв. в Самарское, Саратовское Заволжье, а также в Зауралье вплоть до Тобола, которое воспринималось самими башкирами как возвращение на прежние земли отцов и прадедов.

Из всех повинностей и податей, которыми были обложены завоёванные народы, башкиры платили монгольским ханам только ежегодный ясак пушной и мёдом (предположительно императорскому двору, а не отдельным золотоордынским ханам). Основой общественного строя башкир по-прежнему оставался патриархальный род со всеми его атрибутами. В XIII—XIV вв. монголы не оказали существенного влияния на развитие общественных отношений и внутреннюю организацию башкирского общества. Отсутствие достоверных источников не позволяет полностью раскрыть этот вопрос. В ногайское время, в XV — первой половине XVI вв., налицо все признаки феодальных отношений, но эти отношения существовали между ногайскими мурзами и ханами, с одной стороны, и башкирами — с другой. Внутри башкирских племён и родов по-прежнему доминировали патриархальные отношения. Лишь в составе Русского государства начинают чётко проявляться тенденции феодализации башкирского общества изнутри. Этому способствовало переселенческое движение и переход к оседло-земледельческому образу жизни большей части населения в северных и северо-западных районах Башкортостана. В этот период были ещё сильны патриархально-родовые традиции. Как и прежде, во главе крупных родов и племён стояли предводители, потомки биев. Сохранились атрибуты родовой сим-

волики, особенно тамги. Каждый род и семья имели свою родословную по отцовской линии. Это способствовало сохранению у башкир нескольких взаимосвязанных уровней самосознания: кроме общепринятого этнонима «башкорт», каждый башкир осознавал и свой родоплеменной этноним, например, усерган, бурзян, мин, тамьян, юрматы и др. Это было важно в условиях общинно-родового землепользования и землевладения, узаконенного позже вотчинными грамотами царя в отличие от казённых и поместных земель. Однако с расширением масштабов института припуска, когда сами башкиры сдавали в аренду часть вотчинных земель, развитием индивидуальных повытий и жеребий происходит

распад родовых общин и формирование прослойки феодалов из среды самих башкир, а также инородцев. Другим источником феодализации башкирского общества изнутри было тарханство со всеми его привилегиями личного землевладения. Во всех этих случаях налицо лично зависимые от землевладельца отдельные лица и семьи, а также феодальная рента в виде оплаты за пользование землёй. Основным итогом этих процессов явилось образование смешанных по этническому составу соседских (аульных) общин, развитие земледелия и оседлого скотоводческого хозяйства на уровне отдельных индивидуальных семей на большей части Башкортостана.

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблемы внутреннего развития башкирского общества, его родоплеменной организации и социальной структуры до вхождения в XVI в. в состав Российского государства до сих пор остаются предметом научных дискуссий [Кузеев, 1957. С. 13–20]. В этой связи представляет интерес предложенная Р.Г. Кузеевым периодизация исторического развития народов, составляющих Волго-Уральскую историко-этнографическую область. По его мнению, становление феодальных отношений на этой территории происходило с рубежа I–II тыс. н.э. до начала XX в. и претерпело в своём развитии несколько этапов или периодов. Первый период (конец I – нач. II тыс. н.э.) характеризуется распадом родового строя и генезисом феодальных отношений. Второй период (XI–XIII вв.) представляет собой период развития ранних форм феодализма и государственности (Волжская Булгария) и постепенного расширения этого процесса на периферию Волго-Уральского региона. В третьем периоде (вторая треть XIII–середина XVI вв.) Золотоордынским государством и его преемниками устанавливаются в регионе свойственные им феодальные социально-экономические и социально-политические структуры. Четвёртый период (с середины XVI в. до второй половины XIX в.) делится на три этапа: вторая половина XVI–XVII вв.; XVIII–первая половина XIX вв.; пореформенное время; каждый этап характеризуется своими особенностями феодального развития [Кузеев, 1992. С. 307–309]. В целом соглашаясь с точкой зрения известного этнолога, отметим, что требуется дальнейшее комплексное изучение данных проблем с позиций современного состояния исторической науки и на основе вовлечения в исследовательский процесс всех видов источников (археологических, этнографических, фольклорных и др.).

Развитие общественных отношений у башкир нашло отражение во многих эпических произведениях («Алдар и Зухра», «Кусяк-бий», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алпамыша» и др.) [БНТ, 1987], в которых основная сюжетная линия обычно разворачивается вокруг ханов, биев, батыров и других представителей родоплеменной знати. Памятники устно-поэтического творчества народа, а также свидетельства средневековых путешественников [Иванов, 1992. С. 104–105] показывают, что башкиры задолго до монгольских походов переживали период распада веками устоявшихся норм патриархально-родовых отношений. Судя по этим источникам, патриархальный род в его классическом представлении — с такими атрибутами, основанными на идее кровного родства, как коллективная собственность на скот и пастбища, совместное производство и коллективное потребление, — ушёл в небытие и стал данью истории.

На основе анализа археологических памятников VI–IX вв. н.э. исследователи Урало-Поволжского региона Н.А. Мажитов, А.Х. Халиков и В.А. Иванов пришли к заключению, что к концу I тыс. н.э. на этой территории складываются народности с чёткой социальной и имущественной дифференциацией. Согласно их взглядам, средневековые племена именьковской, турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской культур заложили основы для дальнейшего развития раннефеодальных отношений у формирующихся народностей, в т.ч. и башкир. Этот вывод доказывается наличием отдельных богатых погребальных комплексов, состоящих из искусно украшенных уздечных и седельных наборов, рубящего и режущего оружия, серебряных поясных наборов, дорогих привозных тканей и др. Погребальный обряд (срубы в могилах, культ огня, захоронение частей коня и др.) также свидетельствуют

о существовании у носителей этих культур развитой системы религиозных представлений, основу которой, возможно, составляло тенгрианство [Мажитов, 1971. С. 11–16; Мажитов, Султанова, 1994. С. 190–240; Халиков, 1971. С. 30–37; Иванов, 1997. С. 71–90].

Многочисленные находки орудий земледелия, а также появление с IX в. на территории Южного Урала большой сети стационарных поселений в форме городищ и селищ указывают, по мнению Н.А. Мажитова, на переход башкир к полукочевому ведению скотоводческого хозяйства с элементами оседлости [Мажитов, Султанова, 1994. С. 112–121].

Одной из главных причин разложения патриархально-родовых отношений было появление частной собственности (прежде всего на скот), которое и предопределило дальнейший ход развития общественных отношений. В башкирской общине постепенно начинают выделяться семьи, обладающие влиянием и содержащие большее количество скота, чем остальные. Усиление и социально-экономическое утверждение таких семей шло во внутренней структуре общества по восходящей: родовое подразделение (группа родственных семей) — род — племя — союз племён. Причины и начало этого процесса остаётся только предполагать. Но можно констатировать, что к рубежу II тыс. н.э. имело место имущественное и социальное расслоение башкирского общества.

Башкиры находились в этот период на стадии полукочевого скотоводства, для которого был характерен не круглогодичный выпас скота, а его пастбищно-стойловое содержание с сезонными перекочёвками весной, летом, осенью и возвращением к стационарным поселениям — зимовкам. Скот у полукочевников находился в собственности отдельных семей, ведущих индивидуальное хозяйство. В этот период башкиры, видимо, кочевали уже не родом, а отдельными родовыми подразделениями, состоящими из кровнородственных семей, из среды которых и выделялись будущие предводители племён и родов. Сезонные перекочёвки осуществлялись под руководством старейшин — аксакалов родовой группы. Совет аксакалов регулировал маршруты кочевий по территории родовых земель, которые по-прежнему считались коллективной собственностью всей общины. Ограничение радиуса перекочёвок, появление зимовок, будущих аулов, способствовало ведению комплексного хозяйства. При ведущей роли скотоводства у башкир было развито бортничество, охота, появились зачатки земледелия. В связи с переходом к пастбищно-стойловой

системе содержания скота возникает необходимость сенокосения и заготовки кормов на зиму для некоторых видов скота и молодняка. Сокращение длины маршрутов весенне-летних перекочёвок способствовало разведению крупного рогатого скота, т. е. изменению видового состава стада [Курылев, 1998]. На этом фоне происходила дальнейшая имущественная и социальная дифференциация башкирского общества, в основе которого лежал дуализм частной и общественной собственности [Кузеев, 1957. С. 127].

Основным путём усиления патриархально-родовой знати был не захват в монопольное, частное владение общинно-родовых земель, а возможность регулировать земельные отношения внутри рода в своих интересах. С другой стороны, каждый башкирский бий, являясь самым крупным владельцем скота в роду, умело использовал свой подвижный, ежегодно приумножающийся капитал для эксплуатации соплеменников, в глазах которых он всегда выступал как родственник по мужской линии. Престижность в обществе родства с богатым и сильным, а также внутривидовая солидарность позволяли молодому и энергичному слою родовой аристократии без видимого принуждения эксплуатировать рядовых общинников (своих же сородичей) при выпасе скота, заготовке кормов и других хозяйственных работах путём устройства помочи (Өмө), выдачи скота в аренду — сауна (һауын) и т. д. Кроме того, укреплению подобных отношений способствовал и фактор зависимости каждого башкира от родовой общины — единственного института, обеспечивавшего ему социальную защиту в условиях натурального хозяйства.

Проблемы землепользования в кочевом и полукочевом обществах неоднократно становились предметом дискуссий среди исследователей. По мнению некоторых кочевниковедов, общественные отношения без частной собственности на землю, но с неограниченным правом родовой верхушки распоряжаться маршрутами кочёвок, лучшими пастбищами составляли основу так называемого «степного», или «кочевого», феодализма [Марков, 1980. С. 21–36; Курылев, 1998. С. 42–77].

Судя по источникам, в начале II тыс. предводители башкирских племён и родов уже давно не избирались на народных собраниях — йыйынах (йыйын). Это право могло быть узурпировано у них советом старейшин, в состав которых теперь входили не только (и не столько) аксакалы, но и представители экономически сильных семей или групп семей. Очевидно, что в рассматриваемое время у

башкир уже существовал принцип наследования власти и при этом, возможно, не соблюдался основной в кочевом обществе принцип «старший в роде». У башкир наследование власти биев его сыновьями сохранялось до введения института выборного старшинства в 1736 г.

Немалое значение в развитии общественных отношений у башкир сыграли шежере родов и племён, отражающие не только генеалогическую историю рода, исторические события на протяжении десятков поколений, но и генеалогию самой родовой аристократии. В этой связи можно предположить, что появление шежере было обусловлено не только необходимостью соблюдения принципа родовой экзогамии или доказательства своей принадлежности к тому или иному роду [*Башкирское шежере*, 1960. С. 8–10], но и стремлением отдельных представителей родоплеменной знати показать древность и знатность своего рода, а следовательно, своё наследственное право на власть в обществе.

В IX–XII вв. башкиры по уровню развития общественных отношений и внутренней организации были близки к кимако-огузским племенам Южной Сибири и Казахстана, волжским булгарам, тюркам и хазарам, хотя и не сумели создать государство со всеми его атрибутами (с денежным обращением, системой налогов, войском, судебными исполнительными органами и т. д.) [*Мажитов*, 1981. С. 110–130]. Была фактом действительности того времени достаточно развитая военно-политическая организация башкир. Известно о существовании у них в этот период союзов племён, объединённых сильными ханами, которые были наделены всеми властными полномочиями (правом вершить суд, творить законы, исходя из норм обычного права, и т. д.). Ханская власть была больше направлена не на укрепление своего рода и племени, составлявших при необходимости основу его потенциального (нерегулярного) войска, а на охрану целостности территорий кочёвок и силовое решение межплеменных конфликтов. Башкирские эпосы, легенды и предания показывают политический вес, силу и влияние хана на окружающие племена и народы. В этом отношении представляет интерес и упоминание в сочинении Гардизи (XI в.) военачальника Башгирда, стоявшего во главе 2000 всадников, к которому хазарский хакан обратился с предложением идти походом на булгар [*Кузеев*, 1974. С. 135].

В начале II тыс. башкиры занимали обширные территории от Урала до современной Самарской области. (По мнению многих историков, Ахмед ибн-Фадлан, оставивший первые наиболее досто-

верные сведения о башкирах [*Ковалевский*, 1956. С. 130], проехал в X в. в составе посольства Арабского халифата в Волжскую Булгарию только по юго-западной или западной окраине башкирских кочевий [*Мажитов, Султанова*, 1994. С. 126–128]). Очевидно, что на такой территории могли вести кочевое хозяйство только крупные союзы племён во главе с сильными ханами и с чёткой военной организацией, совпадавшей с родоплеменной структурой.

В этой связи представляют большой интерес сведения о башкирах, содержащиеся в сочинениях арабских авторов — ал-Балхи, Истахри, Идриси (X–XII вв.) и др. [*Хвольсон*, 1868. С. 85–105; *Рыбаков*, 1952. С. 26–29]. Так, ал-Балхи писал, что башкиры разделяются на два племени, одно из них, состоявшее из 2 тыс. чел., соседствовало с булгарами, которым было подвластно [*Хвольсон*, 1868]; другое башкирское племя граничило с печенегами. Упоминание некоторыми восточными авторами «внутренних» и «внешних» башкир прежде всего указывает на военно-политическую организацию древнебашкирских племён, вошедших затем в историю под общим этнонимом «башкорт» [*Мажитов, Султанова*, 1994. С. 126–130]. Неоднократно упоминаемые в восточных источниках «две тысячи башкир» не обозначали, видимо, абсолютную численность войска и тем более этноса. Это были, возможно, войсковые единицы или его подразделения, построенные на основе десятичной системы (начиная с родового подразделения) и при необходимости легко мобилизуемые на уровне рода, племени или союза. Строгая иерархическая соподчинённость основных звеньев родоплеменной и военной структуры башкир делала такой тип социальной организации общества очень мобильным и прочным.

По свидетельству источников, во главе воинов всех родов стояли батыры. Крупное племя, состоявшее из нескольких родов, могло выставить тысячу и более воинов, союз племён — несколько тысяч. Так, в эпосе «Кусяк-бий» повествуется о предводителе союза башкирских племён Масим-хане, у которого «в ханстве воинам отважным нет числа». Когда пришла беда на земли хана, он разослал своих гонцов к биям подвластных родов с призывом о помощи, который фактически был сигналом послать вооружённые сотни «к ханской ставке» [*БНТ*, 1987. С. 464–490.]. Род тангаур выставил две сотни из 180 воинов с полным снаряжением во главе с батыром Тимеркотло, род тамьян — две сотни из 150 воинов во главе с Тамьян-батыром, род бурзян — 350 воинов во главе с Каракулумбетом. Самый многочис-

ленный род кыпсак направил в ханскую ставку восемь батыров под предводительством Бабсака [Там же].

В свете сказанного допустимо рассматривать сведения ал-Балхи как указание на то, что рядом с булгарами существовал союз башкирских племён с потенциальной возможностью при необходимости выставить две тысячи всадников — две крупные воинские единицы по 10 сотен в каждой. Понятия «сотня», «тысяча», используемые в средневековые для обозначения войсковых единиц, позволяют выяснить общую численность народов, племён или союзов племён. Так, население в 20 тыс. человек могло выставить две тысячи воинов. Поэтому сообщение ал-Балхи о башкирах, которых «никто не может покорить» [Хвольсон, 1868], можно объяснить не тем, что они хорошо защищены лесами, а скорее потенциальной возможностью этой части башкир выставить две боеспособные «тысячи» воинов. Возможно, этим же объясняются выводы о том, что башкиры оказали упорное сопротивление монголам, которые не смогли их разгромить.

Таким образом, существование в IX—XIII вв. военно-политических объединений башкирских племён говорит о возникновении и развитии в этот период основ государственности у башкир.

С началом в XIII в. завоевательных походов монголов естественный ход развития общественных отношений у башкир был нарушен. Башкирское общество, возможно, впервые в своей истории, столкнулось с иной структурой социальной организации и социально-экономических отношений. Веками устоявшемуся родовому самоуправлению башкир под началом родоплеменной знати (биев, батыров, аксакалов) был противопоставлен военный диктаторский режим Чингисидов с улусной системой административно-территориального деления завоёванных земель и народов. Согласно этой системе, покорённые земли и народы делились ханом между ближайшими родственниками на улусы — части, доли **Өлөш**), которые могли выставить тысячу или десять тысяч воинов независимо от их этнической принадлежности. Выделение улусов производилось без учёта прежних границ племён и родов. Более того, созданная монголами улусная система изначально была направлена на разрушение родоплеменных границ. В классическом варианте эта система была развёрнута на основной территории Золотой Орды, в степях Дешт-и-Кипчак, таким образом, от неё больше всего пострадали половцы (кипчаки).

Многие исследователи, ссылаясь на данные венгерского монаха Юлиана, посетившего «страну

башкир» в 1236 г [Аннинский, 1940. С. 84–93], считают, что значительная часть башкир была завоёвана в период 1214–1220 гг. Однако прямого завоевания, видимо, всё же не было, а происходили лишь отдельные столкновения в Зауралье, в бассейне р. Яик (Урал).

Возможно, в этот период, а именно летом 1219 г., когда Чингисхан со своим войском находился в степях Южной Сибири перед походом в Среднюю Азию, в его ставке на Иртыше была принята дипломатическая миссия союза семи башкирских племён во главе с Муйтен-бием. По шежере племени усерган, Чингисхан принял богатые дары от башкир, которые признали его власть над собой. Муйтен-бий получил от Темучина ханский ярлык на вечное (наследное) владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по обеим сторонам рек Белая (Агидель), Урал (Яик), Сакмара со всеми притоками, а также на кочевья по восточному склону Уральских гор до рек Ишим и Тобол со всеми их притоками [Хесэиенов, 1985. С. 54–60]. Башкиры оказались в вассальной зависимости от Чингисидов и выплачивали им дань.

В «Чингизнаме» пишется, что в этот же период Чингисханом были определены основные родовые символы Муйтен-бия: дерево — рябина, птица — журавль, родовой клич — байгун и родовая тамга — знак в форме подхвостника шлеи. Родовые символы были определены также Тамьян-бию, Юрматыгбию, Кыпчак-бию, Салжут-бию, Бурзян-бию, Кирейт-бию [Сынгызнамэ, 1999. 252–290]. Трудно однозначно утверждать достоверность событий и фактов, изложенных в «Чингизнаме» и родословной племени усерган, но нельзя не признать, что территория Исторического Башкортостана не была ареной крупных военных столкновений с монголами, что могло объясняться наличием у башкир договорных отношений с ними. Возможно, в истории действительно имел место описанный Юлианом факт, что башкиры в течение 14 лет вели войну с монголами, неоднократно выигрывали сражения и заключили договор о союзе в дальнейших походах. Л.Н. Гумилёв датирует монголо-башкирскую войну 1220–1235 гг. [Гумилев, 1983. С. 459]. И всё же договор башкир с монголами, по всей видимости, был заключён раньше, уже к началу 20-х годов XIII в.

Судя по источникам, этот период характеризовался усилением военно-политической консолидации башкирских племён, что сдерживало монголов от завоевания башкирских земель по правобережью Яика. Это даёт возможность говорить, что в доордынский период социально-экономическое развитие и этнические процессы в башкирском обще-

стве протекали относительно самостоятельно в обстановке тех же патриархально-родовых отношений, но общество имело более чётко выраженную военизированную структуру, близкую к состоянию «народ — войско». В условиях существования реальной внешней опасности народ спланировался вокруг ключевых фигур общества: своих ханов, биев, батыров.

Река Яик продолжала оставаться естественной границей с юга и востока между страной башкир и разделённой на улусы Ордой Джучи, история создания которой подтверждает вышеизложенное. Перед смертью Чингисхан в 1227 г. выделил своему старшему сыну Джучи в качестве кочевий завоёванные до р. Иртыш земли, получившие название Большая Орда. После завоевания западносибирских и зауральских степей в 1229 г. границы Большой Орды расширяются до р. Яик, но не переходят её, т. е. основные земли башкирских племён и родов по обоим склонам Южного Урала остаются вне пределов Орды Джучи, в её состав включаются лишь территории их кочевий в Зауралье. К 1232 г. весь Великий пояс степей Дешт-и-Кипчак, от Иртыша до Итиля (р. Волга), был в руках ордынцев — потомков Чингисхана и его сына Джучи. После разгрома в 1236 г. Волжской Булгарии границы Большой Орды расширяются за счёт включения степных просторов Причерноморья, Подонья и низовьев Дуная. С 1237 г. вся эта территория от Алтая до Дуная стала называться Улусом Джучи [*История Казахской ССР*, 1979. С. 114–130; *Халиков*, 1994. С. 42–52; *Мажитов, Султанова*, 1994. С. 240–251]. Несмотря на постоянное расширение территории владений Чингисидов, башкирские земли по правому берегу р. Яик, скорее всего, не входили в зону основных кочевий монгольских ханов, а башкирские племена являлись лишь объектом сбора дани. По крайней мере, в источниках границы Орды и улусов всегда указываются по левобережью р. Яик. По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, это объясняется тем, что «наличие огромных степных просторов Дешт-и-Кипчак, возможно, несколько ослабило стремление монгольской кочевой знати XIII в. отобрать у местной феодальной верхушки земли, чтобы использовать пашни и луга оседлого населения в качестве пастбищ для своего скота, как это имело место в Иране и Азербайджане» [*Федоров-Давыдов*, 1973. С. 26–28].

С образованием в начале 40-х годов XIII в. ханом Батыем внутри огромной монгольской империи самостоятельного кочевого государства с центром в г. Болгар, затем в г. Сарай-Бату политика по отношению к завоёванным и покорённым народам

изменилась — ими нужно было управлять. Оказались пророческими слова Чингисхана, деда Батыя, сказанные задолго до этих событий: «Верхом на коне можно завоевать многие страны, но удержать их верхом на коне нельзя».

До Золотой Орды основным объектом эксплуатации в степях Дешт-и-Кипчак были кочевники-половцы, которые оказались фактически на положении рабов в условиях скотоводческого хозяйства. Постоянные междоусобицы и перераспределение улусов в Орде усугубляли положение кочевого населения. Оседлое же население подвергалось периодическим грабёжам и набегам, нерегулируемому сбору дани. В новом государстве как оседлое, так и кочевое население было обложено многочисленными налогами, что обеспечивало постоянный доход государству.

Как известно, территория Большой Орды была поделена на три улуса между сыновьями Джучи: Батыем, Шибаном и Ордой. Поволжье, территория северо-восточного Кавказа составили улус Батыя, Казахстан и Западная Сибирь — улус Шибана, Приаралье и гузские степи — улус Орды. Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечает, что границы улусов чётко соответствовали этническим и племенным образованиям кочевого населения половецкой степи (так, например, граница между улусами Батыя; и Шибана соответствовала границе между западными и восточными половцами). Характерно, что территория современного Башкортостана не вошла в состав ни одного из улусов Большой Орды, границей между башкирами и улусом Шибана являлась р. Яик [*Фёдоров-Давыдов*, 1966. С. 235–246; *Он же*, 1973. С. 55–62]. Это ещё раз подтверждает историческую реальность дипломатических переговоров башкирской родовой аристократии с Чингисханом в 1219–1220 гг. Иммунитет договорного вассалитета башкир оказался настолько прочным, что не нарушался даже Чингисидами. Верховным сюзереном башкирского народа выступил сам Чингисхан, который и являлся номинальным хозяином башкирских земель, и дань выплачивалась непосредственно императорскому двору. Башкирские ханы сохранили свой титул как пожалование, что подтверждалось специальным ярлыком — золотой или серебряной пайцзой (басма, байса). Это обеспечивало и гарантировало внутреннее самоуправление народа и право на владение родовыми землями.

Возможность подобного рода вассалитета и сохранения структуры рода и своей родовой аристократии подтверждается и другими примерами. Так, известно, что в начале XIII в. кипчакский хан Бандуча принял подданство Чингисхана и, став его

вассалом, продолжал управлять отцовским родом. Известно также, что и его сын Тутука унаследовал власть отца над своим родом и тысячей его воинов. Впоследствии он стал одним из тысячников среди эмиров и беков, выходцев из монгольской аристократии [Он же, 1973. С. 175]. И эти факты имели место в то время и в тех условиях, когда на землях Дешт-и-Кипчак утверждалась улусная система монголов. Особенно интенсивно процесс разрушения внутренней организации патриархально-родового общества скотоводов-полукочевников протекал в XIII—XIV вв. в западной части Золотой Орды, где монгольские ханы, являясь непосредственными держателями кочевых владений-улусов, по своему усмотрению перекраивали степь на десятки, сотни и тысячи частей, методично разрушая родовые границы, специфику рода, его этнонимии и внутреннюю структуру. Поэтому на этих территориях исчезают племенные названия и повсеместно утверждается общий этноним «татары», которым в исторических источниках называют правящую аристократию монголов в степях Дешт-и-Кипчак, а затем и всё кочевое население Золотой Орды. Социальные отношения в регионе развиваются быстрыми темпами в направлении формирования «кочевого феодализма улусного типа», что подтверждается существованием единоличных собственников кочевых земель — ханов и улусбеков, а также бесправного, безземельного податного населения — кипчаков и половцев.

На востоке Великого пояса степей и его периферии, в т. ч. на Южном Урале, улусная система была неразвитой, а власть монголов осуществлялась не напрямую, а опосредованно через местную родовую аристократию или наместников. Благодаря этому башкиры сохранили не только свой этноним, но и названия крупных родов и племён, восходящих к домонгольскому времени таких, как бурзян, усерган, тамьян, катый, юрматы и др., которых сегодня насчитывается более 45. Они сохранили самобытную культуру, особенности развития этнографических групп: диалектное расслоение языка, своеобразие родоплеменного и антропологического состава. Общественные отношения и этнические процессы протекали внутри башкирского общества, не пересекаясь с аналогичными процессами в Золотой Орде, т. к. башкиры не были вовлечены в сферу действия разрушительных по своей сути улусных отношений. Согласно договорному вассалитету, башкиры оставались собственниками своей земли. Монголы видели в них потенциальных союзников, общественный строй которых не надо было военизировать, а сам народ обучать военному делу. В пер-

вой половине XIII в. монголы неоднократно испытывали на себе боеспособность башкирских войск.

В связи с этим нельзя не согласиться с В.А. Ивановым, который писал, что башкиры, находясь на периферии Золотой Орды, жили по своим внутренним законам и традициям. Отношения башкирских племён с ордынским центром ограничивались регулярной выплатой ясака, который был, очевидно, не столь разорительным, чтобы подорвать экономическое, социальное и в конечном счёте этническое развитие башкир [Иванов, 1994. С. 100].

Об относительной самостоятельности башкирских племён в составе Золотой Орды пишет и археолог А.Ф. Яминов. Картографирование и сравнительный анализ археологических памятников позволили ему выдвинуть предположение о стабильности этнического состава башкирского населения в лесостепных и горнолесных районах Южного Урала в XII—XIV вв., а также о том, что монголо-татары никогда не использовали башкирские земли для своего расселения, как это было в степях Дешт-и-Кипчака [Яминов, 1999. С. 156–157].

Изложенное подтверждается и результатами антропологических исследований древнего и современного населения Башкортостана, показывающими устойчивость и преемственность антропологического состава башкир в последнее тысячелетие по всей территории их расселения. Усиление монголоидных признаков южносибирского расового типа у южных и юго-восточных башкир объяснимо передвижением и оседанием на башкирских землях не собственно монголов, а родственных башкирам по языку и культуре родов кыпчакской племенной конфедерации, вытесненных из степи монголо-татарами в XIII—XIV вв. [Юсупов, 1991. С. 15–19].

Как уже отмечалось, улусная система была развёрнута в основном в степях Дешт-и-Кипчак, северной границей которых была р. Яик (Урал). Ханская власть в улусах распространялась как на земли, так и на населявшие их народы. Хан являлся собственником земли, и его отношения с населением можно рассматривать как раннефеодальные.

Социально-экономическое развитие башкирского общества, основу которого составляли патриархально-родовые отношения, в этот период протекало относительно самостоятельно. О степени имущественной дифференциации башкир, естественной в условиях экстенсивного пастбищного скотоводства, трудно что-либо утверждать, т. к. нет достоверных источников. Но в этот период можно наблюдать изменения в социальной структуре башкирского общества. Так, в нём появляются наделённые государственной властью тарханы, вначале мон-

гольские, а затем из среды самого башкирского этноса. Они, возможно, были первыми вестниками начала феодализации населения Южного Урала, но не всего башкирского общества. Этому препятствовала и раздробленность башкир на роды и племена.

Башкиры в золотоордынский период владели и пользовались землёй самостоятельно отдельными родами и племенами. Сбор с них ясака тарханами и баскаками был первой формой государственного обложения, которую можно сравнить с феодальной рентой за владение землёй.

После распада Золотой Орды в конце XIV—XV вв. башкиры оказываются в вассальной зависимости от Ногайской орды, Казанского и Сибирского ханств. Западные и зауральские башкиры оказались в составе владений казанского и сибирского ханов, которым платили только дань. Основная же часть населения попала под власть ногайских мурз, которые, отобрав у башкир право на владение их родовыми землями и, следовательно, на распоряжение летними и зимними кочевьями, стали монопольными собственниками башкирских земель [Усманов, 1997. С. 126–164]. П.И. Рычков со слов башкирского старшины Кыдраса Муллакаева приводит сведения, что во второй половине XV в. основная часть Башкортостана принадлежала двум ногайским мурзам — Басману и его брату Туре [Рычков, 1896. С. 69]. В результате междоусобиц в Башкортостане главным мурзой в начале XVI в. становится прямой потомок ногайских мурз Акназар. После него Исмаил-мурза управлял Башкортостаном семь лет, а затем около 1546 г. главным и последним мурзой становится сын Акназара Ахмет Тирей [Там же].

В период ногайского владычества (около 100 лет) башкиры фактически были лишены права на владение и пользование родовыми землями, чего не было ни в условиях Золотой Орды, ни в последующем, когда они вошли в состав Русского государства. Этот период с большой долей уверенности можно назвать феодально-патриархальным, когда на первый план выступает незавуалированная феодальная эксплуатация зависимого населения в лице башкирского народа. Присутствует феодальный собственник башкирских родовых земель (ногайский мурза, на местах — тарханы), широко практикуются всевозможные поборы, ясачная подать и другие повинности. Народ всё больше прикрепляется к земле, т. к. резко ограничиваются площади пастбищ и кочевий. Это, в свою очередь, вело к разрушению основ веками складывавшейся родоплеменной структуры кочевой общины и скотоводческого уклада хозяйства. По сведениям П.И. Рыч-

кова, ногайский мурза Акназар «всячески их [башкир] изнурял и в безсилье приводил, ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал, и как и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владеть також и чрез реку Белую переходить не допущал, а как звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице» [Там же].

Со второй половины XVI в. развитие башкирского общества, оказавшегося в составе феодального Российского государства, протекало под влиянием различных факторов.

В обмен на жалованные грамоты, подтверждающие право башкир на вечное владение и пользование родовыми землями [Рахматуллин, 1988. С. 27–30; Шакурова, 1992; Акманов, 2000], они обязывались нести военную службу и платить ясак в пользу казны. Монопольным собственником башкирских земель стало Русское государство. Это была дальновидная политика, т. к. фактически башкиры оказались номинальными собственниками земли, хотя, платя ясак, они были уверены, что ясачная подать является подтверждением их прав собственности на родоплеменные земли.

Общественный строй, оставаясь в целом патриархально-феодальным, отражал уже различные формы общественных отношений в скотоводческих и оседло-земледельческих районах. Если в юго-восточных и зауральских скотоводческих районах цементирующей основой была чёткая трёхчленная родоплеменная структура общины с патриархально-родовым укладом общественной жизни, то в западных оседло-земледельческих районах всё больше нарастает тенденция перехода к оседлости и земледелию, росту значения индивидуальных семей. В этих районах начинается процесс распада родовой общины, который наиболее чётко проявлялся на уровне родов и племён.

Характеризуя хозяйство и социальную структуру башкирского общества в составе Русского государства, Р.З. Янгузин пишет, что территориально процесс феодализации в Башкортостане протекал неравномерно. В основном он затронул земледельческие районы, где велико было стремление использовать «право распоряжения общинными землями» [Янгузин, 1989. С. 74–87; 107–122]. Огромную роль в развитии феодальных отношений и феодальной земельной собственности в этих районах сыграла повышая система и институт индивидуального припуска на общинные земли [Янгузин, 1998. С. 158–163]. Примером, свидетельствующим о путях феодализации общества в оседло земледель-

ческих районах, может служить, по мнению учёного, деятельность старшины Каршинской волости, позднее «главного старшины» Казанской дороги Шерипа Мрякова, который расширял свои земельные владения за счёт скупки, а затем прямого захвата повытий башкир-вотчинников Каршинской волости [*Там же*. С. 159–160]. Здесь отчётливо наблюдается тенденция к развитию феодальных отношений между общинниками, основанных на эксплуатации чужого труда и получении феодальной ренты.

В скотоводческих районах официальным владельцем земель долгое время продолжала выступать волостная община, которая сохранялась очень долго, вплоть до конца XIX в. Феодализация родовой аристократии в этих районах происходила за

счёт привлечения разорившихся сородичей для ухода за скотом или путём прямого захвата лучших участков пастбищ и лесных угодий старшинами или баями [*Там же*. С. 180–181]. Самыми крупными собственниками земли и скота были тарханы. Они имели право по своему усмотрению выбирать лучшие участки вотчинных земель в свою собственность. Это обеспечивало быстрое обогащение и привлечение за бесценок бедняков для ухода за скотом, численность которого доходила до десятков тысяч [*Там же*. С. 173–180].

Таким образом, к концу XVI в. в башкирском обществе усиливается поляризация. Особенностью этого явления было то, что оно происходило неравномерно и развивалось по-разному в земледельческих и скотоводческих районах.

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО БАШКИР

Анализ предметов вооружения эпохи раннего средневековья позволяет сделать вывод о том, что характерный для башкир комплекс вооружения сложился на Южном Урале уже в IX–X вв. н.э. [Овсянников, 1995; Овсянников, 1998].

В указанный период вооружение южноуральского лесостепного населения испытывало сильное влияние Кимакского каганата. Это касается в основном конского снаряжения, клинкового и древкового оружия. Это, несомненно, связано с расширением ареала сроткинской культуры, которое происходит на рубеже IX–X вв. [Савинов, 1984. С. 51]. Последнее в свою очередь объясняется расширением влияния Кимакского каганата. С этим событием синхронизируется появление в уральской лесостепи населения – носителя посуды постпетрогромского типа, родственного населению, оставившему древности караякуповской культуры [Гарустович, Иванов, 1992. С. 25.].

Письменные источники почти ничего не говорят о северо-западных границах государства кимак-ков. Поэтому нам приходится лишь предполагать возможное участие южноуральского населения в жизни каганата. Во всяком случае, кимакские формы оружия и конской упряжи, встречающиеся на памятниках Южного Урала, говорят о существовании военных контактов с кимаками. Эти контакты могли заключаться в участии южноуральского населения в военных походах кимак-ков. По мнению Ю.С. Худякова, армия кимакских каганов состояла из каганской гвардии и племенных ополчений, выставляемых правителями 12 уделов [Худяков, 1986. С. 202]. Поэтому вполне возможно предположить, что население уральской лесостепи могло составлять одно из таких ополчений. Основу этого ополчения составляли конные лучники, частично вооруженные клинками. По находкам защитного

доспеха и кавалерийских наконечников копий можно предположить о наличии в нем также тяжелооруженных воинов-копейщиков, составлявших ударную часть войска.

После распада Кимакского каганата на его территории и близлежащих областях происходят значительные изменения, фиксируемые археологически. Это событие отразилось и на территории южноуральской лесостепи. В памятниках XII в. значительно снижается содержание предметов вооружения. Одновременно повышается встречаемость в захоронениях конского снаряжения. Ярким примером этому может служить Бакалинский курганный могильник. Здесь не найдено ни одного предмета вооружения, но почти в каждом захоронении найдены удила и стремяна. Комплекс вооружения этого периода представлен лишь в Мрясимовских курганах. Здесь также, как и в позднекараякуповских курганах, найдены костяные и железные наконечники стрел, накладки от луков тюркского типа, наконечник копья. Однако здесь отсутствуют клинки и защитное вооружение. То есть после распада государства кимак-ков структура южноуральского войска упрощается. Теперь ополчение может состоять из всадников, не защищенных доспехом и вооруженных луком и стрелами, реже копьем.

Потомками этого населения, как считают Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов, оставлены Сынтыштамакские курганы и погребения на Охлебининском городище – памятники XII–XIV вв. южной зоны Приуральской лесостепи [Гарустович, Иванов, 1992. С. 25]. Аналогии предметам вооружения из этих памятников происходят в основном из кочевнических памятников Восточной Европы. Весь облик этого вооружения также является кочевническим. Наличие наконечников стрел, остатков лука, клинкового оружия, конского снаряжения

говорит о том, что войско этого населения могло состоять из контингентов легковооруженных всадников.

Одновременно в северную часть приуральской лесостепи начинает проникать население — носитель керамики со шнуровым орнаментом. Памятники этого населения объединяются в чияликскую культуру.

Основную долю чияликовского комплекса составляют наконечники стрел универсального назначения, применяемые как на войне, так и на охоте. Яркой отличительной чертой чияликовского комплекса от вооружения лесных культур Прикамья является частая встречаемость предметов конского снаряжения и наличие наконечников копий.

Для XII–XIV вв. в районе приуральской лесостепи все источники твердо локализуют башкир или иштяков, поэтому многие авторы считают памятники XII–XIV вв. Южного Приуралья башкирскими [Васюткин, 1992. С. 129; Мажитов, 1981. С. 223]. Этому не противоречат угорские черты, выявленные в этих памятниках, так как в литературе давно считается установленным фактом многокомпонентность башкирского народа. Одним из таких компонентов было в том числе, по мнению Р.Г. Кузеева, угорское население Приуралья [Кузеев, 1992. С. 60–61]. Иштяками, как известно, южные степные соседи называли башкир.

В башкирских преданиях и легендах из предметов вооружения наиболее часто упоминается лук и стрелы. Лук используется при нападении, при преследовании противника, при обороне каких-либо рубежей (брод, перевал и т.п.). Значительно реже упоминается оружие ближнего боя. Наиболее информативным для нас является сказание «Последний из Сартаева рода». Здесь наряду с дистанционным оружием упоминаются: *буздыкан* — палица, дубина; *клыс* — сабля; *сунгю* — копье; *кистьян* — кистень. Все эти предметы вооружения перечисляются в связи с жестокой битвой захваченных врасплох башкир и войск Тамерлана. Содержащаяся в преданиях информация о вооружении башкир относится к эпохе войн с монголами и владычества Золотой Орды, то есть к XIII–XV вв. Перечисленный в башкирском фольклоре комплекс вооружения хронологически смыкается с комплексами вооружения из памятников XII–XIV вв. и в целом соответствует археологическим артефактам.

А.С.Доннели, исследовавший башкирские восстания XVI–XVIII вв., перечисляет вооружение башкир: это — кольчуги, шлемы, копья, сабли, луки и стрелы [Доннели, 1995. С. 67]. В XIX в. в период наполеоновских войн башкиры, служившие в рус-

ской армии, имели на вооружении кольчуги, пики, сабли, фитильные ружья с сошками и лук со стрелами. [Смирнов, 1989]. С.И. Руденко перечисляет комплекс вооружения башкир, относящийся к концу XIX — началу XX вв.: лук и стрелы, копья, кистени, железные кольчуги и пластинчатые панцири [Руденко, 1955. С. 74].

Таким образом, на протяжении XVI–XIX вв. вооружение башкир, основного населения уральской лесостепи, оставалось практически неизменным. Этот комплекс соответствует комплексу предметов вооружения, происходящему из памятников XII–XIV вв. Здесь так же, как и у башкир позднего времени, основными видами вооружения были лук и стрелы, сабли и копья. Доспехи, упоминавшиеся в письменных источниках у башкир, также находят аналогии среди случайных находок и в культурном слое поселений XII–XIV вв. В могилы доспех не помещался, вероятно, из-за его большой ценности.

Данный комплекс соответствует вооружению конного воина. Характерной чертой башкирского вооружения является наличие копий — ударного кавалерийского оружия. Напомним, что копья являются основным видом оружия ближнего боя в чияликовском комплексе. Топоры, судя по письменным и этнографическим источникам, башкирами в качестве боевого оружия не использовались. Топоры применялись при охоте на медведей и как деревообрабатывающий инструмент [Руденко, 1955. С. 75, 144]. Малочисленность топоров в погребениях и их форма согласуется преимущественно с хозяйственным назначением этого инструмента у приуральского населения лесостепи в XII–XIV вв.

Еще в XIX в. лук являлся основным охотничьим оружием башкир [Руденко, 1955. С. 72]. С.И. Руденко различает три вида башкирских луков: боевой, простой охотничий и сложный охотничий. Первый отличался от двух последних наличием роговых пластин, придающих жесткость и увеличивающих убойную силу лука. Выделяется также ряд стрел, применявшихся только на охоте. Это стрелы с деревянными наконечниками, иногда имевшими костяные обоймы. Такие стрелы применялись при охоте на пушного зверя. На крупного зверя использовались стрелы с костяными наконечниками, а также железные лавролистной и ромбической формы. Железные наконечники использовались также и на боевых стрелах. По форме железные наконечники не подразделяются на охотничьи и боевые. С.И. Руденко отмечает лишь, что наконечники боевых стрел в отличие от охотничьих крепились к древку сухожильной обмоткой [Руденко, 1955. С. 73]. Последнее практически невозможно

проследить на археологических материалах. Данные С.И. Руденко позволяют предположить, что костяные накладки, найденные в погребениях XII–XIV вв., происходят от боевых луков, а также отнести костяные наконечники стрел к разряду охотничьих. Однако в памятниках XII–XIV вв. не прослеживается четкой корреляции боевых луков с определенными наконечниками стрел. С костяными накладками от луков встречаются как железные, так и костяные наконечники стрел. Возможно, это связано с особенностями погребального обряда, либо говорит о том, что в более раннее время башкиры применяли в бою наряду с железными и костяные наконечники стрел. В целом следует констатировать, что башкирский комплекс вооружения этнографической современности сформировался в X–XI вв. и сохранялся практически неизменным в общих чертах. Последнее говорит об отсутствии каких-либо кардинальных изменений в военном деле населения лесостепного Урала.

Наиболее значительными событиями эпохи XII–XIV вв. стали завоевательные походы монголов и образование огромной империи Чингизидов. Несмотря на большое количество сведений об этих широкомасштабных военных действиях, процесс завоевания монголами лесостепного Приуралья освещен крайне скудно. Существует упоминание Юлиана о том, что в отражении первого монгольского похода на Болгарию участвовали мадьяры (то есть угры), которые обитали на границе болгарского государства [Аннинский, 1940. С. 81]. Это была первая схватка (1223 г.) болгар и монголов, закончившаяся успешно для первых.

Следующая встреча монгольского и болгарского войска произошла в 1229 г., когда возле р. Яик (Урал) были разбиты «сторожеве Болгарские» [ПСРЛ, 1962. С. 453]. Возможно, один из этих сторожевых постов, размещался на Сакмарском городище, которое находится недалеко от современного г. Оренбурга, оно было исследовано Н.А. Мажитовым в 1975 г. [Мажитов, 1977. С. 53]. Здесь была найдена гончарная болгарская керамика и следы пожара. А.Х. Халиков и И.Х. Халиуллин считают, что в 1224–1227 гг. болгары возвели засечные черты в районе рек Урала, Белой, Кондурчи, Б. Черемшан и Ик [Халиков, Халиуллин, 1988. С.8]. Из этого следует, что Приуралье частично входило в территорию Волжской Болгарии. Последнее неудивительно, так как, по мнению Е.П. Казакова, значительная часть постпетрогромско-чиялыкского населения участвовала в создании этноса волжских болгар и их культуры [Казаков, 1987. С. 26].

Также в составе башкирского племени усерган есть подразделение нагман. Это наименование переводится как «пограничное сооружение» или «племя для охраны границ» [Кузеев, 1974. С. 458]. Таким образом, часть населения Приуралья могла участвовать в отражении монгольского нашествия в составе болгарской армии как пограничные войска. Поэтому неудивительно видеть среди народов, оказавших сильное сопротивление монголам, перечисленным в «Сокровенном сказании» — Бачжигатов, то есть башкир [Сокровенное сказание... С. 191].

После взятия болгарской столицы в 1236 г. монголами и захватом основной территории Волжской Болгарии сопротивление народов Урало-Поволжья захватчикам ослабевает. Вероятно, после этого борьба с монголами выливается в сопротивление отдельных отрядов и партизанскую войну. В письменных источниках нет никаких сведений о дальнейшем ходе завоевания монголами Приуралья.

Некоторую информацию можно извлечь из башкирских преданий, относящихся ко времени монголо-татарского нашествия: «Бурзяне во времена ханов», «Биксура», «Акман-Токман» [БНТ, 1987]. Здесь можно выделить эпизод из предания «Бурзяне во времена ханов», где говорится о бое на Тимеровском перевале. Он показывает, что у башкирского населения не было достаточно сил для открытого боя с монгольскими завоевателями. Поэтому башкиры встречали неприятеля в труднодоступных местах и сражались на выгодной для себя позиции, такой например как горный перевал.

В предании «Акман-Токман», описывающем борьбу башкир против монгольских баскаков, достаточно подробно описана тактика партизанской войны, которую применяло местное население. Военные действия активизировались, как правило, летом. Устраивая засады и используя фактор неожиданности, повстанцы добивались успеха. Население, не участвовавшее непосредственно в военных действиях, укрывалось вместе со скотом в горах. На зиму повстанческие отряды уходили в горы, где были недосыгаемы для монгольских войск.

Аналогичную тактику ведения партизанской войны описывает А.С.Доннели, анализировавший башкирские восстания XVI–XVIII вв. [Доннели, 1995. С. 66]. Он же добавляет очень важные для нас детали: «...башкиры не умели сражаться в пешем строю. ... башкиры не были хорошо организованы в военном отношении. Они редко сохраняли организованный строй, с ними легко было справиться в открытом бою». Русские офицеры — очевидцы действий башкирской конницы в войне 1812–1814 гг. —

отмечают, с одной стороны, личную храбрость, с другой, недисциплинированность башкирских воинов [Бауманн, 1992. С. 124].

Эти наблюдения перекликаются с утверждением С.И. Руденко об отсутствии у башкир «больших облавных охот» [Руденко, 1955. С. 78]. Известно, что облавные охоты служили для кочевников не только как способ добычи провианта, но и как своего рода военные учения — выработка навыка плотного кавалерийского строя. Исходя из этого и складывалась тактика ведения боевых действий башкирских повстанцев — молниеносные набеги в наиболее неожиданных для противника местах.

Эти боевые качества проявляются также в использовании башкирских полков на службе Российской империи. Наряду с казачьими соединениями башкирские конники выполняли роль иррегулярной кавалерии — несли пограничную службу, охрану обозов и пленных [Бауманн, 1992. С. 123–125]. В Отечественную войну 1812 г., в период наиболее массового использования иррегулярных частей в русской армии, башкирская конница участвовала в полевых сражениях.

Наибольшую эффективность башкирские полки проявили в так называемых «немых» атаках. Перед такой атакой «башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а две другие кладет на лук...» [Асфандияров, 1992. С. 22]. Стремительное приближение молчаливой конной массы действовало впечатляюще на моральное состояние противника [Бауманн, 1992. С. 124]. При приближении на расстояние выстрела из лука противник осыпался тучей стрел (каждый всадник выпускал по четыре стрелы), затем башкиры обрушивались на неприятеля с пиками. Довольно часто неприятель не выдерживал такого натиска. В противном случае применялась тактика заманивания. Производилось показное отступление, неприятель бросался в погоню, нарушая боевой порядок. После этого бегущие разворачивались и повторяли атаку, одновременно бросалась в атаку часть, находившаяся в засаде. Оказавшись между двух огней, неприятельская кавалерия чаще всего не выдерживала натиска и обращалась в непритворное бегство [Асфандияров, 1992. С. 14].

Успех такой тактики в большой степени зависел от индивидуальной подготовки каждого воина. Поэтому в воспитании башкирских мальчиков и юношей большое место занимала военная подготовка — виртуозное управление конем и владение оружием [Искужин, 1992. С. 141]. Подобные атаки

могли проводиться только на открытых равнинных пространствах, поэтому на военном театре Западной Европы не всегда представлялась возможность использовать легкую кавалерию с должной отдачей.

Одной из реалий жизни башкир башкир была «барымта» — военный набег на чужое племя с целью угона скота, рабов и другого имущества [Руденко, 1955. С. 45]. Набеги совершались взаимно башкирами, казаками и калмыками друг на друга.

Наиболее информативные сведения о барымте сохранились в исторических преданиях башкирского народа. В сказании «Баяс-батыр» повествуется об отражении грабительского набега казахов на башкир, кочевавших по р. Сэди (Саратовская обл.). Баяс-батыру — главе башкир удалось собрать отряд из соседних селений и захватить неприятеля врасплох, во время ночного отдыха. Произошла погоня, но, вероятно, силы казахов были превосходящими, поэтому башкиры после того, как пришельцы опомнились от внезапной атаки, сами обратились в притворное бегство. Таким образом, незваные гости попали в засаду и были разбиты. В предании заключительная фаза боя передается как единоборство башкирского и казахского богатырей. В этом сюжете отчетливо описывается один из военных приемов кочевников: притворное бегство с целью заманивания противника в засаду. Этот тактический прием башкиры использовали в Отечественной войну 1812 г., описанный выше.

Организация башкирского войска носила родоплеменной характер. Например, отряды, отправляющиеся за «барымтой», собирались исключительно из родственников. Предводителем в походе выступал, как правило, глава рода и одновременно военачальник — бий, или кто-либо из его ближайших родственников. О такой организации военных предприятий сообщается в преданиях «Исмаил и Даут» и «Бэндэбика и Ерэнсэ-сэсэн». В случае военной опасности из числа родственников собиралось ополчение.

Существовало такое военное подразделение, как «алай». Оно переводится русским эквивалентом «полк» [БНТ, 1987. С. 538]. Но вряд ли это понятие полностью соответствует русскому полку. Вероятно, здесь можно проводить аналогию только по количественному составу между алаем и полком. Более мелкие подразделения башкирского войска в преданиях не упоминаются. Внутренняя организация башкирского алая, вероятно, соответствовала структуре аналогичных казачьих соединений — деление на сотни и десятки. Как правило, во главе

ополчения становились представители местной знати. В предании «Последний из Сартаева рода» глава родоплеменного объединения назначает военачальниками — биями своих сыновей, достигших возраста егетов. Таким образом, военным предводителем являлся либо глава родоплеменного объединения, если он молод, либо его наследник.

Престарелый аксакал участвовал в военных действиях лишь в исключительных случаях, например таких, как описанный в предании «Старик Муйнак». Здесь яяляу неожиданно подвергается нападению врага в отсутствие сыновей Муйнака. Старику, как главе рода, пришлось организовывать отпор самому. Родоплеменная организация башкирских ополчений сохранялась, вероятно, и при участии башкир в войсках государственных образований. На это указывает упоминание в предании «Акман-Токман» о том, что каждому башкирскому роду монгольский хан в знак своей власти вручал тамгу и уран (клич). Последний служил в качестве сигнала в бою. В случае неудачной атаки, внезапного нападения или бегства с помощью знамен (байраков) и клича расстроенное войско собиралось для атаки. Поскольку каждый башкирский род имел свой боевой клич, значит, в упомянутых случаях воины собирались на свой уран и в атаку воины одного рода шли вместе.

Материалы башкирских преданий не позволяют также согласиться с точкой зрения о существовании у башкир профессиональных дружин, высказанной Н.В. Устюговым и А.Н. Усмановым [Руденко, 1955. С. 45]. Из контекста преданий следует, что батыр, отправляясь в военный поход или готовя отпор неприятелю, всегда сзывает всех желающих из числа членов своего рода. То есть у военачальника под рукой нет постоянной вооруженной силы, всегда готовой к бою. Особенно четко это выступает в обычае «барымты». В этих походах обычно участвовала молодежь рода, все исключительно добровольцы. Нигде в преданиях не упоминается о верных нукерах, которым батыр должен оплачивать их службу. Скорее, наоборот, власть военачальника держится исключительно на моральном и физическом авторитете. Потерпевший военную неудачу батыр становится объектом упреков соплеменников. Например так, как это описано в предании «Бэндэбика и Ерэнсэ-сэсэн». Вернувшемуся из неудачного похода Ерэнсэ-сэсэну сородичи выговаривают: «Где наши сыновья? Это ты виноват в их гибели! Не послушал совета умного человека и вверг в позор и себя и наших детей.» [БНТ, 1987. С. 538].

Распространенное в некоторых работах мнение о существовании у башкир ханских дружин основа-

но на упоминаниях в легендах и письменных источниках о союзе 12 башкирских племен под водительством Мясем-хана и хана Башджурта, имевшего под своим началом 2000 конного войска. Сведения о хане Башджурте относятся к периоду пребывания башкирских степных племен в Приаралье в составе кочевого объединения Кангюй, где доминирующей силой выступали канглы (кенгересы, печенеги). Племена баджнаков и баджгардов выступают как союзники печенегов в войне против карлуков и кимаков. Потерпев поражение печенеги и их союзники вынуждены были покинуть степи Приаралья. Часть башкирских племен укрылась на Южном Урале. Здесь они уже не составляли единства. После выпадения башкир из политической орбиты Кангюй социальная структура их общества упростилась. Сказалось также влияние родоплеменной организации общества, ассимилированного тюркоязычными башкирами местного финно-угорского населения. На Урале у башкир не фиксируется общей надплеменной организации, в преданиях племена выступают всегда самостоятельно, кроме того, они часто имеют различное происхождение, что влекло за собой межплеменные конфликты.

Непонятным пока остается отсутствие сведений в преданиях башкир об укрепленных поселениях. Хотя, как свидетельствуют археологические источники, в XII—XIV вв. на территории обитания башкир продолжали использоваться укрепленные поселения. Письменные источники в ряде случаев также указывают на существование в стране башкир укрепленных пунктов. Например, на карте Идриси, относящейся к XII в., в стране внутренних башкир обозначены три города: Карукия, Касра и Масра [Коновалова, 1999. С. 192]. Но уже в XIII в. Вильгельм Рубрук называет башкир пастухами, не имеющими никакого города. Вполне вероятно, что существовавшие в Приуралье укрепленные поселения были разрушены в ходе монгольского завоевания и впоследствии не восстановлены. Это предположение может быть подкреплено археологическим материалом.

На городища XII—XIV вв. в археологической литературе менее всего обращено внимания, несмотря на то, что многие памятники известны давно и неоднократно подвергались раскопкам. Наиболее известным и ранее всех исследованным является Уфимское (Чортово) городище. В 1910—1912 гг. оно раскапывалось В.В. Гольмстен. Ею была получена богатая коллекция керамики. Среди последней содержится некоторое количество лепной керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом

аналогичной посуде чияликского типа и гончарной керамики болгарского облика. Этот комплекс посуды датируется XII–XIV вв. Еще ранее Ф.Д. Нефедовым был опубликован железный замок, происходящий с Уфимского городища и подтверждающий дату указанного керамического комплекса [Нефедов, 1899]. Так же в фондах Национального музея РБ хранится, случайно найденный на Уфимском городище железный наконечник стрелы золотоордынского времени.

В 1928 г. А.В. Шмидтом были обследованы городища Чандар (Соколиный Камень) в Нуримановском районе р.Уфе и Кара-Абыз возле г. Благовещенска на р.Белой. Ранее, в 1920 г. местные краеведы Пинегин и Морозов собрали небольшую коллекцию металлических предметов с городища Чандар. Находки поступили в Башкирский Центральный Краеведческий музей (ныне Национальный музей РБ). Среди находок есть железное стремя XII–XIV вв. А.В. Шмидт сообщает так же о находках местными жителями на территории городища седла с серебряными украшениями, железных и костяных наконечников стрел, топора, молотка и некоторых других предметов эпохи позднего средневековья [Шмидт, 1929].

На городище Кара-Абыз А.В. Шмидтом были произведены небольшие раскопки и разрезан траншеей внутренний вал. В верхних слоях были найдены серьга XI–XII вв. и железные вещи эпохи позднего средневековья [Там же]. Так же собрана коллекция керамики чияликского типа.

В 1977 г. В.А. Ивановым были продолжены исследования городища. Из всей массы керамики им был выделен комплекс позднесредневековой посуды (8 сосудов), орнаментированной горизонтальными оттисками шнура и мелкозубчатого штампа.

В 1956 г. А.П. Шокуров во время обследования городища Такталачук в Краснокамском районе получил от местных жителей два железных топора, происходящих с территории городища. Топоры датируются XII–XIV вв. Один из них аналогичен топору, найденному в средневековом погребении Шиповского могильника. Н.А. Мажитов, исследовавший в 1963–1964 гг. городища Торналинское и Старо-Калмашевское, обнаружил на них слои XII–XIV вв. [Мажитов, 1981. Рис. 11; Мажитов, 1981а. С. 223].

Все городища этой группы основаны на месте более древних поселений. Этот факт, а так же небольшая насыщенность поздних слоев находками позволили ускользнуть большей части памятников XII–XIV вв. от внимания исследователей. Эти горо-

дища занимают обширную территорию как лесостепного левобережья р. Белой, так и её лесное правобережье. Особняком стоит Торналинское городище, которое находится на левом берегу р. Ай в Месягутовской лесостепи. Поселения занимают высокие (от 19 до 80 м) мысы коренных речных террас. Исключение составляет Старо-Калмашевское городище расположенное на мысообразной возвышенности урочища Калатау.

Три городища защищены одной линией вала и рва. Уфимское городище имеет две площадки и две линии валов. Торналинское – три площадки и три линии укреплений. Кара-Абызское – две площадки, внутренняя защищена двойной линией, внешняя одинарной линией валов и рвов. На Торналинском городище исследования показали, что в средневековье здесь была заселена лишь мысовая площадка, на остальных найден только слой эпохи раннего железа, поэтому этот памятник так же можно считать одноплощадочным. Площадь поселений варьируется в пределах 2 000–18 000 кв.м.

Остатки укреплений представляют собой валы высотой 1–3,5 м перед которыми почти во всех случаях имеется ров глубиной 0,5–1 м. Проходы фиксируются на Старо-Калмашевском, в центре вала, и на Уфимском и Кара-Абызском, у края оборонительной линии. Дополнительных укреплений ни на одном городище не зафиксировано, за исключением Старо-Калмашевского. Здесь наблюдается канавка во всему периметру поселения, но ее трудно отнести к конкретному периоду жизни поселения.

Оборонительные сооружения исследовались на Старо-Калмашевском, Уфимском и Кара-Абызском городищах. При исследовании вала Старо-Калмашево выявлено два строительных горизонта: нижний относится к караякуповскому этапу, верхний вероятно – к позднему средневековью. После гибели раннего укрепления здесь было построено новое укрепление. Его конструкцию проследить не удалось. Выяснено лишь, что при его строительстве было использовано дерево, камень и грунт, взятый с территории поселения. Последнее обстоятельство и позволило отнести второе укрепление к посткараякуповскому времени, так как поздняя насыпь вала целиком состояла из культурного слоя содержащего остатки караякуповского времени. Судя по стратиграфическому срезам и распределению камней толщина стены достигала 4 м. С наружной стороны фундамент стены был укреплен прослойкой глины со щебнем, взятой вероятно из рва. Ров представлял собой неглубокую канаву глубиной около 0,5 м., вырытый в 4,5 м от стены. Ров не содержал культурных остатков. Он мог использоваться лишь только

как водоотвод и никак не мог быть препятствием для штурмующих.

Подвергались раскопкам так же оба вала Уфимского городища. Внешний вал был разрезан поперечной траншеей В.В. Гольмстен в 1910–1912 гг., а внутренний Ю.А. Морозовым в 1973 г. Внешний вал достигает 4,5 м в высоту и 25–27 м в ширину. В узкой траншее никаких конструктивных особенностей уловить не удалось. Верхний, наиболее поздний горизонт вала содержал большое количество камней и культурных остатков бахмутинского периода жизни поселения [Збруева, 1952. С. 305]. Внутренний вал так же содержал несколько строительных уровней. Наиболее поздний состоял из культурного слоя с остатками бахмутинского времени. С внешней стороны вала найдено скопление крупных известняковых плит. Имевшийся неглубокий ров был засыпан щебенкой, вероятно попавшей туда после разрушения этого укрепления. Рвы Уфимского городища также не представляют собой серьезного препятствия и использовались вероятно как водоотводы.

Исследованный А.В. Шмидтом, внешний вал Кара-Абызского городища содержал два строительных горизонта. По замечанию автора раскопок верхний горизонт был насыпан «не ранее чандарской эпохи». Последний состоял из тонкой прослойки глины и известковых плиток поверх него. Ранний и поздний валы разделял слой погребенного культурного слоя с остатками чандарского (бахмутинского) времени. Вероятно в бахмутинский период жизни поселения внешний вал не использовался и был затяннут культурным слоем. Поздний вал был насыпан в постбахмутинское время. Поскольку верхний культурный слой на городище датируется XII–XIV вв., этим же временем можно датировать последнюю перестройку вала.

В дополнении к этому можно отметить присутствие камня в валу городища Чандар. Здесь А.В. Шмидтом в толще вала визуально зафиксированы плиты известняка размером 0,6 x 0,4 м.

Таким образом, характерными чертами башкирских городищ XII–XIV вв. являются: 1. создание поселений на месте древних городищ, преимущественно с мысовым расположением, 2. преобладание одноплощадочных поселений с однорядной системой укреплений, 3. использование при строительстве укрепленных линий заброшенных валов, 4. использование при возведении стен дерева, грунта (как правило, культурного слоя с площадки поселения) и камня (известняковых плит естественного происхождения), 5. мелкие рвы-водоотводы,

6. наличие одного прохода в центре или у края оборонительной линии.

К этой группе городищ по конструкции оборонительных линий примыкают еще несколько поселений. В первую очередь это хорошо известные в литературе Шиповское (Рамазанка) и Охлебининское II (Ак-Таш) городища [Пшеничнюк, 1973; Он же, 1976]. Вал Охлебининского городища был исследован А.Х. Пшеничнюком в 1965 г. Насыпь вала содержала большое количество крупных камней, в центральной части вала – мощная прослойка золы. В насыпи встречались культурные остатки эпохи раннего железа. Конструкция стены не выявлена. Ров не глубокий, в нем так же находилось большое количество камней, видимо ссыпавшихся со сгоревшей стены. Исследованная часть вала возводилась одноактно и перекрывала поздние погребения Охлебининского могильника эпохи раннего железа. Последнее обстоятельство не позволяет отнести укрепления Охлебининского городища к раннему железному веку, несмотря на культурный слой этого времени сосредоточенный в юго-восточной части городища. Возможно, укрепления одновременны раннемусульманским башкирским погребениям XII–XIII вв., которые исследованы на площадке городища В.А.Ивановым.

Сходная ситуация сложилась и с Шиповским городищем. В 1994 г. автором при исследовании вала была выявлена следующая картина: основу стены составляла деревянная конструкция, следами которой являются столбовые ямки, идущие в два ряда. Расстояние между рядами (т.е. толщина стены) – 1,5–2 м. Параллельно ямкам располагались две гряды камней, состоящих из крупных обломков известняковых плит. Вероятно, камни были уложены с наружной стороны стены с обеих сторон. Пространство между каменными грядами было заполнено гумусом с культурными остатками эпохи раннего железа. Косвенным доказательством в пользу поздней датировки Шиповских валов могут служить погребения XII–XIV вв. исследованные на Шиповском могильнике.

В целом можно отметить следующее: применение камня при возведении укрепленных линий городищ получает широкое распространение в XII–XIV вв. Этот признак в некоторых случаях может выступать как датирующий фактор.

Практически на всех поздних городищах укрепления погибли в результате пожара. Время гибели городищенских укреплений установить довольно трудно. Но обращает на себя внимание тот факт, что в поздних материалах этих поселений нет слоев золотоордынского времени, за исключением Торна-

линского городища, где найдена поливная керамика эпохи Золотой Орды. Домонгольским периодом датируются захоронения на Охлебининском городище [Иванов, Кригер, 1988. С. 27–28]. Большинство башкирских легенд и преданий, связанных с историческими событиями, относятся к монгольской и постмонгольской эпохе, когда возведение укреплений перестало практиковаться населением уральской лесостепи, либо могло находиться под запретом со стороны монгольских ханов.

С другой стороны, большинство сведений о военных действиях в преданиях связано с южным кочевым населением. Военные действия начинались весной и продолжались в течение всего лета. Поэтому практически во всех сказаниях враги нападают на яйляу-летовки, которые были временными поселениями и, естественно, не защищались долговременными сооружениями. Зимники редко фигурируют в легендах и сказаниях. Из этнографического материала мы знаем, что на зимниках сооружались долговременные жилища, довольно часто это были дерновые, саманные, плетеные, каменные или бревенчатые избы [Руденко, 1955. С. 217–222]. Зимники обычно устраивались башкирами у рек и озер. Это позволяло иметь источник воды, а также давало дополнительный корм для скота — молодые побеги и деревья вяза, ильма, липы, которые росли в поймах рек [Руденко, 1955. С. 111, 246]. Если башкиры когда-то строили оборонительные сооружения, то это имело смысл делать лишь на зимниках. Сезонность укрепленных поселений XII–XIV вв. в лесостепной зоне Урала не вызывает сомнений — культурный слой слишком мал для постоянного пребывания людей, а в южных городищах отсутствует вовсе (Шипово, Охлебинино). Городища, как правило, находятся возле крупных рек, где даже в самые снежные зимы также можно найти корм для скота. Приемы возведения стен средневековых лесостепных городищ Урала находят некоторые параллели в домостроительных традициях башкир. Характерная для городищ XII–XIV вв. традиция применения камня в строительстве стен находит аналогии в башкирском домостроительстве — в местах богатых плитняком башкиры возводили каменные «избушки» [Руденко, 1955. С. 219]. Существовавший у северо-восточных башкир способ строительства домовых стен из двойного плетня напоминает принципиальную схему возведения укреплений шиповского городища — двойная стена из бревен, заполняющаяся грунтом. Вполне вероятно, что средневековые городища являются сезонными башкирскими поселениями-зимниками. Наиболее четко в эту схему

укладываются караякуповские городища и городища XII–XIV вв. Первые в основном сосредоточены в бассейне р. Демы и не имеют поблизости крупных могильников. Караякуповские кладбища южной группы сосредоточены на границе степи, вероятно, в районе летних кочевков. Поздние городища расположены на крупных реках в основном в горно-лесных районах (Торналы, Чандар, Кара-Абыз). Последнее указывает на неспокойную обстановку в приуральской лесостепи в XII–XIV вв. Население вынуждено было уходить вглубь горно-лесной зоны, чтобы обезопасить себя от вражеских нападений. Следы разрушений обнаружены на городищах, расположенных вблизи открытых пространств (Старо-Калмашево, Кара-Абыз, Уфимское (Чертово), Шипово, Охлебинино). На этих же поселениях отсутствуют предметы монгольского времени.

В золотоордынскую эпоху продолжает функционировать Торналинское городище, расположенное на северо-востоке Башкирии и защищенное удаленностью и труднодоступностью. Хлынувшее в уральскую лесостепь степное население, спасающееся от монгольских захватчиков, потеснило башкир из южных районов и вместе с монголами способствовало тому, что укрепленные поселения среднего течения р. Белой перестают функционировать. Вхождение основной части Башкирии в состав Золотой Орды означало также то, что монгольские феодалы захватывали лучшие земли башкир, вытесняя их с мест традиционных летовок и зимовок. Известно, что на покоренных степных пространствах монголы незанятые ими пастбища распределяли между подвластным населением [Мажитов, Султанова, 1994. С. 252–253].

Таким образом, лишившись старых зимовок, где, возможно, были возведены укрепления, башкиры вынуждены были искать новые места поселений, где уже не могли строить новые оборонительные сооружения. Старые башкирские укрепленные зимовья могли использоваться захватчиками. Как, например, Чертово (Уфимское) городище, которое, по легендам, служило ставкой ногайскому хану [История Уфы. С. 18].

Ко времени вхождения башкир в русское подданство традиция возведения фортификационных сооружений была полностью предана забвению. Поэтому до нас не дошло каких-либо сведений о фортификационном искусстве лесостепного населения Урала, кроме археологических материалов. Русские, столкнувшиеся с сопротивлением башкир во время восстаний последних, отмечали, что местное население не использует каких-либо крепост-

ных строений и не умеет штурмовать крепости [Доннели, 1995. С. 66].

Таким образом, башкирское войско представляло собой кавалерию вооруженную как дистанционным оружием — луком и стрелами, так и оружием ближнего боя — саблями и копьями. Некоторая часть всадников была защищена доспехом — кольчугами, панцирями, шлемами. Однако эта тяжело-вооруженная часть войска не составляла единого целого, а была вкраплена в общую массу воинов. Не зная регулярного строя и не применяя массированного удара тяжеловооруженной массы всадников, башкирское войско могло выполнять лишь роль легкой кавалерии — быстрой, маневренной, но неустойчивой в ближнем бою. Ополчение имело родоплеменную структуру. Основной воинской единицей выступает алай, численность которого могла приблизительно равняться казачьим полкам. Военный строй как таковой отсутствует. Возможно, лишь предположить о построении конных частей перед атакой. В таком построении опять же использовался родоплеменный принцип. Военное ополчение башкир редко выступает как самостоятельный военно-политический фактор. Чаще всего это небольшие временные военные отряды, созданные на период «барымты» или контингенты, набранные из башкирского населения для несения военной службы в армиях государств, владеющих в данный момент башкирской территорией. Самостоятельное значение военные объединения башкирского населения приобретали в ходе восстаний. Но и тогда башкиры практически не вели планомерных операций и не имели объединенных вооруженных сил, а ограничивались тактикой партизанской войны.

Генетическая преемственность населения уральской лесостепи XII–XIV вв. с башкирами XVI–XIX вв. и отсутствие значительных расхождений в комплексах вооружения говорят о неизменности воинских навыков и тактики ведения военных действий уральского лесостепного населения на протяжении по крайней мере XII–XIX вв. Это также подтверждается сходством использования Волжской Болгарией и Россией военных сил башкир как пограничных войск и схожей тактикой борьбы башкир против монгольских завоевателей и войск русского царя. Следовательно, военную

организацию и тактику ведения боевых действий башкир в XII–XIV вв. можно реконструировать следующим образом. Военное ополчение представляло собой легковооруженную конницу, основными достоинствами которой являлись стремительность натиска и маневренность. Эти качества дополнялись высокой воинской подготовкой и личной храбростью в бою, а также выносливостью и нетребовательностью в походе рядовых воинов.

Слабой стороной являлось отсутствие дисциплины, невысокая организованность вооруженных масс и, как следствие, недостаток выдержки в ближнем бою. Исходя из этого, применялась тактика стремительной кавалерийской атаки, где противник подвергался массированному обстрелу из луков, а затем в ход вступали копья и пики. Эффективным было также применение обманного бегства и засад. Эти маневры, несомненно, были известны южно-уральскому населению, достаточно вспомнить удачную засаду, устроенную болгарским войском монголам. Самостоятельной роли башкирских войск в XII–XIV вв. не прослеживается. Воинские соединения башкир последовательно входили в состав вооруженных сил государств Восточной Европы: Волжской Болгарии (где несли пограничную и, возможно, иную службу) и Золотой Орды (известно об участии башкир в войне Тохтамыша и Тамерлана, на стороне первого). В армиях этих государств военные части башкир играли роль легкой кавалерии. Они, по сведениям русских летописей, принимали участие в междоусобных войнах русских князей XII в. В частности, башкиры-кипчаки во главе с ханом Башкордом в 1151 г. вместе с войском князей Юрия Догорукова, Владимира и Изяслава Давыдовичей воевали с войском киевского князя Изяслава Мстиславича [Плетнева, 1990]. Башкирское население не имело возможностей в одиночку бороться с сильными соседями. Социально-политическая структура общества не создавала предпосылок для организации объединенного отпора захватчикам. Поэтому в случае вторжения неприятеля на территорию Урала башкиры применяли тактику партизанской войны. При этом каждое родовое или племенное подразделение вело военные действия в основном на своей территории.

АНТРОПОЛОГИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В процессе раскопок Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника было извлечено из погребений 15 черепов различной степени сохранности. После камеральной обработки, реставрации разрушенных черепов пригодными для измерений и описания оказались 3 мужских и 2 женских черепа. Малочисленность палеоантропологического материала (15 черепов из 102 погребений) объясняется очень плохой сохранностью костяков как в курганной, так и в грунтовой части могильника. Наличие насыпи в подкурганных захоронениях способствовало несколько лучшей сохранности костяков, но они в большинстве случаев оказывались грабленными, а черепа разрушенными. Несмотря на малочисленность краниологический материал очень выразителен как в расовом, так и морфологическом отношении, что особенно четко проявляется при сравнительном анализе мужских и женских черепов с учетом полового диморфизма.

В работе дается описание двух мужских черепов из погребения № 5 раскопа 1 и погребения № 6 кургана 10. Возраст погребенных определялся по степени облитерации черепных швов между отдельными костями и равен соответственно у первого — 30–35 лет, у второго — 45–50 лет. Стертость жевательной поверхности коренных зубов соответствует указанному возрасту. Следует отметить отличное состояние зубной системы и отсутствие на ней следов воспалительных процессов в виде кариеса или кист в альвеолярной части верхней и нижней челюстей.

Морфологически оба черепа относительно крупные с хорошо развитым костным рельефом. Надбровные дуги четко оформлены (оцениваются двумя баллами) со средневыступающим надпереносьем (три балла). Необходимо отметить сильное развитие костного рельефа затылочной кости с резко выраженным затылочным бугром и сосцевид-

ными отростками, что может указывать на крепкое физическое развитие, особенно мышц шейной и спинной областей. Последнее достигается при длительной езде верхом на лошади и характерно вообще для мира кочевников и полукочевников—скотоводов.

Оба черепа за исключением отдельных размеров морфологически близки друг-другу, характеризуются средними размерами продольного и поперечного диаметров (180,5 мм и 139,5 мм), что в итоге по указателю дает мезокранную форму черепной коробки (77,3). Необходимо отметить тенденцию к брахикрании на черепе из раскопа 1, погребения № 5 за счет относительно малой величины продольного диаметра черепной коробки (172 мм) и уменьшение высоты свода черепной коробки (136 мм против 143 мм из погребения № 6 кургана 10).

Оба черепа характеризуются большой длиной основания черепа и относительно широким его основанием. Остальные линейные размеры черепа, особенно лицевой ее части, очень близки друг другу, доходя до идентичности. Так, например, оба черепа характеризуются одинаковой шириной лба (94 мм), которая укладывается в категорию средних, а также абсолютно одинаковой величиной угла профиля лба от назиона (82°). Одинаково выраженное надпереносье дает одну картину наклона лобной кости от глабеллы в 73°.

В отношении лицевого скелета также налицо общность происхождения комплекса антропологических признаков исследуемых черепов. Лицо на обоих черепах широкое (140,0 мм), средневысокое (71,5 мм), полная высота лица на верхней границе средних размеров и достигает 120 мм. Клыковые

ямки четко выраженные, достаточно глубокие (5,5 мм).

В горизонтальной плоскости на уровне точки назион (переносье) лицевой скелет слабо профилирован, назомалярный угол достигает $145,8^\circ$. На нижнем уровне горизонтальной плоскости профилированность лица, наоборот, усиливается, на уровне точки субспинале зигомаксиллярный угол составляет $127,5^\circ$. Такое соотношение углов горизонтальной профилированности может говорить о метисной природе носителей этого комплекса признаков.

В вертикальной плоскости общий лицевой угол достигает $82,5^\circ$ при также большом угле альвеолярной части верхней челюсти — $83,5^\circ$. Это указывает на ортогнатную форму лицевого скелета, что характерно для европеоидных популяций.

Орбиты (глазницы) широкие — 44 мм, высота на границе средних и больших величин — 35 мм. Высота и ширина носовых костей определяются средними величинами соответственно 52,5 и 25 мм.

Высота переносья, определяемая от дакриальной и симотической точек, включается в категорию верхней границы средних размеров (11,5 мм и 3,8 мм). Носовые кости к линии профиля резко выступают, угол выступания носа составляет $30,5^\circ$. Нижний край грушевидного отверстия заострен, расположен горизонтально, без предносовых ямок, т.е. характеризуется антропинной формой. Описание краниологического материала приводится по общепринятой методике российских антропологов [Алексеев, Дебец, 1964; Рогинский, Левин, 1978].

В целом, описываемый комплекс признаков характерен для европеоидных популяций с небольшой «монголоидной» примесью: некоторая уплощенность лицевого скелета в горизонтальной плоскости на уровне переносья, широковатое лицо, скорее всего от местного, сарматоидного происхождения населения предшествующего времени с примесью некоторых уралоидных признаков, возникших скорее всего в результате брачных контактов с местными племенами карабызской, а затем мазунинской культур в правобережье низовьев Белой и Камы.

Сказанное иллюстрируется немногочисленным (2 экземпляра), но очень выразительным женским краниологическим материалом. К сожалению, отсутствие сравнительного материала по женщинам не позволило их включить в анализ, так что приходится довольствоваться их описанием.

Женские черепа из раскопа 5 погребения № 8 (35–45 лет) и из раскопа 1 погребения № 6 (40–45 лет) практически идентичны по расовому типу и

относятся к одному уральскому типу, очень архаичному, слабо дифференцированному. Об этом говорят форма черепной коробки, средние размеры лицевого скелета, небольшие размеры орбит не с острыми, а сглаженными краями, а также низкое переносье и небольшой прогнатизм в области альвеолярной части верхней челюсти. Материал как мужской, так и женский получен с одного могильника, скорее всего, по мнению археологов, синхронных по времени захоронений III–IV вв. Как уже говорили, исследованные черепа пришлых мужчин «сарматоидного» облика получены из курганный части могильника, а женские черепа с местным «уралоидным» набором признаков — из грунтовой части могильника. К сожалению, очень плохая сохранность скелетов в грунтовой части могильника не позволяет однозначно говорить о расовом типе погребенных здесь как мужчин, так и женщин. Судя по имеющимся женским черепам и их расовому типу, можно говорить, что грунтовая часть могильника относится к местному населению. Погребение в одном могильнике различных групп населения, относящихся к кочевникам степи и лесостепи и оседлому населению лесной полосы Южного Урала, говорит о мирных отношениях между ними на уровне брачных контактов. Существование различных типов захоронений и особенности расового типа женщин и мужчин говорит в пользу недавно начавшейся метисации в пределах 4–5 поколений, т.е. около 100–150 лет.

Для выяснения происхождения антропологического типа исследуемых мужских черепов, несколько необычного среди общей массы уралоидного комплекса признаков, на остальной, особенно женской части материала, проведем сравнительный межгрупповой анализ с использованием различных методов многомерной математической статистики. В нашем случае будет применен метод главных компонент, основанный на межгрупповой корреляции 10 признаков черепной коробки, лицевого скелета и углов его профилированности в горизонтальной плоскости [Хартанович, Чистов, 1984. С. 74–105]. Указанный метод позволил также рассмотреть исследуемый материал из Старой Мушты и других серий черепов графически в пространстве I и II главных компонент. Далее, на основе попарного сопоставления краниологических серий по коэффициентам корреляций десяти признаков были вычислены расстояния D^2 Махаланобиса и построены дендрограммы, иллюстрирующие стати-

стическую взаимосвязь сравниваемых серий черепов в пространстве.

Для суммарного сопоставления привлечены 28 серий черепов, включающих материалы эпохи раннего железа с территории Южного Урала, Поволжья, Оренбуржья, Казахстана и Средней Азии. Для большей четкости анализа материала в пространстве I и II главных компонент, а также определения возможных расогенетических связей в анализе использованы серии черепов эпохи бронзы с этих же регионов.

В результате подсчетов было выделено 4 главных компонента, составляющих в сумме 70,7% общей изменчивости признаков, из которой 26,5% определяется первой компонентой, а 18,9% – второй. В дальнейшем они и будут использованы при интерпретации результатов анализа и построении графиков.

Первая компонента описывает, как видно из таблицы 4, не просто весь морфологический комплекс положительно скоррелированных признаков, а расовый комплекс признаков, когда увеличение одного признака сопровождается уменьшением другого в совокупности разграничивающих монголоидные и европеоидные популяции. 5 признаков из 14, как видно из таблицы, имеют высокую положительную корреляцию ((8), 48, 52, 45, Zm', 77),

а 5 – высокую отрицательную (1, 8, 17, 5, 75 (1)). По I-ой компоненте выделяются черепа, у которых короткий, широкий череп (брахикrania) сопровождается высоким лицом, высокими орбитами, большими углами горизонтальной профилированности лицевого скелета (Zm, 77) и уменьшением угла выступления носа (75 (1)).

По II-ой главной компоненте наибольшие нагрузки приходятся на ширину черепной коробки (8), наименьшую ширину лба (9), ширину лицевого скелета (45), высоту переносья (SS, DS) и б'льший угол выступаний носа в сочетании с резкопрофилированным скелетом (табл. 1).

Корреляция этих признаков и их величины указывают на наличие в сравниваемых сериях гиперморфного, широко–высоколицего с резко выступающими носовыми костями типа. Этот тип прослеживается в материалах эпохи бронзы – срубного и андроновского населения Южного Урала и Казахстана.

Второй комплекс признаков также короткоголовый, с широким, но низким лицом, широким лбом, высоким переносьем и сильно выступающими носовыми костями. Этот комплекс признаков характеризует савромато–сарматские серии черепов Южного Урала и сопредельных регионов смешанных по своему происхождению, а также население

Таблица 1. Результаты компонентного анализа 28 краниологических серий эпохи бронзы и раннего железа

Признаки	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
1	-0,761	0,168	0,039	0,354
8	-0,591	0,674	-0,213	-0,053
17	-0,432	0,219	0,769	-0,084
5	-0,378	0,266	0,772	0,009
9	-0,153	0,640	-0,391	0,144
45	0,308	0,683	0,445	-0,240
48	0,577	0,111	0,420	0,424
52	0,683	-0,064	0,458	-0,092
SS	-0,348	0,759	-0,331	-0,118
DS	0,240	0,439	-0,085	0,206
72	0,395	0,318	0,095	0,562
77	0,498	0,007	0,065	-0,738
Zm	0,723	-0,036	-0,118	-0,014
75(1)	-0,657	0,528	-0,102	-0,310
Собственное число	3,7	2,6	2,1	1,4
Общая дисперсия, %	26,5	18,9	15,2	10,1

лесостепи из Шипово и Охлебинино – представители караабызской культуры. Материал из Старой Мушты ближе к последним по характеру описанной изменчивости краниометрических признаков.

Локализация серий черепов на графике, в пространстве I и II главных компонент, дает более четкое представление о выявленных закономерностях во взаимосвязи признаков исследуемых серий черепов.

На графике довольно четко выделились 4 скопления мужских серий черепов. В левой части графика – серии черепов эпохи бронзы с территории Южного Урала, Казахстана, Поволжья и Минусинской котловины, здесь же – причерноморские скифы (табл. 3). Вторая группа – сакское население Арала, савроматы и сарматы Казахстана, сарматы Саратовской области и ранние сарматы Южного Урала из Ново-Мурапталово. Третье скопление включает сарматов Калмыкии, ранних сарматов из Старых Киишков, а также всех представителей кара-абызской культуры Южного Урала из Биктимирово, Охлебинино, Шипово и сармат рубе-

жа н.э. из Уметбаево. Мужские черепа из Старой Мушты органично вписались в круг этих памятников, оказавшись наиболее близкими к серии черепов из Охлебинино и Уметбаево (табл. 3).

Серия черепов пьяноборской культуры из Камышлы-Тамакского и Кушулевского могильников локализуется отдельно в стороне от всех сравниваемых материалов (табл. 3).

Ранжирование серий черепов по данным межгрупповых связей дает следующую картину (см. табл. 2). На одном полюсе (в левой нижней части графика) оказались все серии эпохи бронзы с территории Южного Урала, Казахстана, Минусы, а также скифы Причерноморья. На противоположном конце графика – саки Казахстана. В центральной части графика – сарматы Урала, Поволжья, Казахстана, а также кара-абызцы и пьяноборцы. В середине этих сарматских серий – материалы из Старой Мушты которые обнаруживают взаимосвязь с сарматами и кара-абызцами, тем самым выявляя местную природу краниологического комплекса признаков. Вышеизложенное с учетом величин кранио-

Таблица 2. Ранжирование серий по ГК I

Условные обозначения см. в табл. 3

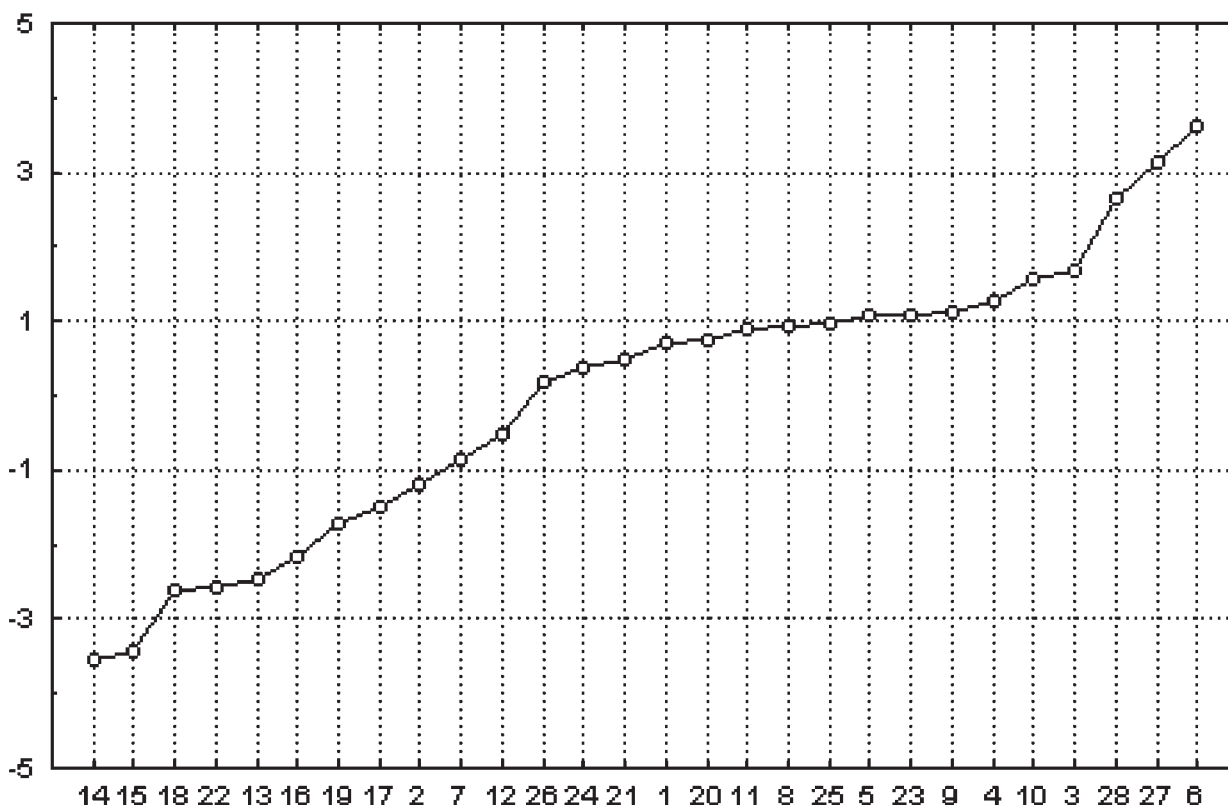
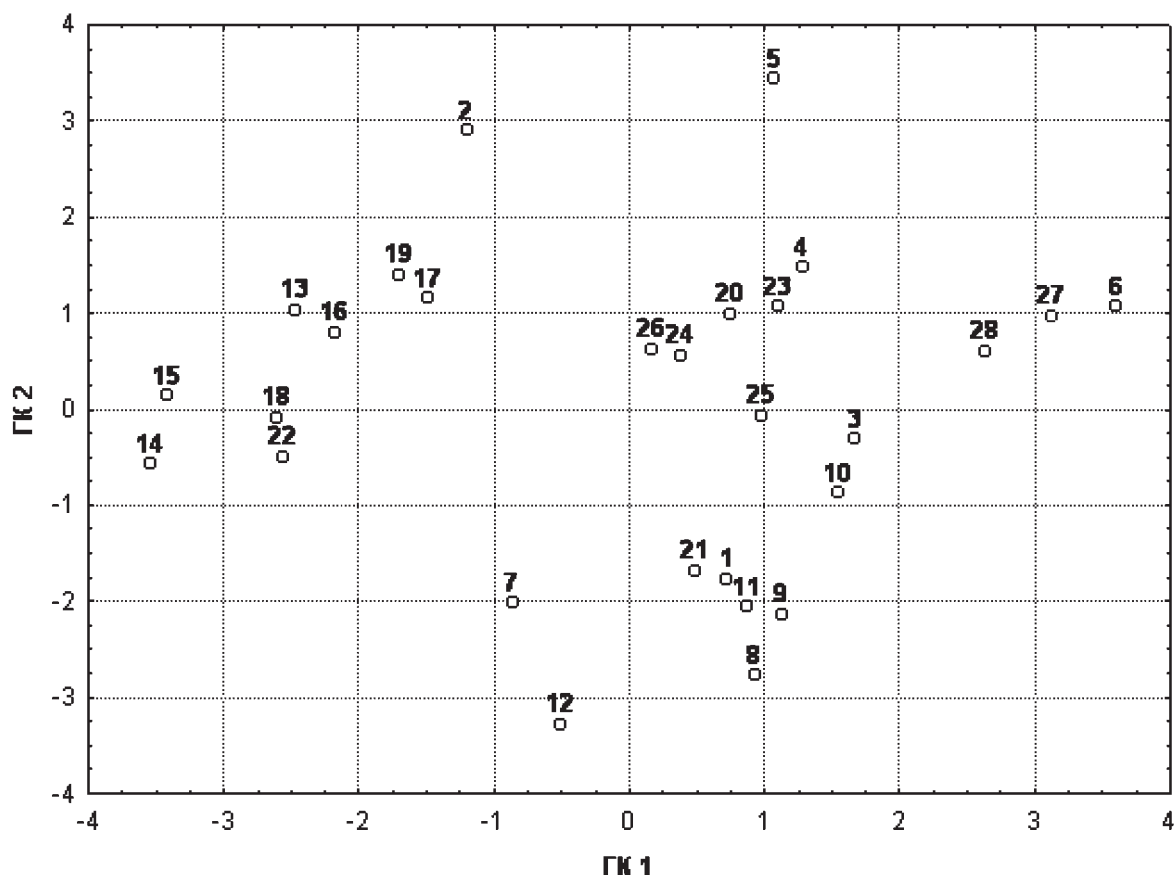

Таблица 3. Серии в пространстве ГК I и ГК II

1.Старая Мушта; 2. Альмухаметово; 3. Старые Киишки; 4. Ново-Мурапталово; 5. Сарматы Оренбуржья; 6. II Сибайские курганы; 7 Камышлы-Тамак; 8 Биктимирово; 9 Уметбаево; 10. Шиповский могильник; 11. Охлебинино; 12. Кушулёво; 13. Срубники Южного Урала; 14. Срубники Зауралья; 15. Срубники Южной Башкирии; 16 Старые Ябалаклы; 17. Андроновцы Казахстана; 18. Срубники Нижнего Поволжья; 19. Андроновцы Минусинской котловины ; 20. Сарматы Саратовской области; 21 Сарматы Калмыкии; 22. Скифы Причерноморья; 23. Сарматы Западного Казахстана; 24. Савроматы Западного Казахстана; 25. Саки Казахстана; 26. Туз-Гыр; 27.Тагискен; 28.Чирик-Рабат

логических признаков позволяет говорить о «сарматоидном» облике «старо-муштинцев» с примесью местных уралоидных признаков несколько сглаживающих их европеоидный, в целом расовый тип.

В завершение статистического анализа краниологических серий черепов можно рассмотреть результаты кластеризации расстояний Махаланобиса (D^2), наглядно показывающих на построенной дендрограмме пространственное расположение исследуемых серий черепов.

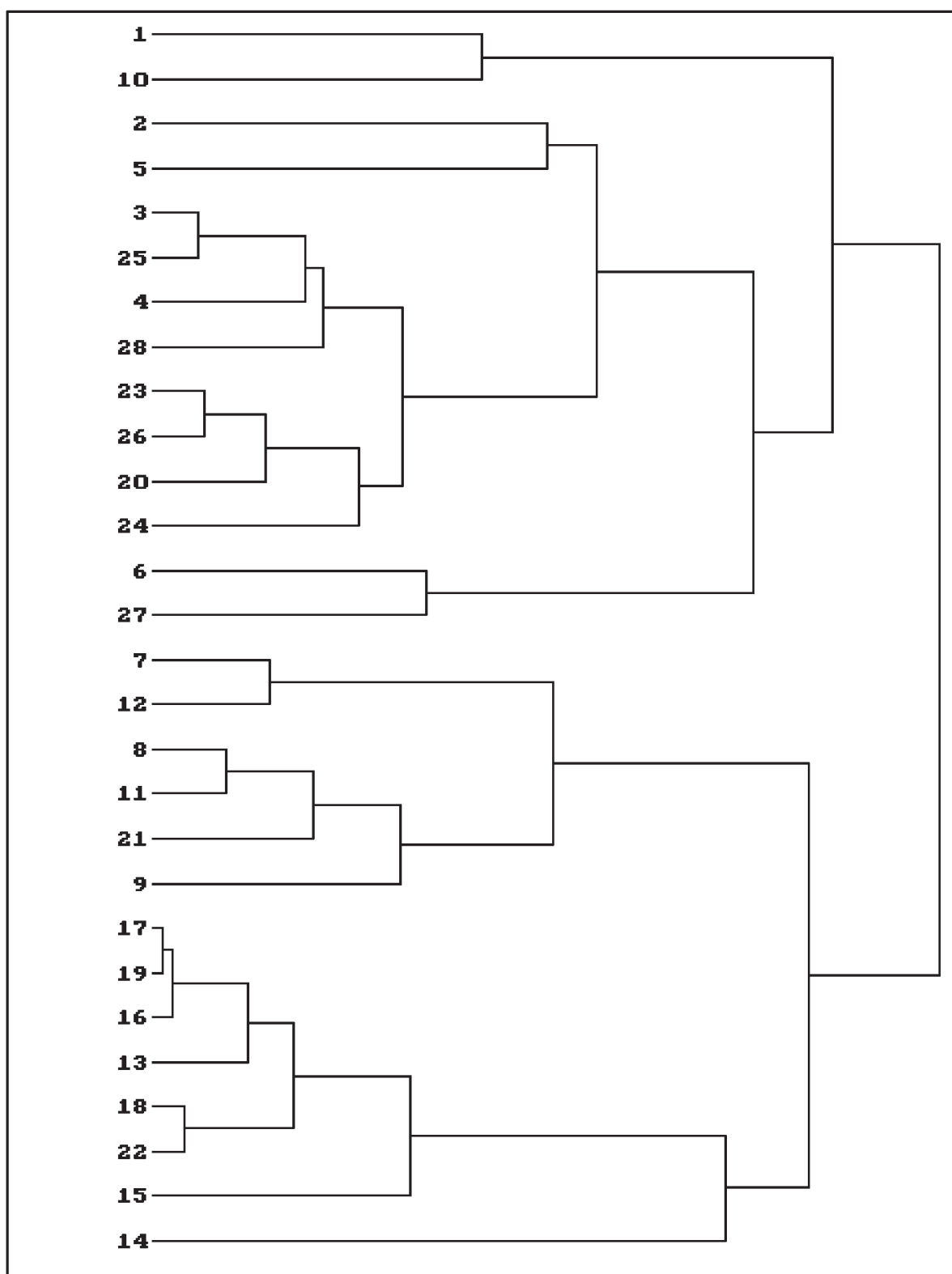
В отличие от корреляционного поля значений I и II главных компонент, суммарный анализ с после-

дующей кластеризацией полученных расстояний в дендрограмме позволяет зримо оценить взаиморасположение и степень близости исследуемого материала.

На дендрограмме очень четко выделились три относительно самостоятельных кластера, что подтверждает реальность отличий этих групп древнего населения друг от друга, их самостоятельный расогенез, выявленную при факторном анализе главных компонент. Отдельный кластер из 5 звеньев образовали серии черепов эпохи бронзы Южного Урала и сопредельных регионов. Наиболее плотные связи

**Таблица 4. Результат кластеризации расстояний
Махаланобиса (D2)**

Условные обозначения в табл.3

показывают андроновцы Казахстана и Минусы, к ним присоединяются срубники Южного Урала из Старых Ябалаклов. Отдельный кластер образовали срубники Нижнего Поволжья и причерноморские скифы (табл. 4).

Следующий самостоятельный кластер сформировали население пьяноборской культуры (Кушулево, Камышлы-Тамак), кара-абызской (Биктимирово, Охлебинино), сарматы Калмыкии и средние сарматы Южного Урала из Уметбаево.

Интересный кластер с плотными связями между собой образовали савроматы и сарматы Западного Казахстана вместе с сарматами Саратовской области с материалами из Туз-Гыр, датируемого I–IV вв. н.э. [Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 169–189]. К ним присоединились последовательно южно-уральские сарматы из Старых Киишков, Ново-Мурапталово и саки Казахстана [Юсупов, 1991; 2002]. Исследуемая нами серия черепов населения III–IV вв. н.э. лесной полосы Южного Урала из Старой Мушты, объединившись с материалами населения кара-абызской культуры из Шипово на правом берегу р. Белой, заняла отдельное место в дендрограмме между степными сарматами Южного Урала, Казахстана и Саратовской области с одной стороны и лесостепным, лесным населением Южного Урала – носителями пьяноборской культуры (Кушулево, Камышлы-Тамак) и кара-абызской культур из Биктимирово, Охлебинино – с другой. В этом же кластере локализуются материалы по среднесарматскому периоду Южного Урала из Уметбаево и сарматов Калмыкии (табл. 4).

Таким образом, на исследуемых материалах можно обнаружить, что мужское население из Старой Мушты в гунно–сарматское время расогенетически было связано с предшествующим сарматским населением конца I тыс. до н.э. степной и лесостепной полосы Южного Урала. Контакты с местным населением лесной полосы, носителями кара-абызской культуры, а еще ранее – пьяноборской культуры приводили к их смешению и некоторому «сглаживанию» европеоидного облика сарматов. Судя по анализу, эти процессы метисации, наиболее активно происходили в так называемых контактных зонах, которые выполняли как бы роль «буфера» между степняками и населением леса, о чем мы неоднократно писали ранее на примере изучения палеоантропологических материалов из Охлебининского могильника в свете происхождения «уралоидного» компонента в антропологиче-

ском типе современных башкир [Юсупов, 1991; Он же, 1992. С. 51–59; 2002].

Изложенное представление о соотношении расового типа мужской и женской части раннебахмутинского (мазунинского) населения низовьев р. Белой в III–IV вв. н.э. нельзя принимать однозначно, так как выводы сделаны по результатам изучения единичных черепов из общей массы 102 погребений. Наверняка в грунтовой части могильника могли быть обнаружены погребения как местного мужского населения с признаками уральской расы, так и, возможно, единичных черепов пришлой женской части типологически восходящих к европеоидным типам южного происхождения. Анализ погребального инвентаря показал сложность и неоднозначность этнического состава погребенных. В любом случае полученная антропологическая картина отражает закономерную картину межэтнических контактов финно–пермского населения леса и кочевников-скотоводов, начавшуюся задолго до гунно–сарматского времени, о чем говорят раннесарматские погребения в Атасовских курганах на севере Южного Приуралья в устье р. Белой.

В свете изучения этнокультурного состава населения, оставившего Старо-Муштинский могильник, заслуживает особого внимания искусственно деформированный череп мужчины 25–30 лет из ограбленного кургана. Череп очень хорошей сохранности, нижняя челюсть отсутствовала. Принадлежность его к этому же кругу курганных погребений памятника не вызывает сомнений. Типологически и морфологически череп полностью вписывается в пределы изменчивости краниологических признаков описанных выше мужских черепов и относится к одному и тому же антропологическому типу, близкому к расе Среднеазиатского междуречья. Наибольшая морфологическая близость обнаруживается с черепом из погребения 6 кургана 10.

Искусственная деформация черепов, как известно, получает широкое распространение в гунно–сарматское время, т.е. в эпоху великого переселения народов, хотя обычай деформировать голову был довольно нередким явлением в Средней Азии в I тыс. н.э. в сако-массагетской среде [Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 329–339]. Об истоках, причинах и формах деформации головы написано достаточно много [Бернштам, 1940. С. 26; Ходжаев, 1980. С. 164–165; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 329–339; Тур, 1996. С. 237–249 и др.]. Считается, что деформирование головы у младенцев путем наложения круговых повязок, специальных дощечек или бинтованием головы ребенка в колыбели

было социо-нормативным явлением и преследовало престижно-знаковые цели [Тур, 1996. С. 242]. Обладатели необычной формы головы выделялись среди общей массы и показывали тем самым свое особое привилегированное положение в обществе. По форме головы, т.е. способу ее деформации, определялась принадлежность к той или иной социальной прослойке, родоплеменной группе и т.д., т.е. форма деформации могла быть и этническим определителем в условиях кочевого и полукочевого общества, особенно в сложных по своему этническому составу сообществах древности с различной хозяйственной и культурной направленностью.

Надо полагать, что это было особенно важно в контактных зонах оседлого и кочевого населения, каковым и являлось в исследуемое время пограничье леса и степи южного Приуралья. Старо-Муштинский могильник, состоящий из грунтовой и курганный частей, в последней из которых погребе-

ны носители иной культуры и другого по происхождению этнического массива, практикующего искусственную деформацию головы, является подтверждением вышесказанному. Антропологический тип погребенных позволяет говорить, что они являются дальними потомками местных приуральских сарматских племен конца I тыс. до н.э., в силу исторических причин осевших в среде более северного лесного населения. Переселение и оседание, скорее всего произошло под давлением массива кочевников иного происхождения. Это подтверждается иной морфологией мужских черепов из степного Башкирского Зауралья (Кара-Тал), близких по своему расовому типу с материалами Урало-Ишимского междуречья (Больше-Караганский, Дружининский курганы), с которыми в свою очередь морфологически и по типу деформации черепа сближается единственный череп из Салиховского кургана № 9 из раскопок К.В. Сальникова.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Антропологический тип башкир привлёк внимание исследователей ещё в XIX в. Этому вопросу посвятили свои работы Н.М. Малиев, П.С. Назаров, Д.П. Никольский, А.Н. Абрамов [Абрамов, 1907; Малиев, 1876; Назаров, 1890; Никольский, 1899; Юсупов, 1989. С. 8–27] и др., которые подчёркивали смешанное происхождение расового типа башкир и неоднородность их антропологического состава.

В 1916 г. публикуется фундаментальный труд С.И. Руденко «Башкиры: Опыт этнологической монографии», в которой автор на материалах измерений 1897 человек делает обстоятельное описание физического типа башкир и выделяет антропологические различия населения юго-западных, северо-западных и восточных районов Башкортостана. Основные выводы дополнены серией фотографий наиболее ярких представителей территориальных групп башкир. Отсутствие в то время чёткой расовой классификации народов России не позволило С.И. Руденко отнести физический тип башкир к той или иной расе [Руденко, 1916; *Он же*, 1955].

В 1963–1965, 1967 гг. этот пробел был восполнен экспедициями Института антропологии МГУ под руководством М.С. Акимовой. Было изучено 1250 башкир на территории Башкортостана и Челябинской области. Кроме соматологической программы (рост, вес, цвет волос, кожи, глаз, форма лица и др.), исследовалась кровь по стандартным международным групповым системам (ABO, MN, резус-фактор), брались отпечатки кожных узоров ладоней и пальцев.

М.С. Акимова впервые выделила у башкир четыре антропологических типа: субуральский, южносибирский, светлый европеоидный и понтийский, имеющих чёткую территориальную привязку. Субуральский тип чаще встречается у населения северных, северо-западных лесных районов, южно-

сибирский тип – северо-восточных и особенно зауральских. Признаки темнопигментированного понтийского типа фиксируются у башкир бассейна р. Дёма, а также юго-западных и горно-лесных районов. Автором были выдвинуты предположения о происхождении данных типов [Акимова, 1973; 1974. С. 77–95].

Значительный вклад в разработку проблем антропологии башкирского народа внесла работа международной Советско-финляндской экспедиции 1983 г. под руководством заведующего отделом антропологии Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и этнической антропологии РАН) профессора А.А. Зубова. Были исследованы башкиры Стерлибашевского, Архангельского и Илишевского районов РБ по соматологической, одонтологической, дерматоглифической, краниологической и серологической программам. В каждом районе было проведено антропологическое фотографирование более 300 мужчин и получены обобщенные фотопортреты. Был использован ультразвуковой метод определения толщины мягких тканей лица. Исследовались органы зрения. В результате был сделан вывод, что существенную роль в формировании антропологического состава башкирского народа сыграло древнейшее население края. Этот компонент, связанный с признаками уральской расы, принял участие в расогенезе не только башкир, но и финно-угорских и тюркских народов от Западной Сибири до Финляндии [Долинова, Юсупов, 1987. С. 120–127; Юсупов, 1987. С. 77–94].

Выделение четырёх расовых типов даёт широкие возможности для синхронного анализа и выяснения антропологического состава башкир в сравнении с окружающими народами. Однако происхождение расовых типов башкир невозможно представить без

выхода на палеоантропологию древнего населения через современную краниологию. Соматологические данные по живому населению исключают эту возможность.

В связи с этим в 1977–1987 гг. антропологическими экспедициями под руководством Р.М. Юсупова были проведены широкомасштабные работы по сбору краниологических материалов XVIII — начала XX вв. на территории Башкортостана, Пермской и Челябинской областей. Полученные материалы характеризуют почти все этнографические группы башкир и представлены 14 краниологическими сериями, включающими более тысячи мужских и женских черепов [Юсупов, 1989 а; 1989 б].

Анализ материала позволил выделить четыре краниологических комплекса. В отличие от соматологических краниологические материалы показали относительную гомогенность популяции башкир, что может свидетельствовать о процессе антропологической консолидации народа, которая совпадает по направлению с этнической интеграцией, но, будучи явлением биологического порядка, отстаёт от неё в своих темпах. Женщины оказались более однородными в отличие от мужчин, для которых характерна многокомпонентность антропологического состава. В регионе выявлено несколько направлений расогенетических связей. Одно из них — юго-восточное, включающее связи с тюркоязычными хакасами, шорцами, казахами, киргизами и уграми Западной Сибири. Это характерно для северо-восточных и зауральских башкир. У северо-западных и несколько слабее у юго-западных групп заметно большое влияние краниологического типа финнов и тюрков Поволжья и Прикамья, обнаруживается наибольшая связь с чувашами. Серии женских черепов близки в основном краниологическим материалам финнов и тюрков Волго-Камья и отчасти угров Западной Сибири, т.е. народов уральской расы.

Таким образом, можно сказать, что в северо-западных и северных лесных районах Башкортостана процессы расогенеза протекали при активном участии уральской и светлой европеоидной рас, а в Зауралье, юго-восточных, южных и горно-лесных районах — южносибирской расы и европеоидов южного происхождения.

Каково происхождение этих расовых типов, какова их роль в этно— и расогенезе башкир? На эти вопросы в какой-то степени позволяет ответить ретроспективный анализ серий черепов VII в. до н.э. — XX в. н.э.

Поэтапный сравнительный анализ палеоантропологических материалов, датируемых с VII в. до

н.э. по XIII–XIV вв. н.э., с современными сериями черепов позволяет говорить, что наиболее древними среди башкир можно считать представителей уральской и понтийской рас, биологические предки которых осели в регионе ещё до рубежа н.э.

Комплекс признаков уральской расы фиксируется ещё на черепках населения пьяноборской культуры, существовавшей в низовьях р. Белая и среднем течении р. Кама с III в. до н.э. по II в. н.э. Языковеды считают их финно-уграми. Характерные для пьяноборцев признаки (небольшие размеры черепа, относительно низкое среднеширокое лицо, низкое переносье, светлая пигментация) довольно чётко прослеживаются и на черепках последующего времени у населения бахмутинской культуры V–VIII вв. н.э. (Бирский могильник) и современных башкир северных, северо-западных районов Башкортостана. Этот же комплекс признаков составил основу расового типа удмуртов, марийцев, чувашей, части татар [Акимова, 1968].

Не менее древним представляется время проникновения на территорию современного Башкортостана населения, характеризующегося признаками темнопигментированного или понтийского типа южного происхождения. Есть основания считать, что эти признаки были характерны для савромато-сарматских племён Южного Урала с VII в. до н.э. по IV в. н.э. Палеоантропологические материалы, полученные из Альмухаметовских, Старо-Кишшинских, Ново-Мурапталовских курганов Башкортостана, а также из Филипповских курганов Оренбургской области, показали единство расового типа сарматов и савроматов Южного Урала, генетические корни которого уходят в районы Приаралья, Притяньшанья в среду сако-усунских племён.

В целом для сарматов был характерен резко выраженный европеоидный комплекс признаков с небольшой монголоидной примесью алтайского происхождения. Характерные признаки этого типа (довольно крупные размеры черепа, резко выступающие носовые кости, средне-высокое, умеренно широкое лицо) в той или иной степени проявляются у населения конца I тыс. н.э., представленного сериями черепов из Бекешевских курганов, а также у современных башкир южных, юго-восточных, горно-лесных районов.

На фоне этих расовых типов комплекс признаков смешанной монголоидно-европеоидной южносибирской расы в антропологическом составе башкир имеет довольно позднее происхождение. Его можно связать с кочевниками IX–XII вв., оставившими на северо-востоке Башкортостана Муракаевские, Старо-Халиловские, Мрясимовские курга-

ны, и отчасти с кыпчаками XIII–XIV вв., входившими в состав Золотой Орды. До рубежа I и II тыс. н.э. этот тип на территории Южного Урала не фиксируется. Характерные признаки южносибирского типа (широкое, высокое, несколько уплощенное лицо, менее выраженный нижний край носовых костей (угол выступания), наличие эпикантуса, темная пигментация, прямые жесткие волосы) чаще встречаются среди зауральских, восточных и юго-восточных башкир. На антропологической карте Средней Азии и Казахстана он наиболее широко распространен среди казахов, киргизов и части алтайцев. В отличие от этих народов у башкир в основе южносибирского расового типа преобладает европеоидный компонент.

Диахронный анализ современных и древних черепов позволяет сказать, что описанные расовые типы в антропологическом составе башкир имеют не только четкую территориальную локализацию, но и свой исторический возраст, т.е. время их появления и оседания на Южном Урале. Это было связано с тем или иным конкретным этносом, который не исчезал, а становился субстратным компонентом последующих этнических процессов. В материальной культуре, языке современных башкир, топонимии края этнографы и языковеды фиксируют, кроме общетюркского, финно-угорские и индоиранские элементы. Интересно, что ареалы распространения финно-угорских топонимов совпадают с ареалом уральской расы, а индоиранских — с понтийским типом. Это лишний раз указывает на многокомпонентность антропологического состава и сложность этнической истории башкир. В связи с этим возникают вопросы: с какого периода начинается этническая история башкир на Южном Урале? Были ли они пришлым или автохтонным населением? Кого считать предками башкир?

Обратимся вновь к палеоантропологическим материалам. Из всей совокупности материалов серии черепов современных башкир обнаруживают наибольшее морфологическое сходство с черепами VII–IX вв. н.э. из Бекешевских курганов караякуповской культуры. Если субстратный компонент, связанный с сармато-аланами, проявляется в расовом типе башкир южных, юго-восточных и горно-лесных районов, а финно-угорский — северо-западных, северо-восточных и северных районов, то антропологические особенности расового типа кочевников VII–IX вв. присутствуют практически во всех изученных группах современных башкир. Бекешевская серия черепов европеоидна почти по всем параметрам и имеет небольшую монголоидную примесь. Похоже, что эта группа населения, появив-

шаяся на Южном Урале уже в смешанном виде, получила широкое распространение и довольно быстро установила контакты с местным населением. Об этом говорит сходство серии черепов из Бекешевских курганов как с материалами из Бирского могильника (население северных лесных районов VII–VIII вв.), так и с черепами кочевников IX–XI вв. с северо-востока Башкортостана. С сарматами у бекешевцев обнаруживается общность происхождения европеоидного компонента, уходящего своими корнями в сако-усуньский мир Приаралья и Семиречья. Серия черепов из Бекешевых оказывается наиболее близкой к черепам саков и усуней тех же районов, что указывает на истоки и пришлый характер караякуповцев. Миграция их на Южный Урал, видимо, была массовой, т.к. до их появления антропологические различия между населением леса и степи, локальных групп археологических культур четко прослеживались, а после IX–XI вв. они сглаживаются, происходит нивелировка расовых типов почти по всей территории региона.

Полученная картина может свидетельствовать о том, что к концу I тыс. н.э. в регионе постепенно начинают смыкаться языковые, культурные, антропологические характеристики носителей этногенетического заряда, и с этого времени этнические и расогенетические процессы начинают развиваться в одном направлении — формировании будущего этноса. Не будет преувеличением считать I тыс. н.э. началом этнической истории народа на Южном Урале, а кочевников VII–IX вв. — этническими предками башкир. Именно в этот период закладываются их основные расовые, а возможно, и этнические характеристики; не случайно в древних письменных источниках IX–X вв. башкиры фиксируются как самостоятельный народ [Юсупов, 1986. С. 86–95].

Сравнение серий черепов современных башкир с материалами XIII–XIV вв. с территории Башкортостана и данными по кыпчакам XIII–XIV вв. бассейна р. Урал в Оренбургской области показало, что к началу монгольских завоеваний происходит стабилизация антропологической картины в регионе, которая без резких изменений прослеживается и в настоящее время.

Серия черепов кыпчаков, с одной стороны, оказалась неоднородной по антропологическому составу, а с другой — довольно резко отличается как от синхронных материалов с территории Башкортостана (могильники Ильчигулово, Сынтыш-Тамак), так и от данных по современным башкирам. В то же

время они очень близки к кыпчакам Центрального Казахстана и современным казахам.

Следы проникновения и взаимодействия башкир с кыпчаками проявляются в зауральских и юго-восточных районах Башкортостана, где в физическом облике современного башкирского населения чётко прослеживаются черты южносибирского типа. Однако даже в этих районах в антропологическом типе башкир сохранился домонгольский субстратный компонент европеоидного происхождения, восходящий к рубежу н.э. В политическом, культурном, языковом отношении кыпчаки, несомненно, сыграли важную роль в этнических процессах региона, но это не сопровождалось их массовым притоком, активным биологическим смешением и оседанием в среде местного населения. Поэтому можно сказать, что монголоидный компонент, связанный с кыпчаками XIII–XIV вв., не оказал ощутимого влияния на расогенез башкир [Юсупов, 1991. С. 19–26].

Роль кыпчаков в расогенетических процессах, похоже, не выходила за пределы Дешт-и-Кипчака, так как наибольшее распространение южносибирского типа приходится на просторы Великого пояса степей. На территории Центрального Казахстана кыпчакский компонент в XIII–XIV вв. оказался доминирующим фактором не только в этногенезе, но и в расогенезе современных казахов, что не противоречит выводам и казахских антропологов [Исмагулов, 1970. С. 19–26].

Из изложенного вытекает, что расогенетические процессы на территории расселения башкир рубежа I–II тыс. н.э. протекали относительно самостоятельно на основе того антропологического типа, который к IX–X вв. н.э. уже сложился и получил широкое распространение в регионе. Расовый состав башкир не претерпел резких изменений и в период монгольского нашествия. К моменту первых походов Чингисхана башкиры, видимо, представляли собой самостоятельный этнос — мощный военно-политический союз племён, известный у окружающих народов под этнонимом «башкорт» с чётко определёнными границами расселения, своей культурой и установившимся антропологическим составом. Существенные различия черепов XIII–XIV вв. с бассейна р. Урал и современных башкир позволяют говорить, что р. Урал в тот период была не только водоразделом между степями, но и, возможно, пограничным рубежом между башкирами и Золотой Ордой. Это, в свою очередь, даёт материал для размышления о военно-политическом статусе страны башкир в период монгольских завоеваний и

повод для постановки вопроса: «Была ли она завоёвана монголами?»

Таким образом, анализ современных и древних серий черепов показывает, что расовый состав современных башкир отражает основные этапы формирования их антропологических типов. Основными компонентами антропологического состава населения Южного Урала, сложившегося в результате длительной и неоднократной метисации пришлого и местного населения в последние 3,5 тыс. лет, явились представители местной уральской расы и пришлого понтийского, светлого европеоидного, южносибирского, памиро-ферганского и других антропологических типов. С каждым из этих типов связаны конкретные периоды в истории края, которые можно выделить как индоиранский, финно-угорский, тюркский и золотоордынский.

Индоиранский период, длившийся более тысячелетия в степной и лесостепной полосе Южного Урала, был связан с темнопигментированным понтийским типом, представленным савроматами и сармато-аланами, которые являются очень далёкими, если не этническими, то биологическими предками башкир. С финно-угорским периодом, примерно синхронным с индоиранским, связан местный по происхождению комплекс признаков уральской расы. Более поздним по времени является тюркский период, который продолжается и в настоящее время. Благодаря тюркским кочевникам антропологическая картина Южного Урала пополнилась носителями южносибирского и памиро-ферганского типов. Наличие всех этих типов, имеющих разный исторический возраст в антропологическом составе современных башкир, указывает на непрерывность расогенетических процессов в регионе и дискретность этнических. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на неоднократную смену языков и культур, полной смены населения не происходило, что в свою очередь указывает на неоднозначность процессов расогенеза и этногенеза башкирского народа.

С биологической точки зрения, более стабильными во времени являются расогенетические процессы. Из основных характеристик этноса — язык, культура, расовый тип — первые два в отличие от физического типа более подвержены изменениям во времени, а антропологические особенности даже в случаях метисации сохраняются и передаются из поколения в поколение, что даёт возможность их реконструировать.

Выше было показано, что данные по современным башкирам из имеющегося палеоантропологического материала оказались наиболее близки к

серии черепов VII–IX вв. караякуповской культуры. Видимо, они и явились ядром формирующейся народности и сыграли этнообразующую роль на Южном Урале в конце I тыс. н.э. Их можно считать ближайшими этническими предками, но расовый состав и расогенез башкир обнаруживает более глубокие корни в лице представителей уральского и понтийского антропологического типов, которые были расселены на Южном Урале ещё до рубежа н.э., т.е. задолго до тюркизации края. Следовательно, они являются если не этническими, то тюркизированными биологическими предками народа, и их невозможно исключить из процесса расогенеза современных башкир. Поэтому, рассматривая этническую историю и расогенез башкир на Южном Урале, лучше говорить о тюркском этапе в истории края, которому предшествовали индоиранский и финно-угорский, что отразилось в появлении одноимённых теорий происхождения народа.

Все эти теории, казалось бы, взаимно исключают друг друга, но если их рассматривать с расогенетической точки зрения, то они отражают историческую реальность как взаимосвязанные между собой этапы в развитии этнических процессов на Южном Урале, так или иначе затрагивающие истории происхождения и формирования антропологического состава башкирского народа.

Вышеизложенное позволяет говорить об антропологических комплексах, исторически сложившихся на территории Южного Урала на разных этапах его заселения и составивших основу расового состава современных башкир. В настоящее время сочетание в лице одного этноса нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение, является конечным результатом сложных расогенетических процессов, протекавших в регионе с глубокой древности до современности.

Расогенез — длительный историко-биологический процесс формирования на конкретной географической территории комплекса расовых признаков, происходящий под воздействием природно-климатических факторов и сопровождающийся выработкой адаптивно-приспособительных признаков. В этнической антропологии при изучении расогенетических процессов учитываются также факторы миграции, метисации, эпохальной изменчивости, географической изоляции и т. д.

В истории Южного Урала наиболее насыщенной миграционными и метисационными процессами является эпоха средневековья. Однако, как и в предыдущее время, для южных лесостепных и степных районов была более характерна мобильность населения, а в лесной полосе расогенетические про-

цессы протекали относительно стабильно на прежней антропологической основе.

Так, расовый тип населения пьяноборской культуры без резких изменений прослеживается и в составе населения бахмутинской культуры. В этих районах сохраняется в основном прежний комплекс признаков, характерный для уральской расы. Можно отметить, что расогенез оседлого населения севера Башкортостана в I тыс. н.э. в целом протекал в условиях относительной изоляции и эндогамности по отношению к кочевым группам степи и лесостепи, что, видимо, было связано с этноязыковыми различиями, а также с различиями в мировоззрении.

Существенные изменения в этнокультурной и языковой ситуации в крае происходят, судя по археологическим и другим историческим материалам, во второй половине I тыс. н.э., когда на историческую арену всё более активно начинают вступать тюркоязычные кочевники. К этому времени образовались обширные союзы тюркоязычных племён, охватившие огромную территорию от Алтая до степей Южного Поволжья и Подонья. Одним из них был Западно-Тюркский каганат, вобравший в себя самые разные племена. В восточно-казахстанских степях, Прииртышье и Притоболье кочевали кимаки, в Семиречье и на Тянь-Шане — карлуки, в Западном Казахстане и Приуралье — кыпчаки и др.

Изучение и осмысление исторических фактов этого времени на базе археологических, этнографических и языковедческих материалов имеет принципиальное значение для выяснения этногенеза и этнической истории башкирского народа. Ценную информацию о генезисе расовых типов средневековых кочевников и их роли в формировании антропологического состава современных башкир содержат палеоантропологические данные.

К настоящему времени опубликованы антропологические материалы бахмутинской культуры III–VII вв. н.э. из Бирского могильника, кушнаренковско-караякуповской культуры VII–IX вв. н.э. из Кушнаренковского могильника и Бекешевских курганов, а также данные по кочевникам Южного Урала IX–XII вв. н.э. из Старо-Халиловского, Старо-Мусинского, Мрясимовского, Манякского и других могильников, расположенных на северо-востоке Башкортостана [Акимов, 1968. С. 55–82; Ефимова, 1991. С. 77–80]. Значительный интерес вызывают материалы по кочевникам золотоордынского времени (XIII–XIV вв.), принадлежащие, по мнению археологов, кыпчакам. Они получены, в основном, с бассейна р. Урал из курганных могильников Урта-Буртя, Линёвка, Хабарный, Озерново

и с территории Башкортостана из Сынтыш-Тамакского (Благоварский р-н РБ) и Ильчигуловского (бассейн р. Дёма) могильников [Юсупов, 1991. С. 13–19].

Сравнительный анализ материалов из лесной и лесостепной частей Башкортостана показывает неоднородность населения в III–IX вв. н.э. Расогенетические процессы на севере протекали в этот период относительно стабильно на базе антропологического пласта, связанного с предшествующим финно-угорским населением, в расовом типе которого преобладали различные варианты уральской расы. Богатый палеоантропологический материал содержат опорные памятники этого времени – Бирский (бахмутинская культура) и Камышлы-Тамакский (пьяноборская культура) могильники [Акимова, 1968. С. 55–64]. Бирская серия черепов (38 мужских и 26 женских) по всему комплексу признаков не выходит за пределы вариации антропологического типа населения Волго-Камья и лесной полосы Башкортостана. Для мужчин характерно сочетание средних размеров лицевого скелета с мезокранной формой черепа; лицо с умеренно выступающими носовыми костями, на обоих уровнях горизонтальной плоскости среднепрофилировано. В целом, серия укладывается в рамки характеристики европеоидных популяций. Величины отдельных признаков говорят о наличии монголоидной примеси в составе бахмутинцев.

Сопоставление «бирских» черепов с «камышлы-тамакскими» показало небольшие различия между этими сериями; но морфологически они близки, что говорит об их антропологической преемственности. Черепа у бахмутинцев несколько короче, лицо чуть шире, выше; лицевой скелет менее профилирован, при этом носовые кости выступают сильнее. Эти данные говорят о взаимодействии бахмутинцев с пришлыми группами населения, что особенно чётко прослеживается по материалам, относящимся к поздним этапам развития бахмутинской культуры. Усиление европеоидных черт в VII–VIII вв. (лицевой скелет становится уже, более профилированным, резче выступают носовые кости) позволяет предположить контактирование бахмутинцев с пришлыми группами южного происхождения (Рис. 30). Однако эти связи, видимо, были не столь значительны, т.к. к VIII в. н.э. на севере продолжает сохраняться комплекс признаков уральской расы, уходящий корнями в антропологические пласты населения лесной полосы рубежа н.э.

Для выяснения происхождения европеоидного компонента в составе населения северного Башкортостана в VII–VIII вв. н.э. были рассмотре-

ны серии черепов из Кушнаренковского (VI–VII вв.), относящегося к турбаслинской культуре и Бекешевского (VII–IX вв.) могильников, относящегося к караякуповской культуре. «Кушнаренковские» черепа имеют резко выраженный европеоидный комплекс признаков. На трёх из 12 черепов имеются следы искусственной лобно-затылочной деформации, на одном – теменной. Для мужских черепов характерна долихокранная форма черепной коробки при средних размерах ширины и высоты. Лоб среднеширокий, умеренно наклонный, лицевой скелет средних размеров, в вертикальной плоскости – ортогнатный (на «бирских» черепах довольно часто встречались прогнатные черепа), на обоих уровнях горизонтальной плоскости лицевой скелет резко профилирован. Это хорошо заметно на всех без исключения черепах, у кушнаренковцев также наблюдаются высокие переносы с резко выступающими носовыми костями [Акимова, 1968. С. 64–71]. По всем этим параметрам «кушнаренковские» черепа резко отличаются от черепов населения бахмутинской и пьяноборской культур. М.С. Акимова справедливо полагала, что кушнаренковцы вообще не вступали в связь с местным населением, т.к. их расогенетические связи уходят за пределы Южного Урала. Сопоставление южноуральского материала с данными по соседним регионам позволяет утверждать, что происхождение кушнаренковцев больше связано с населением юга (по многим признакам лицевого скелета и черепной коробки близкими к ним оказываются черепа из Верхне-Салтовского могильника). Суммарный анализ также исключает генетическое родство и следы биологического взаимодействия кушнаренковцев с населением Южного Урала. Кушнаренковцы – единственная средневековая группа, которая резко отличается от остального населения. Например, суммарный анализ 19 признаков, проведённый по методу Пенроза-Кнуса, показывает, что коэффициенты обобщённых расстояний во всех случаях превышают 1,0; с черепами из Бирского могильника коэффициент составляет 1,02, из Старых Кишкоров – 1,457, что вообще исключает их связь с предшествующим населением эпохи раннего железа. Также велико расстояние между кушнаренковцами и населением VII–IX вв. из Бекешевских курганов (коэффициент достигает 1,165), кочевниками IX–XII вв. с северо-востока Башкортостана (1,280) и кыпчаками (2,598) [Юсупов, 1991. С. 27–29].

Таким образом, результаты анализа показывают, что население, оставившее Кушнаренковский могильник, – пришлое и имеет, скорее всего, южное происхождение. Кушнаренковцы генетиче-

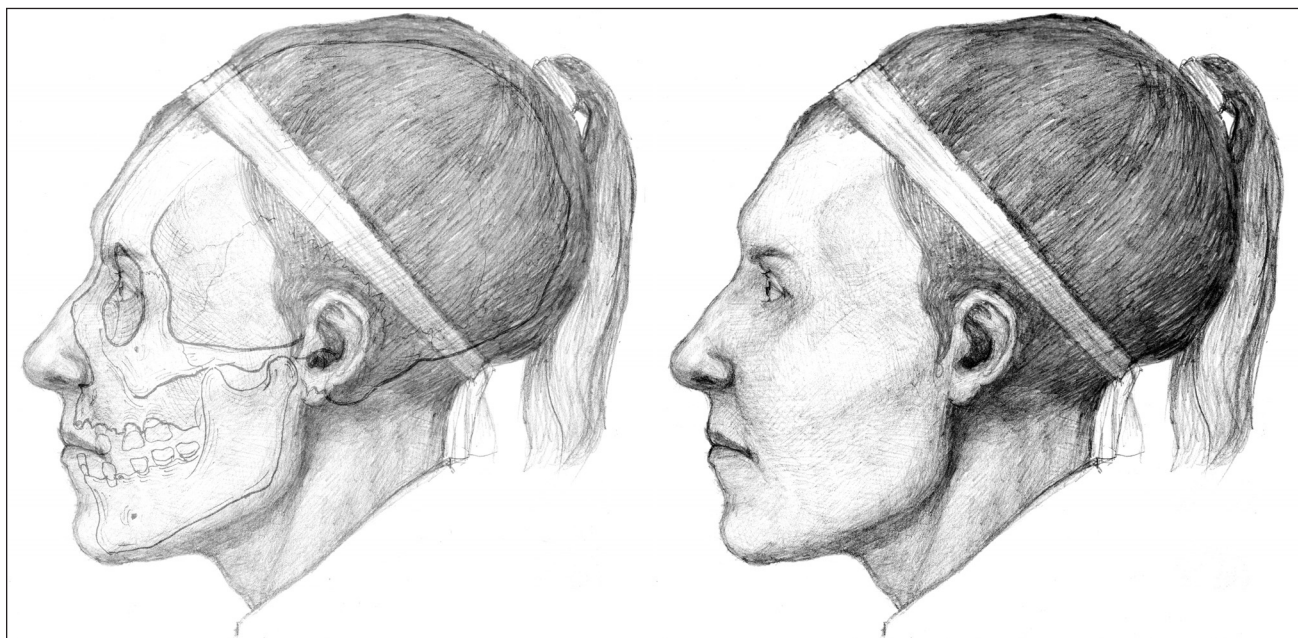

Рис. 30. Графическая реконструкция по искусственно деформированному черепу женщины 30–35 лет из кургана 5 Дежневского курганного могильника (г. Уфа).
Раскопки Ф.А. Сунгатова. Турбаслинская культура. V в. н.э. Автор А.И. Нечвалода

ски не связаны с предшествующим населением Южного Урала, и их участие в расогенетических процессах в крае в последующее время не прослеживается*.

Более ясным представляется место в истории Южного Урала кочевых групп населения IX–XII вв. с северо-востока Башкортостана и более ранних кочевников из Бекешевских курганов (Рис. 31).

Серия черепов кочевников IX–XII вв. сборная, составлена из материалов Манякского (VII–IX вв.), Каранаевского (IX–X вв.), Мрясимовского (XI–XII вв.), Муракаевского (X–XI вв.), Старо-Халиловского (IX–X вв.), Старо-Мусинского (IX–X вв.), Сынтыш-Тамакского (XIII–XIV вв.) могильников. Исследованные М.С. Акимовой и её ученицей С.Г. Ефимовой черепа по многим параметрам близки между собой (высота лица и переносья, угол носа, некоторые размеры черепной коробки), что позволило объединить их в одну сборную серию [Акимова, 1968. С. 55–82; Ефимова, 1991. С. 77–80].

Сопоставление сборной серии черепов кочевников Башкортостана IX–XII вв. с другими средневековыми материалами Приуралья, проведенное С.Г. Ефимовой на основе расстояний D2 (по Махаланобису) и построенных дендрограмм, показало неоднородность населения края. Все местные серии черепов (население пьяноборской и бахмутинской культур) показывают очень тесные связи между

собой; все пришлые группы обособились в отдельный кластер. Метод D2 подтвердил сходство европеоидного краниологического типа Кушнаренковского и Верхне-Салтовского могильников. Кочевники IX–XII вв. также объединялись в самостоятельный кластер. По суммарным данным черепа кочевников северо-востока Башкортостана оказались относительно близкими к черепам из Бекешево (0,341) и очень близкими к краниологической серии XIII–XIV вв. из Сынтыш-Тамакского могильника (0,194), что может указать на процессы взаимодействия кочевников с местным населением и на их участие в расогенетических процессах в более позднее время [Ефимова, 1991. С. 71–80; Юсупов, 1991. С. 8–13].

Судя по археологическим данным, кочевники IX–XII вв. северо-востока Башкортостана являются пришлым населением, связанным своим происхождением с тюркскими кочевниками Зауралья и Алтая. Антропологически они близки с кочевым населением Казахстана и Южной Сибири VII–X вв. Краниологические признаки кочевников тюркского времени Алтая, Казахстана также находят аналогии и в среде кочевников Южного Урала. Типологически они относятся к краниологическому комплексу, имеющему непосредственное отношение к формированию южносибирской расы, которая довольно четко представлена и среди башкир.

* Данный могильник оставлен смешанным земледельческо-оседлым и скотоводческо-кочевым населением, основной ареал проживания которого находился в Среднем Поволжье (см. раздел «Племена Среднего Поволжья...») — Прим. ред..

Необходимо особо отметить, что за всю историю региона наибольшая доля монголоидного компонента у пришлых групп населения связана с кочевниками IX–XII вв.

Значительный интерес при изучении расогенеза башкир вызывает палеоантропологический материал из Бекешевских курганов. Серия черепов из этого могильника довольно однородна, в целом европеоидна, но имеет ряд признаков, указывающих на смешанный характер происхождения их антропологического типа. Черепная коробка у бекешевцев длинная, по указателю — мезодолихокранный, средневысокая. Лицевой скелет относительно узкий, средневысокий, но при этом отмечается тенденция к уплощённости лицевого скелета на обоих уровнях при средневыступающих носовых костях. Сочетание признаков таково, что позволяет говорить о типологической характеристике этих черепов. Как представляется, в формировании расового типа бекешевцев приняли участие два компонента: первый, преобладающий — тип среднеазиатского Междуречья, второй — один из вариантов уральской расы алтайского происхождения. Серия довольно резко отличается от черепов предшествующего населения, что указывает на пришлый характер этой группы кочевников. Суммарные расстояния, например, с кушнаренковцами составляют 1,165, с сарматами — 0,508. Необходимо подчеркнуть, что европеоидный компонент у бекешевцев и ранних сарматов, видимо, имеет общее происхождение — по этому компоненту у них гораздо больше сходств, чем различий [Юсупов, 1991. С. 4–13].

Опорных памятников золотоордынского периода (XIII–XIV вв.), за исключением Сынтыш-Тамакского могильника, на территории Башкортостана пока не обнаружено. Антропологические материалы этого времени, будь они в достаточном количестве, имели бы исключительный интерес, т. к. отражали бы, с одной стороны, физический тип населения края перед монгольским нашествием, а с другой, что не менее важно, его отношение к предшествующему населению VII–IX вв.

Монгольское нашествие, как известно, привело в движение огромные массы тюркского и нетюркского населения Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Волны этого многоликого и разноречивого потока, в авангарде которого были кыпчакские и кыпчакизированные племена Дешт-и-Кипчака, коснулись и Башкортостана, что позволило учёным говорить о кыпчакском периоде в этнической истории башкир. Следствием кыпчакской миграции явилось, по мнению этнографов, проникновение на территорию Южного Урала и дальнейшее развитие таких крупных родоплеменных под-

разделений, как катый, кыпчак, мин, табын. Активное проникновение различных кыпчакских диалектов в XIII–XIV вв. в башкирскую среду отразилось и в языке народа, который языковеды включают, наряду с татарским, в кыпчакско-булгарскую подгруппу тюркской группы языков.

Археологические памятники золотоордынского времени в виде однотипных захоронений под небольшими земляными или каменными насыпями, изученные в последнее время в бассейне р. Урал, дали интереснейший краниологический материал. Многие элементы погребального обряда кыпчаков Оренбуржья обнаруживают аналогии в среде половцев и кыпчаков Казахстана, Средней Азии, Южной Сибири, Поволжья и южнорусских степей. Это лишний раз говорит о том, что на бескрайних просторах Дешт-и-Кипчака тюркоязычные кочевники в лице кыпчакского племенного союза оказались доминирующей политической силой.

Таким образом, языковое и культурное воздействие на башкир кыпчаков, расселившихся в XIII–XIV вв. на территории Южного Урала, казалось бы, налицо. Но была ли миграция кыпчаков на территорию Башкортостана массовым явлением, чтобы оказать существенное влияние на ход этнических процессов в регионе?

Для выяснения этого вопроса необходимо сравнить краниологические материалы кыпчакских памятников XIII–XIV вв. с территории современного Оренбуржья, а также синхронных им памятников, расположенных на территории Башкортостана на фоне материалов по всем этнографическим группам башкир.

По мнению исследователей, для кыпчаков был характерен комплекс признаков южносибирского расового типа, который в системе антропологических типов народов России считается по историческому возрасту относительно «молодым». Следует отметить, что признаки южносибирской расы начинают проявляться на палеоантропологическом материале Казахстана и Семиречья ещё с рубежа н.э., а во II тыс. н.э. данный тип краниологически достаточно чётко прослеживается в Казахстане, Семиречье, а также в равнинной части Средней Азии. Предполагается, что формирование южносибирского расового типа происходило при активном участии древнего восточного протоевропейского андроновского типа, южных европеоидов и различных вариантов монголоидной расы. Классическими представителями этой расы в настоящее время являются киргизы, казахи, отчасти тюркоязычное население Алтая [Исмагулов, 1970. С. 137–147].

Анализ серий черепов из кыпчакских погребений XIII–XIV вв. (могильники Урта-Буртя,

Линёвка, Хабарный, Озерново) показывает, прежде всего, неоднородность их антропологического типа. В них нередко рядом с черепами с преобладающими признаками южносибирской расы (рис. 32) встречаются черепа, представляющие тип среднеазиатского междуречья, что уже само по себе ставит вопрос о единстве антропологического состава населения Дешт-и-Кипчака. Так, среди черепов из Урта-Буртя три черепа характеризуются признаками южносибирской расы, два — среднеазиатского междуречья, на отдельных черепах обнаруживаются также и признаки закаспийской расы. Всё это свидетельствует о том, что кыпчаки были неоднородны по своему расовому типу и представляли собой военно-политический союз, включавший в свой состав боеспособное население покорённых Чингисханом и его преемниками народов Средней Азии и Казахстана. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения может служить тот факт, что на отдельных черепах имеются следы ран, нанесённых рубящими и колющими предметами (коллекция черепов с боевыми травмами хранится в антропологической лаборатории ИИЯЛ УНЦ РАН).

Сравнение «кыпчакских» черепов с бассейна р. Урал с синхронными материалами из курганов, расположенных на территории Башкортостана (Ильчигулово, Сынтыш-Тамак), показывает довольно резкие расхождения в антропологических типах. Это особенно чётко прослеживается как по абсолютным размерам черепов, так и по коэффициентам суммарных расстояний между ними по комплексу признаков. Так, кочевники из Сынтыш-Тамакского и Ильчигуловского могильников выделяются более узким, низким, довольно резко профилированным лицевым скелетом. Черепная коробка несколько уже и длиннее, по указателю включается в категорию мезобрахиокраничных (Рис. 34).

«Кыпчакские» черепа с бассейна р. Урал более массивны, лицевой скелет широкий, несколько уплощен на обоих уровнях горизонтальной плоскости. По строению области переноса и углу выступления носовых костей обе серии черепов сближаются между собой. Анализ коэффициентов суммарных расстояний, полученных по методу Пенроза-Кнуссмана, показывает, что они достаточно равномерно и на высоком уровне, предполагающем генетическое родство, распределяются между обобщённой серией черепов кыпчаков XIII–XIV вв. и отдельными группами с бассейна р. Урал (коэффициенты не превышают 0,25). При этом нельзя не заметить значительную вариацию величин коэффициентов между отдельными кыпчакскими группами. Это может говорить об общем монголоидном компоненте в расовом типе кочевников Великого

пояса степей и различиях в их субстратных антропологических пластах, уходящих своим происхождением в различные районы Средней Азии и Казахстана. Например, синхронные серии черепов кочевников Центрального и Южного Казахстана XII–XIV вв. довольно резко отличаются друг от друга, а кыпчаки Оренбуржья, в свою очередь, оказываются наиболее близкими центрально-казахстанским и дают очень большие суммарные различия с южноказахстанскими. Выше было сказано, что кыпчаки бассейна р. Урал по своему генотипу тесно связаны с центральноказахстанскими и не имеют генетического родства с населением Башкортостана XIII–XIV вв., хотя следы их взаимодействия прослеживаются в наличии у последних монголоидных признаков южносибирского происхождения.

Можно сделать вывод, что в XIII–XIV вв. население Башкортостана и бассейна р. Урал отличалось по своему физическому типу. Выделенные типологические различия дают возможность предположить, что период монгольского нашествия на территории Башкортостана не сопровождался массовым проникновением и последующим биологическим смешением пришлых кочевых групп (кыпчаков) с местным населением. Местное население этого времени гораздо ближе между собой и продолжает сохранять комплекс признаков, в котором преобладают европеоидные черты населения лесостепной и степной зон Башкортостана конца I тыс. н.э. Более того, если говорить о роли кыпчаков в расогенетических процессах XIII–XIV вв. в регионе, то она, похоже, не выходила за пределы Дешт-и-Кипчака, и наибольшее распространение южносибирского расового типа приходилось на просторы Великого пояса степей. На территории Центрального Казахстана кыпчакский компонент оказался доминирующим фактором не только в этногенезе, но и в расогенезе казахов [Исмагулов, 1970. С. 139–147].

Так, если сравнить современных казахов с кочевниками XIII–XIV вв., то наибольшая близость, судя по коэффициентам суммарных расстояний, обнаруживается между ними и кыпчаками Центрального Казахстана и Оренбуржья (0,10 и 0,14). Население, жившее в XIII–XIV вв. в Южном Казахстане и на территории современной Туркмении, даёт большие коэффициенты различий с казахами (0,45 и 0,49), что может свидетельствовать о преобладании в расовом типе населения этих районов местного субстратного компонента, сохранившегося сегодня в виде расы среднеазиатского междуречья и закаспийского антропологического типа. Население Башкортостана XIII–XIV вв. также испытало влияние носителей южносибирского

расового типа, но в гораздо меньшей степени, и это не могло вытеснить местную основу. Сравнение черепов из Сынтыш-Тамака и Ильчигулово с материалами по современным казахам и башкирам показывает, что кочевники Башкортостана XIII–XIV вв. оказываются гораздо ближе к современным башкирам, чем к казахам и кыпчакам.

Анализ материалов XIII–XIV вв., обнаруженных в Оренбуржье и на территории Башкортостана, показывает существенные различия в антропологическом составе населения данных районов в золотоордынское время. Это может говорить об относительно самостоятельных путях расогенеза на территориях, разделённых р. Урал, которая являлась естественной границей между населением древнего Башкортостана и Дешт-и-Кипчака.

Таким образом, можно заключить, что золотоордынский период в истории народов Средней Азии, Казахстана и Южного Урала не сопровождался процессами активной биологической ассимиляции покорённых народов к северу и югу от Великого пояса степей. Материалы XIII–XIV вв. показывают, что основной территорией распространения южно-сибирского расового типа в это время оставались степи Дешт-и-Кипчака, что явилось одним из решающих факторов в расогенезе современных казахов (речь идёт о центральных районах Казахстана, т.к. в южных и западных он постепенно размывается признаками субстратных европеоидных расовых типов). На Южном Урале следы взаимодействия этого типа с сибирскими и другими монголоидными типами сохранились у некоторых групп современных башкир, но не в такой степени, как у казахов, различия с которыми у башкир значительны в силу преобладания в их расовом типе европеоидного компонента предшествующего населения. Для выяснения роли кыпчакского компонента в расогенезе башкир, его масштабов и районов наиболее активного взаимодействия необходимо рассмотреть краниологические серии башкир XVIII – начала XX вв. в сравнении с материалами эпохи средневековья.

Анализ 12 краниологических серий современных башкир (включая суммарную серию) и материалов XIII–XIV вв. с территории Башкортостана и соседних регионов показывает, что по сравнению с кыпчаками башкиры выделяются более крупным черепом, относительно узким лицом, резче профилированным лицевым скелетом, т.е. различия идут в направлении, разделяющем европеоидные и монголоидные популяции. Это подтверждается и результатами суммарного анализа. Из всего материала золотоордынского времени минимальные коэффициенты суммарных расстояний обнаруживаются

между суммарной башкирской серией черепов и материалами XIII–XIV вв. с территории Башкортостана:

Сходство между суммарной серией черепов современных башкир и населения Башкортостана XIII–XIV вв., очевидно, предполагает генетическую преемственность населения золотоордынского времени с современным. Рассмотрение величин отдельных параметров черепа и лицевого скелета показывает, что сходство суммарной башкирской серии черепов с материалами XIII–XIV вв. с территории Башкортостана обнаруживается по комплексу признаков, по которым отличаются черепа из Ильчигулово и Сынтыш-Тамака от кыпчакских материалов (табл. 5).

Форма черепной коробки, а также основные параметры лицевого скелета башкир практически не изменились с XIII–XIV вв., в то время как в суммарной кыпчакской серии и в отдельных памятниках кыпчаков Оренбуржья черепа короче и шире; лицевой скелет гораздо уплощённей, шире и выше. Это исключает активную метисацию местного населения с кыпчакскими группами и определение её как ведущего фактора в расогенезе башкир XIII–XIV вв. Данный вывод не касается языка и культуры, которые, как известно, при определённых социально-политических условиях могут распространяться и усваиваться другим этносом без активного биологического смешения с их носителями. В то же время коэффициенты суммарных расстояний с кыпчаками указывают на взаимодействие последних с населением Южного Урала. Например, суммарная башкирская серия удалена от суммарной кыпчакской Оренбуржья на 0,277.

Коэффициенты суммарных расстояний показывают наименьшие различия между объединённой серией кыпчаков Оренбуржья и зауральскими северо-восточными башкирами. Минимальное расстояние в масштабе башкирских групп (0,184) дают башкиры из Старо-Кулево Челябинской области, затем северо-восточные башкиры из Абдрашитово (0,209), Ахуново (0,277) и Гадельшино (0,291) Учалинского района РБ. По степени сходства с кыпчаками близки к ним (0,280) и юго-восточные башкиры из д. Кусеево Баймакского района (табл. 6).

Наибольшие различия с кыпчаками прослеживаются у башкир южных, юго-западных и северо-западных районов РБ. Существенные различия обнаруживаются и с башкирами центральных горно-лесных районов, где значения коэффициентов больше 0,4, что позволяет говорить о значительных расхождениях в комплексе анализируемых признаков в этих группах и предполагает различия в генетической основе их расовых типов. Башкиры из

Таблица 5. Суммарная серия черепов современных башкир и средние размеры черепов XIII—XIV вв.

	Признаки	Башкиры (суммарно)	Сынтыш- Тамак	Ильчигулово	Кыпчаки Оренбуржья
1	Продольный диаметр	182,1	183,4	182,7	177,9
8	Поперечный диаметр	147,3	147,0	146,3	151,4
17	Высота черепа	132,9	131,0	130,3	129,1
45	Скуловой диаметр	139,1	141,6	136,7	141,9
48	Высота лица	74,0	72,1	72,7	75,0
54	Ширина носа	26,2	26,6	26,3	27,4
77	Назомолярный угол	141,6	143,1	139,4	144,2
Zm	Зигомаксиллярный угол	130,4	132,4	130,2	136,0

Иштуганово (Мелеузовский район РБ) удалены от кыпчаков на 0,416; из Мавлютово (северо-западные) — на 0,423; из Муллакаево (Архангельский район РБ) — на 0,425.

При рассмотрении взаимосвязей антропологического типа современных башкир с отдельными группами кыпчаков выявляется дифференцированность направления этих связей. Это может свидетельствовать о том, что не все кыпчакские группы вступали во взаимосвязь с башкирами. Например, из четырёх кыпчакских памятников Оренбуржья — Урта-Буртя, Линёвка, Озерново и Хабарный — краниологические материалы лишь у последних двух дают возможность говорить о контактах и внедрении кыпчаков в среду башкирского населения. Причём наиболее активно этот процесс, по-видимому, происходил на территории расселения северо-восточных и зауральских башкир. В этом плане показательны материалы башкир из Старо-Кулуево (Челябинская область), которые дают самые минимальные среди башкир расстояния с кыпчакскими черепами из Озерново и Хабарного (0,179 и 0,214). Также заметно влияние этих групп кыпчаков на формирование расового типа северо-восточных башкир из Старо-Халилово, Абдрашитово, Ахуново (0,288; 0,207; 0,244). Из других кыпчакских памятников лишь материалы из Урта-Буртя оказываются относительно близкими к черепам из Абдрашитово (0,320), Ташлов (0,239) и Кусеево (0,225). С остальными группами башкир различия кыпчаков из Урта-Буртя значительные. Следует напомнить, что они отличаются от других кыпчакских групп, прежде всего своим более европеоидным обликом, нали-

чием в их составе представителей не только южно-сибирского, но и памиро-ферганского типа.

Сравнительный анализ краниологических материалов по современным башкирам и кыпчакам XIII—XIV вв. из Оренбуржья указывает на неоднозначность антропологического и этнического взаимодействия населения Южного Урала и Дешт-и-Кипчака в золотоордынский период. С одной стороны, родоплеменная структура, язык, отдельные элементы культуры современных башкир свидетельствуют о довольно активном влиянии кыпчакских племён (катай, кыпсак, мин, табын) на этническую ситуацию в Башкортостане, а с другой — эти процессы не сопровождались массовым притоком, оседанием и последующим биологическим взаимодействием кыпчаков с местным населением. Это позволяет заключить, что проникновение кыпчаков на Южный Урал и их влияние на антропологический тип башкир было связано не столько с монгольским нашествием, сколько с событиями, предшествовавшими появлению монголов на Южном Урале. В этом плане заслуживает внимания серия черепов кочевников XI—XII вв. с северо-востока Башкортостана. Контакты с кыпчаками довольно существенно отразились на расовом типе северо-восточных и зауральских башкир Челябинской области и отчасти юго-восточных. Это подтверждается и материалами изучения современных башкир. Данные соматологии и краниологии показывают наибольшую монголоидную примесь именно у этих групп башкир, представленных южносибирским типом, в то время как в физическом типе южных, юго-западных, северных башкир преобладает европеоидный компонент. Но и у зауральских башкир

Таблица 6. Коэффициенты суммарных расстояний T между краниологическими сериями башкир и кыпчаков (тысячные доли)

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кыпчаки Оренбуржья XIII—XIV вв.	0,277	0,416	0,423	0,358	0,209	0,277	0,291	0,303	0,280	0,425	0,184	0,401
Урта-Буртя	0,442	0,536	0,624	0,553	0,320	0,549	0,467	0,406	0,330	0,568	0,415	0,511
Линёвка	0,676	0,812	0,885	0,783	0,560	0,562	0,662	0,755	0,690	0,820	0,485	0,775
Озерново	0,225	0,363	0,351	0,288	0,207	0,244	0,344	0,239	0,225	0,316	0,179	0,335
Хабарный	0,292	0,475	0,389	0,332	0,273	0,444	0,360	0,282	0,343	0,443	0,214	0,514
Ильчигулово	0,081	0,138	0,136	0,190	0,131	0,208	0,164	0,083	0,104	0,193	0,119	0,084
Сынтыш-Тамак	0,189	0,160	0,109	0,239	0,137	0,181	0,234	0,345	0,292	0,434	0,311	0,285

1 – суммарная башкирская серия черепов; 2 – Иштуганово; 3 – Мавлютово; 4 – Старо-Халилово; 5 – Абдрашитово; 6 – Ахуново; 7 – Гадельшино; 8 – Ташлы; 9 – Кусеево; 10 – Муллакаево; 11 – Старо-Кулуево; 12 – Аллагуватово.

южно-сибирский расовый тип всё же более «европеоиден», чем у современных казахов, что исключает кыпчакский компонент как ведущий фактор в расогенезе и этой группы башкир. Например, сопоставление зауральских башкир из Старо-Кулуево показывает, что они гораздо ближе по суммарным показателям к обобщённой серии современных башкир (0,073) и к материалам XIII–XIV вв. из Ильчигулово (0,119). Различий с кыпчаками бассейна р. Урал гораздо больше (0,415; 0,485; 0,179; 0,214).

Складывается впечатление, что, несмотря на политическую зависимость от Золотой Орды, расогенетические процессы на территории расселения башкир протекали относительно самостоятельно на основе того расового типа, который уже сложился и получил широкое распространение в регионе к рубежу н.э. и довольно отчётливо прослеживается у современного башкирского населения (речь идёт о материалах VII–IX вв. из Бекешево, а также XIII–XIV вв. из Ильчигулово, Сынтыш-Тамака, расовый тип последних имеет, видимо, общее происхождение, коэффициент суммарных расстояний между ними 0,208). Незначительны расстояния между черепами из Ильчигулово и сериями черепов современных башкир и в большинстве случаев не превышают 0,1–0,13, что подтверждает вышесказанное. Суммарная башкирская серия черепов, например, удалена от «ильчигуловской» всего на 0,08.

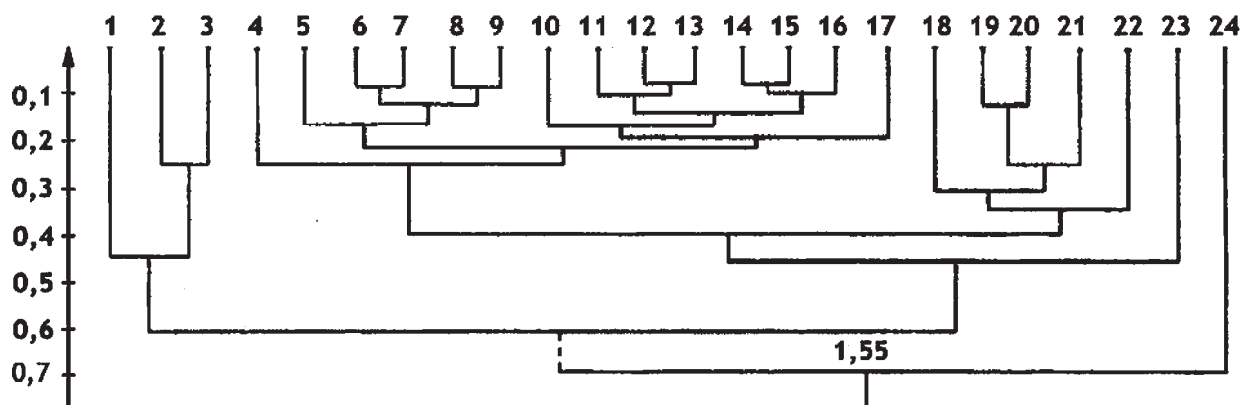
В целом можно отметить, что антропологический состав населения, сложившийся ещё до Золотой Орды, не претерпел резких изменений и продолжает сохраняться у современных башкир.

Усиление монголоидных признаков произошло в XI–XII вв. и особенно – в золотоордынское время, что, однако, не изменило основы расового типа башкир, видимо, сформировавшегося к XIII в. Характерные для современных башкир крупные размеры черепной коробки, превышающие таковые у кыпчаков Оренбуржья, широко представлены на материалах населения северо-востока Башкортостана IX–XII вв. (Лагерево, Старо-Халилово, Мрясимова) и на черепах XIII–XIV вв. из Сынтыш-Тамака.

Представляет интерес и тот факт, что современные башкиры оказываются более европеоидными, чем население XIII–XIV вв., что также указывает на европеоидную основу расового типа башкир, истоки которого уходят в I тыс. н.э. Европеоидный комплекс признаков прослеживается у населения Южного Урала вплоть до рубежа I–II тыс. н.э., в последующие века фиксируется ярко выраженная монголоидная примесь, привнесённая на северо-восток Башкортостана кочевниками IX–XII вв. Однако эти кочевники не смогли повлиять на ход расогенетических процессов во всем регионе, а лишь внесли коррективы, несколько сгладив европеоидный тип местного населения.

Кластерный анализ показал плотное расположение и тесную взаимосвязь всех современных башкирских групп как с территории Башкортостана, так и Челябинской области. В общий кластер краниологических серий башкир, показывая достаточно высокий уровень генетических связей, вошли серии

Таблица 7. Взаимосвязь по C_R^2 краниологических материалов современных башкир и средневекового населения Южного Урала

1 – Бирский могильник; 2 – кочевники Башкортостана IX-XII вв. н.э.; 3 – Сынтыш-Тамак XIII-XIV вв.; 4 – Муллкаево; 5 – Старо-Кулуево; 6 – Ташлы; 7 – Кусеево; 8 – Ильчигулово XIII-XIV вв.; 9 – Аллагуватово; 10 – Ахуново; 11 – Абдрашитово; 12 – Бекешево VII-IX вв.; 13 – Иштуганово; 14 – Старо-Халилово; 15 – башкиры суммарно; 16 – Мавлютово; 17 – Гадельшино; 18 – Хабарный; 19 – кыпчаки Оренбуржья XII-XIV вв. суммарно; 20 – Озерново; 21 – Линевка; 22 – Урта-Буртя; 23 – Старые Киишки; 24 – Кушнаренковский могильник.

черепов XIII–XIV вв. из Ильчигулово и конца I тыс. н.э. из Бекешево.

Все серии черепов кыпчаков с бассейна р. Урал (Хабарный, Озерново, Линёвка, Урта-Буртя) вместе с суммарной серией кыпчаков образовали второй большой самостоятельный кластер. В этот же кластер вошла серия черепов современных казахов, что указывает не только на морфологическое сходство, но и, возможно, генетическое родство казахов и населения Дешт-и-Кипчака XIII–XIV вв. Результаты суммарного и кластерного анализов (см. дендрограмму) указывают на общность происхождения и преобладание монголоидного компонента в антропологическом типе кыпчаков и казахов, в котором превалирует комплекс признаков южносибирской расы. Это касается в основном населения Центрального, Восточного и Западного Казахстана, которое испытало наибольшее воздействие носителей южносибирского типа. Южноказахстанская серия черепов XII–XIV вв. отстоит далеко от общего массива и составляет самостоятельный кластер.

В отличие от казахов у башкир преобладает субстратный европеоидный комплекс признаков, который и оказался объединяющим фактором всех выборок черепов башкир XIII – начала XX вв. Монголоидный компонент XIII–XIV вв. не сыграл

ведущей роли в расогенезе башкир, иначе башкирский материал либо распался бы на отдельные, резко удалённые друг от друга кластеры (как в случае с казахами), либо отдельные серии черепов башкир присоединились бы к казахам. В данном же случае даже те группы башкир, которые, казалось бы, испытали наибольшее воздействие авангарда золотоордынского государства – кыпчаков, сохранили в своём генотипе домонгольский субстратный компонент европеоидного происхождения. Полученная картина антропологического состава башкир в сочетании с этнической характеристикой даёт возможность вести рассуждения о соотношении в регионе социальных и биологических факторов в процессах этно- и расогенеза XIII–XIV вв.

Сопоставление средних значений размеров черепной коробки и лицевого скелета выявляет закономерную картину, в которой прослеживается одна существенная деталь: характерные для башкир крупные размеры черепа, относительно узкое, но умеренно высокое лицо при среднеспрофилированном лицевом скелете обнаруживают аналогии в среде домонгольского средневекового населения Башкортостана I тыс. н.э. Население золотоордынского периода, как уже отмечалось, характеризовалось более короткой черепной коробкой; широким

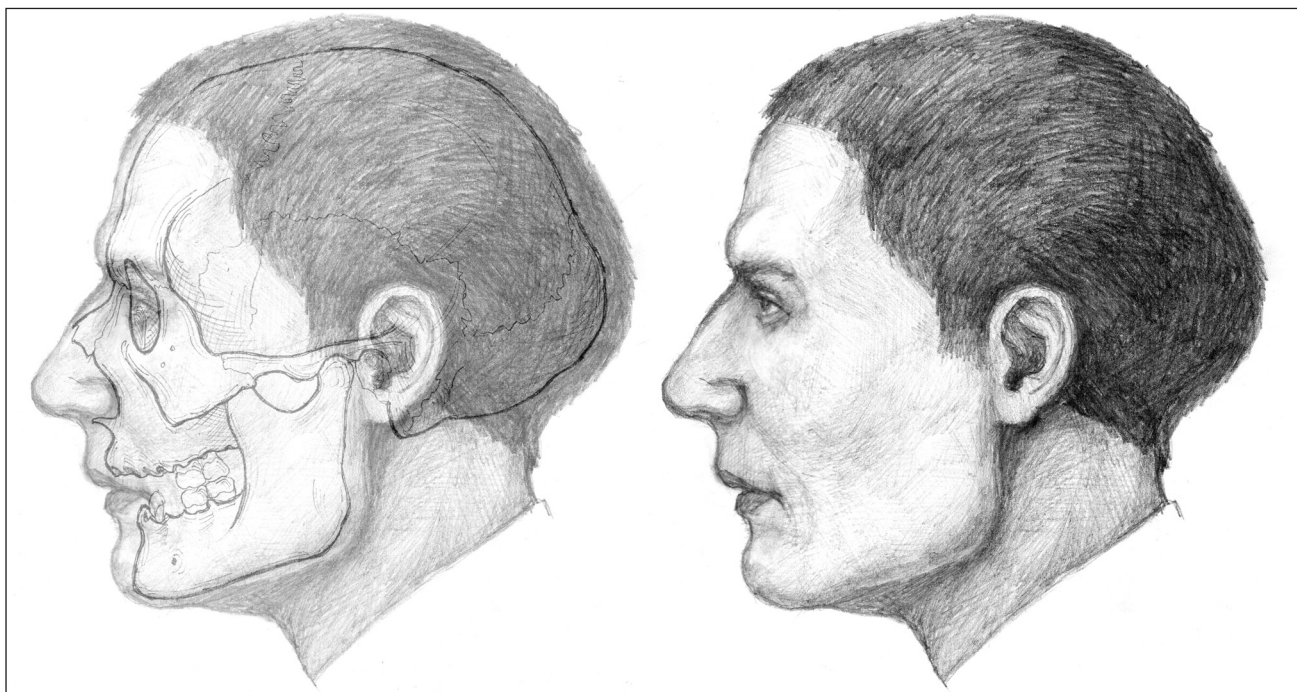

Рис. 31. Графическая реконструкция по черепу мужчины 20–25 лет из погребения 1 кургана 2 Бекешевского I курганного могильника (Баймакский район РБ). Раскопки Н.А. Мажитова. Караякуповская культура. VIII–IX вв. н.э.
Автор А.И. Нечвалода

лицом, выраженной уплощённостью лицевого скелета. В истории расогенеза Южного Урала подобный комплекс признаков, характерный для монголоидов, появляется в начале II тыс. н.э. и получает наибольшее распространение в последующие два-три века, а затем постепенно размывается. Следы воздействия этого типа сохраняются в основном у северо-восточных и зауральских башкир. Сказанное предопределяет выбор объектов сравнительного анализа и проведение суммарного и кластерного анализов.

Анализ суммарной краниологической серии башкир на историческом фоне расовых типов населения Южного Урала I тыс. н.э. показывает значительный разброс коэффициентов обобщённых расстояний, что говорит о неоднородности антропологического состава населения Башкортостана в этот период и в какой-то мере о степени участия тех или иных этнических групп в расогенезе современных башкир:

Наибольшие различия фиксируются с кушнаренковцами, для которых характерен резко выраженный комплекс европеоидных признаков (сильная профилированность лицевого скелета, резко выступающие носовые кости, средневысокое, но очень узкое лицо). Напомним, что «кушнаренковские» черепа не обнаруживают также аналогий ни с одной группой населения Южного Приуралья I тыс. н.э. В связи с этим можно лишь предположить крат-

ковременность их пребывания в регионе, сопровождавшуюся генетической изоляцией от других групп населения. Таким образом, кушнаренковская группа, имевшая предположительно южное происхождение, исключается из расогенетических процессов I–II тыс. н.э.

По отдельным признакам, а также по их комплексу обнаруживается относительная близость суммарной башкирской серии с черепами бахмутинской культуры из Бирского могильника. Башкирская серия отличается от бирской несколько большими размерами лицевого скелета и черепа, хотя профилированность лицевого скелета в обеих сериях примерно одинакова. В целом «бирские» черепа по большинству признаков характеризуются сглаженным европеоидным типом, имевшим, видимо, местное происхождение, т.к. близкие к ним черепа пьяноборского населения характеризуются признаками уральской расы. Таким образом, анализ черепов позволяет рассматривать население бахмутинской культуры как один из европеоидных компонентов в расогенезе башкир, но в каких группах он сыграл наибольшую роль по суммарной серии черепов башкир определить сложно.

Сопоставление башкирской серии с черепами ранних сарматов из Старых Киишковых и Ново-Мурапталово показывает близость формы черепной коробки и степени профилированности лицевого скелета, однако башкиры отличаются большей мон-

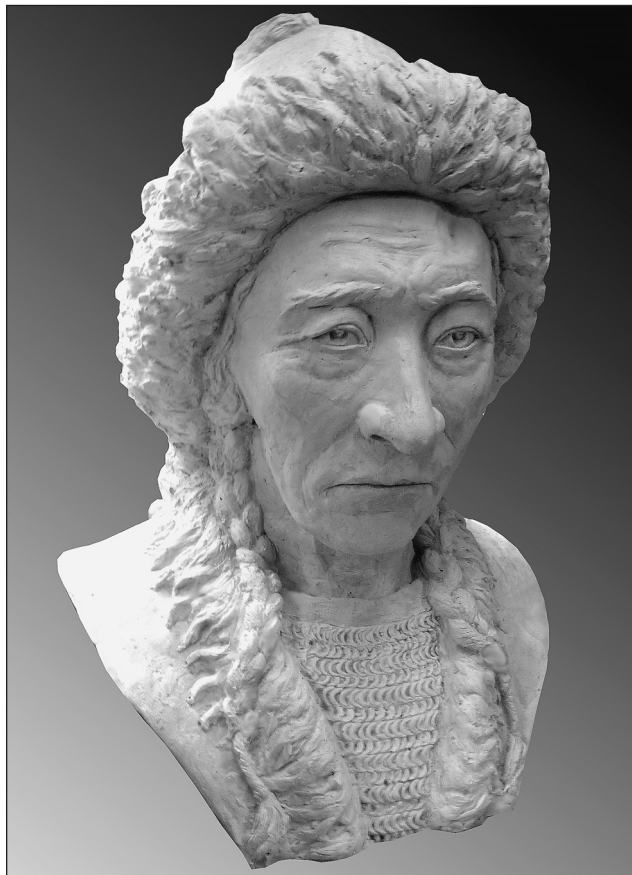

Рис. 32. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из погребения Линевого I курганного могильника (Оренбургская область). Раскопки В.А. Иванова. Кипчаки. XIII–XIV вв. н.э. Автор А.И. Нечвалода

голоидной примесью, более крупными размерами лицевого скелета. Различий между прохоровцами и башкирами значительно больше, чем у последних с бахмутинцами. Да и сами в целом европеоидные бахмутинцы и прохоровцы Башкортостана отличаются друг от друга довольно резко (0,932), что указывает на существенные различия в происхождении населения южных и северных районов Южного Приуралья I тыс. н.э.

Заслуживает особого внимания в плане расогенеза башкир сравнение суммарной серии черепов современных башкир с палеоантропологическими материалами из Бекешевских курганов, что даёт минимальное расстояние (0,094), – такого не наблюдается ни по одному из других памятников I тыс. н.э. Бекешевская серия черепов европеоидна почти по всем параметрам, но содержит и монголоидную примесь, которая в отличие от других синхронных материалов выразилась здесь в умеренной профилированности лицевого скелета, в увеличении высоты лица и др. Вероятно, эта группа населения, появившаяся на Южном Урале уже в смешанном виде, получила широкое распространение и довольно быстро установила контакты с местным населением. «Бекешевские» черепа с юго-востока Башкортостана по строению довольно близки материалам Бирского могильника (0,174). Сближаются они и с кочевниками IX–XII вв. с северо-востока Башкортостана (0,341), но между ними больше различий из-за наличия у последних достаточно силь-

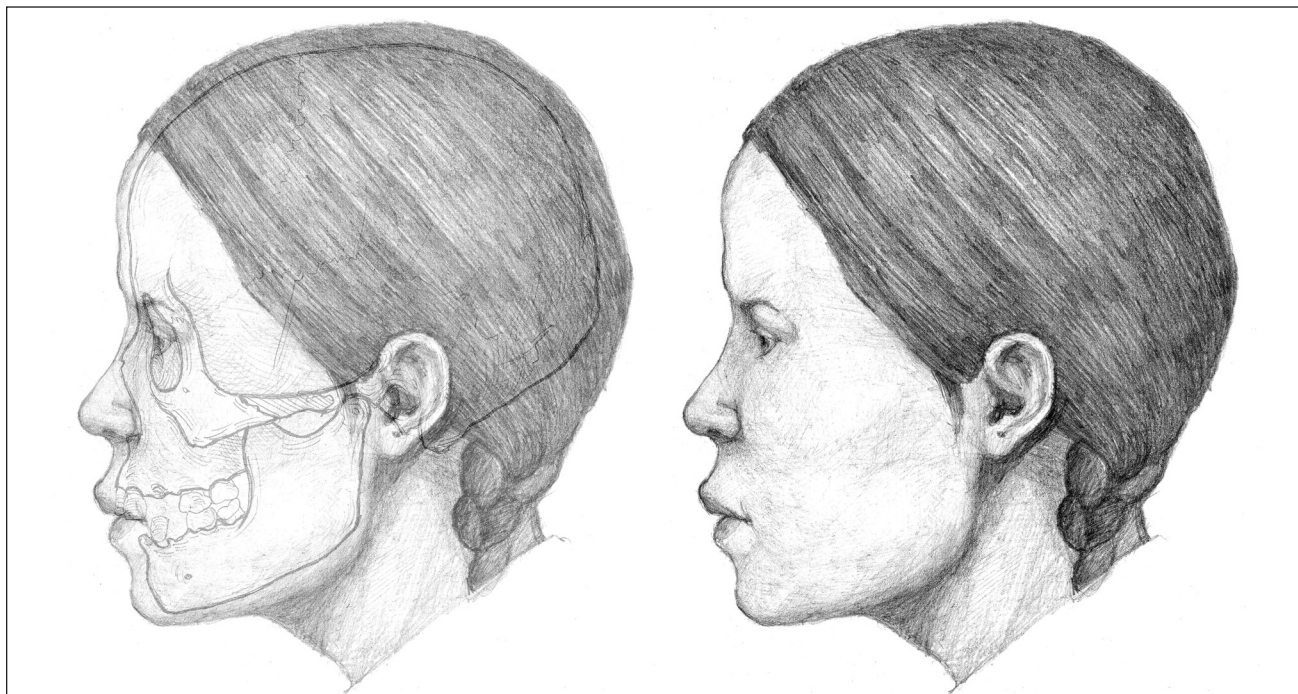

Рис. 33. Графическая реконструкция по черепу девушки 16–17 лет из кургана 5 Ишкуловского II курганного могильника (Абзелиловский район РБ). Раскопки В.А. Иванова. Башкиры. XIII–XIV вв. н.э. Автор А.И. Нечвалода

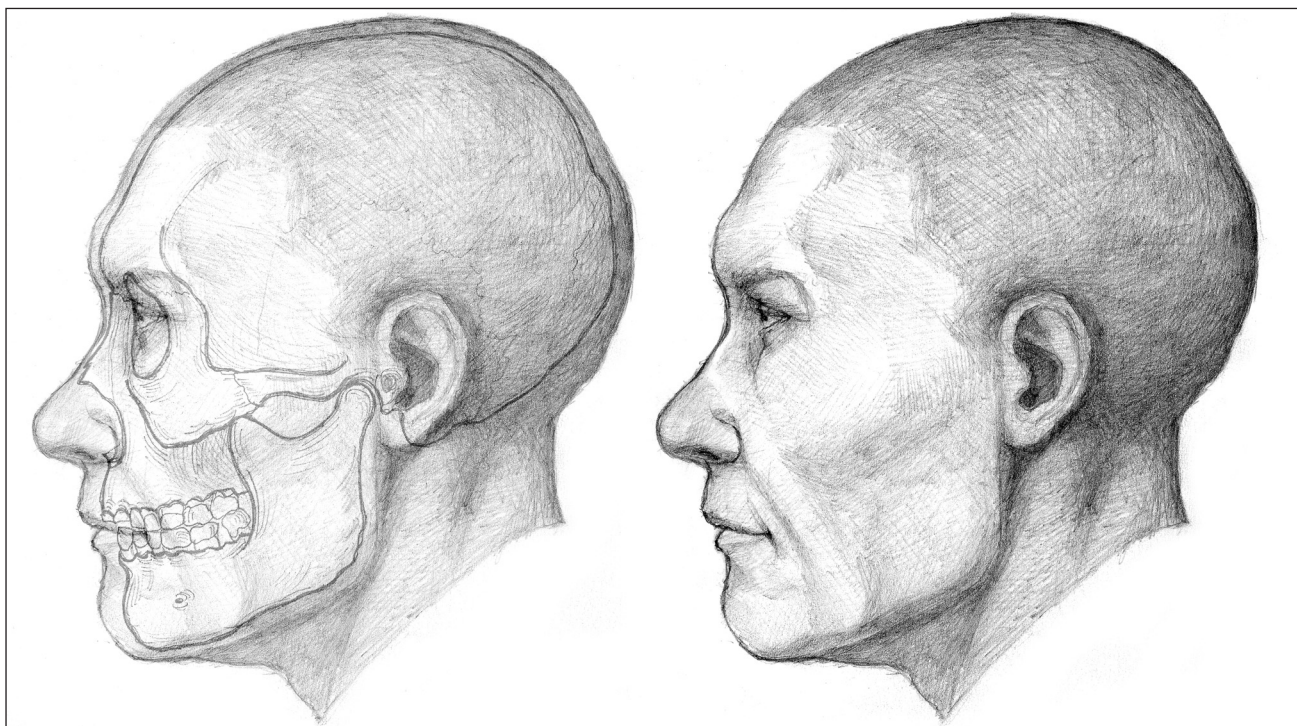

Рис. 34. Графическая реконструкция по черепу мужчины 35-40 лет из погребения 3 кургана 2 Ильчигуловского III курганного могильника (Миякинский район РБ). Раскопки И.М. Акбулатова. Башкиры. XIII–XIV в. н.э.
Автор А.И. Нечвалода

ной монголоидной примеси. Кочевники IX–XII вв. в отличие от бекешевцев дают большие расхождения по комплексу признаков и с бахмутинцами.

Таким образом, из материалов I тыс. н.э. типологически самой близкой к суммарной серии современных башкир оказывается серия черепов из Бекешевских курганов. Вероятно, расовый тип населения, оставившего эти курганы, явился одним из мощных субстратных компонентов в расогенезе башкир с конца I тыс. н.э.

Сопоставительный анализ 11 краниологических серий современных башкир с сериями черепов I тыс. н.э. с территории Башкортостана даёт, на наш взгляд, довольно чёткую региональную привязку современного и средневекового населения. Исключением является лишь бекешевская серия черепов, которая даёт морфологическое сходство по комплексу признаков практически со всеми сериями черепов башкир, что объясняется их расогенетической связью (в скобках приведены коэффициенты суммарных расстояний этих же групп с суммарной серией черепов башкир):

Складывается впечатление, что расовый состав башкир не претерпел резких изменений с конца I тыс. н.э. Незначительное увеличение суммарных расстояний (не выходящее, однако, за пределы расогенетической близости) обнаруживается с зауральскими башкирами из Старо-Кулуево,

Гадельшино, Кусеево, а также Ташлов и Аллагуватово. Видимо, масштабы внедрения на Южный Урал кочевников, оставивших Бекешевские курганы, были значительны. В их расовом типе преобладали признаки, близкие к расе среднеазиатского междуречья с примесью алтайского варианта уральской расы. Результаты сравнительного анализа дают возможность предположить, что расовый тип бекешевцев, скорее всего, и явился основным европеоидным пластом, определившим в дальнейшем антропологический облик большинства современных групп башкир.

Следовательно, уже к концу I тыс. н.э. происходит относительная стабилизация антропологического состава башкир. Золотоордынский период внёс некоторые коррективы в физический тип башкир, особенно зауральских и северо-восточных районов, но и здесь не произошло коренного изменения в антропологическом типе населения. Южносибирский расовый тип современных башкир отличается от такового у казахов прежде всего происхождением субстратного европеоидного компонента, который восходит к физическому типу населения конца I тыс. н.э., оставившего после себя Бекешевские курганы. Основу южносибирского типа казахов составили, как известно, представители андроновского, средиземноморского и других краниологических типов. Сравнение суммарных

расстояний между серией черепов из Старо-Кулуево (Челябинская область), башкирской, казахской, кыпчакской и бекешевской сериями показывает, что зауральские башкиры по своему типу ближе всего к суммарной башкирской серии и довольно существенно отличаются от кыпчаков Оренбуржья. Это говорит об общей европеоидной основе башкир, а также о том, что характерный для них южно-сибирский тип сформировался относительно поздно в XIII–XIV вв.

Соотношение расового типа современных башкир и средневекового населения находит отражение в пространственной структуре дендрограммы (табл. 7). В основе дендрограммы — три самостоятельных кластера, дающие определённую региональную и временную корреляцию. Самый крупный кластер, состоящий из двух подкластеров, составили все современные башкирские серии черепов, которые объединяются на уровне 0,17, что говорит об их безусловном генетическом родстве. Основу первого подкластера, или его ядро, составила Бекешевская серия черепов, которая на минимальном уровне (0,063) объединилась с серией черепов южных башкир из Иштуганово. К ним последовательно до уровня 0,14 присоединились серии черепов северо-восточных (Абдрашитово, Старо-Халилово, Ахуново), северо-западных (Мавлютово) и зауральских (Гадельшино) башкир. Второй подкластер, включающий серии черепов юго-западных (Ташлы, Аллагуватово), юго-восточных (Кусеево), зауральских (Старо-Кулуево) башкир и башкир XIII–XIV вв. из Ильчигулово, присоединился, как уже говорилось, на уровне 0,17. Полученная картина свидетельствует не только о процессе антропологической консолидации современных башкир, но и выявляет его истоки, уходящие к расовому типу населения Южного Урала VII–IX вв., оставившего Бекешевские курганы. Отсюда вытекает закономерный вывод — антропологический тип башкир в целом сложился к концу I тыс. н.э. Черепа кочевников северо-восточного Башкортостана IX–XII вв. по своему строению близки с серией черепов XIII–XIV вв. из Сынтыш-Тамака. К ним примыкают материалы из Бирского могильника. Эти три серии черепов с территории Башкортостана составляют самостоятельную ветвь, что показывает различия антропологического типа населения севера и юга Башкортостана на рубеже I–II тыс. н.э. и, следовательно, наличие второго источника — европеоидного компонента в расовом типе башкир. Этот компонент, вероятно, сыграл, как и бекешевский расовый тип, самостоятельную роль в расогенезе башкир. Кушнаренковская серия черепов образова-

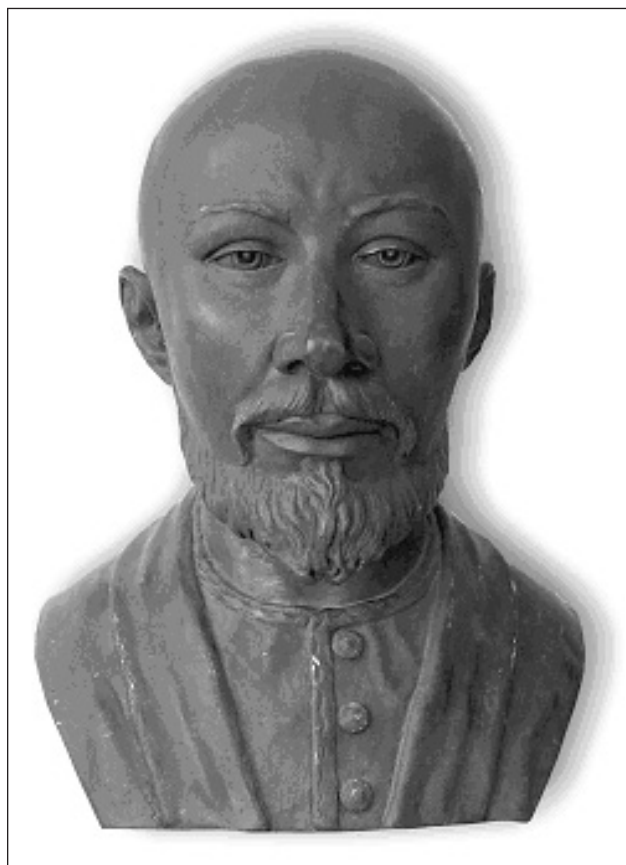

Рис. 35. Скульптурная реконструкция по черепу мужчины из мавзолея Хусейнбека (погребение 1). Раскопки Г.Н. Гарустовича. XIV в. н.э. Автор А.И. Нечвалода

ла отдельную ветвь на уровне 1,55, что исключает её участие в расогенезе башкирского народа.

Второй кластер объединил все без исключения серии черепов XIII–XIV вв. с левобережья среднего течения р. Урал, Центрального Казахстана и современных казахов. Основу этого кластера составила суммарная серия черепов кыпчаков Оренбуржья, объединившаяся с кыпчакской серией из Озерново (0,100). К ним присоединились серии черепов современных казахов, кыпчаков из Линёвки, Центрального Казахстана, Урта-Буртя и Хабарного. Южноказахстанская серия черепов XII–XIV вв. образовала самостоятельную ветвь. Это не противоречит историческим фактам о роли кыпчакского компонента в этнической истории казахского народа. Окончательное формирование антропологического типа современных казахов, видимо, произошло относительно поздно, в золотоордынский период, что тоже полностью согласуется с выводами казахских антропологов [Исмагулов, 1970. С. 146].

Из вышесказанного следует ещё один важный вывод — расогенез башкир на Южном Урале протекал относительно самостоятельно ещё с рубежа I и II тыс. н.э. вплоть до современности. Расовый

тип башкир практически не претерпел изменений и в период монгольского нашествия. К началу походов Чингисхана башкиры, видимо, представляли собой уже сформировавшийся этнос, с чётко определёнными границами расселения, своей культурой и установившимся антропологическим составом. В XIII–XIV вв. бассейн р. Урал был не только водоразделом между степями Дешт-и-Кипчака и Южным Уралом, но и, видимо, пограничным рубежом между башкирами и Золотой Ордой. В свете сказанного закономерно возникают вопросы: «А была ли завоёвана страна башкир монголами? Каков был её политический статус в золотоордынский период?»

Таким образом, в эпоху средневековья можно выделить два существенных момента, которые представляют собой наиболее яркие страницы этнической истории народа и формирования его антропологического состава. Прежде всего, это миграция (скорее всего массовая) в VII–IX вв. н.э. на территорию Южного Урала кочевых групп населения, оставивших памятники караякуповской культуры. Видимо, именно они явились носителями мощного этно- и расогенетического заряда и смогли объединить население леса и степи в рамках одного этноса. На материалах антропологии довольно чётко фиксируется последовавшая с момента их оседания на Южном Урале нивелировка расовых типов населения, которое во второй половине I тыс. н.э. оставалось ещё неоднородным. Второй момент связан с нашествием монголов в Восточную Европу и образованием огромного Золотоордынского государства. Башкиры в этот период, видимо, испытали со стороны монголов, кыпчаков и других кочевников больше социально-политическое воздействие, нежели расогенетическое.

Из вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы. Расогенетические корни антропологического типа современных башкир восходят к древнему населению края эпохи раннего железа, к антропологическим пластам финно-угорского населения пьяноборской, затем бахмутинской культур лесной полосы и расовому типу древних индоевропейцев лесостепной и степной зон Башкортостана.

В типологическом отношении к рубежу н.э. на севере расселялись представители различных вариантов уральской расы с примесью европеоидных антропологических типов южного происхождения. Местный уральский компонент (один из древнейших) прослеживается с рубежа н.э. и сохраняется у современных северо-западных и северо-восточных башкир.

На протяжении всей эпохи раннего железного века в антропологическом составе населения лесо-

степного и степного районов края доминировал европеоидный тип южного и юго-восточного происхождения, характерный для савроматов и сарматов. Основу пришлого европеоидного компонента населения лесостепной и степной части Южного Урала составляли признаки формирующейся расы среднеазиатского междуречья с включением уральской и средиземноморской рас. Этот же компонент прослеживается в антропологическом типе более позднего населения.

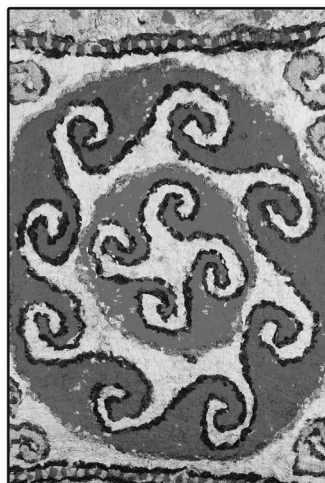
В VII–IX вв. решающую роль в формировании антропологического типа населения Южного Урала сыграли носители караякуповской культуры. Их расовый тип накладывается на антропологический пласт сармато-аланского населения и получает широкое распространение почти по всей лесостепной и степной территории Башкортостана. Следствием этого явилась стабилизация антропологической картины с последующей нивелировкой расовых типов в регионе.

Золотоордынский период практически не сказался на антропологическом составе башкир. Расогенетические процессы в крае протекали на основе в целом европеоидного антропологического пласта, сформировавшегося к концу I тыс. н.э. Взаимодействие с кочевниками Дешт-и-Кипчака можно отметить на территории расселения северо-восточных, юго-восточных и зауральских башкир. В этих районах происходит формирование у башкир комплекса признаков южносибирской расы. Не исключено, что окончательное сложение этой расы и накопление монголоидных признаков в этих группах башкир происходило и в более позднее время в результате контактов с казахами.

Южносибирская раса в составе башкирского народа в историческом плане является одной из «молодых»; её формирование на Южном Урале происходило не без участия местных вариантов уральской расы. Южносибирский тип современных казахов и башкир отличается происхождением и разной долей европеоидного компонента.

Основа антропологического состава современных башкир начала закладываться в конце I тыс. н.э. и с небольшими изменениями прослеживается до настоящего времени. Узловым моментом в истории края явился рубеж I–II тыс. н.э., когда, видимо, окончательно сомкнулись этнические и расогенетические процессы в регионе, и с этого момента до современности их развитие протекало в одном направлении.

ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА

ОТРАЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ БАШКИР В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Устное народное творчество любого народа включает в себя произведения различных эпох. Не составляет исключения фольклор и башкирского народа. Как крупные эпические сказания, так и другие жанры башкирского фольклора включают культурные пласты различных исторических эпох. В качестве примера можно привести кубаиры «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу», в которых, наряду с древними мифологическими сюжетами, присутствуют мотивы, сюжеты, связанные с более поздними этапами развития башкирского общества (образы деспотических ханов, борьба эпического героя в защиту обездоленных и др.). Если в перечисленных выше крупных кубаирах представлены различные этапы истории, культуры башкирского народа, то в других чаще находят отражение события той или иной эпохи. Так, например, в башкирском кубаире «Узак и Тузак — потомки балабашняков» запечатлена трагическая история гибели обитателей степей — печенежских племен. В легенде «Бошман-Кыпсак батыр» нашли отражение события монгольской эпохи. Изложенные факты позволяют говорить о том, что материалы фольклора могут помочь в раскрытии исторических событий, фактов, имен. Особую значимость представляют фольклорные произведения по тем эпохам, по которым мало письменных источников. Таковым в истории башкирского народа является средневековье. Действительно, по средневековой истории башкир, кроме арабо-персидских письменных источников, скудных венгерских нарративов, башкирских шежере и рукописных историй, практически нет письменных памятников. В этой ситуации башкирский фольклор, созданный в средние века, отражающий события этого периода, может помочь в раскрытии отдельных белых пятен средневековой истории башкирского народа.

Изложенные факты обусловили введение материалов устного народного творчества башкир во второй том коллективной монографии «История башкирского народа».

События средневековья нашли отражение во многих жанрах башкирского фольклора. Однако более полно и выпукло они зафиксированы в художественной форме в кубаирах и песнях, легендах и преданиях башкирского народа. Поэтому в настоящем разделе мы остановимся только на этих жанрах. По сюжету и мотивам с событиями средневековой истории башкир связаны эпосы «Алпамыша», «Кузыйкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра», «Кусяк-би» и др.

Как известно, сказания об Алпамыше, имеющие весьма широкое распространение среди тюркоязычных народов, а также у таджиков, в виде сказки у арабов, группируются по четырем версиям: кунгратская, огузская, кипчакская и алтайская. Башкирская версия (с вариантами) входит в кипчакскую группу. По вопросу времени создания эпоса учеными выдвинуты различные гипотезы: от V–VIII до XVI–XVII вв. Нам представляется правомерным положение В.М. Жирмунского о существовании эпоса об Алпамыше «в древнейшей форме богатырской сказки» еще в эпоху тюркского каганата VI–VIII вв. [Жирмунский, 1974. С. 218].

Сюжеты различных национальных версий, несмотря на то, что они развивались в зависимости от конкретных исторических условий обособленно, сохранили общие мотивы — пленение героя во время сна, заключение его в подземелье, послание, написанное на крыле гуся, возвращение домой в день свадьбы жены. Последний мотив, проявляющий сходство с «Одиссеем» Гомера, также свидетельствует о древности эпических сказаний об Алпамыше.

В сознании предков башкир сказание об Алпамыше закрепилось как исконно народное произведение об исполинах-алыпах, о чем свидетельствуют легенды («Гора Алпамыши», «Двугорье Алпа-кум», «Мусектау», «Легенда об оселке Алпамыши», «Могила Алпамыши») и иртык «Алп-батыр» [Башкирское..., 1988. Т. III., С. 43–45], в основе которых лежит мотив рождения героя от камня. Важной деталью является то, что этимология слова «Алп» «Алпамыша» в эпосе связывается с именем этого чудеснорожденного героя. Интересен также этногенетический мотив о происхождении башкир якобы от алпов.

Эпос «Алпамыша и Барсынхылу» многовариантен (около 30), и мотивов мифологического плана можно обнаружить в каждом из них. Здесь мы отметим лишь один мотив, который стадильно относится к более позднему периоду общественного развития. Это — мотив героического сватовства, «значительно осложненный пленением богатыря враждебным Буляр/Будяр ханом, чей образ несет на себе черты феодальной эпохи» [Зарипов, Сагитов, 1987. С. 24]. Мотив состязания Алпамыши и Барсынхылу устойчиво сохраняется почти во всех вариантах эпоса и является образным отражением длительной борьбы между матриархатом и патриархатом [Киреев, 1970. С. 39]. Герой успешно решает и задачу защиты родины. Алпамыша объединяет под своей властью народ, восстанавливает в стране мир и справедливость.

«Кузыкурпяс и Маянхылу» — классический образец романического эпоса. Сюжет возник среди тюркских народов в средневековье, бытовал в различных вариантах среди казахов, каракалпачков, алтайцев и других народов. Широкое распространение имел и у башкир (имеет свыше 30 вариантов). В основе сюжета лежит история любви Кузыкурпяса и Маянхылу, закончившаяся их трагической гибелью. Исключение составляет лишь версия Тимофея Беляева «Куз-Курпяс, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года» [Казань, 1812], в которой действие кончается победой эпического героя. Куз-Курпяс, преодолев все трудности, вступает в брак с Маянхылу. Беляевскую версию исследователи рассматривают как литературный памятник. Структура народного эпоса проявляет большое сходство с сюжетами дастанов тюркоязычных народов: обручение героев до рождения или с колыбели, нарушение обещания и откочевка родителей героини; момент, когда герой случайно узнает о нареченной, долгие ее поиски, преодоле-

ние различных преград на этом пути, встреча возлюбленных, намерение отца выдать дочь за другого, коварное убийство героя, гибель героини, сросшиеся верхушками деревья (яблони) на могиле (их символика: жизнь — смерть — воскресение). Как и в других произведениях, в «Кузыкурпясе и Маянхылу» тесно переплетаются мировоззренческие мотивы и реальные черты действительности. В эпосе отчетливо прослеживается идея о необходимости установления мира между племенами.

Осуждает межплеменные распри и захватнические войны, призывает к миру и согласию между народами, между человеком и природой кубаир «Узак и Тузак — потомки (отпрыски) балабашняков». В этом произведении запечатлена трагическая история гибели древних кочевников, обитателей долин реки Калки и степей Приазовья, известных в истории под названием печенегов (башняков). Своей высокой художественностью, характером стиха, идеей о вечности жизни кубаир перекликается с «Урал-батыром». В «Балабашняке» древние мотивы, и прежде всего воззрения, связанные с культом природы (Ер-һыу), нашли особенно яркое выражение.

Эпос «Бабсак и Кусяк» распространен в двух версиях — кипчакской («Кусяк-бий») и бурзянской («Бабсак-бий» и «Каракулумбет-бий»), отличающихся противоположной трактовкой событий и образов главных героев — Бабсак-бия и Каракулумбета. В эпосе изображена междоусобная борьба башкирских племен бурзян и кыпсак на протяжении двух поколений; описывается жизнь башкирских племен под предводительством Масимхана. Во многих вариантах сказания «Кусяк-бий» и в преданиях Масим изображается ханом семи, иногда двенадцати башкирских племен и характеризуется в основном в положительном плане [Башкирское..., 1987. Т. I. С. 520]. Идея обеих версий эпоса в конечном счете одина: осуждение межплеменных распрей, карымты и призыв к объединению башкирских племен.

В отличие от других эпических памятников «Бабсак и Кусяк» получил распространение в народе не только в устной форме, но и в рукописной.

Многовековая борьба башкир против золотоордынских ханов отражена в эпических сказаниях «Идукай и Мурадым» [Башкирское..., 1999. Т. X], «Мэрген и Маянхылу» [Там же].

«Идукай и Мурадым» восходит к общетюркскому эпосу «Идигей». Полный текст сказания, зафиксированный Мухаметшой Бурангуловым в 1910 г. в д. Нижне-Ильясово Бузулукского уезда Самар-

ской губернии (ныне Красногвардейский район Оренбургской области), имеет стихотворно-прозаическую форму. Известны отдельные фрагменты эпоса по записям М.И. Уметбаева (1883), Х.Г. Габитова, Г.Ф. Вильданова, а также сказочные варианты записи А.Г. Бессонова, С.Ф. Миржановой. Варианты эпоса, записанные в 1928 г. Н. Исанбетом в башкирских деревнях Кусимово Тамьян-Катайского кантона (Абзелиловский район РБ), Яикбаево, Туркменово Зилаирского кантона (Баймакский район РБ), легли в основу составленного им сводного текста татарского дастана «Идегей» [Зарипов].

В эпосе «Идукай и Мурадым» отражена борьба башкирского народа за освобождение от татаро-монгольского ига, разворачивающаяся на фоне междоусобиц правителей Золотой Орды (период кризиса Золотой Орды, утверждения державы среднеазиатского эмира Тамерлана). Эпос пронизан идеей объединения башкирских племен в единое независимое государство. В образе главного героя Идукая воплощены мечты народа о справедливом правителе. Идукай в эпосе предстает бесстрашным и справедливым башкирским батыром. Объединив под своим началом племена кыпсак, тамьян, катай, табын, юрматы, он ведет борьбу за освобождение Урала от иноземных захватчиков. После гибели его дело продолжает сын Мурадым. В эпосе духовным вождем народа, идейным наставником героев выступает «прославленный на всем Урале и Алтае певец» Хабрау-йырау. Отношения, конфликтные ситуации между Токтамышем, Идукаем и Тимуром отражены в весьма сложных переплетениях. Исторические личности и эпоха в эпосе изображаются на основе эпических традиций тюркских народов.

Наполнены глубоким содержанием сюжеты, в которых повествуется о борьбе башкирских племен против угнетения и произвола казанских и ногайских ханов («Ек Мэрген» и др.). Для эпоса этого периода характерно усиление социально-исторических мотивов. Тема защиты Родины, избавления народа и страны от завоевателей становится главной. Действия эпических героев направлены не на преодоление мифических сил, а преимущественно на борьбу с иноземными поработителями. Новую художественную окраску получили и образы батыров, которые в новых исторических условиях получили более реалистичные черты.

Башкиры имеют богатейшую **песенную культуру**, которая создавалась веками. Сейчас трудно установить генезис многих народных песен, ибо они в про-

цессе исторического развития видоизменялись, варьировались.

Песенное творчество башкирского народа, как и героический эпос, имеет довольно древнее происхождение. Об этом свидетельствуют некоторые старинные песни, в образной системе, мелодике которых сохранились следы мифологических воззрений, связанных с различными культами, обрядами: «Кукушка» («Кәүк сәйе»), «Журавлиная песнь» («Сынрау торна»), «Грачиная каша» («Карға буткаһы») и др. Древние корни, по-видимому, имеют и песни «Кара-юрга», «Акхак-кола», «Конгур-буга», которые восходят к одноименным эпическим сюжетам. По характеру стиха (кубаир) и некоторым древним мотивам, связанным с почитанием природы, песня «Курташ» также относится к разряду песен, сложенных по эпическим традициям.

Одним из редких образцов, отразивших события XIV–XV вв., является песня «Боягым-хан». Хотя эту песню многое роднит с эпосом (общность темы, кубаирская поэтика, элементы фантастики, семи-сложный стих), в ней много общего с исторической песней. Она имеет конкретную историческую основу, ее героями выступают такие личности, как Боягым-хан, Акхак Тимер (Тамерлан). Песня повествует лишь об одном эпизоде (об убийстве Боягым-хана Акхак Тимером), имеет легенду (историю песни), рефрен-припев – все это отличает ее от эпоса [Галин, 1979. С. 63]. В основу песни «Боягым-хан» положена идея борьбы против ханов-угнетателей.

В фольклоре башкир до сих пор бытует песня «Золотая Орда» («Алтын Урза»), в тексте которой реалии исторического характера не сохранились. Имеется единственное сведение, в котором лирический герой песни сообщает о своих чувствах при посещении столицы Золотой Орды (вероятно, имеется в виду Сарай-Бату или Сарай-Берке). Долговечность песни, видимо, обусловлена особенностью ее мелодии, сложенной в стиле традиционной протяжной песни узун-күй (*озон күй*).

Чувством глубокой любви к родной земле – Уралу проникнута песня «Старинный Урал» («Иске Урал»). Здесь Урал-тау как бы очеловечен:

Урал [мой], тебя и взором не объять нам,
Нет скал твоих прекрасней и светлей.
Твои объятья – Матери объятья,
Что прижимает ласково детей.

Грудь широка твоя, и даль безмерна,
Страна семи родов родной земли.

Храня тебя правдою и верой,
Сложили головы сыны твои*.

Песня «Старинный Урал» по содержанию перекликается с кубаирами, в которых воспеваются Урал-тау как земля, где испокон веков жили предки башкир (Ср.: «Отец мой здесь и прадед мой здесь: Моя мать снохой была здесь; Пуповину мою перерезали здесь...»). В песне отражены отзвуки и другого кубаира — «Узак и Тузак — потомки балабашняков»: «Тело Земли-Воды — Человек, Земля-Вода — двойник / пара человека ... Земля-Вода — лик (наследие) отца моего».

Определяя характер отношений башкирской народной песни, исследователи не раз отмечали ее глубокий историзм. Сама художественная природа большинства песен как бы «специально настроена» на передачу исторической информации. Сюжетно-композиционный строй как лиро-эпических, так и лирических песен базируется на органической связи песенного текста и предания или легенды. Певцы, хорошо знающие исполнительские традиции, перед тем как спеть народную песню, вначале подробно излагают историю ее зарождения. В рассказе исполнителя весьма определенно проявляется установка на достоверность описываемых событий. Музыкально-поэтическая часть несет высокую эмоциональную нагрузку, выражает психологическое состояние, чувства и переживания героя. Гармоничная связь поэтического текста и мелодии, данная в сочетании с повествовательной речью («историей»), придает удивительную целостность народной песне, усиливает степень ее весомости и эстетического воздействия. Однако следует отметить и то, что синкретичность не единственная форма бытования башкирской народной музыки: каждая отдельно взятая песня может исполняться и самостоятельно.

Жанры сказочной прозы — **легенды и предания** — относятся к области исторического фольклора. Установка на достоверность с доминантной информативной функцией — характерная особенность этого вида эпических повествований.

Древнейшей частью сказочного башкирского фольклора являются космогонические и этиологические легенды, топонимические и этногенетические предания ранних типов**.

Значительный пласт сказочной прозы составляют **исторические предания и легенды-предания**, в

которых художественно отражаются реальные события прошлой истории. По типу сюжетов исторические предания могут быть разделены на две группы: 1) историко-генеалогические; 2) собственно исторические предания. Большой интерес представляют **историко-генеалогические предания** о происхождении башкирских племен и родов, родовых подразделений (*аймак, ара, түбә...*) и их названий, (этнонимические сюжеты) о заселении и освоении края, об этнических связях башкир с другими народами. Мы рассматриваем сюжеты такого типа как раннеисторические предания. От собственно исторических они отличаются характером вымысла, в ряде случаев наличием элементов фантастики. Природа жанров сказочной прозы, их исконная установка на достоверность делает возможным "безболезненное" проникновение в предания легендарных мотивов.

Среди историко-генеалогических преданий о заселении края встречаются сюжеты, которые строятся по типу этногенетических легенд с мифологической основой, но, в отличие от них, в преданиях этого типа благодатные места находят не чудесное животное, а собственный скот жителей определенной местности ("Происхождение башкир", вариант в записи А.Г. Бессонова) [*Башкирское...*, 1987. Т. II. С. 107–110].

Весьма интересную историческую информацию дают предания, рассказывающие об этнических связях башкир с другими народами. Особенно характерны в этом плане сюжеты, которые указывают на родство отдельных родовых подразделений башкир с казахами. В родословном предании жителей д. Ишмухамет (второе название "Сынташ") Федоровского района Башкортостана рассказывается о том, что в деревне, наряду с юрматинцами, имеется родовое подразделение *чурбай* (чурбайзар нәселе), которое, когда-то отделившись от казахов, обосновалось на башкирских землях, сильно смешалось с местным населением. "Общаясь с башкирами, изменился наш язык, и сами мы стали башкирами", — говорят чурбайцы ("Һынташ").

Примечательным является и наличие казахских преданий об этнических контактах казахов с башкирами. Таково, например, предание, зафиксированное в середине прошлого столетия П.Небольсиным [*Небольсин*, 1859. С. 8–9].

* Перевод Юрия Андрианова, Газима Шафикова [*Башкирские...*, 1997, с. 26]. В оригинале в последних двух строках песни, как в первом куплете, появляется понятие "объятья"/"пазуха" (*жуыын*), в значении: в объятьях Урал-тау — кости батыров, сложивших головы, защищая Землю-Воду (*Ер-һыу*). [*Башкирские...*, 1997, с. 26].

** См. об этом: История башкирского народа в семи томах. [ИБН, 2009. Т.1. С.351–359].

Интересны казахские народные предания, повествующие об этнических связях казахов с ногайцами. По преданиям казахов, от ногайцев получили свое начало не только казахи, но и башкиры, каракалпаки. Бросается в глаза некоторая категоричность и односторонность подобных повествований, но, если учесть исторические факты, нельзя не заметить и реалистические черты в их основе. О наличии ногайского элемента в этносе башкирского, казахского и каракалпакского народов имеется обширная литература.

Говоря об этнических компонентах *калмак*, *сарт* (узбек) в составе некоторых родовых подразделений башкир, отразившихся в преданиях («Калмак ырыуы» — «Род калмаков», «Һарт Әптерәш ауылы» — «Аул Сарт-Аптеряшево»), следует отметить их однотипность с рассказами о башкирско-казахских связях: наличие инонационального элемента в этносе объясняется поздними событиями, жизненными случаями различного характера. Мотив появления нового родового подразделения (*ара*, *насел*) в результате брачного союза представителей местного башкирского рода с пришлыми людьми (переселенцами или оставленными некогда во время боя новорожденными, выросшими в новой этнической среде), встречается в преданиях и легендах почти всех групп южных и восточных башкир.

Имеются источники [Татищев, 1964; Кузеев, 1974; *История башкирской литературы*, 1990. Кн. 1; НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 33. Л. 27], в которых упоминаются предания об этнических контактах башкир с волжскими булгарами, а также с мадьярами (венграми). Примечательно предание «Усерганы», в котором происхождение этнонима *мишар* связывается с названием родового дерева башкирского племени усерган [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 199–122]. Хронологические рамки историко-генеалогических преданий-легенд четкой конкретизации не поддаются.

Собственно исторические предания башкир, отражающие реальные события общественного значения в народном осмыслении, могут быть разделены на две основные тематические группы: предания о борьбе с внешними врагами и предания о борьбе за социальную свободу. Встречаются сюжеты о межродовых столкновениях внутри этноса (например, легендарные предания, связанные с эпосом «Бабсак и Кусяк» — «Курган Бабсака», — «Гора Курыуды») [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 50–51].

Историческая память народа сохранила и донесла до нас отзвуки трагической эпохи в судьбах многих народов, в том числе и башкирского, — эпохи

татаро-монгольского нашествия. Сохранившиеся памятники устной словесности, несмотря на определенный налет фантазии, являются важным историко-культурологическим источником.

Башкирские предания, относящиеся к периоду монгольского нашествия, по характеру сюжетов разнотипны: часть из них построена на описании боевых событий, эпизодов сражений, другие — многоаспектны. К многоаспектным сюжетам относятся предания, рассказанные информантами, которые умело вводят в свое повествование сведения, почерпнутые ими из разных источников — фольклорных и книжных. Определенный тип сюжетов повествует об общественно-политической жизни башкир в составе Золотой Орды.

Предания, рисуя боевые эпизоды и сражения, используют прием контраста: привольная и независимая жизнь башкир до нашествия татаро-монголов и бедственная — после нашествия. Неисчислимы страдания, смерть, мучения, массовая гибель людей, сцены народных бедствий — все это описывается как трагические страницы истории башкирского народа. И, несмотря на то, что эти предания записаны в различных районах, в разное время, от различных информантов, зачин их однотипен, о чем свидетельствуют приводимые ниже отрывки из преданий.

«Еще до того, как здесь поселился старик Сарман, до того, как хлынули в наши края полчища Чингисхана и Батыя, устье Агидели, долины Ика, Мэлле и Минзели были полноводны, богаты рыбой; кругом расстились леса. А птицам и зверям счету не было. Как раз в этих местах кочевали башкиры рода Биляр и Буляр. Вольно они жили. Скот, добытая пища принадлежала всем...» («Биксура». Предание записано в Сарманском районе Татарстана) [Башкирское..., 1987, т. II. С. 166]; «...Раньше хозяевами этих мест были башкиры. А уж как богата была эта земля — словами не описать. Лес полон всякой живности: медведей, волков, лисиц, зайцев, куниц, белок, норок, соболей. Вода в реках кипела от рыб. В лесу — борть. Народ охотился, занимался сбором меда, держал скот...» («Акман-Токман». Записано в Белорецком районе Башкортостана) [Там же. С. 168]; «Тамьян, Кыпсак, Катай, Теляулы, Бурзян, Юрматы — все они дети одного отца, родные братья. Их потомки в старину жили в долинах и на берегах Ика, Яика, Агидели, Сулман-Идели [Камы], занимались коневодством. Не было счета их скоту. Косяки в тысячи и тысячи голов покрывали землю. Потому они и кочевали, подыскивая сочные зеленые пастбища...» («Бошман-Кыпсак

батыр»). Записано в Шаранском районе Башкортостана [Там же. С.168].

Далее в преданиях лаконично сообщается о том, как мирная счастливая жизнь людей неожиданно сменилась картинами ужасающих бедствий: «Со стороны Алтайских гор обрушилась страшная черная рать». Практически в каждом произведении подчеркивается несметность вражеских войск, передавая эту картину выражениями типа «они заполнили необозримые дали здешних мест». В преданиях монгольское нашествие изображается как беспощадная черная сила, сжигающая, убивающая все на своем пути, подробно описывается жестокость завоевателей по отношению к побежденным, их дикое варварство. Яркий пример тому — строки из предания «Биксура»: «Особенно много бед испытал род Карагай-атайцев, кочевавший между реками Минзели и Ик. За неповиновение предводителю вражеского войска седобородого Карагай-атая высекли перед всем его родом. Обезглавили всех мужчин, рост которых был чуть выше лошадиного колена. Женщин и девушек пленили, захватили все добро, скот...» [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 166].

О таких же горестных событиях идет речь в предании «Кызтораташ» (досл. «Скала Стоящая/Стоячая девушка» в смысле «Девушка-балбал»), записанном в д.Буранбай (прежнее название Кинзягул) нынешнего Баймакского района Башкортостана от А. З. Буранбаева (1892 г.р.). Согласно преданию, зверская жестокость захватчиков особенно проявляется в эпизоде, в котором рассказывается о том, как они преследовали последнего человека из деревни — восемнадцатилетнюю девушку и обрекли ее на смерть — спрятавшаяся в скале девушка погибает от разрушения скалы: «Преследователи видели сжатую камнями девушку, слышали ее крики, в испуге бежали прочь. В тисках камней девушка и умерла. <...> Скалу ту называют Кызтораташ». [Там же. С. 169–170].

В небольшом предании «Кровавое поле» («Кан яткан баҫыуы») это тяжелое, трагическое время, когда башкирам приходилось жить под гнетом монголов, передано емко, точными, многозначительными словами через оригинальные образы: «**Тьма** стояла на земле: **ханский шатер** заслонил **солнце**». Предание немногословно и тогда, когда даются сведения о борьбе народа против угнетателей, терзавших землю, принесящих людям столько слез и

крови. Напряженность и беспощадность битвы с врагом доносится до слушателя через образ поля, залитого кровью. Картина сражения предстает перед глазами настолько ярко и впечатляюще, беспощадно и зримо, благодаря этому отпадает необходимость ввода в рассказ дополнительных деталей.

В преданиях описания борьбы отдельных башкирских родов против завоевателей, картин сражений, кровополитий освещены на фоне конкретных географических мест и в связи с именами конкретных личностей. Обращает на себя внимание то, что персонажи их предстают не как общенародные, общенациональные герои, а как батыры определенного рода, родового подразделения: батыр карагай-атайского аймака рода буляр Биксура — сын старика Сармана; катаец Сураман, его отважная жена, их сыновья Акман и Токман — об этих именах нет письменных свидетельств, но запечатленные в памяти сородичей, они «устаи» преданий передавались из века в век, от поколения к поколению.

В составе башкирских преданий-легенд имеется весьма интересный сюжет под названием «Бошман-Кыпсак батыр» (Бошман-кыпсак батыр), имя и действия героя которого аналогичны с именем и действиями Бачман хана (Бацимака), зафиксированного в письменных источниках (о чем будет сказано чуть ниже). В предании большое внимание уделено вопросам этнической истории башкир — показу межродовых связей, конкретизации территории обитания родов (долины рек: Ик, Яик, Агидель, Сулман-Идель (Кама), а также обобщению: «бескрайние степи, леса и горы»). Сообщив о том, как кыпсаки, катаяцы и бурзяне, пытавшиеся дать отпор «бесчисленной вражеской рати», вынуждены были отступить, рассказчик особо отмечает кыпсаков: «Кыпсаков было много, и они оказались более стойкими. От Кыпсака пошли Гирей-Кыпсак, Бошман-Кыпсак и еще неизвестно сколько родов, отличившихся воинственностью*». Поэтому вражеский хан решил их подкупить, перетянуть на свою сторону. Стал он одаривать кыпсакских воинов подарками. И тогда, сказывают, часть кыпсаков ушла вместе с его войском». Далее, буквально несколькими фразами, переданы сведения о борьбе непокоренных кыпсаков (кипчаков) во главе с Бошман-Кыпсак батыром: «Бошман-Кыпсак батыр не повиновался, не склонил головы перед ханом — подался на север, в горы, леса. Там

* В этнонимической системе башкирского народа отмечено 8 родов племени Кыпсак: Кары-Кыпсак (Карый Кыпсак), Туркмен-Кыпсак (Төрөкмән Кыпсак или Ак Кыпсак), Сянким-Кыпсак (Сәңкем Кыпсак), Суун-Кыпсак (Һыуын (Һәуен —?) Кыпсак), Бошман-Кыпсак (Бошман Кыпсак), Карагай-Кыпсак (Карагай Кыпсак), Гирей-Кыпсак (Гәрәй Кыпсак) // Кузеев Р. Очерки исторической этнографии башкир. [Кузеев, 1957. Ч. I. С. 51–52.]

он собрал войско и дал бой ханскому воинству. Говорят, он долго воевал».

Рассказчик (информант) лаконичен и в передаче сведений о гибели героя: «...из-за одного предателя войско его было окружено и уничтожено, а самого батыра хан приказал казнить. Перед казнью хан велел все-таки перетянуть его на свою сторону, предложил стать одним из его военачальников. Но батыр не согласился: «Я не верблюд, чтобы встать на колени перед хозяином, а сокол умирает на небе», — сказал он [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 167].

Как было упомянуто выше, предания о Бачман-хане отражены в письменных источниках, касающихся истории периода татаро-монгольского нашествия. Так, в книге персидского автора Алаад-Дина Ата-Мелика Джувейни «Тарих-иджихангуша» («История завоевателя мира») повествуется о том, как монголы овладели «пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других» и как не желавшие этого беглецы, объединившись вокруг Бачман-хана, поднялись на борьбу. Однако войско его было разгромлено, а сам предводитель оказался в плену. Когда мятежника привели к Менгу-хану, он просит, чтобы хан убил его собственноручно. Но Менгу-хан поручает это своему брату Бучеку. Бучек рубит тело Бачмана попалам [Тизенгаузен, 1941. С. 24].

В письменных источниках отношение к Бачман-хану неоднозначно. В «Дафтар-и Чингизнамэ», например, имя Бачмана стоит в одном ряду с именами таких ханов золотоордынского периода, как Тохтамыш, Джанибек, указывается место его обитания: «Ак Тубэ был домом Бачман-хана».

В зафиксированном в китайских источниках легендарном предании Бацимака (Бачман) изображен как истинный богатырь, гордый правитель, принявший смерть как знак судьбы («Так Небу угодно»). Обращает на себя внимание следующий эпизод из предания, вызывающий сходные ассоциации с башкирским преданием о Бошман-Кыпсак батыре: «Хан (Мунке) приказал ему встать на колени, но Бацимака сказал: «Я был обладателем государства и могу ли дорожить жизнью? Сверх того, я не верблюд, для чего мне становиться на колени?» [Бичурин, 1829. С. 272–304.]

Предание о Бачман-хане, фигурирующее в «Джами ат-таварих» Рашидад-дина (1247–1318), почти идентично с рассказом, который, как и Джувейни, враждебен по отношению к Бачману, называет его «одним из бесстыднейших эмиров тамошних, из народа кыпчаков, из племени олбурлик» [Тизенгаузен, 1941. С. 35]. Насколько нам известно, в научной литературе сведения о племени олбурлик крайне скудны. Конкретно можно отметить высказывание Р.Г. Кузеева, который, касаясь вопроса о происхождении рода бушман, писал: «Название кыпчакского племени олбурлик, из которого происходят бушманы, является, очевидно, производным от этнонима бурлы (курсив мой. — Ф.Н.) из списка Ан-Нувайри» [Кузеев, 1974. С. 179]. Ученый не расшифровывает значение слова «бурлы». В.А. Иванов, говоря о кыпчакском союзе, возглавляемом ханами могущественного рода Олбурлик, поясняет этноним как род волка с пометкой «на тюркск.» [Иванов, 1966. С. 364]. В одной из работ писателя Зигата Султанова этимология слова «олбурлик» прочитывается как Олбурелек. Автор связывает данный этноним с названием родового подразделения «башбуре» (главный волк. «Баш» — главный и «оло» — старший в настоящем контексте — синонимы) башкирского племени усерган (Үсәргән). З.А. Султанов, учитывая, по-видимому, широкую известность среди башкир-усерганцев, отчасти и в этнографической литературе генеалогической легенды «Потомки рода волков» («Буреләр токомо»/«Башбуре» — «Главный волк») [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 100], о ней не упоминает, однако отмечает весьма немаловажную деталь — факт аналогичности названий боевого клича — уран (оран) в родовой атрибутике у усерганцев и кипчаков — «Туксаба»*. (Тукхаба, «Туксаба» — диал.). Немаловажным фактом является и то, что клич туксаба в родовой атрибутике кыпсаков фигурирует не только в шежере, но и в произведениях фольклора, например, в песне «Кыпсак-тархан» («Кыпсак дархан»)**. [Башкирские..., 1997. С. 102–103], что лишний раз указывает на этно-исторические связи башкир-усерганцев и башкир-кыпсаков, следовательно, и на возможность общности (связей) этнонима олбурлик, этимология которого связывалась, соглас-

* Р.Г. Кузеев в комментариях к шежере башкир племени кыпсак этимологизирует это название (по-видимому, со слов информантов) так: «Туксаба; тук-полный, сытый; саба [шаба, диал. саба — Ф.Н.] — кожаная посуда для кумыса [Башкирское..., 1960, с.205].

** Строки из песни, записанной нами в 90-е г. XX столетия в с. Кыпсак-Аскарово Альшеевского района Башкортостана:

Ыңйы-мәрийән кеүек тезеләп киткән

Кыпсак дархан, Кыпсак дархандарзың урамы.

Ағастары — карама, қошо — бөркөт,

Туксабалыр, туксабалыр аның да ораны [Башкирские..., 1997, с. 102–103]

но древним воззрениям, с названием тотемного животного (буре–волк).

Кроме того, вряд ли можно считать случайным наличие имени Бачман-хана в дастане «Туляк и Сусылу» [Башкирское..., 1998. Т. III. С. 368–388, с комментариями А.М. Сулейманова].

Сюжет башкирского предания «Бошман-Кыпсак батыр» схож с текстами, имеющимися в древних письменных источниках. Однако упомянутые в этих источниках имена отдельных личностей (Менгу-хан, Бучек, образ старухи, якобы сообщившей врагам местонахождение Бачмана) в башкирском предании рисуются обобщенно – «жестокий хан», «один предатель». Симпатии рассказчика на стороне отважного Бошмана, который предпочел смерть позорному повиновению завоевателям.

Встречаются и предания, которые, не называя имен героев, в некоторой обобщенной форме рассказывают об ожесточенной борьбе местного населения с вражеским войском, о беспримерном героизме башкир в этой неравной схватке. Таково, например, предание, записанное фольклористом Б.Г. Ахметшиным в 1967 г. в д. Алсынбай Абзелиловского района Башкортостана от Варисова Хаммата Варисовича (1901 г.р.): «Когда монголы подступили к нашим землям, башкиры все как один поднялись против пришельцев. Но силы были слишком неравны, и предкам нашим пришлось уйти в леса. И воевали они, как партизаны, много-много лет. С тех пор про башкир пошла слава как об отчаянных воинах. Недаром Батый-хан не посмел вступить с ними в войну и дал приказ отрядам обойти Башкирию и Урал стороной» [Ахметшин..., 1976. С. 69–70].

Большой интерес представляют сюжеты, описывающие события времен Тамерлана. Особенно примечателен рассказ "Последний из Сартаева рода" ("Һунғы Һартай"), где раскрывается одна из трагических страниц в судьбе башкирского народа на примере сартаева рода в период жестокой борьбы Тамерлана (Аксак-Тимера) с золотоордынским ханом Тохтамышем. В нем описан беззаветный героизм сартайцев, уничтоженных до последнего своего представителя, но не покоровшихся пришельцам. Особенно подробно описывается личное мужество самого Ялык-бия и отвага его сыновей – Сармасана и Кармасана. О том, что вражеское войско, будучи многочисленным, является грозной силой, несущей людям смерть и рабство, говорится только в общих чертах. Напряженное дыхание той эпохи в достаточной мере отражают следующие строки:

«...Мы кликнули всех мужчин, которые могли владеть буздыканом и клычем. Мы составили алай (полк). Нас собралось не так много, как барласов Темира, но каждый из нас был храбрым яу. <...> Мы не хотели рабства <...>

Я не раз ломал свои сунгю [копье] о крепкие щиты атабеков. Я не раз заставлял их грызть и царапать ногтями ее. <...> Я видел Кармасана: он голыми руками изорвал бехтер Тургут-бия, как будто это был ветхий кульмяк [рубашка] из верблюжьей шерсти. Его рука была тяжелее и крепче, чем копыто лося. <...> Его сабля резво порхала среди вражеских клинков. Конь его часто вздымался на дыбы, чтобы кусать лицо врага...

А как мы дрались! Мы были все выносливы, мы были храбры, мы были яу. О нас пели песни. Но нас мало, и мы отступали.

Нет, нет! Мы не бежали!» [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 177].

Информативная ценность произведения «Последний из Сартаева рода» исключительно велика. В художественном отношении оно несколько своеобразно. Поскольку повествование дошло до нас в письменном изложении, в его стиле преобладают черты, свойственные литературным памятникам. Вместе с тем в рассказе проявляются характерные особенности произведений сказочной прозы: исконная установка на достоверность (прием подчеркнутой конкретизации описываемых событий, их места, времени), использование рассказчиком часто встречающихся в преданиях традиционных мотивов в обрисовке персонажей. В рассказе Ялык-бия, главного героя произведения, от лица которого ведется повествование, явствуют и элементы эпических сказаний, например, форма обращения к слушателям: «Слушайте все!».

В башкирском народном творчестве известны несколько легендарных преданий, связанных с именем среднеазиатского эмира-завоевателя Тамерлана (Тимур-ленга) – Хромого Тимура (наст. Сахиб-кыран Акбар Тимур Курагани Мозаффар.): «Учалы», «Хромой Тимур» («Акһак Тимер»). На наш взгляд, содержание этих преданий построено на вымысле, проблема же историзма, т.е. степень соответствия рассказанных событий действительности, реальна лишь в общем плане. Вряд ли, например, достоверны сведения о том, как Хромой Тимур сосватал у башкир одну девушку, внес свадебный выкуп, в хлопотах о свадьбе приезжал и уезжал, а затем вдруг башкиры, изменив данному обещанию, отказались отдавать девушку («Учалы») [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 146]. Эти «факты» – художественный вымысел, фантазия, порожденная, по-

видимому, стремлением жителей края (местности) объяснить происхождение слова «Учалы» (якобы от *Учь алды* — отомстил). Но, как известно, в фольклоре не бывает вымысла на пустом месте, тем более на историческую тематику. В легендарном предании, по-видимому, в несколько идеализированной форме нашло отражение явление, действительно имевшее место — насильственное пленение женщин в покоренных землях захватчиками (подобные явления известны и по преданиям, и по исторической литературе). В исследуемом легендарном предании мотив проявления жестокости, зверства захватчиков по отношению к местному населению, в том числе и к женщинам, в достаточной мере освещен в его кульминационной части:

«...Через некоторое время он (Хромой Тимур) снова приехал, чтобы забрать свою невесту. Но теперь башкиры неожиданно воспротивились его желанию. Не отдали девушку. Сильно разгневался хан. Мстя за свою честь, он разорил и выжег все кочевья и юрты здешних башкирских родов. Сильно пострадал народ от того разора» [*Там же*].

Предание «Хромой Тимур», записанное в 1947 г. писателем Гали Ибрагимовым, также носит легендарный характер. В нем рассказывается о том, как прославившийся на весь мир завоеватель, оказавшись однажды в затруднительном положении, посылает своих людей, переодетых нищими, в город («в народ»), чтобы узнать причину своих неудач, и достигает цели. Вот как об этом повествуется в предании: «...Однажды он [«нищий»] оказался в многодетном доме. Дети ели кашу. Тесным кольцом окружили они чашу, как бы боясь, чтобы она не сбежала от них. Никто из ребят не ел со своей стороны — каждый торопливо тянулся к середине чаши. Тогда мать стукнула ложкой по голове одного из сыновей, который вел себя хуже других, и сказала: «Ешь то, что перед тобой. Не тянись, как Акхак Тимер, к тому, что тебе не по рукам!»

Вернувшись в свой стан, осведомитель передал те слова хану. Только тогда Акхак Тимер понял свою ошибку. Он ведь потянулся сразу к центру города, не завоевав его окраины» [*Башкирское...*, 1987. Т. II. С. 172–173].

Большой научный интерес вызывают предания, повествующие об общественно-политической жизни Башкортостана в составе Золотой Орды. Среди таких преданий особенно информативны сюжеты, в которых описаны «истории» различного плана. Типичный образец — предание «Бурзяне во времена ханов» («Бөрйәндәр хан замандарында»), записанное в 1979 г. Гайсой Хусаиновым в с. Старо-Субхангулово Бурзянского района Башкортостана.

Здесь тесно переплетены мотивы этногенетических преданий с мотивами собственно исторических преданий-легенд. Устами рассказчика проводится мысль о древности (в смысле автохтонности) племени бурзян, дается толкование этнонима (якобы от *бер йән* (одна душа) *бөрйән*), повествуется о том, как пришедшие на Урал намного позже кыпсаки (кипчаки) стали притеснять бурзян. Описывая воинственность кыпсаков, повествователь не забывает подчеркнуть и мощь местного племени, оказавшего сильное сопротивление пришельцам. При этом становится ясным, что кыпсакские роды остались на Урале, входя в постоянный контакт с бурзянами. Согласно преданию, взаимоотношения племен были сложными, возникали тяжбы за земли и воды. Описание событий, связанных с монгольским нашествием, осуществлено приемом нанизывания сведений («фактов»). Так, говоря о Чингисхане, информант обращается к традиционным представлениям мифологического характера, часто встречающимся в фольклоре других тюркских и монгольских народов. Мотив башкирского предания о чудесном зачатии матери Чингисхана перекликается, например, с мотивами казахских легенд [*Потанин*, 1916; *Радлов*, 1870. С. 63–68], а также монгольского книжного сказания [Рашид ад-дин]. Сведения о жизни Чингисхана в уединении, недружелюбном отношении к нему братьев сходны с мотивами анонимного сборника «Дафтар-и Чингизнаме» (конец XVII в.). Интересны наблюдения М.А. Усманова, который при изучении предполагаемых источников «Дафтар-и Чингизнаме» касательно мотива «непорочного зачатия» пишет: «...если в официальном родословии, по «Сокровенному сказанию» и «Алтын-дафтар», в сокращенном изложении Рашид ад-дина к сверхъестественному началу восходит лишь десятый предок Чингиза, то в татарской версии он дважды подвергается обожествлению — и Чингиз, и его мифический «отец» Дуйын были зачаты неземным источником» [*Усманов*, 1972. С. 108].

В башкирском предании после утверждения, что «однажды Чингисхан завоевал весь мир», и весьма увлекательного рассказа о его чудесном рождении («Говорят, он был из рода святых: мать его будто бы была небесного происхождения» — «*күктән ингән әсәнән яралған*», от матери, зачатой солнечными, небесными лучами), необыкновенной силе, обладанию даром предвидения, повествуется, как «многие народы поверг он к своим ногам», «завоевал долины Урала, Идели, места, где сейчас находится Казань. На территории современной Казани раньше властвовал хан древних булгар». Здесь мы встречаемся

с явлением анахронизма: завоевание Поволжья осуществлялось полчищами Батыя, внука Чингисхана [Очерки, 1. С. 42].

Явление анахронизма и вымысла просматривается в описании взаимоотношений, сложившихся якобы между Чингисханом и Зулькарнаем. Далее нанизываются в текст сведения о принятии ислама башкирами, казахами и другими народами; о разделе Чингисханом тамг. Здесь следует отметить следующее: когда в преданиях упоминается имя Чингисхана, по всей вероятности, нужно понимать, что это обобщенный образ золотоордынского хана-владельца чингизида, ведь в имени Чингисхана олицетворялся, по сути, весь период татаро-монгольского владычества.

Связующим в одну цепь различных сведений, по-видимому, является понятие / «образ» времени (точнее, отрезка времени эпохи Золотой Орды). Отзвуки трагических событий того грозного времени, сохранившиеся в эпизоде, в котором говорится о жестокой битве на земле башкир, переданы рассказчиком лаконично, в форме топонимического сообщения, они наполнены экспрессивностью. Образ реки, изменившей цвет от пролитой крови, яркое, содержательное: «...Жестокие битвы происходили во времена Чингиза и Батыя. Народ охранял свои земли, старался не пускать ханские войска в леса и горы. Особенно кровопролитным был бой на Тимеровском хребте (около д. Тимерово нынешнего Бурзянского района). От пролитой крови побурела вода в реке, что протекала рядом. После этого ту реку стали называть «Бузарган» (потемневшая, *досл.* посеребренная, помутневшая). Там же, на хребте, есть девятнадцать курганов. Говорят, это могилы погибших в том бою девятнадцати батыров...».

Завершается предание «Бурзяне во времена ханов» сведениями, касающимися этнической истории: «После смерти Батыя кыпсаки значительно размножились, территория их обитания расширилась за пределами горного Урала. Большая часть бурзян осталась в горах, но некоторые бурзянские роды тоже перекочевали в степные районы. Горные бурзяне разветвились на роды: Барак, Субхангул» [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 166]. Судя по данным

исторической литературы [Кузеев, 1974], предание в основе своей реалистично. В то же время нельзя не отметить наличие сведений из упомянутого нами предания «Бошман-Кыпсак батыр», согласно которому кыпсаки (отдельные роды?) обитали на Южном Урале еще до татаро-монгольского нашествия [Башкирское..., 1987. Т. II. С. 167].

Имя Батыя в башкирских преданиях в биографическо-описательном плане не фигурирует: рассказы ограничиваются лишь констатацией типа: «После смерти Чингиса ханом стал Батый», «Первое выступление Батый-хана было сорвано» и т.п. Однако интересно то, что его имя закрепилось в топонимике Башкортостана: в окрестностях д. Ташбулат (Александровский р-н Самарской обл.) есть место под названием «Ложбина Батыя» (Батый үзәге).

Имеются предания и легенды, которые, не описывая самих эпизодов нашествия, картин боев, упоминают их или в связи с другой историей, или с целью дать топонимические сведения. Такие «тексты» представляют ценность содержащимися в них именами реальных исторических личностей. В связи с этим уместно отметить предания о современнике и сподвижнике Чингисхана Майкы-бие. В ойконимическом предании о происхождении (возникновении) д. Бикбулатово Кугарчинского района Башкортостана упоминается, что неподалеку от этой деревни есть место под названием «Поляна Майкы» («Майкы яланы») [Материалы... С. 163]. Представители нынешнего поколения, возможно, не всегда смогут сказать, чьим именем местность названа, т.е. кем был Майкы. Однако не равнодушные к своей истории аксакалы, бережно хранившие память народную, память родной земли, донесли до нас осколок предания, согласно которому раскрывается смысл топонима: Майкы яланы — это поляна, где проходил сподвижник Чингисхана из башкир Майкы-бий. Известно также присловье: «Төп атаһы — Майкы-бий» (главный предок / родоначальник — Майкы-бий), употребляемое в речи современных носителей языка относительно высокомерного, кичливого человека*. Кроме того, и в родословной — шежере башкир рода кара-табын (а

* В башкирском языке одно из значений лексемы *төп* означает *род* [Максютова..., 1976, с.] (ср.: *түбә*). В букв. переводе выражение «төп атаһы» будет звучать «рода отец», а родоначальники были почитаемыми. Если исходить из этого, присловье «Төп атаһы — Майкы бий» первоначально, по-видимому, пейоративным смыслом (пренебрежительным оттенком) не обладало. Аналогичное выражение есть и у казахов: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майкы би» — у всех слов единый корень, этот корень (первопредок) — бий Майкы. Казахский ученый Серикбол Кондыбай по поводу этого выражения пишет: «...такой «корневой» статус Майкы позволяет предположить, что он является первочеловеком ... В квазиисторическую эпоху в позднем фольклоре он [Майкы] описывается как бий — третий судья, что, вероятно, отражает его изначальную царско-жреческую функцию» [Серикбол Кондыбай, 2011. С. 430]. Как гипотеза такая точка зрения имеет право на существование. При этом настораживает утверждение автора: «У казахов никаких фольклорных произведений о бие Майкы, образ которого принадлежит древнейшему пласту в казахской мифологии, не сохранилось. Зафиксированы лишь квазиисторические легенды (об участии Майкы в избрании Чингизхана)» [Там же]. В связи с этим возникает вопрос: достаточно ли аргументация выдвинутой гипотезы лишь на основании трактовки этимологии имени «Майкы», сопоставляя его с образом Йамы из индоиранского мифа.

эта родословная, по сути — предание, сохранившееся в письменной форме) есть сведение о территории проживания Майкы-бия: «Кара-Табын аймағы Майкы бизән таралмышдыр. Майкы би Чыңғыз хан дәүерләрендә Урал тауының Миадәк тигән урынында булыб, Мийәс йылғасы буйында мәкам иткән; ул Чыңғыз ханға бүләк алыб барыб, аның белән юлдаш булыб, Чыңғыз хан белән бер арбада ултырып йөрәгән; аты Уйшин Майкы би тигәннәр» [*Башкирские...*, 1960. С. 164]. — «Аймак Кара-Табынцев идет от Майкы-бия. Во времена Чингизхана Майкы-бий жил в местности Миадак в Уральских горах, в долинах реки Миасс*. Он Чингизхану возил подарки и, став его сподвижником (*досл.* спутником), ездил с Чингизханом на одной повозке (*досл.* арбе — телеге); дали ему имя Уйшин Майкы-бий».

В шежере племени Табын Майкы фигурирует как бий, получивший от Чингизхана отличительную родовую атрибутику: боевой клич — уран (*оран*) — салават (*салауат* — хвалебная молитва), дерево — лиственницу (*карағас*), птицу — стервятник (*кара-ғош*) [*Башкирские...*, 1960. С. 155]. Мотив получения родовых знаков вызывает ассоциации с сюжетами, в которых вполне определенно говорится о представителях родовой знати башкир, добившихся мирных отношений с золотоордынскими ханами («Муйтен» и др.).

Мотив же «Майкы-бий — современник Чингисхана и ездил с ним на одной повозке» широко известен не только в башкирском фольклоре, но и в устном творчестве других тюрко-монгольских народов, особенно сильна общность с казахскими легендами. Легенды, связанные с Чингисханом и Майкы-бием, зафиксированы и в письменных источниках [*Потанин...*, 1916. Вып. II—III. С. 49—52]; «Дафтар-и Чингиз-намэ» («Сыңғызнамә дәфтәре»). О значительном месте фольклорных мотивов и легенд в письменных памятниках можно судить даже по их бытованию в разных вариантах. Например, в «Дафтар-и Чингиз-намэ» человек, разъезжающий в одной арбе с Чингисханом, в одном случае — Калдар-бий, в другом — Майкы-бий. Выделяя легендарные и реалистические мотивы в «Дафтар-и Чингиз-намэ», известный татарский ученый М. А. Усманов в числе реалистических отмечает ту часть повествования, в котором зафиксированы имена родоначальников племен. Это: «Уйшин-Майкы бек, Калдар-бек, Урдач-бек, Кыпчак-бек, Тамйан-бек, Кераит-бек, Буртак-бек, Тимур-Кутлу-бек, Муйтан-бек, Талангут-бек (или Тангут-

бек), Кунгырат-бек, Катай-бек, Салгут-бек, Кыят, Туркмен и др.» Примечателен и комментарий автора к списку знатных имен: «В этих личных именах нетрудно угадать этнонимы отдельных племен, родов, входивших в состав ряда тюркских народов: казахов, башкир, туркмен и др., однако **преобладают башкирские родоплеменные названия** (выделено нами. — Ф.Н.). Мало того, в трактовке некоторых сюжетов, например, в рассказе о взаимоотношениях Майкы-бека с Чингиз-ханом имеется много общего с данными башкирских шежере, в которых Майкы-бек также представлен самым близким человеком Чингиз-хана и праотцом одного башкирского рода» [Усманов, 1972. С. 109]. О прямой связи «Чингиз-намэ» с историей башкир, с их эпическими сказаниями писали и известные башкирские ученые [Хусаинов, Надергулов, 2004. С. 453—462].

Имя Муйтен-бия, зафиксированное в «Чингиз-намэ», фигурирует как в башкирских шежере, так и в произведениях фольклора.

В предании «Муйтен», например, в прозаической и стихотворной форме повествуется о том, как Муйтен, сын Туксабы из рода усерган, «на семи верблюдах дары взяв», отправился к Чингисхану и, «завоевав расположение хана, добился своей цели», то есть получил ярлык-битиг (бумагу, закрепленную печатью), дающий статус бия и право на владение землей. Содержание его гласит: «Сыну Туксабы Муйтену даруется звание бия (*бейлек мансабы*). После его смерти звание должно перейти к одному из его сыновей. Оно будет передаваться по наследству Муйтена, но не должно переходить к другим. В каждом поколении должен быть избранный бий рода Муйтена. Роду этому будут принадлежать различные земельные угодья со всеми ископаемыми, леса, которые были испрошены Муйтеном...». Относительно последних строк информативно сведение, приведенное в начале текста: «...Муйтенбай должен был получить полномочие хана на управление родовыми землями, расположенными по долинам Урала — [Уральских гор], [рек] Яика и Сакмара» [*Башкирское...*, 1987. Т. II. С. 170—171; *Башкирское...*, 1997. С. 164—165].

Поэтическая часть произведения, названная рассказчиком *толгау*, посвящена воспеванию прославленного Муйтена, который, якобы добившись примирения с монгольскими ханами, вернулся к сородичам с важнейшим документом на руках. Вариант этого толгау представлен во вступительной части бытующего в стихотворной форме шежере

* В тексте, опубликованном в кн. «Башкирские шежере» [1960], в переводном варианте читаем: «Майкы-бий (...) кочевал в долине реки Миасс, что, на наш взгляд, не соответствует оригиналу. Словосочетание «мәкам иткән» означает «жил», «обитал», а не «кочевал».

башкир племени усерган (үсәргән) [*Башкирские...*, 1960. С. 81–87]. По мнению Р.Г. Кузеева, эта часть шежере имеет несколько условное значение. Она введена в текст с целью подвести читателя к Усергану, от которого начинается описание действительной родословной усерганского племени. Основной смысл вступления заключается в том, чтобы воспеть легендарного родоначальника усерган» [*Башкирские...*, 1960. С. 201].

Рассмотрение (изучение) шежере племени усерган в кругу фольклорных записей [*Башкирское...*, 1987. Т. II; *Салтыков*, 1974. С. 262–263, 268–273], связанных с именем Муйтен-бия, дает возможность говорить о том, что существовал в разных версиях одноименный эпос-кубаир, восходящий к периоду средневековья. И.В. Салтыков в своей записи о Муйтене обозначил терминами харнау (2 текста) и кубаир (1 текст), предпослав к ним небольшую статью, в которой указывается специфика этих жанров*. Не случайно из сохранившихся в разных источниках фрагментов эпоса Г.Б. Хусаиновым составлен его стихотворный сводный текст [*Башкирское...*, 2004. Т. VII. С. 250–275]. Эпическая природа текста «истории» (обычно так называют информанты предания, кисса), о которой шла речь выше, явственна не только по форме стиха (кубаир), но и по другим реалиям. Прежде всего обращает на себя внимание выражение: «Мөйтән (бейлек мансабы алып) иленә кайткас, йыраусылар уны мактап, толғау әйткәндәр» — «Когда Муйтен (получив ярлык) вернулся на родину, певцы-сказители, восхваляя его, произнесли **тулгау**» (выделено нами. — Ф.Н.). Согласно тюркской эпической традиции, тулгау исполняется после зачина, перед тем как начать декламировать эпос.

Однако в некоторых исторических преданиях осуждаются представители башкирской знати,

которые, получив ханские грамоты на право владения землей, поддерживали политику золотоордынских ханов на завоеванных ими землях, например, в предании, записанном в д. Карабулаково Челябинской области [*НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 26. Д. 10. Л. 59].

Очень важным для понимания общественно-политической ситуации во времена татаро-монгольского владычества являются сведения из предания «Акман-Токман»: «После получения земель и тамги башкиры должны были платить хану ясак. Сначала это показалось не особенно обременительным. Пушнина поставлялась хану вовремя. Но однажды от хана пришел новый указ. Молодые мужчины и парни со своим конем, снаряжением призывались в ханское войско. Стали угонять косяками коней, скот. Невмоготу стало башкирам, и они стали подниматься против хана» [*Башкирское...*, 1987. Т. II. С. 168].

Таким образом, при комплексном изучении фольклорных материалов выясняется далеко неоднозначный характер отношений башкир с Золотой Ордой. Наряду с преданиями, свидетельствующими о непримиримой борьбе башкир с завоевателями, имеются сюжеты, которые повествуют о наличии контактов иного порядка.

Представленный материал свидетельствует о том, что фольклор, передаваясь на протяжении столетий из поколения в поколение содержит в себе сведения о древних воззрениях башкир, об их общественном строе, быте, о тех или иных крупных исторических событиях. Изучение памятников фольклора раскрывает духовный облик народа, систему художественно-эстетических образов, помогает познать историю народа, особенности художественной культуры.

* «Исполняется харнау непременно в сопровождении домбры или кубызы. Причем исполнитель ритму песни харнау подчиняет равномерное телодвижение, в которое нередко включает даже элементы танца. В песнях типа харнау преобладает семисложный стих, есть стихи в одиннадцать слогов. Песня начинается непосредственно с рассказа о событии (или о личности, или о духе) без вступления, тогда как в кубаире делается длинное вступление и события начинаются лишь во втором или дальнейших куплетах» [*Салтыков*, 1974. С. 260–261]

НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Складывание башкирской музыки в единую стилевую систему происходило одновременно с формированием башкирской народности из различных племен. Этнические группы башкир до сих пор сохраняют специфику музыкальных субкультур. Оригинальны песни и мелодии степных и горных районов Башкортостана — юго-восточных, северо-восточных, караидельско-демских, камско-икских, нижебельских, тульвино-мулянских, таныпских, караидельских башкир. Уникальны фольклорные образцы башкир Пермской, Челябинской, Курганской, Самарской, Оренбургской, Саратовской областей, Республики Татарстан. Вместе с тем, независимо от территории бытования башкирский фольклор разных родов и племен с давних пор характеризовался общими традициями.

Издавна у башкир умение петь, играть на музыкальных инструментах ценилось очень высоко, практически приравнивалось к административным талантам. Регулярно на *йыйынах* (всенародных собраниях), свадьбах, сабантуях, *байгах* (спортивных состязаниях) проводились соревнования певцов и музыкантов. Певцы и кураисты должны были иметь хороший голос с диапазоном не менее двух октав, обладать музыкальностью, артистизмом, умением свободно импровизировать, используя широкие, сложно интонируемые интервалы, а также создавать оригинальные трактовки известных сочинений. Для того чтобы музыкант добился серьезного успеха, помимо природного таланта, ему необходимо было усвоение исполнительских традиций еще в раннем детстве и многолетние постоянные творческие усилия в совершенствовании мастерства.

Особым авторитетом в обществе всегда пользовались *сэсэны* — народные музыканты, сказители-мудрецы. Их отличали музыкальность, хорошая

память (многие из них знают несколько сотен песен и сказаний), умение играть на различных музыкальных инструментах, неповторимый голос. Творчество сэсэнов носило синкретический характер: они являлись авторами текстов и музыкального сопровождения, исполнителями, актерами, разыгрывали целые драматические представления, одновременно выступали в роли рассказчика, певца, танцора и импровизатора на музыкальных инструментах [Сагитов, 1977; Хусаинов, 1978; Киреев, 1974; Зарипов, 1974].

Творческое наследие многих сэсэнов — Хабрау, Сыпра, Асан-Кайгы, Казтуган, Шалгыз, Досманбек и других — принадлежит не только башкирской культуре, но и многих других народов. Народная память хранит имена Кубагуш-сэсэна (XV–XVI вв.) и Карас-сэсэна (XVI–XVII вв.). Их традиции продолжили Еренсэ-сэсэн (XVII–XVIII вв.), Махмут-сэсэн (XVIII в.), Байык Айдар-сэсэн (1710–1814) [Кунафин, 2002. С. 7] и сэсэны более поздних времен.

В репертуаре сэсэнов преобладали эпические произведения, на первый план выдвигалась героико-легендарная тема. Социально-политические мотивы сочетались с темой любви и дружбы, постоянства и преданности («Алпамыша», «Заятуляк и Хыйхылу»). В эпосе отражено представление предков об устройстве мира, где Человек предстает гармоничной частью Природы.

Распространенным жанром был *Кубаур* (кобайыр) — песня-прославление (коба — превосходный, славный; йыр — песня), лаконичный музыкально-поэтический рассказ, который состоит из стихотворных строк тирадного характера, драматических диалогов, хореографических элементов. Большую роль играет ритмическое начало: слова повторяются, подменяются восклицаниями, междометиями,

своеобразными вокализмами. Кубаир чаще имеет семи-, восьми-, иногда двенадцатисложный стих с парной или смешанной рифмовкой; объем строф варьируется от 10 до 100 и более.

Памятником глубокой древности является **кубаир-хикаят** (хикэйэт — рассказ, повествование, повесть; (кубаир-хикаят — термин Р.С. Сулейманова) «Заятуляк и Хыухылу», «Алпамыша и Барсынхылу»). В этих произведениях содержание излагается путем чередования прозы, т.е. хикаята (основное повествование) и стихов-речитации, т.е. кубаира на определенную мелодию (в форме диалогов-айтыш в драматургически напряженных местах, передавая эмоции героев), тем самым делая произведение театральным. Музыкальные фрагменты некоторых эпических сказаний стали самостоятельными и ныне бытуют как лирико-эпические песни. Сюжет кубаиров-хикаятов отражает тему борьбы со сверхъестественными силами природы, создания семьи, борьбы за новые общественные отношения.

Эпические произведения исполнялись в стиле **халмак-кюй** (*халмак*), который характеризуется короткой по форме, умеренной, единой по темпу исполнения, достаточно узкой по диапазону мелодией с четким 2–4-дольным метром, текстом повествовательного характера, принципом 2–3 музыкальных звука на один поэтический слог. Выделяется два типа халмак-кюй: речитативный и напевно-песенный (кантиленный). Ладовой основой большинства халмак-кюй является ангемитонная пентатоника, хотя встречаются ладовые диатонические шести- и семизвучные образования, а также сочетания пентатоники с элементами дорийского, миксолидийского ладов.

Со временем сформировался стиль **узун-кюй** (или **озон-кюй**). В узун-кюе сочетаются широкий распев, развернутость мелодической линии, свободный ритм, большой диапазон (до двух и более октав), импровизационность, высокие поэтические

достоинства, психологическая глубина содержания, где музыкальное и поэтическое начала дополняют друг друга. Часто поэтический текст находится в прямой зависимости от законов мелодического движения. Стихосложение протяжной песни имеет 9- и 10-сложную основу, разделенную цезурой. Форма — мелодический период, охватывающий полустрофу поэтического текста из двух предложений, расчлененных на музыкальные фразы. Сложилась традиция исполнения узун-кюев высоким голосом (сопрано и меццо-сопрано у женщин и тенор у мужчин). При этом у исполнителей нет разительного контраста между регистрами: они поют хоть и на широком, но «затаенном» дыхании. Ладовые образования разнообразны и динамичны, чаще представляют ангемитонику. Узун-кюи сейчас являются классикой башкирского фольклора, вершиной творческого гения народа, формой передачи лирических, лирико-психологических, исторических сюжетов.

При исполнении эпических произведений музыканты пользовались специфическим приемом **узлау** (өзләу) — двухголосным пением, когда один певец одновременно извлекает два звука: нижний гортанный, выдержанный или прерываемый, и верхний, производный от него мелодический свист. Локальные названия башкирского гортанного пения разнообразны: *хоздау*, *кайдай*, *тамак-курай*. Узлау имеет древнее происхождение и является частью музыкальной культуры народов скотоводческого хозяйства (монголы, тувинцы, хакасы, алтайцы и др.); есть свидетельства о бытовании этого искусства у народов Юго-Восточной Азии (тибетцев, индусов, вьетнамцев) [Ихтисамов, 1988. С. 197]. Узлау имел обрядово-магическую функцию.

Давнюю историю имеют **дастаны** и **кисса** (кисса, т.е. рассказ, сказание, история). Их сюжеты пришли в культуру башкир через фольклор и лите-

ратуру Востока (Фирдоуси, Низами, Хорезми и др.). Это «Тахир и Зухра», «Бузьегет», «Юсуф и Зулейха».

Как и у хикаят-кубаиров, их композиция сочетает прозу, стихи и напев. Мелодии отличаются большей напевностью, т.к. на первый план выходит любовно-романтическая тема. Часты фантастические и приключенческие ситуации, гиперболизация событий, идеализация героев [Хәсәйенов, 1984].

В дастанах и кисса музыкально-песенные диалоги являются неотъемлемой частью сюжета; речитации действующих лиц служат их лейтмотивами, вводят в мир мыслей и чувств героев, способствуют драматизации сюжета, выполняют важную композиционную функцию. В свою очередь, они связаны с авторскими пояснениями, потому называются кисса-кубаирами [Башкорт халык музыка сәнгәте, 2001. С. 16].

Песни-айтыши близки к романтическим дастанам, но в них отсутствует прозаическая часть. Напевы носят речитативно-эпический характер. Песня «Ханская дочь», являющаяся частью более крупного эпического произведения и имеющая схожие варианты в татарском и хакасском фольклоре [Сулейманов, 1995. С. 56, 57], представляет песенный диалог-состязание в вопросно-ответной форме парня и девушки об их любви.

Параллельно с кубаирами с давних времен в культуре башкир и татар бытуют **баиты**; фольклористами записаны примеры исполнения баита и кубаира на одну и ту же мелодию, в одной манере [Башкорт халык музыка сәнгәте, 2001. С. 20]. Создателями баитов в различное время были *байгуши*, *теляксе* («странствующие святые», «желающие добра»), *шакирды* (ученики духовной мусульманской школы-медресе). Баиты были откликами на конкретные события в истории народа («Баит о распродаже земель»), на мифологические сюжеты («Сак-Сук»), религиозного содержания («Восхваление пророка Мухаммеда»). Баит «Сак-Сук» называют народной драмой на семейно-бытовую тематику [Башкорт халык музыка сәнгәте, 2001. С. 21]. Он повествует о превращении двух проклятых матерью сыновей в мифические птицы Сак и Сук; мать рас-

каивается, страдает, но улетевшие навсегда в дремучие леса птицы лишь с попутным ветром шлют родителям печальные песни.

Распространение ислама способствовало появлению в башкирском музыкальном фольклоре не только баита, но и схожего с ним **мунажата** (лирико-эпическое произведение религиозно-дидактического содержания), а также популярности **речитации сур** (глав) Корана без инструментального и хорового сопровождения и **маулидов** (музыкальное повествование о рождении пророка Мухаммеда), которые исполнялись певцом и поющим в унисон хором [Башкорт халык музыка сәнгәте, 2001. С. 24].

Исполнители эпических жанров — *кубаирсы*, *баитсы*, *йырау*, *иртәксе* — были носителями идей благоденствия, справедливости, вечности жизни, победы света над тьмой, добра над злом. *Байгуши*, *теляксе* («человек, желающий добра») и *наурузсы* (теляксе в период науруз байрам, т.е. нового года) были странствующими музыкантами и часто исполняли произведения, созданные сэсэнными.

Башкирские **исторические песни** сформировались как жанр в эпоху рассвета башкирского эпоса (XVI в.) и вобрали черты кубаира (образы, темп, художественные и структурные особенности). Вместе с тем в исторических песнях стал шире круг образов и событий, более полно и с большей эмоциональностью отражена героика жизни, значительное место получило освещение конкретных деталей, жизненных подробностей.

Исторические песни чаще сложены в манере узун-күй в связи с тем, что, как указал Р.С. Сулейманов [Сулейманов, 1995. С. 145], узун-күй не только отражают реальные события, но и «появляются в качестве посвящения событию (герою) <...>. В понимании башкир протяжные песни являются музыкально-поэтическими памятниками, как бы расставленными на историческом пути башкирского народа».

Исторические песни посвящены конкретным событиям и историческим личностям. Они повествуют о единстве племен и родов, о защите родины, о вреде междоусобиц («Урал», «Искендер», «Султан-

бек», «Боягым-хан»). В них (как и в кубаирах) отражены трагические события, когда безымянные батыры сложили свои головы, защищая свои исконные земли, веру и свободу.

В легенде к песне «Урал» (первое ее название — «Ете ырыу», т.е. «Семь родов») указывается, что в прошлом различные башкирские племена и роды враждовали между собой, совершали набеги, отнимали жен, детей и скот. Однажды аксакалы — старейшины родов — решили встретиться, и в назначенный день семь башкирских племен у подножия горы Кыркты заключили мир. После договора были устроены состязания певцов, музыкантов и танцоров. В честь этого важного события для всего башкирского народа один из сэсэнов сложил узун-кюй «Урал».

Песня «Урал» — гимн башкирского народа. Семь лепестков цветка курая на гербе Республики Башкортостан символизируют единство не только семиродцев, но и всех башкирских родов:

Уральских гор остроги высоки,
Ты матерью всех земель стал, Урал,
В долины журчащих живых родников
Ты воедино семь родов собирал.

Вдали синее, хэй, мой Урал-тау,
Гора — пристанище семи родов,
Храни, Урал, храни, оберегай
Ты прах священных дедов и отцов.

Ты семь родов приветил на груди,
Здесь семь родов раскинули яйляу,
Семи родов отары здесь паслись,
Семи родов один табун гулял.

(Пер. Д.А. Даминева).

С **календарно-обрядовыми** праздниками связаны напевы-заклинания, с помощью которых башкиры, как и другие народы, обращались к Природе, Солнцу, Земле, Дождю. Эти произведения звучали во время обрядов «Воронья каша», «Вороний праздник», «Вызов дождя», «Закливание дождя», «Закливание солнца». Напевы характеризуются 7-сложным (архаичным) стихосложением. В продолжительные дождливые (или, наоборот, засушливые) дни башкиры выходили на полянки, устраивали угощения, молились, речитативным хором просили солнце (дождь) ниспослать хорошую погоду (или дождь).

Среди башкирских **семейно-обрядовых песен** давнее происхождение имеют закливания, ритуальные благопожелания, обращенные к невесте или жениху

телак, величальные благопожелания, корильные величания, а также причитания невесты, аналогичные русскому плачу *сенгляу* (сенгләу) [Сальманова, 1999]. Сенгляу исполнялись во время проводов невесты из дома отца. По идейно-тематическому и функциональному разнообразию Р.А. Султангареева [2006] выделила сенгляу-раздумья, обращения (благословения), обруживания. В сенгляу-раздумьях получили выражение мольба, жалобы, просьбы невесты к божествам. В основу сенгляу-обращений легли редуцированные формы театральной зрелищности, народного айтыша. В сенгляу-обруживании использовалась магия брачного слова с целью отпугивания злых сил. В целом для сенгляу характерны импровизационность, метро-ритмическая и ладовая свобода.

Инструментальные маршевые и плясовые мелодии и наигрыши связаны с обрядами башкир, скачками, состязаниями батыров, торжественными приветствиями героев и старшин.

Сведения о башкирских музыкальных инструментах курае, кубызе, думбыре, кыл-кубызе, сорнае, дунгуре уходят в глубины веков. Они описываются в древних башкирских эпических сказаниях, например, «Сынрау торна», «Акбузат», «Кара юрга», «Куныр буга», «Заятулак и Хыухылу». О давности происхождения башкирских музыкальных инструментов свидетельствуют также народные песни, сказки, легенды, предания, загадки, пословицы, поговорки [БНТ, т. 7].

Старинным башкирским самозвучающим язычковым инструментом типа варгана является **кубыз** (*кумыз*). К IX–X в. относится кубыз из серебра, найденный Н.А. Мажитовым в Салаватском районе Башкортостана [Мажитов, 1988. С. 120–121]. Возникновение кубыза исследователи (Л.Н. Лебединский и др.) относят к периоду неолита. О его древнем происхождении свидетельствуют простота конструкции (металлическая дуга с язычком посередине), способ звукоизвлечения (инструмент зажимают губами, придерживают левой рукой, прибивая к зубам; язычок зажимают пальцем правой руки, приводя его в состояние вибрации; при изменении артикуляции образуются обертоны). Кубыз звучал на народных праздниках, во время обрядов и ритуалов. Башкирский кубыз имеет многочисленных родственников у народов Евразии и Америки (варган, зубанка русских, украинская и белорусская дымба, ковыш мари, темир комуз киргиз, шанкобыз, комыз казахов, хомус якутов и т.д.).

Курай (*хурай*) — самый популярный башкирский духовой музыкальный инструмент типа открытой продольной флейты — ныне является символом

башкирской культуры. В средние века курай бытовал и как оберег. Курай делали из разных материалов, чаще всего тростника, иногда из кости животного. Согласно имеющимся письменным и устным (фольклорным) источникам, без курая не обходился ни один йыйын, ни один народный праздник. Кураисты (курайчи), как и сэсэнны, были глубоко почитаемы народом, являлись олицетворением борьбы за свободу и счастье. На состязаниях кураистов победителями становились те, кто в одном лице был не только талантливым исполнителем, но композитором, поэтом, мудрым, знающим и любящим свою историю и культуру [Харисов, 2004; Сулейманов, 1995].

Название инструмент получил от зонтичного растения, из которого первоначально его делали — курай (дягель, дудник, медвежьих ушки). Для инструмента со звонким звуком «как стекло» использовали тонкостенные стебли растения, для извлечения мягкого, глуховатого звука — толстостенные растения, растущие на влажных низменностях [Зелинский, 1988. С. 127]. Этнографические группы башкир имели различные традиции в определении длины инструмента. Курайчи-кипчаки предпочитали длинные кураи, до 10 обхватов, с сильным, блестящим звучанием. У тамьянцев были короткие кураи — 7–8 обхватов, их можно было спрятать в рукав одежды и носить в таком «футляре» [Там же. С. 129].

Башкирский курай имеет многочисленные аналоги в культурах народов Евразии. Известны татарский и узбекский курай, тувинский и киргизский чоор (шоор), казахский сыбызгы, туркменский кыргы-тюдюк, монгольский лимбы, бурятский цур (сур), китайский и японский шао, коми чипсан, адыгейский камыль, осетинский уалдынз, абхазский ачырпан (агарпан) и др. [Вертков, 1975]. География распространения инструмента типа башкирского курая в разное историческое время простиралась от северной Евразии до Китая и Японии [Хуан Хун, 1999]. Вместе с тем именно башкирский курай достиг гармонии необычайной мелодической красоты и силы воздействия на слушателей. Именно ему подвластны самые тонкие нюансы человеческой души. Именно он смог выдержать испытания временем.

Сорнай (хорнай) нам известен по фольклорным источникам и музейным экспонатам. Этот сигнальный инструмент делался из рога животного длиной около 200–350 мм с 2–4-пальцевыми отверстиями. Сорнай был двух видов: мундштучный и язычковый. Другой сигнальный охотничий инструмент **борго (борго)** изготавливался из дерева, имел кони-

ческую форму, длину около 700 мм, 1–2-пальцевых отверстия, либо был без отверстий [Кобагошев, 1996. С. 159].

Драматична судьба **думбыры (думбыра)**, которая упоминается в общетюркском эпосе «Коркут-ата». По некоторым исследованиям на территорию Башкортостана этот инструмент проник из древней Ассирии через Закавказье, Среднюю Азию, Персию [Кобагошев, 1996. С. 154], а сейчас распространен в Казахстане (домбыра) и Узбекистане (думбыра, думбырак) [Вертков, 1975]. Под ее аккомпанемент звучали свободолюбивые древние эпические сказания и кубаиры, на нем исполняли программно-инструментальные пьесы, обращенные к борцу и гражданину. Аналогично искусству русских скоморохов-домристов, украинских кобзарей, творчество исполнителей на башкирской думбыре в прошлом подвергалось гонению.

Не менее сложна судьба **кыл-кумыза (кыл-кумыз)** — древнего башкирского струнного смычкового инструмента, родственника скрипки. Кыл-кумыз бытовал еще во второй половине I тыс. До XIX века он был известен башкирам, татарам, чувашам, казахам, узбекам, каракалпакам, киргизам (кыяк). Баксы (шаманы) его использовали для изгнания духов при лечении больных, исполняя ритуальные песни хорнау (*хорнау*). Простым людям на кыл-кубызе не разрешалось не только играть, но и дотрагиваться до него. Запрещено было продавать его, чтобы не исчезла «сила шамана» [Нагаева, 1995]. С принятием ислама в Башкортостане развитие искусства игры на кыл-кубызе было невозможным, и они вышли из обихода. По исследованиям А.М. Кубагушева [Кубагушев, 1996. С. 155–154], разновидности этого инструмента сохранились у гайнинских башкир Пермской области. Он имеет деревянный долбленный корпус, деку из кожи длиной около 600 мм, 2–3-х-кильные или из конского волоса струны, смычок из конского волоса на древке квинто-квартового строя. Старинный смычковый инструмент кыл-кумыз до XIX столетия был известен не только башкирам, но и татарам, чувашам, казахам, узбекам, каракалпакам, киргизам [Вертков, 1975].

В музыкальном инструментарии башкирского народа имеется ряд инструментов, заимствованных из других культур. Они свидетельствуют о том, что процесс заимствования инструментов шел в различные исторические периоды. **Ятаган (ятаган)** — древний башкирский струнный щипковый инструмент типа цитры монгольского происхождения, с продолговатым деревянным, в виде ящика, корпусом, длиной около 1000 мм. На верхней деке натянуто

7 жильных или медных струн, под которыми имеются подвижные подставки. При их помощи изменяется высота звука [Кобагошев, 1996. С. 152]. Аналогами ятагана являются казахский житегэн, хакасский чатыхан, тувинский чадаган.

К инструментам средневековья относятся башкирские музыкальные инструменты дунгур, думбурхак, дыбыл, награ. **Дунгур** (*донгор*) – древний ударный инструмент типа бубна – представлял собой деревянный обруч диаметром 300 – 400 мм, высотой около 1000 мм, с обеих или одной стороны натянутый кожей. По кругу корпуса были установлены двойные серебряные монеты (*танка*). При игре ударяли пальцами и ладонью. Другой древний ударный инструмент **думбурзак** (*дөмбөүзәк*) представлял собой тип большого барабана, цилиндрическую деревянную бочку длиной 400 мм, высотой 700 мм. К натянутой снизу мембране в середине был прикреплен пучок конских волос. При натягивании и опускании волоса издавались низкие глухие звуки. **Дыбыл** (*дөбөл*) также был барабаном; как сигнальным инструментом им пользовались охотники и воины (Кобагошев, 1996. 158–159 б.). Национальными разновидностями башкирского дыбыла являются казахский дыбыл, киргизский дулдыбыл, татарский давул и др. **Награ** (*нагрә*) – башкирский ударный инструмент среднеазиатского происхождения, имел цилиндрический деревянный корпус, обтянутый с обеих сторон шкурой, длиной около 350, диаметром около 150 мм. При исполнении его клали на колени, поочередно ударяли с обеих сторон пальцами и ладонями [Кобагошев, 1996. С. 158].

В народных башкирских играх, обрядах, а также в военных походах для извещения о предстоящих кочевках, об опасностях в прошлом широко использовался **шакылдак** (*шакылдак*). Удары по ведру

в качестве музыкального сопровождения зафиксированы С.Г. Рыбаковым [1897], а также Н.В. Ахметжановой [1995] в Учалинском районе Башкортостана на праздниках «Воронья каша», «Праздник гусей», «Кукушкин чай». Для ритмического сопровождения танцев использовались и другие предметы домашней утвари. Они служили оберегом от злых сил, средством лечения от болезней, сопровождали ритуальные пляски [Сальманова, 1999. С. 151]. Музыку танца дополнял звон серебряных монет и подвесок на костюмах и украшениях женщин.

Большой популярностью у детей и молодежи пользовались свистульки из дерева и глины (*балсык*, *ағас һызғырткыстары*), приспособления в качестве листа или дерева (*ағас һәм улән япрактары*), берестяная пленка (*кайын яралы*), гребенчатая гармоника, коса. Они служили для имитаций звуков птиц, воспроизведения плясовых мелодий [Ахметжанова, 1985].

Многие башкирские инструменты производны от трудового процесса. **Тукмак һугуу** («бить колотушками»), возник в процессе стирки и полоскания белья девушками на речке, отбивания и отбеливания домотканого холста. Видимо, ритм ударов колотушками по холсту захватывал людей, и девушки специально стали приходить на берег или горку уже без холста, чтобы поплясать под стук колотушек [Бикбулатов, Фатыхова, 1991].

Таким образом, музыкальное творчество башкир средневековья характеризовалось разнообразием форм, стилей, жанров и музыкальных инструментов. Он динамично развивался во взаимодействии родов, племен башкир и других народов. Башкирский музыкальный фольклор занимал важное место в общественной и семейно-бытовой жизни.

К ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Литературный язык башкир средневековья — это письменный язык тюрки Урало-Поволжья, своими корнями восходящий к чагатайскому (XV–XVI вв.), османскому (XV–XVI вв.), хорезмско-тюркскому (XIII–XIV вв.), караханидско-уйгурскому (XI–XII вв.), древнеуйгурскому (VIII–XVII вв.) и древнетюркскому (V–X вв.) литературным языкам.

1. Язык памятников рунического письма V–X вв. в структурном отношении являет собой сплав разнородных признаков огузского, уйгурского и отчасти кыпчакского языков. Он представлен в эпиграфках в честь Кюль-Тегина (731 г.), Билге-кагана (734 г.), Тюньюкука, Эль-Этмиша, Кули-чура, Моюн-чура, а также в наскальных надписях и надписях на предметах [Кононов, 1980]. Среди рунических рукописей сохранилась «Гадательная книга» («Ырк битиг»), написанная в конце VIII — начале IX в. и найденная в 1907 г. в Центральной Азии в Пещере Тысячи будд близ Дуньхуана в замурованном хранилище рукописей [Бюллетень, 2004].

Язык орхоно-енисейских памятников отличается обработанностью, наддиалектностью, наличием стиливой дифференциации, употребление поэтических, ораторских, правовых, обиходных формул и клише в высоком стиле [Тенишев, 1976. С. 164–172; Избранные, 2006. С. 178–186; Кормушин, 1997. С. 90].

Следует отметить, что подавляющее большинство древнетюркских лексических единиц, глагольных основ, деепричастных, причастных и других форм употребляется в башкирском языке как в оригинале. Соответствуют, например, аффиксы залогов в древнетюркских памятниках нынешним залоговым аффиксам башкирского языка [Ахметов, 1978]. В башкирском языке сохранился начальный древнетюркский й-: *йыр* «песня», *йэйэу* «пешком», *йегерме* «двадцать», *йетмеш* «семьдесят». Для среднего

говора южного и караидельского говора северо-западного диалектов башкирского языка характерно наличие древнетюркских диссимилятивных звуко-сочетаний *лт*, *мт*, *нт*, *рт*, *мк*, *нк*, *нк*. Например: *анта* «там», *төнтә* «ночью», *танка* «к рассвету», *килте* «пришел», *бирте* «он дал» и т.п. [Миржанова, 1979. С. 110–111; Миржанова, 1991. С. 32–33]. Целый ряд слов в башкирском языке сохранил тот же облик, что и в древнетюркском языке. Примеры: *ал* «алый», *алты* «шесть», *ана* «старшая сестра», *бай* «богатый», *тырнак* «коготь», *йомгак* «круглый, клубок», *ат* «конь, имя», *балбал* «каменная баба, древнее изваяние», *бар* «есть (имеется)», *колак* «ухо», *канат* «крылья, крыло», *кары* «старик», *балдай* «как мед», *йылык* «годовой, годичный», *ете буре* «семь волков», *кейек* «зверь, дичь», *барс* «барс, тигр», *кот* «счастье, удача», *кош* «птица», *кара кош* (*карагош*) «большой подорлик», *тамга* «печать», *кеше* «человек», *ябалак* «сова», *ай* «луна», *ала* «пегий», *анда* (*анта*) «там», *ак* «белый», *ара* «промежуток; середина», *арт* «нагорье, гора; горный перевал (хребет)», *балык* «рыба», *баш* «голова», *йэйләу* «летнее местопребывание, летовка», *йәнә* «снова, опять; еще», *яңра* «звенеть, звучать», *кәжүк* «кукушка», *кая* «скала» и т.п. Любопытно, что некоторые башкирские тамги родов и племен напоминают буквы рунического алфавита [Соколов, 1904; Ахметов, 1969].

2. Древнеуйгурский литературный язык окончательно формировался в государстве (княжестве) Кочо, существовавшем с середины IX в. до середины XIII в. Представлен уйгурскими руническими надписями шаманского культа, датируемыми VIII–IX вв. (например, «Ырк битиг» — «Гадательная книга») и памятниками уйгурского письма буддийских трактатов (например, «Алтун ярук» — «Сутра Золотого Блеска»), язык которых сложился в

результате взаимодействия древнетюркского литературного языка с обиходно-разговорным языком древних уйгуров. Как литературный язык он сохранился в Восточном Туркестане вплоть до XVIII в.

Древнеуйгурский литературный язык создал свои функциональные стили религиозно-философской, научной, художественной, эпистолярной литературы и делопроизводства, основанные на единой норме. От рунического койне продолжали употребляться аффиксы прошедшего времени и причастия на *-мыш/-меш*, причастия настоящего времени на *-ама/-гма*, желательного наклонения *-алым/-алим*, винительного падежа *-ығ/-иғ*, глагольной формы на *-дук/-дүк*.

На языке тюрки Урало-Поволжья от древнеуйгурского языка сохранились аффиксы исходного падежа на *-дын/-дин*, причастная форма на *-мыш/-меш*, показатель повелительно-желательного наклонения на *-ғыл/-гел* и т.п.

Характерные для древнеуйгурского и башкирского языков морфологические показатели следующие: родительный падеж на *-ның/-нең*, винительный падеж на *-ны/-не*, дательного-направительного падежа на *-ка/-кә*, *-га/-гә*, местный падеж на *-да/-дә*, *-та/-тә*, прошедшее категорическое время на *-ды/-де*, настоящее-будущее время на *-ар/-әр*, глаголы, образующие от имен на *-а/-ә*, *-ла/-лә*; имена, образующие от глаголов на *-ма/-мә*, имена от имен на *-даш/-дәш*, *-лык/-лек* и т.п.

Общая лексика: *баш* «голова», *бул*— «быть, стать», *кара* «черный», *йылан* «змея», *кан* «кровь», *тамак* «горло», *тамга* «печать», *кат* «слой», *каш* «бровь», *тип* «сказав», *шәкәр* «сахар», *яңы* «только что; новый», *ярлык*— «миловать, прощать», *яраш*— «подходить, соответствовать» и др. [Тенишев, 1977. С. 61–78].

3. Караханидско-уйгурский литературный язык сформировался на территории караханидского государства в XI в. с центром в Кашгаре, западные границы которого доходили до Самарканда и Бухары. От караханидского периода сохранились выполненные арабским письмом дидактическая поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Атабат алхакаик» Ахмада Югнаки, «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгари, «Диван-и хикмат» Ахмета Ясави и др.

Для караханидско-уйгурского литературного языка характерно прежде всего наличие древнеуйгурской традиции. Но эта традиция в языковой среде Кашгара XI века входит во взаимодействие с народно-разговорным языком.

В башкирском языке от этого языка сохранились аффиксы *-ның/-нең* родительного, *-ны/-не*

винительного, *-га/-гә* *-ка/-кә* дательного-направительного, *-да/-дә*, *-та/-тә* местно-временного, в ряде случаев *-дан/-дән*, *-тан/-тән* исходного падежей; *-ыш/-еш* взаимного, *-ын/-ен* возвратного, *-ыл/-ел* страдательного, *-ыт/-ет* понудительного залогов; *-ды/-де*, *-ты/-те* прошедшего времени изъявительного наклонения; *-ган/-гән*, *-кан/-кән* причастия прошедшего времени; *-мак/-мәк* имени действия; *-даш/-дәш* существительного и т.п.

Общие слова: *ашка* «в гости», *ара*, *арала* «между, среди», *алма*— «не брать», *кар* «снег», *йәнә* «опять», *ергә* «в землю», *юл алыу* «направляться», *кара баш* «черная голова», *там*— «капать», *ялган* «ложь», *егет-леге* «его юность», *бар* «есть» и др.

Следует отметить, что в караханидско-уйгурский литературный язык уже начинают проникать арабские и персидские слова. Арабизмы: *донъя* «мир, вселенная», *сахаба* «сподвижник (пророка Мухаммеда)», *вәзир* «правитель», *виләйт* «область, район», *далил* «доказательство», *халәл* «позволенное», *харам* «запретное», *хәким* «мудрец», *ләкәп* «прозвище, псевдоним», *диққәт* «внимание», *иттифак* «союз» и др. Фарсизмы: *фәрештә* «ангел», *батша* «падишах, царь», *намә* «письмо», *хуш* «хороший, приятный», *зәһәр* «яд», *намаз* «молитва» и т.п.

Словарь о тюркских языках Махмуда Кашгари следует выделить особо ввиду неоднородности приводимого им материала: наряду с образцами поэзии на литературном языке встречаются примеры с диалектными характеристиками, в том числе характерные и для башкирского языка (*бал* «мед», *тай* «жеребенок», *байрам* «праздник» и т.п.).

Караханидско-уйгурский литературный язык впитал в себя огузо-уйгурскую основу, на которую наложились местно-национальные элементы всех уровней. Он отличался высокой степенью стандартизованности и нормированности [Абдурахманов, 1997. С. 64–75; Тенишев, 1981. С. 266–273].

К огузо-кыпчакскому языку XII в. соответствует язык «Диван-и хикмат» Ахмета Ясави, который восходит к восточно-караханидской литературной традиции.

В Фонде рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН хранятся 4 неполных списка хикматов псевдо-эпиграфического дивана Ясави (под шифрами № 49а-34, 30а-8, 3а-92, 27/1а-22).

Лингвотекстологическое и палеографическое изучение этих списков показывает следующее: 1) все списки переписаны на территории Урало-Поволжья не ранее 1800 г.; 2) многие бейты в казанских изданиях дивана отсутствуют (Казань, 1-е изд.: 1289/1872-73 г. и 6-е изд.: 1912 г.); 3) одни бейты

написаны арузом — пятнадцатисложным метром рамал в форме газал (например, 62 бейта в списке № 49а-34), другие — трехстопным двенадцатисложным силлабическим стихом (14 бейтов в вышненазванном списке); 4) в языке хикматов исследуемых рукописей на фоне среднеазиатской лексики и морфологии присутствуют урало-поволжские лексические и морфологические черты, а орфография — типично урало-поволжская.

Для языка уфимских списков также характерны:

а) повелительно-побудительное наклонение 1-го лица мн. числа на -гай+мыз: *Әдҗәл килсә үлгәймез риза булың дусларым* [27/1а 22. Л. 55] «Если смерть придет, умрем, будем покорны, мои друзья»; *Ни кылгаймыз ниткәймез һәр кайсымыз* [49а 34. Л. 1] «Каждый из нас что сделал и творил»;

б) повелительные глаголы 2-го лица ед. числа на -гыл: *Оҗмағ кабуҗын баглаҗыл, мундин үзгә ачмаҗыл* [49а 34. Л. 2] «Закрывайте двери рая и больше не открывайте»; *күргел* «смотри»; *Халкка әйткел сүзеңне* [27/а 22. Л. 55] «Скажи свое слово народу»; то же в случаях 1-го лица мн. числа: *күчәлик* [27/1а 22. Л. 55] «переселимся», *качалик* «спрячемся»;

в) причастие на -ған, характерное для кипчакских языков: *Бу йулға кергән иранлар ниләр күрмәс* [49а 34. Л. 3] «На этот путь вступившие иранцы, что только не увидят»; *Тарикат йулына кергән кеше* [49а 34. Л. 3] «Человек, вступивший на второй этап мистического пути / тарик»;

г) прилагательное с аффиксами -дағы, -суз: *йаздағы былбыл* [30а 8. Л. 54 об] «летний соловей (досл.)»; *сансуз очкон* [30а 8. Л. 54 об] «бесконечные искры»;

д) отрицательный коррелят на -мас: *Ата уғылны белмәс, ана кызы танымас* [49а 34. Л.1] «Отец не знает сына, мать дочь не узнает»; *тыңламас* [49а 34. Л. 5 об] «не послушается», *аңламас* [49а 34. Л. 5 об] «не поймет» и др.

История башкирского литературного языка средневековья тесно связана с эпохой Волжского Булгарского государства (XI–XIII вв.), являющейся органическим продолжением древнетюркского и древнеуйгурского периодов.

В булгарскую эпоху часть территории Башкортостана входила в состав Булгарского государства, восточные пределы которого достигали рек Агидель (Белая) и Яик [Кузеев, 1974. С. 457–458]. Многообразные, устойчивые связи и взаимодействия различных этнических групп, территориальная языковая близость тюркоязычных племен и народностей Урало-Поволжья в период Булгарского государства привели к образованию региональной литературной системы [Хусаинов, 1980. С.7].

Самым популярным литературным памятником этого периода является поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али, написанная в 1212 г. Язык этой поэмы, в котором отражено внутреннее противоречие между огузо-уйгурской письменной традицией и «новыми» кипчакскими языковыми элементами, по праву считается исходным началом для истории родственных татарского и башкирского литературных языков [Тенишев, 1986. С. 275; Халикова, 1988. С. 46–57].

Науке известно более 150 полных и неполных ее рукописей. При сличении текста поэмы по разным спискам выявляется большое количество орфографических, лексических и грамматических расхождений, многочисленные пропуски, вставки и инверсии, на основе которых можно выделить две группы различий: сознательное и бессознательное изменения текста оригинала.

Лингвотекстологическое изучение списков «Кысса-и Йусуф» показывает, что язык поэмы является смешанным: здесь представлены лексический состав и грамматические элементы, характерные как для кипчакской, так и огузской групп тюркских языков. Поэма «Кысса-и Йусуф» написана на общетюркском литературном языке огузо-кипчакского типа, по образцу восточных письменных традиций, но под большим влиянием фольклора башкир и волжских булгар.

4. В XIII–XIV вв. в Золотой Орде, являющейся громадной империей, простиравшейся от Хорезма до Яркенда, Согда (по другому — Дженда), Сарая, городов Маджара, Азака, Судака, Булгара, Башгирда, Джульмана и объединяющей в своем составе многочисленные тюркские племена [Тизенгаузен, 1884. С. 378], выделяется не только региональная литературная система, но и зональная. Такие произведения, как «Кисас ал-Анбийа» Насиретдина Рабгузи, «Муин ал-мурид» Шайха Шариф-Ходжа, «Хусрау ва Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Нахдж ал-фарadis» Махмуда ибн Али, «Джумдзума султан» Хусам Кятиба, «Гульстан бит-тюрки» Сайфи Сарай, созданные на хорезмско-тюркском литературном языке того периода, являются общими памятниками многих тюркоязычных народов. Э.Н. Наджип писал: «Литературный язык Золотой Орды был общим для ряда племен, населявших огромную территорию, эти племена впоследствии участвовали в формировании народов и наций современных узбеков, казахов, башкир, туркмен, татар и др. Поэтому есть основание литературные памятники этого периода, созданные на данной территории, считать общим достоянием,

общим наследием этих народов» [Хорезми, 1961. С. 19; Наджип, 1989].

Сравнительное лингвотекстологическое изучение памятников, созданных на территории Золотой Орды, показывает, что язык этих памятников смешанный. Например, в тексте уфимского списка «Кисас ал-Анбийя» Рабгузи, переписанного в сер. XIX в., употребляются такие языковые формы, которые характерны для современных тюркских языков различных групп и подгрупп: *азак/айак* «нога», *ивлиг* «жена, женщина», *козог* «колодец», *йавлак* «очень, весьма», *йулук* «встречаться», *өтрү* «за, из-за, после», *илгәру* «вперед», *-дан/-дин* «афф.исходного падежа», *-га/-а* «афф. дательного падежа», *-ни/-ин* «афф. винительного падежа», *-айин* «афф. желательного наклонения», *-са* «афф.условного наклонения»; *-гай ирде*, *-мыш*, *-йур ирде* «афф.-ы прошедшего времени», *-дачи*, *-р*, *-ган*, *-гучи/-гучи*, *-мыш* «афф.-ы причастия», *-а/-у*, *-гунча*, *-уб* «афф.-ы деепричастия» и т.п. [Булгаков, 1985. С. 55–59].

Огузо-уйгурские традиционные элементы больше сохранились в языке «Хусрау ва Ширин» (наличие межзубного *-з-* в середине имен и в конце глагольных основ, исходный падеж с формантом *-дын*, причастия на *-алы*, *-мыш*, форма на *-дук* и т.п.). [Наджип, 1979]. Новообразования больше наблюдаются в языке «Мухаббат-наме», «Гульстан бит-тюрки» [Наджип, 1975; Seyf-i, 1989]. Они в целом кыпчакского происхождения: слова со среднеязычным *-й-* в середине имен и в конце глагольных основ, винительный падеж с формантом *-ны*, дательно-направительный падеж на *-га*, местный падеж с формантом *-да* и т.п.

Большой интерес для истории средневекового башкирского литературного языка представляют памятники, написанные на основе кыпчакско-огузских языковых элементов.

5. Хорезмско-тюркский литературный язык сыграл в дальнейшем огромную роль в формировании чагатайского и османского литературных языков.

Чагатайский язык складывался в XV–XVI вв. как официальный язык в Тимуровой державе (Чагатаева улусе) и был распространен на территории Мавераннахра в Средней Азии между рек Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, а также к северу от Сыр-Дарьи, Хорасана в северо-восточном Иране и северо-западном Афганистане, Восточного Туркестана и Хиндустана (Пакистан и Северная Индия). Он как письменно-литературный язык сложился на основе карлукско-уйгурских диалектов Мавераннахра под воздействием литературно-языковой традиции предшествующих караханидско-уйгурского (X–

XII вв.) и золотоордынско-хорезмского (XIII–XIV вв.) периодов.

В развитии чагатайского языка выделяются три периода:

1) ранний или доклассический период (конец XIV в. – вторая треть XV в.; произведения Саккаки, Лютфи, Атаи, Ходжанди, Саида Ахмада, Хайдара Хорезми, Амири, Якыни, Ахмади и др.);

2) средний или классический период (последняя треть XV в. – вторая треть XVI в.), связанный с творческими деятельностью великого Алишера Навои, Бабура, Хусейна Байкары, Хамиди, Шейбани, Убайди, Мухаммеда Салихи, Маджлиси и др. Это была золотая пора чагатайского периода;

3) поздний классический период (последняя треть XVI в.) – продолжение предыдущего классического смыкающийся с этапом «тюрки».

До формирования современных тюркских литературных языков чагатайский язык использовался как литературная форма, которая постепенно вбирая в себя местные народные элементы, привела к появлению локальных вариантов языка тюрки – урало-поволжского, наряду с среднеазиатским, малоазиатским, арало-каспийским и северо-кавказским.

Османско-турецкий язык сложился на рубеже XV–XVI вв. на основе анатолийско-(малоазиатско-)тюркского языка XIII–XV вв., развивающегося в традициях среднеазиатского тюркского литературного языка, во взаимодействии с народно-разговорным языком тюрок Малой Азии [Кононов, 1976. С. 4–8, 92–96]. Основными письменными памятниками являются тюркские стихи Джелалетдина Руми (1207–1273) и Султана Веледа (1226–1312), произведения Ашык-паши (1271–1332) и Ахмеди (1390), «Калила и Димна» (перевод и обработка Кул Месуда), «Сельджук-наме» («Огуз-наме»), «Китаб-и Дедем Коркут», «Ферах-наме» Ибн Хатиба, «Рассказы сорока везирей», «Газават-и Сейид Баталл», «Хикаййати-и Хельваджы Гюзели», раннетурецкие переводы (тефсиры) Корана и мн. др.

В языке письменных памятников Урало-Поволжья органически переплетаются языковые средства, характерные для нескольких разновидностей языка: народно-разговорной речи башкир и татар, языка фольклора и башкирских шежере, книжно-литературной традиции. Причем книжная традиция исходила из двух источников: среднеазиатского и анатолийского (османско-турецкого) литературных языков. Влияние последнего на литературный язык тюрки Урало-Поволжья началось с XVIII в. вследствие развития культурно-экономи-

ческих связей Урало-Поволжья с Турцией [Ортайлы, 2010. С. 375–384].

Анатолийский (османско-турецкий) письменно-литературный язык воздействовал на язык тюрки Урало-Поволжья не только своими специфическими графо-фонологическими и лексико-грамматическими особенностями, но и всем своим строем. Поэтому не только свои, но и некоторые языковые средства, связанные с древнетюркским, благодаря анатолийскому тюрки приобретали новую жизнь в урало-поволжском тюрки.

Восприятие урало-поволжским тюрки элементов малоазиатского и среднеазиатского тюрки языков представлено в виде таблиц (всего – 7).

6. В середине XVI в. башкиры вошли в состав Русского государства. Употребляемый башкирами письменный литературный язык тюрки Урало-

Поволжского региона функционировал в качестве официального письменного языка. На этом языке составлены башкирские шежере, договоры, заключенные с соседними народностями, письма и художественные произведения, например, «Письмо башкир Ногайской дороги уфимскому воеводе князю Волконскому о возвращении взятых атаманов и о доведении всех их пожеланий до сведения царя» от 16 ноября 1663 г. и «Ярлык султана Кучука башкирскому пятидесятнику Татлы-баю о запрещении чинить насилия при сборе продовольствия», датированный началом 1664 г. [Материалы по истории..., 1936. С. 166–167 и 180], письмо-шикаят, отправленное в 1706 г. царю Петру I и письмо вождя, идеолога башкирского восстания 1755 г. Батырши Императрице Елизавете Петровне [Хусаинов, 1973. С. 122–127; 1979, 121; Письмо

Таблица № 1

Склонение	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
Род.п.	Нг	нйнг	нинг
Вин.п.	йй, й	йн, й	йн, нй, й
Дат.п.	ә, йә	гә, кә, кә	гә, кә, гә, кә
Мест.п.	Дә	дә	дә
Исх.п.	дан	дән, дйн	дән, дан, дйн
		посессивный тип склонения не имеет протетического согласного =н=	

Таблица № 2

Склонение	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
Род.п.	Нг	нйнг	нинг
Вин.п.	йй, й	йн, й	йн, нй, й
Дат.п.	ә, йә	гә, кә, кә	гә, кә, гә, кә
Мест.п.	Дә	дә	дә
Исх.п.	дан	дән, дйн	дән, дан, дйн
		посессивный тип склонения не имеет протетического согласного =н=	

Таблица № 3

Глагол	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
Инфинитив или имя действие	мак, мак	мāk, мāk	мāk, мак
«Вспомогательные» глаголы (чаще всего)	йтмак	āйлāmāk, ийлāmāk	кйлmāk
Глагол имак прошедшее Время	йдим	йрдӯм	йрдӯм
	йдиг	йрдйнг	йрдинг
	йдй	йрдй	йрдй
	йдӯк	йрдӯк	йрдӯк
	йдигиз	йрдйнгиз	йрдингиз
	йдилар	йрдйлār	йрдйлār
отрицательный аспект	дагилман	ймāсмāн	тўгилмāн
	дагилсан	ймāнг	тўгилсан
	ймаз	ймāс	йрмāс
условное наклонение	йсам	йрсām	йсām и йрсām

Таблица № 4

Причастия	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
	р/маз	р/мāс	р/мāс
	миш	гāн	гāн
	(й)ан	гӯчи	гӯчи
	аджак	ачāк	ачāк
		гӯр	(ā)си

Таблица № 5

Деепричастия	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
	(й)ӯб	(й)ӯб	(й)ӯб
	(й)ā	й/ā	й/ā
	дикчā	гāч	гāч
	(й)инджа	гӯнчā	
		гāнчи	гāнчи
	мадан	мāсдāн	мāсдāн
	(й)али	гāли	гāли
	(й)арак		
	йкан	йркāн, йркйн	йкāн

Таблица № 6

Наречия	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
	аркан	йртā	йртā
	пак	āсрӯ	бйк
	йавāш	āкрйн, āкйртйн	āкрйн, акрйн
	йрāк	ййирāк	йирāк
	йагйдан	йāнгāдйн	йангā

Таблица № 7

Послелог	Малоазиатский	Среднеазиатский	Урало-поволжский
	йлә, йлан, лан, лә, бирлә	йлә, йлән, бйлә, бйлә	бйрлә, бирлән, бирлан, билан
	әрд	әрт	әрт
	йларӯ, йларй	йлгәри	илгәрӯ, илгәри
	даг, дйг, дагйн	дйгйн, тйгйнч	дәй, дәйин, тйклй
		сари	сәри, сәрӯ
		сәйин, сәйй	сәйин
	тишарй	тәшкәри, тәшкәри, тишкарй	тйш
	тӯгрӯ, тӯгри, дӯгрӯ	тӯгрӯ, тӯгри, тӯри, тӯрай	тӯрӯ
	гибй	кәбй	кибик, кӯбӯк, кубӯк, кувук

Батырши..., 1993], манифесты и указы Пугачева в переводе на «тюрки», распространенные во время крестьянской войны 1773–1775 гг., возвания и приказы Салавата Юлаева, стихи башкирского поэта начала XVIII в. Гаита Сибая и многие другие поэтические и прозаические произведения, распространенные в рукописных книгах. Широкое распространение среди башкир, казахов, татар и других тюркских народов получили исторические сочинения «Джами ат-таварих» (1602 г.) Кадыргали

Джалаири и «Дафтар-и Чингизнама» (XVII в.) [Валиханов, 1961. С. 142–168; Ауэзов, 1957. С. 127–128; Усманов, 1972. С. 33–133; Хәсәйенов, 1984. С. 107–123; Хисамиева, 1980; Сыздыкова, 1989]. В этот период, как и в средние века, было создано много анонимных произведений, авторство которых не указано. Внутри региональной системы дифференциация национальной литературы у башкир начинается с XVI в. после присоединения к Русскому государству [Хусаинов, 1980. С. 10].

МЕСТО БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В КЫПЧАКСКОЙ ПОДГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

История и существование народов в первую очередь связаны с языком. Можно сказать, что общность, потерявшая свой язык, в течение довольно короткого по историческим масштабам времени обречена и на утерю этнической идентичности. Бывают редкие случаи, когда задачу самоопределения выполняют другие культурные составляющие, например, особая религия. Однако это, скорее, является исключением, чем обычным правилом самоидентификации.

Язык как надличностная сущность, присущая целой общности, можно сказать, живет своей жизнью. Он не зависит от воли или идей конкретного носителя, он изменится постепенно с поколениями говорящих на нем, в большей части сохраняя знания, передаваемые от предшествующих поколений, но также накапливая новые слова и изменения. В языке довольно долго продолжают сохраняться слова, характеризовавшие тот или иной уклад, присутствующий прошедшим векам, живут чужие слова, попавшие в результате интенсивных контактов с представителями других языковых общностей. И это может быть связано как с географической, так и с культурной составляющей.

Есть представление о языковом родстве. Часто это понятно даже на простом житейском уровне. Родственные языки характеризуются некоторой похожестью в назывании одних и тех же вещей, состояний и действий. У близкородственных языков довольно легко понять правила пересчета своего произношения на чужой лад, хотя, конечно, при таком пересчете часто появляются и досадные ошибки, и недоразумения. Они связаны с тем, что во всех языках также происходят утери конкретных слов и случайные или постепенные изменения значения. Важнейшей задачей сравнительно-исторического языкознания является установление

фонетических соответствий между языками (= правил пересчета), которые являются регулярными правилами, зависящими от конкретных условий. На базе таких соответствий происходит интерпретация правил развития по языкам и восстанавливается звучание конкретных основ (слов) в праязыке, т.е. языке, существовавшем еще у некой общности до распада на родственные языки. В случае, когда соответствия установлены более или менее правильно, уже можно представить себе или реконструировать запас лексики (основ, слов), обнаруживаемых в этом языке. Опять же, при знании фонетических соответствий с помощью некоторых приемов удастся определить заимствования, попавшие в конкретный язык, во время отдельного существования языковой общности, а при более обширных знаниях — определить и источник заимствования.

Зная фонетику, лексику (словарный состав) и определив облик служебных морфем (суффиксов, окончаний), т.е. описав грамматику, уже можно сравнить определенный праязык с другими праязыками и попытаться там найти некоторые правила пересчета, т.е. фонетические соответствия. Иногда, правда, это случается не очень часто, удастся определить уровень родства и на следующей ступени, и дальше шаг за шагом уходить в глубь веков.

Похожесть или непохожесть фонетики (звучания) праязыка с языками-потомками зависит от количества и качества последовательных фонетических изменений, которые происходят с течением времени. И чем больше промежуток времени между моментом распада праязыка и современными языками, тем больше будет непохож облик праязыка на конкретный язык. Случаев, когда язык не изменяется во времени, не отмечено, разве что это примеры, когда на протяжении нескольких веков все люди учат «мёртвый» язык по книгам, например, латынь

в Европе в средние века. Но такой язык всегда является выученным, и он никогда не бывает родным и единственным, на котором говорят с детства. Опять же такой язык характеризует не народ, не этнос, а лишь определенную страту (прослойку) «учёных» людей и кончает своё существование с большинством «конкретных носителей», которые не передают его своим детям. Т.е. это случаи функционирования неестественного языка. Они с точки зрения изучения истории народов не так интересны, в отличие от данных полноценно живущих языков.

Одним из интересных достижений сравнительно-исторического языкознания является формальный метод установления степени родства между языками и относительной датировкой узлов распада конкретных языков. Вообще, представление об облике языковой семьи, включающей родственные языки, изначально имеет «древесную структуру» (лучше сказать — кустовую), которая характеризуется наличием общего ствола и корня — это праязык, отдельных веточек, в свою очередь распадающихся на более тонкие и кончающиеся конкретными языками. Вот эти места развилок ствола и веток или просто на ветке называются узлами распада. Смешения языков и появления из двух разных языков особого третьего не бывает, таким образом, соответственно не бывает вторичного сращения веточек. В сравнительно-историческом генеалогическом языковом древе строилось в основном на основе анализа развития фонетики и определения действий фонетических законов на временной оси.

В XX в. М. Сводеш, американский этнограф и лингвист, под влиянием метода радиоуглеродной датировки для археологов предложил в чем-то схожий метод для исторической датировки распада языков, который получил название глоттохронологический метод (от греч. глосса, глотт — «язык» и хронология). В отличие от предыдущих исследователей в качестве основы он выбрал «устойчивую лексику», т.е. слова, которые характеризуют главные понятия окружения человека, и, предложив линейную зависимость утери таких слов из общего списка с определенным коэффициентом, попробовал использовать это для языковых семей. Привязка к реальной хронологии при его методе вызывала некоторые нарекания, однако способ относительной формальной стратификации узлов распада оказался очень эффективным.

Кардинальные изменения в подход М. Сводеша внес замечательный отечественный лингвист С.А. Старостин. Он усовершенствовал формулу, опираясь на данные известных европейских, семитских и сино-тибетских языков, в результате этого

оказалось, что зависимость имеет не вид прямой линии (падающей горки) на осях времени и количества сохраненной устойчивой лексики а является гиперболической (т.е. плавной вогнутой горки). Кроме того, он показал, что никакой подсчет утери слова из списка (или изменения его первого значения) невозможен без предварительного сравнительно-исторического изучения семьи, что включает в себя установление регулярных соответствий и составления словаря праязыка. Это связано с проблемой вычленения и неучета при подсчетах совпадений заимствованной лексики, что является очень важным и существенно меняет конфигурацию языкового древа. Заимствованная лексика, таким образом, воспринимается как металлический имплантат в органическом теле и не может давать ни плюсов (совпадений), ни минусов (несовпадений). Конечно, было исправлено и числовое значение коэффициента. Этот новый вариант лексической глоттохронологии уже более адекватно стал соответствовать известным историческим привязкам. Кроме того, оказалось, что использовать усовершенствованную С.А. Старостиным формулу можно и при анализе на традиционных критериях исторической фонетики и морфологических схождениях (формального соответствия вспомогательных грамматических элементов). Такой метод более точен для языковых семей, имеющих не очень большую глубину, т.е. распад в пределах 2–3 тыс. лет назад, с большим количеством языков потомков и развитой морфологией словоизменения. Разумеется, коэффициент здесь не совпадает с коэффициентом для лексики, а вычисляется особым способом. Фактически он больше лексического коэффициента, что характеризует математическое ожидание утери элемента за тысячелетие и связан с большей способностью трансформации для звуков и служебных морфем в отличие от консервативного лексического запаса. Такой метод был применен для тюркской языковой семьи с глубиной чуть более 2 тыс. лет распада. С его помощью удалось существенно уточнить облик и количество основных подгрупп тюркских языков, определить время распада промежуточных единств, а также определить место башкирского языка в системе кыпчакских языков.

Башкирский язык является значимым представителем кыпчакской подгруппы и вместе с остальными родственными языками входит в состав тюркской языковой семьи. По последним результатам глоттохронологического анализа вопросника, сделанного по классическим морфологическим и фонетическим критериям, ее глубина оценивается более 2000 лет назад. Примерно с 120 г. до н.э. про-

изошел ее распад на две ветви, одна из которых получила название болгарской, для другой традиционно по умолчанию продолжает использоваться общий термин "тюркские" языки. Именно с этого рубежа проходят необратимые изменения в подгруппах, положившие начало независимому существованию предков современных языков. Время отделения болгарской ветви попадает на годы победы ханьского императора У-ди (127 г. до н.э.), когда "гунны бежали далеко, и к югу от пустыни (Гоби) уже не было ставки их правителя", а в 119 до н.э. огромная китайская армия захватывает северную ставку шаньюя. Последовательно в 56 г. до н.э. и в 48 г. н.э. происходят два раскола гуннов на "северных" и "южных" (*Кляшторный, Султанов, с. 73*). Собственно первое дробление пратюркской общности связано с поражениями и упадком кочевой империи гуннов. В целом, распад пратюркской общности на раннем этапе можно представить следующим образом:

Распад пратюркской общности

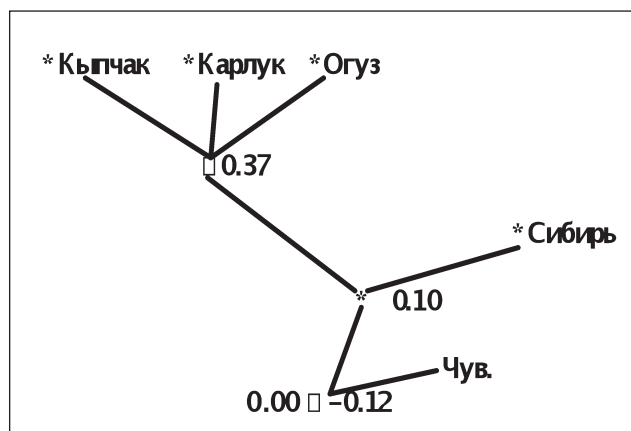
Подчинение китайской империи Хань в 90 годах н.э. гуннов Западного Притяньшанья соответствует обособлению сибирской подгруппы. Эта подгруппа сама по себе имеет сложное устройство. В ней к началу V в. выделяется d-кающая тувинско-якутская ветвь (с внутренним распадом в районе 680 г. н.э.). Оставшиеся сибирские языки делятся на z-кающую хакасскую подгруппу и j-кающую киргизско-алтайскую в районе 790 г. н.э. Такое название принято по характерному развитию пратюрк. согласного *- — в языках потомках. В первом случае это рефлекс звонкого смычного, во втором — звонкий спирантный рефлекс, в третьем — рефлекс в виде глайда (сонанта).

Распад огузской, карлукской и кыпчакской общности приходится на смутные времена на территории Северного Китая и сопредельных областей, названные китайскими историографами "Шестнадцать государств пять племен" (304–439 гг.). При математической бинарной интерпретации распада

ожидается последовательное деление с шагом около 50 лет, что, естественно, маловероятно, и в данном случае представлено редкое деление сразу на три подгруппы. Нельзя говорить ни о какой специфической попарной близости карлукской и кыпчакской, карлукской и огузской, а также кыпчакской и огузской подгрупп. Конечно, в истории этих языков и на самом древнем уровне могли проходить общие новые изменения с потерями старых противопоставлений, но они как правило, захватывали не весь ареал.

В результате анализа тюркского вопросника по морфологии и исторической фонетике удастся выяснить таксономические характеристики кыпчакских языков. Степень расхождения языков решается путем математического анализа матрицы, куда вписаны все бинарные количества схождения между языками. Из данных языков, имеющих наибольший процент схождения между собой, выбирается наименьший вариант по отношению к третьему языку, т.е. у одного из парных родственных языков более высокий вариант считается следом контактного развития (в данном случае как бы сохранением теряемого признака или аналогичным восстановлением, что трактуется как неопознанное вовремя заимствование, подлежащее исключению при наличии нормального варианта ответа). После этих процедур выстраивается генеалогическое древо. После обработки матрицы схождения встает вопрос, как соотносить количество совпадений и время распада. Для лексикостатистики такая формула выработана, в ней важную роль играет константа, определяющая процент утери слов из замкнутого списка за определенный промежуток времени. Но также и морфологическая, и фонологическая системы языков являются замкнутым списком повышенной стабильности, и общая причина уникального одиночного события (утери или изменения) здесь принципиально не отличается от языкового развития в замкнутой лексической подсистеме. Изменения происходят при передаче языковых данных от одного поколения к другому, однако из-за более ограниченного количества грамматических морфем и фонем, их более частого употребления по сравнению с лексемами, более активного взаимовлияния с другими фонемами и морфемами, выстраивания новых аналогий и контаминаций процент за тот же период отличается, а изменения, высчитываемые по аналогичной формуле, имеют другую константу выпадения.

Ниже представлен пошаговый анализ матрицы независимых фоно-морфологических схождения, актуальных для тюркских языков.

Языки в таблице схождения нотируются двумя или тремя буквами латиницей, что связано с ограниченным размером клеток (крымско-татарский (средний диалект) – *ktt*, казахский – *kaz*, кара-калпакский – *kkk*, ногайский – *nog*, караимский – *kar*, карачаево-балкарский – *kbl*, кумыкский – *km(k)*, волжско-татарский – *tat*, мишарский – *ms(r)*, башкирский – *bsh*, южно-башкирский (диалект) – *sbs*, восточно-башкирский (диалект) – *ebs*, сибирско-татарский (барабинский) – *stt*).

	ktt	kaz	kkk	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	ebs	stt
ktt		72	75	79	85	73	78	79	75	76	69	72	78
kaz	72		94	88	73	74	73	74	72	78	82	85	75
kkk	75	94		88	72	76	77	73	71	77	80	83	74
ng	79	88	88		76	73	80	78	75	80	80	81	78
kar	85	73	72	76		84	84	84	82	77	80	81	87
kbl	73	74	76	73	84		88	76	76	71	81	80	79
km	78	73	77	80	84	88		78	77	76	78	77	78
tat	79	74	73	78	84	76	78		90	87	88	86	94
ms	75	72	71	75	82	76	77	90		81	85	81	89
bsh	76	78	77	80	77	71	76	87	81		95	94	85
sbs	69	82	80	80	80	81	78	88	85	95		98	86
ebs	72	85	83	81	81	80	77	86	81	94	98		89
stt	78	75	74	78	87	79	78	94	89	85	86	89	

Наибольшее число соответствий между южно-башкирским и восточно-башкирским диалектами (98%). После объединения этих двух полей получается такая таблица (в ней под *sbs* надо понимать единство *sbs* & *ebs*):

	ktt	kaz	kkk	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	ebs	stt
ktt		72	75	79	85	73	78	79	75	76	69	72	78
kaz	72		94	88	73	74	73	74	72	78	82	85	75
kkk	75	94		88	72	76	77	73	71	77	80	83	74
ng	79	88	88		76	73	80	78	75	80	80	81	78
kar	85	73	72	76		84	84	84	82	77	80	81	87
kbl	73	74	76	73	84		88	76	76	71	81	80	79
km	78	73	77	80	84	88		78	77	76	78	77	78
tat	79	74	73	78	84	76	78		90	87	88	86	94
ms	75	72	71	75	82	76	77	90		81	85	81	89
bsh	76	78	77	80	77	71	76	87	81		95	94	85
sbs	69	82	80	80	80	81	78	88	85	95		98	86
ebs	72	85	83	81	81	80	77	86	81	94	98		89
stt	78	75	74	78	87	79	78	94	89	85	86	89	

Теперь можно произвести объединение непересекающихся пар полей, максимумы схождения в которых больше 90%. Это следующие поля: башкирский литературный язык и юго-восточный диалект башкирского языка с процентом схождения 94%, волжско-татарский и сибирско-татарский с общими схождениями также 94%, казахский и каракалпакский, опять же, с процентом схождения 94%.

	ktt	kaz	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh
ktt		72	79	85	73	78	78	75	69
kaz	72		88	72	74	73	73	71	77
ng	79	88		76	73	80	78	75	80
kar	85	72	76		84	84	84	82	77
kbl	73	74	73	84		88	76	76	71
km	78	73	80	84	88		78	77	76
tat	78	73	78	84	76	78		89	85
ms	75	71	75	82	76	77	89		81
bsh	69	77	80	77	71	76	85	81	

В получившейся таблице под *kaz* надо понимать казахское и каракалпакское единство, под *tat* – волжско-татарское и сибирско-татарское единство, под *bsh* – общепашкирское единство.

Наглядными становятся пары языков с числом соответствий, приближающимся к 90%. Это "большой татарский" (*tat* & *stt*) и мишарский диалект (89%), карачаево-балкарский и кумыкский языки (88%), "большой казахский" (*kaz* & *kkk*) и ногайский языки (88%). После объединения этих пар полей таблица выглядит таким образом:

	ktt	kaz	kar	kbl	tat	bsh
ktt		72	85	73	75	69
kaz	72		72	73	71	77
kar	85	72		84	82	77
kbl	73	73	84		76	71
tat	75	71	82	76		81
bsh	69	77	77	71	81	

Следующей парой языков с максимальным значением схождения является крымско-татарский и караимский языки – у них 85%. После объединения этих полей получается такая таблица:

	ktt	kaz	kbl	tat	bsh
ktt		72	73	75	69
kaz	72		73	71	77
kbl	73	73		76	71
tat	75	71	76		81
bsh	69	77	71	81	

По ней наглядно видно, что ближайшими родственниками на этом уровне являются "большой татарский" (*tat* & *stt* & *msr*) и башкирский (*bsh* & *sbs* & *ebs*) с числом схождения 81%. При объединении этих двух полей таблица принимает следующий вид:

	ktt	kaz	kbl	tat
ktt		72	73	69
kaz	72		73	71
kbl	73	73		71
tat	69	71	71	

При анализе этой таблицы становится ясным, что глубина кыпчакской подгруппы составляет 69%, однако возникает вопрос, с какой из подгрупп объединять кавказские тюркские языки (kbl & kmk) — с крымско-татарским и караимским (ktt & kar) или с той ветвью, куда входят казахский, кара-калпакский и ногайский (kaz & kkl & nog). С обеими этими подгруппами кавказские языки имеют 73%. При объединении кавказских языков с крымско-караимской ветвью получается вариант:

	ktt	kaz	tat
ktt		72	69
kaz	72		71
tat	69	71	

Здесь под ktt понимается общая "кавказско-крымская подгруппа", имеющая собственную глубину 73%. А при объединении кавказских языков с ногайско-казахской подгруппой получается вариант:

	ktt	kaz	tat
ktt		72	69
kaz	72		71
tat	69	71	

Но здесь уже под kaz понимается "кавказско-ногайская подгруппа" с глубиной 73%. Как наглядно видно, это практически — та же самая таблица. По ней последующим объединением является ветвь, включающая в себя и крымско-караимский, и ногайско-казахский, и кавказские тюркские языки. Глубина этой общей ветви 72%. Разница совсем незначительная, ее можно просто интерпретировать как фактически одновременный распад данного единства на три равноправных ветви на рубеже 72–73%. В любом случае особняком стоит "большое поволжское единство", включающее татарский (и его диалекты) и башкирский (и его диалекты), а распад кыпчакской общности на две части происходит при 69% схождения.

В кыпчакских языках представлен значительный подскок процентов совпадений башкирского языка и его диалектов с казахским, каракалпакским и ногайским. Однако он снимается при комплексном сравнении с другими кыпчакскими языками, и оказывается, что наиболее близкими родственниками являются языки "татарской" подгруппы, хотя выделение башкирского языка было самым ранним на кыпчакском уровне.

После разбора кыпчакской подгруппы тюркских языков определяется статус киргизского языка. Несмотря на большое количество схождения 79% с казахским и 76% с кара-калпакским, в случае с близкородственным им ногайским он имеет всего 69% схождения, а с другими кыпчакскими языками процент совпадений опускается до 64%, как в случае с кумыкским, и 65%, как в случае с мишарским. Т.е. уровень родства выходит за рамки кыпчакской подгруппы. "Подскок" процентов схождения наблюдается у киргизского также с ново-уйгурским — 74%, хотя с узбекским он имеет 63%. Без сомнения, здесь можно говорить лишь о вторичных ареальных контактах киргизского языка с соседними казахским и ново-уйгурским, обусловивших повышение процента общих совпадений, а не о специфическом родстве киргизского языка этим языкам. Киргизский — ближе всего родственен с синхронно неконтактирующими с ним языками Алтая, с которым он имеет около 80% схождения.

Ниже представлено генеалогическое древо кыпчакской подгруппы тюркских языков с временной калибровкой при числовом значении коэффициента, вычисляемого из формулы

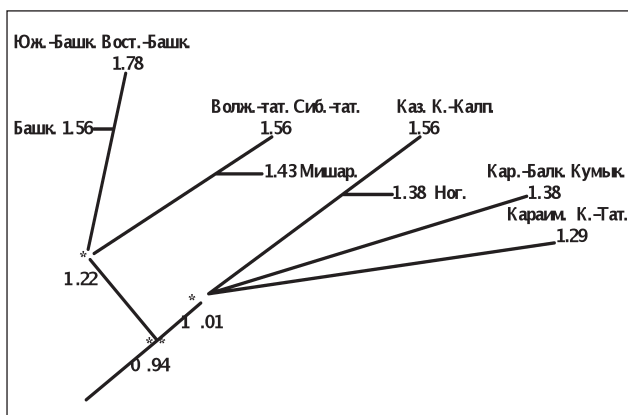
$$t^2 = \frac{\ln \frac{C_2(t)}{C_0}}{-2\lambda \sqrt{C_2(t)}},$$

варьирующимся от 0,21 до 0,2145. Это вариант глоттохронологической формулы С.А. Старостина для двух языков, где t — момент времени, $C_2(t)$ — доля сохранившихся слов в двух языках потомках, C_0 — исходный основной список. — коэффициент, отражающий "скорость выпадения" элементов из основного списка.

В этом графе целым числом помечается тысячелетие, а дробной точкой отделены десятые и сотые доли, таким образом, например, 1.56 соответствует приблизительно 1560 г. н.э. При его составлении на позднем (недавнем) этапе уровней тюркских под-

групп как более точные принимались данные списка из 83 вопросов.

Кыпчакская подгруппа тюркских языков

Рассмотрение узлов распада кыпчакских языков и диалектов лучше начинать с относительно малой глубины расхождений.

Распад южного и восточного диалектов башкирского языка в районе 1780 г. совпадает с восстанием Емельяна Пугачева, последовавшей ликвидацией Яицкого казачьего войска и с передачей части его территорий в сопредельные губернии. С этого момента по административным и политическим причинам, связанным с репрессиями после восстания Салавата Юлаева, нарушается контакт между носителями восточного и южного диалектов. Башкирский западный отделяется в районе 1560 г., в то же самое время, когда происходит распад волжско-татарского и сибирско-татарского языка, а также казахского и каракалпакского. Это является последствием покорения Казанского ханства Иваном Грозным и в соотносимым по времени распадом Ногайской орды. Отделение мишарского от общетатарского ствола происходит около 1430 г. после череды смут в Золотой Орде и фактического ее распада. Выделение ногайского языка из "большой казахской" (канглы) подгруппы и распад кавказской тюркской общности кумыкского и карачаево-балкарского языков совпадают с экспансией Тимура (1380 г.). Дело в том, что в отличие от своих восточных родственников, ногайцы не вошли в созданную им "Вторую Монгольскую империю", тоже касается и предков карачаево-балкарцев, в отличие от кумыков. Аналогичные дробления в этот период произошли и в других подгруппах тюркских языков, в частности нарушился контакт между предками ново-уйгурского и узбекского языков, нухинским диалектом азербайджанского языка и остальными азербайджанцами и т.д. Разделение поволжского кыпчакского объединения предков башкир и поволж-

ских татар начинает оформляться после битвы при Калке (1223–1224 г.), т.е. первого похода монголов Субедея на территории Восточной Европы и последующего покорения Поволжья.

Распад Киевской Руси после монгольского нашествия на несколько образований и переход части союзных тюркских племен на службу к Галицко-Волынскому княжеству, впоследствии к Великому княжеству Литовскому и Польше объясняет выделение караимского языка (около 1290 г.) из общности с крымско-татарским языком. Имеется в виду средний диалект этого языка, в отличие от южного крымско-татарского, являющегося турецким диалектом, и северного крымско-татарского, являющегося диалектом ногайского языка. Надо отметить, что расположение караимских диалектов связано со столицами этих государств – окрестности Галича, окрестности Тракая (первой столицы Литвы) и район Кракова (столицы Малой Польши и местопребывание королевского двора). Это явно были привилегированные поселенцы, мужское население которых служило в княжеской или королевской гвардиях. Обращение в иудаизм связано с более ранними временами: предшествующим вхождению в Хазарский каганат и проживанием в Крыму (Тьмутаракань), но интересно, что часть тюркского крымского населения примерно в это же время принимает христианство, и в 1303 г. был записан Кодекс Куманикус, язык которого ближе к караимскому. По хроникам известно, что часть половецких племен приняла участие в битве на Калке, т.е. отношение типа "федератов" между половцами и Русью уже явно сложились к этому времени.

В 1030–1050 гг. происходит окончательное разрушение Хазарского каганата под напором кыпчакских народов из восточных степей. Дробление основной массы кыпчаков на три ветви происходит к 1010 г., и, по всей видимости, этот процесс и последующая миграция послужили толчком, в результате которого прошло вытеснение гузов и последующее разрушение Хазарского каганата с освоением его территорий половцами, известными по русским источникам с 1055 г.

Распад пракыпчакской общности (с 940 г.) напрямую связан с распадом Киргизского каганата в 936 г. и с последующей смутой на территории Джунгарии и Восточного Казахстана, а также миграций части племен на запад в Приуралье и Приволжье.

Существует способ учесть теряемую информацию о подскоках процентов, которые убираются при математическом анализе матрицы. При его

применении учитываются показатели разницы фактического процента с генетическими соответствиями процентов (которые выясняются при нормальном анализе матрицы с учетом минимума схождения). От общего процента схождения отнимается реальный процент схождения в соответствии с узлами генетического распада. Ниже дана сравнительная таблица вторичных изоглосс кыпчакских языков и диалектов. Жирным шрифтом и тонированием выделены значительные проценты контактных изоглосс.

Кавказского ареалов, что означает длительные сепаратные контакты. Это можно объяснять первоначальной неоднородностью караимов (т.е. несколькими тюркскими этносами, перешедшими на службу к Даниле Галицкому, где караимоязычные играли доминирующую роль и ассимилировали остальных), можно объяснять регулярной "подпиткой" служилых караимов из этих ареалов (жены, или новые "служилые татары", принявшие иудейскую веру). Но более вероятным кажется их проживание до позднейшего поступления на службу в XIII в.

	ktt	kaz	kk1	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	ebs	stt
ktt		0	3	7	0	1	9	10	6	7	0	3	9
kaz	0		0	0	1	2	1	5	3	9	13	16	6
kk1	3	0		0	0	4	5	4	2	8	11	14	5
nog	7	0	0		4	1	8	9	6	11	11	12	9
kar	0	1	0	4		12	12	15	13	8	11	12	18
kbl	1	2	4	1	12		0	7	7	2	12	11	10
kmk	9	1	5	8	12	0		9	8	7	9	8	9
tat	10	5	4	9	15	7	9		1	6	7	5	0
msr	6	3	2	6	13	7	8	1		0	4	0	0
bsh	7	9	8	11	8	2	7	6	0		1	0	4
sbs	0	13	11	11	11	12	9	7	4	1		0	5
ebs	3	16	14	12	12	11	8	5	0	0	0		8
stt	9	6	5	9	18	10	9	0	0	4	5	8	

На что в первую очередь следует обратить внимание при рассмотрении этих сепаратных контактных повышений процентов. Максимальные проценты, отражающие контактные изоглоссы, наблюдаются между башкирскими диалектами, включая литературный башкирский, и языками ногайской (большой казахской) подгруппы, причем западный диалект башкирского языка имеет меньшее количество изоглосс, что, конечно, объяснимо географически. Однако синхронно удаленный ногайский язык не выбивается из общей картины, что указывает на древность и интенсивность этих контактов, возможно, племенной союз в раннюю эпоху после распада кыпчаков. Процент общепашкирских контактных изоглосс с волж.-татарским ощутимо ниже "ногайских" изоглосс и даже меньше кумыкско-общепашкирских, что указывает на сепаратные контакты с кумыками в местах летовий до прихода русских и калмыков. Отдельно заметно повышение процента между сиб.-татарским и вост.-башкирским, но это, несомненно, является отражением позднейших прямых контактов.

В караимском языке (Галича, Тракая и Кракова) наблюдается значительный подскок вторичных совпадений с языками Поволжского и Северно-

именно в ареале Поволжья и Северного Кавказа, т.е. фактически на территории Хазарии, что объясняет и их необычное для остальных тюрков вероисповедание.

Интересны повышения процентов для крым.-татарского языка. Здесь представлены соотносимые подскоки с ногайским (это, конечно же, влияние "северного" ногайского диалекта крым.-татарского языка), с общ.-татарским и зап.-башкирским, а также с кумыкским. Повышение процента схождения с тюркскими языками Поволжья связан с временами Золотой Орды и позднее с династическими связями Казанского и Крымского Ханств. Подскок с кумыкским языком, в отличие от родственного тому карачаево-балкарского, указывает на контакты в районе нынешнего северного Прикубанья, Ставрополя и Калмыкии. Судя по большому, практически одинаковому количеству кумыкских контактных изоглосс с Поволжьем и крым.-татарским, следует предполагать, что первоначальный ареал кумыков был значительно севернее их нынешнего распространения, т.е. в местах, позднее занятых казаками и калмыками. Очень похоже, что это была территория Астраханского ханства.

БАШКИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рождение литературы и начальные этапы ее развития непосредственно связаны с жизнью древнего башкирского этноса, с периодом объединения разных племен. До VII–VIII вв. нашей эры древние предки башкир жили на Урале, Алтае, в Южной Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе в составе разных тюркских племен. Говоря о культуре и литературе этого периода, речь можно вести лишь об общетюркских литературных памятниках.

Несмотря на то, что в конце первого тысячелетия башкиры жили на обширной территории от Урала до Тобола по обеим сторонам Уральских гор, центр древнего башкирского этноса формируется между Волгой и Уралом — на земле древнего Башкортостана. Поэтому первый и самый важный период этнокультурной истории и фольклорно-литературных начинаний башкирского этноса совпадает со временем Волжского Булгарского государства.

Древне булгарское государство — объединение разных племен. Вместе с булгарами, суварями, буртасами и другими народностями входили в него и западные башкиры. Были еще более древние связи башкирских племен с булгарами. Если одна ветвь этногенеза башкир берет свое начало в эпохе гуннов (IV–V вв.), то другая относится к периоду совместного проживания баджгардов и бурзянских кочевников на Северном Кавказе — на территории Великой Булгарии. Бурзяне и другие башкирские племена вместе с булгарами переселяются и на Поволжье, возобновляют с ними тесные этнические и этно-культурные связи [Кузеев, 1974. С. 152]. В Поволжье и Приуралье — на современной территории расселения башкир — башкиро-булгарские связи вступают в новый этап своего развития.

Как свидетельствовал Ибн Фадлан, арабские послы, вместе с которыми в 922 г. он совершал путе-

шествие в Булгарию, достигли юго-западных границ страны башкир у реки Кондурча и после этого шли еще почти месяц до самой Булгарии [Ковальский, 1956].

При изучении истории Башкортостана, интеграции древних башкирских племен башкиро-булгарских связей эпохи Булгарского государств X–XIII вв. необходимо обращать особое внимание на следующие факторы. С одной стороны, между племенами, переселившимися на Южный Урал и Зауралье из Средней Азии, Приаралья или с Алтая и из Сибири, и древними башкирскими племенами, формировавшимися на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, имеются существенные различия. Это означает, что древний башкирский этнос был не только сложным, но и многослойным. С другой стороны, в XII–XIII вв. влияние Булгарского государства простиралось до Агидели на востоке и до Яика на юге и башкиро-булгарские взаимоотношения приобретают новое качество. Среди булгар и башкир образуются такие общие родственные племена, как биляр, юрмый, еней, гайна. Даже бурзян и баджгардов нередко называли общим именем «булгары».

Как от самого Булгарского государства остались одни лишь развалины, так и от булгарских письменных памятников мало что сохранилось до наших дней. Среди сохранившихся памятников можно назвать только эпитафии на надгробных камнях. Эти надписи дают возможность представить своеобразие литературы на арабском алфавите, особенности языка и сферу распространения булгарской культуры.

«Кысса-и Юсуф» («Повесть о Юсуфе») — единственный дошедший до наших дней литературный памятник булгарской эпохи. Это выдающееся произведение стояло у истоков древней башкир-

ской поэзии. Являясь любимым чтением тюркских народов, памятник передавался из поколения в поколение в многочисленных списках, а с середины XIX в. распространялся в виде печатных изданий. Популярность его была необычайной. Он служил книгой для чтения в медресе, переписывался и заучивался наизусть. Мотивы, образы и стихотворный размер «Кысса-и Юсуф», или «Книги Юсуфа», как называют ее в народе, лерешли в башкирские баиты и песни, оказал заметное влияние на творчество М. Уметбаева, М. Акмуллы, М. Гафури и других башкирских поэтов.

«Кысса-и Юсуф» — общее достояние башкирского и татарского народов. О ней написано немало научных работ, существуют различные гипотезы относительно ее авторства и историко-литературных истоков, продолжаются споры о национальной принадлежности ее автора, месте создания, языке и т.д.

Некоторые сведения об авторе содержит сама поэма. Во вступительной части в соответствии с восточной традицией он называет свое имя, сообщает о поставленной перед собой творческой задачей, а в заключительной главе сообщает о времени создания произведения, о том, каким размером и в какой форме оно написано. По этим отрывочным сведениям можно судить о личности Кул Гали. Сам же текст произведения говорит о том, что автор был для своего времени человеком глубоко образованным, хорошо знавшим историю и литературу Востока.

Материал о Кул Гали содержится в шежере — родословной записи башкирского рода Айли, которое приводит в своем сочинении «Таварих-и Булгарийа» («Булгариевы истории») Тажетдин Ялсыгул ал-Башкурди. В шежере сообщается, что далекими предками Кул Гали были хан Илхам и его сын Габдулла, который в течение пятидесяти лет правил Булгаром. Один из его сыновей Галимбек «...в пределах Булгарии в небольшом городке Кышан состоял имамом и мударрисом... От него родился Мирхаджи. Он также прожил в Кышане тридцать лет... Хазрет Хаджи (Мирхаджи) переселился к устью реки Зай. От него родился Кул Гали...» [Ялсыгул, рукопись. С. 4–5]. Далее говорится о переезде семьи в Хорезм, о том, как Кул Гали бежал от нашествия войск «Туси из Китайского дома» и вернулся на родину, как его земляки построили на реке Черемшан город под названием Буляр. Здесь и прошла его жизнь, и остался от него сын Миргали [Ялсыгул, рукопись. С. 4–5]. Сверив

эти сведения с другими источниками, татарский литературовед Х. Мухамметов подтвердил, что упоминаемые в шежере люди являются историческими лицами, что жил Кул Гали в XIII столетии, в 1174–1248 гг. [Мухамметов, 1963. С. 76–77].

Все эти сведения, приводимые в сочинении Т. Ялсыгула, в башкирских шежере и других работах, дают основание утверждать, что автор «Кысса-и Юсуф» родился и жил в среде древних башкирских родов, своих сородичей, одним из основных мест расселения которых были долины рек Зай и Черемшан.

В послесловии к поэме Кул Гали указывает, что он завершил ее «тридцатого дня святого Раджаба по летосчислению шестьсот тридцатого года». Эта дата хиджры соответствует 12 мая 1233 г. григорианского календаря и повторяется во многих наиболее полных списках. Но в некоторых версиях встречается дата 609, т.е. 1219 г. Можно, очевидно, считать, что свой труд Кул Гали закончил между 1212 и 1233 гг. Ясно, что написана поэма до грозного монголо-татарского нашествия на Урал и Поволжье в 1236 г. Об этом говорят ее оптимистический и спокойный тон, гуманистическая направленность.

К настоящему времени известно около 160 списков «Кысса-и Юсуф», и подавляющее большинство из них найдено в Урало-Поволжье.

В архивах Уфы, Казани, Петербурга хранится около двадцати полных списков «Кысса-и Юсуф» [Дмитриева, 1980. С. 30–32; Кул Гали. С. 426–486]. Однако вести речь об автографе самого автора не приходится. До наших дней дошли лишь его многократно переписанные копии, и даже самые ранние из них относятся к XVIII в. И все же можно полагать, что они сильно не отличаются от еще более ранних списков, так как к подобным значительным произведениям переписчики относились бережно, вносить в них изменения считалось большим грехом.

Наиболее полной и древней версией «Кысса-и Юсуф» является рукопись, обнаруженная в Илишевском районе Башкортостана. Вызывают доверие также списки, сохранившиеся в деревнях Каран-Бишинды Туймазинского, Дубняк Зианчуринского районов, в Учалинском и Чишминском районах, в деревне Кайын Пермского края.

Характерно, что даже после того, как с 40-х годов XIX в. «Кысса-и Юсуф» начала распространяться печатно, традиция переписывания ее с более ранних копий сохранялась. Древняя рукопись считалась самым ценным и авторитетным источником,

так как она стояла близко к оригиналу. Рукописные копии печатного издания встречаются очень редко.

Зачатки сюжета «Кысса-и Юсуф», по мнению ученых, встречаются еще в ассииро-вавилонской мифологии. Позднее, переработанный и дополненный, он был включен в Библию, составил отдельную суру в Коране под названием «Юсуф». Историю возникновения этого сюжета исследовали еще древние арабские ученые, в частности, знаменитый историк и богослов комментатор Корана Табари [*Тафсир Табари*, 1873]. Большое место отведено сюжету о Юсуфе в книге «История пророков». Появились его версии и на персидском языке. Первым поэтическим произведением, написанным на этот сюжет, считается поэма классика персидско-таджикской литературы Фирдоуси «Юсуф и Зулейха» (X в.). Под тем же названием создали большие дастаны Хамза (XIV в.), Дурбек (XIV–XV вв.), Джами (XV в.), Физули (XVI в.), Андалиб (XVIII в.) и др. Позднее этот сюжет привлек внимание Яна Райниса, Льва Толстого, он глубоко разработан в романе Томаса Манна «Иосиф и его братья». Известна и турецкая поэма Назыма Хикмета «Легенда о любви» (1965).

В литературе Востока существует полуторатысячелетняя традиция в разработке этой темы. Достойным вкладом в ее развитие является «Кысса-и Юсуф» Кул Гали — одно из первых выдающихся произведений тюркской поэзии. Создавая поэму, поэт опирался на Коран и «Тафсир аль-кабир» Табари. Ссылаясь на суру «Юсуф», Кул Гали пишет во вступлении к поэме:

Из кысса и хикматов чудеснейший,
Читаемый без скуки, сладчайший —
Есть это сказанье, — как известно,
И в Коране нашедшее место.

Риза Фахретдинов считал, что «Кысса-и Юсуф» «является, очевидно, переводом одного из произведений, написанных на персидском языке» [Фахретдинов, архив УНЦ РАН. С. 526]. Действительно, доказано, что Кул Гали воспользовался самым знаменитым из них — поэмой Фирдоуси [Тагиржанов, 1970]. Однако это не было ни прямым подражанием, ни переводом на тюрки, а творческим освоением известного сюжета, развитием отдельных мотивов, оригинальной трактовки ряда его ситуаций и деталей. Здесь Кул Гали больше опирается на сочинение Ансари «Анис аль-мюридин ва шамс аль-маджалис» («Друг мюридов и солнце собраний») [Хисамов, 1979] и в послесловии отмеча-

ет: «Изложили мы поэму о пророке Юсуфе, сочинили ее по арабским и персидским преданиям».

Сюжет «Кысса-и Юсуф» таков. У пророка Якуба было двенадцать сыновей, и больше других он любил прекрасного Юсуфа, что вызывало ревность братьев. Однажды Юсуфу приснилось, что ему поклоняются солнце, луна и одиннадцать звезд. Отец истолковал этот сон как грядущее возвышение Юсуфа, который станет пророком и владыкой государства, а одиннадцать братьев будут в услужении у него. Разговор отца и сына подслушала падчерица Якуба и сообщила все своим братьям. Те решили из зависти погубить Юсуфа, но один из братьев воспротивился злему умыслу других, и Юсуфа убивать не стали, а бросили в колодезь.

Спасенный купцами, Юсуф был продан в рабство египетскому царю, жена которого, красавица Зулейха, воспылала любовью к прекрасному юноше. Но получив отказ во взаимности, Зулейха настояла на том, чтобы он был брошен в темницу. Двенадцать лет томился Юсуф в заточении и, благодаря мудрому толкованию сна правителя, получил свободу, спас Египет от голода и стал царем.

Далее поэма повествует о его встрече с братьями, спустя многие десятилетия прибывшими в Египет за хлебом, о чудесном возвращении Зулейхе молодости и женитьбе на ней простившего ее Юсуфа, отъезде их на его родину — в Ханаан, их долгой счастливой жизни и кончине Юсуфа.

Сюжет «Кысса-и Юсуф» пронизан элементами фантастики. Во всем, что происходит с героями, автор видит божественное предопределение, вмешательство высших сил. Однако несомненны и жизненная основа изображаемых событий, правдивость в раскрытии чувств и драматических переживаний героев. Читателя покоряет гуманистическая направленность произведения, ратующего за счастье людей, за справедливость и нравственную чистоту, осуждающего зло, коварство, жестокость. Особой пленительностью отличаются главы, посвященные возвышающей человека, всепоглощающей силе любви.

Кул Гали, как и другие великие поэты древности, учитывал эстетические потребности разных читателей, каждый из которых находил в «Кысса-и Юсуф» близкие ему мысли, поучительные примеры. Взаимоотношения отцов и детей, народа и правителя, противостояние добра и зла — все эти проблемы решаются поэтом в морально-этическом и социально-философском ключе. Важно, что бесчеловечный поступок братьев по отношению к Юсуфу преподносится не просто как внутрисемейный разлад, а как серьезный социальный конфликт. Прощение

же Юсуфом предательства братьев связано с разделяемой поэтом идеей о справедливом царе. Став правителем Египта, его герой и показан таким царем. Вот как характеризует автор Юсуфа-царя:

Мудростью отмечен, знаньем без предела,
Каждого истца выслушивал он дело,
Для знатных и бедных равна его воля,
Никому не нанес он обиды и боли.

Юсуф построил идеальный город-государство под названием Эмин (то есть Благополучный), где царили мир и изобилие, а народ поклонялся святой вере. Эту мечту о справедливом царе и счастливой стране, берущую начало в народном творчестве, вслед за Кул Гали подхватывает средневековая эпическая поэзия, яркими образцами которой были дастаны Саифа Сарай, Хусам Катиба, Мухаммедьяра.

В связи с идеей справедливого правления и предопределенности человеческой судьбы в «Кысса-и Юсуф» затрагиваются и такие философско-этические проблемы, как долг и ответственность, причина и следствие, преступление и наказание. То, что Юсуфу на долю выпали тяжелые страдания, а потерявший любимого сына старый Якуб ослеп от горя, является наказанием за их прежние грехи.

В книге Табари говорится, что Юсуф в юности побил раба, и как возмездие за этот неблагоприятный поступок он сам попал в рабство. По-иному объясняет ситуацию Кул Гали. Якуб после смерти жены для спасения малолетнего Юсуфа купил рабыню-кормилицу и, чтобы молока ему доставалось больше, отнял у женщины младенца и продал его. Из глаз безутешно молившей Бога матери выпало семьдесят слезинок, и Всевышний приговорил Якуба жить семьдесят лет в разлуке с сыном.

Если присмотреться, ни одно событие, ни один из поступков персонажей в «Кысса-и Юсуф» не совершаются без ведома Аллаха. Все предопределено свыше, от судьбы никому не уйти. Будущее открывается перед человеком во сне. Вообще исполнение увиденного во сне становится в «Кысса-и Юсуф» главным двигателем действия. С этого начинаются злоключения героя. Вещий сон намечает жизненный путь героя. Мудро истолковав сон египетского правителя, он становится царем. Зулейха влюбляется в Юсуфа, увидев его во сне. Ситуация эта типична для восточных дастанов и

сказок, в том числе башкирских. Любовь Зятуляка и Хыухылу, Тахира и Зухры, Сайфельмулюка и Бадигульямал тоже рождается в чудесном сне и проходит испытание во многих драматических ситуациях, что подтверждает приверженность башкирских поэтов средневековья традициям дастана.

В отличие от поэм Джами, Хамзы, Дурбека, Андалиба и других поэтов, в «Кысса-и Юсуф» теме любви отведено не главное место. Юсуф в большей степени трезвый рационалист, мудрый правитель, чем невольник любви. Человек праведный и честный, он не может отвечать взаимностью жене своего хозяина и лишь спустя десятилетия, узнав, что Зулейха не была в супружеских отношениях с покойным мужем, отдает ей свое сердце.

Каждый из героев — носитель определенной идеи. Старый Якуб от начала до конца остается заботливым, чадолюбивым отцом. Юсуф олицетворяет верность, мудрое терпение и силу разума. Главное призвание Зулейхи — всепоглощающая любовь и женственность.

Юсуф напоминает эпического героя, но побеждает он не физической мощью, а умом и знаниями. Это идеал красоты. В религиозные и светские легенды и дастаны, в произведения мировой литературы он вошел как Юсуф (Иосиф) Прекрасный.

Поэма проникнута идеологией ислама, большое место занимают в ней элементы фантастики, но взаимоотношения людей, их мысли и переживания изображены в основном в реалистическом плане. Благодаря актуальности идейно-нравственной проблематики, высокому гуманистическому пафосу «Кысса-и Юсуф» сохранила свою непреходящую притягательную силу в течение многих столетий. Ее значение еще и в том, что она открывала новый этап в развитии тюркской литературы Урало-Поволжья.

Написана «Кысса-и Юсуф» в форме назире^{*}. Однако традиционный сюжет и каноническая поэтика использованы автором не механически. По старой канве он вышивает свой собственный узор, события и образы получают под его пером оригинальную трактовку. Художественное совершенство, богатство языка и гибкость стиля говорят, с одной стороны, о высоком уровне тюркской литературы XIII в., а с другой — о таланте и поэтическом мастерстве автора.

Жанр произведения обозначен в его названии — кысса. К этому жанру относились героико-исторические, романтические сочинения, усложненные элементами фантастики и приключений. Являясь

* Назире — восточная форма литературного подражания, сохраняющая основную тему, размер, порядок рифмовки и другие особенности оригинала.

крупным поэтическим произведением, кысса подчиняется и принципам дастана. По этой причине в научной литературе «Книгу Юсуфа» называют то кысса, то дастан, то поэма. В соответствии с природой жанра «Кысса-и Юсуф» включает в себя и другие поэтические формы, такие как небольшие вставные кысса, предания, мунаджаты, хикматы. В послесловии к произведению, по принятой традиции, Кул Гали скромно пишет: «Сей слабый автор закончил эту книгу». Отсюда распространенное в народе название — «Книга о Юсуфе». В завершенном виде рукопись, действительно, представляет собой книгу, которая состоит из предисловия (мукаддима), восемнадцати глав (фасл) и послесловия (хатима).

Каждая глава посвящена одному законченному эпизоду. Следуя традициям эпоса, автор часто вводит в поэтическое повествование монологи и диалоги. Эти диалоги раскрывают психологическое состояние, особенности речи героев. Характерный пример — разговор Юсуфа и Зулейхи через сорок лет после первой встречи. С горечью рассказывает Зулейха о том, что из любви к нему она погубила свою молодость, лишилась трона и богатства. Юсуф же расспрашивает ее хладнокровно и ведет речь в назидательном тоне.

Часто встречаются в «Кысса-и Юсуф» такие традиционные образы, как райские кущи, дом печалей, древо жизни. Имена некоторых героев носят символический характер. В память о трагической судьбе Юсуфа его брат Ибн Ямин нарекает своих сыновей такими именами, как Море, Волк, Колодец, Кровь, Горе, Раб и т.д. Это перекликается с башкирской антропонимикой, нашедшей отражение в кубаирах, шежере и легендах.

Еще одна традиционная черта «Кысса-и Юсуф» — связанное с народным сознанием магическое значение чисел: за семьдесят слезинок разлученной с ребенком рабыни Якуб лишился сына на семьдесят лет; свою любовь к Юсуфу Зулейха хранит сорок лет и проходит через сорок тяжких испытаний, а сила Юсуфа равна могуществу сорока проков и т. д.

Иносказание и афористичность делают стиль «Книги Юсуфа» гибким, а сюжет — занимательным. Способствует этому и обилие крылатых выражений, пословиц и поговорок, многие из которых поныне широко употребляются и в обиходной речи, и в литературном языке тюркских народов. Мудрые изречения Кул Гали вошли в народные песни башкир, стихи современных поэтов. Фразеологические обороты типа «жемчужные зубы», «напоминающие лозу пальцы», «ветер-вестник», «алмазные слезы»,

«верблюдица, разлученная с верблюжонком» и другие берут начало в произведении Кул Гали.

Поэтике «Кысса-и Юсуф» свойственны традиционные изобразительные клише и трафареты. Лицезрение Юсуфа часто приводит Зулейху к потере сознания; много раз повторяется мотив сна; в самые критические моменты герою является Джабраил, посланец Аллаха и т. д. Отсюда условно-риторический стиль произведения, пронизанный мотивами религиозной фантастики.

Язык «Кысса-и Юсуф» — литературный тюрки, вобравший в себя элементы старого огузского и уйгурского языков. Это естественно, так как долгое время поэт жил в Хорезме. Вместе с тем в языке поэмы присутствует заметный кыпчакский пласт, что делает ее чтение доступным для башкир и татар. Это еще одно подтверждение того, что Кул Гали происходил из зайских башкир кыпчакского племени времен Булгарского государства.

Написана поэма тюркским силлабическим стихосложением, а не арабским арузом. Образцы силлабического стиха встречаются еще у предшественников Кул Гали, например, в знаменитом словаре Махмуда Кашгарского, в творчестве Ахмада Ясави и Сулеймана Бакыргани. Строфика (строки стихов и количество слогов) у Ясави и Кул Гали одинаковы, различия касаются лишь способов рифмовки. Надо полагать, автор «Кысса-и Юсуф» был знаком с творчеством Ахмада Ясави и его учеников, что подтверждается наблюдениями А. Тагиржанова [Тагиржанов, 1979. С. 48].

Кул Гали использовал форму тюркского стиха, состоящую из четырех строк и завершающуюся рефреном, и довел ее до совершенства. Смысловая завершенность каждой строки и плавная ритмика позволяли читать произведение неторопливо и выразительно — напевным речитативом. Строфу из четырех строк, каждая из которых состояла из двенадцати слогов, Кул Гали определяет термином «размер рубаи». Этот размер, достойный называться строфой Кул Гали, закрепился в башкирской письменной поэзии и в байтах.

«Кысса-и Юсуф» оказала мощное воздействие на развитие традиций дастана в тюркской поэзии. Наиболее яркое воплощение они получили в XIV–XV вв. в таких произведениях, как «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан по-тюрки») С. Сарай, «Мухаббат-наме» («Книга любви») Хорезми, «Хосров и Ширин» Х. Кутба, «Джумджума-султан» («Череп-султан») Х. Катиба. Последний из этих дастанов был распространен среди башкир и в рукописи, и в изустных версиях. В одном из хикаятов о Юсуфе в книге «Нахдж аль-фарadis» («Путь к рай-

ским садам», 1361) Махмуд бин Гали также следует по стопам Кул Гали. Многие мотивы, жанровые и стиливые особенности таких распространенных в средние века произведений, как «Кисекбаш», «Бедавам», «Кысса-и Сакам», цикл кысса о Гали-батыре, также берут свое начало в «Книге о Юсуфе».

О роли этого выдающегося произведения в развитии башкирской литературы, в формировании эстетического сознания народа писал ученый поэт М. Уметбаев. В его назидательных стихах, особенно в любовной лирике, ошутимо влияние Кул Гали. В стихотворении Уметбаева «Увидел я красавицу в одном городе», написанном строфой «Кысса-и Юсуф», слезное обращение влюбленной девушки к равнодушному юноше явственно перекликается с мольбой измученной страстью Зулейхи.

Глубокий интерес «Кысса-и Юсуф» вызвала у знатока культурного наследия башкирского народа Ризы Фахретдинова, который исследовал ее язык и стиль по древним рукописям и отмечал высокие художественные достоинства памятника. Ученый считал, что Кул Гали был уроженцем нашего края [Фахретдинов, 1993. С. 526].

Верным продолжателем традиций Кул Гали стал выдающийся башкирский поэт Акмулла, который был покорен богатством содержания, красотой слога и неотразимой силой воздействия «Кысса-и Юсуф».

Заключенный в тюрьму по ложному доносу, Акмулла сравнивает свое положение с судьбой безвинно пострадавшего Юсуфа:

В неволе провел Юсуф немало лет,
В рабство братьями своими проданный,
Потом навлек на себя Зулейхи навет
И двенадцать лет изнывал в зиндане...
[Акмулла, 1981. С. 48]

Акмулле были близки звучащие в «Кысса-и Юсуф» протест против произвола власть имущих, призыв к справедливости в мироустройстве и человеческих отношениях. Эти мысли нашли в его поэзии дальнейшее развитие применительно к социально-историческим условиям второй половины XIX в.

Под непосредственным влиянием Акмуллы развивалось в начале XX в. творчество сэсэнов Шафика Аминева-Тамьяни, Нурмухаммета Юмрани, Валиуллы Кулумбетова, поэтов Сафуана Якшигулова, Шайхуллы Тулвинского, Кашфи Карипова и других, подхвативших традиции древней поэзии.

В многочисленных сборниках, изданных в Уфе и Казани, часто встречаются стихи, написанные, по определению самих авторов, на напев «Книги Юсуфа» [Башкирская литература, 1983]. В дни революции 1917 года Кашфи Карипов создает драму «Юсуф и Зулейха», а в репертуар Башкирского драматического театра 1920-х годов входят пьесы на сюжет произведений «Кысса-и Юсуф» и «Тахир и Зухра».

Зачинатели башкирской литературы нового времени Ш. Бабич, Т. Янаби, С. Кудаш, Ш. Фидаи, ее признанные классики М. Гафури, Д. Юлтый в один голос говорят о роли «Юсуфа и Зулейхи», «Тахира и Зухры», «Бузьегета» в становлении своего творчества.

В течение столетий, особенно в XIX–XX вв., «Кысса-и Юсуф» распространяется среди башкир настолько интенсивно, что появляются самые разные формы ее бытования. Она заучивается наизусть, исполняется перед слушателями напевным речитативом, возникают адаптированные на современный язык ее народные варианты, в которых стихотворный текст местами пересказывается прозой. Десятки таких вариантов записаны во время фольклорных археографических экспедиций [БНТ, 1982. С. 270–272, 331–333; Кул Гали, 1988. С. 86–120]. Сохранились байты, созданные с использованием строфы Кул Гали [БНТ, 1978. С. 89–92, 101–102, 153–154, 159–165, 177–178, 208–212, 233–234, 266–271, 273–274]. Мотивы «Кысса-и Юсуф» Кул Гали проникают в народные песни. Любовь Юсуфа и Зулейхи предстает в них как высокий нравственный пример и облагораживающий эстетический идеал.

Несмотря на то что «Кысса-и Юсуф» главным образом распространилась среди башкир и татар Урало-Поволжья, ее значение не ограничивается узкими этническими рамками. И было бы ошибочным считать этот древний памятник наследием лишь одной литературы, одного народа.

Бессмертное произведение Кул Гали — общее достояние тюркских народов, занявшее свое место в истории башкирской, татарской, и частично узбекской, туркменской, турецкой литератур. Поэма турецкого поэта XIII в. Шайада Хамзы «Юсуф и Зулейха» написана под влиянием Кул Гали [Кабаклы, 1978. С. 90–91]. Одноименные произведения туркменского поэта Андалиба и узбекского поэта Дурбека выдержаны в духе единых эпических традиций [Короглы, 1972; История узбекской литературы, 1980].

«Кысса-и Юсуф» стоит у истоков башкирской и татарской поэзии. Поэма была создана в XIII в.,

когда тюркская словесность развивалась в едином русле, еще не обособляясь на отдельные национальные литературы. Как «Слово о полку Игореве» является общим достоянием трех славянских народов — русских, украинцев и белорусов, так и произведение Кул Гали принадлежит и башкирскому, и татарскому народам.

Русские ученые М.В. Лоссиевский, В.И. Филоненко, так же как М. Уметбаев, Р. Фахретдинов, М. Хади, рассматривали «Кысса-и Юсуф» в контексте истории башкирского просвещения [Библиография по башкирской литературе, 1969]. Убедительно раскрыты место и значение этого произведения в истории башкирской литературы в трудах Г. Амантая, А. Харисова, К. Мэргэна, Г. Хусаинова [Амантай, 1934; Харисов, 1973; Мэргэн, 1960; Хусаинов, 1984; История башкирской советской литературы, 1977; Кул Гали, 1989]. О «Кысса-и Юсуф» создаются все новые филологические и текстологические исследования. Она вошла в учебники и хрестоматии по башкирской литературе для средних школ, изучается в вузах республики.

Более чем трехсотлетняя история Золотой Орды, охватившая период со второй четверти XIII до середины XVI вв., связана с трагическими событиями в жизни многих народов, в том числе и башкир. Татаро-монгольские завоевания сопровождались жестоким насилием и грабежами, приводили к упадку экономики и культуры захваченных стран. Вместе с тем шел объективный процесс формирования ряда тюркских племен, в том числе и башкир, в самостоятельные народности, что обусловило своеобразную эволюцию и дифференциацию их литературы и искусства.

Как известно, первый поход татаро-монгольской рати в Волжскую Булгарию и Башкортостан в 1229 году окончился неудачей. По свидетельству русских летописей, болгары и сражавшиеся в их рядах башкиры разбили и обратили их бегство [ПСРЛ, 1962. С. 453]. Второе крупное нашествие захватчиков началось в 1236 году, шло через р. Яик и закончилось захватом части территории Башкортостана и Волжской Булгарии. Это грозное воинство, сокрушая на своем пути силы сопротивления, несло опустошение на завоеванные земли, разрушало и предавало огню города и селения. В исторических преданиях, кубаирах и шежере башкир, как и в фольклоре и литературе других народов, сохранилось немало свидетельств о том, как на протяжении нескольких столетий эти народы изнывали

под гнетом захватчиков. В предании «Биксура» рассказано об участии башкирских родов биляр и буляр в битве с войсками Батыя, напавшими на Булгарию [БНТ, 1980. С. 157–160].

Даже потерпев поражение в бою, народ, не желавший мириться с произволом пришельцев, неоднократно поднимался на борьбу. В исторических легендах «Акман-Токман», «Бурзянцы во времена ханов» повествуется о том, что на протяжении многих лет, скрываясь в горах и лесах, башкиры сражались с татаро-монгольскими войсками, сопротивлялись ханским баскакам. Образы таких смелых вожаков, как Акман-Токман, Бошман-батыр, сохранились в народной памяти. Кипчакский богатырь Бошман, подобно Сураману, погибшему на поле боя, и его сыновьям Акману и Токману, навел ужас на врага и пал смертью героя («Акман-Токман», «Бошман кипчак-батыр»).

Все эти героические характеры изображены в эпических традициях народного творчества, но не лишены исторической достоверности. В древних восточных хрониках, например, в книге «Джами ат-таварих» Рашидаддина упоминаются болгарские богатыри Баян и Жик, а также кипчакский батыр Бачман, поднявшийся на борьбу с татаро-монголами [Рашидаддин, 1960. С. 38], Историки полагают, что войска Бошмана, спасаясь от преследования, двинулись вдоль Волги на северо-восток и в середине XIII в. присоединились к башкирам [Абу-ль-Гази, 1958. С. 44; Кузеев, 1974. С. 179].

Р.Г. Кузеев справедливо связывает генеалогию башкирского рода Бошман-Кипчак с упомянутыми в исторических трудах Джувейни и Рашидаддина кипчаками Бошмана (Бочман) и их родовыми объединениями [Кузеев, 1974. С. 179]. Таким образом, сказание о Бошмане, зафиксированное в книге Джувейни «Тарих-и Джиханхуш» и в труде Рашидаддина «Джами ат-таварих», можно рассматривать как ценные исторические источники. Имя этого легендарного героя увековечено не только в названии племени, но и в памяти народа. Однако, в отличие от исторических версий, сказание утратило некоторые конкретные детали и исторические реалии и слилось с легендой, опирающейся на фольклорно-эпические традиции.

В результате кипчакской миграции большую роль в башкирском этносе начинает играть кипчакский компонент, представленный группами родов Кипчак, Катай, Табын и Мин. Он же становится важным функциональным фактором формирования башкирской народности и башкирского языка в его современном виде. Процесс кипчакизации охватывает длительный период в истории формирова-

ния башкирского этноса, уходящий корнями в середину первого тысячелетия.

Централизованная роль кипчаков в какой-то мере отражена в исторической этнографии, шежере и устном творчестве при описании объединения семи родов. В ранних преданиях и отдельных записях кипчаки сами представлены как союз семи родов. В народном сознании и этимологии понятие семи родов приобретает в последствии более широкий смысл и перерастает в название союза основных башкирских племен. Известная песня «Урал» и историческая легенда «Семь родов» являются порождением этой эволюции.

Не ограничиваясь рамками письменной традиции, шежере легендарных Огуза и Кипчака, считавшихся древними предками башкирских родов, находит, как и у всех тюркских народов, отражение и в устном эпическом творчестве. Имя Огуза встречается в башкирских исторических преданиях, а Кипчака — в кубаирах и поэтических состязаниях — айтышах. Однако башкирская фольклорно-эпическая традиция идет не по пути выделения их как идеальных героев, а ставит в единый изобразительный ряд с другими батырами. К примеру, в эпосе «Акбузат» и «Кузый-Курпес и Маянхылу» Кипчак изображен в кругу батыров семи родов. О том же говорит и старушка, изображенная в эпосе: «Посмотри на облаченных в железные рубашки семерых сыновей, имена их: Бурзян; Усерган, Тамьян, Кипчак, Бошман, Кара-Кипчак Тунгаур. От них пойдут семь башкирских родов: каждый из них возьмет имя главы рода» [БНТ, 1973. С. 95]. Народ, образовавший единое целое слиянием различных родов, склонен представлять родовых батыров равными и согласными между собой. Историческая легенда «Семь родов» выдвигает это как основной принцип.

XIV-XV вв. Золотую Орду терзали междоусобные войны, борьба за ханский престол сопровождалась грабежами и насилием. Башкиры, как и все подвластные ханам народы, сполна испытали на себе этот произвол. Особенно большим бедствием для народов в период разложения Золотой Орды стала многолетняя борьба хана Тохтамыша с Хромым Тимуром. В 1391 году войска обоих непримиримых противников черным ураганом прошли по башкирским землям, неся им гибель и разорение. Летом того же года в кровопролитном сражении близ башкирского аула Кундузлы войска Тохтамыша потерпели поражение; сражавшиеся на его стороне татары, булгары, русские, башкиры и представители других народов погибли тысячами; страна разграблена, предана огню. О катастрофиче-

ском разгроме, жестокости захватчиков, самоотверженной борьбе народа и ненависти к врагу было создано множество легенд и кубаиров. Это событие нашло отражение в героическом эпосе, шежере и исторических хрониках. В прежние годы встречались и рукописные книги с записями об этом [Мрясов, 1930. С. 75].

Особое место среди этих произведений занимает историческое сказание «Последний из рода Сартай». По своему идейно-эстетическому содержанию и направленности оно относится к народным героико-эпическим жанрам и перекликается с эпосом «Мэргэн и Маянхылу», «Кузы-Курпес». Смертельное противостояние башкирских родов войскам Хромого Тимура раскрыто в этом сказании во всем своем трагическом величии. Так же, как и в исторической легенде «Акман-Токман», здесь воспета самоотверженная борьба одной семьи — Ялыка и его сыновей Кармасана и Сармасана, героически сражавшихся и погибших на поле боя. С глубоким драматизмом передано состояние Ялык-бея после того, как его могучий и многочисленный род был полностью истреблен. Потеряв дорогих сердцу сыновей и оставшись единственным представителем из рода сартай, некогда могущественный бей обречен на жалкую старость.

По стилю это произведение тяготеет к шежере, точнее, к его письменной форме, что и определяет преобладание в нем свойств письменной литературы языковых норм. Напоминает оно и монологическую речь сэсэнов, но рассказ ведется здесь в прозаической форме, а не речитативом. При этом повествованию чужда спокойная размеренность. Трагизм изображаемых событий диктует использование острых драматических и психологических приемов и средств.

Речь сказания экспрессивна, повествование плотно и динамично. «Менгу-хан послал свою басму — я вернул. К ней присовокупил сломанную стрелу с мертвой мышью. Посмеялся над ним. У меня была своя птица и своя тамга. Была власть в моих руках. Был я и аксакалом, и беём», — говорит главный герой. Эти короткие, остроумные фразы — не что иное, как отголоски древнего способа общения через посредство вещей [Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 159]. Упоминаются и другие старинные обычаи, как, например, называние родовых атрибутов при знакомстве. В гиперболизированных приемах изображения и сравнения выявляются черты древнего образа мышления, взаимодействия фольклорной и литературной поэтики: «Когда родился мой первый сын, мне было столько лет, сколько получится, если четыре умножить на восемь и при-

бавить один»; «Старший сын был выше младшего на один вершок, глаза его были цвета черной смородины, омытой дождем. Он был отважным, как раненый беркут, бесстрашным батыром»; «Видели ли вы молодую осоку у реки? Он был таким же рослым и стройным»; «У аксакала Кара-абыза была дочь красивее яркой летней луны. Волосы у нее были чернее воронова крыла»; «Это случилось тогда, когда у лесной бездомной кукушки заплетался язык», «Две реки текут, петляя, как слова Корана, выбитые серебром на дверных косяках мечети Гази»: «Сказал плохое слово, более едкое, чем корень чемерицы»; «Судьба человека, родившегося в год барса, сродни весеннему ветру» — так переплетены в языке сказания элементы традиционной и оригинальной поэтики.

Историческое сказание «Последний из рода Сартай», как и эпические сказания «Кузы-Курпес», «Алдар и Зухра», дошла до нас лишь в русском переводе М.И. Касьянова. «М.И. Касьянов, хорошо знавший башкирский язык, старался без искажения передать в переводе сам дух произведения, его содержание, специфику лексики», — писал М.М. Сагитов[Сагитов, 1971. С. 106]. Многие слова и даже предложения даны в русском тексте как в оригинале.

Несмотря на то, что оригинал сказания «Последнего из рода Сартай» пока не обнаружен, важен тот факт, что наряду со многими другими башкирскими фольклорно-литературными произведениями оно дошло до нас в русле прогрессивных традиций русской литературы. Основные его мотивы перекликаются с эпическими произведениями XIV–XVI вв. В ней сохранены древние элементы, а самое главное — с большой художественной выразительностью отображены кровавые сражения эпохи Золотой Орды и трагическая судьба ее народа. Все это дает основание рассматривать его в широком историко-литературном контексте и признать его бесценным памятником письменности, пронизанным духом глубокой народности.

Территория Башкортостана в XV–XVI вв. оказалась поделенной между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской ордой. Расчлененный башкирский народ подпал под власть различных феодальных государств. Частью башкирских родов овладели ногайские ханы и мурзы. В то же время башкирские феодалы, стремясь к самостоятельности, то в союзе с ногайскими мурзами, то порознь старались подчинить себе народ. В результате он был обречен нести двойной гнет. Как свидетельствует история, особенно безжалостному притеснению подвергался народ при Тура-хане и ногайских

мурзах Алтикере, Акназаре и Мамае. Засилье ханов и мурз, усиление феодальной эксплуатации поднимает народ на борьбу за свое освобождение, способствует дальнейшему росту национального самосознания, распространению свободолобивых идей. Это подтверждается башкирским эпосом, кубаирами, историческими песнями, легендами и преданиями — шежере и историческими хрониками.

Такие известные эпические произведения, как «Мэргэн и Маянхылу», «Зая-Туляк и Хыухылу», «Таргын и Кужак», историческая легенда «Ек Мэргэн», «Сказание о мурзе Мамае», воспринимаются как значительные литературные памятники, гневно осуждающие ханов, которые «потопили в крови многие страны, разорили народы, предали огню их жилища»; воспевающие батыров, которые наводили страх на жестоких ханов и мурз и защищали «родную землю и людей, изошедших кровавыми слезами от произвола чужеродных завоевателей».

Эти произведения сохранились в народе не только в устном виде. Некоторые из них в переложении или литературной обработке сомкнулись с традициями письменной литературы. К примеру, легенда «Ек Мэргэн», повествующая о борьбе западных башкирских родов во главе с батыром Ек Мэргэном против казанских ханов, известна лишь в единственном варианте — в виде литературно обработанного Файзи Валиевым «народного рассказа» [БНТ, 1982. С. 63–66].

Один вариант эпоса «Заятуляк и Хыухылу» был записан в 1909 г. Мажитом Гафури [Заятуляк и Сусылу, 1910. 16 с.; Гафури, 1954]. В XIX веке В.И. Даль перевел этот эпос на русский язык и опубликовал под названием «Башкирская русалка» [Даль, 1843. С. 97–119]. Тот же вариант в обратном переводе на башкирский вышел во втором томе «Башкирского народного творчества» (Уфа, 1959. С. 28–33). Другой вариант в середине XIX в. был записан П.Суходольским и в 1858 г. под названием «Легенда о Туляке» и напечатан в «Вестнике Русского географического общества» (Ч. 24. № 12. С. 65–70) и в газете «Оренбургские губернские ведомости» (Уфа. 1858. № 46. С. 123–126). В начале XX в. еще один вариант был записан Султангареем Султановым и после некоторой литературной обработки и перевода на русский язык был опубликован в «Самарской газете» под названием «Башкирское предание «Зоя-Тюляк и Сусулу» (1902. № 83).

Предания и легенды, отразившие положение башкир в период господства Ногайской орды, обнаруживают не только информативное сходство башкирских шежере и отдельных письменных источников, но и тенденцию их взаимовлияния и взаимо-

проникновения. В шежере башкирского рода Юрматы и Мин включаются предания и легенды, а фольклорный, устно-повествовательный стиль подчиняется стилю шежере.

Старшина Ногайской дороги Кыдрас Муллакаев сообщает, что у башкир имелась историческая рукопись на древнетюркском языке, но она утрачена во время одного из восстаний начала XVIII века. Сохранившиеся в памяти сведения из этой рукописи старшина сообщил П.И. Рычкову в 1734 году, который включил их в своего «Историю Оренбургскую». Старшина Бурзянской волости Алдар Исянгильдин рассказал И.К. Кириллову и П.И. Рычкову много интересного о ногайско-башкирских взаимоотношениях. Похоже, что эти рассказы являются фрагментами крупных башкирских шежере или исторических хроник.

В целом, можно сказать, что в истории и культуре Башкортостана XV – начала XVI в. связи с ногайцами оставили ощутимый след. Тесное общение башкир с рядовыми ногайцами, близость их языков и обычаев рождали в культуре обоих народов общие темы и мотивы, служившие укреплению братства и дружбы между ними. Совместное проживание способствовало не только активизации башкиро-ногайских этнических связей, но и привносило ногайский компонент в башкирский этнос. Следствием этого явилось возникновение среди южных башкир таких межродовых этнонимов, как ногай-юрматы, ногай-кипчак, ногай-бурзян, ногай, ногайлы. У башкир рода Мин, к примеру, под названием «ногай» и «ногайлы» имеется семь межродовых образований [*Справочная книга Уфимской губернии*, 1883].

Подобно тому, как на последней стадии формирования башкирского этногенеза известную роль сыграл ногайский компонент, он же оказал влияние на «степную» культуру и стал действенным фактором возникновения «ногайского пласта» или «ногайской эпохи» в башкирском фольклоре и литературе.

Значительная часть фольклорно-литературных произведений, созданных при участии ногайского, казахского, башкирского, каракалпакского народов в период Ногайской орды (XV–XVI в.), является их общим духовным наследием.

От ногайской эпохи сохранились имена некоторых йырау и отдельные их произведения, в которых нашли дальнейшее развитие эпические традиции башкирского словесного искусства.

Йырау – древний мастер слова у ряда тюркских народов. В значении певца-музыканта слово жырау (жырагу) встречается еще в словаре Махмуда

Кашгари. Академик В.В. Радлов переводил это слово как «певец старины». В.М. Жирмунский, М.О. Ауэзов, С. Муканов, Н. Давкараев, И. Сагитов, Ш. Суюншалиев, К. Мамбетов утверждают, что «жырау», «йырау» означает «поэта-импровизатора», автора и исполнителя песен, дастанов, стихов и толгау.

Один из первых таких мастеров слова, чье имя, а частично и образцы творчества дошли до наших дней, – Хабра-йырау. В эпосе «Едигей и Мурадым» он упомянут как «славный певец по имени Хабрау». Этот острый на язык столетний старец вобрал в себя жизненный опыт многих поколений, снискал известность как защитник интересов народа. Хабрау, по существу, представляет собой обобщенный образ идеального народного йырау [*Зарипов*, 1974. С. 83–84]. Вместе с тем историко-литературные источники говорят о том, что это был реальный человек. Имя Хабрау вошло в эпос казахского, каракалпакского, ногайского народов, сибирских и крымских татар. В богатырских песнях казахов он назван Сабра-жырау или Сабра-жырау [*Валиханов*, 1961. С. 218], в каракалпакском дастане – Сыпра-жырау, у башкир это имя Хабрау состоит из Хабра + йырау.

Достоверных документальных материалов о личности и творчестве Хабра-йырау не сохранилось, но его имя живет в народной памяти и в произведениях фольклора. Можно предположить, что многие цельные в композиционном отношении и тяготеющие к самостоятельности башкирские кубаиры о родной земле, мужестве и трусости, чести и долге, правде и кривде, вошедшие в эпос «Едигей и Мурадым», принадлежат этому йырау. Таковы же широко распространившиеся в народе кубаиры «Эй Урал-тау, Урал-тау», «Смерть высокой горы». Они включены в сборники народного творчества, антологии и хрестоматии. В библиотеке Стамбульского университета А. Харисов обнаружил рукописные материалы, касающиеся эпоса «Едигей и Мурадым». По тем источникам, можно допустить, что автором этого произведения, который использовал кубаиры Хабрау, мог быть живший среди башкир сэсэн Катай Гали [*Харисов*, 1984. С. 216]. Если Хабрау был зачинателем словесного искусства йырау-импровизаторов у народов Ногайской орды, то Асан-Кайгы вошел в историю как легендарный певец, мудрый выразитель их печалей, дум и чаяний. Чокан Валиханов назвал его знаменитым философом своей эпохи [*Валиханов*, 1961. С. 218].

По преданию, время жизни Асан-Кайгы – XV в., период правления ханов Джанибека и Улуг Мухаммеда [*Живая страница*, 1917. С. 170–171].

В казахском эпосе «Амет, сын Айсы» говорится, что йырау Асан-Кайгы жил на берегах Агидели [*Научное описание казахских рукописей*, 1975. С. 278]. Особенно популярным было его имя среди казахов и каракалпаков. Ныне известно около двадцати вариантов рукописных и печатных произведений Асан-Кайгы, записанных в Казахстане и Каракалпакской республике [*Научная библиотека АН КазССР; Фонд кафедры литературы Каракалпакского педагогического института*].

Генеалогия Асан-Кайгы восходит к главе общедля башкир и каракалпаков рода табын — Майкыбею, И в Ногайской орде, и в последующие периоды имя и творчество этого йырау пользовались большим уважением у казахов, ногайцев, каракалпаков и башкир, однако общее для них наследие Асан-Кайгы сохранилось в памяти одних народов лучше, у других — хуже. Башкиры, например, помнили его до 1920—1930-х годов, но потом забыли. Науке теперь известно лишь несколько произведений этого йырау.

Есть среди башкирских кубаиров произведение под названием «Песня Асан-ата», в которой говорится о больших бедствиях и несчастьях, которые ожидают народ: люди забудут обычаи предков, разорвутся узы родства, благополучию страны придет конец [*Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 301*].

Казахский вариант этих пессимистических стихов опубликован в разделе, посвященном Асану, в книге «Таварих-и хамса», которая издана в 1911 году в Казани Курмангали Халитовым. Между двумя текстами есть существенные различия: казахский повествует более древних ногайских временах, тогда как в башкирском события перенесены во вторую половину XVI века.

Вот как заканчивается «Песня Асан-ата»:

Слушай же, народ, старого,
И не суди его строго,
Говорю то, что известно мне,
А если не скажу теперь,
Пожалеешь потом, поверь...

[*Научный архив
УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 301*]

Такое обращение к слушателям служит зачином во многих кубаирах. Возможно, оно было традиционным композиционным приемом еще задолго до Асан-Кайгы или же впервые использовано им самим и превратилось в поэтическое клише.

Среди произведений башкирского фольклора есть предание «Образцовое слово Асан-Кайгы», которое состоит из прозаических и стихотворных

частей. Автором легенды о Великом певце, сочинившем песню о хане Джучи, также считают Асан-Кайгы. Легенда эта распространена и среди башкир.

Еще один ногайский йырау, принадлежащий разным народам, — Казтуган. Происходил он из кара-кипчакского рода. По-каракалпакски его называли Кахарман-шахиром (поэтом-героем). Некоторые произведения Казтугана опубликованы еще до 1917 года [*Муштак*, 1910].

Родившийся на берегах Агидели, он прославлял свой край:

Степь да степь — эта земля,
Осела на ней моя семья.
Здесь отец мой Суюнис
Женихом стал однажды.

Здесь моя мать Бузтуган
Снохой стала тогда же,
Здесь маленький Казтуган
Батыром вырос отважным.

В башкирском кубаире «Дом наш — Идель» эти поэтические откровения приобретают еще более глубокий обобщающий смысл. Появляются строки: «Земля эта мой голод утоляет, // Отстану от кочевья — сохраняет...»

В дальнейшем подобные величальные песни приобретают законченную форму и превращаются в поэтические клише в кубаирах об Урале. Тот же Каз-туган, по какой-то причине покинувший родные места, сочинял полные тоски по Уралу толгау. Один из них, претерпев некоторые изменения, стал башкирским кубаиром «О, Урал мой, Урал».

По утверждению ученых, Шалгыз, или Шалгыйыз-йырау жил в эпоху распада Ногайской орды.

Как известно, в середине XVI века в течение нескольких лет Урал и Поволжье были охвачены голодом. Спасаясь от гибели, большинство ногайцев откочевало в низовья Волги и на Кубань. Вместе с ними ушла и некоторая часть башкир. Это случилось после смерти Урманбет-бия (в башкирских шежере — Урман-бия).

В связи с событиями переселения огромного количества людей на новые земли обычно упоминают знаменитый прощальный толгау, в котором есть строки: «День, когда десять тысяч ногайцев настигла беда, день, когда смерть, унесла Урманбета». Ч. Валиханов отмечал, что этот толгау известен и среди казахов и башкир, его поют певцы и йырау [*Валиханов*, 1961. С. 357]. Так песня Шалгыза превратилась в народную. Вместе с йырау тоску по

родине изливали его земляки и сородичи: «Где теперь Идель и земли родные, / Где найдешь жизнь лучше, чем на родине. / Где Яик и просторы вольные, / Стада наши несметные? / Моя Идель, я разлучен с тобой, / Край широкий, обильный водой...» [Записки Оренбургского отдела РГО, 1875; Бекмухаметов, 1908]

Возвращавшиеся потом в родные места башкиры, несколько видоизменив этот толгау, исполняли его так: «Где Идель — там и родина, / Где Урал — там и спасенье, / Где Яик — там наша доля, / Где Сакмара — там наша воля...»

Такую же трансформацию пережили толгау Шалгыза, посвященные морально-этическим проблемам.

Сравнивая известные произведения йырау ногайского периода с анонимными башкирскими кубаирами, толгау и фразеологическими единицами, можно сделать вывод о том, что эти мастера слова имеют непосредственное отношение и к истории башкирской литературы. Творчество Хабрау, Асан-Кайгы, Казтугана, Шалгыза — общее достояние ногайцев, казахов, каракалпаков, киргизов и башкир. После обособления и консолидации отдельных народностей одни из них сохранили творческое наследие названных йырау дольше, у других имена их забыты, а произведения сохранились в анонимной форме.

«Хосров и Ширин» Кутба — общее достояние ногайцев, башкир, узбеков, туркмен, казахов и каракалпаков, входивших в состав Золотой Орды [Тагирджанов, 1979. С. 155]. В этой поэме нашли наиболее успешное развитие традиции средневекового дастана. Разрозненные сведения об авторе свидетельствуют о том, что он был человеком образованным, владел арабским, персидским и тюркскими языками.

Поэма посвящена хану Белой Орды Тенибеку (1337–1340) [Тагирджанов, 1979. С. 108–114]. Авторский экземпляр с посвящением не сохранился. До наших дней дошел только египетский список 1383 года, хранящийся в Национальной библиотеке Франции.

Начиная с 1913 года, когда была обнаружена рукопись поэмы, она вызывает пристальный интерес специалистов по восточной литературе. Еще в 1920–1960 гг. о ней писали Ф. Кепрюлюзаде, А. Самойлович, Е. Бертельс, в 1950–1960 гг. ей посвятили свои труды А. Тагиржанов, А. Зайончковский, позже появились работы узбекских,

татарских и башкирских ученых. В Варшаве и Ташкенте поэма вышла отдельными изданиями [Заянчковский, 1958].

Сюжет поэмы Кутба известен на Востоке с древнейших времен. Предания о шахе Хосрове II Парвизе, который правил в Иране в 590–628 гг., и его жене Ширин сложились еще в IX в. Этот сюжет в X в. использовал Фирдоуси в «Шахнаме», в конце XII в. — Низами. Кутб написал свою поэму «Хосров и Ширин» как вольный перевод на тюркский язык персидской поэмы Низами.

После Кутба написано более сорока подражаний его дастану. Наиболее известное из них — поэма великого узбекского поэта XV в. Алишера Навои «Фархад и Ширин». В XX веке к этому сюжету обратились таджикский поэт Мирзо Турсунзаде, азербайджанец Самед Вургун, турок Назым Хикмет и др.

Естественно, что мысли и поэтические откровения Кутба оказались созвучны башкирской литературе, отразившись, прежде всего, в кубаирах, слове сэсэнов, шежере и других жанрах устного народного творчества. В них, наряду с провозглашенными в дастане «Хосров и Ширин» гуманистическими принципами добра, справедливости, красоты человеческих отношений, звучат мятежные ноты протеста против произвола ханов и биев: «Из единого большого народа / Хан сделает пугливое стадо. / Мужчин, подобных львам, / Уподобит смиренным овцам» / «Смерть высокой горы» [БНТ, 1982]. Приподнятый оптимистический дух дастана Кутба находит отклик и в «Последнем из рода Сартай» [Последний из рода Сартай, 1971. С. 106–112].

Указанные черты сходства и созвучия говорят, прежде всего, о типологическом родстве «Хосрова и Ширин» с башкирской устной и письменной литературой. Вместе с тем это говорит и о том, что она развивалась в едином русле со всей тюркской словесностью и была близка к ней по художественному уровню. Идеи, сюжетные мотивы, отдельные эпизоды и художественные детали дастана Кутба восприняты башкирской литературой последующих этапов. Скажем, героиня «Бузьегета» (1842) Карасэс (Сахибьямал) влюбилась в своего суженого во сне. Ее, как и Ширин, постоянно сопровождают и убаюлают сорок девушек. Авторская речь написана, как и в дастане Кутба, одиннадцатисложными бейтами. Смерть Сахибьямал точь-в-точь повторяет смерть Ширин: обе героини закалывают себя кинжалом и падают бездыханными на холодное тело любимого.

Дидактическое содержание дастана «Хосров и Ширин» привлекало башкирских поэтов-просветителей XIX в. Акмуллу и М. Уметбаева. «Надо учить-

ся, башкиры мои!» — провозглашал Акмулла, следуя за Кутбом — горячим поборником знаний.

Словом, общий для тюркских литератур памятник «Хосров и Ширин» оказал заметное влияние на башкирскую литературу, начинавшую самостоятельный путь.

В отличие от других тюркских дастанов XIV в., «Мухаббат-наме» («Книга любви») Хорезми — это не эпический, а лирический дастан. С самого начала автор предупреждает читателя, что дастан его будет состоять из десяти писем и два из них он напишет на персидском языке. Традиционный зачин содержит обращение к Аллаху и посвящение Пророку. Основная часть — поэтические письма в форме газелей и маснави, а завершают дастан кытба и рассказ.

Жанр любовного объяснения в письме восходит к восточной классике. Вдохновленный произведениями Эмира Хосрова Дехлеви, Хорезми вступает с ним в творческое состязание [Тагиржанов, 1979. С. 56] и становится, по существу, зачинателем лирического жанра в тюркской литературе. Вслед за ним, уже в XV в., появляются «Латиф-наме» Ходжанди, «Ашик-наме» Сайда Ахмада, «Дах-наме» Юсуфа Амири. В своем дастане Хорезми часто обращается к участникам застолья. При этом его слово адресовано не только очаровательной красавице, но и хозяину дома Мухаммаду-ходже, гостям, виночерпию и повару. Так любовная линия переплетается с вопросами повседневной жизни и ведет к сложным философским выводам. Этому способствует сочетание разных поэтических жанров. Помещенные после каждого любовного послания маснави начинаются одинаковым обращением к виночерпию: «Подойди, о виночерпий...» и возвращают читателя в круг жизненных забот.

Письма поэта чаще всего представляют собой описание красоты возлюбленной. Для этого автор использует традиционные сравнения. В тюркских письмах стан красавицы уподобляется стройному дереву, ее лицо — солнцу, изогнутые брови — молодому месяцу и т.д. В персидских — пальмы, кипарисы, гранаты, нарциссы, розы и т.д. Образно-стилистическая стихия обоих языков близка поэту, хотя предпочтение он отдает родному тюркскому.

С первой до последней страницы дастана присутствует сам поэт, его взгляды, темперамент, характер. Как и вообще в восточных дастанах, автор играет основную роль, и в этом произведении Хорезми, как правило, называет свое имя и признается, что человек, страдающий от любви, он сам и есть. Так образы автора и лирического героя соединяются в одном лице.

«Мухаббат-наме» можно было бы назвать небольшой, но до предела насыщенной энциклопедией любви. Неудивительно, что произведение это пользовалось огромной популярностью еще при жизни поэта и оказало заметное влияние на развитие лирической поэзии. Многие любовные стихи, появившиеся в тюркской литературе после Хорезми, напоминают отдельные фрагменты, бейты и строки его дастана.

Вслед за Хорезми жанр посланий использовал Алишер Навои. Еще один тюркский поэт, Ходжанди, создает свое произведение «Латиф-наме» под непосредственным влиянием «Мухаббат-наме» и с уважением упоминает в нем имя Хорезми. Широко распространяется форма стихотворного и прозаического послания и в башкирской литературе. Написанный на литературном тюрки, в основе которого лежал кипчакский язык Урало-Поволжья, дастан «Мухаббат-наме» был понятен и близок широким слоям читателей. Завораживала их, очевидно, форма обращения к участникам застолья, напоминавшая выступления сэзенов перед слушателями. Не исключено, что и сам Хорезми перед тем, как записать на бумагу составившие дастан послания и газели, читал их своим слушателям.

Из всех тюркско-кипчакских дастанов XIV века наибольшее распространение в Урале-Поволжье получил «Джумджума-султан» («Череп-султан») (1369). Свое имя и год написания этого произведения автор сообщает в самом последнем бейте: «Семьсот семидесятый год настал, когда Хусам Катиб закончил сей дастан». Никаких других сведений о поэте в тексте нет, точные даты его жизни неизвестны.

«Джумджума-султан» — эпическая поэма. Во вступлении автор подчеркивает ее философский характер. Перечислив имена выдающихся деятелей прошлого и указав на бренность бытия, Катиб предупреждает читателя: «Вспомни, кем были те люди когда-то. Добрый и дурной ушли без возврата». Основная часть поэмы служит подтверждением этой сентенции.

Скитаясь по пустыне, пророк Иса (Иисус) набрел на человеческий череп. По его просьбе Азраил вернул голове дар речи, и та поведала свою историю. Оказывается, череп принадлежала султану по имени Джумджума, которого знал весь мир как могущественного и справедливого правителя, обладавшего несметными сокровищами. Было у него сорок тысяч воинов, способных оседлать львов, несколько десятков тысяч рабов, десять тысяч прекрасных жен и столько же наложниц, семь тысяч музыкантов, среди которых находились и те, кто

играл на башкирских инструментах — курае и кубызе. Он знал многие науки, отличался щедростью, скромным человеческим характером, красивой внешностью.

Однажды во время веселого застолья к султану явился некий бедный странник и попросил выслушать его. Но султану было не до него. Нищего грубо выставили за порог. Вскоре после этого Джумджула заболел неизлечимой болезнью и умер. На том свете его провели по семи кругам ада и, наконец, учитывая сотворенные им при жизни добрые дела, освободили от мучений. Так череп снова оказался на этом свете и до встречи с пророком семьдесят лет пролежал на земле. По просьбе султана Иса вернул ему жизнь и человеческое обличье. В финале поэмы автор обращается к читателям: «Вот, люди урок вам немаловажный: Что посеет, то и пожнет каждый».

Поэма Катиба представляет собой разработку двух сюжетов: жизнь султана в этом мире и его хождение по мукам ада. Сюжеты о путешествии на тот свет известны в мировой литературе с древнейших времен. Достаточно вспомнить такие выдающиеся произведения античности, как «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия.

По содержанию «Джумджула-султан» перекликается с дастаном персидского поэта XII века Фаридаддина Атгара «Джумджула-наме». Однако дастан Хусам Катиба, как и другие произведения тюркской литературы XIV в., написанные в этом жанре, имеет самостоятельную ценность, так как решает проблемы своего времени, обращен к действительности эпохи Золотой Орды.

Близость поэмы «Джумджула-султан» к башкирской и татарской литературам бесспорна. Если в башкирских сказках и легендах встречаются сюжеты об отрезанной голове, то в письменной литературе Урало-Поволжья появляются такие произведения, как «Нахдж аль-фарадис», «Кисекбаш», стихи Габдрахима Усмана и др. О том, что традиция древнего дастана продолжают свою жизнь, говорит пародийная интерпретация мотивов «Кисекбаша» в поэмах Габдуллы Тукая и Шаихзады Бабича, а в наши дни — у Мусы Гали.

Если от предыдущих авторов сохранилось лишь по одной поэме, то из произведений Саифа Сарай до нас дошли два дастана — «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан по-тюрки») и «Сухейль и Гюльдерсен», более десяти газелей и рубаи, двустихия и подражания стихам других тюркских поэтов. Э.Н. Наджип считает, что Сарай был знаменитым поэтом, который писал на понятном широкому слою читателей, прекрасном языке [Наджип, 1975. С. 65–66].

По предположению ученых, Сарай родился в 1321 году в пределах Золотой Орды в селении Камышлы на Волге (по другой версии — в Хорезме). Жажда знаний приводит его в город Сарай, где он становится известным поэтом, но остается человеком неимущим. Об этом его горькое признание: «Придя, я стал беззаветно предан стихам в Сарае, / Но поэт в Сарае — это самый нищий человек во всем крае» [Миннегулов, 1972. С. 130].

«Гулистан бит-тюрки» и «Сухейль и Гюльдерсен» написаны поэтом в возрасте 70–74 лет. Как считает Н. Давронов, он умер семидесяти пяти лет от роду в 1396 году [История узбекской литературы, 1978. С. 219].

«Гулистан бит-тюрки» Саифа Сарай является переводом книги великого персидского поэта Саади (1203–1292) «Гулистан», состоящей из прозаических и стихотворных частей. Башкиры, как и другие тюркские народы, были знакомы с ней в оригинале, а также по имевшимся еще до этого переводам. Среди многочисленных переложений на тюркские языки, появившихся вплоть до начала XX в., «Гулистан бит-тюрки» Саифа Сарай оказалось самым выдающимся. В совершенстве владея персидским языком, поэт выполнил эту работу с чувством огромной ответственности. Сохранение духа оригинала не помешало ему придать книге Саади злободневное звучание.

При переводе вошедших в книгу Саади стихотворных текстов Сарай допускает некоторую вольность: появляются его поэтические ответы на стихи оригинала, вариации и даже новые стихи. Если в переводе прозаических частей он неотступно следует за оригиналом (об этом можно судить по сводному тексту, составленному Р.М. Алиевым [Саади, 1959]), то в поэзии вступает в творческое состязание с автором, сохраняя при этом верность общему духу «Гулистана» Саади.

«Гулистан бит-тюрки» состоит из восьми глав, включающих многочисленные прозаические хикайаты, хикматы и насихаты, предваряющие стихотворные нравоучения в форме рубаи, маснави, касыды, кытъя и т.д. Во вступлении автор рассказывает историю создания произведения и посвящает его главному визирю египетского султана эмиру Тайхасу.

В первой главе речь идет об отношении падишахов к народу, которые должны быть справедливы и милосердны к подданным. Мудрыми правителями называются Фаридун, Себуктегин, Нуширван, Ормуз и др. Вторая глава посвящена жизни бедноты. Автор утверждает: подобно тому, как роза и простая трава произрастают в одном саду, так и все

люди — дети одной страны. Матерью всех пороков автор считает духовную нищету.

Третья глава учит воздержанию и смирению. Кто недоволен тем, что дала ему судьба, того непременно постигнет несчастье, утверждает автор: «О, воздержанность, ты мое богатство, / И нет большей ценности в мире, чем ты. / Знайте же, во всем был воздержан Лукман. / Кто не воздержан, в том нет и мудрости».

В четвертой главе говорится о цене слова. Поэт советует быть скромным, не спорить с глупым и злым человеком, не перебивать говорящего, трезво воспринимать похвалу, больше верить хуле врага, чем лести друзей.

Чтобы достичь философской глубины, С. Сараи умело использует прием образных контрастов (правители и простые смертные, молодость и старость, красота и уродство) и указывает на морально-этическую подоплеку явлений. Молодость в понимании поэта — синоним красоты и любви (Пятая глава). Причем внутренняя красота человека выше красоты внешней: «Все, что нам сердце согревает, то и взор наш ласкает». Отцовская забота и равнодушие сына, мудрость старших и легкомыслие молодых — в таких противопоставлениях поэт показывает сложность человеческих отношений (Шестая глава).

Седьмая глава посвящена воспитанию человека. Здесь говорится о пользе знаний, труде и ремеслах, отношении к родителям, щедрости и жадности и т.д.

Последняя глава состоит из коротких поучительных высказываний, названных «хикмат» (притча) и «насихат» (назидание). Здесь резюмируются почти все мысли предыдущих глав и закрепляются морально-философские постулаты книги.

Дастан «Сухейль и Гульдерсен» отличается от «Гулистана бит-тюрки» своим небольшим объемом (всего 160 строк) и авторской самостоятельностью Сараи.

В начале дастана автор повествует об опустошительных походах Хромого Тимура. В кровопролитной битве в Ургенче военачальник Сухейль попал в плен, и Тимур велел бросить его в темницу. Во сне Сухейль увидел красивую девушку, которая оказалась дочерью шаха. Она же мельком заметила пленника, когда его вели в подземелье, и влюбилась в него. Усыпив стражу, Гульдерсен освободила Сухейля, и они убежала с ним в пустыню. Но влюбленным не суждено было насладиться счастьем: девушка умирает от голода и жажды, а Сухейль, потеряв любимую, закалывает себя кинжалом.

Это произведение написано в традициях дастанов того периода. И все же в отличие от них в нем нет места религиозным мотивам и мифологической

фантазии. Все здесь связано с реальными событиями, с положением Золотой Орды в эпоху завоеваний Тимура. Об страданиях, которым подвергались народы захваченных им стран, писали и после Саифа Сараи. В башкирских легендах, в «Последнем из рода Сартай» сочинении Г. Сокрыя «Таварих-и Булгария...» также описываются события, связанные с нашествием войск Тимура на Урал и в Поволжье [Надергулов, 1982. С. 113].

Гуманистическая по содержанию, пронизанная романтическим духом, поэзия Саифа Сараи яркой страницей вошла в историю тюркских литератур и оказалась созвучной нашему времени.

Влияние дастанов «Хосров и Ширин», «Мухаббат-наме», «Джумджума-султан», «Гулистан бит-тюрки» на башкирскую литературу шло разными путями. Люди, знакомые с восточной классикой, знали первоисточники этих дастанов на арабском или персидском языках и были подготовлены к восприятию произведений тюркских мастеров. Особенно заметно их влияние на творчество таких башкирских поэтов дореволюционного периода, как Салават Юлаев, Габдрахим Усман, Тажетдин Ялсыгул, Гали Сокрый, Акмулла, Мухамметсалим Уметбаев, Сафуан Якшигулов и Шайхзада Бабич.

Суфизм, или тасаввуф — мистико-аскетическое течение в исламе, возникшее в VIII–IX вв. как форма протеста против социального неравенства. Проповедовавший мистическую любовь к Аллаху, смирение и отказ от борьбы, считавший земную жизнь иллюзорной, суфизм был связан поначалу с официальной религией. В философском плане он включал в себя элементы зороастризма, манихейства, учения Аристотеля и Платона, неоплатонизма и христианства. В основе же учения суфиев лежал коранический принцип единобожия. Однако утверждением равенства Аллаха и человека он вызывал суровое осуждение со стороны ортодоксального ислама. В последующие века еретическое начало суфизма утратило свою силу и вылилось в проповедь покорности.

Идеология суфизма в X–XII вв. проникает в Среднюю Азию, где возникают суфийские братства ясавия и накшбандия. С произведениями Ахмада Ясави, Сулеймана Бакыргани и других знаменитых суфийских поэтов эта идеология приходит в Урало-Поволжье и находит благодатную почву в литературно-культурной жизни башкир.

XIII–XIV вв. отмечены интенсивным проникновением ислама в башкирское общество, что при-

вело к широкому распространению в нем агиографической литературы, повествующей о Мухаммеде и его сподвижниках, первых халифах, мусульманских святых и поборниках веры. Но пришедшие из арабского мира мусульманские сказания и легенды претерпевают здесь серьезные изменения, вступают во взаимодействие с идеями суфизма, приобретая чуть ли не еретический смысл или трансформируясь в народные предания. Характерно, что и пророки в подобных полурелигиозных легендах больше напоминают реальных людей, чем святых, и заняты они сугубо земными делами. Таков и главный герой книги «Кысса-и Юсуф», являющейся, по существу, также произведением агиографическим. Однако притягательность этой книги не в том, что Юсуф изображен пророком, а в том, что он показан живым и реальным человеком.

Характерный для Урало-Поволжья тип агиографического произведения – многочисленные сказания о батыре Гали (Али), двоюродном брате и зяте пророка Мухаммеда. В мусульманской литературе Али ибн Абу Талиб, четвертый халиф, изображается как самый отважный праведный борец за веру, проявивший чудеса героизма в религиозных войнах. Ему посвящены сотни легенд, десятки сказаний и множество дастанов.

Наибольшее распространение из этих произведений в наших краях получила «Кисекбаш китабы» («Книга об Отсеченной голове»), – фантастический рассказ о злоключениях одного правоверного мусульманина, которому смелость и сила Гали-батыра вернула семью, а молитва пророка Мухаммеда – туловище. В отличие от героев сказок и народного эпоса, Гали побеждает не только с помощью верного коня Дюльдюля и меча Зульфикара, но и благодаря силе святой молитвы Пророка.

Характерная особенность «Книги о Кисекбаше» – слияние устных и письменных традиций, светских и религиозных мотивов. Гали-батыр напоминает и Рустама из «Шахнаме», и Урал-батыра из героического башкирского кубаира. Однотипны подвиги и победы этих легендарных богатырей, сходны ситуации, в которых они действуют. Как и Ажи Дахака в «Авесте», Заххак в «Шахнаме», и аждахи и дивы в «Урал-батыре», силы зла и мрака воплощены в легендах о Гали-батыре в образах страшных аждаха и дивов. Отличие лишь в том, что здесь эти носители зла являются врагами ислама. Гали-батыр совершает свои подвиги именем Аллаха и во славу ислама. Рассказы о его деяниях напоминают эпические серии газават-наме – легенд о священной войне против неверных. Таким образом, в них дела-

ется попытка овеяния повествования романтикой религиозного героизма.

Легенды и дастаны о Гали-батыре, проникнутые духом героизма, отличающиеся авантюрно-приключенческим сюжетом и простые по языку и стилю, оказывали на устную и письменную литературу башкир заметное влияние, не всегда, кстати, положительное. В письменные варианты таких эпических произведений, как «Кузы-Курпес и Маянхлу», «Алдар и Зухра», к примеру, проникали религиозные мотивы, традиций волшебных народных сказок подменены воспеванием могущества божественных сил. Об этом процессе «мусульманизации» устной и письменной литературы башкир писал еще в прошлом веке русский ученый М.В. Лоссиевский [Лоссиевский, 1883. С. 376]. Хотя в его суждениях есть и заметная доля преувеличения, в целом он был недалек от правды.

В прошлые века среди башкир были распространены хикматы поэта Умми Камала. В 1884 г. уфимец Мухаммед Фатих, при содействии Габдрахмана Усманова и Гумера Мустафина из села Каргалы близ Оренбурга, издал в Казани эти произведения в виде сборника под названием «Китаб-и Умми Камал» («Книга Умми Камала»). Это издание было повторено в 1898 и 1899 гг. Немало хикматов, газелей и марсия поэта хранятся в архивах Уфы и Петербурга [Рукописный фонд УНЦ РАН; Отчет археографической экспедиции; Фонд редких книг Национальной библиотеки РБ; Дмитриева, 1980]. Известно, что есть его рукописи в Средней и Малой Азии.

Отрывочные сведения о личности и творческой деятельности Умми Камала встречаются лишь в его произведениях. В одном из них он называет себя «скромным рабом (божьим) Исмагилом по прозвищу Умми Камал».

По «Книге Умми Камала» можно судить, что он жил в XV в. В «Истории турецкой литературы» годом его смерти указан 1475-й [Коджатурк. С. 281]. Если иметь в виду, что писал он на старом турецком с преобладанием огузских элементов, то можно предположить, что большую часть жизни поэт провел в Крыму, Закавказье и Малой Азии. Вместе с тем обилие в его языке кипчакских слов и выражений, частое упоминание сильных морозов, как и распространение его произведений главным образом на Урале, дают основание связать жизнь поэта и с нашим краем. Татарские литературоведы считают, что творчество Умми Камала неразрывно с литературной средой Урало-Поволжья [Гали, 1941. С. 41–63; Древняя татарская литература, 1963. С. 341–342].

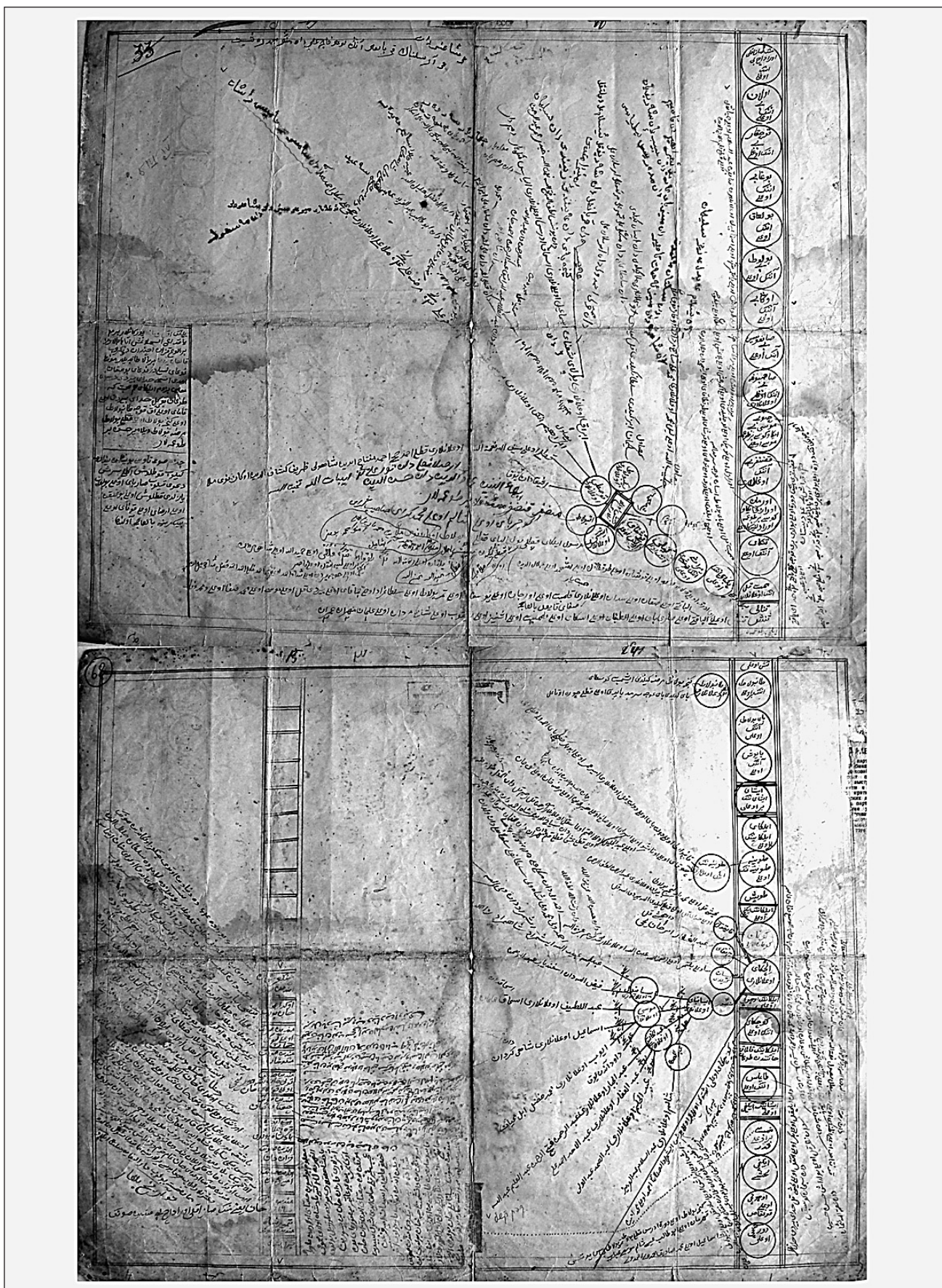

Рис. 36. Шежере башкир племени мин (XVI век). Список конца 19 века. Научный архив Уфимского научного центра РАН. Шифр Ф. 3. Оп. 12. Д. 36. Л. 68 об.

Земная жизнь представляется суфийскому поэту Умми Камала всего лишь караван-сараям для ночлега, а человек — его постояльцем. В том караван-сараях побывали сонмы богачей и нищих, шахов и знатных вельмож, господ и рабов; все ушли, всех перемолола мельница времени. Однако поэт нередко отвлекается от мрачных мыслей о смерти и начинает с увлечением живописать красоту и сияние летнего дня, благоухающие и цветущие сады, чарующее пение птиц. Правда, ликование это скоротечно: яркие картины лета уступают свое место печальной желтизне осени, зимним холодам, олицетворяющим увядание и смерть. Красочное описание летних дней понадобилось автору лишь для того, чтобы подчеркнуть неизбежность конца и обманчивость земных радостей.

И все же сквозь пелену религиозной мистики, словно солнечные лучи в разрывах туч, в стихах Умми Камала пробивают себе дорогу и светские, земные мотивы. В вопросах морали и этики поэт на стороне близких к народу взглядов. В защите справедливости, равенства людей, в сочувствии бедным и несчастным он придерживается гуманистических принципов. Можно видеть в его стихах и реалистические детали, и свойственные народной речи образные выражения, почувствовать драматизм ищущей мысли и силу внутренних переживаний.

При всей мистической отрешенности от жизни, творчество поэта (в частности, «Книга Умми Камала») не лишено известного историко-литературного значения. Оно помогает глубже осмыслить эволюцию идущих в Урало-Поволжье от Ахмада Ясави традиций суфизма и их трансформацию в сторону религиозной философии.

Каноническая поэтика суфизма представлена у Умми Камала доведенными до совершенства образцами. Во многом по-новому интерпретирует поэт символические образы моря, каравана, сада, розы, соловья и др.; кроме основного в диване жанра хикмата, успешно разрабатывает газель, мадх, марсию, широко использует в системе рифм башкирские и татарские слова.

Влияние Умми Камала на таких поэтов последующих столетий, как Мавля Кулуй, Абульманих Каргалы, Шамсетдин Заки и другие, несомненно.

Будучи явлением сложным и противоречивым, она, с одной стороны, служила рассадником религиозных предрассудков и мистики, распространяла идеи пессимизма, а с другой стороны, свойственные ее поэтике аллегоризм и символика давали прогрессивно настроенным авторам возможность выразить антирелигиозные, а иногда и богоборческие идеи.

Вплоть до начала XX в. башкирская поэзия оставалась в поле притяжения суфийской эстетики. Выбравшись из мистического тумана, лирика нового времени не отбросила впечатляющих открытий поэзии тасаввуфа, а стала на путь творческого освоения и развития ее лучших традиций.

Возникновение произведений письменной словесности, тематически связанных с башкирской реальностью, относится к XV–XVI вв. В башкирском фольклоре функционировали различные формы хранения и передачи исторической информации, начиная от крупных эпических песен, отражающих события национального масштаба, и кончая локальными преданиями. Особое место занимали родословия (шежере), восходящие к родовым преданиям и обретавшие свой жанровый облик вместе с социально-историческим развитием башкирских родов. С распространением письменности устные шежере начали записываться и вербальная фиксация постепенно перевела этот фольклорный жанр в литературное русло, поскольку позволяла знатокам и хранителям родовой истории включать в текст шежере информацию из других источников и превращать родословия в литературные произведения исторического характера. Этот переход шежере из устной словесности в письменную происходит, скорее всего, в XV–XVI вв. и являет собой определенный этап в развитии башкирской литературы. До нашего времени дошло более 150 башкирских шежере, составленных в XIX–XX вв., но часть из них — это списки с родословий, записанных в XV–XVI вв.

Некоторые шежере дают лишь перечень имен в хронологическом порядке, другие являются пространственными повествованиями [Надергулов, 2008. С. 409–414], но те и другие — это концентрация исторического времени, это художественно изложенная история рода. Шежере в виде перечня имен несут содержательный смысл и свою энергетику, если понимать под последней отношение членов рода к конкретному имени. В реальном бытовании смысл имен мог быть устно «развернут», т.е. конкретизирован родовыми или общенациональными преданиями. Иными словами, перейдя в русло письменной словесности, шежере не теряет связь с устной формой бытования — оно в равной мере является жанром устной и письменной словесности. Полифункциональность шежере, их ценность как источника национальной исторической информа-

ции обусловили их широкое бытование и влияние на дальнейшее развитие литературы — влияние связано в первую очередь с объемными письменными шежере племен юрматы, кипчак, табын, усерген и некоторыми другими. Например, влияние шежере очевидно в рукописных книгах с нарративами о Чингиз-хане, Хромом Тимуре, Тохтамыше, башкирских биях Муйтене, Майке и многих других произведениях, в которых родословная информация органично контаминируется с фольклорными и

литературными мотивами. Появление письменных шежере обозначает определенный рубеж, когда возникает дифференциация, начинается формирование национального облика башкирской литературы. Этот процесс будет довольно длительным — определенное завершение произойдет к концу XVIII — началу XIX вв., когда башкирская литература обретет атрибутивные черты национальной литературы.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Материальная культура башкир эпохи средневековья сложно восстанавливается ввиду ограниченности круга источников. Скупые сведения, оставленные современниками, не могут дать полного представления о быте того времени. В то же время сложившийся в тот период этнографический облик, традиционная культура башкир не претерпели существенных изменений в последующем. И содержащиеся в источниках XVIII–XIX вв. сведения в целом зафиксировали традицию, берущую начало в средневековье. Помощь в изучении материальной культуры башкир данного периода могут оказать и материалы археологических раскопок. При реконструкции отдельных ее элементов важно учитывать преемственность традиций от более раннего местного населения — скотоводческих и земледельческих племен, в дальнейшем участвовавших в сложении башкирского народа. Среди них археологи выделяют проживавшие на территории Западного Приуралья и Южного Урала племена бахмутинской (III–VII вв.), турбаслинской (V–VII вв.), кушнаренковской (VI–VIII вв.) культур.

Традиционная культура любого народа складывается под непосредственным влиянием природно-географических условий и обусловленным ими типом хозяйственной деятельности. В V–VIII вв. в хозяйственном отношении население региона было неоднородным, здесь проживали племена как земледельцев и оседлых скотоводов, так и кочевников. Усилил долю подвижного хозяйства приход с юга в предгорные районы края турбаслинской и кушнаренковской групп населения. Но в условиях долгой и многоснежной зимы, исключающих возможность скоту добыть корм из-под снега путем тебеневки, как это происходило в степной зоне, естественным результатом было их скорое оседание. В ходе адаптации кочевой культуры к природным условиям

Южного Урала формировался особый тип хозяйства, сочетающий сезонные выходы на кочевья и оседлый образ жизни в зимний период. Возникновение в этот период городищ-крепостей, открытых селищ с мощными культурными отложениями означало прежде всего организацию зимовки скота в стойловом режиме путем заготовки кормов. Практиковались выезды на летовки в предгорья и горы. Другим важным направлением хозяйства было земледелие. Материалы, свидетельствующие о занятии земледелием, найдены у всех групп племен. Сохранилось множество предметов орудий труда, как, например, железные серпы в бахмутинских могильниках (Югомаш, Каратамак и др.), городищах (Имендяш, Уфа II) турбаслинских и кушнаренковских племен. Во многих городищах обнаружены круглые диски или обломки от каменных жерновов ручных мельниц. Наряду с указанными обычными археологическими находками, есть оригинальные следы занятия земледелием. Например, у турбаслинских племен (Новотурбаслинское II) было обнаружено пять жилищ полуземляночного типа площадью 25–30 м². Около одной из землянок найдено зернохранилище, которое представляло собой округлую яму диаметром около 2 м, глубиной около 1 м. Стенки и дно ямы были обложены тонкими, хорошо обработанными досками. В полузаполненном состоянии яма погибла от пожара, о чем свидетельствуют обугленные зерна полбы и куски от досок [Мажитов, 1962. С. 154]. Что касается непосредственно башкир, то в источниках более позднего времени имеются сведения о том, что им было хорошо знакомо земледелие, несмотря на то что не играло главной роли в хозяйстве. Так, в шежере племени юрматы в повествовании о событиях XIII в. говорится: «Однажды выдался голодный год. Зима стояла долго. В течение трех лет лошадей и овец не

Рис. 37. Снаряжение башкира-воина. Реконструкция Е.Е.Нечвалода.

стало, хлеба совсем не всходили» [Башкирские родовые, 2002. С. 55].

Поселения оседлого населения VI–VIII вв. представлены городищами и селищами бахмутинских, турбаслинских племен. По площади городища были небольшими (в среднем не превышали 1000 м²) и занимали высокие мысы или вершины возвышенностей, были укреплены одним-двумя невысокими валами и рвами. Селища располагались на берегах рек и озер. Городища застраивались прямоугольными жилищами полуземляночного типа. Наряду с этим, видимо, существовали и наземные бревенчатые дома, следы которых археологически не прослеживаются. Следы небольших (4х5 или 5х6 м) прямоугольных землянок турбаслинцев выявлены на городище Имендяш, селищах Кушнареново и Ново-турбаслинское II. На последнем памятнике пять таких жилищ располагались вдоль берега старицы, образуя целую улицу

[Матвеева, 1973; Генинг, 1977; Мажитов, 1972]. Многие городища и селища турбаслинской (Уфа II, Имендяшево, Кушнареново, Романовка) и бахмутинской (Бирск, Карабыз) культур продолжали функционировать и в IX–X вв. и даже позже.

Отдельно следует остановиться на информации из письменных источников X–XII вв. о поселениях башкир и о существовании у них городов. Так, Аль-Идриси писал про башкир, что «их поселения малочисленны, удалены друг от друга [на большие расстояния], бедны, а [соединяющие их] пути опасны из-за вражды местных народов и плохого состояния дорог» [Коновалова, 2006. С. 122]. В то же время он упоминает город Карукия, который, по его данным, находился в стране внешних башкир на р. Итиль (Белой) и состоял из деревянных домов и войлочных палаток [Коновалова, 2006. С. 123–124]. Там же упоминаются еще два города: Намджан и Гурхан; жители их «живут своим трудом, занимаясь торгов-

лей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя» [Коновалова, 2006. С. 123]. В его работе есть данные и о двух городах внутренних башкир Кастр и Мастр, расположенных на берегу реки, впадающей в Итиль. Археологические материалы также подтверждают наличие стационарных поселений и постоянных жилищ у местного населения в этот период. На всем Южном Урале известно около 100 городищ с культурными остатками рубежа I–II тыс. н. э., но они пока плохо изучены. Необходимо иметь в виду и тот факт, что из быстрого истлевания древесного материала остатки бревенчатых домов на поселениях не сохранились. Имеются лишь данные, свидетельствующие о существовании жилищ полуподземного типа. В то же время, отсутствие следов жилищ в отдельных городищах позволяет сделать вывод о том, что они были наземными.

В области традиционной архитектуры региона можно выделить также традицию возведения каменных и кирпичных мусульманских мавзолеев. Наиболее известные из них — мавзолей Хусейн-бека и Тура-хана в Чишминском районе РБ. Мавзолей Хусейн-бека был разрушен уже к XVIII в. и вновь отстроен в 1911 г. Реконструкция была произведена по описаниям XIX в., которые выявили сходство его с мавзолеем Тура-хана. Подобные сооружения были характерны для золотоордынской эпохи, и они свидетельствуют об этнокультурных контактах между населением Южного Урала, Приуралья со Средней Азией.

Традиционно у башкир, которые вели полукочевой образ жизни, постоянные поселения возникали на месте зимовок. Автор X в. Ибн-Русте писал, что «живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища... С наступлением зимнего времени кто из них к какой реке ближе, к той реке и прикочевывает и остается там в продолжение зимы, занимаясь рыболовством. Жить зимой у тех рек удобнее» [цит. по Калимуллин, 1978: С. 6]. В качестве жилища на зимних поселениях могла использоваться юрта, покрытая несколькими слоями войлока и обложенная снегом; а в лесной и лесостепной зоне — бревенчатые дома или полуподземлянки с деревянным каркасом [Шитова, 2002. С. 112]. Именно зимние стоянки воспринимались башкирами как родина, здесь образовывались и кладбища. Время появления первых башкирских деревень невозможно определить ввиду отсутствия источников. В фольклоре, в частности в эпосах, сложение которых относится к периоду средневековья, местами постоянного проживания башкир нередко называются аулы. К при-

меру, в эпосе «Идукай и Мурадым» говорится о разорении Туктамыш-ханом башкирских деревень:

«Ауыл-ауыл һәр яуза, «Деревни-деревни
в каждой битве
Йорто-ере үртәләр...» Дома-земли сожженные...»
[БХИ, T.V. С. 39].

Более древнюю и устойчивую традицию имеют постоянные поселения в северных, лесных районах. В шежере северо-западного башкирского рода иректе повествуется о том, как их родоначальник Ахмедшейх, внук легендарного Майкы-бия, современника Чингиз-хана, уйдя на поиски новой родины, странствует по рр. Миасс, Чусовая, Чулман (Кама), Барда (по мнению исследователей, сведения относятся к последней трети XIV в.): «Войдя в реку Тулву, он стал подниматься вверх по Тулве и увидел, что навстречу ему плывут тесаные бревна и стружки. Увидев это, он, говорят, вернулся назад. И вновь на большой лодке он стал подниматься к верховьям реки Тулвы и добрался до аула Сараш. В одном месте он увидел три-четыре лубяных дома и сказал: «Здесь, оказывается, есть жители!»» [Башкирские родословные, 2002. С. 373]. Несмотря на то, что сведения такого источника, как шежере, могут содержать неточности в определении дат и синхронности событий, важно само упоминание небольшого аула с лубяными домами. Присутствие в тексте названия деревни говорит о том, что это было постоянное поселение. Использование луба в качестве строительного материала было известно вплоть до XX в., в таких постройках башкиры жили на летовках [Шитова, 1984. С. 140–142].

Полукочевой тип хозяйства предполагает и наличие временных поселений. В работах средневековых авторов башкиры называются скотоводами, обладающими обильными пастбищами. Отчетливо прослеживается преобладание полукочевого скотоводства в хозяйстве и в эпосе. Проведя зиму в стационарных поселениях, башкиры ранней весной выезжали на кочевье. В течение весны-осени они несколько раз меняли места кочевий по мере использования пастбищ, каждая кочевая группа имела устоявшиеся весенние (*язлау*), летние (*йәйләү*) и осенние (*көзләү*) стоянки. Наглядным примером, дающим представление о них, служат сезонные поселения святого старца Бабы Тукляса, которые упоминаются в эпосе «Идукай и Мурадым»:

1) весенняя на р. Белой (*Ағизел*): «...Баба Төкләс яззарын — ана шунда язлар ул» / «Баба Тукляс весны там проводил»; «...Төкләс язлаган урын — малдарға тыныс тором Аталалыр әле лә Язлау ере — Яззауер» /

«...место, где весну проводил Тукляс — спокойная стоянка для скота Называется и ныне Место *язлау* — Яззауыр»;

2) летняя у подножья горы Кунгак: «Көнгәк тауы буйында Ырыу йыйып *йәйләне*» / «У подножья Кунгак горы Собрав род, лето проводил»;

3) осенняя в предгорьях Ирендыка: «Сал бөркөттәр төйгә Ирәндәктә *көзләне*» / «В пристанище седых беркутов на Ирендыке осень проводил»;

4) зимняя на р. Туяляс: «Вак-вак кына саукалы, Буйы һалкын шишмәле — Төйәләстән буйында Оло баба йортона Кышын кайтып *кышланы*» / «С мелким-мелким березняком, С прохладными родниками — на Туялясе (р. Худолаз) в юрте древнего предка, вернувшись, зиму проводил» [БХИ, 2006. С. 149–150].

Основным видом жилищ в период кочевания, т.е. с ранней весны до поздней осени, являлась юрта (*тирмә*). У башкир бытовали юрты тюркского и монгольского типа, первая отличалась закругленным, купольным сводом, а для второго была характерна коническая форма. Но более широкое распространение здесь получил первый тип. Юрта, будучи изобретена в середине I тыс. н.э., быстро распространилась среди кочевников от Восточной Азии до Восточной Европы. Благодаря мобильности и легкости сборки она вытеснила остальные виды переносного жилища. Предшественниками юрты, по мнению исследователей, были либо разборные жилища-шалашы с коническим или пирамидально-усеченным из жердей остовом, либо неразборные передвижные жилища на колесных арбах. Возможно, к прототипам юрты можно отнести описанные Геродотом конической формы шалашеобразные жилища скифов, крытые войлоком: «Каждый аргиппей живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрышки» [Башкирская юрта, 2008. С. 7]. Прообраз будущей юрты получает широкое распространение в конце I тыс. до н.э. в степях Центральной Азии в хуннской среде. Он представлял собой неразборный куполообразный шалаш, который можно было перевозить на телегах. Остов этого жилища полусферической формы сплетали из гибких ивовых прутьев, который, зауживаясь, переходил в невысокую шейку светодымового отверстия. В V в. н.э. была изобретена юрта с разборным решетчатым остовом стен, прямыми или изогнутыми жердями-стропилинами купола, на которых крепился деревянный двусоставный обруч светодымового отверстия. Это стало одним из величайших открытий во всем кочевом мире. По мнению С.И. Вайнштейна, все конструктивные особенности

юрты древнетюркского типа окончательно оформились уже к VII в. По мере распространения в степях Евразии она получили название «тюркской». В средневековых источниках, в частности в записках Ибн-Фадлана о путешествии к Волжским булгарам, дается описание «тюркских куполообразных домов», название которых А.П. Ковалевский перевел как «юрта» [Башкирская юрта, 2008. С. 9]. Если у других тюркоязычных народов юрта обозначалась терминами *куиз үй* (казах., кирг.), *уг* (сагайцы), *өг* (тувинцы), что в переводе означает «дом», то башкирский термин, обозначающий юрту — *тирмә* — созвучен с тангутским *терме кер*. *Терме* в современном монгольском языке означает «решетка», и, таким образом, «терме кер» можно перевести как «решетчатый дом», что соответствует характерной конструктивной особенности решетчатой юрты [Башкирская юрта, 2008. С. 10]. Впервые наличие у башкир «войлочных палаток» зафиксировано в работе Аль-Идриси [Коновалова, 2006. С. 123].

Следы временных жилищ на территории Башкирии известны и по археологическим исследованиям. Во время раскопок на месте бывшей башкирской деревни Азнаево были обнаружены круговые канавки, по периметру обложенные камнями с интервалом 0,5–0,6 м. Раскоп датирован XVII–XVIII вв. Круговая канавка, возможно, была прокопана по периметру юрты для стока дождевой воды, а камни крепили нижние края войлочных покрытий решетки юрты. Подобные же круговые канавки диаметром около 5 м были обнаружены во время раскопок Горновского селища XIII–XIV вв. в Чишминском районе, на левом берегу р. Демы. Места установок юрты на летовках были обнаружены также в городище Петропавловское в Хайбуллинском районе [Башкирская юрта, 2008. С. 13–14].

Юрта представляла собой конструкцию, идеально отвечающую условиям кочевнической жизни. Она быстро собиралась и в компактном виде могла легко перевозиться с места на место. Каркасная конструкция требовала минимум древесного материала, что было важно в степных и полустепных районах. Теплоизоляционные свойства обеспечивались войлочным покрытием. Обычные юрты были из войлока черного цвета, а юрты знати покрывались белым войлоком и назывались *ак тирмә* (белая юрта). Такие юрты часто упоминаются в фольклоре. Так, в эпосе «Идукай и Мурадым» в *ак тирмә* живет Тура-бий, в эпосе «Заятуляк и Хыухылыу» дочь подводного царя проводит героя Заятуляка в белую юрту, которая находится в подводном царстве [БХИ, 2000. С. 49].

Войлочное производство было развито у башкир, как и других кочевников. Войлоком покрывалась юрта, из него изготавливали узорные кошмы, головные уборы, чепраки, чехлы, переметные сумы. Необходимое сырье обеспечивалось многочисленным поголовьем овец. Для изготовления достаточного количества кошм для покрытия одной юрты необходимо было в среднем от 240 до 280 кг шерсти. С овцы, в зависимости от породы и возраста, состригали от 1 до 2 кг руна. По расчетам исследователей, для юрты требовалась шерсть с 150–200 овец. А если учесть, что срок эксплуатации войлочного покрытия составлял 5–6 лет, то для того, чтобы иметь возможность менять войлок одной юрты, требовалось содержать отару в 40–50 голов [Шитова, 2006. С. 26–27]. Все это косвенно свидетельствует о высокой роли овцеводства в хозяйстве башкир. В эпосе при восхвалении богатств Уральских гор так подчеркивается значение овец:

«Йылына ике түллэгән, «В год два раза
Аккоштай һылыу аҡ булып, плодящихся,
Как лебедь красивыми
белыми являющихся,

Йөнөнән өй көпләгән Из чьей шерсти
Тиреһенән тун теккән жилища обшиваются,
(А) из шкуры шубы
Һарығы күп Урал-тау» шьются
Овец много
на Урал-тау».
[БХИ, 2000. С. 57].

Башкиры имеют давние традиции в области металлургии, которая в данном регионе издревле находилась на довольно высоком уровне. При раскопках практически всех городищ и селищ VI–VIII вв. обнаружены куски шлаков, обломки тиглей, льячек и других предметов, свидетельствующих о занятии населения металлургией меди, бронзы и железа. Особенно ценным материалом в свете этого являются разнообразные предметы орудий труда, вооружения и украшений из могильников. Среди этих изделий из разных памятников бросаются в глаза стандартные формы и размеры серпов, топоров, тесел, ложкарей, пряжек, наконечников – практически всего набора вещей, изготавливавшихся на месте. В VII–VIII вв., по сравнению с V–VI вв., значительно обновляется состав предметов домашнего обихода, что произошло не без влияния турбаслинских и других групп пришлого населения. Судя по материалам могильников, широкое распространение получают бронированная одежда – кольчуга

Рис. 38. Одежда пожилой женщины. Реконструкция Е.Е. Нечвалода.

и панцири из железных пластин, – мечи, различные типы наконечников стрел, в том числе узкие, предназначенные для стрельбы в воина в кольчуге (Рис. 37). Новым элементом культуры является также седло на жесткой деревянной основе с железными стременами – самыми ранними на Южном Урале. Много предметов новых форм появилось в составе серег, шейно-нагрудных украшений (гирьны, подвески, ожерелья из бусин, браслеты, перстни), зеркал и керамической посуды. Прослежены остатки нижнего края одежды (кафтан) и обуви (голенище), сплошь украшенные серебряными колесовидными нашивками. Среди находок много привозных вещей, в том числе стеклянный кубок, хорезмийские серебряные монеты середины VIII в.

Материальная культура башкир в IX–X вв. развивалась, продолжая местные традиции, но при этом испытала влияние и новых групп населения, пришедших из юга и востока. Последние принесли на Южный Урал роскошные поясные ремни, по всем деталям совпадающие с поясами тюркских племен Сибири, Казахстана и Центральной Азии. Отмечается многократное увеличение в археологических памятниках находок изделий из районов Средней Азии. Например, в одном из Ямаши-

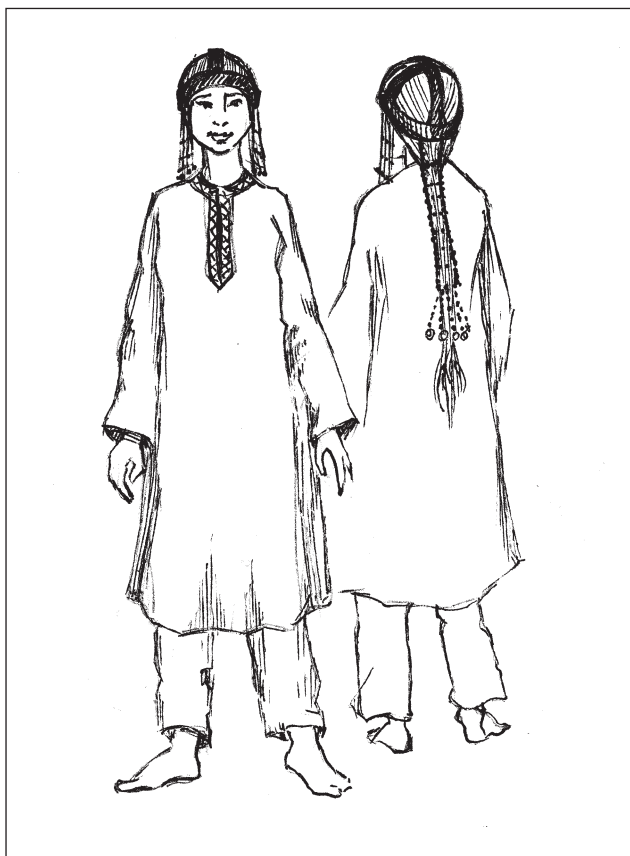

Рис. 39. Одежда девушки. Реконструкция Е.Е. Нечвалода.

Тауских курганов обнаружено пять сортов согдийского шелка. В качестве кушака использовался роскошный шелк, сплошь покрытый сложным растительным орнаментом в виде древа жизни. Данный экземпляр — третья известная находка в мире; первый хранится в Британском музее, второй — в Тегеранском. В этот период широкое распространение получили также сабли в роскошных ножнах.

Этнографические особенности культуры ранних башкир не менее богато представлены в составе женских украшений. Среди них есть различные типы наконечников с коньковыми и арочными или шумящими подвесками на длинных ремешках или бронзовых, серебряных цепочках. Оригинальны шейные украшения — ожерелья из бусин. Последние насаживались на 4–5 ниток различной длины, а посередине располагались большие серебряные подвески с ушками в виде стилизованных изображений головы лошади и других форм. Разнообразны серьги, перстни, браслеты, нагрудные подвески. К числу редких находок относятся серебряные пластины-наглазницы, накладывавшиеся на глаза умершим. Среди привозных вещей особую группу составляют высокохудожественные серебряные

предметы, являвшиеся продукцией мастеров-ювелиров главным образом из Средней Азии и Ирана.

В курганах последующего времени — XIII в. — также очень много привозных вещей, встречаются остатки роскошных халатов из парчи китайского, иранского и неаполитанского происхождения, серебряные китайские зеркала. Почти в каждом женском погребении найдены остатки своеобразных головных уборов, над которыми возвышались берестяные трубки длиной 15–25 см, диаметром 5–8 см для укладки волос. Головной убор вместе с берестяными трубками обшивался материей, иногда шелковой, о чем свидетельствуют следы швов на трубках. Такой головной убор под названием «бокка» впервые описан Плано Карпини у золотоордынского населения южноуральских и казахстанских степей в XIII в. и по своему происхождению связан со степями Южной Сибири, Восточного Казахстана и Центральной Азии [*Путешествия в восточные страны*, С. 27]. Судя по его описанию, трубки дополнительно украшались перьями птиц, балдахин, жемчугом. Подобные роскошные головные уборы «бокка» встречены и среди раскопанных курганов Южного Урала (I и II Жанаталап и др.).

Богатые коллекции украшений, найденных в курганах, проливают свет на декоративно-прикладное искусство местного населения. Среди находок есть серебряные перстни со щитками, оригинальной формы височные подвески, нашивки на одежду, костяные гребни, ножницы и др. Инвентарь мужских погребений дополнительно включает длинные сабли развитых форм, берестяные плоские или полуцилиндрические колчаны для стрел, широкие пластинчатые костяные накладки на колчаны с богатым орнаментом и остатки седел, среди которых есть целые. Одно седло сплошь было обшито двойным слоем кожи, украшено серебряной проволокой, образующей сложный орнаментальный узор. Каждое седло имело одно или два стремени низкой, сильно сплюсненной грушевидной формы с широкой пластинчатой дужкой.

В первой половине I тыс. н.э. среди утвари большое место занимала керамическая посуда. Для кушнареновской культуры были характерны круглодонные глиняные сосуды, для турбаслинской — плоскодонные. В материалах археологических раскопок XIII–XIV вв. в большом количестве встречаются миниатюрные серебряные и бронзовые кованные сосудики с петлями. Серебряная посуда была доступна только состоятельным слоям населения. В эпосе есть такие слова:

Рис. 40. Одежда башкира-скотовода. Реконструкция Е.Е. Нечвалода.

*Ағас табакка һалып,
Ашын һоҫоп йөрөгәнсе,
Ап-ак көмөш табактан*

Хан һаркытын ейһәңсе.

Чем угощаться супом
из чаши деревянной,
Из белой-белой
серебряной чаши
Ханские остатки
(ты) бы ел.

[БХИ, 2000. С. 99].

В кургане, раскопанном близ д. Юлдыбаево на р. Сакмаре найдена чугунная жаровня. Это самая ранняя находка из числа чугунных изделий на Южном Урале, датируется XIV в. Не сохранилась деревянная утварь, хотя в лесных районах она, вероятно, имела широкое распространение.

Письменных источников, подробно описывающих одежду башкирского населения Южного Урала до XVI в., не существует.

Материалы для пошива одежды изготавливались из сырья, поставляемого хозяйством, в котором ведущую роль играло скотоводство, а охота и собирательство были обязательными элементами его структуры. Сырьем служили шерсть, кожа, шкура домашних и диких животных, волокна дикорастущих растений (конопли и крапивы). Из шерстяных волокон изготавливали сукно и тонкие войлоки, из растительных — холст.

Мужская и женская одежда были близки по составу (Рис. 38–39). Основной нательной одеждой служила просторная холщовая рубаха туникообразного кроя. Вероятно, мужские рубахи имели отложной воротник. Обязательным элементом как мужской, так и женской одежды являлись штаны с широким шагом — идеально приспособленные для верховой езды. Рубаха носилась вместе с верхней халатообразной одеждой, которая шилась в зависимости от сезона и достатка — из холста, из сукна,

Рис. 41. Одежда женщины. Реконструкция Е.Е. Нечвалода.

а у богатых — из привозных тканей. Верхние одежды носились нараспашку либо подпоясывались кушаком (Рис. 40—41), у богачей для этих целей имелись пояса с ювелирной работы пряжками. Характерной чертой традиционного костюма многих тюркских народов была многослойность верхних одежд. Зимнюю одежду шили из шкур.

На ноги надевали суконные или войлочные чулки, обувь из сыромятной кожи, шитую (для прочности) сухожильными нитками.

Головные уборы мужчин и женщин были разнообразны. С распространением ислама обязательным элементом мужского костюма становится тюбетейка — небольшая круглая шапочка, прикрывающая макушку. Зимой мужчины носили меховые шапки различных видов. Характерным головным убором мужчин, прекрасно защищавшим от буранов в степи, был убор с высокой тульей и широкой, закрывающей шею и плечи, лопастью, пришитой к ней. Для зимы такие уборы шились меховыми, а на межсезонье — суконными или войлочными.

До замужества девушки могли не покрывать головы. Женскими уборами служили покрывала, тканые шали, головные полотенца. Головное полотенце — отрез домотканого полотна длиной 2—3 м,

который наматывался на голову (вокруг лица), закрывая шею, темя и затылок. Головные полотенца носили в комплекте с начельником — налобной повязкой, которая прикрывала лоб и помогала удерживать полотенце на голове. Поверх этого убора могло носиться дорогое головное украшение — облегающий голову чепец из кораллов и серебряных блях с открытой макушкой и длинной наспинной лопастью. Самым дорогим убором служила шапочка с высокой тульей и широкой длинной наспинной лопастью, покрытых серебром. Те, кто имели этот убор, надевали его поверх вышеописанного кораллового чепца.

Одежда украшалась вышивкой и аппликацией. Распространенными способами вышивания являлись, очевидно, тамбур и различные виды счетных швов. Вышивки располагались вдоль нагрудного разреза на женских рубахах, на воротниках мужских рубаш, на концах головных полотенец и на налобных повязках. В декоре верхней одежды вышивка использовалась, очевидно, ограниченно, в сочетании с аппликацией. Излюбленным тоном вышивки являлся красный. Аппликация украшала изделия из сукна и войлока. Аппликативные нашивки цветных полос на верхней одежде располагались вдоль краев пол и по подолу. Небольшие прямоугольные или трапециевидные нашивки цветного сукна могли располагаться на спинке верхней одежды (в районе почек). Характерными элементами аппликативного декора были треугольники — амулеты и фигуры, построенные из множества завитков — условного изображения бараньих рогов, являвшихся символом богатства и благополучия. Для аппликаций также предпочитали красный цвет, оттенки его зеленым и вкраплениями других цветов.

Обязательным дополнением одежды в женском костюме были украшения из серебра. В украшениях широчайшее употребление имели кораллы, сердолики, при создании украшений использовались перламутр, раковины-ужовки и другие материалы. При создании некоторых украшений могли использовать также плоды и семена определенных растений, позвонки рыб, клыки животных. Женщины украшали руки серебряными перстнями, браслетами. Неотъемлемым элементом женского костюма был нагрудник из кораллов и серебряных украшений.

Цветовая гамма костюма была лишена пестроты, ее определяли спокойные сочетания натуральных цветов природных материалов — белой и темной шерсти, сероватых оттенков холстов, которые оживлялись цветовыми пятнами вышивок и аппликаций, украшавших одежду. Красный, желтый,

зеленый цвета, которыми были окрашены нити для вышиваний, были спокойных, теплых оттенков, т.к. их получали при помощи натуральных растительных и минеральных красителей. Излюбленным цветом в декоре одежды был красный. С отделкой одежды гармонировали украшения из кораллов и сердолика, в которых теплые приглушенные оттенки красного оттенялись благородным блеском серебра.

Вероятно, традиционный костюм не был однороден у различных территориальных и родоплеменных групп. Сложный родоплеменной состав башкир, вероятно, отражался и в традиционной одежде, обеспечивал разнообразие локально бытующих традиций: специфичных (для племен, отдельных родов, определенных территорий) элементов одежды, их терминологии, особенностей кроя и декора. Сложные этногенетические процессы, культурное взаимодействие на различных этапах истории со многими разноразличными племенами на широких пространствах Евразийского континента (от Алтая до Причерноморья, от Арало-Каспийского региона до Урало-Поволжья) обеспечили формирование в башкирской традиционной одежде сибирского, среднеазиатского, поволжского пласта. В одежде просматриваются традиции, общие для многих народов Волго-Уральского региона, другие — отмечаются у многих тюркских народов Средней Азии, третьи — у народов Алтая, Сибири.

Одежда башкир, вероятно, претерпела значительные изменения к тому времени, когда она была письменно зафиксирована источниками. В то же время, соотнесение данных фольклора и археологических материалов позволяет реконструировать отдельные ее элементы. Так, Ал-Идриси, ссылаясь на Саллама ат-Тарджумана, сообщал, что башкиры, как и булгары, носили длинные кафтаны [Коновалова, 2006. С. 123]. Они соответствуют башкирским елянам (*елән*), которые являлись самым распространенным элементом традиционного костюма как мужчин, так и женщин. Еляны представляли собой халаты на подкладе, без воротника и застежек; могли быть из разного материала и разного цвета. В фольклоре упоминаются зеленый, черный, красный, синий еляны.

Виды сырья, применяемого в изготовлении предметов одежды, обуславливались природно-географическими факторами и не менялись и в более поздний период. В целом, у башкир преобладали материалы животного происхождения: овчины, обработанная кожа, шерсть, сукно. В эпосе «Алпамыша» герой-богатырь говорит про себя:

Рис. 42. Одежда башкира-охотника.
Реконструкция Е.Е. Нечвалода.

<i>Тугыз куйзың тиреһе</i>	Шкуры девяти овец
<i>Башына бүрек булмаған,</i>	Не хватает на шапку,
<i>Тукһан куйзың тиреһе</i>	Шкур девяноста овец
<i>Тәненә тун булмаған.</i>	Не хватает на шубу.
	[БХИ, 2006. С. 79].

Важную роль в пошиве одежды играли шкуры и мех диких зверей. Охота в качестве подсобной отрасли хозяйства всегда играла важную роль у башкир. Об этом повествуют и фольклорные произведения, где среди промысловых животных упоминаются медведи, волки, олени, зайцы, бобры, кроты и т.д. [Башкиры, 2002. С. 67]. С вхождением в состав Русского государства в середине XVI в. башкиры стали платить ясак, состоявший в основном из меда и пушнины. Из лисьего, рысьего меха, заячьих и беличьих шкурок, шкуры молодого медведя и волка шили шубы и головные уборы. Бобром и выдрой оторачивали праздничные шубы и головные уборы [Шитова, 1995. С. 10]. Часто в эпосе можно встретить упоминание *кама тун* — вид дорогой одежды, его носили представители знати, бии. Он представлял собой шубу, покрытую черным шелком и отделанную в подоле и на концах рукавов мехом выдры.

Кама тун фигурирует в фольклоре как элемент роскоши:

<i>Яурындары укалы,</i>	С плечами, обшитыми позументом,
<i>Алтын һабак тәймәле</i>	С золотыми пуговицами
<i>Кама туңдар кейенеп,</i>	Кама тун надев,
<i>Кәмөш кәмәр быуырһың!</i>	Серебряный пояс повяжешь!

Его обычно противопоставляют простой одежде, например:

<i>Кыптыр туңға уранып,</i>	(Чем) завернувшись в шубу из невыделанной шкуры,
<i>Уралыңда йөрөгәнсе,</i>	Ходить на своем Урале,
<i>Алтын тәймә тағылған,</i>	(Лучше) с золотыми пуговицами,
<i>Камалар ман кыйылған,</i>	Отороченный выдрой
<i>Тәймә бауы тасмалы</i>	С орнаментом и лентой
<i>Кара һыуһар тун кейеп,</i>	Из черной выдры шубу надев,
<i>Хан кейәүе буһаңсы!</i>	Был бы ханским зятем!

[БХИ, 2000. С. 49, 63, 100].

Также в эпосе в словах, восхваляющих Урал-тау, говорится, что он взрастил:

<i>Биттәрәндә уйнатып,</i>	В подножьях своих играть давая,
<i>Кәпәс өсөн төлкөнөн</i>	Ради шапки лису
<i>Йыл аша бер түлләтен,</i>	Через год давая плодиться,
<i>Тун итергә бүрәһен...</i>	Чтобы шубой сделать волка...

[БХИ, 2000. С. 186].

Кроме того, тесные торговые контакты способствовали широкому применению привозных тканей южного происхождения в костюме. В погребениях IX–X вв. наряду с шерстяной и холщевой тканью находят куски шелковой ткани.

Обратившись к археологическим памятникам, можно восстановить некоторые декоративные элементы в народном костюме. Серебряными, бронзовыми и золотыми пряжками и накладками различных форм украшались поясные ремни, которые составляют одну из характерных особенностей культуры башкирских племен IX–X вв. Пояса имели длинные подвески, спускавшиеся спереди и сзади на бедра. Богато декорированные ремни (*кәмәр*) и позже являлись важным элементом мужского

праздничного наряда башкир. Они могли быть кожаными, козовыми, бархатными; украшались также жемчугом и драгоценными камнями. Декоративные элементы, встречающиеся на предметах средневекового периода обнаруживают большое сходство с украшением традиционной башкирской национальной одежды. Характерный элемент в виде конской головки на башкирских елянах схож с коньковидными подвесками из Бахмутинского (VII в.) и Стерлитамакского (VIII–IX в.) могильников. Так называемые «эполеты» в женском еляне — серебристый позумент в виде полуовала с висящими на ниточках бусами и металлическими бляшками-привесками — находит аналогию в полуовальных ажурных бронзовых подвесках, найденных в Уфимском могильнике пьяноборского времени и Бахмутинского могильнике VII в. Техника зерни и вставки драгоценных камней, характерная для различных атрибутов женского костюма башкир, была распространена в регионе и раньше. Наиболее близкой аналогией подобных украшений являются золотые медальоны Уфимского могильника VII–VIII вв. [Ахмеров, 1996. С. 12–18].

Касаясь декоративно-прикладного искусства башкир, стоит упомянуть и о таком ее элементе, как украшение конской сбруи. Лошадь всегда занимала особое место в жизни башкир, поэтому и декорированию сбруи также придавалось важное значение. Это подтверждается как фольклорными источниками, так и археологическими материалами. Самобытность культуры башкирских племен IX–X вв. ярко прослеживается в богатом украшении седельных и уздечных ремней и самого седла. Оригинальны седельные наборы, куда относятся высокие арочные или 8-образные стремени, детали от деревянной основы самого седла. Наборы седельных и уздечных ремней пышно украшались серебряными, иногда позолоченными накладками, а на углах-связках — кругло-рамчатыми и другими формами накладок-тройчаток. Применялись в декорировании и полудрагоценные камни. Здесь можно привести пример из фольклора:

<i>Куян ботло каратка</i>	На лошадь с заячьими бедрами
<i>Акык кашлы, кумлы эйәр</i>	С сердоликовым камнем, с чепраком седло
<i>Һалып тагы менерһең.</i>	Положив также взберешься.

[БХИ, 2000. С. 64].

Как видно из материалов археологических памятников и других источников, культура башкир

рассматриваемого времени была многокомпонентной. Она сформировалась на основе традиций населения Южного Урала I тыс. н.э и под влиянием культуры пришлого населения, активно проникавшего из Сибири, Средней и Центральной Азии. В целом, основные элементы материальной культуры, сложившиеся в период средневековья продолжали существовать в последующее время, не претерпевая существенных изменений.

Традиционная пища башкир. При изучении материальной культуры башкир, в том числе традиционной пищи, данного хронологического периода (V — первая половина XVI в.) оправдано обращение к историческому наследию средневековых авторов, оставивших свидетельства быта скотоводческих народов обширного Евразийского пояса.

Реконструкция тех или иных элементов материальной культуры, в том числе пищи, может быть проведена путем сравнительно-исторического анализа, а также с привлечением точно датированного археологического материала, относящегося к этой эпохе. Углубиться в древность помогает археологический материал по культуре ранних и поздних кочевников-скотоводов.

Фольклорное наследие башкир (предания, легенды, пословицы, песни) также подчас содержит богатый этнографический материал.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные сведения участников академических экспедиций конца XVIII в., могут быть использованы как косвенные свидетельства быта башкир в более раннее время; поскольку в предыдущие несколько столетий в хозяйственной и бытовой жизни скотоводов обширного Евразийского пояса не произошло резких, скачкообразных изменений; жизнь кочевников и полукочевников, несмотря на определенные сложности, в целом текла размеренно и была подчинена природно-климатическому и годовому циклу.

В системе питания башкир изучаемого периода могут быть выделены связанные между собой пласты: *древнейший*, связанный с допроизводственными отраслями хозяйства — охотой, рыболовством, собирательством (в том числе собирательством меда диких пчел); *основной*, базировавшийся на использовании мяса и молока домашнего скота и определяющийся преобладающим скотоводческим типом хозяйства. В какой-то (порой минимальной) мере он дополнялся зерновыми продуктами. Этот пласт складывался веками, его основа дополнялась, адаптируясь к конкретным географическим условиям. Носителями этой модели питания были кочевые и полукочевые народы обширного степного евразийского пояса. В ней выделяется несколько напласто-

ваний, восходящих к различным культурным традициям, среди которых можно наметить раннекочевнические и позднекочевнические элементы.

На территории Исторического Башкортостана в соответствии с природно-климатическими условиями — степными, лесостепными и горно-лесными — издавна сложилось несколько различающихся между собой, но в целом сходных, хозяйственных, а следовательно, и пищевых зон.

Традиционную систему питания полукочевых башкир определяла сезонность. Хозяйственный год у них, как и у всех скотоводческих народов, делился на два больших сезона: весенне-летний и осенне-зимний.

Первый начинался ранней весной с момента массового отела животных и продолжался до поздней осени; он охватывал полугодовой период дойки скота. В рамки этого сезона также включалось время сбора диких и культурных растений. Основу весенне-летнего рациона питания по древней скотоводческой традиции составляли молочные продукты; к осени потребление молока постепенно уменьшалось вследствие использования его для запасаемых на зиму продуктов, а также из-за сокращения надоев.

Летом у башкир существовал обычай взаимного надения мясом зарезанного скота родственникам и близким соседям. Таким образом обеспечивалась возможность периодического потребления свежего мяса в жаркое время года, причем чаще резали баранов, большие туши летом было трудно сохранить и переработать.

В рацион питания осенне-зимнего периода включались заготовленные летом молочные продукты (топленое масло, курут), мучные и крупяные изделия, а также мясо домашних животных, так как с наступлением холодов у башкир начинался забой скота. В холодное время года предпочитали готовить различные блюда из конины и баранины, так как считалось, что их мясо хорошо согревает организм. Зимой в рационе преобладало свежее мясо, весной — вяленое. К весне питание вновь постепенно обогащалось за счет молока отелившихся коров.

Мясо и молоко, особенно конское, несомненно, было наиболее распространенной пищей башкир в этот период. Это определялось, в первую очередь, составом стад. По мнению историков и этнографов, стада башкир в описываемый период состояли главным образом из лошадей, овец, реже коз. Верблюдов и крупный рогатый скот разводили большей частью в южных широтах края, на территории современной Оренбургской области, частично — в степном Зауралье, где существовали условия для

круглогодичного их содержания на подножном корму [Кузеев, 1968. С. 272].

Мясная кухня башкир сформировалась на основе многовекового опыта кочевников Евразии, поэтому имеется много общего в способах переработки мяса и приготовлении мясных кушаний у башкир и других скотоводческих народов. Арабский историк XII в. Ал-Асир рассказывал, что кочевники не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем иным не питаются, как их мясом» [Тизенгаузен, 1884. С. 3–4]. Говоря о хуннах, Н.Я. Бичурин отмечал, что они, «начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота» [Бичурин, 1950. С. 39–40]; кочевники хойху – предки уйгуров «переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Одеваются кожами, питаются мясом» [Там же. С. 142–143]. По свидетельству римского историка Аммиана Марцеллина (IV в.), «аланы, как номады, перекочевывают на огромные расстояния... питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках» [Латышев, 1947. С. 258]. Китайский ученый Чан Чунь, живший на рубеже XII–XIII в., о кочевых монголах писал: «Обычные занятия их суть скотоводство и звероловство... питаются мясом и молоком» [Федчина, 1955. С. 177]. О народах, обитавших «по левую сторону Волги от Камы до Астрахани (среди которых с большой долей вероятности были и башкиры – М.Э.)», Антоний Дженкинсон (1558 г.) писал, что жители этой страны «скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство», что «они едят много мяса, преимущественно конского и пьют много молока» [Английские путешественники..., 1937. С. 169, 170].

В условиях полукочевого образа жизни способы приготовления мясных блюд отличались простотой и, в первую очередь, основывались на сохранении вкусовых и питательных качеств продуктов. «Мясные кушанья (башкир. – Э.М.) самые простые, вовсе не сложные, без всяких приправ», – отмечалось даже в литературе XIX в. [Коноплев, 1862. С. 379]. Точно так же и другие степные кочевники-скотоводы употребляли мясо в вареном виде, по желанию в блюдо включали нарезанные кружками вывернутые жиром внутрь свежие или провяленные конские кишки – *эсэк*, конскую колбасу – *казы* (*казылык*, *кабыргалы казы*), а также жир, снятый с заливка лошади – *ял* (*казыял*). Башкиры южных районов, имевшие курдючных овец, употребляли в пищу как самостоятельное блюдо или подавали с мясом сваренный бараний курдюк – *оса майы*; лакомым угощением считался верблюжий горб – *уркэс*.

У скотоводов Евразии существовал определенный порядок угощения мясом. Ценными считались баранина и конина (скот «с горячим дыханием»). Универсальными были способы подачи и распределения мяса (крупные куски с костью; крошенное мясо с наваром; угощение бульоном). Мясо распределял хозяин или почетный гость. Обычай преподносить мясо в больших блюдах был распространен в обществах с устойчивыми традициями родовых отношений.

Степень престижности частей туши является показательным этномаркирующим признаком. В правилах распределения мяса во время общественных трапез наиболее ярко отражались традиционные обычаи скотоводов. Изучение этнографической литературы по тюрко-монгольским народам наводит на мысль, что почти у всех народов, даже внутри одного этноса, существуют различия в определении степени престижности частей туши животного.

У башкир и некоторых других в прошлом кочевых народов (например, части монголов, киргизов и алтайцев, а также казахов, башкир) к наиболее почетной части туши и наиболее предпочтительным видам угощения относилась голова домашнего животного (как правило, барана) – *баш*. Об этом свидетельствуют фольклорные и полевые этнографические материалы, а также сохранившийся до настоящего времени у башкир (особенно у южных и юго-восточных) весенний обычай взаимных угощений головой зарезанного с зимы домашнего скота (барана или коровы) – *Баш ите ашау*. Для мировоззрения скотоводческих народов издавна было характерно отношение к голове как к основному вместилищу жизненной силы, поэтому башкиры от головы заранее отделяли нижнюю челюсть, чтобы освободить душу животного, затем голову хранили до весны в подвешенном замороженном виде. Трапеза *Баш ите ашау* часто приурочивалась к поминовению усопших родственников и связывалась с культом предков (*эруахтар*); к ним обращались с просьбами о благополучии и процветании рода. Символично было и проведение обряда в канун нового сельскохозяйственного года, поэтому во время трапезы совершались моления о приплоде скота, богатом урожае. Непосредственно перед трапезой голову очищали, варили и ставили перед гостями, сделав треугольные надрезы на лобной части, за ушами и по бокам вокруг рта. По словам информаторов из Бурзянского района, при разделывании головы все присутствующие получали свою «долю» (*өлөш*) и обязательно по кусочку языка и ушей (Полевые материалы Р.Г. Гаделгареевой;

записано в 1976 г. в д. Большой Бретьак Бурзянского района от М. Баймурзиной, 1912 г.р.). При угощении головой высказывались пожелания богатого приплода скота: «*Малың ишле булһын, малдың кото китмәһен!*» Согласно фольклору, «опаленная баранья голова и часть зажаренной грудинки» подносились с выражением почестей хану или знаменитым батырам [БНТ, 1987. Т.1. С. 338, 273]. В одном из древнейших башкирских эпосов «Урал-батыр» говорится:

«Когда зверь-самец попадался,
Старики (Янбирде и Янбика — Э.М.)
его убивали,
Голову его поедали,
Шульгену же и Уралу,
А также льву-арслану,
Соколу и прожорливой щуке
Остальное поесть бросали...»
[БНТ, 1987. Т.1. С. 36].

В обрядовом использовании бараньих голов у башкир отмечается сходство с другими тюркскими народами: у саянских тюрков родственники умершего приносили их на кладбище на поминки [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 119]; алтайцы, киргизы, казахи и некоторые другие народы во время поминальных трапез подносили голову барана наиболее почетному гостю или мулле [Абрамзон, 1971. С. 148]. У казахов издавна бытовал обычай *Бас кыдырыу*, когда баранью голову предварительно опаливали и варили вместе с верхней челюстью для угощения аксакалов и поминовения духов умерших предков. Во время трапезы хозяин отрезал уши животного и подавал их почетным гостям; остальное мясо нарезалось в общее блюдо, поливалось наваром (*туздык*) и распределялось между всеми присутствующими [Ахметова, 1995. С. 203].

У башкир в рейтинге престижности наряду с головой высоко стояли ребра (*кабырға*), грудинка (*туш, түш ите*), бедренные кости (*янбаш, бот һөйәге*), филе (*билдәмә*), жирные кишки (*тук эсәк, карта*), печень (*бауыр*), язык (*тел*), несколько меньше ценилась крестцовая часть туши (*оса һөйәге*), Длинные ребра, кроме батыров-победителей, вручались главным сватам или другим почетным гостям; грудинку также преподносили уважаемым членам общества [Назаров, 1890. С. 184; БНТ, 1987. Т. 1. С. 338, 515]. В ряде мест грудинку или часть задней части туши на свадьбе подавали дяде невесты (мужу старшей сестры матери невесты —

езнә), за это он должен был пригласить молодых к себе на угощение и одарить их скотом [Сюнчелей. С. 67]. Грудинка иногда считалась женской долей, поэтому ее вручали теткам и сестрам невесты, а также сватым (*козаса*) — родственницам со стороны жениха.

У тюрко-монгольских скотоводческих народов имеется определенное сходство в осмыслении престижности частей туши. К безусловно почетным относятся ребра, грудинка, затем лопатка и задние ляжки. Что касается крестцовой части животного (барана), то в литературе существует мнение, что крестец как более престижная часть туши осмысливалась тюрко-монгольскими народами восточных регионов — на Алтае, в Семиречье, Монголии (в археологических памятниках в качестве сопроводительной пищи находят хвостовые позвонки), у них долгое время сохранялись сложные обрядовые действия, связанные с распределением именно этой части туши [Бейсенов, Хатран, 1999. С. 235–236; Вайнштейн, 1991. С. 118, 123]; у саянских тюрков курдюк — *уча* считался самым почетным блюдом (с радостной смысловой нагрузкой. — Э.М.) и преподносился во время любого застолья, кроме похорон [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 57].

Говоря об употреблении продуктов животного происхождения нельзя оставить без внимания и кровь. Традиционно для башкир не было характерно употребление в пищу крови (*кан*) зарезанных животных. Однако нельзя исключить, что прежде в питании использовали и этот продукт. В башкирском эпосе «Урал-батыр» родители Урала и Шульгена пили священный напиток из крови животного:

«...черных пиявок болотных
В травоядных вонзали животных,
Чтобы из выцеженной крови
Себе напиток изготовить.
Малолетним детям своим,
Что охотой не промыслили,
Пить кровь, есть голову или сердце
Строго-настрого запрещали...»^{*}
[БНТ, 1987. Т. 1. С. 36].

Отец по несколько раз наставлял Урала и Шульгена:

«Если жажда охватит вас,
Можете воды ключевой испить.

^{*} По древним поверьям, человеку, выпившему кровь зверя и съевшему его сердце, переходила его сила и ловкость, поэтому во многих охотничьих племенах существовали подобные табу для детей до прохождения обряда инициализации [БНТ, 1987. Т. 1. С. 500].

Но кровь, что в раковины налита,
Пусть не коснется вашего рта»

[Там же. С. 37].

Согласно этнографическим данным, во время голода башкиры вынужденно употребляли кровь в составе некоторых кушаний; в горных районах кровь иногда добавляли в вареную колбасу; использовали ее и поджаренной [Гумаров, 1985. С. 41].

В целом, с кровью животных были связаны больше магические, ритуальные или лечебные манипуляции. Кровь только что зарезанного домашнего животного иногда давали пить при малокровии и общем истощении. Башкиры некоторых лесных районов в лечебных целях и для укрепления организма пили медвежью кровь (Полевые материалы автора, записано в с. Кугарчи Кугарчинского района от Г.Ш. Маннаповой, 1919 г.р.). В д. Каварды Гафурийского района получена информация, что кровью жертвенного животного, закалываемого к празднику Курбан, мазали больные суставы (Полевые материалы автора). Кровью жертвенного животного мазали больное ухо ребенка, причем, если болело правое ухо, требовалась жертва от родственников со стороны отца ребенка, если левое — со стороны матери [БХИ. Т. I. С. 71]. Иногда надрезали правое ухо овцы или правую ножку курицы и смазывали больное место свежей кровью со словами: «Менә һиңә мин инсе бирәм» (Вот тебе я завещаю даю) [Минибаева, 2002. С. 167]. Если человека бросало то в жар, то в холод (бизгәк), ему давали выпить кровь, взятую из шеи жеребца, при этом произносили заклинание:

Тәнгә — кан,	Телу — кровь,
Канға — йән,	Крови — душу,
Йәнгә — аң,	Душе — разум,
Име-томо	И пусть это будет
Шул булһын...	Леченьем и снадобьем...

[Хисамитдинова, 2006. С. 110–111].

Не менее сакральным считалось сердце (йөрәк), как орган перекачивающий кровь. В эпосе «Урал-батыр» есть такие строки: «Когда же самку зверя они (Янбирде и Янбика — Э.М.) убивали, / Для пищи лишь сердце ее вырезали...» [БНТ, 1987. Т. 1. С. 36]. Согласно полевым материалам, сердце крупного животного башкиры употребляли в пищу, веря, что будут иметь храброе и здоровое сердце; напротив, куриное сердце многие не ели, считая эту птицу трусливой.

Не последнюю роль в рационе питания занимало и мясо диких животных и птиц. Из крупных

животных башкиры охотились на лосей, оленей, косуль, диких коз и т.д. По данным фольклора, башкиры охотнее употребляли в пищу мясо животных, «злаком питающихся» [БНТ, 1987. Т.1. С. 300]. Герои башкирских эпических произведений охотятся на оленей (болан), диких коз (илек, кыр кәзәһе), лосей (мышы): «Из отцовского лука (Куз-Курпяч. — Э.М.) вытягивал свободно стрелу... птиц на лету, а зверей на бегу побивал. Из сих застреленных птиц и молодых диких коз его мать Алшыта приготавливала ему завтрак...» [БНТ, 1987. Т.1. С. 276]. Охотились также на мелких животных — зайцев (куян), барсуков (бурһык) (главным образом, из-за лечебного жира).

За вкусовые качества ценилось мясо диких птиц: уток (кыр өйрәге), гусей (кыр казы), тетеревов (кор, озан), рябчиков (божор, сел), глухарей (һуйыр), куропаток (агуна, көртлөк), перепелов (бүзәнә, бытбылдык), иногда охотились на голубей (кыр күгәрсеһе). Однако башкирские джигиты более достойным занятием считали охоту на крупных животных. В сказании «Акбузат» есть такие строки:

Кто в безобидных пташек стреляет
И ими всех потом угощает,

.....

Разве такого парня народ
Добрый батыром своим назовет?

[БНТ, 1987. Т. 1. С. 153–154].

У башкир существовала и пословица: «Кош аткан йәлсемәс» (Охотник на птицу никогда не выйдет из нужды) [Валеев, 1989. С. 59]. Однако С.И. Руденко свидетельствовал, что «ловля птиц... в прежние времена имела существенное экономическое значение» [Руденко, 1955. С. 82].

В эпосе «Кузыкүрпяч и Маянхылу» сказано: «Подошел он (Кусяр-хан. — Э.М.) к костру и видит, что там варится полный казан супа из мяса дикой птицы» [БНТ, 1987. Т.1. С. 256]. В другой версии эпоса читаем: «Дети Сарабаевы и товарищи друга его из убитых ими зверей и птиц начали готовить пищу, подправляя оную крутом и маслом... сидя и разговаривая меж собой, располагали, как в следующие дни ловить зверей. Между тем добрый позыв на пищу выманивает их из кибитки к кипящим котлам с мясами...» [Там же. С. 273]. В походах или на охоте мясо птицы башкиры обжаривали на вертеле или варили в подвешенном над костром казане. Вообще, обжаривание на костре — один из древнейших способов приготовления мяса. В башкирском эпосе «Куз-Курпяч» говорится, что герой «...освежевав, разнимал на части застреленного им

олени, козу или зайца и, разведя огонь, жарил на шешлыке, обливая часто тузлуком (вытопившимся жиром. — Э.М.), чтоб мясо не пригорало...» [БНТ, 1987. С. 300]. Иногда распластанную птицу насаживали на деревянную развилку и обжаривали на костре [Руденко, 1955. С. 132].

У всех групп башкир существовал запрет на охоту на лебедей (*аккош*), они считались «райскими птицами». «Мясо лебедя для человека — запретно»; «Если убьешь лебедя, всю жизнь одиноким, несчастным будешь»; «Если убьешь одного лебедя (из лебединой пары), то другой проклянет, прервется твой род» — такие поверья до сих пор бытуют среди башкир. Согласно полевым этнографическим данным, некоторые башкиры не охотились на птиц, улетающих зимовать на юг, в частности на диких гусей (Полевые материалы автора; записано в 2005 г. в д. Сапыково Кугарчинского района от Ф.А. Хасанова, 1927 г. р.); практически всегда под запретом была и охота на журавлей (*торна*). Однако в эпосе «Заятуляк и Хыухылу» встречаем такие строки: «Чтобы охотиться на птиц и всякую дичь, возьмите на каждого по одной быстрой ловчей птице» и далее: «Запустил Заятуляк свою белую сову... взвилась она высоко в небо, точно пущенная стрела, и стала носиться там белой зарницей да сбивать журавлей, диких гусей и уток... Таким образом... / сын по имени Заятуляк / добыл гогочущих гусей, / добыл курлычащих журавлей, / уток, которых нету вкусней... [БНТ, 1987. Т.1. С. 178]. Скорее всего, табу на употребление в пищу мяса некоторых зверей и птиц носило локальный характер и было связано с пережитками тотемических представлений.

В горно-лесной зоне объектом промысла нередко становился медведь, но отношение к этому зверю у башкир было неоднозначным. Хотя его мясо и считалось ценным, у некоторых групп башкир он считался тотемным. Медведи (*айыу*) чаще становились объектом промысла в горно-лесных районах. Перед охотой и во время нее о медведе говорили исключительно иносказательно, называя его «хозяином леса», «дедушкой», «дядей» и т.д. В ряде лесных районов Башкортостана, а также в юго-восточных зауральских аулах (Абзелиловский район) раньше был известен праздник *Айыу туйы* (Медвежий праздник) со специфическими ритуалами, справлявшийся перед охотой или после нее [ФФ БГУ. Ед. хр. 205. Ч. 6. № 3; Киреев, 1976. С. 133–137; Сагитов, 1984. С. 79; Сулейманова, 2005. С. 30; Илимбетова, 2006. С. 14–16]. Отголоски табу на охоту на медведя отразились в поверье, согласно которому некоторые башкиры медвежатину не употребляли в пищу, боясь раздоров в роду (Полевые

материалы автора; записано в 1999 г. в Бурзянском районе).

Медведь относился к тотемным животным, и у некоторых тюркских, монгольских, угорских народов Южного Урала, Саяно-Алтая и Сибири и охота на него либо была запрещена, либо сопровождалась специальными обрядами — «медвежьими праздниками», «медвежьими плясками», призванными задобрить дух «хозяина леса» [Потапов, 1928].

Аналогии в обрядах, ритуалах и табу, связанных с почитанием медведя, лебедя, журавля у башкир, тувинцев, бурят, селькупов, кетов, якутов, обских угров (хантов, манси) и некоторых других народов, могут свидетельствовать о тесных культурных взаимодействиях между ними в древности.

Говоря о молочной пище, отметим, в систему питания башкир, как и других тюрко-монгольских скотоводческих народов (казахов, каракалпаков, киргизов, кочевых узбеков, тувинцев, хакасов, якутов, калмыков, бурят, монголов), вошли молочные кушанья, как предназначенные для употребления непосредственно после приготовления (сметана, сливки, масло, творог, заквашенное молоко, кумыс, айран), так и подлежащие длительному хранению (выпаренный творог, корот, топленое масло и др.)

Поздние кочевники и полукочевники, в том числе предки башкир, употребляли молоко преимущественно в заквашенном виде. Это общая для тюрко-монгольских народов традиция, поскольку в условиях их быта, особенно в жаркое время года сохранить молоко даже на непродолжительное время в свежем виде было проблематично. Л.П. Потапов, довольно подробно изучавший традиции питания кочевых народов (казахов, алтайцев и др.), писал: «Жидкая молочная пища в летнее время была широко распространена. Простота и быстрота приготовления ее соответствовали кочевому быту... Она находилась всегда при нем же у седла, в кожаной посуде, и чтобы утолить жажду и голод, не нужно было даже слезать с лошади. Последнее обстоятельство имело большое значение при длительных переездах, походах и т.п.» [Потапов, 1953. С. 38–39]. Данное утверждение с полным основанием может быть применено и к башкирам-полукочевникам. Способы приготовления кумыса также, несомненно, были известны еще ранним кочевникам, так как сам их образ жизни представлял для этого необходимые условия. Вероятно, именно им принадлежит заслуга изобретения этого напитка. По мнению Л.П. Потапова, «натолкнуться на это изобретение было довольно легко именно при кочевом образе жизни. Подоенное кобылье молоко, слитое в кожаный сосуд-мешок (из сыромятной кожи), подверг-

шееся взбалтыванию при езде в жаркий летний день, дало кумыс само собой. Стоило затем однажды утолить жажду этим напитком, легким, бодрящим, даже слегка пьянящим, как качества его были открыты и постепенно усовершенствованы приемами изготовления» [Потанов, 1949. С. 62]. Согласно Геродоту (V в. до н.э.), кумыс присутствовал в питании скифов: «После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, велят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат» [Геродот, 1972]. Гардизи, описывая быт кочевников, отмечал: «Кимаки живут в ущельях и степях, все владеют стадами... Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом» [Бартольд, 1897. С. 107]. Венецианский путешественник Марко Поло сообщал, что монголам и татарам «напитком служит кобылье молоко, приготовленное таким образом, что его можно принять за белое вино... Они называют его кемыз» [Книга Марко Поло... С. 88]. Плано Карпини указывал, что «кобылье молоко, если оно у них (монголов. — Э.М.) есть, пьют в огромном количестве, пьют также овечьё, верблюжье молоко. Вина, пива, меду у них нет» [Путешествие в восточные страны... С. 36]. По наблюдениям Рубрука, «накопив большое количество кобыльего молока, они (скотоводы. — Э.М.) наливают его в большой бурдюк или бутыл... начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино...» [Там же. С. 97]. Этот же автор отмечал, что кочевники делают «для нужд важных господ каракомос, то есть черный кумыс... Они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собою сыворотку или белый виноградный сок. Гуща... дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия» [Там же. С. 97]. Имеются данные о предпочтительном употреблении верхнего слоя кумыса у башкир (Полевые материалы автора; записано в 1998 г. в с. Темясово Баймакского района от Г.Р. Нурбахиной, 1930 г.р.), монголов, киргизов Семиречья, тувинцев [Вайнштейн, 1991. С. 137], поскольку он был самым полезным и крепким. Исследование проблемы, посвященной кумысу — «каракомосу», позволило С.И. Вайнштейну, опираясь на исторические источники и этнографические работы, обосновать тезис, что термин «кара» для обозначения кумыса средневековые кочевники применяли

не в значении «черный», в значении «крепкий» [Вайнштейн, 1991. С. 136–137].

Наряду с кобыльим молоком, имевшие коров башкиры употребляли и другие традиционные скотоводческие продукты — катык (*катык*) и айран (*айран*, *эйрэн*), курут (*корот*, *корт*).

Свежеприготовленный катык (*сөсө катык*) употребляли в пищу с хлебом (лепешками) как самостоятельное кушанье. Спустя несколько дней катык становился кисловатым — *әсе катык* (*әсегатык*), а примерно через неделю приобретал острый вкус. Кислый катык чаще использовали для айрана, наиболее выдержанный — для заправки жирных мясных бульонов и супов. Кисломолочный варенец присутствует в кухне многих народов. А под термином *катык* он распространен в Поволжско-Приуральском регионе, Казахстане, на Южном Алтае и в некоторых других сопредельных территориях.

К старинным скотоводческим кушаньям относится творожистый сырный продукт — курут, для которого коровье молоко сначала необходимо было сквасить в многоведерной кадке (*көбө*, *гөбө*). В одном из источников есть упоминание, что в отдельных случаях готовили курут «из снятого молока овец, верблюдиц, редко кобыл» [Литуновский, 1878. С. 109]. Выдержанную и сильно заквашенную молочную заготовку (*эркет*), предназначенную для курута, перекладывали в большой казан и, помешивая, кипятили на медленном огне довольно продолжительное время, затем загустевшую творожную массу остужали, отжимали и формовали в виде небольших колобков. Их обычно выкладывали для просушки на полочку — *ылаш* или решетку — *тергә*, изготовленную из черемуховых или ивовых прутьев; расположение помоста у печи или костра давало возможность слегка подкоптить курут. Южные башкиры часто коптили курут специально, считая такой продукт более вкусным и полезным для здоровья. Копчение курута также было принято в бассейне Демы, в забельско-приуральских, горно-лесных и некоторых степных юго-восточных районах. Высушенный или прокопченный продукт мог храниться без плесени довольно долго. Чтобы разнообразить вкус курута, в творожную массу при кипячении клали вишневые или черемуховые веточки, а при формировании сырков добавляли высушенные и размолотые ягоды — вишню, черемуху, костянику и др. Так поступают и в наши дни в Баймакском, Зилаирском и других южных и юго-восточных районах Башкортостана. В башкирском фольклоре упоминается курут, смешанный с медом, который героиня сказки берет в дальнюю дорогу [Башкирские сказки..., 1996. С. 153].

Творожные продукты с добавлением ягод присутствовали в кухне и других народов. Например, южным алтайцам известно приготовление курута с молотой черемухой [Федченко, 2005. С. 367]. Л.П. Потапов, описывая пищу казахов, отмечал, что «наиболее удобным для хранения, в смысле срока, являлся кислый сыр — курт. Приготавливался он из айрана или ыркыта после сбивания масла из них, путем выпаривания в котле, пока жидкость не сгущалась. Затем эту жидкость отжимали в руках, делали из нее колобочки или лепешечки и сушили их на солнце. В таком виде курт запасался на зиму» [Потапов, 1949. С. 64]. Высушенный твердый сыр под названием *qurut* был известен древним тюркам, а также современным алтайцам (*курут*, *крут*), хакасам (*хурут*), узбекам (*курут*, *курт*), киргизам (*курут*), туркменам (*гурт*), татарам (*корт*), бурятам (*хуруут*), монголам (*хуруд*, *хурууд*) и некоторым другим скотоводческим народам. С.И. Руденко в 1947 г. во время раскопок Пазырыкских курганов в одном из них обнаружил мешок с сыром, оставленный там в качестве погребальной пищи. Эта находка, великолепно сохранившаяся благодаря вечной мерзлоте более двух тыс. лет, является важным свидетельством о молочной пище ранних кочевников [Потапов, 1953. С. 38].

Способ приготовления сыра путем выпаривания скисшего молока после получения из него сливок и масла, описанный выше и используемый башкирами, по мнению исследователей, был древнее, чем тот, который распространился у некоторых тюркских и монгольских народов (алтайцев, калмыков, тувинцев, монголов) после того, как они научились перегонять кислое молоко. Новая технология заключалась в том, что сухой сыр, также часто называемый «курутом», эти народы стали делать из творожного осадка, полученного в процессе приготовления молочной водки [Вайнштейн, 1991. С. 131–132]. Этот продукт они считали более вкусным, чем тот, который был приготовлен из кисломолочной заготовки, не подвергшейся перегонке; по их мнению, он был не таким кислым и более нежным на вкус. «При этом способе приготовления... (без перегонки. — Э.М.), по объявлению калмыков..., курут и арчи делаются горькими на вкус, так что дети не могли употреблять их в пищу» [Федченко, 2005. С. 367]. Видимо, речь идет о куруте из сильно перекисшей заготовки, которая, как известно, употреблялась для приготовления молочной водки. Башкиры же, если хотели получить нежный курут, не допускали сильного заквашивания эркета. Возможно, часть башкир, имевших в прошлом более тесные контакты с народами, практиковавшими

перегонку молока (киргизами, тувинцами, алтайцами, хакасами, якутами, а также монголами, бурятами, калмыками и др.) иногда практиковала подобный способ переработки молока, но затем утратила его, поскольку сегодня на территории Башкортостана эта традиция нигде не прослеживается.

Вопрос о присутствии молочной водки — араки в традициях скотоводческих народов ставился Б.Я. Владимирцовым, Л.П. Потаповым и некоторыми другими учеными-этнографами. По их мнению, арака (с арабского *арак* — «испарение»), имея переднеазиатское происхождение, могла появиться у кочевников Центральной Азии во времена Тюркских каганатов, когда тюрки продвинулись на запад и вступили в контакт с арабским миром. Молочную водку делали из заквашенного молока, реже кумыса, у киргизов продуктом перегонки мог выступать также разведенный водой кислый творог. Монголам было известно пять степеней перегонки, крепость возрастала от 9–11° до 30° [Жуковская, 1979. С. 68]; у казахов было три степени крепости, высшая — 45° [Фиельструп, 1930. С. 285]. В этнографической литературе более поздних столетий (XVIII–XIX вв.) нам удалось обнаружить лишь два упоминания перегонки башкирами кумыса. Одно содержится в работе И.Г. Георги, который отмечал, что «некоторые из них (башкир — Э.М.) перегоняют кумыз по примеру телеутов, калмыков и проч. и пьют водку» [Георги, 1799. С. 99], другое — в сборнике «Полное географическое описание нашего отечества» под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского (1914), где в разделе о башкирах говорится, что «в позднейшее время из кумыса научились гнать спиртной напиток (араки) и даже спирт (арзу)» [Россия. Полное географическое описание..., 1914. С. 188]. Эти единичные случаи, скорее всего, являются исключением. Исследователи отмечают значительное снижение потребления кумыса и других молочных продуктов у тех народов, в быт которых вошла молочная водка [Потапов, 1951. С. 171; Вяткина, 1960. С. 203; Вайнштейн, 1991. С. 137], в то время как у башкир-скотоводов молоко занимало значительное место в рационе питания, ассортимент приготовляемых из него напитков и кушаний был достаточно велик, а кумыс традиционно являлся основным напитком во время трапез.

Несмотря на то, что в «Книге Большому Чертежу» о башкирах XVI в. говорится, что «кормля» мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» [Книга Большому чертежу..., 1839. С. 139], отметим, что у скотоводов в зоне степей рыболовство, скорее всего, не имело существенной роли. Именно здесь бытовала посло-

вица: «*Балыксылык кәсеп тугел*» (Рыбалка — не занятие).

Башкирам издавна были знакомы вкусовые и питательные свойства растений, произрастающих в крае. Весной начинали употреблять свежие перья полевого, горного и лесного лука (*йыуа*), дикий чеснок (*кыр һарымһағы, оҫкон йыуаһы*), черемшу (*һаҫык йыуа, айыу йыуаһы*), сныть (*еҫле балтырған, сәрзә, ғарзә*), кислицу (*вак кымызлык*), борщевик (*балтырған, бәпкә*) и другие съедобные травы. Листья молодой майской крапивы (*кесерткән*), вперемешку с побегами и листьями борщевика и щавеля (*кузғалак*) варили в супе или похлебке, крошили и ели с каймаком или заквашенным молоком — катыком. Летом питание обогащалось различными ягодами, дикими яблоками, орехами и другими дарами природы. Ранней осенью выкапывали и употребляли в пищу или заготавливали впрок чрезвычайно богатые крахмалом луковицы сараны (*һарына, янтрак*), молодые корневища бубенчика лилиелистного (*әтлек, әттек, әтлек тамыры*) и стрелолиста обыкновенного (*ук япрак*), клубни зопника (*майсыбык, кейәү камсыһы*) и т.д. О значительной доле в рационе питания дикорастущей фауны можно сделать вывод, исходя из пословицы: «Пока есть ремень — муж не умрет, девясил есть — конь не умрет» (*Ирәүән барза ир үлмәй, андыз барза ат үлмәй*).

Бортничество — одно из хозяйственных занятий, испокон веков процветавших в Башкортостане. Со сбором меда диких пчел некоторые племена Приуралья, возможно, были знакомы уже в эпоху раннего железа. Подтверждением того, что бортничество издавна было известно лесным племенам на территории Южного Урала может служить археологическая находка остатков липового меда в глиняном сосуде, обнаруженная в одном из погребений Кара-абызской культуры (III в. до н.э.), а также инвентарь бортника (топор, тесло, скобель и др.) из более позднего Бахмутинского могильника (VI—VII вв.) [Мажитов, 1968. С. 107—108]. Ф.Ф. Илимбетов, сопоставляя термины пчеловодства, предположил, что тюрки, в том числе предки башкир, с древности были знакомы с этим видом деятельности [Илимбетов, 1973. С. 132].

В домонгольское время бортничество у башкирских племен, как видно, имело промысловое значение. Ибн-Фадлан писал в 922 г., что «в их лесах много меду в жилищах пчел, которые они (жители) знают и отправляются для сбора этого» [Путешествие Ибн-Фадлана, 1939. С. 74]. Позже башкиры долгое время платили дань — ясак (*яхак*) монголо-татарам, а затем Русскому государству пушниной и медом. Количество меда измерялось батманами.

Ясак был распределен между племенами. В одной из родословных (шежере) башкир-минцев говорится о ежегодной сдаче 18 батманов меда [Шитова, 2002. С. 61]. Бортное пчеловодство развивалось преимущественно в лесах; в южных степных районах и в Зауралье, где не было липы и благоприятных условий для разведения пчел, пчеловодством практически не занимались.

У башкир и других скотоводов существовали достаточно ранние и устойчивые традиции употребления зерновых. Блюда из крупы, муки и теста, в сочетании с другими продуктами, составляли часть их пищевой культуры. Традиция употребления кушаний из злаковых у скотоводов обширного евразийского пояса уходит в глубокую древность. Закрепившееся в историографии в последние десятилетия мнение о раннем развитии навыков земледелия у древних тюркских и монгольских народов и о наличии у них кушаний из культурных злаков не вызывает сомнений. Земледельческие традиции прослеживаются в ранних культурах населения Алтая и Саян: кумандинцев, телеутов, северных шорцев, части тубаларов и челканцев, большей части тувинцев, хакасов (Шитова, Гаделгареева. С. 87). Данные о том, что хунну засевали просом поля и имели кладовые с зерном, приводит, основываясь на китайских источниках, Н.Я. Бичурин [Бичурин, 1950. С. 76]. Часть населения Монголии сеяла ячмень и пшеницу на пригодных для этого землях, что не мешало им кочевать все лето со скотом и возвращаться к полям ко времени уборки урожая [Жуковская Н.Л., 1979. С. 73]. По свидетельству Рубрука, в городах монголов продавалось просо и другое зерно [Путешествие в восточные страны..., С. 165].

С.Н. Шитова и Р.Г. Гаделгареева в работе «Злаки в повседневной праздничной и обрядовой пище башкир» отмечали: «Древние земледельческие традиции, нашедшие отражение в питании башкирского народа, могли сохраняться на протяжении тысячелетий и более и дожить до наших дней при условии, если все это время в комплексном хозяйстве башкир поддерживались хотя бы самые простейшие навыки выращивания злаков» [Шитова, Гаделгареева, 1979. С. 78—79]. Г.А. Федоров-Давыдов в монографии, посвященной кочевникам Восточной Европы, ссылаясь на археологические и исторические материалы, приводит неопровержимые данные существования у кочевников в X—XIV вв. земледелия, подчиненного кочевому быту (засеяв весной землю, кочевники возвращались к ней только осенью).

Автор приводит любопытное сообщение Барбаро (автора XV в.) о примитивном земледелии поздних кочевников Дешт-и-Кыпчака: «В исходе февраля месяца по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно подготовили все для того нужное, ибо в такой-то день марта положено отправиться к такому-то месту для посева избранному; вследствие этого объявления все желающие немедленно делают приготовления свои, запасают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, с женами и детьми... к назначенному месту... Тут остаются они до тех пор, пока не вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, а потом возвращаются назад в орду... Когда же хлеб созреет, то все отправляются для жатвы» [Федоров-Давыдов, 1966. С. 198–199]. Р.Г. Кузеев считал, что «башкиры, как и другие кочевники обширных степей Дешт-и-Кыпчака, издавна засеивали весной небольшие поля просом или ячменем; урожай исключительно шел в пищу» [Кузеев Р.Г., 1968. С. 285]. В то же время эти посевы «были незначительны, периодически исчезали совсем, особенно в неблагоприятных для земледелия лесных и горно-лесных районах Башкирии» [Там же].

Упоминания о кушаньях из злаков в фольклоре, а также использование их в обрядах и ритуалах позволяет предположить, что башкиры также познакомились с возделыванием злаков сравнительно рано. С.Н. Шитова в работе «Злаки в традиционной и обрядовой жизни башкир» пришла к выводу, что наиболее употребительным и традиционным видом зерновых у части южных, юго-восточных и зауральских башкир издавна был ячмень, в то время как у юго-западных (особенно приуральских), а также некоторых горных башкир — просо. Предпочтительное отношение юго-восточных башкир к ячменю она связала с давними южно-сибирскими традициями, а к просу — с влиянием Средней Азии и Северного Кавказа [Шитова, Гаделгареева., 1979. С. 82, 86]. В эпосе «Кунгыр буга» говорится об употреблении башкирами дикой гречихи: «В юности она (Тандыса — М.Э.) вместе с подругами свозила на лошади снопы гречихи домой» [БНТ, 1987. Т. 1. С. 216]. В одном из шежере башкир-юрматинцев, относящемся к XIV–XVI вв. говорится: «Года пришли голодные. Зима была долгая..., хлеба совсем не уродилось» [Башкирские шежере..., 1960. С. 320].

Косвенным подтверждением того, что полукочевые башкиры издавна были знакомы с земледелием, являются кушанья из злаков, до сих пор популярные в народе, а также лексика башкирского языка, сохранившая много названий блюд из злаков

и теста, аналогии которым встречаются и в других тюркских языках (например, башкирское слово *тары* (просо) восходит к древнетюркскому *tarø* — сеять и *tarøu* — зерно, хлеб) [Древнетюркский словарь..., 1969. С. 537]. К наиболее древним кушаньям из зерновых можно отнести каленое (обжаренное) зерно, употреблявшееся как в целом (*курмас*), так и в дробленном (*талкан*) виде; блюда из зерна, сваренного в молоке, воде или бульоне. Традиционным напитком была мучная буза (*буза*). Эволюция изделий из теста шла по нескольким направлениям и затрагивала как рецептуру кушаний, так и способы их приготовления. Для наиболее ранней традиции характерна выпечка лепешек или кусочков пресного теста в золе (*көликмәк*, *көлсә*), в сухом казане или в жире (*йәймә*, *йока*, *бауырһак*). Аналогичные блюда встречаются у тюркских народов Южной Сибири, уйгуров, отдельных групп киргизов, казахов, кочевых узбеков, монголов. Также у башкир рано прижилась практика варки и подачи вместе с мясом нарезанного теста — салмы (*һалма*), поэтому у многих в прошлом скотоводческих народов традиционным кушаньем на долгие столетия становится бишбармак — *бишбармак*. В этом универсальном блюде удачно сочетались мясо и вареное тесто, поэтому скотоводам, в общем-то, и не требовалось широкого ассортимента печеных и жареных мучных блюд.

Среди известных в скотоводческом мире кушаний можно назвать также заправленные топленым или сливочным маслом каши на молоке; каши из прокаленных или жареных злаков или из зерна, истолченного с добавлением сливок; молочные супы с крупой, приправленные сметаной, катыком или курутом и др.

Изменения в системе питания шли как по линии закономерного естественного развития, связанного с усовершенствованием методов ведения хозяйства, появлением новых продуктов, расширением способов их переработки, так и под влиянием извне. Изучение традиционной пищи башкир, названий блюд, способов добычи продуктов питания, их приготовления и употребления, а также сравнительный анализ башкирской кухни с традициями питания других народов, показывает, что, несмотря на то, что на формирование этнокультурного облика башкир в различные периоды этнической истории оказывали влияние монгольские, иранские, финно-угорские, славянские народы, главную роль в этом процессе все же играли тюркоязычные кочевники. Наличие «универсальных» скотоводческих кушаний (катыка, кумыса, айрана, корота, вяленого и сушеного мяса, конской колбасы — казы и др.) было вызвано к жизни необходи-

мостью сохранить скоропортящиеся молоко и мясо. Некоторая общность обнаруживается в традициях питания башкир и народов Алтая и Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов), а также сибирских и уральских таежных народов. Это проявляется в употреблении дикорастущих и некоторых культурных растений, рыбы, дичи, то есть затрагивает наиболее ранний пласт системы питания.

Сходство в подаче, употреблении кушаний башкирами и другими тюрками скотоводами, использовании их в обрядах годового и семейного циклов, а также в народной медицине имело, очевидно,

древнюю основу. Аналогии в названиях блюд, способах приготовления, а также в использовании продуктов в ритуалах могут свидетельствовать не только о типологическом однообразии моделей питания перечисленных народов, сформировавшемся при проживании в степных природных условиях, но и об их этнокультурных и даже этногенетических связях в прошлом. Между тем, нельзя отрицать самобытность этнической истории, материальной и духовной культуры башкир, сложившейся в этот период на Южном Урале.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Периодизация этногенеза и ранней истории башкирского народа выглядит следующим образом. Первый этап относится к середине I тыс. н.э. до рубежа VIII–IX вв. В целом этот период совпадает с выделенным С.Г. Кляшторным этапом архаических империй (VI–IX вв.) тюркского этногенеза. Содержанием этого этапа является превращение этнонима «тюрк» в политоним, обозначающий все население, подвластное создателям Первого Тюркского каганата.

В этот период среди тюркских племен фиксируются этнические наименования, известные впоследствии в составе древнебашкирского племенного союза, в том числе и собственно этноним «башкорт». История этих племен связана с территорией Средней Азии, а для более раннего времени с Южной Сибирью и Алтаем.

На территории современного Башкортостана в этот период фиксируется пестрое по этническому составу население. Носители бахмутинской культуры – потомки более раннего населения пьяноборской эпохи. По мнению большинства исследователей, это население относится к финно-угорской языковой семье. Турбаслинская культура, сформировавшаяся в этот период в Центральном Башкортостане, не имеет местных корней. Исследователи связывают ее происхождение с кочевыми племенами, вышедшими из гуннского племенного союза.

В этот же период здесь фиксируются новые культурные образования, появление которых на Южном Урале можно связать с созданием Первого Тюркского каганата. Это памятники кушнаренковского типа, занимавшие лесостепную зону по обе стороны Урала. В степи – это памятники селенташского типа.

Происхождение носителей кушнаренковской керамики практически все исследователи связывают с территорией Западной Сибири. По поводу этнической принадлежности этого населения мнения специалистов разделились. Часть исследователей говорит об угорской принадлежности кушнаренковского населения. На тюркской и, более того, древнебашкирской принадлежности этих памятников, настаивает Н.А. Мажитов. Несколько примиряет оппонентов мнение, неоднократно высказанное В.А. Могильниковым, о смешанности данного населения. По В.А. Могильникову, носители кушнаренковского типа памятников – возможно, смешанное тюрко-угорское либо угорское по своему происхождению население, но подвергнувшееся сильному влиянию тюрков. Процесс тюркизации мог протекать в рамках участия данного населения в сложении Первого Тюркского каганата.

Об этнической принадлежности носителей селенташского типа также нет единого мнения среди исследователей. Одни считают их тюрками (С.Г. Боталов, Н.А. Мажитов), другие – хионитами (И.Э. Любчанский).

Так или иначе однозначного решения об участии упомянутых этнических групп в этногенезе башкир наука пока дать не может. Данные антропологии позволяют только предположительно считать, что носители бахмутинской культуры являющиеся представителями уральской расы и турбаслинской культуры как европеоидное население могли участвовать в сложении уралоидных и европеоидных типов башкирского народа.

К концу названного периода происходит относительная нивелировка материальной культуры населения Южного Урала. В VIII–IX вв. в лесостепной зоне Урала преобладают памятники караякуповской культуры. Причем из предшествующих культур прослеживаются лишь следы кушнаренковской археологической культуры. Этот факт большинство исследователей объясняют родственностью населения обеих культур. Памятники кушнаренковской и караякуповской культур являются юго-западным крылом большой этнокультурной общности, куда также входят неволинская и бакальская культуры. Все эти образования расположены преимущественно в лесостепной зоне, и для них характерно смешение в культуре степных и лесных черт. На юго-восточных памятниках этой общности прослеживается сильное влияние стросткинской культуры, которая является, по мнению В.А. Могильникова, материальным выражением культуры Кимакского каганата. С другой стороны, на юго-западных памятниках прослеживаются салтовские черты, что маркирует культуру Хазарского каганата. То есть южные группы лесостепного приуральского и зауральского населения участвовали в жизни тюркских государственных образований.

Данные антропологии позволяют считать, что население, оставившее караякуповскую культуру, непосредственно участвовало в этногенезе башкир.

Второй этап этногенеза башкир можно определить в рамках рубежа IX–X вв. – XII в. В этот период в Южное Приуралье мигрирует ряд тюркских племен, объединившихся в древнебашкирский племенной союз и ставших ядром древнебашкирского этноса. Этноним «башкорт» упоминается уже в связи с печенежско-огузскими войнами. В этот период этноним башкорт четко ассоциируется у средневековых авторов с Южным Уралом.

В лесостепной зоне Урала в этот период распространяются памятники чияликской культуры. Эта общность занимала территорию, которая и поныне населена башкирами: от восточных районов Татарстана до запада Курганской области. Элементы материальной культуры, зафиксированные археологически, и данные антропологии неопровержимо свидетельствуют о том, что носители чияликской культуры являются непосредственными предками башкир. На этом основании чияликская культура относится к культуре древних башкир.

Основу хозяйства этой части древних башкир составляло полукочевое скотоводство при развитых домашних ремеслах (гончарство, обработка металлов, дерева, кости и кожи). Существовала традиция возведения укрепленных поселений. Археологически прослеживается сходство чияликской культуры с миром культур лесостепей Западной Сибири.

Башкирские памятники степной зоны представлены и изучены значительно хуже лесостепных. Это связано с рядом объективных и субъективных причин. По ряду причин они не стали предметом специального исследования. На данном уровне изученности мы можем лишь предположить, что памятники, расположенные на границе степи и лесостепи принадлежат древним башкирам (Старомусинские, Житимакские (Зетимбяк), Сынтыш-Тамакские и др. курганы).

Возможно, зональное деление памятников древних башкир соответствует сообщениям средневековых авторов о делении башкир на внешних и внутренних. С этой точки зрения «внешним» башкирам могут соответствовать курганные могильники Центрального Башкортостана. «Внутренним» башкирам — памятники чияликской культуры. Описанным ал-Идриси городам внутренних башкир соответствуют чияликиские городища. В фольклорных памятниках также встречается деление башкир на две группы: лесных и степных. Вероятно, с этой ситуацией связано и сосуществование двух этнонимов — башкорт и иштяк, обозначающих один и тот же народ.

Содержание этого этапа этногенеза башкир можно рассматривать как формирование новой этнической общности — «древнебашкирского этноса» на базе взаимодействия различных пришлых и местных этнических групп. Несомненно, ведущую роль в этой новой общности играли тюркоязычные элементы. Однако нельзя исключать и существование на этом этапе билингвизма. К сожалению, археологический материал не дает фактов о языковой принадлежности носителей археологических культур.

Предположение Р.Г. Кузеева о формировании древнебашкирского этноса на территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности [Кузеев, 1974. С. 438] не получило подтверждения на археологических материалах. Как показано в данном издании, к рубежу X—XI вв. древние башкиры освоили территорию, в значительной степени соответствующую современному расселению башкирского народа.

На этом этапе фиксируется проникновение ислама в среду древнебашкирского населения.

Третий этап этногенеза башкир связан с периодом XIII—XV вв. Направленность этногенетических процессов на этом этапе связана с походами монголов и вхождением Башкортостана в состав монгольской империи.

По данным исторических документов, преданий и шежере, в этот период р. Яик (Урал) становится южной границей расселения башкир. Левобережье Яика становится местом кочевий вначале монгол, затем ногаев, а позже казахов. В этот период на Южный Урал устремляются население Дешт-и-Кыпчака, спасавшиеся от монгольского нашествия. В ходе «великой замятни» и последующего развала Золотой Орды в Южное Приуралье устремляются новые волны родов из Дешт-и-Кыпчака, а также ряд болгарских родовых подразделений. Это объясняется тем, что на территории Башкортостана не было реального присутствия монгольской администрации и это привлекало тех, кто старался избежать ее давления. Другим стимулом переселения кочевого населения в Южное Приуралье являлся процесс увлажнения степей в XIII—XIV вв.

К концу данного этапа и накануне вхождения башкир в состав Русского государства более или менее определились территориальные границы башкирских племен.

Рассматривая эпоху средневековья, следует отметить, что в это время окончательно формируется материальная культура, получает дальнейшее развитие духовная культура башкирского народа.

Ввиду скудности средневековых письменных источников, отражающих историю края и башкирского народа, представляют большой интерес произведения башкирского фольклора. Средневековая история башкирского народа занимает видное место в фольклоре и нашла отражение во многих его жанрах, но наиболее полно она зафиксирована в художественной форме в кубаирах и песнях, легендах и преданиях башкирского народа.

В эпоху средневековья происходит складывание башкирской музыки в единую стилевую систему (которое фактически происходило одновременно с формированием башкирского этноса, о чем свидетельствует специфика музыкальных субкультур у разных этнических групп башкир). Следует отметить, что башкирские

музыкальные инструменты курай, кубыз, думбыра, кыл-кубыз, сорнай, дунгур имеют глубокие корни и известны с раннего средневековья, о чем свидетельствуют древние башкирские эпические сказания, а также народные песни, сказки, легенды, предания, загадки, пословицы, поговорки.

Литературным языком в рассматриваемый период становится письменный язык тюрки Урало-Поволжья, своими корнями восходящий к чагатайскому (XV–XVI вв.), османскому (XV–XVI вв.), хорезмско-тюркскому (XIII–XIV вв.), караханидско-уйгурскому (XI–XII вв.), древнеуйгурскому (VIII–XVII вв.) и древнетюркскому (V–X вв.) литературным языкам. В языке письменных памятников Урало-Поволжья органически переплетаются языковые средства, характерные для нескольких разновидностей языка: народно-разговорной речи башкир, языка фольклора и башкирских шежере, книжно-литературной традиции.

Рождение башкирской литературы и начальные этапы ее развития непосредственно связаны с жизнью древнего башкирского этноса, а также с периодом объединения разных племен. Возникновение произведений письменной словесности, тематически связанных с башкирской реальностью, относится к XV–XVI вв. Как отмечалось выше, в башкирском фольклоре функционировали различные формы хранения и передачи исторической информации, начиная от крупных эпических песен, отражающих события национального масштаба, и кончая локальными преданиями. Особое место занимали родословия (шежере), восходящие к родовым преданиям и обретавшие свой жанровый облик вместе с социально-историческим развитием башкирских родов.

Как было показано в соответствующем разделе, материалы археологических памятников и других источников показывают, что культура башкир рассматриваемого времени была многокомпонентной. Она сформировалась на основе традиций населения Южного Урала I тыс. н.э и под влиянием культуры пришлого населения, активно проникавшего из Сибири, Средней и Центральной Азии. В целом основные элементы материальной культуры, сложившиеся в период средневековья, продолжали существовать в последующее время, не претерпевая существенных изменений.

GENERAL SUMMARY

The periodization of the ethnogenesis and the early history of the Bashkir people looks as follows. The first stage refers to the mid-1st millennium B.C. until the turn of the VIIIth–IXth centuries. In general this period coincides with the stage of archaic empires (VIth–IXth centuries) of the Turkic ethnogenesis singled out by S.G. Klyashtorny. The content of this stage is turning of the ethnonym "Turk" into a polytonym, designating all population subservient to the creators of the First Turkic Khanate.

During this period among the Turkic tribes they record some ethnic names known later as a part of the ancient Bashkir tribal alliance including the proper word *Bashkort*. The history of these tribes is connected with the territory of Central Asia, and for the earlier period with Southern Siberia and the Altai.

On the territory of modern Bashkortostan in this period one fixes a motley ethnic composition. The bearers of the Bahmutino culture are descendants of the earlier population of the Pyanobor era. According to most researchers this population belongs to the Finno-Ugric language family. The Turbasly culture that had developed in this period in Central Bashkortostan has no local roots. Researchers attribute its origin to the nomadic tribes who had come from the Hun tribal alliance.

During the same period one records new cultural entities whose appearance in the Southern Urals can be associated with the creation of the First Turkic Khanate. These are the monuments of Kushnarenkovo type which occupied the steppe zone on both sides of the Urals. In the steppe those are the monuments of the Selentash type.

The origin of the bearers of Kushnarenkovo ceramics is associated by virtually all researchers with the territory of Western Siberia. On the ethnicity of this population expert opinion is divided. Some researchers speak about the Ugrian affinity of the Kushnarenkovo population. N.A. Mazhitov insists on the Turkic and moreover on the ancient Bashkir attribution of these monuments. The repeatedly voiced opinion of V.A. Mogilnikov somewhat reconciles the opponents *viz* the view on the mixed character of the said population. According to V.A. Mogilnikov the bearers of the Kushnarenkovo type memorials were a mixed population perhaps Turkic-Ugric or Ugric in origin, but those who were subject to a strong influence of the Turks. The Turkization process could take place in the framework of participation of the population in the composition of the First Turkic Khanate.

On the ethnicity of Selentash type bearers there is no consensus among researchers either. Some consider them to be Turks (S.G. Botalov, N.A. Mazhitov), others deem them Chionites (I.E. Lyubchansky).

Either way, science as yet cannot give a clear one-to-one solution on the participation of ethnic groups mentioned in the ethnogenesis of the Bashkirs. The anthropology data let only hypothetically assume that the Bahmutino culture bearers as representatives of the Ural race and the Turbasly culture bearers as a Caucasoid population could participate in the formation of the Uraloid and Caucasoid types of the Bashkir people.

By the end of this period there occurs a relative levelling of the material culture of the peoples of South Urals. In the VIIIth–IXth centuries in the forest-steppe zone of the Urals the Karayakupovo monuments of culture dominate. Besides from the previous culture only traces of Kushnarenkovo archaeological culture remain. Most researchers explain this fact by an affinity of the population of both cultures. The monuments of the Kushnarenkovo and the Karayakupovo cultures are but the southwest wing of a large ethno-cultural community which also includes the Nevolino and Bakalsk cultures. All these formations are located mainly in the forest-steppe zone, and they are characterized by a confusion of the steppe and forest characteristics in culture. In the south-eastern monuments of this community one can trace a strong influence of the Strostki culture which, is after V.A. Mogilnikov, the material expression of the Kimak Khaganate culture. On the other hand, on the south-western monuments they trace the Saltovka traits that mark the culture of the Khazar Khaganate. That means the southern groups of the Ural and Trans-Ural steppe population participated in the life of Turkic state entities.

The data on anthropology allow to suggest that the population which left the Karayakupovo culture had directly participated in the ethnogenesis of the Bashkirs.

The second phase of Bashkir ethnogenesis one may define within limits of the late IXth–Xth centuries – XIIth century. During this period a number of Turkic tribes united in the ancient Bashkir tribal alliance migrated to the Southern Urals and became the nucleus of the ancient Bashkir ethnicity. The word *Bashkort* had been already mentioned in connection with the Pecheneg-Oguz wars. During this period the ethnonym *Bashkort* is clearly associated with the Southern Urals among medieval writers.

In the forest-steppe zone of the Urals in the period there spread monuments of the Chiyalik culture. This community occupied the territory which still has been populated by Bashkirs – from the eastern regions of Tatarstan to the west of the Kurgan region. The elements of material culture recorded archaeologically and the anthropological data conclusively demonstrate that the bearers of the Chiyalik culture are the direct ancestors of the Bashkirs. On this basis the Chiyalik culture refers to the culture of the ancient Bashkirs.

The basis of the economy of this part of ancient Bashkirs was the semi-nomadic pastoralism given the development of home crafts (pottery, working of metal, wood, bone and skin). There was a tradition of building fortified settlements. Archaeologically one traced similarities of the Chiyalik culture with the world of the steppe culture of Western Siberia.

Bashkir monuments of the steppe zone are presented and studied much worse than the forest-steppe ones. This is due to a number of objective and subjective reasons. Also for various reasons they have not been the subject of a special study. At this level of scrutiny we can only assume that the sites located on the border of the steppe and forest-steppe belong to the ancient Bashkirs (the Staroje Musino, Zhitimak (Zetimbyak), Syntysh-tamak barrows, etc.).

Perhaps the zonal division of the ancient monuments of the Bashkirs corresponds to medieval authors division of the Bashkirs into the external and internal ones. From this perspective the "external" Bashkirs can match burial mounds of Central Bashkortostan, while the monuments of the Chiyalik culture may refer to the "Internal" Bashkirs. The inner cities of Bashkirs described by *Al-Idrisi* match Chiyalik settlements. In folklore monuments we also found division of Bashkirs into two groups: the forest and grassland ones. Probably due to this situation is the coexistence of two ethnonyms – *Bashkort* and *Ishtyak* designating one and the same nation.

The content of this phase of the Bashkir ethnogenesis can be considered as the formation of a new ethnic group - "ancient Bashkir ethnicity" based on the interaction of various outsiders and local ethnic groups. Undoubtedly, Turkic elements played the leading role in this new community. However, one can not exclude the existence of bilingualism at this stage. Unfortunately, archaeological material does not provide evidence of the linguistic affiliation of archaeological culture bearers.

R.G. Kuzeiev's assumption on the formation of the ancient Bashkirs in Bugulma-Belebey hill country has not been confirmed by the archaeological materials. As shown in this publication towards the Xth–XIst centuries ancient Bashkirs had mastered the territory largely corresponding to the modern resettlement of the Bashkir people.

At this stage they fix penetration of Islam into the ancient Bashkirs' midst.

The third stage of the Bashkir ethnogenesis is associated with the period of the XIIIth–XVth centuries. The process of ethnogenetic orientation at this stage is associated with campaigns of the Mongols and the affiliation of Bashkortostan with the Mongol Empire.

According to historical records, legends, and the *shezhere* the river Yaik (Ural) in this period becomes the southern boundary of the Bashkirs' resettlement. The left bank of Yaik becomes a place of nomadism first of Mongol nomads, then of the Nogais and later of the Kazakhs. During this period, the *Dasht-i-Kipchak* population fleeing from the Mongol conquest rushes to the Southern Urals. During the "great havoc" and the subsequent collapse of the Golden Horde new waves of Dasht-i-Kipchak clans rush to the Southern Urals and a number of Bulghar tribal divisions do the same. This is explained by the fact that on the territory of Bashkortostan there was not any real presence of the Mongol administration, and this attracted those who tried to escape its pressure. Another incentive for the resettlement of nomads in the Southern Urals was the increase of the steppe humidity in the XIIIth–XIVth centuries.

By the end of this stage and on the eve of the Bashkirs' joining the Russian state the territorial limits of Bashkir tribes have been more or less defined.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абд ар-Рашид ал-Бакуви*, 1971 — *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Китаб Талхис ал-асар вааджаиб ал-малик ал-каххар. («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего»). М., 1971.
- Абрамзон*, 1971 — *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971.
- Абрамов*, 1907 — *Абрамов А.Н.* Башкиры // Русский антропологический журнал. 1907. № 3–4.
- Абу-ль-Гази*, 1958 — *Абу-ль-Гази*. Родословная туркмен. М. — Л., 1958.
- Агаджанов*, 1969 — *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агапов*, *Пестрикова*, *Салугина*, 1981 — *Агапов С.А.*, *Пестрикова В.И.*, *Салугина Н.П.* Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. 1981.
- Агафий*, 1996 — *Агафий*. О царствовании Юстиниана. М., 1996.
- Агеев и др.*, 1995 — *Агеев Г.Б.*, *Вильданов А.А.*, *Мажитов Н.А.* Уметбаевские I и II курганы // Курганы кочевников Южного Урала, 1995.
- Азнабаев*, 2009 — *Азнабаев Б.А.* Апология власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» // Золотоордынское наследие. Материалы научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань, 2009.
- АИИМК*, 1864 — Архив Института истории материальной культуры. Ф.—1—1864. № 21. Отчет II.
- Акимова*, 1973 — *Акимова М.С.* Значение данных антропологии, дерматоглифики и серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале) // Вопросы антропологии, 1973. Вып. 44.
- Акимова*, 1968 — *Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
- Акимова*, 1971 — *Акимова М.С.* Этногенез башкир по данным антропологии // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа. 1971.
- Акимова*, 1974 — *Акимова М.С.* Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974.
- Акишев*, *Кушаев*, 1963 — *Акишев К.А.*, *Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата, 1963.
- Аккубеков*, 2006 — *Аккубеков Р.Ю.* Башкирские народные сказки о животных: Типология и взаимосвязь с письменными источниками. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.
- Акманов*, 1981 — *Акманов И.Г.* Социально-экономическое развитие Башкортостана во второй половине XVI — первой половине XVIII вв. Уфа, 1981.
- Акмулла*, 1981 — *Акмулла*. Стихотворения. Уфа, 1981 (на башк. яз.).
- Алпатов*, 1976 — *Алпатов М.А.* В.Н. Татищев и западноевропейская история // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
- Амантай*, 1934 — *Амантай Г.* Башкирская литература, Уфа, 1934 (на башк. яз.).
- Аматуллах Г.* Нарыстау — священное место страны башкир // Башкортостан — страна святых. На башк. языке. Уфа, 2012.
- Амброз*, 1989 — *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. М. 1989.
- Аминев*, 2006 — *Аминев З.Г.* Почему башкиры приняли ислам? // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). Уфа: РИЦ БашГУ, 2006.
- Аминев*, *Сунгатов*, 2009 — *Аминев З.Г.*, *Сунгатов Ф.А.* К проблеме социально-политического устройства башкирского общества в начале II тысячелетия нашей эры // Вестник Академии наук РБ. Уфа. 2009. Т. 14. № 1.
- Аминев*, *Ямаева*, 2009 — *Аминев З.Г.*, *Ямаева Л.А.* Региональные особенности ислама у башкир. Уфа: Дизайн-ПолиграфСервис, 2009.
- Аминова*, 2002 — *Аминова Г.* К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002.
- Английские путешественники...*, 1937 — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Андреев*, 2002 — *Андреев Ю.В.* От Евразии к Европе (Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа). — СПб. 2002.
- Андреев*, 1951 — *Андреев А.И.* Переписка В.Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Исторический архив. М.-Л., 1951. Вып. VI.
- Андрей Курбский*, 1986 — *Андрей Курбский*. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
- Аннинский*, 1940 — *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров о монголо-татарах и Восточной Европе (XIII в.) // Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. III.
- Антонов*, 2008 — *Антонов И.* Башкиры и Башкирия по данным ал-Идриси // Ватандаш. Уфа, 2008.
- Арсланова*, 2002 — *Арсланова А.А.* Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань, 2002.
- Артамонов*, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Артамонов*, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

- Археология СССР, 1987 — Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987.*
- Археология СССР, 1989 — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1989*
- Архипов, 1973 — Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973*
- Архипов, 1996 — Атавин, 1996 — Атавин А.Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1996.*
- Архипова, Ястребов, 1982 — Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982.*
- Асфандияров, 1992 — Асфандияров А.З. Народы Башкирии в Отечественной войне 1812 года с приложением списка воинов полков с указанием наград и местожительства // "Любезные вы мои...". Уфа, 1992.*
- Афанасьева и др., 1979 — Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В., Шеремет Б.В. Почвы СССР. М. 1979.*
- Ахинжанов, 1973 — Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII—начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.*
- Ахинжанов, 1976 — Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1976.*
- Ахинжанов, 1980 — Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.*
- Ахинжанов, 1989 — Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.*
- Ахинжанов, 1989 — Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-ата, 1989.*
- Ахмедов, 1965 — Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.*
- Ахмеров, 1996 — Ахмеров Р.Б. Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. Уфа: Китап, 1996. 64 с.*
- Ахмеров, 1955 — Ахмеров Р.Б. Могильник близ г. Стерлитамака // СА. —XXII. —М., 1955.*
- Ахмеров, 1970 — Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV—VIII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970.*
- Ахметзаки Валиди Тоган, 2010 — Ахметзаки Валиди Тоган. История башкир. Перевод с турецкого А.М. Юлдашбаева. —Уфа, 2010.*
- Ахметова, 1995 — Ахметова Ш.К. Пища казахов Западной Сибири: традиции и новации // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995.*
- Ахметшин, 1976 — Ахметшин Б.Г. К вопросу об изучении этногенетических преданий-легенд башкир // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976.*
- Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998 — Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара. 1998.*
- Байпаков, 2005 — Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе — город Кедер. Алма-Аты. 2005.*
- Байпаков, 2005а — Байпаков К.М. Древние города Казахстана. Алма-Ата. 2005.*
- Бараг, Сулейманов, 1990 — Бараг Л.Г., Сулейманов А.М. Башкирские бытовые сказки и их разновидности // Башкирское народное творчество. Бытовые сказки / Сост. А.М.Сулейманов. Вступ. ст. и коммент. Л.Г. Барага и А.М. Сулейманова. Уфа, 1990. Т. V.*
- Бартольд, 1968 — Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.*
- Бартольд, 1973 — Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII.*
- Бартольд, 1973 — Бартольд В.В. География Ибн-Саида // Собрание сочинений. М. 1973. Т. V.*
- Бартольд, 1897 — Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. // Записки Российской АН. Исто-рико-филологическое отд. СПб., 1897. Т. I. № 4.*
- Бартольд, 1968 — Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М., 1968. Т. V.*
- Бауманн, 1992 — Бауманн Р.Ф. Подвластные народы на военной службе в Российской империи: на примере башкир // "Любезные вы мои ..." Уфа, 1992.*
- Башкирская литература, 1983 — Башкирская литература. Начало XX века: Поэзия. Уфа, 1983. Кн. 1 (на башк. яз.).*
- Башкирские родословные, 2002 — Башкирские родословные / Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; Науч. рук. Р.Г. Кузеев. Уфа: Китап, 2002. Выпуск 1: Издание на русском языке. 480 с.*
- Башкирские родословные..., 2003 — Башкирские родословные. Выпуск первый: Издание на русском языке. Сост. Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. Уфа, 2003.*
- Башкирские сказки и легенды, 1996 — Башкирские сказки и легенды. Уфа, 1996.*
- Башкирские шежере, 1960 — Башкирские шежере. Сост., перевод, комм. Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.*
- Башкирские...1980. Пословицы и поговорки — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа, 1980 (на башк. яз.).*
- Башкирские...1997. — Башкирские народные песни, песни-предания / Авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа, 1997 (на башк., руск. и англ. яз.).*

Башкиры в.., 2008 — Башкиры в начале XXI века. Статистический сборник. / Ответств. И.Б. Утяшева, Г.Т. Юнусова. — Уфа, 2008

Башкиры, 2002 — Башкиры. Этническая история и традиционная культура. — Уфа: Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002.

Башкорт халык ижады, 2000 — Башкорт халык ижады (БХИ): 5-се том. Тарихи кобайырзар, хикә-йәттәр (иртәктәр). Өфө, 2000. 392 бит.

Башкорт халык ижады, 2006 — Башкорт халык ижады (БХИ): 8-се том. Эпос: иртәктәр һәм эпик кобайырзар. Өфө: Китап, 2006. 492 бит.

Бейлис, 1984 — Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984.

Бейсенов, Хатран, 1999 — Бейсенов А.З., Хатран Д. Этнодифференцирующая особенность частей туши «бас» (голова) и «уша» (задняя часть) у казахов и других центральноазиатских народов // Тезисы докладов III Конгресса этнографов и антропологов России. М., 1999.

Бекмухаметов, 1908 — Бекмухаметов М. Доброе наставление. Казань, 1908 (на казах. яз.).

Белавин, Иванов, Крыласова, 2009 — Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ "Вагант". 2009.

Белавин, Крыласова, Бочаров, 2000 — Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В. Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск. 2000.

Белавин, Крыласова, Семенова, 2001 — Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Семенова В.И. Этническая ситуация в Пермском Предуралье и Тюменском Зауралье в эпоху средневековья // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень: ТГУ. 2001.

Берг, 1952 — Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. М. Т. III. 1952.

Бибииков, 1981 — Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР (Материалы и исследования 1980). — М., 1981.

Библиография..., 1969 — Библиография по башкирской литературе и литературоведению. Уфа, 1969 (на башк. яз.).

Бикбулатов, 1974 — Бикбулатов Н.В. Отражение минората и майората в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа, 1974.

Бисембаев, Усманова, Боталов, 2006 — Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г. Памятники кыпчако-половецкого этапа (XI — начало XIII в.) // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск, 2006.

Бичурин, 1829 — Бичурин Н.Я. История первых ханов из дома Чингизидов. СПб., 1829.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.

БНТ, 1987 — Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.

БНТ, 1973 — Башкирское народное творчество: Эпос. Уфа, 1973. Кн. 2.

БНТ, 1978 — Башкирское народное творчество. Баиты. Уфа, 1978 (на башк. яз.).

БНТ, 1980 — Башкирское народное творчество. Предания, легенды. Уфа, 1980 (на башк. яз.).

БНТ, 1982 — Башкирское народное творчество: Эпос. Уфа, 1982. Кн. 3 (на башк. яз.).

БНТ, 1987 — Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / Сост. М.М. Сагитов. Уфа, 1987.

БНТ, 1987. Т. II — Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа, 1987. Т. II.

БНТ, 1988. Т. III — Башкирское народное творчество. Богатырские сказки / Сост. Н.Т. Зарипов. Вступ. ст. и коммент. Л.Г. Барага и Н.Т. Зарипова. Уфа, 1988. Т. III.

БНТ, 1989. Т. IV — Башкирское народное творчество. Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Н.Т. Зарипов. Вступ. ст. и коммент. Л.Г. Барага и Н.Т. Зарипова. Уфа, 1989. Т. IV.

БНТ, 1993. Т. VII — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки. Приметы. Загадки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. Надршина. Уфа, 1993. Т. VII.

БНТ, 1997. Т. II — Башкирское народное творчество. Предания и легенды. / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа, 1997. Т. II (на башк. яз.).

БНТ, 1999. Т. X — Башкирское народное творчество. Исторический эпос. Уфа, 1999. Т. X.

БНТ, 2006. Т. X. Кн. 1. — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа, 2006. Т. X. Кн. 1 (на башк. яз.).

Богачев, 1991 — Богачев А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара. 1991.

Богачев, 1992 — Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V — VIII вв.). Самара. 1992.

Богачев, 1995 — Богачев А.В. О верхней хронологической границе именковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара. 1995.

Богачев, 1996а — Богачев А.В. К вопросу о поздней дате древностей «гуннского круга» // РА. № 3. 1996.

Богачев, 1996б — Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье //

Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1996.

Богачев, 1998а — Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара. 1998.

Богачев, 1998б — Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Самара. 1998.

Богачев, 2000 — Богачев А.В. Памятники постгуннского (раннетюркского) времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Богачев, 2007 — Богачев А.В. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV–V веков // Проблемы археологии Оренбуржья. Оренбург. 2007.

Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996 — Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1996.

Богачев, Матвеева, Набоков, 1989 — Богачев А.В., Матвеева Г.И., Набоков А.В. Раскопки городища Переволоки на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. 1989.

Бондарский, 1953 — Бондарский М.С. Античная география. — М., 1953.

Бородин, Гуркова, 2000 — Бородин О.Р., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии. — СПб. 2000.

Боталов, 1987 — Боталов С.Г. Курганы у озера Синеглазово (по раскопкам Н.К. Минко и С.А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1987

Боталов, 2006 — Боталов С.Г. Этапы культурогенеза урало-казахстанских степей в эпоху поздней древности и средневековья // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Боталов и др, 2006 — Боталов С.Г. Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск. 2006. 230 с.

Боталов и др, 2008 — Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. 2008.

Боталов, 1993 — Боталов С.Г. Большекараганский могильник II–III вв. н.э. // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург. 1993.

Боталов, Гарустович, Яминов, 1995 — Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Уфа. 1995.

Боталов, Гуцалов, 2000 — Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск. 2000.

Бочаров, 1997 — Бочаров И.В. Этнокультурная интерпретация результатов анализа погребального обряда Верхнего Прикамья // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы I международной научно-практической конференции. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во. 1997.

БПЛ, 1985 — БПЛ. Уфа, 1985;

БР, 2002 — Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа, 2002.

Булычев, 1902 — Булычев Н.И. Древности из Восточной России. -Вып. 1. —М., 1902.

Бутанаев, Монгуш, 2005 — Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды Саянских тюрков. Абакан, 2005.

Вагабов, 1984 — Вагабов М.В. Ислам и вопросы атеистического воспитания. М. 1984.

Вайнштейн, 1991 — Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991

Валеев, 1989 — Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989.

Валеев, 1995 — Валеев Д.Дж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа: Китап, 1995.

Валиханов, 1961 — Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1961. Т. 1.

Васильев, Скарбовенко, 1982 — Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа. 1982.

Васюткин, 1986 — Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. № 2. 1986.

Васюткин, 1992 — Васюткин С.М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992.

Введение христианства..., 1987 — Введение христианства на Руси. М., 1987.

Введенский, 1883 — Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // Тобольские губернские ведомости. 1883.

Вельяминов-Зернов, 1853 — Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия в киргиз-кайсаках. Уфа, 1853. Т1.

Вельяминов-Зернов, 1859 — Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабской надписью в Башкирии // Труды Отделения императорского археологического общества. СПб., 1859.

Вернадский, 1999 — Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 1999.

Вернер, 1988 — Вернер Й. Погребальная находка от Малайя Перешчепина и Кубрат — хан на Българите. София. 1988.

Веселаго, 1957 — Веселаго Е.Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. — 1957.

Вильгельм де Рубрук, 1911 — Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

Вильданов, 1926 — Вильданов Г. Исследование в области литературы тюркских народов и их закономерности // Башкорт аймағы, 1926. № 2 (на башк. яз.); Бурангулов, 1995 — Бурангулов М. Завещание сэсэн. Уфа, 1995. (на башк. яз.).

Военно-оборонительное дело, 1985 — Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985

Воробьев, 1947 — Воробьев Н.И. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР летом 1946 г. // Советская этнография, 1947, № 1.

Вощина, 1953 — Вощина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. // СА. Вып. XVII. 1953.

Вяткина, 1960 — Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики // Труды ИЭ. Т. 60. М., 1960.

Гаврилова, 1965 — Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л. 1965.

Гадло, 1979 — Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV–X вв. Л., 1979.

Газимзянов, 1995 — Газимзянов И.Р. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара. 1995.

Гали, 1941 — Гали М. Книга Умми Камала // Советская литература. Казань, 1941. № 5 (на тат. яз.).

Галин, 1979 — Галин С.А. Песенная поэзия башкирского народа. Уфа, 1979 (на башк. яз.).

Галин, 2004 — Галин С.А. Башкирский народный эпос. Уфа, 2004.

Гараева, 2006 — Гараева Н.Г. Арабо-персидские письменные источники // История татар. — Т. 2. — Казань, 2006.

Гарипов, 1972 — Гарипов Т.М. Старотюркские письменные памятники Башкирии // Советская тюркология. №4.1972.

Гарипов, Кузеев, 1962 — Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Отчет о научной командировке в Венгерскую Республику // АЭБ. Т. I. 1962.

Гаркави, 1870 — Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. С. 127.

Гарустович, 1995 — Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях башкирского Приуралья // Наследие веков. Уфа, 1995.

Гарустович, 2009 — Гарустович Г.Н. История одной личности (жизнеописание Михаила Башту) // Проблемы востоковедения. -№ 4 (46). —Уфа, 2009.

Гарустович, Иванов, 2001 — Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа. 2001.

Гарустович, Салтыков, 1974 — Салтыков И.В. Башкирские народные песни // Материалы и иссле-

дования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. Вып I.

Гафури, 1954 — Гафури М. Сочинения. Уфа. 1954. Т. 2.

Гемуев, 1990 — Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. -Новосибирск, 1990.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа. 1977.

Генинг, 1952 — Генинг В.Ф. Могильник Качка // ОКВАЭ. Вып. 1. Пермь. 1952.

Генинг, 1959 — Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала Академии Наук. Казань. 1959.

Генинг, 1961 — Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1961.

Генинг, 1963 — Генинг В.Ф. Азелинская культура // ВАУ. Вып. 5. Свердловск. 1963.

Генинг, 1964 — Генинг В.Ф. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6. Екатеринбург: УрГУ. 1964.

Генинг, 1967 — Генинг В.Г. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ, № 7, Ижевск. 1967

Генинг, 1976 — Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в.н.э. // Из археологии Волго-Камья. Казань. 1976.

Генинг, 1977 — Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа. 1977.

Генинг, 1982 — Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.

Генинг, Голдина, 1970 — Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе// ВАУ. Вып. 9. Свердловск: УрГУ. 1970.

Генинг, Халиков, 1964 — Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Генинг, Евдокимов, 1969 — Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище // ВАУ № 8. Свердловск. 1969.

Геннин де, 1937 — Геннин де В. (Вильгельм де Геннин). Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937.

Георги, 1799 — Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. II. СПб. 1799.

Геродот, 1972 — Геродот. История. Л., 1972

Гиндин, Цымбурский, 1996 — Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. — М., 1996.

Гинзбург, Трофимова, 1972 — Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. — М., 1972.

- Гмыря*, 2002 — *Гмыря Л.Б.* Хазары на Кавказе // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
- Гмыря*, 2006 — *Гмыря Л.Б.* Тюркские народы Северного Кавказа // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.
- Голдина*, 1977 — *Голдина Р.Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья. Казань. 1977. — С. 42–51.
- Голдина*, 1985 — *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет. 1985.
- Голдина*, *Кананин*, 1989 — *Голдина Р.Д.*, *Кананин В.А.* Средневековые памятники Верховьев Камы. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1989.
- Горбунов*, *Морозов*, 1991 — *Горбунов В.С.*, *Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
- Город Болгар*, 1987 — *Город Болгар.* Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Городище Уфа-II*, 2007 — *Мажитов Н.А.*, *Сунгатов Ф.А.*, *Иванов В.А.*, *Саттаров Т.Р.*, *Султанова А.Н.*, *Иванова Е.В.* Городище Уфа-II. Уфа, 2007. Т. I.
- Городище Уфа-II*, 2009 — *Мажитов Н.А.*, *Сунгатов Ф.А.*, *Саттаров Т.Р.*, *Султанова А.Н.* Городище Уфа -II. Уфа, 2009. Т. II.
- Городище Уфа-II*, 2009а — *Мажитов Н.А.*, *Сунгатов Ф.А.*, *Султанова А.Н.*, *Исмагилов Р.Б.*, *Бахшиева И.Р.* Городище Уфа -II. Уфа, 2009. Т. III.
- Греков*, *Якубовский*, 1937 — *Греков Б.*, *Якубовский А.* Золотая Орда. Л. 1937.
- Григорьев*, 1948 — *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (С половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии. Вып. I. —Казань: Татгосиздат, 1948.
- Гришаков*, *Зубов*, 2007 — *Гришаков В.В.*, *Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур Восточной Европы. Казань. 2007.
- Гукова*, 1983 — *Гукова С.Н.* К вопросу об источниках географического трактата Г. Плифона // ВВ. — 1983. — № 44.
- Гумаров*, 1969 — *Гумаров В.З.* Башкирская народная медицина. Уфа, 1985.
- Гумилев*, 1977 — *Гумилев Л.Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Гумилев*, 1990 — *Гумилёв Л.Н.* География этноса в исторический период. — Л., 1990.
- Гумилев*, 1993 — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.
- Гумилев*, 1993 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.
- Гумилев*, 1996 — *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1996.
- Гурвич*, 1883 — *Гурвич Н.А.* Описание Уфы // Справочная книжка уфимской губернии. 1883.
- Даль*, 1843 — *Даль В.И.* Башкирская русалка // Московитянин. 1843. № 1.
- Даркевич*, 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
- Даркевич*, 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
- Дебец*, 1948 — *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М., Л., 1948.
- Демкин*, *Демкина* — *Демкин В.А.*, *Демкина Т.С.* Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи. Электронный ресурс
- Демкин*, *Дергачева*, *Борисов*, *Рысков*, *Олейник*, 1998 — *Демкин В.А.*, *Дергачева М.И.*, *Борисов А.В.*, *Рысков Я.Г.*, *Олейник С.А.* Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. № 2.1998.
- Джиованни дель Плано Карпини*, 1957 — *Джиованни дель Плано Карпини.* История монголов. Пер. А.И. Малеина. М. 1957.
- Джиованни дель Плано Карпини.* История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Маленина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
- Дитмар*, 1973 — *Дитмар А.Б.* Рубежи Ойкумены. — М., 1973.
- Диттен*, 1962 — *Диттен Г.* Известия Лаоника Хакокондила о России // ВВ. — № 21. 1962.
- Дмитриева*, 1980 — *Дмитриева Л.В.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. М., 1980. Т. III.
- Долинова*, *Юсупов*, 1987 — *Долинова Н.А.*, *Юсупов Р.М.* Новые данные по дерматоглифике башкир // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987.
- Долуханов*, 1979 — *Долуханов П.М.* География каменного века. М. 1979.
- Доманин*, 2005 — *Доманин А.А.* Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его приемники. М., 2005.
- Доннели*, 1995 — *Доннели А.С.* Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Уфа, 1995.
- Древнетюркский словарь*, 1969 — *Древнетюркский словарь.* М., 1969.
- Древнетюркский словарь...* — *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
- Древняя история...*, 2000 — *Древняя история Южного Зауралья.* Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск. 2000.
- Древняя история...*, 2000 — *Древняя история Южного Зауралья.* Т. II. Челябинск, 2000.
- Древняя Русь...*, 2009 — *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. М., 2009. Т. III.
- Древняя...*, 1963 — *Древняя татарская литература.* Казань, 1963 (на тат. яз.).

- Дьяконов, 1982 — Дьяконов И.М. Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. — Т. II. — М., 1982.
- Евагрий Схоластик, 1853 — Евагрий Схоластик. Церковная история. — СПб. 1853.
- Емельянов, 1974 — Емельянов А.Ф. Предложения по классификации и номенклатуре ареалов // Энтомологическое обозрение. Том LIII. Вып. 3. 1974.
- Епимахов, 2008 — Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) // Проблемы бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. 2008.
- Еремеев, 1971 — Еремеев Д.Е. Этногенез турок. — М., 1971.
- Ерофеева, 1997 — Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII — середине XIX вв. // История и культура Центральной Азии и Казахстана: Проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997.
- Ефимова, 1962 — Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР. В сб.: МИА, № 111. М. 1962.
- Ефимова, 1991 — Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
- Живая старина, 1917 — Живая старина. СПб, 1917. Вып. 2—3.
- Жирмунский, 1974 — Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Жуковская, 1979 — Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии // СЭ. 1979. № 5.
- Жуковский, 1832 — Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. СПб., 1832.
- Жумагулов, 2003 — Жумагулов Е. Кому достанется Чингисхан // Известия. 4 окт. 2003.
- Записки..., 1875 — Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург, 1875. Вып. 3.
- Зарипов, 1974 — Зарипов Н.Т. Образы сэсэнов в башкирской эпической поэзии // Фольклористика в Советской Башкирии. Уфа, 1974.
- Засецкая, 1994 — Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб. 1994.
- Заходер, 1962 — Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений. 1962.
- Заянчковский, 1958 — Заянчковский А. Старейшая тюркская версия «Хосрова и Ширин» Кутба. Варшава, 1958. Т. 1—2 (на польск. яз.).
- Заятулак и Сусылу, 1910 — Заятулак и Сусылу. Уфа, 1910. 16 с. (на тат. яз.).
- Збруева, 1952 — Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, 1952
- Зозулин, 1973 — Зозулин Г.М. Исторические свиты растительности европейской части СССР // Ботанический журнал. Т. 58. Вып. 8. 1973.
- Золотарев, 1964 — Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Зуев, 2002 — Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алма-Аты. 2002.
- Ибн ал-Факйх — Китаб ахбар ал-булдан (по Мешхедской рукописи). Пер. С. Волина // МИТТ. М., Л. 1939. Т. I.
- Иванов, 1966 — Иванов В.А. Кыпчаки // Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1966.
- Иванов, 1988 — Иванов В.А. Magna Hungaria — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа. 1988.
- Иванов, 1994 — Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? СПб. 1994.
- Иванов, 2000 — Иванов В.А. Заволжская Печенегия // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Иванов, 2001 — Иванов В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Орды // Самарский край в истории России. Самара, 2001.
- Иванов, 2007 — Иванов В.А. Локальные особенности погребального обряда кочевников евразийских степей периода Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного Международного конгресса. Т. II. Казань, 2007.
- Иванов, 2008 — Иванов А.Г. Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. 2008.
- Иванов, 2008 — Иванов В.А. Прослеживается ли генетическая связь между носителями кушнаренковской и неволинской культур? // Проблемы бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. 2008.
- Иванов, Кригер, 1988 — Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.). М., 1988.
- Иванов, Обыденнов, 2001 — Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Археология города Уфы. Уфа. 2001.
- Игнатъев, 1903 — Игнатъев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // Известия археологической комиссии. СПб, 1903. Вып. 5.
- Из глубины..., 2004 — Из глубины столетий. Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2004.
- Илимбетов, 1973 — Илимбетов Ф.Ф. Пчеловодство у северо-восточных башкир // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973.
- Илимбетова, 2006 — Илимбетова А.Ф. Культ животных у башкир // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2006.
- Ильина, Симонова, 1996 — Ильина Н.С., Симонова Н.И. Динамика растительного покрова лесостепи Заволжья под влиянием антропогенных факторов // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара. 1996.
- Ильясов, 1981 — Ильясов Р.Ф. Башкирские сказки о животных // Советская тюркология. 1981, № 3.
- Иоанн де Плано Карпини, 1911 — Иоанн де Плано Карпини. История монголов. СПб. 1911.

- Иоанн Малала*, 1993 — *Иоанн Малала*. Хронография (кн. XVIII) // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М., 1993.
- Иордан*, 1997 — *Иордан*. О происхождении и деянии гетов (Гетика). — СПб. 1997.
- Иофа*, 1949 — *Иофа Л.Е.* Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев. 1949.
- Искужин*, 1992 — *Искужин Р.К.* "Ватан" на Бородинском поле // "Любезные вы мои...". Уфа, 1992.
- Исмагилов*, 1995 — *Исмагилов Р.Б.* Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995.
- Исмагулов*, 1970 — *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
- Исследования...*, 1971 — Исследования Великого города. М., 1971
- Историко-культурный атлас...*, 2007 — Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М., Уфа. 2007.
- История Башкортостана...*, 1996 — *История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века*. Уфа, 1996.
- История Казахской ССР*, 1979 — *История Казахской ССР*. Алма-Ата, 1979.
- История Самарского...*, 2000 — *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье*. М., 2000.
- История татар*, 2002 — *История татар*. Том I. 2002.
- История Татарии...*, 1937 — История Татарии в материалах и документах. М., 1937.
- История Уфы*, 1976 — История Уфы. Уфа, 1976.
- История...*, 1977 — *История башкирской советской литературы*. М., 1977;
- История...*, 1978 — *История узбекской литературы*. Ташкент, 1978. Т. 1 (на узб. яз.).
- История...* 2011. Т. III. — История башкирского народа в 7 т. /Ред. колл.: И.Г. Акманов, И.М. Гвоздиков, В.В. Трепавлов, Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, 2011. Т. III.
- Исхаков*, 1985 — *Исхаков Д.М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.
- Исхаков*, 1998 — *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.
- Исхаков*, 2004 — *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2004.
- ИУ*, 1989 — История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: «Наука», 1989.
- Ишбердин*, 1980 — *Ишбердин Э.Ф.* Камень с «загадочными» знаками // СТ. -1980.
- Ишбердин*, 1980 — *Ишбердин Э.Ф.* Камень с загадочными знаками // Советская тюркология. № 2. 1980.
- Ищеригов*, 1952 — *Ищеригов П.Ф.* Левашовский могильник // КСИИМК. Вып. 47. — М., 1952.
- Кабаклы*, 1978 — *Кабаклы А.* Турецкая литература. Стамбул, 1978. Т. 2 (на тур. яз.).
- Кавеев и др.*, 1988 — *Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова, Шаруфуллин, Хлебникова М.А., Шаруфуллин Р.Ф.* Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Болгария в монгольское время. Казань. 1988.
- Каждан*, 1975 — *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. — Ереван, 1975.
- Казаков*, 1971 — *Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971
- Казаков*, 1988 — *Казаков Е.П.* О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // ПДУЮУ. Уфа, 1988.
- Казаков*, 1996 — *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья. В сб.: Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара. 1996.
- Казаков*, 1996 — *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятников Закамья // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1996.
- Казаков*, 1998 — *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры (вопросы хронологии). Самара. 1998.
- Калимуллин Б.Г.* Башкирское народное зодчество. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978. 132 с.
- Калинин, Халиков*, 1954 — *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Серии исторических наук. Казань. 1954
- Карпини*, 1957 — *Карпини П.* История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Каспийское море...*, 1988 — *Каспийское море в арабских источниках* // Известия Академии наук Азербайджанской ССР (серия истории, философии и права). Баку. № 3 1988.
- Кастанье*, 1905 — *Кастанье И.А.* Погребальные обряды у калмыков и у ламаитов вообще // ТОУАК. Вып. XIV. Оренбург, 1905.
- Кастанье*, 1910 — *Кастанье И.А.* Надгробные сооружения киргизских степей // ТОУАК. Вып. XXVI. Оренбург, 1911.
- Каховский*, 2003 — *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Шувашкар. 2003.

Керимов, 1978 — Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М. 1978.

Киреев, 1970 — Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос Уфа, 1970.

Киреев, 1976 — Киреев А.Н. Культ медведя в древних верованиях и отражение его в фольклоре башкирского народа // Фольклор народов РСФСР. Вып. 6. Уфа, 1976.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-ата. 1992

Кляшторный, 1964 — Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный, 1972 — Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. 1972

Кляшторный, 1986 — Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. К 80-летию академика А.Н. Кононова Л., 1986.

Кляшторный, Савинов, 2005 — Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. 2005.

Кляшторный, Султанов, 1992 — Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов, 1992 — Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Книга Большому Чертежу, 1950 — Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

Книга Большому чертежу..., 1839 — Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб. 1839.

Книга Марко Поло, 1956 — Книга Марко Поло. М., 1956.

Кобеко, 1890 — Кобеко Д. К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды // ЗВО РАО. Т. 4. 1889. — СПб., 1890.

Ковалевский, 1956 — Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков. 1956.

Коджатурк, 1964 — Коджатурк В.М. История турецкой литературы. Анкара, 1964 (на турец. яз.).

Козин, 1941 — Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Коковцев, 1932 — Коковцев П.К. Еврейско-хазарские переписки в X веке. Л., 1932.

Колода, 2001 — Колода В.В. Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.

Кондыбай Серикол, 2011. Гиперборея: родословия эпохи сновидений // пер. с каз. яз. З. Наурузбаевой. Алматы, 2011.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2006. 328 с.

Коновалова, 1999 — Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

Коновалова, 2006 — Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

Коновалова, 2009 — Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв. М., 2009.

Кононов, 1972 — Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» // СТ. 1972.

Коноплев, 1862 — Коноплев Н.В. О кумысе у башкирцев Оренбургской губернии // Протоколы заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. СПб. 1862.

Константин Багрянородный, 1934 — Константин Багрянородный. Об управлении государством. // ИГАИМК. Вып. 91. М.-Л., 1934.

Константин Багрянородный, 1989 — Константин Багрянородный Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. М. 1989.

Короглы, 1972 — Короглы Х.Т. Туркменская литература. М., 1972.

Костюков, 2009 — Костюков В.П. Улус Шибана // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.

Котов, 2011 — Котов В.Г. Реликты культа гор у башкир по данным фольклора, этнографии и археологии // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Матер. Междунар. науч. конф., посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. г. Уфа, 17—19 ноября 2011 г. Уфа, 2011.

Кочуев, 1849 — Кочуев А.К. Сведения о древностях в Оренбургской и Казанской губерниях. Кн. 3. 1849.

Кочуев, 1853. Кочуев А.К. Сведения о древностях в Оренбургской и Казанской губерниях Кн. 16. 1853.

Кравцов, 1973 — Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. М., 1973.

Крачковский, 1957 — Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература / Избр. Соч. — Т. 4. — М., 1957.

Кропоткин, 1962 — Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Е. 4—4. М., 1962.

Кропоткин, 1961 — Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1961.

Круглов, 2002 — Круглов Е.А. За триста лет до ибн-Фадлана, или Южный Урал глазами византийцев 2 пол. VI в. // Уникальные источники по истории Башкортостана. — Уфа, 2002.

Круглов, 2005а — Круглов Е.А. Сако-скифский мир античной традиции в свете современной антропологии // Modern History. — Вып. IV. — Часть 1. — Уфа, 2005а.

Круглов, 2005б — Круглов Е.А. К предистории византийских метономасий XII—XV вв. // Вестник Башгосуниверситета. — № 1. — 2005б.

Круглов, 2007 — Круглов Е.А. Прикамье VI—XIII вв. в восприятии византийцев // УАВ. — 2007.

Крыласова, 2001 — Крыласова Н.В. История прикамского костюма. Пермь: ПГПУ. 2001.

Крыласова, 2007 — Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Пермь: ПГПУ. 2007.

Кузеев, 1957 — Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа. 1957.

Кузеев, 1968 — Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии (далее — АЭБ). Т. III. Уфа, 1968.

Кузеев, 1974 — Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузеев, 1978 — Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев, 1984 — Кузеев Р.Г. Этническая история башкирского народа (гипотезы, источники, теории). // НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 3. Кассета 23. С. 3. Уфа, 1984.

Кузеев, 1992 — Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М. 1992.

Кул Гали, 1993 — Кул Гали. Кысса-и Йусуф. Уфа, 1993.

Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Кумекоев, 1972 — Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Кумекоев, 1993 — Кумекоев Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII — начала XIII в. // Известия НАН Республики Казахстан (Серия общественных наук). 1993. № 1.

Курганы..., 1993 — Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.

Курганы..., 1994 — Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.

Курганы..., 1995 — Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.

Курганы..., 1996 — Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996.

Курьлев, 1998 — Курьлев В.П. Скот, земли, община у кочевых и полукочевых казахов. СПб. 1998.

Кучма, 1979 — Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник // ВВ. — № 40. 1979.

Лавров, 1966 — Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. Ч. 1. — М., 1966.

Латышев, 1947 — Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2.

Левина, 1971 — Левина Л.М. Керамика Сырдарьи. М. Наука. 1971.

Левина, 1993 — Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. 1993.

Левина, 1993а — Левина Л.М. Джетыясарская культура. Часть 2. М. 1993.

Левина, 1993б — Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. Часть I. Склепы. М., 1993.

Левина, 1993в — Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. 1993.

Левченко, 1950 — Левченко М.В. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение // ВВ. — № 3. 1950.

Левшин, 1996 — Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.

Лещенко, 1976 — Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // в кн. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М.: Наука. 1976.

Лещенко, 1977 — Лещенко В.Ю. О ритуальном использовании серебряных сосудов с отверстиями // КСИА. — 1977.

Липец, 1983 — Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

Литуновский, 1878 — Литуновский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878.

Лифанов, Седова, 2003 — Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Лоссиевский, 1883 — Лоссиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.

Лубсан Данзан, 1973 — Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.

Любарский, 1992 — Любарский Я.Н. Сочинение «Продолжателя Феофана» // Продолжатель Феофана. — СПб. 1992.

Любарский, 1978 — Любарский Я.Н. Михаил Псёлл. Личность и творчество. — М., 1978.

Любчанский, 2004 — Любчанский И.Э. Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II—VI вв. н.э. южноуральского региона. Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа. 2004.

Любчанский, 2006 — Любчанский И.Э. Курганы с усами // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Магидович, Магидович, 1982 — Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий / Соч. в 5 тт. Т. 1. М. 1982.

Мажитов Н.А. Поселение Новотурбаслинское II // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.

Мажитов, 1962 — Мажитов Н.А. Поселение Ново-турбаслинское II // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. I. 1962.

Мажитов, 1968 — Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М. 1968

Мажитов, 1971 — Мажитов Н.А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971.

Мажитов, 1977 — Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.

Мажитов, 1981а — Мажитов Н.А. Южный Урал XII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Мажитов, 1987 — Мажитов Н.А. Некоторые итоги и задачи изучения средневековой археологии Южного Урала // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.

Мажитов, 2004 — Мажитов Н.А. Была ли у башкир своя государственность до XVI в. // Древности Востока. М. 2004.

Мажитов, Иванов, Султанова, 2007 — Мажитов Н.А., Иванов В.А., Султанова А.Н. Башкортостан в составе Золотой Орды // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.-Уфа, 2007.

Мажитов, Султанова, 2009 — Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность, средневековье. Уфа, 2009.

Мажитов, Султанова, 1994 — Мажитов Н.А., Султанова А.М. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.

Мажитов, Султанова, 2004 — Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Башкирские ханы IX–XVI вв. // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа, 2004.

Макаров, 2001 — Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.

Малиев, 1876 — Малиев Н.М. Антропологический очерк башкир // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 5. Вып. 5. Казань, 1876.

Марков, 1980 — Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников /1 скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Масанов, 1984 — Масанов Н.Э. Проблема социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984.

Маслюженко, 2008 — Маслюженко Д.Н. Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболье в период раннего средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. 2008.

Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V. Уфа. 1973. С. 244–252.

Матвеева и др., 2007 — Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень. 2007.

Матвеева, 1973 — Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Уфа. Т. V. 1973.

Матвеева, 1981 — Матвеева Г.И. О происхождении именниковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. 1981.

Матвеева, 1986 — Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в Середине I тысячелетия н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев. 1986.

Матвеева, 1993 — Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара. 1993.

Матвеева, 1997 — Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара. 1997.

Матвеева, 1998 — Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа — ранний этап именниковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара. 1998.

Матвеева, 2000 — Матвеева Г.И. Памятники именниковской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. 2000.

Матвеева, 2007 — Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень. 2007.

Матвеева, Богачев, 2000 — Матвеева Г.И., Богачев А.В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (Ранний железный век и средневековье). М. 2000.

Матвеева, Морозов, 1991 — Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара. 1991.

Матвей Меховский, 1936 — Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Материалы... — Материалы фольклорного фонда кафедры башкирской литературы и фольклора БашГУ. Тетр. № 3.

Медведев, 1976 — Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. — Л. 1976.

Мелетинский, 1972 — Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972.

Менандр, 1860 — Менандр. Продолжение истории Агафия. Фрагменты истории делегаций ромеев // Византийские историки. — Т. 2. — СПб. 1860.

Мендикулов, 1987 — Мендикулов М.М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987.

Милюков, 1951 — Милюков Ф.Н. Общая характеристика природы Чкаловской области // Очерки физической географии Чкаловской области. Чкалов, 1951.

Мингажетдинов, 1971 — Мингажетдинов М.Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии. Материалы... Уфа, 1971. Т. IV.

Мингажетдинов, 1976 — Мингажетдинов М.Х. Башкирские народные сказки // Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1. Уфа, 1976 (на башк. яз.).

Минибаева, 2002 — Минибаева З.И. Традиционная медицина // Курганские башкиры. Уфа, 2002.

Миннегулов, 1972 — Миннегулов Х. Новые произведения Сайфа Сарай // Казан утлары. 1972. № 6 (на татар. яз.).

Минорский, 1963 — Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., Вост. Лит. 1963.

Минх, 1871 — Минх А.Н. Летопись Желтогорского уезда. 1871.

Мирбадалева, 1971 — Мирбадалева А.С. Башкирский народный эпос // Башкирский народный эпос. М., 1971; Надршина, 2010 — Надршина Ф.А. Об эпических сказаниях башкир // Башкирские народные эпические сказания. Уфа, 2010 (на башк., руск. и англ. яз.)

Миронов, 1976 — Миронов В.Г. Памятники городской культуры и проблема ее локальных вариантов. Автореф. канд. дисс. М. 1976.

МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., Л. 1939. Т. 1.

Могильников, 1996 — Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1996.

Морозов, 1982 — Морозов Ю.А. Срубные памятники Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Морозов, 2003 — Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь. 2003.

Мрясов С., 1930 — Мрясов С. Историческое прошлое башкир // Краеведческий сборник. Уфа, 1930. № 3—4.

Мухамадеев, 1995 — Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Мухамадеев, 1983 — Мухамадеев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XIII—XV вв. М., 1983

Мухамедьяров, 2006 — Мухамедьяров Ш.Ф., Vasari I. Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's Yarliks) // Источники и исследования по истории татарского народа. Материалы к учебным курсам. В честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2006.

Мухамедьяров, 2012 — Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Казань, 2012.

Мухаметшин, 1981 — Мухаметшин Д.Г. Об этнографических памятниках Восточного Закамья (к вопросу о локальных вариантах булгарских эпиграфий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Муштак, 1910 — Муштак Г. Песни поэтов, или казахских акынов. Оренбург, 1910 (на казах. яз.).

Мышкин, Скарбовенко, 2000 — Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. 2000.

Мэргэн, 1960 — Мэргэн К. Эпические памятники башкирского народа. Уфа, 1960 (на башк. яз.).

Надергулов, 1982 — Надергулов М.Х. Сочинение Г. Сокрыя «Таварих-и Булгария, яки такриб-и Гари» // Вопросы метода и стиля башкирской литературе. Уфа, 1982 (на башк. яз.).

Надергулов, 2008 — Надергулов М.Х. Башкирские нарративные родословия как литературные памятники // Литература Урала: История и современность. Сб. статей. Вып. 4. — Екатеринбург, 2008.

Наджиб, 1975 — Наджиб Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сайфа Сарай и его язык. Алма-Ата, 1975. Ч. 1.

Надршина, 1983 — Надршина Ф.А. Слово народное. Уфа, 1983 (на башк. яз.); *ее же*: Афористические жанры башкирского фольклора // Фольклористика в Советской Башкирии. Уфа, 1974.

Надршина, 1986 — Надршина Ф.А. Память народа. Уфа, 1986 (на башк. яз.); *Ее же* В преданиях и легендах башкир — история народа (башкирские народные предания и легенды: исторические корни, жанровая специфика). Уфа, 2011. (на башк. яз.).

Надршина, 1993 — Башкирские сказки о животных // Башкирский фольклор. Исследования и материалы. Уфа, 1993. Вып. 1 (на башк. яз.).

Назаров, 1890 — Назаров П.С. К антропологии башкир // Известия общества любителей естествознания. Т. 18. Вып. 2. М. 1890.

Назаров, 1890 — Назаров П.С. К этнографии башкир // ЭО. 1890. Вып. 1—2.

Научное..., 1975 — Научное описание казахских рукописей. Алма-Ата, 1975.

Научный архив УНЦ РАН, ф. 7. оп. 1. д. 13 (нов. акт).

Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 159.

Научный архив УНЦ РАН. Кубаиры: Ф. 3. Оп. 12. Д. 301.

Небольсин, 1859 — Небольсин В. О башкуртах // Отечественные записки. СПб., 1859. Т. 73.

Немет, 1971 — Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ, том. IV, Уфа, 1971.

Немировский, 1986 — Немировский А.И. Рождение истории. — Воронеж, 1986.

Нестеров, 1982 — Нестеров А.Г. Средневековые курганы у оз. Синеглазово // Археологические исследования севера Евразии. — Свердловск, 1982.

Нефедов, 1878 — Нефедов Ф.Д. Труды Антропологического отдела. М. 1878.

Нефедов, 1899 — Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. // МАВГР. Т. 3. М., 1899.

Нижнее Поволжье..., 1948 — Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание. М.—Л., 1948.

Никольский, 1899 — Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб. 1899.

Новиков, 1903 — Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1903.

Новое в археологии, 1979 — Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

Новосельцев, 1980 — Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1980.

Новосельцев, 1990 — Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990.

ОАК, 1864 — Об археологических исследованиях г. Игнатьева в Оренбургском крае // Отчеты Императорской археологической комиссии. № 21. 1864.

Оборин, 1956 — Оборин В.А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // УЗ Молотовского ГУ. Т. XI. Вып. 3. 1956.

Оборин, 1970 — Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып.9. Свердловск. 1970.

Оборин, 1999 — Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УЖИИЯЛ УрО РАН. 1999.

Оборин, Балашенко, 1968 — Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации // Уч. зап. ПТУ, № 91, Пермь. 1968;

Обыденнов, 1994 — Обыденнов М.Ф. История археологического изучения Урала XVII — начала XX века. 1994.

Овсянников и др. 2007 — Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепной Приуралье. Уфа. 2007.

Овсянников, 1995 — Овсянников В.В. Природно-географический фактор в выделении комплексов вооружения памятников Урало-Поволжья эпохи средневековья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.

Овсянников, 1998 — Овсянников В.В. Комплекс вооружения башкир по данным С.И. Руденко // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998.

Окладников, 1967 — Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967.

Оренбургский листок, 1888 — Оренбургский листок. Газета. 1888, 23 октября № 43.

Останина, 1983 — Останина Т.И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. Автореф. Канд. дисс. М., 1983.

Очерки истории..., 1958 — Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958.

Очерки по истории... — Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, часть 1. Уфа, 1956.

Очерки, I — Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. I.

Паллас, 1773 — Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб. Ч. 1. 1773.

Паллас, 1786 — Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб. Ч. 2 Кн. 2. 1786.

Пантусов, 1909 — Пантусов Н.Н. Сведения арабских географов о средней Азии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXV. Вып. 5.

Пастушенко, 2006 — Пастушенко И. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. №9. 2005—2006. Казань, 2006.

Пастушенко, 2007 — Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // УАВ. Вып. 6—7. Уфа, 2007.

Пастушенко, 2008 — Пастушенко Г. Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы // Проблемы бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. 2008.

Пекарский, 1867 — Пекарский П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. 1867.

Перевод..., 1873 — Перевод Большого тафсира Табари. Стамбул, 1290 (1873) (на османск. яз.).

Петрухин, 2002 — Петрухин В.Я. Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

Петрушевский, 1952 — Петрушевский И.П. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л., 1952.

Пигулевская, 1951 — Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. — М.: Л., 1951.

Пигулевская, 1941 — Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М. Л., 1941.

Письмо..., 1993 — Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / Сост., комм. Г.Б. Хусаинова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993.

Плетнева, 1974 — Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния — САИ. Вып. Е4-2. М., 1974.

Плетнева, 1976 — Плетнева С.А. Хазары. М. 1976.

Плетнева, 1981 — Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Погребова, Раевский, 1992 — Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М. 1992.

Последний..., 1971 — Последний из рода Сартай // Агидель. 1971. № 2 (на башк. яз.).

Посуда Биляра, 1986 — Посуда Биляра. Казань, 1986

Потапов, 1928 — Потапов Л.П. Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнограф-исследователь. 1928. № 4—5.

- Потапов, 1949 — Потапов Л.П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII.
- Потапов, 1951 — Потапов Л.П. Древний обычай, отражающий первобытнообщинный быт кочевников // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951.
- Поэма..., 1989 — Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Уфа, 1989.
- Прокопий Кесарийский, 1993 — Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М. 1993.
- Псёлл, 1978 — Псёлл М. Хронография. — М. 1978.
- ПСРЛ, 1949 — Полный свод русских летописей. М.; Л. Т. 25. 1949.
- ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I.
- Псянчин, 2001 — Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. Уфа, 2001.
- Псянчин, 2001 — Псянчин А.В. Урало-Поволжье в восточной средневековой географической традиции (предварительные наблюдения) // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения. Уфа, 2001.
- Пугаченкова, 1958 — Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. — Т. VI. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Путешествие Абу Хамили ал-Гарнати..., 1971 — Путешествие Абу Хамиди ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
- Путешествие в восточные страны..., 1957 — Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
- Путешествие Ибн-Фадлана..., 1992 — Путешествие Ибн-Фадлана на реку Итиль. Казань. 1992.
- Пшеничниук, 1968 — Пшеничниук А.Х. Население центральной Башкирии на рубеже эры (кара-абызская культура). Дис. ... канд. ист. наук 1968.
- Пшеничниук, 1973 — Пшеничниук А.Х. Кара-абызская культура // АЭБ, Уфа, 1973, т. V.
- Пшеничниук, 1976 — Пшеничниук А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. н.э. — III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа. 1976
- Пшеничниук, 1983 — Пшеничниук А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Пшеничниук, 1984 — Пшеничниук А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. 1984.
- Пьянков, 1975 — Пьянков И.В. Массажеты Геродота // ВДИ. № 2. 1975.
- Рамстедт, 1912 — Рамстедт Г.И. Как был найден Селингинский камень // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Русского Географического общества. 1912. Т. 15. Вып. 1.
- Рахматуллин, 1988 — Рахматуллин У.Х. Население Башкортостана в XVII–XVIII вв. М., 1988.
- Рашид ад-Дин, 1987 — Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку, 1987.
- Рашид ад-дин, 1952 — Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.-Л., 1952.
- Рашид ад-Дин, 1960 — Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л. 1960.
- Родословное древо..., 1906 — Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906.
- Россия..., 1914 — Россия. Полное географическое описание нашего отечества // Под. ред. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914.
- Рубрук, 1957 — Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Руденко, 1916 — Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 43. Вып. 1. Пг., 1916.
- Руденко, 1955 — Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М., Л., 1955.
- Руденко, 2007 — Руденко С.И. Башкиры. Уфа, 2007.
- Рукописный фонд ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Рыбаков, 1952 — Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIII. 1952.
- Рыбаков, 1974 — Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI веков. 1974.
- Рычков, 1999 — Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
- Рязанов, 2009 — Рязанов С.В. Чугонолитейное ремесло в Золотой Орде (улус Бату): канд. дисс. Уфа, 2009.
- Рязанов, 2010 — Рязанов С.В. Ранние мусульманские государства Поволжья и освоение рудных ресурсов Урала в средние века // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе. Уфа, 2010.
- Саади, 1959 — Саади. Гулистан: Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р.М. Алиева. М., 1959.
- Савельев, 2012 — Савельев Н.С. Малые культовые объекты Башкирского Зауралья. 2012
- Савинов, 1982 — Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск. 1982.
- Савинов, 1984 — Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. 1984.
- Сагитов М., 1971 — Сагитов М. Историческая повесть и несколько слов о ней // Агидель, 1971, № 2. (на башк. яз.).
- Сагитов, 1984 — Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по истории и этнографии Башкирии. Уфа, 1984.
- Садур, 2012 — Садур В. Тюрки, татары, мусульмане (статьи, очерки, эссе). М., 2012.

Салугина, 1985 — Салугина Н.П. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев. 1985.

Сальников, 1940 — Сальников К.В. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. № 1. 1940.

Сальников, 1956 — Сальников К.В. Исетские древние поселения // СА, 1956. XXV

Сальников, 1958 — Сальников К.В. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тыс. н.э. // СА. № 4. 1958.

Сарианиди, 1993 — Сарианиди В.И. Ахейская Греция и Центральная Азия // ВДИ. № 4. 1993.

Сафаргалиев, 1996 — Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.

Седов, 1994 — Седов В.В. Славяне в древности. М. 1994.

Симокатта Теофилакт, 1996 — Симокатта Теофилакт. История. М. 1996.

Синюк, 1996 — Синюк А.Т. Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке Донской лесостепи // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара. 1996.

Сказание о Мамай-хане, 1999 — Сказание о Мамай-хане // Башкирское народное творчество. Исторический эпос. Уфа, 1999.

Скрипкин, 1984 — Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 1984.

Словарь топонимов, 1980 — Словарь топонимов. 1980.

Словарь экономических терминов — Словарь экономических терминов // Интернет ресурс

Смирнов, 1951 — Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. 19. М., 1951;

Смирнов, 1955 — Смирнов А.П. Древняя и средневековая история Ульяновского края в свете новых археологических открытий. Ульяновск. 1955.

Смирнов, 1971 — Смирнов А.П. Из этнической истории западного Приуралья в I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Том IV. Уфа. 1971.

Смирнов, 1972 — Смирнов, 1972 — О столице государства волжских булгар // СА. № 1. 1972.

Смирнов, 1989 — Смирнов А. Русская армия 1812 года. М., 1989. Вып.3.

Советская..., 1976 — Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М, 1976.

Соколова, 1990 — Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение у финноугорских народов. Новосибирск, 1990.

Сокровенное сказание... — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.

Сокровенное сказание... — Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М., Л. 1941.

Социально..., 1986 — Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

Спицын, 1902 — Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, вып. 26. СПб, 1902.

Справочная..., 1883 — Справочная книга Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отд. V.

Старостин, 1967 — Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. Свод археологических источников. Выпуск. Д-1-32. М. 1967.

Старостин, 1994 — Старостин П.Н. Ташкир-меньский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань. 1994.

Сташенков, 2005 — Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. Самара. 2005.

Сташенков, 2007 — Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э.: автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань. 2007.

Степанов, 1964 — Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Том. II. Уфа. 1964.

Степи Евразии..., 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981.

Стоколос, 1962 — Стоколос В.С. Курганы на озере Синеглазово // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962.

Стоколос, 1962 — Стоколос В.С. Курганы на оз. Синеглазово // АЭБ. Т. I. —Уфа, 1962.

Сулейманова, 2005 — Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа, 2005.

Султанов, 1982 — Султанов Т.Н. Кочевые племена Приуралья в XV–XVII вв. М, 1982.

Сунгатов и др. 2005 — Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа. 2005.

Сынгызнамэ, 1999 — Сынгызнамэ // Башкорт эзэ-биэте антологиясы. 1-се т. XIII–XVIII быуаттар. Офо, 1999.

Сюнчелей — Сюнчелей Ш. Этнографические материалы о башкирах // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12, ед. хр. 200.

Тагиржанов, 1970 — Тагиржанов А.Г. Влияние поэмы Фирдоуси «Иусуф и Зулайха» на «Кысса-и Иусуф» Али «Йусуф Зулайха» Шайяда Хамзы // Палестинский..., 1970 — Палестинский сборник, 1970. Вып. 21.

Тагиржанов, 1979 — Тагиржанов Г. От истории — к литературе. Казань, 1979 (на тат. яз.).

Талицкий, 1951 — Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. МИА, № 22, М. 1951.

Тизенгаузен, 1884 — Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1884. Т. I.

Тизенгаузен, 1941 — Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечение из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработанных А.А. Ро-

маскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

Тизенгаузен, 2003 — Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I; Золотая Орда в источниках. Т. I. М. 2003.

Толстов, 1947 — Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3.

Трепавлов, 1997 — Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Музей археологии и этнографии УНЦ РАН, 1997 (материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана, № 2).

Трепавлов, 1999 — Трепавлов В.В. Ногайский фактор в русско-башкирских отношениях XVI—XVII вв. // Ядкяр, 1999. № 1 (7).

Трепавлов, 2001 — Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов, 2002 — Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М. 2002.

Трепавлов, 2009 — Трепавлов В.В. Государственный строй Улуса Джучи // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.

Труды и летописи..., 1837 — Труды и летописи общества истории и древностей российских. Ч. 8, М., 1837.

Тур, 1995 — Тур С.С. Среднеазиатские саки и Центральная Азия // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. — Бишкек, 1995.

Удальцова, 1971 — Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. № 32. 1971.

Удальцова, 1988 — Удальцова З.В. Византийская культура. — М., 1988.

Ульянов, 1985 — Ульянов С.В. Научный отчет о результатах археологических разведок в Давлекановском, Стерлитамакском, Аургазинском районах Башкирской АССР. // НА ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, 1985.

Уметбаев, 1984 — Уметбаев М. Йэдкэр. Уфа, 1984.

Умняков И.И. Самая старая турецкая карта мира // Тр. СГПИ. — 1940. Т. 1, вып. 1. — С. 103—131.

Усманов, 1972 — Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. — Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1972.

Усманов, 1982 — Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманова, 2006 — Усманова Р.Р. Об одной особенности погребального обряда племен Южного Урала VII—X вв. // Уфимский археологический вестник. Вып. 6. Уфа. 2006

Успенский, 2001 — Успенский Ф.И. История византийской империи. — Т. 1. — М., 2001.

Файзрахманов, 2002 — Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX в. Казань, 2002.

Фаттахутдинова, 1985 — Фаттахутдинова А.Ш. Источниковедческое изучение башкирских шежере // Вопросы истории башкирского литературного языка: Сб. статей. —Уфа: БФ АН СССР, 1985.

Фахретдинов, 1993 — Фахретдинов Р. Булгарские и казанские тюрки. Казань, 1993.

Фахрутдинов, 1974 — Фахрутдинов Р.Г. О столице домонгольской Булгарии // СА. № 2. 1974

Фахрутдинов, 1975 — Фахрутдинов Р.Г. Еще раз о столице домонгольской Булгарии // СА. № 3. 1975.

Фахрутдинов, 1984 — Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Фахрутдинов, 1984а — Фахрутдинов Р.Г. Очерки истории Волжской Булгарии. М., 1984.

Фахрутдинов, 2008 — Фахрутдинов Р.Г. Город Болгар в истории и культуре татарского народа // Город Болгар. Культура. Искусство, торговля. М., Наука. 2008

Федоров-Давыдов, 1966 — Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов, 2003 — Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Федченко, 2005 — Федченко И.Д. Традиции приготовления пищи у южных алтайцев // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2005.

Федчина, 1955 — Федчина В.Н. Китайский путешественник XIII в. Чан Чунь // Из истории науки и техники Китая. М., 1955.

Фиельструп, 1930 — Фиельструп Ф.А. Молочные продукты питания турков-кочевников // Казаки: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 15.

Физико-географическое районирование..., 1964 — Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Под ред. А.В. Ступишина. Казань. 1964.

Флеров, 1996 — Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М. 1996.

Флеров, 2005 — Флёров В.С. Были ли в Хазарском каганате «города»? Археологический аспект проблемы // Тюркские народы в древности и средневековье. Тюркологический сборник, 2003—2004. М.: Вост. лит, 2005.

Флеров, 2010 — Флёров В.С. «Города», «замки», «феодализм» в Хазарском каганате. Проблемы исследований // «Хазары: миф история». М. Иерусалим: Мосты культуры — Гешарим, 2010.

Флоринский, 1871 — Флоринский В.М. Башкирия и башкиры // Вестник Европы. Год IX. — Кн. 12, СПб. 1871.

Фонд кафедры литературы Каракалпакского педагогического института.

Фонд редких книг Национальной библиотеки РБ.

Формозов, 1986 — Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. 1986.

Французов, 1992 — Французов С.А. Суеверия и колдовские обряды в Южной Аравии XIII–XV вв. // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1992.

Хакимзянов, 1978 — Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.

Хакимзянов, 1987 — Хакимзянов Ф.С. Этнографические памятники Волжской Булгарии и их язык. М. 1987.

Халиков, 1971 — Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань. 1971.

Халиков, 1971 — Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья /АЭБ. Т. IV. 1971.

Халиков, 1973 — Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. № 3. 1973.

Халиков, 1987 — Халиков А.Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М. 1987.

Халиков, 1988 — Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // ПДУЮУ. Уфа, 1988.

Халиков, 1988 — Халиков А.Х. К вопросу об этносе именковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань. 1988.

Халиков, 1990 — Халиков А.Х. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань. 1990.

Халиков, 1992 — Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

Халиков, 1994 — Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.

Халиков, Халиуллин, 1988 — Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию. // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

Халикова, 1971 — Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Халикова, 1976 — Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII вв. как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1976

Халикова, 1986 — Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X — начала XIII вв. Казань, 1986.

Халкокондил Лаоник, 1953 — Халкокондил Лаоник. История // Византийские историки Дука, Сфрандизи, Лаоник Халкокондил о взятии Константинополя турками. ВВ. № 7. 1953.

Хамидуллин, 2002 — Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002.

Хамидуллин, 2012 — Хамидуллин С. Видимое и невидимое. Мистика истории // Башкортостан — страна святых. На башк. языке. Уфа, 2012.

Харисов, 1973 — Харисов А. Литературное наследие башкирского народа. XVIII–XIX века Уфа, 1973.

Харисов, 1984 — Харисов А. Духовные корни (Проблемы литературы и фольклора). Уфа, 1984.

Хвольсон, 1868 — Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868.

Хёнинг, 1961 — Хёнинг Р. Неведомые земли / Соч. в 4 тт. Т. 1. М. 1961.

Хөсәйенов, 1985 — Хөсәйенов Г.Б. Усәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. Исследования и публикации. Уфа, 1985.

Хисамитдинова, 1991 — Хисамитдинова Ф.Ф. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа, 1991.

Хисамитдинова, 2002 — Хисамитдинова Ф.Г. Этнотопонимы и этническая география Западного Башкортостана // Башкортостан тарихын бәһәһе күрһәтүгә каршы. Против фальсификации истории Башкортостана. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной Всероссийской переписи населения 18 сентября 2002 г., г. Уфа. Уфа, 2002.

Хисамитдинова, 2006 — Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорттарҙың им-том китабы. Өфө, 2006.

Хисамитдинова, 2010 — Хисамитдинова Ф.Ф. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.

Хисамов, 1979 — Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али. М.: Наука, 1979.

Хлебникова, 1975 — Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. № 2. 1975.

Хреков, 1985 — Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара. 1985.

Худяков, 1923 — Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

Худяков, 1986 — Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков, 1996 — Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X — XVI вв.) —М.: ИНСАН, 1996.

Хузин, 1997 — Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII в.). Казань, 1997.

Хусаинов, 1984 — Хусаинов Г. Голос веков. Уфа, 1984 (на башк. яз.).

Хусаинов, 1996 — Хусаинов Г.Б. Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа, 1996.

Хусаинов, 2008 — Хусаинов Г.Б. Гуманитарий. Литература. Духовная культура. Фольклор. История. Археография. —Уфа: Гилем, 2008.

Хуснутдинова и др., 1994 — Хуснутдинова Э.К., Хидиятова И.М., Просняк М.И., Рафиков Х.С.,

Лимборская С.А. Анализ полиморфизма ДНК, выявленного методом геномной дактилоскопии на основе ДНК фага М.13, в популяциях башкир и коми // Генетика. т.30. №2. 1994.

Хуснутдинова, 1999 — Хуснутдинова Э.К. Молекулярная этногенетика народов Волго-Уральского региона. Уфа, 1999.

Цветков, 1913 — Цветков П. Исламизм. Т. III. Практические обязанности исламизма. Ашхабад. 1913.

Цезарь, 1993 — Цезарь Г.Ю. Галльская война // Записки Юлия Цезаря. М. 1993.

Чаиркин, 2004 — Чаиркин С.Е. Культурные комплексы восточного склона Северного Урала // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004.

Черепнин, 1970 — Черепнин Л.В. Татаро-монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Чернецов, 1957 — Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. № 58. М., 1957.

Чернецов, 1959 — Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 21. М., 1959.

Черных, 2009 — Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М. 2009.

Чингисиана, 2009 — Чингисиана, свод свидетельств современников. М. 2009.

Чичуров, 1980 — Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения («Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора). М. 1980.

Чичуров, 1980 — Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Чулошников, 1924 — Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. // Труды общества изучения киргизского края. — Оренбург, 1924. — Вып. 5.

Шалекенов, 1966 — Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв. Ташкент: «ФАН», 1966

Шелов, 1972 — Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М. 1972.

Шелов, 1978 — Шелов Д.Б. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. 1978.

Шитова С.Н. Материальная культура // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002.

Шитова С.Н. Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир (Этнографические очерки). Уфа: Китап, 2006. 200 с.

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX — первая четверть XX в. М., 1984. 152 с.

Шитова С.Н. Традиционные хозяйственные занятия // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. С. 45–88.

Шитова, 2002 — Шитова С.Н. Традиционные хозяйственные занятия: Пчеловодство, охота, рыболовство // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.

Шитова, Гаделгареева, 1979 — Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир // Хозяйство и материальная культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979.

Шмидт, 1929 — Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Жур. «Хозяйство Башкирии», № 8–9. Уфа. 1929.

Шутова, 1992 — Шутова Н.И. Удмурты XVI–первой половины XIX в. Ижевск, 1992.

Шукин, 1986 — Шукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев. 1986.

Шукин, 1993 — Шукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур // Петербургский археологический вестник. № 6. СПб. 1993.

Шукин, 1994 — Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб. 1994.

Энциклопедия ислама, 1942 — Энциклопедия ислама. XIII. Стамбул, 1942.

Юлдашбаев, 1972 — Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972.

Юматов, 1989 — Юматов В.С. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989.

Юнусова, 1999 — Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

Юсупов Р. М. Башкирская юрта: происхождение и основные этапы развития // Башкирская юрта. Методическое пособие /Р.М. Юсупов, Р.А. Султангареева, С.Н. Шитова, — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 5–16.

Юсупов, 2002 — Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.

Юсупов, 1959 — Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. Уфа, 1959.

Юсупов, 1960 — Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л. 1960.

Юсупов, 1982 — Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика средневекового населения Южного Урала по материалам Бекешевских курганов // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Юсупов, 1986 — Юсупов Р.М. К вопросу о форме и содержании процессов метисации на Южном Урале на рубеже I–II тыс. н.э. // Проблемы средне-

вековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986.

Юсупов, 1987 — Юсупов Р.М. Краниологическое изучение башкир // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987.

Юсупов, 1989а — Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л., 1989 а.

Юсупов, 1989б — Юсупов Р.М. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989 б.

Юсупов, 1990 — Юсупов Р.М. М.С. Акимова и антропология башкир // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа. 1990.

Юсупов, 1991 — Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа, 1991.

Юсупов, 1992 — Юсупов Р.М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы кантропологии уральской расы. Уфа, 1992.

Юхт, 1976 — Юхт А.И. Связи В.Н. Татищева с Академией наук // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.

Яблонский, 1993 — Яблонский Л.Т. Могильник Тарым-Кая 2. // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М., 1993.

Якимов, 2004 — Якимов А.С. Палеопочвы и природные условия степей нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.) — Автореф. дисс. к. геогр.н. М., 2004.

Ялсыгул, — Ялсыгул Т. Таварих-и Булгарийа. Фонд рукописей ИИЯЛ.

Янгузин, 1989 — Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.

Янгузин, 1998 — Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. 1998.

Chalikova, Chalikov, 1978 — Chalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les ancies hongrois et les ethies Voisines a i Est. Budapest, 1978.

Chalikova, Chalikov, 1981 — Chalikova E.A., Chalikov A.N. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Graaberfeld von Bolscie Tigani). Budapest, 1981.

Clauson, 1972 — Clauson G. An etymological dictionary of pre Thirteenth-century Turkish. Oxford. 1972.

Czegledy, 1961 — Czegledy K. Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren // Acta Orientalia Hungarica. Budapest. 1961. T. XIII.

Diller, 1970 — Diller A. Byzantine Lists of Old and New geographical Names // Byzantinische Zeitschrift. — 1970.

Golden, 2000 — Golden P. Nomads of the Western Eurasian Steppes: Ouyrs, Onoyurs and Khazars //

Philologiae et Historial Turcical Fundamenta. Berlin, 2000. T. I.

Golden, 1980 — Golden P. Khazar studies. Budapest, 1980. Vol. 1.

Hamilton, 1955 — Hamilton J.R. Les Ouighours a l' poque des Cinq dynasties d'apr s les documents chinois. Paris, 1955.

Helving, Greaves, 2001 — Helving B., Greaves A.M. Archaeology in Turkey // AJA. — 2001. — V. 105. — N 3.

Klyashtorny, 1983 — Klyashtorny S.G. The Terkhin inscription // Acta Orientalia Hungarica. Budapest. 1983. Vol. XXXVI. Fasc. 1—3.

Klyashtorny, 1985 — Klyashtorny S.G. The Tes inscription of the Uighur Bogu Qaghan // Acta Orientalia Hungarica. Budapest. 1985. T. XXXIX. F. 1. P. 137—156.

Kruglov, 2000 — Kruglov E.A. Antique and Byzantine imports to Bashkiria // Instrumemtum. — N 12. 2000.

Lecher, 1955 — Lecher K. Byzanz und die Barbaren // Speculum. — V. 6. — 1955.

Lopez, 1945 — Lopez R.S. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. — 1945.

Macartney, 1930 — Macartney C.A. The Oldest Report on the Countries of the North // Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930.

Mackerras, 1972 — Mackerras C. The Uighur Empire. According to the T'ang Dynastic Histories. Canberra, 1972. P. 54—69 (переводы сведений об уйгурах из обеих историй династии Тан).

Mahmud al-Kasgari — Mahmud al-Kasgari Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk). Harward, 1982. Pt. 1—3.

Mazhitov, 2005 — Mazhitov N. On the History of Bashkortostan in the Golden Horde Epoch // «Altin Orda Ve Varislari» ikinci Uluslararası konferenanci. Istambul. 2005.

Menandros, 1903 — Menandros. Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. — Berlin, 1903.

Miller, 1969 — Miller J.I. The Spice Trade of the Roman Empire from 29 B.C. to 641 A.D. — Oxford. — 1969.

Minorsky, 1942 — Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942.

Tartarica, 2005 — Tartarica. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург, 2005.

Tolat Tekin, 1998 — Tolat Tekin. Volga Bulgar kitabeleri ve Volga Bulgarcasi. —Ankara, 1988.

СОКРАЩЕНИЯ

- АКБ – Археологическая карта Башкирии
АКК – Археологическая карта Казахстана
АПР – Археологические памятники у с. Рож-
дственно
АС – Археологический съезд
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БНТ – Башкирское народное творчество
БПЛ – Башкирские предания и легенды
БШ – Башкирские шежере
ВАН – Вестник Академии наук
ГАИМК – Государственная Академия истории
материальной культуры
ДАК – Доклады Археологической комиссии
ИА РАН – Институт археологии Российской
академии наук (г. Москва)
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной
культуры (г. Санкт-Петербург)
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
(г. Уфа)
ИКИИЮВО – Известия краеведческого инсти-
тута истории Южно-Волжского округа
ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей
естествознания, археологии, этнографии
КСИА – Краткие сообщения Института архео-
логии
КСИИМК – Краткие сообщения Института
истории материальной культуры
- МАО – Московское археологическое общество
МАВГР – Материалы по археологии восточных
губерний России
МИА – Материалы и исследования по археоло-
гии СССР
НТКГПИ – Научные труды Куйбышевского
государственного педагогического института
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания,
археологии, этнографии
Пг. – Петроград
РАН – Российская академия наук
СА – Российская археология
САИ – Свод археологических источников
СТБ – Словарь топонимов Башкирской АССР
ТВОРАО – Труды Восточного отделения Рус-
ского археологического общества
ТИИАЭ – Труды Института истории, археоло-
гии и этнографии (г. Алма-Ата)
ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архив-
ной комиссии
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии
Российской ассоциации научных исследований
общественных наук
УАВ – Уфимский археологический вестник
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Россий-
ской академии наук

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абд ар-Рашида ал-Бакуви, 46, 225
Абдулгази-хан, 80
Абрамзон С.М., 227
Абрамов А.Н., 287
Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси, 11, 45, 46, 81, 154, 362, 367
Абу Зайд Ахмед ибн Сахл ал-Балхи, 44, 103, 104, 262, 263
Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри, 11, 44, 45, 262
Абу Ханифа ибн Сабит, 225
Абу-Абдаллах Якут ал-Хамави ар-Руми, 46
Абу-л-Гази, 47, 48, 173, 174, 213
Абу-л-Касим ибн Хаукал, 45
Абу-л-Фида, 46
Абулхаир, 21, 196, 251
Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ал-Масуди, 11, 36, 44, 81, 82, 89
Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни, 45, 227
Агафий Миринейский, 35, 90
Агеев Б.Б., 194
Азнабаев Б.А., 195
Акимова М.С., 10, 30, 224, 287, 292, 293
Акишев К.А., 53, 162
Акманов И.Г., 4
Акмулла М., 341, 345, 346, 352
Акназар, 200
Алдар Исекеев, 251, 254, 349
Алексей I Комнин, 37
Ал-Марвази, 81, 83, 214
Алмуш, 44, 71, 101, 102, 214, 219, 223
Ал-Омари Шигабетдин Ахмед ибн Йахиа ибн Фазаллах ад-Димакши, 46, 183
Амброз А.К., 96
Аминев З.Г., 215, 227
Аммиан Марцелин, 33, 55, 127, 370
Араб-Мухаммад-хан, 47
Аристей, 32
Аристов Н.А., 7, 244
Аспарух, 71, 99
Асфандияров А.З., 239
Атавин А.Г., 96
Аттилла, 35, 69, 70, 99, 127
Ахинжанов С.М., 244
Ахмеров Р.Б., 131, 243
Ахмет-гирей, 200, 201
Ашина, 57, 58, 64, 73, 83
Бабсак, 308
Багаутдинов Р.С., 90, 94
Бадер О.Н., 117
Бай-Бури, 233
Байпаков К.М., 124
Бартольд В.В., 47, 77, 82, 156, 216, 217, 251
Батман, 99
Бату, 154, 166, 174, 176-178, 180, 185, 187, 188, 311, 314, 316
Бахрам Чобин, 66
Бедреддин Хасан Эрруми, 46
Бейлис В.М., 45
Белавин А.М., 113, 117-119
Берке, 178, 185
Берх В.Н., 108, 119
Бикбулатов Н.В., 8, 11, 244
Бильге-каган, 41-43, 56, 72-74, 77, 78, 80, 232, 233, 325
Бирдибек, 222
Бичурин Н.Я., 146, 370, 376
Богачев А.В., 88, 94
Богданов А.П., 7, 23
Борис Годунов, 49
Боталов С.Г., 137, 139, 142
Бочаров И.В., 117
Буниятов З.М., 45
Бурангулов М., 308
Валеев Д.Ж., 10
Валентин, 34-36, 66
Валиди А.-З., 173, 217, 247
Васюткин С.М., 12, 30, 31
Велизарий, 33
Велиханова Н.М., 45
Виллем (Гильом) Рубрук, 11, 32, 48, 155, 163, 220, 236, 374
Владимирцов Б.Я., 97
Вощинина А.И., 146
Гаврилова А.А., 97
Газан-хан, 47
Гали Сокорой, 107
Гарипов Т.М., 222
Гарустович Г.Н., 13, 14, 188, 190, 221, 268
Гатифар, 65
Гейцельман И.Г., 20
Генинг В.Ф., 30, 86, 88, 90, 113, 117, 125
Георг Вильгельм де Геннин, 20
Георги И.Г., 20, 257, 375
Георгий Гемист Плефон (Плифон), 38, 39
Геродот, 8, 11, 32, 39, 70, 128, 374
Голдина Р.Д., 91, 113, 115, 117
Гольмстен В.В., 14, 26, 90, 272, 274
Граков Б.Н., 27, 28
Григорий IX, 32, 48
Гумилев Л.Н., 155, 263
Гуцалов С.Ю., 29
Гуюк-хан, 48
Даркевич В.П., 117
Демидов А.Н., 20
Дерфер Г., 207

- Джалык, 185-186, 225
 Джанибек, 194, 222, 255
 Джейхани, 44
 Джелал-ад-дин, 328
 Джикиев А., 241
 Джон Кестль, 21
 Джувейни, 176, 253
 Дизабул, 33-35
 Диляров К., 245
 Дмитриев П.А., 27
 Донелли А.С., 269, 270
 Егоров В.Л., 196
 Екатерина II, 130
 Ефимова А.М., 88
 Ефимова С.Г., 293
 Жуковский И., 18
 Завьялов В.И., 119
 Закарийа ал-Казвини, 46
 Зарецкий И.А., 27
 Засецкая И.П., 91
 Збруева А.В., 30
 Земарх Киликиец, 33-36, 66
 Зубов А.А., 287
 Зубов С.Э., 90, 94
 Зуев В.Ф., 22
 Зыков А.П., 119
 Ибн Саид ал-Магриби, 46, 154, 217
 Ибн Халдун, 46, 183
 Ибн-ал-Асир, 73, 75, 175
 Ибн-Русте (Ибн-Даст), 32, 89, 103, 361
 Ибн-Рустэ, 11, 36
 Ибн-Фадлан, 11, 32, 34, 35, 44, 71, 100-103, 145, 147, 160, 167, 187, 214-216, 219, 245, 247, 262, 362, 376
 Ибрахим-султан, 47
 Иван IV, 180, 183, 226, 252, 254, 338
 Иванов В.А., 13, 14, 29, 100, 188, 191, 260, 265, 268, 273-274, 313
 Игельстром О.А., 252
 Игнатъев Р.Г., 18, 25, 26, 157, 190
 Иннокентий IV, 32, 48
 Иоанн Малала, 33, 35
 Иоганка, 48, 173, 184, 224
 Йоллыг-тегин, 43, 73, 78
 Иордан, 38, 92
 Иродиан, 34
 Истэми, 56, 59, 64-66
 Исхаков Д.М., 201, 202, 204
 Ищериков П.Ф., 27, 30
 Кавад I, 33
 Кавеев М.М., 104
 Казаков Е.П., 13, 92, 100, 188, 193, 219, 270
 Калинин Н.Ф., 86, 88
 Канзафар-бий, 183, 252
 Кастанье И.А., 25, 26, 191
 Касьянов М.И., 27, 348
 Киекбаев Д.Г., 10, 156, 202
 Кипарисова Н.П., 28
 Кирилов И.К., 20, 21, 238, 349
 Клавдий Птолемей, 32, 33, 37, 38
 Ключевский В.О., 20
 Кляшторный С.Г., 89
 Козин С.А., 47
 Коновалова И.Г., 45, 154, 161
 Кононов А.Н., 174
 Константин VII Багрянородный, 37, 38, 153, 156
 Константин Порфирогенет, 38
 Кочуев А.К., 23
 Кригер В.А., 13, 14, 29
 Кропоткин В.В., 146
 Крыласова Н.Б., 113, 117, 118
 Кубрат-хан 71, 72, 96, 99, 209
 Кузеев Р.Г., 8-10, 14, 165, 179, 182, 186, 189, 191, 195, 198, 201, 202, 226, 237, 238, 240, 242-244, 246, 260, 269, 313, 318, 347, 376
 Кумеков Б.Е., 45, 80, 83
 Курбский А.М., 49, 202
 Кусюм Тюлекеев, 251
 Кызласов Л.Р., 160
 Кюль-тегин, 41, 42, 56, 77, 139, 233, 325
 Лаоник Халкокондил, 39
 Левина Л.М., 124
 Левшин А.И., 244, 253
 Ленц Г.Т., 117
 Лепехин И.И., 19, 22, 23, 162, 164
 Лещенко В.Ю., 117
 Лихачев Д.С., 217
 Лубсан Данзан, 47
 Любчанский И.Э., 139
 Мажитов Н.А., 10-14, 18, 29-31, 125, 137, 194, 202, 219, 221, 246, 260-261, 270, 273, 321
 Малиев Н.М., 7, 287
 Маниах, 40, 65, 66
 Марко Поло, 236, 374
 Марков А.Е., 26
 Масим-хан, 243, 249, 250, 262, 308
 Маслюженко Д.Н., 142
 Матвеева Г.И., 12, 30, 88-90, 94
 Матвей Меховский, 48, 49
 Махмуд Кашгарский, 32, 37, 45, 75, 77, 80, 210, 232, 235, 326, 350
 Махмуд-бай, 48, 253
 Мелехин А.В., 47
 Менандр Протиктор, 33-35, 37, 40, 64, 66
 Мессершмидт Д., 41
 Миллер Г.Ф., 20
 Минорский В.Ф., 153
 Михаил Псёлл, 36-38
 Мовсес Хорэнаци, 33, 72
 Могильников В.А., 13
 Моргунова Н.Л., 30

- Морозов Ю.А., 274
 Мошкова М.Г., 29
 Муган-каган, 59, 62, 233
 Муин ад-Дин Натанзи, 47
 Мухамадиев А.Г., 106
 Мухаметшин Д.Г., 222
 Мухаммад, 102, 216, 355, 356
 Назаров П.С., 287
 Немет Ю.Ф., 48
 Нефедов Ф.Д., 23, 24, 273
 Нивар Ыш-бара-ябгу-каган, 67
 Никольский Д.П., 287
 Новиков В.А., 7
 Новокрещенных Н.Н., 26, 108
 Новосельцев А.П., 69, 72
 Обыденнова Г.Т., 191
 Овсянников В.В., 4
 Омарбек, 190
 Орда, 178
 Останина Т.И., 125
 Павел Киликиец, 34
 Паллас П.С., 19, 22, 23, 162, 164, 190, 191
 Пантусов Н.Н., 45
 Петр I, 19, 41, 329
 Плано Карпини, 32, 48, 155, 156, 177, 179-180, 184, 187, 235, 236, 374
 Платон, 35, 38
 Плетнева С.А., 164, 165, 167
 Подгаецкий Г.В., 28
 Помпони Мел, 32, 38
 Попов А.В., 25, 26
 Попов С.А., 28, 29
 Прокопий Кесарийский, 33, 35, 55, 90
 Прокошев Н.А., 113
 Псянчин А.В., 4
 Пугачев Е., 276, 332, 338
 Пшеничнюк А.Х., 30, 31, 274
 Рабинович М.З., 28
 Радлов В.В., 41, 153, 350
 Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани, 36, 46, 47, 73, 80, 81, 154, 156, 176, 244, 313, 315, 347
 Решетникова Н.Л., 194
 Роджер II, 45
 Руденко С.И., 7, 8, 10, 11, 167, 238, 256, 269-271, 287, 375
 Рыбаков С.А., 324
 Рычков Н.П., 22, 23, 103, 108
 Рычков П.И., 7, 21, 22, 162, 191, 195, 199, 200, 202, 238, 266, 345, 349
 Савинов Д.Г., 153
 Садыкова М.Х., 30, 31
 Сайф ад-Даул, 45
 Салават Юлаев, 332
 Салламат-Тарджуман, 11, 45, 367
 Сальников К.В., 27, 28
 Седов В.В., 88
 Сигизмунд II Август, 49
 Смирнов А.П., 12, 88, 103, 105, 113, 119, 190
 Смирнов К.Ф., 28, 29
 Соколов Д.Н., 7, 25, 244
 Соловьев С.М., 20
 Спицын А.А., 26, 27, 108, 113, 117
 Старостин П.Н., 86
 Стоколос В.С., 160
 Страбон, 33, 37, 38
 Страленберг И., 7, 19, 41
 Стрельцов Ф.З., 26
 Субэдей, 172, 175-176
 Султан-Гирей, 250
 Султангареева Р.А., 321
 Султанова А.Н., 12
 Сунгатов Ф.А., 12, 91
 Сяньцзун, 68
 Тигач-бий, 226, 252
 Тажетдин Ялсыгул, 107, 179, 216, 341
 Тамерлан, 39, 106, 225, 250, 269, 309, 314, 315, 347, 358
 Тарда, 66
 Таспар, 40, 59, 62, 208
 Татищев В.Н., 7, 19-21, 247
 Тауке, 251
 Теплоухов Ф.А., 108, 113, 117, 118
 Тиберий, 34
 Тимур, 47, 309, 338, 359
 Токтамыш, 180-181, 186, 195, 196
 Толстова С.П., 124
 Томсен В., 41
 Тоньюкук, 41, 77, 78, 325
 Тон-ябгу, 66, 67, 71
 Тохтамыш, 47, 166, 309, 347, 359, 361
 Трепавлов В.В., 14, 166, 181, 195-201, 204
 Троицкая Т.Н., 30
 Трунаева Т.Н., 30
 Туда-Менга, 106
 Турксанф, 66
 Тюрк-хан, 181-182, 190, 197, 199, 220-221, 250, 255
 Узбек, 166, 180, 194-196, 220, 222-223, 255
 Уметбаев М., 166-168, 309, 341, 345, 346, 352
 Уракай Юлдашбаев, 251
 Усманов А.Н., 272
 Усманова Р.Р., 149
 Фальк И.П., 22, 199
 Фахретдинов Р., 168, 342
 Фахрутдинов Р.Г., 104-106
 Федорова-Давыдова Э.А., 29
 Федоров-Давыдов Г.А., 18, 106, 155, 264
 Феофан Византиец, 35, 72, 96
 Феофан Исповедник, 35
 Феофил, 36
 Феофилакт Симокатта, 34-36, 64, 72, 208, 210

- Фишер К.А., 24
Флоринский В.М., 7, 227
Французов С.А., 218
Фукидид, 39
Хаджи-Герей, 39
Хакимзянов Ф.С., 225
Хакк-Назар, 166, 200, 201
Халиков А.Х., 12, 88, 90, 100, 104-106, 118, 260, 270
Халикова Е.А., 13, 100
Хасан Элирибли, 46
Хённиг Р., 210
Хисаметдин Муслими, 107
Хлебникова Т.А., 103, 105
Худяков М.Г., 268
Хусаинов Г.Б., 107, 217, 222, 315, 318, 346
Хусейнбек, 186, 190-191, 221-227, 255, 361
Черная Выдра, 58, 59
Чернецов В.Н., 115
Черников С.С., 28
Чжао Деянь, 63
Чингис-хан, 47, 83, 166, 167, 171-176, 178, 182, 184, 187-188, 236, 243, 244, 246, 249-251, 311, 315-317, 358, 361
Чулошников А.П., 240
Шакрух, 47
Шастина Н.П., 47
Шегуй, 66
Шереф ад-Дин Али Йезди, 47
Шибан, 178, 200
Шиби-каган, 63
Шмидт А.В., 14, 27, 113, 124, 273, 274
Шукшинцев И.С., 18, 25
Шукин М.Б., 85, 88
Ышбара Эльтериш-каган, 233
Эдинг Д.Н., 26
Юйвень Тай, 58, 59
Юлиан, 32, 48, 155, 156, 173-176, 220, 263, 270
Юлий Цезарь, 89
Юматов В.С., 49, 190
Юстиниан, 32, 33, 36
Юстин II, 66
Юсупов Г.В., 30, 190
Юсупов Р.М., 10, 195, 226, 288
Юсуф Баласагунский, 231, 234, 326
Ютина Т.К., 193
Ядринцев Н.М., 41
Якубовский А.Ю.,
Якут, 107, 154, 225
Ямаева Л.А., 215, 227
Яминов А.Ф., 265
Янгузин Р.З., 10, 266
Ярославцев Г.Б., 47
Golden P.B., 72
-

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азербайджан, 39
Азия, 17, 35, 70, 210, 289, 295
Акбулакский район, 27, 30
Актюбинская область, 23, 29
Алашань, 62
Алма-Ата, 41
Алтай, 33, 41, 58, 60, 61, 62, 66, 75, 80, 81, 96, 187, 246, 294
Аму-Дарья, река, 34, 36, 64, 65, 75
Аравия, 32, 81
Арал, 34, 36, 82
Армения, 33, 36, 37, 39, 184
Ассирия, 39
Атлантический океан, 44
Багдад, 44, 75
Байсунтау, 64
Башкортостан, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 18, 22, 23, 30, 38, 46, 116, 136, 137, 140, 146, 174, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 184, 186, 189, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 219, 224, 225, 266, 287, 296, 299
Башкирское Приуралье, 13
Белая, река, 24, 26, 30, 35, 46, 86, 89, 124, 125, 128, 130, 135, 140, 142, 166, 177, 183, 188, 189, 194, 197, 220, 286
Биляр, 103, 105, 106, 175, 176, 177
Бирск, 145
Благовещенск, город (РБ), 27
Большой Черемшан, река, 89, 100, 175
Большой Ирғиз, река, 29
Буг, 153
Венгрия, 107, 154, 155, 156, 176, 177
Византия, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 46, 58, 62, 65, 66, 70, 71, 153
Волга, река, 9, 13, 18, 22, 29, 34, 36, 48, 53, 59, 65, 70, 72, 88, 89, 96, 97, 99, 101, 103, 105, 161, 166, 172, 173, 175, 177, 197, 220
Волго-Донское междуречье, 12
Волго-Уральский регион, 9, 12, 19, 21, 22
Восточная Европа, 45, 47, 49, 75, 90, 99, 100, 105, 145, 146, 154, 160, 171, 172, 174, 175, 217
Восточный Туркестан, 41, 42, 54, 56, 58, 61
Галатия, 32
Гоби, 62
Гурхан, 167
Давлеканово, 10
Дема, река, 136, 183, 188
Джунгария, 66
Днепр, река, 82, 88, 97, 153
Днестр, река, 153
Дон, река, 36, 39, 49, 71, 82
Дунай, река, 36, 37, 39, 41, 71, 99, 154, 155, 167, 185
Евразия, 5, 32, 33, 46, 57, 70
Европа, 17, 32, 33, 38, 70, 88, 91, 175
Енисей, река, 41, 42, 62, 64, 208, 209, 235
Заволжье, 36
Западная Сибирь, 11, 13, 83, 115, 116, 136, 142, 144, 153, 157, 178
Западный Казахстан, 27, 197
Зауралье, 19, 27, 114, 124, 191, 262, 294
Зилим, река, 130, 140, 183
Илек, река, 17, 21, 29
Или, река, 62
Имаус, 33
Индия, 32, 33, 44, 65, 81, 172
Иран, 33, 34, 40, 46, 47, 62, 65, 66, 71, 75, 81, 123, 139, 146, 151, 153, 172, 225
Иртыш, река, 62, 74, 80, 144, 157, 172, 174, 175, 177, 182, 201, 264
Исеть, река, 21, 140
Итиль, река, 33, 34, 45, 81, 102
Ишим, река, 142, 144, 151, 174
Ишимбай, 57
Кавказ, 34, 36, 65, 66, 72, 146, 172, 176, 207
Казань, 49, 180, 182, 183
Казахстан, 19, 27, 29, 41, 42, 53, 61, 69, 70, 91, 96, 123, 127, 136, 146, 151, 162, 165, 171, 173, 175, 177, 225, 262
Кама, река, 24, 36, 46, 84, 85, 86, 89, 91, 92, 100, 101, 117, 118, 133, 155, 177, 178, 179, 197, 198
Кангуй, 53, 54, 123, 124, 127, 145, 146
Каргалы, река, 21
Карукийа, 161, 163, 167
Каспий, 34, 36, 53, 62
Киев, 37, 176
Китай, 32, 33, 40, 42, 47, 54, 59, 62, 63, 65, 67, 70, 75, 77, 123, 172, 236
Корейский залив, 62
Корел, 49
Крым, 34, 37, 39, 66, 146
Кунгурская лесостепь, 26, 92
Курганская область, 21, 194
Кустанайская область, 22
Лена, река, 41
Лион, 48
Ломоватовка, река, 108
Мавритания
Магнитогорск, город, 28
Маньч, река, 96
Месопотамия, 32
Меховей, 48
Монголия, 32, 35, 41, 42, 48, 57, 66, 70, 72, 73, 74, 77, 123, 139, 171, 177, 185, 207, 232, 234, 246
Москва, 23
Намджан, 161, 167
Нахичевань, 39
Нижнее Поволжье, 39, 40, 56, 123, 131, 185, 197
Нумидия, 32
Оих (Окс), 34
Онон, река

Оренбург (Оренбургская область, Оренбургский край, Оренбуржье, Оренбургская губерния), 17, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 100, 125, 136, 137, 186, 187, 210
 Орск, 27, 29, 128
 Орхон, река, 36, 41, 56, 73, 209
 Орь, река, 17, 27, 29
 Осроена, 32
 Павлодарское Прииртышье, 13
 Передняя Азия, 40, 71
 Пермская губерния (край), 128, 136
 Пермское Предуралье, 108, 116, 117, 118
 Пермь, 49
 Поднепровье, 97, 98
 Подонье, 40, 41
 Приазовье, 59, 70, 71, 98, 99
 Приаралье, 9, 53, 54, 64, 74, 75, 82, 83, 123
 Прикамье, 27, 38, 71, 91, 92, 100, 108, 113, 115, 116, 117, 151, 176, 179, 246
 Припамирье, 66
 Приуралье, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 19, 23, 27, 36, 53, 56, 65, 75, 81, 91, 123, 136, 194
 Причерноморье, 9, 35, 36, 69, 70
 Прут, река, 153
 Римская держава, 32, 33, 34
 Рим, 48
 Рифей, 33
 Сакмара, река, 156, 174, 181, 187, 250
 Сакмарск, 21
 Сала, река, 96
 Самара, 94
 Самара, река, 84, 86
 Самарканд, 53, 64, 67, 168
 Самарская Лука, 85, 90, 92, 94, 96, 97
 Самарская область, 29, 92, 94
 Самарское Поволжье, 84
 Саркел, 36
 Свердловская область, 122
 Северное Приаралье, 123
 Северный Кавказ, 9, 41, 56, 59, 66, 99, 100, 127, 155, 166, 185, 196, 209
 Сибирь, 5, 19, 20, 22, 91, 127, 146, 171, 172, 173, 175, 200, 201, 210, 246, 247
 Сирия, 16, 225
 Согдиана, 33, 53, 54, 55, 66, 68
 Соль-Илецкий район, 29, 30
 Средняя Азия, 11, 12, 33, 40, 41, 42, 47, 53, 54, 55, 59, 64, 65, 66, 67, 71, 72, 90, 96, 107, 123, 139, 140, 146, 151, 160, 162, 168, 171, 175
 Средняя Волга, 71, 84, 86, 89, 90, 91, 92, 94, 96, 97, 98, 214
 Старо-Мусино, деревня, 30
 Стокгольм, 19
 Сура, река, 86
 Суяб, 66, 58
 Сыр-Дарья, река, 53, 64, 67, 74, 75, 82, 123, 124, 197
 Тавриз, 39
 Талас, река, 41, 82
 Таналык, река, 27, 29
 Тараз, 41, 42
 Тарим, река, 66
 Татарстан, 13, 22, 92, 102, 128, 193, 194
 Тибет, 75
 Тобол, река, 142, 151
 Трапезунд, 34
 Тува, 41, 73, 96, 149, 234
 Тургайская область, 25, 26
 Туркменистан, 296
 Тянь-Шань, 41, 57, 58, 60, 61, 66
 Удмуртия, 136, 140, 194
 Ульяновская область, 86, 94
 Урал (Яик), река, 11, 17, 18, 22, 23, 26, 27, 29, 36, 48, 91, 157, 174, 175, 177, 186, 197, 264, 265, 289
 Уральские горы (Урал), 13, 19, 20, 32, 91, 92, 113, 128, 146, 162, 174, 175, 179, 182, 183, 202
 Урало-Поволжье, 11, 99, 106, 107, 128, 189, 276
 Уральская область, 22, 26
 Урта-Бурт, река, 29, 295
 Уфа, 8, 12, 14, 22, 23, 24, 27, 128, 130, 131, 140, 145, 166, 190, 252
 Уфа, река, 27, 31, 34, 128, 140, 179, 183, 197, 198
 Уфимская губерния, 26
 Филипповка, деревня, 18
 Хакасия, 41
 Хангай, 56, 72, 77
 Хорасан, 36, 66
 Хорезм, 45, 53, 54, 66, 102, 172, 173, 214
 Хуанхэ, река, 68
 Центральная Азия, 5, 35, 42, 48, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 70, 74, 80, 151, 171
 Челябинская область, 18, 22, 28, 125, 136, 137, 190, 194, 297, 299
 Чермасан, река, 31
 Черное море, 44, 82, 153
 Шадринск, 21
 Шайо, река,
 Шешма, река, 100, 193, 197
 Эмба, река, 29
 Югра, 49
 Южный Башкортостан, 14
 Южное Зауралье, 14, 91, 151
 Южное Приуралье, 13, 45, 91, 97, 116, 151
 Южная Сибирь, 12, 56, 59, 60, 62, 190, 101, 125, 140, 149, 151, 153, 165, 172, 187, 262, 263
 Южный Урал, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 32, 34, 39, 83, 91, 92, 104, 123, 124, 125, 127, 128, 130, 133, 136, 139, 140, 142, 144, 145, 147, 149, 151, 153, 154, 156, 157, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 167, 174, 178, 180, 182, 186, 187, 188, 190, 195, 197, 198, 199, 212, 213, 218, 219, 220, 221, 237, 246, 249, 258, 265, 266, 268, 269, 270, 279, 280, 281, 282, 285, 290, 291, 293, 297, 298, 301, 302, 304, 305

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>А.В. Псянчин</i>)	5
ВВЕДЕНИЕ (<i>Р.М. Юсупов, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников, М.М. Кульшарипов</i>)	7
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ БАШКИР	15
История изучения археологических памятников тюркоязычных кочевников на Южном Урале (<i>Г.Н. Гарустович</i>)	17
Тюрки евразийских степей и Южный Урал в освещении Византийской традиции VI–XV вв. (<i>Е.А. Круглов</i>)	32
Памятники письменности тюрков евразийских степей в раннем средневековье (<i>С.Г. Кляшторный</i>)	40
Средневековые авторы о башкирах (<i>И.В. Антонов</i>)	44
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРАЗИИ	
В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА	51
Народы и государства Средней Азии в IV–VI вв. (<i>С.Г. Кляшторный</i>)	53
Степная империя тюрков (<i>С.Г. Кляшторный</i>)	56
Древнетюркские народы в Евразийских степях (<i>С.Г. Кляшторный</i>)	69
Племена Среднего Поволжья во второй половине I тысячелетия нашей эры (<i>А.В. Богачев, С.Э. Зубов</i>)	84
Волжская Булгария и башкиры (<i>Н.А. Мажитов</i>)	99
Племена Верхнего и Среднего Прикамья (<i>А.М. Белавин</i>)	108
ИСТОРИЧЕСКИЙ БАШКОРТОСТАН И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА	121
Башкортостан в IV–VIII вв. (<i>Мажитов Н.А.</i>)	123
Башкортостан в IX–X вв. (<i>Мажитов Н.А.</i>)	147
Башкортостан в X–XII вв. (<i>Мажитов Н.А.</i>)	157
ЭПОХА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА	169
Башкортостан в составе Золотой Орды (<i>Н.А. Мажитов, Г.Н. Гарустович</i>)	171
Башкортостан после распада Золотой Орды (<i>Н.А. Мажитов, И.В. Зайцев</i>)	195
РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БАШКИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	206
Религия и верования ранних тюрков (<i>С.Г. Кляшторный</i>)	207
Распространение ислама среди башкир (<i>Г.Н. Гарустович</i>)	212
СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЖИЗНИ БАШКИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	229
Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах (<i>С.Г. Кляшторный</i>)	231
Родоплеменная организация башкир (<i>Р.М. Юсупов</i>)	237
Социальная структура башкирского общества (<i>Р.М. Юсупов</i>)	249
Развитие внутренней организации башкирского общества (<i>Р.М. Юсупов</i>)	260
Вооружение и военное дело башкир (<i>В.В. Овсянников</i>)	268

АНТРОПОЛОГИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА	277
Антропологическая характеристика населения лесостепного Приуралья эпохи раннего средневековья (<i>Р.М. Юсупов</i>)	279
Антропологические типы башкирского народа (<i>Р.М. Юсупов</i>)	287
ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА	305
Отражение средневековой истории башкир в устном народном творчестве (<i>Ф.А. Надршина</i>)	307
Народная музыкальная культура (<i>Ф.Г. Галиева</i>)	319
К истории башкирского литературного языка средневековья (<i>И.Г. Галяутдинов</i>)	325
Место башкирского языка в кыпчакской подгруппе тюркских языков (<i>О.А. Мудрак</i>)	333
Башкирская литература средневековья (<i>М.Х. Надергулов</i>)	340
Материальная культура башкир эпохи средневековья (<i>Ю.А. Абсалямова, Е.Е. Нечвалода, Э.В. Мигранова</i>)	359
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>В.В. Овсянников, А.В. Псянчин</i>)	379
GENERAL SUMMARY	382
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	385
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	404
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (<i>Сост. И.Х. Каюмов, Л.Х. Алламуратова</i>)	405
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ (<i>Сост. И.Х. Каюмов, Р.Р. Султанов</i>)	409

CONTENTS

FOREWORD (<i>A.V. Psyanchin</i>)	5
INTRODUCTION (<i>R.M. Yusupov, A.V. Psyanchin, V.V. Ovsyannikov, M.M. Kulsharipov</i>)	7
SOURCE STUDIES IN BASHKIRIA'S HISTORY	15
History of the study of archaeological monuments of Turkic nomads in the southern Urals (<i>G.N. Garustovich</i>)	17
Turks of the Eurasian steppes and the Southern Urals in the light of the Byzantine tradition of the VIth–XVth centuries. (<i>E.A. Kruglov</i>)	32
The written records of the Turks of the Eurasian steppes in the early Middle Ages (<i>S.G. Klyashtorny</i>)	40
Medieval authors on Bashkirs (<i>I.V. Antonov</i>)	44
ETHNO-POLITICAL SITUATION IN EURASIA DURING THE FORMATION OF THE BASHKIR PEOPLE	51
Peoples and countries of Central Asia in the IVth–VIth centuries (<i>S.G. Klyashtorny</i>)	53
The steppe empire of the Turks (<i>S.G. Klyashtorny</i>)	56
Ancient peoples of the Eurasian steppes (<i>S.G. Klyashtorny</i>)	69
The tribes of the Middle Volga region in the second half of the Ist millennium A.D. (<i>A.V. Bogachev, S.E. Zubov</i>)	84
The Volga Bulgars and Bashkirs (<i>N.A. Mazhitov</i>)	99
The tribes of the Upper and Middle Kama (<i>A.M. Belavin</i>)	108
HISTORICAL BASHKORTOSTAN AND FORMATION OF THE BASHKIR PEOPLE	121
Bashkortostan in the IVth–VIIIth centuries (<i>N.A. Mazhitov</i>)	123
Bashkortostan in the IXth–Xth centuries (<i>N.A. Mazhitov</i>)	147
Bashkortostan in the Xth–XIIth centuries (<i>N.A. Mazhitov</i>)	157
AGE OF THE GOLDEN HORDE IN THE HISTORICAL FATE OF THE BASHKIR PEOPLE	169
Bashkortostan in the Golden Horde (<i>N.A. Mazhitov, G.N. Garustovich</i>)	171
Bashkortostan after the collapse of the Golden Horde (<i>N.A. Mazhitov, I.V. Zaitsev</i>)	195
RELIGIOUS IDEAS OF BASHKIRS	206
Religion and beliefs of the early Turks (<i>S.G. Klyashtorny</i>)	207
The spread of Islam among the Bashkirs (<i>G.N. Garustovich</i>)	212
SOCIAL IDEALS AND SOCIAL ORGANIZATION OF BASHKIRS' LIFE	229
Social ideals and social system in Ancient States (<i>S.G. Klyashtorny</i>)	231
Tribal organization of Bashkirs (<i>R.M. Yusupov</i>)	237
The social structure of the Bashkir society (<i>R.M. Yusupov</i>)	249
The development of the internal organization of the Bashkir society (<i>R.M. Yusupov</i>)	260
Weapons and military science of the Bashkirs (<i>V.V. Ovsyannikov</i>)	268

ANTHROPOLOGY OF THE BASHKIR PEOPLE	277
Anthropological characteristics of the population of the Ural steppe of the Early Middle Ages (<i>R.M. Yusupov</i>)	279
The physical types of the Bashkir people (<i>R.M. Yusupov</i>)	287
SPIRITUAL AND MATERIAL CULTURE OF THE BASHKIR PEOPLE	305
Folklore (<i>F.A. Nadrshina</i>)	307
Folk musical culture (<i>F.G. Galieva</i>)	319
On the history of the Bashkir literary language of the Middle Ages (<i>I.G. Galautdinov</i>)	325
The place of the Bashkir language in the Kipchak subgroup of the Turkic languages (<i>O.A. Mudrak</i>)	333
Bashkir Literature of the Middle Ages (<i>M.Kh. Nadergulov</i>)	340
The material culture of the Bashkirs of the Middle Ages (<i>Y.A. Absalyamova, E.E. Nechvaloda, E.V. Migranova</i>)	359
THE CONCLUSION (<i>A.V. Psyanchin, V.V. Ovsyannikov</i>)	379
GENERAL SUMMARY (<i>translate by SH. Nafiqoff</i>)	382
SOURCES AND LITERATURE	385
ABBREVIATIONS	404
AUTHOR INDEX (<i>compiled by I.H. Kajumov, L.H. Allamuratova</i>)	405
PLACE NAMES INDEX (<i>compiled by I.H. Kajumov, R.R. Sultanov</i>)	409

История башкирского народа : в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа.: Гилем, 2012. – 416 с.: ил. – ISBN 978-5-02-037008-1.

Т. II. – 2012. – ISBN 978-5-91608-100-8 (т. 2) (в пер.)

Второй том «Истории башкирского народа» охватывает период с V до середины XVI века. На основе данных археологии, антропологии, этнографии, свидетельств письменных источников и фольклорных памятников рассматриваются вопросы этногенеза, происхождения и ранние этапы истории башкирского народа. Характеризуется материальная культура, язык, литература и устное народное творчество указанного периода.

Научное издание

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

в семи томах

II том

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук и Отделением гуманитарных наук
Академии наук Республики Башкортостан

Редакторы	<i>Е.Р. Малая</i>
Оформление и верстка	<i>С.М. Ефименко</i>
Корректор	<i>Ф.А. Каримова</i>

Подписано в печать 28.12.2012. Формат 60х84 ¹/₈. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,36 + 0,47 вкл.
Тираж 10000 экз. Заказ № 2.0199.12.

Издательство «Гилем» АН РБ
г. Уфа, ул. Кирова, 15
Тел./факс.: (347) 273-05-93, 272-79-46
E-mail: gilem@anrb.ru

Отпечатано с готовых файлов на Государственном унитарном предприятии
Республики Башкортостан Уфимский полиграфкомбинат.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.